

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ
ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ В. Г. БЕЛИНСКОГО
Историко-филологический факультет
Кафедра «Русский язык и методика преподавания русского языка»
МОЗЫРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ И. П. ШАМЯКИНА
Кафедра белорусской и русской филологии

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ВОПРОСЫ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Материалы
Международной научно-практической конференции

г. Пенза, 25–26 марта 2016 г.

Под редакцией
кандидата педагогических наук, профессора Г. И. Канакиной,
кандидата филологических наук, доцента И. Г. Родионовой

Пенза
Издательство ПГУ
2016

УДК 009
ББК 37.014
Я41

Языковая политика и вопросы гуманитарного образования :
Я41 материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 25–26 марта 2016 г.) /
под ред. канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной, канд. филол. наук, доц.
И. Г. Родионовой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2016. – 402 с.

ISBN 978-5-906831-98-9

Сборник содержит материалы Международной научно-практической конференции «Языковая политика и вопросы гуманитарного образования» (Пенза, 25–26 марта 2016 г.).

Издание адресовано широкому кругу читателей: филологам, преподавателям высших учебных заведений и колледжей, учителям школ, аспирантам, магистрантам, студентам – всем, кого интересуют актуальные вопросы языковой политики и гуманитарного образования.

УДК 009
ББК 37.014

ISBN 978-5-906831-98-9

© Пензенский государственный
университет, 2016

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Л. Г. Брутян
(г. Ереван, Армения)

РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКА

Исследование языка в рамках антропоцентрической научной парадигмы, в частности, когнитивной лингвистики, позволяет подойти к описанию столь актуальной сегодня проблемы, как проблема национальной идентичности, ментальности носителей того или иного языка. **Целью** предлагаемого доклада является выявление и описание идентичности русских сквозь призму языка, его категорий и явлений.

Как отмечает Г. Гачев, «главный вопрос для русских – ЧЕЙ? К чему принадлежу?» [Гачев, 2003, с. 404]. Идея принадлежности отражена, в частности, в русских фамилиях с суффиксом – *«ин»*. Например: *Володин, Марусин*.

Для русского дискурса характерно обильное использование (как ни в одном другом языке) уменьшительно-ласкательных суффиксов, являющихся знаком повышенной эмоциональности, уважения, нежного отношения, причём уменьшительно-ласкательные суффиксы присоединяются как к одушевлённым, так и к неодушевленным предметам.

В русском дискурсе часто звучат также формы слов, как *«супчик», «кашка», «хлебушек», «колбаска», «дождичек», «солнышко», «салфеточка», «занавесочка», «шубка», «баночка»* и т.д. и т.п. Перечислять можно очень долго. Легко можно заметить, что в перечисленном ряду наряду со словами, связанными с едой, есть и такие, которые указывают на другие объекты (одежду, предметы обихода, явления природы и т.д.). Такое обильное использование уменьшительно-ласкательных суффиксов в русском дискурсе можно объяснить, с одной стороны, особым, трепетным отношением русских ко всему тому, что раньше, в советские времена, было дефицитом, добывалось из-под полы, с другой, – стремлением быть подчёркнуто вежливыми и мягкими, создавать особую ауру в условиях дефицита материальных благ. Конечно же, играет немаловажную роль и врождённая повышенная эмоциональность русских.

Приведём ещё пару примеров, позаимствованных у С. Г. Тер-Минасовой: «Навеща знакомого в реабилитационном военном госпитале в Химках, я услышала, как пациент – большой высокий человек, сохранивший даже в больничной пижаме свою военную выправку, говорил по телефону: «Я тут попал в *госпиталек*». Между тем сам госпиталь выглядит как огромный неприступный бастион.

Стюардесса, любя пассажиров или демонстрируя любовь, говорила, поглядывая в их билеты: «Третий *салончик*, второй *салончик*, пожалуйста».

В престижном подмосковном санатории на двери была надпись: «*Медсестрички*». Его сотрудники, объясняя, как пройти в столовую, говорили: «По *коридорчику* направо», а лекарства давали со словами: «Это Вам *анальгинчик*, *стрептомицинчик* и *ноотропилчик*» [Тер-Минасова, 2008, с. 154–155].

Добавим также, что если в армянской культуре собственные имена с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*Ашотик, Мариамик*) обращены к детям или иногда используются как знак пренебрежительного отношения, то в русской лингвокультуре Ленечками, Анечками называют не только детей, но и взрослых людей. И в этом – проявление любви и нежного отношения.

Экспрессивность – «общепризнанная особенность русской культуры коммуникации» [Козлова, 1999, с. 232]. По наблюдениям Анны Вежбицкой, для русской

речи характерен высокий эмоциональный накал и богатство языковых средств для выражения эмоций и эмоциональных оттенков [см. Вежбицкая, 1997, с. 33–34]. О повышенной эмоциональности и экспрессивности русских говорит хотя бы тот факт, что в словаре Т. В. Летаговой, Н. Н. Романова и А. В. Филлипова «Тысяча состояний души. Опыт психолого-филологического словаря», вышедшем в свет в Москве в 2003 г., содержится 1500 наименований эмоционально-экспрессивных состояний.

Знаком повышенной эмоциональности русских является и использование восклицательного знака. Вот что пишет об этом, сравнивая использование восклицательного знака в русском и английском языках, С. Г. Тер-Минасова: «В русском языке восклицательный знак употребляется гораздо чаще, чем в английском, что свидетельствует, возможно, о большей эмоциональности и, очевидно, о более открытом проявлении эмоций. В русском языке восклицательный знак ставится после обращения в письменной форме – в любом жанре переписки: в деловой, частной, официальной и т.д.

В английском языке во всех этих жанрах ставится запятая, что часто вызывает конфликт культур. Носители английского языка недоумевают по поводу восклицательного знака в письмах, написанных русскими: *Dear John! Dear Smith! Dear Sir/Madam!* Русскоязычные же обижаются на запятую после имени: не уважают нас, восклицательного знака пожалели, что это за *Dear Svetlana ?!*» [Тер-Минасова, 2008, с. 159].

О повышенной эмоциональности русских свидетельствует и *категория рода*, отсутствующая в армянском и английском языках и способствующая в русском языке «олицетворению окружающего мира, придавая ему человеческие свойства, разделяя неодушевлённые предметы на мужские, женские и «средние» (то есть не соотнесенные с мужским или женским началом), что тоже отражает ... особую связь с природой – более романтическую и более интимную одновременно» [там же].

Выбор между «*ты*» и «*вы*» тоже предоставляет больше возможностей для выражения эмоциональных оттенков и состояний, что, в свою очередь, формирует высокую степень эмоциональности русских («*Пустое вы сердечным ты! Она обмолвись заменила...*»).

Русский говорит «*мы с женой*», «*мы с другом*», и в таких конструкциях – идея объединительности, совместности действия. С этой идеей совместности связано и такое качество, как эмпатия, особенно ярко проявляемое в дискурсе лиц женского пола, а также во врачебном дискурсе благодаря употреблению местоимения «*мы*» вместо «*ты*». Примеры: «*Мы сейчас оденемся*» (мама ребёнку); «*Как мы сегодня себя чувствуем?*» (врач пациенту). Идеи совместности, принадлежности к сообществу, эмпатийности ярко проявляются и в русском научном дискурсе (особенно советского периода), в котором «*мы*» доминирует над «*я*». В дискурсе указанного типа, помимо отмеченных качеств, отражается и такая черта, как скромность, не выпячивание своего «*я*».

Знаковым для русского человека словом является «*авось*», неперебиваемое на другие языки. В этом маленьком, но ёмком по содержанию слове заключена вера русских в судьбу и, как следствие, бездействие, ничегонеделание. Вместе с этим в этом слове заложен элемент риска: «*вдруг пронесёт*», «*вдруг повезёт*». Русские любят рисковать, и эта особенность русской природы отражена в таких поговорках, как «*Кто не рискует, тот не выигрывает (не пьет шампанское)*», «*Риск – благородное дело*», «*Волков бояться – в лес не ходить*». При этом в характере русских одновременно встречается и противоположная черта: излишняя подозрительность и осторожность, что отражено в поговорках типа «*Доверяй, но проверяй*», «*Дружба дружбой, а служба службой*».

Знаковым для понимания менталитета русских является и слово «*как бы*». Оно ярко характеризует русскую языковую личность. Американская журналистка

К. Богерт считает, что комплекс неполноценности «сидит в сердце каждого русского». Можно сравнить постоянную улыбку американца как сигнал «я держусь» и неуверенное «как бы» русского. Евгений Евтушенко пишет по этому поводу: «У меня есть такое сатирическое стихотворение «В государстве по имени Как бы». Вы заметили, что сейчас очень часто люди употребляют словосочетание «как бы»? Почему? А потому, что в жизни нашей очень много вот этого «как бы». Спрашиваешь: «А ты честный человек?» – «Ну, как бы, честный». Даже говорят «Я как бы влюблена». Поэтому я написал это сатирическое стихотворение...

В. Елистратов в эфире «Эха Москвы» объяснял распространение этого «как бы» не только характерной для современного человека философией ухода от ответственности за слова и дела, но и тем, что русский язык вообще не любит определённости [см. Манукян, 2010, с. 18–19].

Слово-паразит «как бы», таким образом, тоже указывает на такие черты русской ментальности, как уход от ответственности, неуверенность, любовь к неопределённости.

Одной из характерных особенностей русской грамматики (синтаксиса), отражающих языковое мышление русских, является большая продуктивность безличных предложений, на которых «лежит печать «русскости». Вытеснение личных предложений безличными Анна Вежбицка объясняет особой ориентированностью русского семантического универсума и, в конечном счёте, русской культуры, языковой идеологии, русской языковой картины мира... Русский язык, по А. Вежбицкой, всячески поощряет (в отличие, например, от английского) преобладающую в русской культуре традицию рассматривать мир как *совокупность событий*, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому уразумению, которыми человек не в состоянии полностью управлять» [Тер-Аракелян, 2002, с. 143].

Русского человека характеризует вера в судьбу, миропонимание, когда воля превращается в безволие, ибо ничего нельзя изменить с её помощью. Воля – это способность к действию. Как ещё одно подтверждение этому – обилие в русском языке предложений дативного типа, в которых человек предстаёт пассивным участником перемен, от него не требуется волевых усилий... В «Слове к народу» А. Солженицына на 3-х страницах 20 таких предложений: *Как нам обустроить Россию* и др.» [Маслова, 2008, с. 186].

Р. А. Тер-Аракелян в «Лекциях по переводной грамматике» пишет: «Сравнивая русский и английский языки, Анна Вежбицкая отмечает, что существует два разных подхода к жизни: можно рассматривать человеческую жизнь с точки зрения того, что *делаю я*, а можно подходить к жизни с позиции *что случается со мной*. Английский язык (и армянский) представляет все жизненные события так, как будто они нам подвластны, мы управляем ими, даже если речь идет о необходимости или невозможности: *I must, I can*. По-русски тоже можно сказать *Я должен* или *Я могу*. ... Но в русском более типичны предложения с дательным падежом: *Мне надо/нужно/можно/нельзя*... Если предложение с *Я должен* выражает необходимость, признаваемую самим говорящим, то в предложении с *Мне надо* говорится о том, что навязано ему извне, неконтролируемо личностью, о событиях, которые случаются в жизни как бы сами собой и за которые личность не несёт ответственности. Русские в большинстве случаев отдают предпочтение последним.

Так, по сравнению с *Я хочу* в русском языке намного чаще употребляется *Мне хочется*, которое выражает необъяснимое, неопределённое желание, тогда как *Я хочу* декларирует желание, подкреплённое волей говорящего: *Хочу я с небом примириться, хочу любить, хочу молиться, хочу я веровать добру* (Лермонтов)...

Если волевое *Я хочу* экстравертно, направлено вовне, то безличное *Мне хочется* совершенно лишено волевого усилия и инициативы, оно интровертно, «смот-

рит» в душу человека. Вот как по этому поводу рассуждает писатель В. Розанов: «О моё «не хочется» разбивается всякий наскок. Я почти лишён страстей. «Хочется» мне очень редко. Но моё «не хочется» есть истинная страсть... (Пример Е. Яковлевой) [Тер-Аракелян, 2006, с. 31–32].

Пословица «Человек предполагает, а Бог располагает» иллюстрирует заложенное в русском сознании качество снимать с себя ответственность.

Известный литературовед Мариэтта Чудакова в передаче «Линия жизни» (6.1. 2012), говоря о пристрастии русских к выпивке, очень тонко замечает в связи с активным употреблением безличной формы глагола: «Русские говорят: «Нас спаивают», – как будто кто-то насильно, помимо их воли заставляет их пить».

Интересный пример коммуникативной неудачи в связи с использованием и интерпретацией безличной конструкции приводит Д. Б. Гудков: «В одном из кинофильмов, которые смотрела группа американских судентов, был представлен следующий диалог между мужем и женой:

– Почему ты не спишь?

– Что-то не спится.

Американцы восприняли вторую реплику как совершенно тавтологичную, что в данной коммуникативной ситуации было квалифицировано как грубость и отказ продолжать разговор. (Ср.: – Что ты делаешь? – Я делаю то, что делаю; – Почему ты так себя ведёшь? – Потому.)» [Гудков, 2003, с. 220].

В русской грамматике отражена и такая важная черта, как коллективизм, принадлежность обществу, другим, совместность, «Отбор слов в естественном языке отражает становление национального характера, тип человеческих отношений и отношения человека к миру. Русский говорит «у меня есть собака» и даже «у меня есть книга» – на европейские языки буквально перевести это невозможно. В русском языке категория собственности заменена категорией совместного бытия. Принадлежность собаки хозяину мы выражаем глаголом *быть*» [Кара-Мурза, 2001, с. 86].

В русском дискурсе, особенно советского периода – обилие форм императива, что является отражением административно-командной структуры общества («Не курить!»; «По газонам не ходить!»). Это, в свою очередь, формирует и отражает также черты характера русских, как категоричность, грубость, невежливость (при указанных выше любви к неопределённости, вежливости и сердечности).

В конце хотелось бы привести слова выдающегося русского философа Николая Бердяева, который указывает, сравнивая русского человека с западным, на характерные черты менталитета русских: «Когда сравниваешь русского человека с западным, то поражает его недетерминированность, нецелесообразность, отсутствие границ, раскрытость в бесконечность, мечтательность. Это можно видеть в каждом герое чеховского рассказа. Западный человек пригвожден к определенному месту и профессии, имеет затверделую формацию души» [Бердяев, 1991, с. 285].

Проведенный анализ, таким образом, позволяет выявить идентичность русских, составить портрет русской языковой личности, в чём-то противоречивый, «сотканый» из таких, в частности, черт, как повышенная эмоциональность, сердечность, сочувствие, фатализм, бездействие, уход от ответственности, неуверенность, совместность, собранность, скромность.

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии) / Н. А. Бердяев. – М., 1991.
2. Вежицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежицкая. – М., 1997.
3. Гачев, Г. Ментальности народов мира / Г. Гачев. – М., 2003.
4. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – М., 2003.
5. Жданова, Е. А. Три особенности российского менталитета / Е. А. Жданова. – URL: www.elitarium.ru

6. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – М., 2001.
7. Козлова, Т. В. Язык и власть: метафоризация идеологии / Т. В. Козлова // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. – Братислава, 1999. – С. 231–241.
8. Манукян, А. И. Вербальные вирусы в межкультурной коммуникации / А. И. Манукян // Русский язык в Армении. – 2010. – № 4. – С. 17–23.
9. Маслова, В. А. Современные направления в лингвистике / В. А. Маслова. – М., 2008.
10. Тер-Аракелян, Р. А. Безличные предложения и русский менталитет / Р. А. Тер-Аракелян // Лингвистические исследования : сб. науч. работ. – Ереван, 2002. – С. 143–151.
11. Тер-Аракелян, Р. А. Лекции по переводной грамматике / Р. А. Тер-Аракелян. – Ереван, 2006.
12. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М., 2008.

Ф. Ф. Харисов
(г. Казань, Россия)

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОМ И ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительства Республики Татарстан научного проекта № 15-16-16004.

В Российской Федерации проживает более ста наций и народностей. Поэтому отличительная особенность современной языковой ситуации полилингвальной и поликультурной страны – её зависимость от смешанного государственного устройства. Российская Федерация состоит из национально-государственных, национально-территориальных и территориально-административных образований, объединённых в 7 федеральных округов, что создаёт различные предпосылки для развития национальных языков и культур. В начале 90-х гг. прошлого столетия административные образования России, имеющие статус республик, наряду с русским, объявили государственными и свои титульные языки. Так, например, в Татарстане – татарский и русский, Башкортостане – башкирский и русский, Кабардино-Балкарии – кабардинский, балкарский и русский. В некоторых республиках традиционно основными считаются два или несколько языков: например, в Марий Эл – горно-марийский и лугово-марийский, Мордовии – мокша и эрзя.

В мировой практике благополучным считается языковое законодательство Швейцарии, согласно конституции которой государственными с 1847 г. являются немецкий, французский, итальянский, ретороманский языки и официальными – немецкий, французский, итальянский.

Как известно, функционирование национальных языков зависит от численности народа, говорящего на этом языке, способа расселения его носителей, наличия письменности, традиции использования языка в разных сферах общения, степени развития у носителей языка национально-языкового самосознания, социальной потребности в использовании родного языка и культивирования других языков в разных сферах общения.

Анализ специальной литературы позволяет выделить следующие группы носителей языков, по степени владения языками, т.е. владеющие:

- только государственным языком Российской Федерации – русским;
- государственными языками национальных республик;
- только одним национальным языком;
- несколькими языками (один из которых русский);
- несколькими национальными языками страны, но не владеющие русским языком;

- русским, национальным и иностранным языком;
- многими языками (полиглоты) [Харисов, 2003, с. 49–57].

Такое разграничение владения языками связано с билингвальным и полилингвальным характером социума.

Следует признать, что если даже все субъекты Российской Федерации будут иметь равные права, то условия и уровень развития языков, культур этих народов будут неодинаковы. Об этом же говорит академик М. З. Закиев: «По степени и широте применения русско-национальное двуязычие вряд ли поднимется до уровня национально-русского двуязычия. Но это не должно помешать гармоничности его применения там, где нужно обеспечить равноправное и свободное функционирование национальных языков» [Закиев, 1995, с. 22]. Компактное расселение этносов является благоприятным условием расширения социальных функций языков.

Повышение статуса национальных республик и дальнейший политический курс на равноправное развитие всех народов и наций придает новый импульс динамизму межнациональных отношений, межконфессиональной толерантности в культурно-образовательном пространстве, практическим воплощением которого, по нашему мнению, является рассчитанная на долгосрочную перспективу государственная языковая политика нашей страны. Статья 68, п. 2 Конституции РФ гласит: «Республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации» [Конституция (основной закон) Российской Федерации 2000, с. 123]. Принятие закона «О языках народов России» (1991 г.), а также аналогичных законов и подзаконных актов в национальных республиках изменил статус языков и создал объективные условия в решении проблемы двустороннего двуязычия. Причем в лингвистике двустороннее двуязычие иногда называют и паритетным, и гармоничным, и социально-эффективным. Под этим понятием подразумевается обеспечение эффективной, социально сбалансированной коммуникации представителей различных этносов в каждой конкретной языковой ситуации.

Практика показывает, что средством межнационального общения, массовой коммуникации в отдельном государстве, республике, регионе выступает язык (языки), несущий функциональную нагрузку, т.е. активно употребляющийся в деятельности государственных органов, общественных учреждений, как средство обучения – в школах и других учебных заведениях, а также в повседневной жизни. В России таковым является русский язык. В этой связи представляется интересным высказывание Р. Б. Сабаткоева о том, что знание русского языка – одного из самых богатых и развитых международных языков – даёт юному поколению возможность приобрести к духовным ценностям отечественной и мировой культуры, достижениям науки и техники, способствует ещё большему сближению всех наций и народностей нашей страны [Сабаткоев, 1979, с. 28–33]. Вместе с тем по мере развития гармоничного двуязычия в национальных республиках этот статус могут занять и национальные языки, что позволит использовать в качестве средств социального взаимодействия два или несколько языков. Безусловно, основная роль при этом ложится на общеобразовательные организации, которые призваны формировать двуязычную (билингвальную) и многоязычную (полилингвальную) личность.

При билингвизме за первый язык, как правило, принимается родной, а за второй – неродной язык индивидуума (например, для татар – русский, для русских – английский или татарский в Татарстане). В этом случае билингв при общении имеет возможность активно употреблять оба языка в рамках определённой социальной общности с учётом сложившейся ситуации. Причём он может владеть как устной, так и письменной (литературной) речью или только одной формой акта коммуникации.

Билингвизм подразделяется на два типа двуязычия: одностороннее и двустороннее (паритетное, гармоничное или другое) двуязычие. В Республике Татарстан до 30-х гг. XX столетия развивалось двустороннее двуязычие, что было связано с принятием тогда Декрета об обязательном изучении татарского языка во всех государственных учреждениях (1921 г.). Дальнейшие известные перегибы в области национально-языковой политики стали причиной развития одностороннего двуязычия, что привело к исчезновению многих языков страны. Двуязычными становились нерусские народы нашей страны, т.е. в этот период преобладало национально-русское двуязычие (татарско-русское, башкирско-русское, чувашско-русское и т.д.).

Второй этап паритетного двуязычия берёт свое начало с 90-х гг. прошлого столетия, так как в национальных республиках были приняты законы о языках, согласно которым национальный язык объявлен государственным наравне с русским. Для нас становится привычным словосочетание русско-национальное двуязычие (русско-татарское, русско-башкирское, русско-чувашское и др.), предполагающее знание других национальных языков русскоязычными.

Новая языковая ситуация, сложившаяся в Российской Федерации в постсоветский период, значительно расширила функциональные границы двуязычия (многоязычия): в стране сейчас естественной нормой считается как национально-русское, так и русско-национальное двуязычие, а во многих случаях – национально-национальное двуязычие. «Русско-национальное двуязычие, когда русские изучают язык людей другой национальности, проживающих в России, – справедливо отмечают В. В. Макаев, З. А. Малькова, Л. Л. Супрунова, – содействует включению носителей русской культуры в уникальный мир проживающих в России этносов, формированию уважительного отношения к другим народам» [Макаев и др., 1999, с. 24–25]. Вместе с тем владение языками (особенно национальными) остаётся на достаточно низком уровне. Таким образом, для развития гармоничного, социально эффективного двуязычия в полилингвальной и поликультурной стране необходимо:

- всемерно развивать и укреплять русско-национальное двуязычие, создавая для этого необходимую социально-правовую и финансовую основу;

- постоянно укреплять национально-русское двуязычие. Русский язык есть надежное хранилище универсальной информации человечества, мощное средство межнациональной коммуникации в полилингвальном государстве. Через русский язык открывается широкая возможность выхода к достижениям мировой цивилизации, так как по оценкам наших и зарубежных специалистов около 80 % всей информации, накопленной в мире можно выразить на двух языках – английском и русском;

- сформировать у индивидов ситуацию реального психологического доминирования родного языка при изучении второго;

- при любых видах двуязычия (многоязычия) признавать доминирующую роль родного языка. Только родной язык способен передавать сокровенное, сугубо индивидуальное, присущее ему бесценное духовное богатство, раскрывать характерные особенности, национальную психологию народа. В этом и заключается неоспоримая уникальная ценность каждого языка;

- поднять на качественно новый уровень обучение национальным и русскому языкам, исходя из требований подготовки всесторонне развитой билингвальной языковой личности и, как мы полагаем, являющегося гарантом безопасности и целостности многонационального государства;

- повысить престиж, социальную значимость национальных языков в российском социокультурном пространстве [Firaz Kharisov and Chulpan Kharisova 2014, с. 439–443].

Следовательно, владение государственным языком России – русским всеми гражданами нашей страны, государственными языками национальных республик –

русскоязычными – прямой путь к межконфессиональной толерантности и диалогу культур в Российской Федерации.

Список литературы

1. Закиев, М. З. Татары: Проблемы истории и языка / М. З. Закиев // Сборник статей по проблемам лингвистики, возрождения и развития татарской нации. – Казань, 1995. – С. 22.
2. Конституция (основной закон) Российской Федерации : официальный текст по состоянию на 1 апреля 1999 года. – М. : АСТ, 2000. – С. 123.
3. Сабаткоев, Р. Б. Проблемы обогащения синтаксического строя русской речи учащихся национальных школ : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Сабаткоев Р. Б. – М., 1979. – С. 28–33.
4. Макаев, В. В. Поликультурное образование – актуальная проблема современной школы / В. В. Макаев, З. А. Малькова, Л. Л. Супрунова // Педагогика. – 1999. – № 4. – С. 24–25.
5. Харисов, Ф. Ф. Двуязычие и многоязычие как социальная потребность полилингвального общества / Ф. Ф. Харисов // Филология и культура = Philology and Culture. – 2003. – № 1. – С. 49–57.
6. Kharisov, F. Bilingualism and multilingualism in a globalized society / Firaz Kharisov and Chulpan Kharisova // Life Science Journal. – 2014. – P. 439–443. – URL: <http://www.lifesciencesite.com>.

Г. И. Канакина
(г. Пенза, Россия)

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Одна из основных задач российского образования – дать каждому необходимый объём гуманитарного знания, которое составляет основу самоидентичности народа. Гуманитарные знания имеют большое значение в подготовке специалистов любого профиля, так как они составляют базу формирования мировоззрения, системы общечеловеческих ценностей, позволяют определить жизненные приоритеты и выработать жизненную позицию, формируют культурное пространство специалиста любой профессии.

Образование не может быть негуманитарным, поскольку гуманитарная составляющая – первооснова образования вообще. И в первую очередь речь должна идти о повышении в образовательном процессе роли таких предметов, как русский язык, русская литература, отечественная история, естественно, в контексте всего богатства национальных традиций и культуры.

Один из известных философов современности Г. Н. Филонов, посвятивший немало научных работ проблемам развития общества и образования, отмечал: «Стратегическое и ценностно-смысловое обустройство социально-экономической, социокультурной и духовно-нравственной жизнедеятельности нашего общества с ориентацией на человеческий потенциал обретает общенациональное значение. Для этого необходимы политическая воля и компетентные социально-управленческие функции законодательных и исполнительных структур всех уровней, включая широкий спектр гражданских сообществ и движений» [Филонов, 2013, с. 50]. По вполне понятным причинам современное общество более ориентировано на подготовку специалистов технического профиля, в совершенстве владеющих информационными технологиями, но зачастую лишённых общей гуманитарной культуры. А это чревато самыми серьёзными последствиями, так как технический прогресс способен оборачиваться нравственным, духовным и культурным регрессом. В то же время ощущается потребность общества и работодателей в особом типе специалиста гуманитарного профиля, владеющего знаниями и навыками межкультурного общения.

В нашей стране гуманитарная парадигма в образовании формируется и реализуется с опорой на программные государственные документы, предполагающие осуществление преобразований в структуре, содержании и методах управления системой образования. Разработкой стратегий гуманитаризации были призваны заниматься Координационный совет по гуманитарному образованию при Миннауки РФ и Минобразования РФ, Республиканский центр гуманитарного образования, Управление гуманитарного образования. С этой целью был создан Российский гуманитарный научный фонд. К сожалению, с этого года его деятельность как самостоятельной организации прекратилась. В качестве исходной нормативно-правовой основы реформ принимались такие документы, как Распоряжение Правительства РФ «О Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2011–2015 г.».

В основе гуманитарного образования лежит язык: «Особая роль в образовательной среде принадлежит языковой составляющей. Интенсивное развитие гуманитарного знания, антропоцентризм современной науки предполагают особое внимание к языку и речи, так как именно в них и только через них человек может осуществиться как личность» [Козырев, 2012, с. 5]. Предназначение языка определяется тем, что язык служит средством коммуникации, регулирует социальные отношения, ориентирует человека в окружающей действительности, хранит историческую и культурную память народа, служит источником знаний о человеке и мире.

Следует заметить, что русский язык в нынешней языковой ситуации испытывает воздействие ряда негативных факторов: увеличение потока не всегда оправданных заимствований; расширение сферы применения жаргонизмов, активно используемых в СМИ и публичной речи; ухудшение качества преподавания русского языка и литературы в школе из-за явно недостаточного количества часов при устойчивой тенденции к их сокращению; практическое сведение школьного курса русского языка в старших классах к подготовке к ЕГЭ и многое другое. Безусловно, как отмечают учёные-лингвисты, «русский язык справится с нелепыми ошибками своих носителей и сбережёт себя для следующих поколений. Но за безразличием к языковому бытию стоит ущербность нашего языкового сознания, а следовательно, и самосознания. Поэтому родной язык, культура и история народа, определяющие «самостоянье человека, залог величия его» (А. С. Пушкин), должны быть положены в основание отечественной системы образования» [Владиминова, 2014, с. 115].

Соответствующие векторы образования в данной ситуации задаёт государственная политика в области языка и культуры, которая в нашей стране осуществляется в следующих направлениях:

- сохранение нематериального культурного наследия, в том числе языка как сокровища духовной культуры народа;
- повышение культуры устной и письменной речи граждан России;
- борьба с вульгаризацией русского языка;
- поддержка русского языка в образовательной политике, науке и культуре.

В своих посланиях Федеральному собранию и других выступлениях президент РФ В. В. Путин неоднократно говорил о готовности поддерживать и сохранять русский язык и литературное наследие России. К сожалению, многие проблемы в этой области не решаются так быстро, как бы хотелось.

24 июня 2014 г. в Общественной палате РФ состоялся круглый стол «Современное школьное образование в области русского языка и литературы: проблемы и пути их решения», на котором были приняты рекомендации о преподавании русского языка и литературы в школе. В констатирующей части этого документа было отмечено следующее: «Преподавание русского языка и литературы в современной российской школе во многом потеряло связь с духовно-нравственным воспитанием молодежи, не справляется с катастрофическим падением речевой и читательской

культуры школьников. Вызывает серьёзную обеспокоенность статус учителя русского языка и литературы. Многие вопросы, связанные с нормативно-методической базой преподавания русского языка и литературы, остаются не проясненными для большей части педагогов, механизмы сохранения и повышения мотивации к изучению предметов «русский язык» и «литература» разных категорий обучающихся не работают, вводимые Федеральные государственные образовательные стандарты имеют массу недоработок и фактически не решают задач повышения качества обучения русскому языку и литературе, часть учебников, рекомендованных Министерством образования РФ и науки к использованию в учебном процессе, не отвечает в полной мере современным целям и задачам изучения этих дисциплин в школе...» [Круглый стол URL].

20–25 июня 2015 г. в Москве прошёл Всероссийский семинар-совещание «Языковая политика в сфере образования: инструмент формирования общероссийской гражданской идентичности». По мнению участников семинара, формирование общероссийской гражданской идентичности с учетом языковой ситуации в субъектах Российской Федерации – вопрос, который нуждается в выработке детальной концепции [Всероссийский семинар-совещание 2015].

Характеризуя образование как ценность, учёные обращают внимание на три его аспекта: образование как государственная ценность; образование как общественная ценность и образование как личностная ценность [Гершунский, 1998, с. 35]. Языковое образование, с этой точки зрения, имеет особую ценность, так как оно способствует развитию личности, её адаптации к изменяющимся социальным, экономическим, политическим и технологическим условиям, формированию национального самосознания.

Постановлением Правительства РФ от 20.05.2015 № 481 была принята Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2016–2020 гг. Цель Программы – развитие всестороннего применения, распространения и продвижения русского языка как культурного и образовательного единства России. Задачами Программы являются: совершенствование условий для всестороннего развития русского языка как государственного языка РФ и как языка межнационального общения; совершенствование условий для развития кадрового и методического потенциала в сфере обучения русскому языку; совершенствование условий для продвижения русского языка, российской культуры и образования [Федеральная целевая программа URL].

В этих условиях особую значимость приобретает подготовка учителя-словесника, формирование его лингвометодической компетенции, т.е. способности продуктивно решать профессиональные задачи в области языкового образования школьников на основе системы знаний по русскому языку и методике преподавания русского языка через осознание метапредметной функции родного языка и его статуса как национально-культурного феномена; через сформированность ценностных ориентаций педагога как человека, обладающего духовно-нравственной культурой.

Однако определённые трудности в реализации языкового образования, на наш взгляд, создаёт «постоянная» модернизации как высшего, так и среднего общего образования. Почти ежегодная смена стандартов подготовки бакалавров педагогического образования нарушает стабильность в работе педвузов, что, к сожалению, не способствует фундаментальности языкового образования. А переход на отдельную подготовку бакалавров по профилям «Русский язык» и «Литература» не только не способствовал повышению качества подготовки будущих учителей, но и породил новые проблемы, в частности проблемы с трудоустройством. Мы понимаем, что ключевым принципом обучения, основанного на компетенциях, является ориентация на результаты, значимые для сферы применения. Так, для учителя русского языка важна лингвистическая подготовка, а для учителя литературы соответственно

литературоведческая подготовка. Вследствие этого учитель-словесник в привычной на сегодняшний день практике средней школы перестанет существовать, уступив место «узкому» предметнику, что мы не считаем позитивным изменением для преподавания обоих предметов. Такое положение дел привело нас к необходимости создания учебного плана и ОПОП подготовки бакалавров по «сдвоенному» профилю «Русский язык, Литература», что соответствует запросам современной школы и обеспечивает конкурентоспособность наших выпускников. Однако следует заметить, что на освоение профильных дисциплин программы бакалавриата отводится всего около 50 % учебного времени, что ведёт к ослаблению предметной подготовки учителя-словесника. К большому сожалению, введённый в январе 2016 г. стандарт педагогического образования (ФГОС 3+) не исправляет существующего положения.

Говоря о важности компетентного подхода в подготовке учителя, отметим, что в последнее время просматривается определённый перекоп в сторону формирования практических навыков и умений в ущерб накоплению и приумножению объёма знаний. Не следует забывать, что компетентный подход требует от любого специалиста прежде всего овладения целым рядом компетенций, т.е. осведомлённости в разных сферах человеческого знания: интеллектуальной, правовой, информационной, социальной, коммуникативной и других. Современное общество требует постоянного труда по выработке *новых знаний*. Добиться этого без опоры на предшествующий опыт практически невозможно. Кроме того, обнаруживается явное противоречие между потребностью общества в высококвалифицированных специалистах и сокращением количества часов, отводимых в учебном плане на их предметную подготовку. Устойчивая тенденция к увеличению доли самостоятельной работы студентов не способствует повышению уровня профессиональной компетентности выпускников педагогических вузов.

Подобную картину можно наблюдать и в общеобразовательной школе. Утверждённый Минтруда «Профессиональный стандарт педагога» в Приложении Б представил требования к учителю русского языка. По мнению его авторов, все школьные педагоги должны быть специалистами-универсалами: освоить новейшие методики преподавания, знать психологию, разбираться в медицине, освоить коррекционную педагогику, компьютерную технологию и проектную деятельность, а также многое другое. Этот профессиональный стандарт пока во многих своих положениях никак не согласован со стандартами подготовки бакалавров педагогического образования. Кроме того, не успели ввести в школьную практику ФГОС второго поколения, как учительскому сообществу была предложена для обсуждения «Концепция школьного филологического образования», которая во многих положениях расходится со стандартом.

Одним из приоритетных направлений национальной доктрины образования в 90-х гг. XX в. явилось введение профильного обучения на старшей ступени общеобразовательной школы в целях обеспечения профессиональной ориентации и профессионального самоопределения учащихся. Появились профильные гуманитарные классы, где большое внимание уделялось углублённому изучению русского языка и литературы. В целях подготовки будущих учителей к работе в классах гуманитарного профиля кафедра включила в учебные планы разнообразные курсы по выбору, которые помогают студентам определиться с темами исследовательских работ, а в будущем создать на их основе программы факультативных и элективных курсов по русскому языку для своих учеников. Однако переход к профильной школе оказался почти не востребованным в связи с изменившимися условиями поступления выпускников школ в высшие учебные заведения. Приём по результатам ЕГЭ заставляет абитуриентов выбирать доступный им по набранным баллам профиль

обучения, даже если он не соответствует их намерениям и занятиям в классах выбранного ранее профиля.

Выпускник школы, готовящийся получить аттестат зрелости, должен войти во взрослую жизнь человеком высокой языковой культуры, уметь осознанно и грамотно пользоваться языком как средством мышления, общения с миром, самовыражения, быть носителем высокой общей культуры. И к этому его должен подготовить профессионал, получивший в педагогическом вузе серьёзную языковую подготовку.

Список литературы

1. Владимирова, Т. Е. Онтологические основания образовательной парадигмы / Т. Е. Владимирова // Метафизика. – 2014. – № 4. – С. 107–121.
2. Всероссийский семинар-совещание «Языковая политика в сфере образования: инструмент формирования общероссийской гражданской идентичности»: сб. материалов. – М.: НФ «Международных интеграционных технологий», 2015.
3. Гершунский, Б. С. Философия образования для XXI века / Б. С. Гершунский. – М.: Совершенство, 1998.
4. Козырев, В. А. Современная языковая ситуация и речевая культура: учеб. пособие / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. – М.: Флинта: Наука, 2012.
5. Круглый стол «Современное школьное образование в области русского языка и литературы: проблемы и пути их решения». – URL: <http://uchitel-slovesnik.ru>
6. Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2016–2020 годы. – URL: <http://base.garant.ru>
7. Филонов, Г. Н. Рефлексивный потенциал социальных трансформаций / Г. Н. Филонов // Педагогика. – 2013. – № 7. – С. 43–50.

*С. Б. Кураш, В. Н. Сергей
(г. Мозырь, Беларусь)*

НЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ НА ФОНЕ ЕВРОПЕЙСКИХ (РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЫПОЛНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В МГПУ ИМ. И. П. ШАМЯКИНА)

Конец XX – начало XXI в. – время существенной активизации целого ряда неологических процессов – возникновения новых и модификации уже существующих жанров, текстотипов, размывания стилевых и жанровых границ, расширения дискурсивных контактов между различными речевыми практиками и т.д. Такие динамические «обострения» являются характерными для речевой картины рубежных эпох.

Актуальность обращения к неологическим процессам в сфере современных дискурсивных практик обусловлено природой самого материала исследования: в последние года XX и первые полтора десятилетия XXI вв. культурно-языковая ситуация на постсоветском пространстве определяется исследователями как «праздник вербальной свободы», что и обуславливает «актуализацию проблем, связанных из анализом языковых инноваций» [Попова, 2005, с. 2].

Мощными влиятельными факторами в этом отношении оказывается расширение коммуникативного пространства за счёт активизации межкультурных контактов и значительного расширения сфер электронной коммуникации (развитие интернет-технологий и мобильной телефонии). Это коммуникативное пространство активно покрывается как имеющимися в языке, так и вновь создаваемыми в нём (либо заимствующимися из других языков) языковыми феноменами различной семиотической сложности (лексемами, фраземами, афоризмами, концептами, метафорами,

текстотипами, жанрами, интертекстами), вызывает сдвиги в функционально-стилевой системе языка. К тому же подобные инновации являются предметом рефлексирования самого различного характера: оцениваются с точки зрения чистоты языка, речевой культуры общества, способности влиять на те или иные аудитории и социальные группы; становятся текстообразующими, концептуализируются в различных типах дискурса (художественном, публицистическом, научном); подвергаются языковому обыгрыванию, пародированию и т.п.

Поскольку в данный момент эти процессы идут достаточно быстрыми темпами, их фиксация и лингвистическая интерпретация не могут считаться исчерпывающими и достаточными. В особенности это касается Республики Беларусь, где данные процессы накладываются на билингвальный характер языковой ситуации.

Очерченная проблематика на протяжении последних лет является основным содержанием ряда совместных научных проектов, в число разработчиков и исполнителей которого входят сотрудники Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина и Могилёвского государственного университета имени А. Кулешова. Так, с 2011 по 2015 гг. в рамках задания 4.1.20 «Лингвистические образные средства в языке художественной литературы в условиях межкультурного диалога», включённого в Государственную программу научных исследований (ГПНИ) Республики Беларусь «История, культура, общество, государство» силами исследователей из названных выше вузов выполнялся проект **«Активные языковые процессы в сфере стилей, текстов и жанров в условиях межкультурного диалога и электронной коммуникации»** (научный руководитель – к.ф.н., доцент С. Б. Кураш) [Подробнее см., Иванов 2014].

Объектами исследования явились тексты различных стилей и жанров, функционирующие в современном коммуникативном пространстве Республики Беларусь, отдельные лексические и неоднословные единицы русского языка, тематически связанные со сферой межкультурной и электронной коммуникации, а также процесс их рефлексивного осмысления в современных речевых практиках. В процессе исследования активно использовались отдельные методы корпусной лингвистики: обращение к ресурсам Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), корпусов белорусского, немецкого, английского и французского языков, ресурсам онлайн-поисковых систем и др.

К числу основных результатов минувшей научной пятилетки можно отнести следующие:

- создан электронный каталог фразеологических, паремиологических и афористических единиц белорусского языка, тематически связанных с информативным пространством межкультурного диалога и электронной коммуникации в Республике Беларусь;
- установлены дискурсивно обусловленные структурные и функциональные параметры устойчивых словесно-речевых структур современных белорусского и русского языков;
- уточнено происхождение ряда афористических единиц в современном белорусском языке, которые относятся к заимствованным и/или интернациональным клише; определены источники происхождения, динамика, способы функционирования и жанрово-стилистическое распределение иноязычных афористических единиц, которые активно функционируют в электронной коммуникации на белорусском языке;
- определены методологические принципы изучения устойчивых словесно-речевых структур современного белорусского языка и современного русского языка в аспекте межкультурного диалога и электронной коммуникации;
- создан корпус учебных текстов комического характера для целей преподавания РКИ; качестве анализируемых элементов использовались как тексты русских

и белорусских учебников, так и тексты учебников, изданных за рубежом, что позволит в дальнейшем выявить логико-формальные и содержательные признаки структурной организации вербальных комических текстов, а также разработать и описать общие принципы понимания данных текстов в современной иноязычной аудитории;

- создан корпус вторичных текстов (издательских аннотаций); анализ современных текстов издательских аннотаций позволяет определить аннотацию как пограничный жанр, несущий в себе признаки репродуктивного и интерпретативного жанров;

- создан корпус французских, немецких и соответствующих русских высказываний с нарушением грамматических и семантических норм их составляющих, определён характер их функционирования в различных дискурсивных практиках;

- предложен опыт неологического анализа ряда ономастических единиц и фразем с точки зрения их семантики, реализуемой вне прямой референции, и фиксации их в неоконтекстах, в том числе и в неканонической сочетаемости;

- выявлены и описаны факты языковой рефлексии относительно средств и способов электронной коммуникации; основное внимание уделено специфике юмористической языковой оценки электронной коммуникации; исследованы отдельные примеры метаязыка электронной коммуникации в сетевой литературе и бытовом дискурсе;

- осуществлён обзор проблематики, связанной с применением корпусных методов в лингвометафорологических исследованиях, в том числе с целью выявления фактов языковой рефлексии относительно концепта «метафора» в современных дискурсивных практиках; установлено, что концепт «метафора» – чрезвычайно ёмкий и сложный, семиотически амбивалентный, семантически подвижный, и наиболее полное представление о его смысловом объёме можно получить только из аналитического обобщения большого корпуса употреблений данного слова в различных видах дискурсивных практик;

- собран и исследован корпус современных репрезентаций базовой метафоры «мир как текст»; установлено, что данная формула в современных дискурсивных практиках вышла далеко за рамки постмодернистского интеллектуального философско-публицистического и литературно-художественного дискурса и стала – в различных своих вариациях – одной из доминантных для русской языковой картины мира в целом, постепенно расширяя зону своего распространения за счёт включения в неё новых понятий и сфер человеческой деятельности, окончательно закрепив за собой статус одной из тех метафор, «которыми мы живём», по знаменитому выражению выдающегося метафоролога Дж. Лакоффа.

Исполнители проекта выступили инициаторами проведения следующих научных мероприятий:

Неделя русской филологии и VI Международная научная конференция «Текст. Язык. Человек» (г. Мозырь, МГПУ им. И. П. Шамякина, 23–27 мая 2011 г.; при поддержке Фонда «Русский мир» и Представительства Россотрудничества в Республике Беларусь – Российского центра науки и культуры в Минске); II Международная научно-практическая конференция «Современные иностранные языки: проблемы функционирования и преподавания» (г. Мозырь, МГПУ им. И. П. Шамякина, 7 октября 2011 г.); III Международная научная конференция «Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте» (г. Могилёв, МГУ им. А. Кулешова, 14–15 октября 2011 г.); II Республиканская научная Интернет-конференция «Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе Республики Беларусь» (г. Могилёв, МГУ им. А. Кулешова, 5 октября – 5 декабря 2012 г.); Неделя русского слова и VII Международная научная конференция «Текст. Язык. Человек» (г. Мозырь, МГПУ им. И. П. Шамякина, 20–25 мая 2013 г.; при поддержке

Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований и Представительства Россотрудничества в Республике Беларусь – Российского центра науки и культуры в Минске); Неделя русского слова и VIII Международная научная конференция «Текст. Язык. Человек» (г. Мозырь, МГПУ им. И. П. Шамякина, 11–15 мая 2015 г.; при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований и Представительства Россотрудничества в Республике Беларусь – Российского центра науки и культуры в Минске). В реализации данного научно-образовательного проекта, посвящённого 70-летию со Дня победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., активное участие приняли учёные из Пензенского государственного университета, исследования которых были непосредственно связаны с темой Великой Победы. Это, в частности, доклады Г. И. Канакиной «Вербальная реализация концептов «война» – «победа» в произведениях пензенских поэтов», М. Г. Лунновой «Языковые особенности разговорной речи пензенских летчиков – ветеранов Великой Отечественной войны», И. Г. Родионовой и Л. Б. Гурьяновой «Языковые особенности текстов мемориальных досок, посвящённых Великой Отечественной войне (на материале Пензенского региона)».

В проведении нескольких научных конференций члены научного коллектива приняли участие в статусе соорганизаторов: III Международная научно-методическая конференция «Лингвистические и методические аспекты преподавания иностранных языков» (г. Белгород, Россия, НИУ БелГУ, 17–18 ноября 2011 г.); IV Международная научно-методическая конференция «Лингвистические и методические аспекты преподавания иностранных языков» (г. Белгород, Россия, НИУ БелГУ, 22–23 ноября 2013 г.); Международная научная студенческая конференция «SCIENCE LOOKS AHEAD – 2014» (г. Луганск, Украина, «Восточноукраинский национальный университет им. Владимира Даля, 24 апреля 2014 г.); Международная научно-практическая заочная конференция «Лингвистические горизонты» (г. Белгород, Россия, НИУ БелГУ, 28-29 октября 2014 г.); XV Международная научная конференция «Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты» (г. Орехово-Зуево, Московский государственный областной гуманитарный институт, 11–14 мая 2015 г.).

По итогам исследований опубликована 131 работа, из них 4 монографии, 1 пособие для студентов, 1 словарь, 1 справочно-энциклопедическое издание, 14 сборников научных трудов; 83 научные статьи (из них 3 – в странах дальнего зарубежья, 19 – в странах СНГ), 27 материалов и тезисов докладов (из них 2 – в странах дальнего зарубежья, 11 – в странах СНГ).

Результаты выполнения данной НИР стали отправной базой для дальнейшей разработки данной проблематики в несколько специализированном ракурсе. В рамках задания 4.1.09 «Фразеология и афористика современного белорусского языка: национально-культурная специфика, лексикографическое описание» новой госпрограммы научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (2016–2020 гг.) наш коллектив продолжит начатую работу в рамках разработки НИР «Интракультурные и интеркультурные новации на лексико-фразеологическом уровне в коммуникативном пространстве Беларуси».

Планируемая НИР опирается на результаты исследований отечественных и зарубежных лингвистов в области теории языка и речевых практик, межкультурной коммуникации, интернет-лингвистики, специфики языковых ситуаций и др. (В. И. Коваль, М. И. Конюшкевич, А. А. Лукашанец, Н. Б. Мечковская, А. Е. Михневич, Б. Ю. Норман, И. С. Ровдо, В. Д. Старичонок, Л. Ю. Касьянова, Л. Ф. Компанцева, М. А. Кронгауз, И. О. Нестерова, В. А. Плунгян и др.).

Цель исследования – определить факты рече-языковых новаций в сфере функционирования дискурсивно значимых лексических и фразеологических единиц

в современных коммуникативных практиках, систематизировать корпуса их неоконтекстов на материале белорусского и русского языков в проекции на соответствующие процессы в европейских языках, с ориентацией итогов исследования на цели совершенствования преподавания белорусского, русского и иностранных языков в школах и вузах Республики Беларусь.

Задачи исследования:

- определить сферы современных коммуникативных практик, в которых неологические процессы на лексико-фразеологическом уровне проявляются наиболее активно, представить их лингвистическую и экстралингвистическую интерпретацию;
- разработать критерии лингво-неологического исследования и определить на их основании наиболее характерные типы интра- и интеркультурных новационных процессов, очертить объем языкового материала, который в высокой степени подлежит действию новационного фактора;
- охарактеризовать соотношения разных групп языковых единиц, исследуемых в работе, с коммуникативными сферами, отмеченными склонностью к реализации новационного потенциала, и типами актуальных языковых процессов, которые ведут к сдвигам в семантике и в валентностных способностях анализируемых лексических и фразеологических единиц;
- определить и систематизировать корпуса неоконтекстов дискурсивно значимой интра- и интеркультурной лексики и фразеологии;
- систематизировать контекстные маркеры лингвокультурной отнесенности дискурсивно значимых лексических и фразеологических неоконцептов современного коммуникативного пространства Республики Беларусь;
- определить факты рече-языковой неологии на лексико-фразеологическом уровне, которые могут быть перспективными для дальнейшей лексикографической обработки и разработать соответствующие образцы их лексикографирования;
- установить общее и специфическое относительно неологических интра- и интеркультурных процессов в русском, белорусском и некоторых других европейских языках;
- разработать лингводидактические ресурсы для изучения новационных языковых процессов в целях внедрения результатов исследования в процесс изучения словесности в вузе и школе.

Известно, что развитие переносных употреблений, а затем и закрепление в языке переносных значений слов, изменение их семантической и синтаксической сочетаемости с другими словами очень часто обусловлены действием социокультурного фактора. Законы экономии, которые действуют в языке и речи, также заставляют носителей языка обращаться к обновлению и расширению семантической нагрузки на языковые знаки как однословного, так и неоднословного характера, в итоге чего отдельные слова и выражения в отдельных дискурсивных сферах начинают более активно функционировать вне их узальной, традиционной, прямой референциальной соотнесенности, чем в границах последней. Расширяться и трансформироваться в тех или иных направлениях могут и их традиционные контексты (а в широком смысле – и типы текстов, жанров и т.д.), которые и позволяют заметить семантические и валентностные трансформации, наличие которых и есть тот самый факт новаций, обусловленный либо действием экстралингвистических факторов, либо свойственными языку законами и тенденциями к семантическому обогащению актуальной лексики и фразеологии, либо совокупным действием этих или некоторых других факторов. Ввиду того, что ряд таких новаций за последнее время прочно укоренился в языковом сознании носителей разных

языков и что это очевидно происходит на наших глазах, эти факты должны находить свое отображение и в лексикографической практике.

Один из наиболее ярких признаков современной культурно-языковой ситуации – это активизация межъязыковых контактов, что ведет к усилению внимания, которое придается интеркультурному фонду национальных языков, к дискурсивной значимости тех средств (прежде всего лексических, фразеологических, в том числе прецедентных), которые маркируются в сознательности носителей того или иного языка как «инокультурные». Но и у таких единиц – лексических, фразеологических, афористических и др. – судьбы, как известно, разные. Одни из них усваиваются целиком, практически утрачивая какие-либо признаки инокультурного происхождения, другие становятся достоянием речи или устной или письменной, или еще каким-либо образом ограничиваются в дискурсивном плане, третьи постепенно уходят из активного употребления.

Новизна начатой НИР определяется такими факторами, как:

1) новый языковой материал, который будет помещён под «лингвистический микроскоп» (лексические неоконцепты, неометафоры, неофраземы), а также ряд новых или относительно новых коммуникативных практик, типов дискурса, текстотипов, в границах которых анализируемые единицы характеризуются признаком новационности в функционировании;

2) комплексный подход к проблеме (ее рассмотрение на фоне интра- и интеркультурных, социальных аспектов функционирования языка с учетом собственно языковых законов);

3) применение для анализа методов компьютерной обработки языковых данных (использование языковых корпусов и др.);

4) создание новых словарных и монографических работ.

Список литературы

1. Иванов, Е. Е. Активные языковые процессы в сфере стилей, текстов и жанров в условиях межкультурного диалога и электронной коммуникации: научное направление и образовательная практика / Е. Е. Иванов, С. Б. Кураш, В. Н. Сергей // Российско-белорусско-украинское пограничье : научное взаимодействие в контексте единого социокультурного пространства : в 2 ч. – Ч. 1. Славяноведение в пограничном регионе: вторые Расторгуевские чтения : материалы Междунар. науч. конф. (г. Новозыбков, Россия, 23–24 октября 2014 г.) / Филиал Брянского гос. ун-та им. И. Г. Петровского в г. Новозыбков. – Брянск : ООО «Ладомир», 2014. – С. 207–213.
2. Попова, Т. В. Русская неология и неография / Т. В. Попова. – Екатеринбург : ГОУ ВПО УГТУ, 2005. – 96 с.

М. А. Кормилицына
(г. Саратов, Россия)

ВЛИЯНИЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ НА РЕЧЕВУЮ КУЛЬТУРУ ОБЩЕСТВА

В современном российском обществе до сих пор, несмотря на все изменения, сохранился эталонный приоритет печатного слова. Можно говорить о том, что сейчас именно печатные СМИ, а не художественная литература формируют языковые вкусы общества и являются общественным институтом, оказывающим серьёзное влияние на формирование норм речевого поведения, то есть на культуру общения. Эта проблема в наше время приобретает особую значимость, так как произошли серьёзные изменения в современном узусе под влиянием электронных СМИ и интернет-коммуникации. Они занимают огромный сегмент коммуникативного пространства нашего общества и оперативно транслируют громадные потоки разнообразной

информации. Интернет-коммуникация фактически является письменной фиксацией разговорного узуса. «Нельзя не видеть стремительного снижения числа реальных *носителей* литературной нормы по сравнению с возрастанием количества активных *участников* публичной коммуникации» <...>, уровень коммуникативной компетенции которых слишком низок для того, чтобы порождаемые ими тексты могли без ущерба для окружающих тиражироваться на массовую аудиторию» <...> [Нещищенко, 2012, с. 306].

Конечно, многое зависит от качества печатного издания и от культуры речевого поведения самих работающих в нём журналистов, от соблюдения ими основных принципов кооперативного общения, умения и желания предупреждать и преодолевать коммуникативные риски в общении с массовым адресатом. Материалом исследования послужили газеты «Аргументы и факты (АиФ)», «Аргументы недели» (АН), «Московский комсомолец» (МК), которые мы считаем качественной прессой. Журналисты этих изданий стараются создавать убеждающие тексты, «аргументованно излагать свою точку зрения, понимать точку зрения оппонента, оценивать ее, в соответствии с позицией оппонента корректировать свою позицию или настаивать на выдвинутых положениях, совместными усилиями добираться до сути вопросов или искать и находить новые аргументы для убеждения противника» [Маслова, 2007, с. 15]. Если нарушение коммуникативных качеств речи в какой-то мере простительно представителям многих других профессий, то журналист просто не имеет на это права. Нельзя забывать о педагогическом, общекультурном воздействии средств массовой информации на человека. Невысокий уровень коммуникативной компетентности журналиста может серьёзно затруднить понимание информации или даже сформировать неверное представление о действительности. Поэтому необходимость постоянно совершенствовать свою речевую культуру, поддерживать и обновлять свои лингвистические знания, воспитывать у представителей нашего общества, по меткому выражению В. Г. Костомарова, «языковой вкус эпохи» особенно актуальны для журналистов.

Коммуникативно компетентный журналист в своих статьях предлагает читателю образцы ведения дискуссии, в том числе и в очень распространённом в современном общении речевом жанре *полемика*, конфликтогенном по своей природе. Наиболее успешной формой речевого воздействия на адресата в таком жанре считается убеждение. Его журналист стремится реализовать с помощью рациональной аргументации: он убеждает читателя, апеллируя к его разуму, жизненному опыту, убеждает фактами, цифрами, мнениями авторитетных в этом вопросе людей, строгой логикой рассуждения. Долженствовательная модальность таких текстов помогает отбросить все сомнения и признать справедливость авторской позиции как позиции человека, твёрдо убеждённого в своей правоте. Однако в этом случае есть опасность впасть в назидательность. Высокая степень категоричности в общении может привести к нарушению этических норм, вызвать неприятие информации, конфликты, поскольку граничит с безапелляционностью, затрудняющей коммуникацию. Категоричность суждений может создать впечатление, что говорящий считает свою позицию истиной в последней инстанции, что он не учитывает чужих мнений, в том числе и мнений своих оппонентов. Это недопустимо в культурной полемике, цель которой – совместный поиск истины. Поэтому культурный полемист избегает демонстрации таких способов выражения и аргументации своих позиций, которые в глазах читателя создают эффект излишней категоричности: вводных слов, передающих только субъективное мнение автора (*несомненно, безусловно, бесспорно* и под.), отрицательных местоимений и местоименных наречий (*никогда, никто, ни в коем случае* и пр.), экспрессивных ограничительно-выделительных частиц (*отнюдь не, вовсе не* и др.).

Журналист старается не выносить на суд читателя (даже если он использует «я»-высказывания) только своё личное мнение, да ещё противоречащее общепринятому или официальному (всё-таки у нас мало абсолютно независимых газет), он просто присоединяется к преобладающему в данный момент, убеждая читателя, как и других членов общества, это мнение разделить. Это один из способов убеждения, воздействия на читателя.

Анализ нашего материала свидетельствует о стремлении многих журналистов к смягчению категоричности своих суждений. В русском языке существует множество средств смягчения категоричности, помогающих продемонстрировать уважение к противоположному мнению при сохранении убежденности в справедливости собственного (см. об этом подробнее в [Кормилицына, 2007]). Риторически грамотный автор активно пользуется этими средствами, которые дают ему возможность продемонстрировать свою толерантность и сделать читателя своим сторонником.

Убеждать можно не только с помощью рациональных, но и эмоциональных аргументов, аргументов к человеку. Они, как правило, представляют собой эмоциональную оценку точки зрения оппонента, реакцию автора на то или иное событие или лицо.

Непродуктивны в общении и прямые негативные оценки, которые могут привести к нарушению элементарных этических норм общения и способствовать появлению конфликтов и коммуникативных неудач. К счастью, такого рода публикации в качественной прессе встречаются редко. Непродуктивно также использование тактики «навешивания ярлыков», когда весь текст критической публикации построен на навешивании иронических отрицательно-оценочных ярлыков, особенно если отрицательная оценка «голословна», бездоказательна. Это свидетельство недостаточного уровня коммуникативной компетентности журналиста, неумения вести полемику. Давая негативную оценку не столько взглядов своего оппонента, сколько самого оппонента как конкретного лица, автор реализует конфликтную стратегию, которая никогда не бывает продуктивной и свидетельствует о речевой агрессии. Обсуждение проблемы в этом случае заменяется резко отрицательной характеристикой лица. Фактически журналист нарушает основной этический постулат общения: «Проявляй уважение к адресату речи!» и отрицательно влияет на формирование навыков культурной полемики членов общества.

Гораздо чаще, чем прямую оценку, журналист старается использовать всевозможные способы непрямой оценки: иронию, намёк. И культура его речевого поведения, которую он старается внушить своим читателям, заключается в том, чтобы даже в этом случае пытаться реализовать стратегию гармоничного общения, проявлять уважение к своим оппонентам, не опускаться до простого оскорбления. Это часто демонстрирует качественная пресса.

Согласно кодексу речевого поведения и Закону о СМИ, журналист не должен сообщать недостоверную информацию. От него требуется точно и определённо называть источник этой информации и способ её получения. Реализуя это правило культурного речевого общения, журналисты пользуются самыми разнообразными авторизирующими конструкциями (от наиболее информативных целых предикативных единиц до слов типа *мол*, *дескать*, *де* и т.п.). Эти конструкции создают эффект объективности сообщаемой информации, её точности, тем самым усиливая степень воздействия на читателя: *А ведь буквально на днях **первый вице-премьер И. Шувалов** уверял участников Гайдаровского форума, что «в 2015 году правительство России не совершило ни одной крупной ошибки»* [АиФ № 4 2016]; ***Правительством разработана антикризисная программа, выделены средства на её реализацию*** [АН № 8 2015]. Читатель может проверить, в случае необходимости, достоверность сообщаемой информации. Авторизирующие конструкции позволяют объяснить, интер-

претировать сообщаемое (причём, для этого не нужно придумывать какие-то свои слова, можно воспользоваться уже сказанным кем-то). Можно отразить позиции своих оппонентов, убедить в правильности своего мнения ссылкой на авторитетное мнение, привлечь адресата на свою сторону, используя для всего этого самые разные существующие в языке приёмы введения чужого слова в текст: прямую или косвенную речь, тематическую речь, несобственно-прямую речь. Правда, порой, как это ни парадоксально, авторизирующие конструкции, к сожалению, используются журналистами как одно из активных средств манипуляции читателем. Они включаются в текст для того, чтобы не называть точно автора чужой информации или мнения (это иногда необходимо журналисту) и в то же время сохранить видимость максимальной достоверности, «документальности» информации. Такой эффект создается путем использования неопределённо-личных односоставных предложений: *Вообще-то, если помните, нам **обещали** два года. Год уже прошёл. Все кончится в 2016?* [МК 22.12.2015]. Или двусоставных, в которых позицию субъекта-источника информации занимают слова обобщенной или неопределенной семантики. Чаще всего это номинации некоей общности лиц: *И сегодня у **многих** есть надежда, что всё восстановится само собой* [АН № 8 2015]; *Согласитесь, что с учётом сказанного выше как-то трудно ориентироваться на официальные прогнозы **от властей*** [АН № 8 2015].

Журналист показывает своему читателю, что избежать конфликтов в общении, гармонизировать речевое взаимодействие может помочь речевой этикет, то есть выработанные обществом правила и нормы речевого поведения. В прессе он проявляется как «желание улучшить коммуникативные условия передачи/приёма информации, повысить коммуникативную роль партнёра» [Формановская, 1998, с. 265]. Эта функция речевого этикета в печатных СМИ становится ведущей. Журналист демонстрирует заботу об интересах адресата, пытается установить с ним партнёрские отношения, учесть уровень культуры, знаний, социальный статус и другие качества читателя. С этой целью он может использовать самые разнообразные средства реализации таких тактик гармонизации общения, как придание читателю равного информационного статуса, проявление внимания к нему, предупреждение негативной реакции адресата, признание ошибочности своего мнения. В интервью – предоставление свободы действий адресату при демонстрации своей позиции, предоставление ему возможности тактичного ухода от ответа на нежелательный вопрос и др. [Шамьенова, 2000].

В современной прессе все эти тактики можно реализовать самыми разными способами: отбором для обсуждения проблем, волнующих большую часть общества; особыми «заголовками-загадками»; включением в текст разнообразных «ловушек внимания» читателя (В. Г. Костомаров), средств внутренней диалогичности, многочисленных метатекстовых средств; использованием разнообразных средств смягчения резкости оценок.

Журналист может прямо апеллировать к чувствам читателя, пытаясь вызвать ответную реакцию, аналогичную своей, настроить читателя на ту же эмоциональную волну, призывая его быть солидарным с авторской точкой зрения. В этом случае он использует эмоционально-оценочные лексемы, эмотивные предложения или эмоциональные коммуникативы, развёрнутые метафоры: *Увы, Россия сегодня не в тренде мирового экономического развития, мы, **увы**, в противофазе* [МК 22.12.2015]; *В ходе работы Государственной думы последнего созыва думские партии и их лидеры <...> в сущности, превратились в **политический кордебалет** при президенте и правительстве* [АиФ № 4 2016].

Культура общения проявляется и в вовлечении читателя в диалог даже в монологическом тексте средствами внутренней диалогичности. Фактически таким

способом журналист акцентирует интерес к адресату. Он имитирует диалог, используя вопросно-ответные единства: *Заметили, что язык у нас в последние годы стал каким-то...ненастоящим, что ли? Например, мы к месту и не к месту говорим «как бы»: «Завтра как бы приезжает наш шеф». Как бы? Он что, иллюзионист?* [МК 23.05.2015].

Среди вопросно-ответных единств доминируют самые разнообразные конструкции согласия/несогласия. В гармоничном общении рекомендуется выражать эти смыслы достаточно корректно, мягко. Слишком категоричное, безапелляционное несогласие может оттолкнуть читателя и привести к коммуникативной неудаче. Эффективнее использовать средства так называемого «возражения под видом согласия». Это показатель стремления автора к сотрудничеству, к поискам точек соприкосновения во взглядах: *Да, в европейской и мировой экономике в целом есть проблемы, но всё-таки её состояние значительно лучше по сравнению с тем, что есть в России* [МК 22.12.2015].

Одним из проявлений речевого этикета (в любом общении, а не только в прессе) являются разнообразные метатекстовые конструкции, которые облегчают приём и понимание передаваемой информации, ориентируют адресата, объясняют движение мысли автора, логический ход его рассуждений. Именно они помогают выделить, обратить внимание на наиболее важные суждения адресанта. В прессе журналист часто прибегает к прямым призывам к читателю, с помощью которых актуализирует его внимание, апеллируя к интеллектуальной или эмоциональной «общности» с ним: *Оглянитесь на историю России. Посмотрите, какое количество потрясений, перемен выпало на её долю* [АиФ № 6 2015].

Наше исследование показало, что хорошие журналисты в качественных газетах довольно часто предлагают читателю образцовые с точки зрения соблюдения норм общения тексты, показывают пример толерантного отношения к собеседнику, используя коммуникативные тактики и средства гармонизации общения и тем самым пропагандируя продуктивность неагрессивного, бесконфликтного речевого общения. В этом проявляется позитивное влияние прессы на речевую культуру современного общества.

Список литературы

1. Кормилицына, М. А. Категоричность и способы её выражения в современной прессе / М. А. Кормилицына // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2007. – Вып. 7. – С. 62–72.
2. Маслова, А. Ю. Специфика речевого акта угрозы / А. Ю. Маслова // Русское слово в мировой культуре. – СПб., 2003. – С. 287–296.
3. Формановская, Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н. И. Формановская. – М., 1998.
4. Шамьенова, Г. Р. Категория вежливости как принцип кооперативного общения : дис. ... канд. филол. наук / Шамьенова Г. Р. – Саратов, 2000.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

М. Ц. Айвазян
(г. Ереван, Армения)

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В АРМЕНИИ

Исследование языковой ситуации в конкретном национально-территориальном образовании предполагает решение нескольких задач. В первую очередь, следует выявить социальную стратификацию данного общества с целью определения типологически схожих в плане языковой коммуникации групп населения. Во-вторых, встаёт задача определения основных значимых для данного общества сфер коммуникации. И, в-третьих, собственно лингвистическая задача выявления особенностей функционирования, взаимодействия различных языков и различных форм их существования. С третьей задачей тесно связаны вопросы языкового нормирования, изучения интерференционных и дивергентных процессов, протекающих под влиянием языкового контакта.

В плане изучения языковой ситуации в Армении на данном этапе наиболее сложной представляется проблема выделения субъектной составляющей языковой ситуации.

Проблема заключается не только в отсутствии достоверных социологических данных. В современной Армении в результате смены общественно-политического и экономического устройства общество всё ещё слабо стратифицировано в социальном отношении.

Не менее важной представляется задача выявления культурной ориентации личности, её ценностных установок в языковом отношении. Большое значение в определении социальной роли человека имеет не столько образовательный уровень (при достаточно высоком проценте имеющих высшее образование), сколько место его проживания (город или село), время переселения в город и регион, откуда родом он или его предки.

Так, русский язык был лингвистически родным для большой прослойки армян, переехавших в Армению из Грузии, Азербайджана, других республик СССР в годы Советской власти, особенно в послевоенный период. И особенно для тех из них, кто вырос в крупных городах или же в местах, где не было компактного армянского населения (к сожалению, в специальной литературе не удалось найти данных об их численности). Значительное число переселенцев пополнило ряды интеллигенции, наиболее образованного слоя общества. Для второго и третьего поколений таких иммигрантов особенно характерно определение «билингв» (т.е. человек, который *активно* владеет обоими языками). Рассмотрение языковой ситуации связано и с рядом этнолингвистических параметров. По данным переписи населения 2002 г. в Армении проживало 97,89 % армян, 1,26 % езидов. Остальные национальности (русские, ассирийцы, украинцы, греки, курды и др.) составляли 0, 85 % всего населения. Очевидно, что ситуация двуязычия (в данной статье мы рассматриваем только армянско-русское двуязычие) опирается не на этнический, а на социальный элемент.

При исследовании общей языковой ситуации в РА необходимо проследить, как и в каких формах своего существования, в зависимости от сферы общения, функционируют **все** языки, представленные на территории Армении. В нашу задачу входит рассмотрение лишь армяно-русского двуязычия, поэтому вопросы использования национальных языков этнических меньшинств, западноевропейских и др. иностранных языков остаются вне рамок данного изложения.

Для понимания языковой ситуации важно также выявление всего диапазона языковых разновидностей, функционирующих в данном обществе. Национальный язык, действующий в рамках своего этноса, представляет собой гибкую иерархическую структуру взаимодействующих образований, иначе говоря, форм существования языка. Это глобальное целое находится в постоянном развитии, в постоянной эволюции, имеет свою историю и в каждый определенный момент времени – основные тенденции развития. Органическое, всестороннее развитие национального языка возможно лишь в рамках своего этноса в благоприятных социально-политических условиях (предпочтительный вариант – наличие государственности). Армянский язык, как старописьменный язык с богатой литературной традицией, обладает литературной формой (письменной и устной), обиходно-разговорной формой и большим количеством диалектов.

Иначе обстоит дело с русским языком. Русский язык в Армении функционирует дистантно от своей этнической основы. И если формы его функционирования условно представить в виде пирамиды, в основании которой лежат территориальные диалекты и говоры, затем обиходно-разговорный язык, затем литературный язык в разговорной и письменной формах, то для языковой ситуации в Армении характерно функционирование лишь одного уровня данной структуры – литературной формы русского языка. Употребление же того или иного диалекта либо обиходно-разговорной речи в основном характерно для лиц, выросших преимущественно в сельской местности (в России, либо среди русских в других республиках СССР). Процент таких людей достаточно мал и не играет существенной роли для определения языковой ситуации в Армении. Подавляющее большинство жителей Армении, к которым может быть применен термин «билингвы», владеют только литературной формой русского языка.

Этим, пожалуй, можно объяснить распространённое среди армян мнение о том, что сами русские недостаточно хорошо владеют русским языком. Понятно, что оказавшись в России и услышав спонтанную речь, можно заметить много «ошибок», нарушений норм литературного языка. В действительности, конечно, в определенной коммуникативной ситуации звучит либо диалект, либо обиходно-разговорная речь, построенная также по нормам, но не литературного языка, а данного диалекта либо городского просторечья.

Таким образом, при рассмотрении армяно-русского двуязычия, можно выделить следующую оппозицию:

армянский язык	↔	русский литературный язык.
во всех своих формах существования		

В различных коммуникативных сферах эта оппозиция может проявляться по-разному. В одной и той же коммуникативной сфере одними и теми же пользователями языка могут вариативно использоваться либо две и более формы существования армянского языка (явление **диглоссии**), либо одна из форм существования армянского языка и русский литературный язык (явление **двуязычия**).

Изучение языковой ситуации в Армении предполагает также определение наиболее общественно значимых сфер общения. В зависимости от объекта исследования, от уровня развития изучаемого общества, различными авторами предлагаются разные списки коммуникативных сфер. Так, В. А. Аврорин предлагает различать сферы: 1) хозяйственной деятельности; 2) общественно-политической деятельности; 3) быта; 4) организованного обучения; 5) художественной литературы; 6) массовой информации; 7) эстетического воздействия; 8) устного народного творчества; 9) науки; 10) всех видов делопроизводства; 11) личной переписки; 12) религиозного культа [Аврорин, 1975, с. 76]. Л. Б. Никольский выделяет шесть коммуникативных сфер на базе общегосударственного, регионального, местного, профессионального, семейного и религиозно-культурного общения [Никольский, 1976, с. 37]. В. Барнет

считает, что для славянских языковых обществ можно выделить сферы: 1) публичного официального общенародного общения; 2) публичного неофициального общедо-разговорного общения; 3) частного неофициального регионального общения; 4) частного неофициального общения профессионального или группового характера; 5) частного неофициального семейного общения; 6) конфессионально-культурного общения [Барнет, 1988, с. 176]. Следует отметить, что в классификации В. Барнета появляется дихотомия *официальный – неофициальный*. Ж. Р. Реман выделяет 20 областей употребления языка: от речей и лекций до этикеток и надписей, – и 2 типа употребления: *порождение – восприятие*, т.е. он предлагает во всех областях употребления различать активный и пассивный аспекты [Реман, 1972, с. 159].

Прежде чем определить основные сферы коммуникации в Армении и предложить систему их классификации, необходимо отметить, что сфера употребления языка – историческая категория, появляющаяся и исчезающая, расширяющаяся и сужающаяся в зависимости от развития общества. Например, благодаря распространению всемирной компьютерной сети уже можно выделить новую сферу общения – Интернет. Поэтому распределение языков и форм существования языков по коммуникативным сферам, в зависимости от социальной стратификации, целесообразно рассматривать в диахронии. Самые консервативные сферы использования языка – сельскохозяйственное производство (связанное с наименее мобильной частью общества) и религия (традиции в этой области поддерживаются особой социальной группой – духовенством, и наиболее глубоко связаны с общекультурными традициями нации).

На наш взгляд, можно предложить следующий перечень коммуникативных сфер, активно действующих в Армении: общественно-политическая, делопроизводство, семейное общение, бытовое общение, промышленное производство, с/х производство, образование, армия, религия, пресса, радио, телевидение, искусство, наука, Интернет.

Особо следует выделить коммуникативные сферы, относящиеся к науке, искусству, информации. Их рассмотрение целесообразно дополнительно классифицировать по признаку *порождение – восприятие*. Так, например, следует различать русскоязычную прессу Армении и российскую. То же относится и к сфере Интернета, где важно различать посещение сайтов (*восприятие*) и их создание (*порождение*).

Для ряда других сфер (общественно-политической, производственной, военной) релевантно рассмотрение оппозиции *официальный-неофициальный*. Так, различаются тексты официальных выступлений политиков и их высказывания на общественно-политические темы в неофициальной обстановке. Если для официальных выступлений характерно стремление придерживаться литературного языка, то в неофициальном общении регулярно наблюдается переход на просторечье, диалект, иногда звучит и русская речь (в зависимости от образования, места рождения и жительства, социальной принадлежности субъекта высказывания).

Языковая ситуация в Армении представляет большой интерес для социолингвистического наблюдения. М. Уи отмечал, что «ситуации двуязычия располагаются между двумя полюсами – конфликтом и равновесием. Практически трудно найти случай как полного равновесия, так и конфликта без признаков его рассасывания» [Уи, 1972, с. 183]. Относительное равновесие, характерное для советского периода, в 90-х гг. прошлого века сменилось напряженностью, особенно в сфере армяно-русского двуязычия, которая, в свою очередь, вновь сменилась стадией относительного равновесия. Объективный социолингвистический анализ может послужить основой формирования взвешенной языковой политики. Очевидны также и другие прикладные аспекты подобного рода исследований, такие, например, как проблемы преподавания языков, языкового нормирования, терминотворчества и т.д.

Список литературы

1. Аврорин, В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики) / В. А. Аврорин. – Л., 1975.
2. Никольский, Л. Б. Синхронная социолингвистика (теория и проблемы) / Л. Б. Никольский. – М., 1976.
3. Реман, Ж. Р. Очерк одной ситуации многоязычия: Люксембург / Ж. Р. Реман // Новое в лингвистике. – М., 1972. – Вып. VI.
4. Уи, М. Социологический очерк двуязычия в Черной Африке / М. Уи // Новое в лингвистике. – М., 1972. – Вып. VI.

Э. Н. Акимова
(г. Саранск, Россия)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В РФ

Актуальным вопросом, несмотря на внешнюю устойчивость современного российского общества, в условиях роста межэтнической и межконфессиональной напряжённости является вопрос о способах интеграции внутренне неоднородного в языковом, культурном и конфессиональном отношении общества в консолидированное сообщество. В этом вопросе особая роль отводится языковой политике, поскольку языковая политика регулирует такие важные моменты как предотвращение межэтнических конфликтов, способствует установлению взаимопонимания, толерантности в обществе, восстановлению и сохранению миноритарных и малоиспользуемых языков и т.д. Такая объёмная тематика языковой политики имеет разные подходы к её трактовке. Как правило, языковая политика понимается как совокупность мер, принимаемых государством для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков и языковых подсистем, для выделения новых или сохранения употребляющихся языковых норм, являющихся частью общей политики и соответствующих их целям [Словарь, 2006, с. 265]. Реализация языковой политики происходит посредством определённых программ, концепций, стратегий, которые составляются для определённого национального образования с учётом этапов развития структуры социально-коммуникативной системы в регионе, генетических, ареальных связей языка, социально-экономической ситуации.

В многонациональных странах языковой вопрос всегда оказывается достаточно противоречивым, Россия не составляет исключения. Как отмечают исследователи, один из самых нерешаемых вопросов – это национальный, в частности, национально-языковой вопрос. Новое – это хорошо забытое старое, для понимания современных этноязыковых процессов необходимо учитывать, пересматривать опыт прошлых лет, языковую политику, языковую ситуацию в ретроспективном освещении. В этом плане у России богатый опыт. По мнению исследователей, тенденции языковой политики СССР включают четыре направления: плюрализм, или языковой федерализм; развитие национально-русского двуязычия; одноязычие, или лингвистическая русификация; языковая демократия.

В настоящее время наблюдается новый этап в развитии языковой политики в РФ. На сегодня Россия разделена на 86 субъектов федерации (с учётом Крыма и Севастополя). Субъекты Федерации распадаются на края (6), округа (9), области (49) и республики (22). С одной стороны, усложнившаяся политическая ситуация в мире, новые вызовы России со стороны мирового сообщества сделали актуальным вопрос внутренней консолидации российского этноса, усиления роли русского языка как языка единения государства. С другой стороны, наблюдается значительное изменение социальной структуры российского общества, связанное с увеличением мигран-

тов, присоединением новых территорий – Крыма, есть тенденция к изменению административного деления страны по административным образованиям (округам) по образцу дореволюционной России. Ранее говорилось о планах деления России по экономическим зонам при уменьшении количества субъектов федерации и отмене унаследованных от бывшего СССР национально-государственных образований – республик, что требует изменения Конституции РФ. По мнению исследователей, такие изменения в организации Российской Федерации могут привести к значительным последствиям в национальной и соответственно языковой политике, например, отмене законов о языках [Степанов, 2010, с. 105].

В последнее время среди исследователей идут дискуссии по поводу законодательного статуса русского языка в национальных республиках. В республиканских законах о языках русский язык определяется не как государственный язык всего государства – Российской Федерации, а как государственный язык республики, причем занимает вторую по значимости позицию, например, «Государственными языками в республике Татарстан являются татарский и русский языки» (ст. 3). Такая же формулировка имеется и в других законах о языках (Алтай, Башкортостан, Бурятия и др.). В этих законах игнорируется федеральный статус русского языка, в таком толковании (республиканский государственный язык) русский язык выполняет вспомогательные функции. Исследователи считают, что статус государственных языков федерального и республиканского уровней должен соответствовать Конституции Российской Федерации (Конституция РФ, ст. 68, п. 2), в которой утверждается право республик устанавливать свои государственные языки, но не допускает повышения их статуса над общегосударственным языком или исключения функционирования русского языка. Эти дискуссии отражают тенденцию последних лет в стране – усиление роли русского языка как государствообразующего языка, языка единения народов страны, закрепление в этом статусе на законодательном уровне. Этим процессам способствовало принятие основополагающего для стратегического развития страны документа – «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации», утверждённой Указом Президента РФ 19 декабря 2012 г. К её разработке подтолкнула изменившаяся социальная, экономическая и этнокультурная ситуация в стране. С момента принятия предыдущей концепции (1996 г.) в России произошли серьёзные изменения в социальной структуре общества, возникли новые вызовы современной российской общественности, назрела необходимость пересмотреть, подкорректировать общественные ценности. Стратегия государственной национальной политики направлена на установление основ федеральной политики в области национального развития Российской Федерации. Основная цель Стратегии – определение путей и механизмов, которые ведут к формированию в России общества, скрепленного целостным самосознанием, ощущающим свою солидарность, чувствующим и осознающим единство своего прошлого, настоящего и будущего, т.е. единой гражданской нации. В структуре Стратегии выделяются четыре главных политических направления, позволяющих очертить круг первоочередных задач и соответствующих механизмов их реализации в рамках национальной государственной политики РФ: языковая политика, этнокультурная политика, конфессиональная политика, миграционная политика. Как видим, языковая политика является первоочередной задачей государственной национальной политики страны, рассчитанной до 2025 г.

В последнее десятилетие в органах власти, в общественных и научных кругах идут дискуссии по поводу Европейской Хартии региональных языков и языков меньшинств, а именно по поводу возможности применения стратегии Хартии в урегулировании языковой жизни Российской Федерации. Россия подписала Европейскую Хартию региональных языков или языков меньшинств в 2001 г., но до сих пор

Хартия не ратифицирована. Целью Европейской Хартии является регулирование использования миноритарных и региональных языков в сфере образования, бытового обслуживания, средствах массовой информации, культурной, экономической и общественной жизни. Когда государство ратифицирует Хартию, оно берёт на себя определённые обязательства, которые охватывают такие сферы как образование, юридические органы, административные органы, общественные сферы (СМИ, сферы культуры, социально-экономические сферы, трансграничные обмены). При этом эти обязательства применимы ко всем региональным и миноритарным языкам в пределах государства. Государство, ратифицировавшее Хартию, должно отчитываться в Совете Европы о мерах, предпринятых по выполнению этих обязательств.

Обсуждения по поводу ратификации Хартии проходили на государственном уровне, с привлечением властей, экспертов из субъектов РФ, прийти к компромиссу не удалось, было высказано мнение о возможности разработки в пику Хартии своей государственной программы по урегулированию, организации языковой жизни в РФ. Факторы, которые препятствуют ратификации Хартии в России следующие: недостаточно учитывается социально-коммуникативная система РФ, статус языков (общегосударственный язык, государственные языки республик, миноритарные языки и т.д.), численность народов, характер их расселения (компактный/дисперсный), которые являются важными социальными факторами расширения социальных функций, неравномерное социальное и культурное развитие российских территорий, нежелательность перевода темы языка в политическую плоскость в регионах, с значительным конфликтным потенциалом, значительные финансовые затраты, которые могут последовать после ратификации. Например, согласно положениям и условиям Хартии языки должны функционировать полнокровно во всех сферах государственной власти, делопроизводства, судопроизводства и т.д., что проблематично в условиях сложившейся языковой ситуации в стране, разного структурного и функционального статуса национальных языков в регионах и т.д. Существуют сложности с переводом на национальные языки в сфере делопроизводства, здесь возникает вопрос о целесообразности этого шага, поскольку не так много владеющих родным языком во многих республиках, возникают терминологические проблемы по отношению к национальным языкам в субъектах РФ, которые предлагается называть региональными, некоторые народы этот вариант не приемлют, например, Республика Татарстан.

Стоит отметить, что важен подход Хартии, ориентирующий законодательство, политику на решение проблем недоминирующих языков как таковых, а не на поддержку этнических общин. В России традиционно представление о том, что объектом государственно-правового регулирования должны быть именно этнические сообщества, язык рассматривается как атрибут таких сообществ. Если государство посредством законодательства и других институтов поддерживает этнические общины, то это автоматически позволяет сохраняться их культуре и языку. Однако социальная жизнь в стране изменилась. Как отмечают эксперты, в силу миграционных и модернизационных процессов, некоторые представители некогда однородной в языковом и культурном плане общности не признают родным языком «свой» язык, а пользуются в повседневной жизни «чужим» языком, меняется их этническая идентичность. К сожалению, законодательство России в сфере языковой политики по-прежнему базируется на концепции «языка этнической группы», «языка нации», что ведёт к спорам о равенстве и дискриминации одних групп относительно других. Следовало бы говорить о различиях в уязвимости одних языков относительно других.

Сегодня только один государственный язык РФ – русский язык – успешно выполняет свою функцию в полной мере, оставаясь при этом единственным языком межнационального общения в многонациональном обществе РФ, выполняющим государствообразующую, консолидирующую роль. Во всех республиках РФ в качестве государственных объявлен русский язык и титульный или титульные языки ре-

гионов. На Алтае русский язык дополнительно назван «средством межнационального общения». В Туве русский язык и местный уравниваются в положении, термин «государственный язык» заменён на «общефедеральный». В ряде республик (Тува, Марий Эл, Адыгее) имеет место следующая практика – обязательное знание русского и титульного языка, что вызвало волну недовольства у нетитульных этносов республик и обращения в Конституционный Суд РФ. В свою очередь Конституционный Суд РФ постановил правомочным предъявлять к гражданам республики требование знания соответствующего государственного языка, но только после проведения в республике образовательных мероприятий по усвоению «титульного» языка всеми гражданами региона. На сегодня угрозы в отношении русского языка нет, знание русского языка носит почти тотальный характер, владение русским языком означает возможность получить образование, социальное продвижение, мобильность в масштабах страны. Часто свободное владение русским языком, наряду со знанием иностранных языков, рассматривается как критерий образованности и интеллигентности. Однако престиж русского языка не требует, чтобы его освоение достигалось за счёт забвения родного языка. Выход видится в создании оптимальных условий функционирования языков, развития билингвизма в республиках, установления оптимального сочетания функций государственных национальных языков и русского языка как языка общегосударственного значения.

Часто национальные языки республик, провозглашенные государственными языками, не обладают достаточно развитыми функциональными стилями, они не в состоянии выполнять те или иные общественные функции, нет условий для полноценного осуществления высшего образования на национальных языках в силу недостаточной разработанности терминологической системы и научного стиля этого языка. Преподавание титульного языка, как и русского языка, ведётся на недостаточно высоком методическом и профессиональном уровне, учебные программы не отвечают современным требованиям, нет эффективных обучающих методик, самоучителей, нехватка квалифицированных преподавательских кадров. Конечно, без специального социального заказа, реальной мотивации в государственном масштабе сложно справиться с этой задачей, но, дело в том, что, как правило, в национальных республиках социальный заказ есть, создана соответствующая законодательная база, регулирующая функциональную дистрибуцию языков в разных сферах общения, проводятся мероприятия по созданию реальной мотивации в государственном масштабе, однако, процесс идет медленно, вероятно, в силу того, что нет языковой среды, где за пределами образовательного процесса учащиеся могли бы закреплять знания родного языка.

Особое место в языковой палитре страны занимают языки малочисленных народов, обладающие минимальными общественными функциями. Следует отметить, что они функционально различаются: среди них есть языки, которые используются только в нерегламентированном общении (юкагирский, ахвахский, тазский, ненецкий), другие языки минимально функционируют в сферах организованного общения (вепсский, рутульский и др.), а третьи языки используются в разных сферах сравнительно широко, например, абазинский. Как известно, малочисленные языки контактируют с социально более престижным языком, например, алеутский, эскимосский, юкагирский, нивхский, селькупский и другие языки постоянно софункционируют с социально более престижным русским языком. С одной стороны, такая функциональная дополнительность помогает языкам малочисленных народов удовлетворять все социальные языковые потребности в разных сферах общения, с другой стороны, способствует ассимиляции этих языков, так как определенная часть носителей того или иного языка малочисленного народа переключается полностью на русский язык, забывая родной.

Демократическая по направленности языковая политика в РФ и сложная социально-коммуникативная система в регионах позволила нам предложить следующую

щую типологию языковой политики применительно к России. Как уже говорилось, языковая политика в РФ предполагает сочетание общегосударственной функциональной доминанты – русского языка и 34 республиканских функциональных доминант регионального значения в республиках. Исходя из особенностей языкового законодательства, наличия в территориально-государственных образованиях функциональных доминант в регионах, языковую политику в РФ можно разделить на подтипы: 1) однокомпонентная модель языковой политики – языковая политика с разными формами существования русского языка; 2) двухкомпонентная модель языковой политики – языковая политика с двумя доминантами (русский язык + республиканский государственный язык); 3) трёхкомпонентная модель языковой политики – языковая политика с тремя доминантами (русский язык + два республиканских государственных языка); 4) многокомпонентная модель языковой политики – языковая политика с четырьмя, пятью и более доминантами (например, русский язык + 14 языков Дагестана); 5) дифференциальная модель языковой политики – языковая политика в области функционирования языков малочисленных народов. При выделении моделей языковой политики учитывается не только количество статусных языков, но и их специфика. Например, в трёхкомпонентной модели языковой политики кроме русского языка, представлены два варианта одного и того же языка (например, мордовский эрзя, мордовский мокша), а не отдельные этнические языки.

Таковы предварительные результаты исследования национально-языковой политики в России, каждый из которых отражает основные приоритеты государства в разные исторические периоды развития многонационального и многоязычного государства Российская Федерация.

Список литературы

1. Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств (Принята в г. Страсбурге 05.11.1992). – URL: docs.cntd.ru/document/1902299
2. Закон РФ от 25 октября 1991 года № 1807 «О языках народов Российской Федерации». – URL: base.garant.ru/10148970
3. Илишев, И. Г. Язык и политика в многонациональных обществах. Проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра полит. наук / Илишев И. Г. – СПб., 2000.
4. Проект концепции развития поликультурного образования в Российской Федерации : официальный сайт Минобрнауки РФ. – URL: <http://минобрнауки.рф/>
5. Степанов, В. В. Поддержка языкового разнообразия в Российской Федерации. Этнографическое обозрение / В. В. Степанов. – 2010. – № 4. – С. 102–115.
6. Словарь социолингвистических терминов. – М., 2006.
7. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». – URL: <http://base.garant.ru/70284810/>
8. Указ Президента РФ от 15.06.1996 № 909 «Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации». – URL: lawmix.ru/prof/1306
9. Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (с изм. и доп.). – URL: <http://base.garant.ru/12140387/#ixzz3sDrU2ILa>

В. Н. Арутюнян
(г. Ереван, Армения)

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ АРМЕНИИ

Языковые знания в современном мире ценятся очень высоко. Они помогают найти хорошую работу, продвинуться по карьерной лестнице, общаться с представителями других государств и народов, читать литературу в оригинале, легче ориен-

тироваться в процессах глобализации. Возможность улучшить уровень уже имеющихся языковых знаний, изучить новый язык предоставляется человеку в течение всей жизни: языковые знания приобретаются в школе, в вузе, на различных по продолжительности и направленности обучения курсах. Официальные сферы использования языка (в том числе и неродного) в каждом государстве определяются государственной языковой политикой.

Однако характеристики языковой ситуации зависят не только от языковой политики государства, но и от других факторов: семейных традиций и мотивированности изучения того или другого языка, состояния компонентов процесса обучения (преподаватель, место прохождения курса, используемые средства обучения и т.д.) и международной значимости языка, направленности и (или) ограниченности возможностей межнациональных контактов на данном языке, и т.д. В качестве термина социолингвистики языковая ситуация определяется как «совокупность форм существования одного, двух или нескольких языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований» [Жеребило, 2011]. И каждое языковое сообщество на любом этапе своего развития стремится к сознательному пониманию своего места в мировой системе языков, характеризующейся меняющимися различиями и в сферах употребления, и с точки зрения закрепленного за данным языком определённого статуса в каждом государстве, и с учётом других обстоятельств. Таким образом формируется и определяется языковая ситуация в мире.

Обратимся к Армении – независимому государству, образовавшемуся на постсоветском пространстве. В 90-е г. прошлого столетия значительно изменилась языковая политика всех тех независимых государств, которые образовались на постсоветском пространстве и в Восточной Европе. Примерно в это же время происходили и другие процессы, охватившие весь мир: компьютеризация и информатизация, возможность виртуально общаться и получать необходимую информацию. Все они значительно укрепили позиции английского языка в мировом социально-политическом и культурно-экономическом пространстве.

В результате всех этих процессов русский язык в Армении утратил статус «второго родного», языка межнационального общения, делопроизводства и т.д. Образовавшиеся в некоторых областях «ниши» (судопроизводство, образование, внутренняя коммерческая отчётность и т.д.) заполнил, конечно, в первую очередь родной язык, что было вполне логично и прошло безболезненно в моноэтнической Армении.

Отметим, что армянский язык – это древний, имеющий свою собственную письменность литературный язык с достаточно высоким уровнем развития административно-политической и научно-технической терминологии, способный вытеснить (по политическим соображениям) из различных сфер общения высокоразвитый западный язык, использовавшийся раньше. Борьба за статус, функциональную значимость, чистоту родного языка стала в этот период основной составляющей борьбы за независимость, поскольку можно определить «...социальную справедливость по тому, насколько отдельная личность может использовать родной язык в сфере образования и на рабочем месте» [Гришаева, 2007, с. 18].

Такой ход событий полностью соответствует словам В. М. Алпатова о том, что языковая политика всегда «объективно связана с двумя естественными и в то же время противоположными человеческими потребностями, которые я назову потребностью идентичности и потребностью взаимопонимания» [Алпатов, 2014, с. 11]. «Потребность идентичности» однозначно была реализована, а «потребность взаимопонимания» (межгосударственных и межнациональных контактов) ещё требовала определённых решений и шагов.

На вторую позицию, как и во всех государствах, образовавшихся в эти годы, в рамках языковой политики нового независимого государства выдвинулся английский язык, который реально потеснил русский во многих сферах (система образования, межнациональное общение). Языковая политика того времени, будучи составной частью национальной политики, прежде всего была направлена на отмежевание от прошлого, от единых для республик СССР общегосударственных принципов. Она должна была стать одним из механизмов политического управления, средством достижения национального согласия и социальной стабильности, а затем уже способствовать установлению новых норм, определению правильного соотношения языков по их коммуникативным функциям, по использованию в различных сферах социальной жизни нового общества.

Такое положение привело к формированию устойчивого представления о необходимости изучения и использования во многих областях английского языка, который по всем своим характеристикам объективно соответствовал типу языка, необходимого для развития экономики и политики. Эти характеристики таковы:

- он функционирует в качестве официального языка в стране, которая ведёт активную экономическую политику;
- он является языком общения не только в одной стране;
- на нём публикуется новая научно-техническая информация;
- он является языком *Lingua franca* в процессе экономической и технической коммуникации [см. Бердичевский, 2000].

Таким образом, хотя русский язык продолжал и продолжает оставаться «мировым языком», официально признанным рабочим языком ООН, во многих случаях языком делового общения, научного представления и т.д., но его позиции в Армении несколько пошатнулись в сторону другого мирового языка – английского, который больше соответствовал условиям, задачам и текущего момента, и перспективам развития общества.

Это стало возможно, в частности, и из-за активизации соответствующих государств и структур в сфере образования, начиная от школьных и вузовских образовательных программ, кончая широкими возможностями углубления и изменения базового высшего образования, внедрения различных форм послевузовского обучения на английском языке. В те годы повсеместно прослеживалась «тенденция рассматривать английский язык как необходимое практическое умение, основное средство получения образования и трудоустройства на высокооплачиваемые должности» [Гришаева, 2007, с. 17], т.е. получалось, что коммуникативные навыки, высокая степень знаний и умений индивида именно в области английского языка определяют его социально-экономический статус.

Однако русский язык во многих областях продолжал отстаивать свои позиции. Происходило это по разным причинам: устои семьи, миграционные процессы, расширение русскоязычного интернет-пространства, близость культурных ценностей русских и армян, усиление политико-экономических позиций России в Армении и в мире и т.д.

Развитие целого комплекса культурно-языковых процессов, на наш взгляд, привело (конечно, стихийно) к формированию многоязычия, основополагающей идеи ставшего популярным в конце 90-х г. концепта «мультикультуризма», который предполагает объединение индивидов и групп людей в единое общество без утраты своей национальной, языковой и иной идентичности.

По своей сути мультикультуризм – это концепция бесконфликтного, добровольного сосуществования в одном жизненном пространстве множества разнообразных культурных групп. Такое сосуществование неизбежно приводит к формированию мультикультурных ценностей, улучшающих взаимопонимание народов и обеспечивающих выбор лучших достижений для всеобщего пользования.

Таким образом, экспансии английского языка европейское сообщество противопоставило идею многоязычия, плюрилингвизма. В документах Совета Европы и в исследовательских работах последних лет концепция многоязычия представляется не как многообразие сосуществующих языков, а как число языков, предлагаемых к изучению, как поощрение изучения нескольких иностранных языков, что должно, наряду с решением других задач, способствовать также ограничению господствующей роли английского языка в международном общении. При этом считается, что индивидум не обособляет в своем сознании воспринятые языки и культуры друг от друга, они взаимосвязаны и взаимодействуют. В комплексе они формируют коммуникативную компетенцию общего типа на основе всех знаний и всего языкового опыта.

Предполагается, что в соответствии с ситуацией, исходя из поставленных целей, индивидум может переключаться с одной языковой системы на другую, может использовать попеременно несколько языковых систем, может использовать даже самые минимальные знания того или другого языка, может при необходимости выступать в качестве посредника между людьми, вообще не владеющих общим языком, может даже использовать свои знания для реализации акта коммуникации на языке, который он не знает, но элементы которого похожи на те, которые ему известны.

Такой подход к многоязычию в странах Евросоюза позволит, с одной стороны, рассматривать языковые процессы как опору при решении общеполитических задач, а с другой стороны, будет способствовать созданию сети наднациональных коммуникаций и систем образования. Хотя идея некоторых общественно-политических деятелей достижения массового плюрилингвизма представляется маловероятной.

Представим факты, которые показывают пути реализации этих идей в современной Армении. Во всех общеобразовательных школах республики, кроме родного языка, обязательно изучают (с первого-второго класса) и русский, и один иностранный (чаще всего английский) языки. В Ереване есть английские, французские, немецкие, испанские, персидские школы, где углублённо изучают соответствующие языки. Во многих школах набирают русские классы, есть и несколько русских школ (для детей российских военных, для детей тех армян, кто вернулся из России на родину, для иностранцев и т.д.). Во всех вузах на первом курсе (с упором на специальность) проходят и русский, и иностранный (чаще всего английский) языки, каждый год открываются всё новые и новые филиалы многих российских вузов, функционирует Российско-Армянский (Славянский) университет, где преподавание ведется на русском языке. Кроме того, в вузах возможно и изучение других языков, среди студентов есть немало таких, которые много лет жили в других странах (в Болгарии, Польше, Франции, Испании, Ливане и т.д.) и поэтому знают соответствующие языки.

В настоящее время в республике много армян (школьников и студентов) из Сирии, которые начинают изучать русский язык с нуля. В крупных городах есть разные языковые курсы, есть кафе-клубы, где можно регулярно смотреть фильмы на определённом языке, на этом же языке принимать участие в их обсуждении, строить монологические высказывания на заданную тему или слушать других и т.д. В республике много специалистов-иностранцев, изучающих армянский и (или) русский языки. Все это помогает расширить и углубить уже имеющиеся языковые знания, получить новые.

Таким образом, достаточно много людей в Армении знают 3–4 языка.

Языковая ситуация в республике за последние 10–15 лет значительно изменилась, и если одни проблемы уже решены, то появились другие.

Сейчас важнейшей проблемой является подготовка кадров – специалистов, которые хотят и могут заниматься педагогической деятельностью. Если говорить об уровне владения русским языком, то следует отметить, что в Армении есть целые районы, жители которых хорошо знают русский язык, потому что в школах этих районов русский язык, как правило, преподают жёны российских военных. Однако в современных условиях (ограничение русского языка как средства внутригосудар-

ственного и межнационального общения, как источника научной информации и т.д.) достаточно сложно подготовить специалиста высокого класса. К тому же, педагогическая деятельность в республике в настоящее время считается непрестижной и является малооплачиваемой.

Однако, как нам кажется, многие сегодняшние проблемы, как и те, которые были раньше, вскоре будут решены.

Список литературы

1. Алпатов, В. М. Языковая политика в России и мире / В. М. Алпатов // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. – М., 2014. – С. 11–24.
2. Бердичевский, А. Л. Является ли русский язык международным? / А. Л. Бердичевский // Мир русского слова. – 2000. – № 1. – С. 29–37.
3. Гришаева, Е. Б. Типология языковых политик и языкового планирования в полиэтническом и мультикультурном пространстве : автореф. ... д-ра филол. наук / Гришаева Е. Б. – Красноярск, 2007.
4. Жеребило, Т. В. Термины и понятия лингвистики. Общее языкознание. Социоллингвистика. Словарь-справочник / Т. В. Жеребило. – Назрань : ООО «Пилигрим», 2011.

О. В. Барабаш
(г. Пенза, Россия)

НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОНФЛИКТА В ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Неотъемлемой составляющей акта правовой коммуникации является интерпретация (толкование) содержания правового документа кругом лиц, которым этот документ адресован. Обратившись к закрепленным в науке определениям правотолкования, можно выявить два основных подхода к пониманию его сущности: толкование как «официальная деятельность уполномоченных органов» и толкование как «мыслительный процесс и его результат». Первому соответствует определение, сформулированное А. С. Пиголкиным, который характеризует толкование как «деятельность органов государства, должностных лиц, общественных организаций, отдельных граждан, направленную на установление содержания норм права, на раскрытие выраженной в них воли социальных сил, стоящих у власти» [Пиголкин, 1998]. А. Ф. Черданцев делает акцент на когнитивной составляющей понятия «толкование права» и выделяет в нём, «с одной стороны, определённый мыслительный (познавательный) процесс, направленный на объяснение знаковой системы, а с другой – результат этого процесса, выраженный в совокупности высказываний естественного языка, придающих указанной системе определенное значение (смысл)» [Черданцев, 2003].

В рамках настоящей статьи мы будем придерживаться второго понимания сущности интерпретации, так как оно дает возможность рассматривать в качестве субъекта толкования всех лиц, которым адресован правовой документ, а в качестве объекта – широкий перечень официальных документов, не ограничивающийся нормативными правовыми актами. Как известно, объектом официального толкования выступает правовая норма, так как процесс реализации права требует, прежде всего, уяснения и разъяснения воли законодателя. Однако необходимость интерпретации вызывают не только нормативные правовые акты, регулирующие определенную сферу общественных отношений, но и другие официальные документы, в том числе индивидуальные правовые акты, которые порождают права и обязанности только у тех субъектов, которым они адресованы. Таким образом, современная правовая коммуникация характеризуется тем, что происходит расширение границ правотолкования, а следовательно, возрастает значимость неофициального – обыденного, специально-юридического, а также доктринального – толкования.

В связи с этим, на наш взгляд, вызывает сомнение основанное на примате регулятивной функции права однолинейное (субъект-объектное) представление о правовой коммуникации. Адресат правовой коммуникации, то есть законопослушный гражданин, – «вовсе не факультативный читатель» текста закона, а «основной участник правовой коммуникации, являющейся в своей основе диалогом народа и власти» [Голев, 2015, с. 140]. Действительно, важным фактором, определяющим результат толкования высказывания, является «фактор адресата» [Арутюнова, 1981], иными словами ментальные установки, особенности правосознания, личные интересы и другие характеристики интерпретатора. Роль адресата, как пишет Н. Д. Арутюнова, не только определяет социально-этикетную сторону речи, «она заставляет говорящего заботиться об ее организации, ибо всякое превышение предела небрежности сказывается на его интересах, вызывая рикошет переспросов» [Арутюнова, 1981, с. 358]. Применительно к процессу создания и функционирования официального документа, и, прежде всего, закона, это означает, что небрежное отношение законодателя к реальным потребностям адресата, а значит, и к языковому выражению правовых предписаний, неизбежно сказывается на достижении целей, на которые направлен конкретный правовой акт, вызывая со стороны правопользователей и правоприменителей, по образному выражению Н. Д. Арутюновой, «рикошет переспросов». К примеру, одним из широко обсуждаемых был Федеральный Закон «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ, который за восемь лет своего действия претерпел 40 (!) редакций. Вероятно, одной из существенных причин внесения большого количества поправок явилось неоднократное возникновение противоречий в процессе декодирования правовой информации, содержащейся в тексте этого закона. Этот пример наглядно показывает, что одним из актуальных всегда будет оставаться вопрос о коммуникативных качествах текста официальных документов, ведь с момента официального опубликования смысл нормативных предписаний перестает принадлежать законотворцу, происходит так называемое отчуждение текста от автора, и все участвующие в правовой коммуникации субъекты осуществляют интерпретацию правового документа исходя из того, что в нем написано [Барабаш, 2015, с. 40–41].

Результатом интерпретации текста является понимание, то есть тот смысл, который *придается высказыванию* адресатом. На наш взгляд, в процессе интерпретации текста официального документа возможны следующие сценарии расхождения смыслов нормативного предписания:

- 1) адресат приходит к дополнительным умозаключениям, увеличивающим объем исходного текста правового предписания (расширительное толкование);
- 2) адресат приходит к умозаключению, уменьшающему объем исходного текста правового предписания (ограничительное толкование);
- 3) адресат приходит к умозаключению, противоречащему смыслу исходного текста правового предписания, то есть происходит векторное расхождение смыслов;
- 4) адресат приходит к вариативным умозаключениям вследствие неопределенности смысла исходного текста нормативного предписания.

Расхождения в интерпретации смысла нормативного предписания могут приводить не только к неправильному пониманию закона, но и к невозможности воспользоваться правом, к конфликтам интересов правопользователей, к злоупотреблениям законом [Барабаш, 2015, с. 134–135].

Конфликтный потенциал текста правового документа может быть обусловлен различными факторами: наличием правовых коллизий, неточностью языкового выражения нормативного предписания, юридико-лингвистической неопределенностью нормы, фактором адресата. К сожалению, законодатель зачастую недооценивает ин-

терпретационный потенциал текста создаваемого им правового акта, включаемого с момента официального опубликования в процесс правовой коммуникации. Рассмотрим конкретные примеры. Так, расширительное толкование могут допускать такие нормативные предписания, в которых содержатся открытые перечни юридически значимых фактов. На открытый перечень указывают слова «иные», «другие», «прочие». Важно, что во фрагментах текста, посвященных определению функций или полномочий должностных лиц, подобные слова не просто создают возможность расширительного толкования правового предписания, но и могут рассматриваться в качестве коррупциогенного фактора, классифицируемого в «Методике проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» как «широта дискреционных полномочий» [Методика, 2015].

Отметим, что особое значение недвусмысленность правовых норм и их согласованность в системе общего правового регулирования приобретают применительно к уголовному законодательству, «являющемуся по своей правовой природе крайним (исключительным) средством, с помощью которого государство реагирует на факты противоправного поведения в целях охраны общественных отношений, если она не может быть обеспечена должным образом только с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности. <...> Нормы, вводящие юридическую ответственность, должны исключать расширительное их истолкование, с тем чтобы за правонарушения, являющиеся, по существу, административными, не допускалась одновременно возможность и уголовной ответственности. Тем более не должно иметь место такое регулирование, в результате которого уголовная ответственность вводится за совершение тех или иных действий, разрешенных законом, регулирующим соответствующую сферу отношений, т.е. законных по своему существу» [Постановление, 2008].

Ситуация правового конфликта может возникнуть в случае, если участник правовой коммуникации приходит к умозаключению, уменьшающему объем исходного текста правового предписания. В качестве примера рассмотрим договор добровольного страхования ответственности владельца спорного автомобиля. Положения данного договора устанавливают, что при возникновении страхового случая «основной формой возмещения является натуральная». Владелец пострадавшего транспортного средства хотел получить возмещение ущерба в денежном эквиваленте по расчету независимого оценщика. Однако суд первой инстанции, осуществив ограничительное толкование приведенного положения договора, посчитал натуральную форму страхового возмещения, то есть организацию страховщиком проведения восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства, единственно возможной. Получив отказ, владелец пострадавшего транспортного средства счел необходимым обжаловать решение суда первой инстанции. Показательным является позиция апелляционной инстанции, указавшей, что «формулировка «основной формой возмещения является натуральная» не исключает права выгодоприобретателя на получение страхового возмещения в денежной форме по калькуляции независимого оценщика» [Постановление (а) 2016].

Предпосылкой возникновения конфликта в правовой коммуникации является противоречие «буквы» и «духа» закона, которое обнаруживается, например, в п. 19 ст. 83 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», где законодатель устанавливает следующее: «В случае, если запрос предложений признается не состоявшимся в связи с тем, что до момента вскрытия конвертов с заявками на участие в запросе предложений и открытия доступа к поданным в форме электронных документов заявкам на участие в запросе предложений не подано ни одной такой заявки, заказчик вносит изменения в план-график (при необходимости также в план закупок) и снова осуществляет закупку» [Федеральный закон 2013]. Из содержания нормы следует, что если запрос предложений не состоялся,

заказчик должен вновь и вновь проводить закупку. На это указывает настоящее время глагола «осуществляет», а также отсутствие формулы «вправе», которая в данном случае позволила бы заказчику отказаться от этой закупки. Вряд ли законодатель предполагал бесконечное осуществление данной процедуры, особенно в случае осознания заказчиком ее нецелесообразности. Однако буквальное толкование нормы вынуждает правопользователя прийти к умозаключению, противоречащему смыслу исходного текста правового предписания, иными словами, в процессе интерпретации нормы возникает векторное расхождение смыслов адресанта и адресата. Подобная ситуация может спровоцировать конфликт заказчика с контролирующими органами, поскольку прекращение осуществления закупки будет являться нарушением прямого установления закона.

Неопределенность смысла исходного текста нормативного предписания неизбежно приводит правопользователя к вариативным умозаключениям и также может служить предпосылкой для возникновения конфликтной ситуации и судебного разбирательства. Так, согласно материалам дела, изложенным в Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда, ООО ПКО «ЧелСИ», ссылаясь на просрочку выполнения работ подрядчиком, обратилось со встречным иском к ООО «ЮУСТМ – 2» о взыскании неустойки в сумме 873 188 руб. 50 коп. Размер неустойки был рассчитан исходя из положения договора подряда между участниками судебного спора, которое устанавливало, что при нарушении срока выполнения работ «подрядчик уплачивает неустойку в размере 0,1 % от общей стоимости работ по настоящему договору, за каждый календарный день просрочки до момента исполнения обязательств» [Постановление (б) 2016]. Судом первой инстанции иск был удовлетворен. Однако, как установила в дальнейшем апелляционная инстанция, «формулировка «в размере 0,1 % от общей стоимости работ» не позволяет достоверно установить какие работы подразумеваются сторонами: выполненные или неоплаченные. Иные условия договора и его смысл в целом также не позволяет конкретизировать порядок определения размера неустойки, в связи с чем апелляционный суд с учетом цели договора и обычаев делового оборота приходит к выводу, что неустойка в данном случае подлежит начислению на сумму несвоевременно сданных работ» [Постановление (б) 2016]. В соответствии с решением апелляционного суда был пересмотрен размер неустойки по спорному договору, составивший вместо заявленных 873 188 руб. 50 коп. лишь 62 614 руб. 99 коп.

Таким образом, текст правового документа в силу различных факторов (экстралингвистических и собственно языковых) может допускать вариативные интерпретации, затрудняющие правовую коммуникацию и способствующие возникновению конфликтов. В то же время очевидно, что механизмы преодоления коммуникативной конфликтности заложены в языке и в большинстве случаев знание этих механизмов позволит авторами официальных документов излагать правовые предписания в непротиворечивых формулировках.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Известия Академии наук СССР. Сер.: Литература и язык. – М., 1981. – Т. 40, № 4. – С. 356–367.
2. Барабаш, О. В. Язык и стиль официальных документов: антикоррупционные требования : моногр. / О. В. Барабаш. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2015. – 164 с.
3. Голев, Н. Д. Юридическая терминология в контексте доктринального толкования / Н. Д. Голев // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 4. – С. 138–148.
4. Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (утв. постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96) (с изменениями и дополнениями от 18 июля 2015). – URL: <http://base.garant.ru/197633>

5. Пиголкин, А. С. Толкование норм права и правотворчество: проблемы соотношения / А. С. Пиголкин // Закон: создание и толкование / под ред. А. С. Пиголкина. – М. : Сапрк, 1998. – 288 с.
6. Постановление (а) Девятого арбитражного апелляционного суда от 02.03.2016 № 09АП-4782/2016-ГК по делу № А40-162965/2015. – URL: <http://ras.arbitr.ru>
7. Постановление (б) Девятого арбитражного апелляционного суда от 04.03.2016 № 18АП-33/2016 по делу № А76-16182/2015. – URL: <http://ras.arbitr.ru>
8. Постановление Пленума ВАС РФ от 02.06.2004 № 10 (ред. от 10.11.2011) «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48600/
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. А. Асламазян». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_77402/
10. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157037/?frame=11
11. Черданцев, А. Ф. Толкование права и договора : учеб. пособие / А. Ф. Черданцев. – М. : Юнити-Дана, 2003. – 381 с.

Т. А. Милёхина
(г. Харбин, Китай)

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ ИМИДЖ РОССИИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Современная политическая ситуация предполагает необходимость усиления роли культурологического влияния и распространения русского языка в мире. Данная задача, являясь в высшей степени осознанной необходимостью, должна осуществляться, разумеется, в первую очередь, специалистами – филологами, преподавателями русского языка как иностранного, но не только. Впечатление о стране в далёком зарубежье формируется целым рядом лингвистических факторов, среди которых, например, позиция деятелей современной российской культуры, выступающих в иноязычной аудитории, отечественная фильмография. Два года работы в одном из ведущих технических вузов КНР позволили в режиме реального времени и реальной ситуации наблюдать, как воспринимаются и работают эти факторы на продвижение привлекательного имиджа России.

В первую очередь хочу познакомить читателя с теми впечатлениями, которые возникли у меня в результате работы с двумя учебными пособиями по русскому языку как иностранному – комплексом учебников по русскому языку для вузов «Русский язык. Восток», изданным Пекинским университетом иностранных языков, и учебному комплексу «Поехали!», «Поехали!-2», подготовленному Санкт-Петербургским издательством «Златоуст». Стоит сразу оговориться, что это очень хорошие, методически прекрасно организованные учебники, содержащие в большом объёме интересные и познавательные учебные материалы. Однако в данной статье внимание сосредоточено, прежде всего, на том, какой образ русского мира представлен авторами, какой видят нашу страну студенты, изучающие русский язык, что они узнают о ней.

«Русский язык. Восток» [Русский язык, 2015], предназначенный для студентов первого курса, представляет Россию как страну великой культуры. Каждый раздел книги содержит страноведческую информацию на китайском языке под рубрикой «О России», в которой рассказывается о Пушкине, Лермонтове, Гоголе, Тургеневе, Достоевском, Толстом, Чехове, Ломоносове. В качестве иллюстраций в учебнике используются картины великих русских художников: «Золотая осень» и «Март» И. И. Левитана; «Бурлаки на Волге» И. Е. Репина; «Рожь» И. И. Шишкина; «Грачи прилетели» А. К. Саврасова; «Девочка с персиками» В. А. Серова; «Утро

стрелецкой казни» В. И. Сурикова; «Алёнушка» В. М. Васнецова; «Незнакомка» И. Н. Крамского.

Эта генеральная линия получает продолжение и в учебных материалах на русском языке – текстах, диалогах и упражнениях. В тексте «В библиотеке» китайский студент рассказывает, что он взял в библиотеке стихи Пушкина и рассказы Чехова на русском языке, потому что хочет прочитать их по-русски [Русский язык, 2015, с. 137]. Урок 11 содержит большой учебный диалог «В театре» [Русский язык, 2015, с. 121–122], где китайский студент будет смотреть русский балет. Урок 14 содержит подстановочное упражнение, включающее следующие реплики: – *Из всех русских писателей/композиторов/московских театров/русских городов я больше всего люблю Достоевского/Чайковского/Левитана/Большой театр/Суздаль* [Русский язык, 2015, с. 165]; *Скажите, пожалуйста, какой это театр/музей/парк/библиотека?* [Русский язык, 2015, с. 166]. В диалогах урока 15 студенты спрашивают: *Как пройти к новому цирку/Малому театру/Третьяковской галерее/Пушкинской площади?* [Русский язык, 2015, с. 180].

Таким образом, учебник русского языка «Восток» формирует представление о России как о стране высокой культуры, визитной карточкой которой являются великая литература, живопись, музыка, театральное искусство, большие научные достижения.

Учебный комплекс «Поехали!» [Поехали! 2009, 2012, 2013], изданный в Санкт-Петербурге, написан для взрослых, его первое издание датируется 2001 г., что, разумеется, накладывает на содержание книги особый отпечаток 90-х, времени большого критического осмысления роли и места России в мире. Анализ содержания данного учебного пособия представляет любопытный материал для осмысления той картины русского мира, которая представлена здесь.

Актуальными лексико-семантическими группами в учебнике являются группы со значением «алкоголь» (*вино красное, белое, коньяк, пиво светлое, тёмное, водка, коктейль, бутылка, энергетический коктейль*), «увеселительные заведения» (*казино, бар, ночной клуб, ресторан*), «деньги» (*богатый, бедный, дорогой, дешёвый*), «новые профессии» (*модель, новый русский, мафия, гангстер, миллионер*).

Каждая ЛСГ реализуется в большом тексте, предназначенном для чтения и обсуждения. Приведём в пример начальную фразу одного из текстов: *Мафия узнала, что в секретной лаборатории есть формула, которая даёт возможность делать водку из воды и воздуха!* [Поехали!-2.П-38]. А вот как выглядит образец телефонного диалога: – *Это компания Русская водка Лимитед? – Нет, это компания Русская водка Анлимитед!* [Поехали!-2.І-155]. В одном из заданий студентам предлагается список продуктов для пикника, среди которых 36(!) бутылок пива [Поехали!-2.І-128].

ЛСГ «Деньги» представлена в целом ряде заданий следующего типа: *Вы можете потратить миллион? На что?; Пятеро новых русских потратили десять миллионов за месяц. Сколько обычным людям нужно, чтобы потратить эти деньги?* [Поехали!-2.І-70; 87]. Большой текст с названием «Казино» в юмористической форме рассказывает о том, что друзья посещают это развлекательное заведение, потому что там разрешается бесплатно пить алкогольные напитки [Поехали!-2.І-54].

Иностранцам, изучающим русский язык, предлагается и информация о новых профессиях в России. Например, вот как представляют авторы образ жизни профессиональной модели: *Модель. Вы любите красивую жизнь, богатых мужчин, дорогие рестораны, ночные клубы* [Поехали!-2.І-142]. А так выглядит портрет «нового русского»: *Новый русский. У вас много денег и молодая красивая жена. Вы любите азартные игры, баню, хороший стол, пикники и шашлыки, дорогие клубы и экзотику* [Поехали!-2.І-143].

Таким образом, картина мира, формируемая авторами учебника, представляет собой новую Россию: мир, в котором популярной профессией для женщины является профессия модели, мир, в котором не зазорно бесплатно пить в казино алко-

гольные напитки, проводить жизнь в праздности, задумываться о том, как потратить невесть откуда взявшийся, возможно – выигранный в казино – миллион долларов. Но и это ещё не всё. Вполне определённо в «Поехали!» прочитывается отношение к родной стране, России, самих авторов книги. Оно ярко выражено в одном из учебных текстов – адаптированном отрывке из книги Ф. Шаляпина «Страницы моей жизни». В этом большом по объёму упражнении для чтения и пересказа, фактически завершающем учебное пособие «Поехали!1.», реализуется высокая положительная оценка ряда европейских стран, таких, как Англия, Норвегия, Финляндия. Эта высокая положительная оценка даётся в сравнении с низкой, прямо отрицательной оценочной характеристикой собственной страны, России. Англия – государство, *которое так внимательно к своим людям*. Норвегия – страна, в которой, в отличие от России, чтут своих писателей и драматургов: *Они (Ибсен, Бьернсон) недавно умерли, а памятники уже стоят, хотя норвежцы спокойный народ! А мы, русские, – беспокойные, но у нас ещё нет памятников Тургеневу, Достоевскому, Толстому ...* [Поехали!-1.-248]. Финляндия – страна, где девушка-финка тихо поёт песню о солнце. Именно о ней думал Шаляпин, когда *... в серый дождливый день ехал в Петербург, который уже назывался Петроград* [Поехали!-1.-249].

Особое внимание необходимо сосредоточить на том, как воспринимаются китайской студенческой аудиторией тексты и задания, о которых шла речь. В ночной клуб студенты не ходят, бары, а тем более казино не посещают, как потратить миллион, тоже не знают. Вопрос, кем вы хотите быть, имеет типичные ответы – хочу стать преподавателем, переводчиком, инженером. Желаящих стать моделями не находится. Любимые книги молодых китайцев – «Как закалялась сталь» Николая Островского, «А зори здесь тихие» Бориса Васильева, «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери. Россия для них – это, прежде всего, Москва, Санкт-Петербург, Суздаль, музеи, театры, книги. Поэтому возникает, на мой взгляд, весьма актуальный вопрос – а что же такое Россия для нас самих?

Ответ на этот вопрос довелось услышать 20–21 апреля 2015 г. на встрече китайских преподавателей и студентов с одним из самых авторитетных современных российских писателей в Хейлунцзянском университете города Харбина КНР.

Большая аудитория преподавателей русского языка и литературы собралась на первой лекции Вячеслава Алексеича Пьещуха из серии «Китайские этюды», и интерес был очень велик. О чём же рассказал писатель? В лекции, посвящённой русской литературе, он основательно и подробно поведал о том, что писатель – человек и писатель – писатель, гений русской литературы – далеко не одно и то же. Много говорилось о том, какими чертами личности обладали гении русской литературы – т.е. кто пил горькую, как складывалась личная и семейная жизнь с подробностями и т.д. *Великий русский критик Белинский очень боялся собак, но не боялся эшафота. Пушкина Александра Сергеевича его супруга Наталья Николаевна билла по щекам, Гоголь страдал паранойей* и т.д., и т.п. Автор одной из самых пронзительных и трогательных книг о судьбах и творчестве великих гениев русской литературы [Пьещух, 2008] посчитал необходимым донести до зарубежной аудитории мысль о том, что писатель-человек и писатель – гениальный художник – зачастую прямо противоположные сущности. И в этом, конечно, есть правда, однако – насколько она уместна в зарубежной аудитории? Насколько эта правда, иногда горькая, необходима людям, профессионально в другой стране изучающим великую русскую литературу и преподающим эту литературу молодым соотечественникам?

Коснулся писатель и современного состояния страны, тех коллизий, которые переживает сегодня российское общество. И главная мысль, которой он поделился – *литературы в современной России нет, искусства нет, писателей нет. Рынок завоевали домохозяйки, которые взяли моду писать прозу*. По мере выступления

недоумение аудитории возрастало всё больше. Напрашивался вопрос – зачем же изучать такую литературу и такой язык?

В. А. Пьецух не только охарактеризовал таким образом место русской литературы в современном литературном процессе, но и не упустил возможности несколько слов посвятить русскому языку. Одна из его лекций называлась «О некоторых преимуществах и слабых сторонах русского языка». В чём же он видит, например, слабости? Прежде всего, в том, что русский труден для изучения, понимания и перевода. Упрекнул родной язык писатель и в ненужной, по его мнению, многословности, в наплыве большого числа заимствований и в несовременной неповоротливости. К сожалению, в последнее время русский язык всё чаще становится мишенью для псевдонаучных атак и изощренных обвинений [Кругликова, 2014, с. 132]. Именно поэтому как самое большое наше богатство он нуждается не в обвинении, но в защите, особенно таких авторитетных адвокатов, как всеми признанный писатель.

Наконец, последнее. Иностранцы, изучающие русский язык, с большим желанием и энтузиазмом смотрят российское кино. Но есть ли у современного преподавателя РКИ материал, который можно использовать для просмотра в учебной аудитории? Авторы учебных пособий по аудированию [Аудиовизуальный курс, 2014] предлагают следующий список художественных фильмов для студенческой аудитории: «Вам и не снилось» (1981), «Осенний марафон» (1979), «Покровские ворота» (1982). Из современных – «Ёлки» (2010) и «Служебный роман (Наше время)» (2011). В трёх картинах действие разворачивается в Советском Союзе. Сюжетные схемы и проблемы, актуальные для того времени и социальная ситуация безнадежно устарели. Современные ленты – например – «Ёлки» включают сцены распития алкогольных напитков в самолёте, то есть нарушения всех правил поведения в транспортном средстве повышенной опасности. Новый «Служебный роман» также не отличается высокими морально-нравственными качествами и содержит сцены разгульных корпоративных вечеринок. Пресловутый вопрос создания положительного имиджа страны великой культуры опять встаёт в полный рост.

Таким образом, преподавать русский язык как иностранный даже в такой дружественной России стране, как Китай, нелегко. Простая мысль всё чаще и чаще приходит в голову: как представить и поддержать высокий уровень уважения и симпатии к нашей стране у тех молодых людей, которые не только хотят, но и уже отлично говорят по-русски, как поддержать наших зарубежных друзей за пределами России? А ведь таких энтузиастов России много. Несмотря ни на какие политические игрища Россию любят и ценят по достоинству на разных континентах мира. Задача огромной актуальности сегодня – осовременить эту любовь. И эта задача комплексная, насущная потребность, которую должны осознать и кинематографисты, и литераторы, и политики, и простые граждане. Сегодня в основе созидания такого имиджа – не политические догмы, но привлекательность культурного и духовного потенциала, сила научной мысли, красота творчества, могущество интернационального единства. Всё то, что уже давно видят в нас наши коллеги за рубежом и всё то, что, видимо, только ещё предстоит увидеть и почувствовать нам, россиянам, в самих себе и по отношению друг к другу.

Список литературы

1. Аудиовизуальный курс русского языка. Базовый уровень. – Пекин : Изд-во ун-та иностр. яз., 2014.
2. Кругликова, Л. Е. Достаточно ли в русском языке слов для выражения мыслей? / Л. Е. Кругликова // Русский язык: исторические судьбы и современность : тр. и материалы V Междунар. конгресса исследователей русского языка. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2014. – С. 132–134.
3. Пьецух, В. Русская тема. О нашей жизни и литературе / В. Пьецух. – М. : Глобулус, 2008.

4. Русский язык. Восток / под ред. Ши Те Тьян. – Пекин : Изд-во ун-та иностранных языков, 2015. – Ч. 1.
5. Чернышов, С. И. Поехали! Русский язык для взрослых. Начальный курс / С. И. Чернышов. – 7-е изд. – СПб. : Златоуст. – 2009. – Ч. 1.
6. Чернышов, С. И. Поехали!-2. Русский язык для взрослых. Базовый курс : в 2 т. / С. И. Чернышов, А. В. Чернышова. – 4-е изд. – СПб. : Златоуст, 2013. – Т. I.
7. Чернышов, С. И. Поехали!-2. Русский язык для взрослых. Базовый курс : в 2 т. / С. И. Чернышов, А. В. Чернышова. – 3-е изд. – СПб. : Златоуст, 2012. – Т. II.

Е. Ю. Ожегова, Т. В. Гусева, А. С. Фролова
(г. Пенза, Россия)

ЯЗЫКОВАЯ ГИБРИДИЗАЦИЯ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ «НОВЫХ» ЯЗЫКОВ

Языковая политика в любом государстве может определяться разными факторами: политическими, экономическими, социокультурными. Стремление к глобализации и интернационализации являются неотъемлемыми элементами современного времени. Результатом данных процессов является взаимопроникновение языков и как следствие – возникновение языковых гибридов.

Вот уже несколько лет ученые-лингвисты говорят о существовании таких языков-гибридов, как франгле (français+anglais), русангл (Russian+English) или интеррусский, денглиш (Deutsch + English), чинглиш (Chinese + English). Возникновение новых языковых форм всё чаще происходит не по причине территориальной близости и взаимопроникновения языков, а часто вследствие активизации такой речевой деятельности как перевод, чтение иностранной литературы, участие в международных конференциях и симпозиумах, разработка совместных научных проектов.

С одной стороны, появление совершенно новых языковых форм, стало тревожным сигналом для ученых лингвистов, так как чрезмерное засилье иностранными словами родного языка может привести к изменению ценностных ориентиров в обществе и обесцениванию родного языка и культуры. С другой стороны, это неизбежный процесс, обогащающий словарный состав любого языка.

По данным исследователя Е. А. Зыковой, доля англицизмов в словарном составе русского языка возросла на 25 %. Данное обстоятельство, несомненно, говорит о том, что использование англоязычных элементов давно стало нормой для современного русского языка [Зыкова, 2015, с. 1].

Существует несколько способов внедрения англицизмов в русский язык:

1) прямое: английские слова в русском языке существуют в том же значении и виде, что и в исходном: выходные часто называют уик-эндом, деньги – мани;

2) гибриды: английское слово дополняется русским суффиксом: современная молодежь вместо слово «спросить» может употребить аскасть от английского to ask, вместо беспокоишься – бузишь от busy;

3) калька: такие слова как пароль, вирус, меню, клуб – полностью соответствуют фонетическому и графическому облику;

4) полукалька: при грамматических изменениях англицизмы в русском языке принимают формы согласно грамматическим нормам: драйв – драйва «давненько я не испытывал такого драйва»;

5) экзотизмы: выражения, связанные с национальными традициями, обычаями. не имеют русских синонимов: чизбургер, гамбургер, хот-дог;

6) иноязычные вкрапления: по сути это выразительные, экспрессивные средства: Ок, Wow;

7) композиты: соединение двух английских слов – в русском одно понятие. Например, видеосалон или секонд-хенд;

8) жаргонизмы: Заимствование происходит вследствие искажения звуков – крезанутый (crazy).

Соглашаясь с мнением Е. А. Зыковой, следует отметить, что скрытую опасность для русского языка представляет процесс калькирования грамматических структур, где оба элемента двусоставного слова являются существительными, одно из которых выполняет функцию определения, а другое – определяемого слова. Данные словообразовательные модели прочно укрепились в повседневной лексике русского языка. Это такие слова, как интернет-класс, арт-кафе, веб-устройство, интернет-платеж и т.д.) [Зыкова, 2015, с. 1].

Английские заимствования прочно заняли свои места почти во всех сферах жизнедеятельности: политика, спорт, экономика и бизнес, интернет и реклама.

Интересно происхождение слова «хостесс», которое в настоящее время часто встречается в ресторанном бизнесе.

Хостесс – это женская профессия, в России гораздо чаще мужская – хост. В задание хостесс входит забота о гостях в ресторанах, отелях, аэропортах, а также на больших выставках и конференциях. Хостес должны привлекательно выглядеть, быть учтивыми, а также в большинстве случаев владеть одним или несколькими иностранными языками.

Слово хостес образовалось от латинского hospes, что значит гость и перешло в старофранцузский как (h)ostes с женской формой (h)ostesse и наконец в современный французский как hôte, hôtesse. Уже в средние века слово перешло в английский язык как hostess в значении принимающий гостей и наконец в конце XX в. слово вошло в русский язык. Чаще всего это слово употребляется в русском языке в сфере ресторанного бизнеса. Это человек, который встречает и провожает гостей до их столика. Аналогичного наименования этой должности в русском языке нет.

Существенным изменениям подвергся словарный состав немецкого языка.

Согласно данным исследователя А. А. Патрикеевой, за период с 2000 по 2009 гг., количество англицизмов в современном немецком языке заметно увеличилось и составляло 23 слова из 100 [1]. В немецкий язык было заимствовано 5 000 английских терминов. Первоначально эти термины появились в профессиональной сфере, а именно при проведении международных конференций о единообразии терминологии в немецком и английском языках. Позднее это явление переняла сфера рекламы, чтобы придать продукции международный оттенок. языка [Патрикеева, 2009, с. 2].

Появление новой языковой формы – Denglisch (Deutsch+English), с одной стороны, стало тревожным сигналом относительно засорения немецкого языка, с другой – явилось процессом расширения словарного состава немецкого языка.

Какова же доля заимствованных слов в немецком языке? Как часто в современном немецком языке используются английские заимствования? Вот что говорят по этому поводу немецкие филологи [Knutt, с. 3]:

– если немецкий словарь насчитывает приблизительно 300 000–500 000 слов, то количество абсолютно всех заимствованных слов может составить 100 000 слов;

– основной словарный запас с 2800 словами содержит около 6 % иностранных слов;

– больше всего заимствованных слов среди существительных, на втором месте – прилагательные, затем следуют глаголы и потом уже остальные слова;

– количество английских заимствований в рекламных текстах (как известно, самых насыщенных иностранными словами) составляет 4% от числа всех использованных слов.

В настоящее время заимствование иностранных слов, а в особенности английских, рассматривается многими лингвистами Германии позитивно. Заимствова-

ния свидетельствуют об активности государства на мировой арене и об его прогрессивности. Владение иностранными языками считается признаком образованности, и принадлежности к верхнему слою общества. Таким образом, англицизмы выполняют сигнальную функцию: они указывают на принадлежность говорящего или пишущего к определенной социальной группе.

Английские заимствования в немецком языке представлены сегодня практически во всех сферах жизнедеятельности человека, но первые места в этом списке занимают:

- Computer (например, chatten, E-Mail, Internet);
- Medien (например, Daily Soap, Late-Night-Show, zappen);
- Soziales / Gesellschaft (к примеру, Event, mobben, Ranking);
- Sport (например, biken, Carving, Skates);
- Wirtschaft (например, E-Commerce, Globalplayer, Outsourcing).

Сферы, связанные с компьютером, с информатикой, по праву занимают первое место в этом списке. Palmtop, handheld, upgrade и scrollen – еще несколько примеров англицизмов, используемых в этой области. Как это все объяснить? То ли ленью, мешающей программистам перевести английские термины на немецкий язык? То ли полным отсутствием у них креативности? Те, кто так считает, не так уж далеки от истины. При внимательном рассмотрении проблемы оказывается, что в начале зарождения компьютерной отрасли программисты честно пытались использовать немецкие термины. Почему же Rechner превратился в Computer, Speicher в Memory, а Bildlaufleiste в Scrollbar?

Огромное распространение получили англицизмы в немецком языке в сфере рекламной деятельности. Согласно данным исследователя А. А. Патрикеевой, среди рекламных слоганов со смешением немецкого и английского языков встречаются немецкие слоганы с англицизмами, например: *Architektur, Design und das gute Gefühl*. (Jely Haus); *Deutschlands Familien haben diese Küche zum Bestseller gemacht*. (SieMatic) [Патрикеева, 2009, с. 2].

Даже если согласиться с мыслью о том, что процесс англицизации немецкого языка неизбежен и даже в чем-то полезен, все равно с употреблением английских слов и выражений связаны определенные проблемы:

1. Англицизмы плохо интегрируются в немецкий язык не только с лексической, но и с грамматической точки зрения. Вот почему их трудно использовать. Как, например, должно склоняться слово Drop или как спрягаются глаголы downloaden или checken? А какого рода слово Site?

2. Много вопросов вызывает и произношение этих слов, которое отличается от немецкого. Особенно трудными для немцев кажутся звуки, которых в немецком языке нет, например: <dg>, звучащий как глухой dsch и т.д.

3. Правописание английских слов также создает ряд проблем, одна из которых заключается в следующем: каким же правилам правописания необходимо следовать – английским или немецким? Известны случаи, когда возможны оба варианта написания слова: Club / Klub.

Сегодня ученые Германии убеждены в том, что если распространение лингвистического гибрида под названием «Denglisch» не остановить, немецкий язык рискует в нем полностью раствориться. И это не преувеличение – население Германии уже практически разучилось говорить на литературном немецком, который многие молодые немцы пренебрежительно называют «языком бабушек и дедушек».

Таким образом, становится понятно, что проблема «новых» языков вышла на государственный уровень: политики и общественные деятели принимают активное участие в дискуссии по поводу сложившейся ситуации на сегодняшний день. Англицизмы запрещены к употреблению в деловой сфере (причем различные общества

по охране самобытности языка и многие популярные газеты и журналы следят за публичными выступлениями официальных лиц, регулярно «клейма» нарушителей.

Сегодня вопрос о сохранении идентичности языков встал очень остро. В последнее время создается огромное количество организаций и институтов, целью которых является сохранение и дальнейшее развитие национальных языков и культур. Открываются молодежные объединения, активно пропагандирующие актуальность изучения национального языка и сохранение традиций и обычаев народа. Однако без кардинального вмешательства государственной власти и принятия федеральных законов не возможно будет решить проблему сохранения национальных языков как независимых и самобытных.

Список литературы

1. Зыкова, Е. А. Англо-русские гибридные образования как один из способов пополнения лексического состава русского языка / Е. А. Зыкова // Современная филология : материалы IV Междунар. науч. конф. – Уфа, 2015. – С. 42–45.
2. Патрикеева, А. А. Англицизмы в немецком языке (на материале языка рекламы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Патрикеева А. А. ; Институт лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета. – М., 2009. – 24 с.
3. Magazin der FAZ, 1996. – 34 с.
4. Die homepage von Prof.Dr. H. Bausinger. – URL: www.uni-tuebingen.de/kultur.htm
5. URL: www.deutsch-als-fremdsprache.de

Н. А. Просина
(г. Пенза, Россия)

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ РКИ

Ксенофобия – следствие недостатка не интеллекта, таланта или каких-то качеств, она – следствие недостатка культуры. Отсюда и конфликт.

Е. И. Пассов

Актуальность всех вопросов, связанных с культурой, приобрела в настоящее время небывалую остроту. Социальные, политические и экономические потрясения мирового масштаба привели к небывалой миграции народов, их переселению, расселению, столкновению, смешению, что, разумеется, приводит к конфликту культур. В такой взрывоопасной ситуации перед наукой и образованием остро стоят сложные и благородные задачи: во-первых, исследовать корни, проявления, формы, виды, развитие культур разных народов и их контактов и, во-вторых, научить людей терпимости, уважению, пониманию других культур. Совершенно особое значение имеет решение (или хотя бы осознание) этих проблем для преподавания иностранных языков.

Каждый урок иностранного языка – это перекрёсток культур, это практика межкультурной коммуникации, потому что каждое иностранное слово отражает иностранный мир и иностранную культуру: за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием инофона представление о мире.

Основная задача преподавания иностранных языков в России в настоящее время – это обучение языку не только как реальному и полноценному средству общения, но как средству, которое повышает уровень комфорта в процессе обучения, работы или жизни инофона в России. Для того чтобы научить иностранному языку как средству общения, нужно создать обстановку реального общения, наладить связь преподавания иностранного языка с жизнью, активно использовать изучаемый

иностранный язык в живых, естественных ситуациях. Язык должен изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народа, говорящего на этом языке.

Научить людей общаться (устно и письменно), научить производить, создавать, а не только понимать иностранную речь – это трудная задача, осложнённая ещё и тем, что общение – не просто вербальный процесс. Его эффективность, помимо знания языка, зависит от множества факторов: условий и культуры общения, правил этикета, знания невербальных форм выражения (мимики, жестов), наличия глубоких фоновых знаний и многого другого.

К компонентам культуры, несущим национально-специфическую окраску, можно отнести как минимум следующие:

а) традиции (или устойчивые элементы культуры), а также обычаи (определяемые как традиции в «соционормативной» сфере культуры) и обряды (выполняющие функцию неосознанного приобщения к господствующей в данной системе нормативных требований);

б) бытовую культуру, тесно связанную с традициями, вследствие чего её нередко называют традиционно-бытовой культурой;

в) повседневное поведение (привычки представителей некоторой культуры, принятые в некотором социуме нормы общения), а также связанные с ним мимический и пантомимический (кинестический) коды, используемые носителями некоторой лингвокультурной общности;

г) «национальные картины мира», отражающие специфику восприятия окружающего мира, национальные особенности мышления представителей той или иной культуры;

д) художественную культуру, отражающую культурные традиции того или иного этноса.

Речь идёт, таким образом, о необходимости более глубокого и тщательного изучения мира (не языка, а МИРА) носителей языка, их культуры в широком этнографическом смысле слова, их образа жизни, менталитета и т.п., потому что реальное употребление слов в речи, реальное речевоспроизводство в значительной степени определяется знанием социальной и культурной жизни говорящего на данном языке речевого коллектива. «Язык не существует вне культуры, т.е. вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [Сепир, 1993, с. 185].

Как соотносятся между собой язык и культура? Каким образом язык отражает мир, пропущенный через сознание человека? Каково влияние языка на формирование личности? Как отражаются в языке и одновременно формируются им индивидуальный и коллективный менталитет, идеология, культура? Что такое национальный характер и как он формируется языком? Как языком и культурой создается картина мира – первичная, от родного языка, и вторичная, усваиваемая при изучении других языков? Почему весь мир озабочен проблемами межкультурного общения и межкультурных конфликтов?

Поиски ответов на эти вопросы приводят к тому, что в методике преподавания иностранных языков появляется идея о необходимости формирования культурной компетенции, обучения не языку как таковому, а культуре, частью которой является язык, как «совокупность всех слов народа и верное их сочетание для передачи мыслей своих» [Даль, 1991, с. 674]. Сегодня необходимо говорить о культуурообразующей концепции обучения иностранному языку, ибо, во-первых, всякая культура как материальная, так и духовная, национальна, при этом она воплощается в языке, во-вторых, языку присуща особенная для каждого народа внутренняя форма, которая выражает «народный дух», культуру, т.е. национальный характер культуры выражается в национальном языке через особое видение мира, в-третьих, язык – звено между че-

ловеком и окружающем его миром, в-четвёртых, язык и культура структурно сходны, язык включен в культуру так же, как и культура включена в язык.

Э. Сепир считал, что взаимодействие языка и культуры заключается в следующем: «Культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как оно думает. Содержание языка неразрывно связано с культурой» [Сепир, 1993, с. 14]. Созвучна этой и мысль Г. О. Винокура, который писал, что «всякий языковед, изучающий язык, непременно становится исследователем той культуры, к продуктам которой принадлежит избранный им язык» [Винокур, 1959, с. 211].

Тезис о единстве языка и культуры привел к возникновению целого ряда вопросов, связанных с процессом реализации единства языка и культуры при обучении русскому языку как иностранному. Такая необходимость обусловлена тем, что если субъект учебного процесса говорит на изучаемом языке на основе усвоенных речевых стереотипов, не владея при этом языковой вариантностью, обусловленной знанием национальной специфики культурной и языковой картины мира носителей изучаемого (русского) языка, можно говорить только об актуализированной способности быть условно адекватным в среде изучаемого языка.

При интерпретации фактов культуры в учебных целях преподаватель РКИ может идти от фактов языка к фактам культуры. При этом объектами рассмотрения является безэквивалентная лексика, фоновые знания, присущие носителям языка, отсутствующие или иначе интерпретируемые в «чужой» культуре, а также тактики речевого поведения в различных ситуациях общения. Или же преподаватель может идти от фактов культуры к явлениям в языке. Взаимодействие языка и культуры в рамках этого направления изучают в процессе их функционирования. Успешность усвоения подобного рода информации ведет к формированию полноценной вторичной языковой личности иностранных студентов.

Формирование вторичной языковой личности иностранных студентов проходит этапы «подключения обучающихся» к концептуальной картине мира, под которой понимается определенный ментальный уровень, включающий совокупность всех культурных концептов, их упорядоченную систему. В результате происходит трансформация элементов концептуального сознания в языковые образы, символы, знаки, заключающие в себе результаты деятельности всего этнокультурного сообщества.

Таким образом, владение языком означает ориентацию на развитие языковой личности. Уровень владения языком определяется не только теоретическими знаниями о языке и правилами правописания, но и практическими навыками, выражающимися в речевой деятельности студентов и учащихся, в их творческой и исследовательской работе над словом.

Список литературы

1. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М. : ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Акишина, А. А. Жесты и мимика в русской речи: лингвострановедческий словарь / А. А. Акишина, Х. Кано, Т. Е. Акишина. – М., 1991. – 145 с.
3. Алмазова, Н. И. Когнитивные аспекты формирования межкультурной компетентности при обучении иностранному языку в неязыковом вузе : дис... д-ра пед. наук: 13.00.02 / Алмазова Н. И. – СПб., 2003. – 446 с.
4. Балыхина, Т. М. Методика преподавания русского языка как неродного, нового : учеб. пособие / Т. М. Балыхина. – М. : Изд-во РУДН, 2007. – 185 с.
5. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Прогресс, 1979. – 412 с.
6. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М. : АН СССР, 1963. – 385 с.
7. Большой толковый словарь / под ред. С. С. Аверинцева. – М. : Норинт, 1998. – 1536 с.
8. Вежицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежицкая. – М., 1999. – 410 с.
9. Верещагин, Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Просвещение, 1990. – 238 с.

10. Верещагин, Е. М. Дом бытия языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция логоэписистемы / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Икар, 2000. – 84 с.
11. Винокур, Г. О. О задачах истории языка / Г. О. Винокур // Избранные работы по русскому языку. – М., 1959. – С. 419–449.
12. Вишняков, С. А. Русский язык как иностранный / С. А. Вишняков. – М. : Флинта, 2009. – 240 с.
13. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – М. : Академия, 2005. – 336 с.
14. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1991. – Т. 1–4.
15. Зимняя, И. А. Психология обучения неродному языку (на материале русского языка как иностранного) / И. А. Зимняя. – М. : Русский язык, 1989. – 219 с.
16. Костомаров, В. Г. Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам / В. Г. Костомаров, О. Д. Митрофанова. – М. : Русский язык, 1978. – 136 с.
17. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир ; пер. с англ. – М. : Группа Прогресс Универсус, 1993. – 656 с.
18. Халяпина, Л. П. Формирование вторичной (межкультурной) языковой личности в условиях университетского образования / Л. П. Халяпина // Актуальные вопросы современного университетского образования. – СПб. : КАРО, 2004. – С. 8–20.

В. Р. Ромашкевич
(г. Нефтекамск, Россия)

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ: МНОГОУРОВНЕВЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОБЛЕМЫ

Языковая ситуация в регионах Российской Федерации чрезвычайно многообразна. В период глобальных социальных преобразований в государстве проявились противоречивые тенденции софункционирования языков, что стимулировало разработку юридической регламентации отношений и программ их поддержки. Для современной языковой политики, реализуемой в направлении сохранения этнокультурного и лингвистического разнообразия в пределах российского государства, имеют большое значение исследования языковых ситуаций в регионах со специфической языковой реальностью. Исследования в области установления причин и последствий изменения функционального соотношения языков, используемых двуязычными и многоязычными носителями, позволяют совершенствовать методы и подходы к решению многих проблем теоретического и прикладного характера, выходят на актуальный для всего мира уровень построения отношений государства с языковыми общностями (проблематика языковых конфликтов). Существуют проблемы, тесно связанные с изменением конфигурации распространенности языка (Э. Ф. Володарская), проблематизацией «национального» в условиях языковой и культурной полифонии (В. В. Красных), актуализацией триады «норма – ненорма – антинорма» языковой действительности (В. Г. Костомаров), процессом официальной стандартизации языка в условиях контактного массового двуязычия [1, 5, 6]. Важно отметить, что «в случае многоязычного социума задача языковой политики выходит за пределы решения чисто культурно-образовательных вопросов...» [Володарская, 2009, с. 27]. Многоаспектность языковой реальности предполагает усилия широкого круга специалистов, учитывающих взаимосвязь компонентов социолингвистического, этнолингвистического и собственно лингвистического характера.

Языковые ситуации в республиках Урало-Поволжского региона представляют научный интерес с точки зрения исследования взаимодействия гомогенных и гомоморфных языков с гетерогенными и гетероморфными языками в условиях неравнозначного коммуникативного статуса. Одним из возможных способов характеристики языковой ситуации является определение динамики развития титульных язы-

ков (под титульным языком понимается язык нации, давший наименование республике в составе Российской Федерации) [9]. У титульных языков республик Урало-Поволжского региона есть возможность развиваться и расширять социальные функции, так как этому способствует их юридический статус, предписывающий использование языков в социально значимых сферах. Развитие и расширение социальных функций титульных языков республик, увеличение их коммуникативной мощности происходит на фоне активных социально-демографических процессов. Титульные языки находятся в тесном взаимодействии с федеральным государственным русским языком и языками этнических общностей, имеющих анклавный и компактный способ расселения. Хотелось бы отметить, что в местах компактного и анклавного проживания этнических общностей, находящихся в условиях иноязычного и инокультурного окружения, организована поддержка в сохранении самоидентичности и языка этнической принадлежности, что отдельной статьей закреплено как в Республиканских законах о языках, так и в Федеральном законе о языках (ст. 3, п. 4). Наряду с федеральным государственным русским языком и государственными республиканскими языками в официальных сферах общения может использоваться язык населения данной местности. Это демонстрирует конструктивное решение в проведении национально-языковой политики.

Обращает на себя внимание соотношение характеристики численности населения, степени этнической однородности как экстралингвистических факторов, влияющих на языковую компетенцию, со статусной характеристикой этнических групп (их совпадение/несовпадение). Кроме того, преобладание сельского населения среди представителей титульных наций предопределило особенности их социально-профессиональных структур, уровень образования, уровень владения языками, так как у городского и сельского населения языковая компетенция и языковые предпочтения различны. На сегодняшний день изменение претерпевает соотношение городских и сельских школ, где преподается государственный республиканский язык, как по признаку «язык обучения», так и по признаку «язык изучается как предмет» [3].

В современной действительности активно разрабатывается сфера Интернет, формируется информационное пространство на титульных языках. По словам Э. Ф. Володарской, «сегодня Интернет – это не только технология, но и социально-культурная и экономико-политическая сферы развития» [Володарская, 2004, с. 50]. Имеют государственную поддержку проекты создания версий сайтов Республиканских библиотек на языках титульных наций [8]. Коммуникативная мощь языков увеличивается не только за счет расширения сфер использования, но и за счет формирования целенаправленного билингвизма в соответствии с имеющимися социальными потребностями. Развивается массовое контактное трех- и четырехязычие (например, среди финноугороязычного населения в тюркоязычных республиках Урало-Поволжского региона). Языковая компетенция марийцев, мордвы, удмуртов связана с владением и использованием не только своим родным языком, близкородственными языками, федеральным государственным (русским языком), но и языком титульной нации (республиканским государственным), а также языками окружения. Степень владения языками зависит от ряда факторов: первичности или вторичности усвоения языка, функциональной значимости языка, является ли язык признаком этнической принадлежности, от функционирования двух/трех и более языков в пределах территориальной общности, использования разных подсистем национального языка (территориального диалекта и литературной формы) в зависимости от речевой ситуации или сферы общения. Региональные языки, функционируя и развиваясь, вступают во взаимодействие с другими языками, занимают определенную позицию в системе функциональных взаимоотношений, несмотря на типологическую их разнородность и статусное различие.

Изучение языковой компетенции билингвов позволяет исследователю не только установить вектор направленности процесса по признаку «функционально доминирующий язык», но и выявить особенности языкового контактирования, обозначив адстратные, субстратные проявления двуязычия, а также объективно описать специфику взаимодействия через систему оппозиций литературный язык/диалект/региолект/социолект/идиолект.

На наш взгляд, при освещении вопросов функционирования и взаимодействия языков в полиэтнических социумах значимым является различие, во-первых, языковых состояний и языковых ситуаций, во-вторых, языковой вариативности в структурном и в функциональном отношении. Такое многоуровневое исследование языковых ситуаций в регионах РФ позволит решить целый комплекс взаимосвязанных социолингвистических проблем.

Список литературы

1. Володарская, Э. Ф. Модели языковой политики стран мира: сравнительно-типологический анализ / Э. Ф. Володарская // Вопросы филологии. – 2009. – № 1 (31). – С. 24–44.
2. Володарская, Э. Ф. Языковая изменчивость: лингвистические и экстралингвистические аспекты. Инновационные процессы в современном английском языке / Э. Ф. Володарская // Вопросы филологии. – 2004. – № 2 (17). – С. 35–51.
3. Горячева, М. А. Сфера образования как объект исследования социолингвистики: цели и методы / М. А. Горячева // Вопросы филологии. – 2008. – № 1 (28). – С. 15–24.
4. Ерофеева, Т. И. Социолект как инструмент описания языковой ситуации региона / Т. И. Ерофеева // Вестник Пермского университета. Сер.: Российская и зарубежная филология. – 2010. – Вып. 1 (7). – С. 21–25.
5. Костомаров, В. Г. Язык текущего момента: понятие нормы / В. Г. Костомаров // Мир русского слова. – 2012. – № 4. – С. 13–19.
6. Красных, В. В. Русский язык в условиях языковой и культурной полифонии / В. В. Красных. – М., 2011.
7. Крючкова, Т. Б. Социолингвистический аспект исследования языковой вариативности / Т. Б. Крючкова // Вопросы филологии. – 2007. – № 1 (25). – С. 24–31.
8. Многоязычие в России: региональные аспекты. – М. : Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2008. – 136 с.
9. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. – М. : Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.

П. Ю. Смирнов
(г. Старый Оскол, Россия)

ИССЛЕДОВАНИЕ ФЕНОМЕНА РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В РУСИСТИКЕ

В последнее время речевая агрессия становится предметом всестороннего изучения самых разных научных направлений – в психологии, лингвистике, педагогике, политологии, конфликтологии, юриспруденции. Серьёзные изменения претерпели психологические и морально-нравственные черты современного российского общества, что находит подтверждение в изменении, а точнее, – в ухудшении психического здоровья и поведения нынешних людей: уже не исключение, а правило грубость в общении, неуважение к старшим, отсутствие сдерживающих начал, агрессивность, постоянная готовность к отпору.

Актуализация данного лингвистического явления нашла отражение в ряде публикаций сборников научных статей, проливших свет на дифференцированную проблему отождествления вербальной агрессии: «Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации» (Екатеринбург, 1997); «Агрессия в

языке и речи» (Москва, 2004); «Речевая агрессия в современной культуре» (Челябинск, 2005).

Отчасти негативные тенденции, связанные с возникновением вербальной агрессии, могут быть связаны с тем, что довольно болезненно общество восприняло падение Советского Союза, тяжелейший экономический спад, сопровождавшийся безработицей, отчаянием и безысходностью. В настоящее время граждане подвержены неблагоприятному влиянию глобальной сети Интернет, телевидения, где в чести жестокость, насилие, грубость чувств и слов, откровенное косяязычие. Результатом возрастания речевой агрессии в обществе становится определённый пласт культуры, дисгармония межличностных отношений, снижение духовных поисков нынешнего общества. Особенно тревожным негативным результатом агрессивных речевых проявлений в процессе коммуникации, на наш взгляд, является деструктивное воздействие на психику и духовность молодых людей, подрастающего поколения.

Безусловно, эти связи и последствия должны быть подвергнуты теоретическому анализу и обсуждению.

Существенным пояснением в свете анализа такого явления как речевая агрессия является то, что она не может быть полно исследована без привлечения научных теорий смежных наук, представленными такими дисциплинами как педагогика, психология, философия, культурология, почти все общественные науки.

Проблемой вербальной агрессии занимаются отечественные ученые М. Н. Кожина, В. В. Глебов, О. М. Родионова, Л. В. Енина, Е. Н. Басовская, Е. Б. Морозова, Ю. В. Щербинина. В трудах этих и других исследователей дан достаточно широкий спектр дефиниций понятия «речевая агрессия».

Представим наиболее актуальные определения. Вербальная агрессия – «грубое, оскорбительное, обидное общение; словесное выражение негативных эмоций, чувств или намерений в неприемлемой в данной речевой ситуации форме» – определение, представленное на веб-сайте в сети Интернет. – [URL: <http://www.school.promiranet.ru>]. «Речевая агрессия – использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности; манера речи, оскорбляющая чье-либо самолюбие, достоинство [Кожина, 2003, 7]; «Речевая агрессия – это сфера речевого поведения, мотивирующаяся агрессивным состоянием говорящего. – [URL: <http://www.www.tolerance.ru>]. В. В. Глебов и О. М. Родионова определяют данный термин как «конфликтное речевое поведение, в основе которого лежит установка на негативное воздействие на адресата». – [URL: <http://www.www.rost-prof.ru>]. Е. Н. Басовская в статье «Творцы чёрно-белой реальности: о вербальной агрессии в СМИ» пишет о двузначном толковании данного термина. Так, при «узком понимании в качестве агрессивного», – считает она, – «рассматривается речевой акт, замещающий агрессивное физическое действие»; при широкой интерпретации – это «все виды наступательного, доминирующего речевого поведения» [Басовская, 2004, с. 1]. Е. Б. Морозовой в статье «Агрессия в бытовой коммуникации: ситуация «гость-хозяин» в русском языке и русской культуре» дано детализирующее определение речевой агрессии: «нарушение установленных речевых коммуникативных этикетных норм, в частности, употребление неуместных выражений, представляющее собой вторжение в личную сферу адресата, неправильное использование или неиспользование ожидаемых речевых формул» [Морозова, 2005, с. 9].

Очевидно, что все ученые едины в том, что речевая агрессия – запланированное действие, направленное на причинение морально-нравственного дискомфорта собеседнику, которое может сопровождаться оскорблением, ироническим замечанием, издевкой, грубыми и непристойными намеками.

В последнее время проблема речевой (вербальной) агрессии становится предметом исследования разных научных направлений и имеет множество определений. Важно отметить активное развитие такой научной дисциплины как агрессосо-

логия, представляющее собой междисциплинарную область исследования причин, форм и последствий проявления агрессии человека.

Толковые словари русского языка дают возможность увидеть изменение значений самого слова «агрессия». В Толковых словарях русского языка 50–80-х гг. XX в. она именуется именно как «нападение», захват чужой территории» с пометкой «политическое» [БАС 1950, с. 3] и нападение одного государства на другое с целью оккупации территории, уничтожения или ограничения его независимости и насильственного подчинения его населения захватчику» [МАС 1981, с. 10].

Происхождение слова «агрессия» прослеживается от латинского «*aggressio*» – нападение. Способность нападать и захватывать приписывается только к государству, а не к человеку, что, если взять во внимание жизненный опыт, является не совсем верным.

В первом подходе сущность определения вербальной агрессии представляется более эксплицитно, так как на передний план в коммуникативном пространстве выступает ненависть, вражда, причинение вреда собеседнику, но анализ научно-методических источников, равно как и проведение эксперимента показало, что проявление вербальной агрессии не всегда носит конфликтный характер: напротив, «если речевая агрессия компенсирует проявление физической, то её роль можно рассматривать в позитивном русле», – считают некоторые исследователи [Бублик, 2006, 4].

Агрессия – полиаспектное явление, которое рассматривается наукой в двух направлениях:

1) биологическом – психоанализ (агрессия подвергается исследованию в рамках врожденного свойства, агрессия идентифицируется как генетически обусловленное явление);

2) социальном – фрустрационная и бихевиористическая теории (агрессия – феномен, представленный в русле ситуативно-возникающего явления, представлена мысль о том, что развитие агрессии способствует процесс социализации личности. Современной науке известно четыре теории агрессивного поведения:

Фрустрационная концепция.

В аспекте фрустрационного подхода проблема агрессии трактуется не как эволюционный, биологически обусловленный фактор, а как исключительно ситуативное явление.

Возникновение агрессии – это следствие действий фрустраторов – непреодолимых барьеров на пути к достижению цели, удовлетворению желаний. Агрессивность проистекает в связи с растерянностью, безысходностью, подавленностью.

Специфическая особенность фрустрации заключается в том, что физическое или вербальное выражение агрессии приводит к ограниченному облегчению во временных рамках.

Бихевиористическая концепция агрессии сквозь призму социального научения.

С точки зрения данной концепции, агрессия рассматривается как приобретенная форма поведения, связанная с процессом социализации личности. Приведём пример: реплика ученика 2 класса на своего одноклассника: «Заткнись, урод!» Ребёнок объяснил, что его учат так говорить родители. Поэтому весомый акцент бихевиористы делают на родителей как посредников социализации, формирующих склонность к проявлению агрессии.

Приведём примеры: ученик 9 класса сделал замечание своему однокласснику относительно его ответа у доски. На что получил ответ: «Закрой свою пасть, ушлепок!» Ученица 8 класса попросила своих одноклассниц потише разговаривать. Реакция агрессоров: «Что ты растягивалась, шавка мелкая!»

Проведение анкетирования по опроснику Басса-Дарки [Дерманова, 2002, с. 5] показало, что подавляющее большинство учащихся 7-х классов средней школы ис-

пользуют в своей речи агрессивные выражения. Например, 15 из 20 учащихся, принявших участие в анкетировании, не могут сдержать эмоций во время коммуникации с собеседниками, которые им не нравятся, 10 учащихся отметили, что даже в споре со взрослыми они часто повышают голос. Наблюдение за детьми на уроках, переменах, в столовой, на улице показало, что помимо речевой (вербальной) агрессии, которая становится катализатором многочисленных конфликтов между учениками и взрослым и доставляет существенный психологический дискомфорт, нами отмечена тенденция отождествления учащимися вербальной агрессии как вполне нормального коммуникативного акта – на том основании, что ученики не обижаются на взаимные оскорбительные слова, выражения, не стесняются использовать инвективные сравнения, направленные на уничижение чести и достоинства человека. Такого рода общение в ряде ситуаций проистекает в «дружеской» тональности, без взаимных упреков и опасности перехода к агрессивным действиям. Очевидно, это следует рассматривать как своего рода коммуникативное кодирование, паролевое общение, то есть учащиеся, которые, как правило, состоят в дружеских отношениях и за пределами школы как бы вербально допускают других участников в свой узкий круг общения, демонстрируя речевые «образцы»: мол, говори так, как мы, и ты будешь принят в наш круг. Приведём пример подобного коммуникативного кодирования, в частности, в ситуации приветствия друг друга учениц 8 класса:

– *«Привет, чамара болотная! Как жизнь?»*

– *«Здорово, курица! Ниче так!»*

При всей очевидности использования средств вербальной агрессии – обидные зоосемантические сравнения, идентификация с болотной нечистью – такого рода коммуникация не создает конфликтности со стороны участников общения. Очевидно, для них такое взаимообщение носит повседневный характер.

Представленная коммуникативная ситуация, характеризующаяся вербальной агрессией, не имела более продолжения, хотя можно привести примеры множества ситуаций аналогичного характера, где подобные слова вызвали гнев коммуникантов, ответную реакцию враждебного характера. Отсюда следует сделать важный вывод, что коммуниканты, не состоящие в дружеских отношениях, не станут адекватно воспринимать речевую агрессивность в виде оскорбительных словечек и обращений, речевая ситуация будет носить для них неприемлемый характер общения.

Таким образом, наши педагогические и лингвистические наблюдения показали, что дети, связанные дружбой, общим кругом, единым микросоциумом, позволяют себе коммуницировать, допуская средства из арсенала вербальной агрессии, поскольку они не провоцируют конфликтность в данном коллективе, а напротив, сглаживают углы в межличностных отношениях подростков, делают коммуникацию более эмоциональной.

Тем не менее, мы придерживаемся принципиальной позиции, которая исключает какое бы то ни было одобрение такого языкового феномена, поскольку данная коммуникация наносит непоправимый вред лингвистическому мировоззрению школьников, формированию их ценностной сферы. Несмотря на то, что, казалось бы, в целом такие ситуации не способствуют усилению конфликтности среди коммуникантов, подобное проявление вербальной агрессии в более «мягких» её вариациях, тем не менее, огрубляет нравы молодёжи, дезориентирует их в выборе ценностей и идеалов.

Иное, более значимое для теории речевого воздействия дополнение, может быть обозначено так: не каждый индивид в ситуации фрустрации проявляет агрессию. Более подробно эта проблема описана в работе А. Бандуры [Бандура, 2000, с. 2]. Он считает, что, невзирая на то, что агрессия мотивирована биологическими факторами эволюции и наследуется человеком, её проявления зависят от социальной среды

обитания личности. Важную роль здесь играет воспитание, сформированные в результате накопления социального опыта стереотипы поведения в дифференцированных ситуациях социального взаимодействия. В связи с этим важно отметить, что в идентичных ситуациях фрустрации один индивид может оказать физическое сопротивление, другой – ограничиться средствами вербальной агрессии, третий – приложить все силы для нейтрализации конфликтной ситуации.

Таким образом, все теории, объясняющие природу человеческой агрессивности, едины в том, что она характеризует активность и адаптивность человека. Важно отметить, что вопрос об агрессии как с точки зрения врождённой основы, так и с приобретённой до сих пор вызывает научные споры.

В заключение констатируем, что основополагающее назначение вербальной агрессии – причинение эмоционально-психологического дискомфорта (страх, фрустрацию) у объекта речевого воздействия.

Проявление речевой агрессии обусловлено способностью психики агрессора подвергаться так называемой эмоциональной разрядке. Агрессивность человека проистекает из его генетической предрасположенности, социального положения в обществе. Признаки агрессивности могут быть вызваны желанием индивида замаскировать свою ущербность, неполноценность, за счёт унижений и страданий другого человека повысить себе самооценку. Другой спецификой проявления вербальной агрессии считаем прямую зависимость от пребывания индивида в благополучной социальной среде, воспитание, образование.

Таким образом, речевая агрессия может быть идентифицирована как проявление вербальных средств, которые противоречат институциональным и ситуативным нормам коммуникации, с целью нанесения вреда или дискредитации коммуниканта. Приоритетной задачей современных филологов-русистов, психологов и педагогов является выработка механизмов, способствующих нейтрализации агрессивности в ситуации конфликтного речевого поведения.

Список литературы

1. Басовская, Е. Н. Творцы чёрно-белой реальности: о вербальной агрессии в СМИ / Е. Н. Басовская : сб. науч. работ. – М. : Изд-во РГГУ, 2004. – С. 257–263.
2. Бандура, А. В. Подростковая агрессия: Изучение влияния воспитания и семейных отношений / А. В. Бандура. Р. Уолтерс ; пер. с англ. – М. : Просвещение, 2000. – 508 с.
3. Большой академический словарь. – М. : Институт русского языка Академии наук СССР, 1950. – Т. 1. – С. 47.
4. Бублик, И. Ф. Коммуникативно-прагматические и лингвостилистические аспекты реализации вербальной агрессии в парламентском дискурсе ФРГ : дис. ... канд. филол. наук / Бублик И. Ф. – Харьков : Харьков. гуманит. ун-т «Народная украинская академия», 2006. – 212 с.
5. Глебов, В. В. Особенности речевой агрессии / В. В. Глебов, О. М. Родионова. – URL: <http://www.gost-prof.ru>
6. Дерманова, И. Б. Диагностика состояния агрессии (опросник Басса-Дарки) / И. Б. Дерманова // Диагностика эмоционально-нравственного развития. – СПб., 2002. – С. 80–84.
7. Енина, Л. В. Речевая агрессия и речевая толерантность в средствах массовой информации / Л. В. Енина. – URL: <http://www.tolerance.ru>
8. Кожина, М. Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) / М. Н. Кожина : сб. науч. работ. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – С. 52–61.
9. Лоренц, К. Агрессия: так называемое «зло» / К. Лоренц. – М. : Амфора, 2001.
10. Морозова, Е. Б. Агрессия в бытовой коммуникации: ситуация «гость-хозяин» в русском языке и русской культуре / Е. Б. Морозова : сб. науч. работ. – Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2005. – С. 67–80.
11. Малый академический словарь / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Институт русского языка Академии наук СССР, 1981. – Т. 1. – С. 24.
12. Фрейд, З. «Я» и «Оно» : научное издание / З. Фрейд. – Тбилиси : Мерани, 1991. – 401 с.

НАУЧНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ: НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Развитие отечественной науки невозможно без полноценного развития в современном медиапространстве такого сектора, который обозначается термином «научная журналистика». Наш опыт 90-х – нулевых годов написания очерков об учёных университета [Харченко, 1999, 2000, 2001] позволяет заострить вопрос о необходимости более широкого и более качественного освещения событий научного мира, а научная журналистика, безусловно, относится к качественной журналистике. Принципом работы научного журналиста может стать осознание своей МИССИИ, о чём писал в 1957 г. В. Н. Столетов. «Филологический факультет должен готовить молодых специалистов так, чтобы они... строили переправы и мосты между специалистами разных специальностей. Это необходимо для того, чтобы специалисты высшей квалификации могли объясняться с народом, могли доводить достижения науки и техники до народа» [Цит. по: Гольдфаин, 2014, с. 72]. Такое направление деятельности научного журналиста можно обозначить термином СВЯЗУЮЩЕЕ.

Выделим целый ряд других направлений и перспектив, значимых с позиций языковой политики и языкового строительства.

НАУКОВЕДЧЕСКОЕ направление – это учёт современных теоретических наработок, с одной стороны, и экскурсов в историю проблемы, с другой. Профессор научной журналистики Дортмундского технического университета (Германия) Хольгер Вормер так обрисовывает языковую личность журналиста, пишущего о науке: «Во-первых, он должен быть журналистом. ... Прошли те времена, когда о людях этой профессии судили с некоторой снисходительностью: ничего, что он не умеет нормально писать, что на середине его статьи заснёшь – главное, он знает тему. Во-вторых, в наши дни научный журналист должен критично относиться к любым новостным сообщениям, надо понимать, где занимаются пиаром, где имеет место конфликт интересов. Ему нужно также знать, почему те или иные исследования так хорошо финансируются! [Вормер, 2015, с. 54]. Научный журналист, обращающийся к гуманитарным дисциплинам, неизбежно столкнётся с парадоксом понимания, о чём пишет в своей книге «Социологическое воображение» Чарльз Райт Миллс: «В некоторых научных кругах любого, кто старается писать доступно для широкой аудитории, зачастую клеймят «просто литератором» или «журналистом». Наверно, вы уже поняли, что, как правило, за этими фразами стоит ложный постулат: понятный значит поверхностный. <...> Жажда статуса – вот причина, по которой учёные столь легко сбиваются на невразумительность. И это, в свою очередь, может быть причиной того, что у них нет статуса, которого они желают» [Миллс, 2001, 247, с. 248]. В последнее десятилетие достижения и просчёты научной журналистики стали предметом анализа отечественных учёных, прежде всего К. Е. Левитина, описывающего аналоговые ситуации, в том числе, в российских медиа [Левитин, 2009]. Исследователи подчёркивают, во-первых, необходимость отличия текста по научной журналистике от пиар-текстов и текстов рекламного характера. Во-вторых, отмечают необходимость подготовки специалистов именно из журналистской среды, то есть из числа лиц, профессионально владеющих словом и стилем, знающих механизмы занимательности, обладающих тоже профессионально выработанным талантом коммуникации. Наконец, в-третьих, авторы текстов должны быть лично заинтересованы в развитии такого направления при расколосе жанров и форм современного медиа-продукта. Особое внимание можно уделять историче-

скому аспекту научной журналистики, как это сделано, например, Г. И. Старковой, подробно изучившей довоенные детские журналы и газеты, нацеливавшие юных читателей как раз на инженерные специальности, вновь оказавшиеся дефицитными во втором десятилетии XXI века [Старкова, 2015, с. 113–119].

ДИСКУРСИВНОЕ направление выводит научную журналистику на... недооценку НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Если по естественным наукам язык научно-популярных изданий весьма выразителен, что прослежено в диссертации Н. В. Поздняковой [Позднякова, 1995], то научно-популярная литература по лингвистике с позиций языкового разнообразия, как показало исследование В. Ф. Крюковой, оставляет желать лучшего [Крюкова, 2001]. Более того, складывается пренебрежительное отношение к созданию фонда научно-популярных изданий по тем или иным дисциплинам. Книги Феликса Зигеля способны приохотить к астрономии любого – таким захватывающим языком они написаны, но подобных современных изданий по другим дисциплинам практически нет. Мы ведём речь о системном сбое, об отсутствии фонда научно-популярных изданий, об асимметрии предметов освещения. Так, по этимологии слов, по культуре речи, по пословицам и фразеологизмам для школьников написаны горы литературы, тогда как посвятить целую книгу, например, сложноподчинённым предложениям, написать о них так, чтобы юный читатель захотел посвятить жизнь изучению синтаксиса, – это пока ещё в дефиците и перспективе. Журналист в частной беседе может порекомендовать написать научно-популярную брошюру того учёного, с которым общается и которым очарован как личностью. Научный журналист может весьма поспособствовать упрочению новых дискурсивных практик, оформляемых, например, как ДНЕВНИКИ ЗАРУБЕЖНЫХ НАУЧНЫХ КОМАНДИРОВОК. На эту мысль натолкнула нас книга Л. Г. Брутян [Брутян, 2012] с весьма полезной для читателя информацией об особенностях работы за рубежом и специфике очного участия в зарубежных научных форумах.

Следующее направление обозначим как ЖАНРОВОЕ. Идеальным жанром научной журналистики можно признать ОЧЕРК, поскольку, с одной стороны, в очерке правит бал правда жизни, очерк в какой-то степени документален, а с другой – очерк характеризуется композиционной свободой, разрешая и замедления, и ускорения повествовательного хронотопа. Не менее ценным является и жанр ИНТЕРВЬЮ. В своё время мы брали интервью у известных лингвистов: проф. Н. Ф. Алефиренко (г. Белгород) и проф. В. В. Щеулина (г. Липецк). В последнем случае вопросы отправлялись по электронной почте [Харченко, 2008, с. 99–118]. Перечитывая признания этих учёных, мы обнаруживаем в них то, что прошло мимо обычного общения, но что важно для самосознания, осмысления собственного научного пути и что может представлять интерес для коллег-лингвистов за пределами региона. Если очерк и интервью посвящаются отдельному учёному, то не менее важно развивать жанр ОБЗОРОВ, как это регулярно делают по страницам зарубежной печати сотрудники журнала «Знание – сила» А. Волков и О. Балла. Подобные обзоры полезны и для регионоведения. Например, чем ознаменовался, скажем, 2015-й год не в аспекте полученных грантов под ещё не сделанное, а в аспекте добытого за этот период исследовательского знания. Такие обзоры требуют развития самостоятельного научного журналиста, независимости в выборе героев статьи, развития профессиональной интуиции. Жанр ХРОНИКИ также открывает возможности неспешного изложения сути проведённых исследований как, например, белгородскими учёными, так и учёными, приехавшими на конференцию из других регионов и стран. В силу финансовых обстоятельств многие исследователи предпочитают сейчас заочное участие, а по тезисам подчас непросто отследить реально сделанное автором, поэтому предпочтения здесь должны быть у «реальных» гостей, тем более что можно взять рабочее интервью и тем более что конференции укрепляют контакты учёных, что немаловажно для про-

должения научного поиска. От научного журналиста требуется не только определённый запас знаний, чему весьма способствует сама профессия журналиста, но и интуиция, поскольку в последнее десятилетие наблюдается кризис такого жанра, как РЕЦЕНЗИИ. «У нас считается презренным главный служебный жанр критики – рецензия. Между тем это единственный способ организации культурного процесса, превращения его из хаотической массы фактов в структуру, доступную наблюдению. Но мы все пишем эссе», – признаётся Пётр Вайль [Вайль, 2015, с. 225].

Особую значимость имеет ВНЕДРЕНЧЕСКОЕ направление в деятельности научного журналиста. Каждый год в отчётах вуза по НИР и НИРС фиксируется количество полученных патентов, документов на изобретения. Занимающийся научным профилем журналист может раскрыть завесу тайны, прокомментировав наиболее значимые патенты, получившие свидетельства госрегистрации. В XIX в. в России существовала премия купца и мецената Христофора Семёновича Леденцова (1842–1907), выдававшаяся отечественным учёным только при условии внедрения изобретения в производство. Внедренческий аспект одно из наиболее уязвимых мест отечественной науки, поскольку требовать от учёного ещё и заботы о внедрении, ещё и «коммерциализацию» изобретенного продукта достаточно проблематично. И, тем не менее, что-то внедряется, в том числе у нас, на Белгородчине, и это «что-то» может стать темой очерка, обзора. Перечисляя идеальные и актуальные жанры, способствующие развитию научной журналистики, мы приближаемся к роковой черте «вербализма», отрыва от материального контекста, от тех вещей, приборов, деталей, во имя которых и совершается открытие или проводится очередное исследование. Журналисту, сориентированному на науку, целесообразно «прикоснуться», хотя бы взглядом, к тому, о чём пишет, заглянуть в микроскоп, телескоп, увидеть дорогостоящее оборудование, подопытных животных в виварии, побывать в экспериментальной школе или на заводе, где апробируется новый материал. Естественно, журналиста сопровождает сам исследователь, и в ходе такой предваряющей публикацию экскурсии открываются новые подробности научно-исследовательского процесса, в том числе элементы нарратива, что обогащает содержательную палитру очерка или интервью, а также рассказ о неудачах. Научному журналисту полагается писать об идеях, но не менее актуально сейчас воспитывать внимание к материальному миру, овеществляющему эти идеи. «Проблема в том, что растёт «вербальное поколение» людей, которые смогут работать только языком, а не руками. А так как руки, как известно, связаны с головой, то и головы у них будут не вполне полноценными. Так мы можем потерять все преимущества нашей технической культуры, накопленные предыдущими поколениями» [Красносельский, 2014, с. 101].

Как ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ обозначим направление по технологии открытия и по индивидуальному организационному опыту. Скорость, «сиюминутность» журналистского промысливания происходящего коварно наталкивает автора на описание самого изобретения, тогда как для читателя, тем более молодого, важнее процесс получения нового знания. О дефиците процессуальных знаний пишет Хольгер Вормер: «Но вот глубинного понимания того, что происходит в науке, на мой взгляд, не прибавилось – в том числе и потому, что журналисты, пишущие о науке, стремятся сообщать о результатах, достижениях и не уделяют особого внимания их подоплёке – собственно процессу научной деятельности. Так что некоторые люди как не понимали, так и не понимают, что такое наука» [Вормер, 2015, с. 55]. Когда мы ведём речь о процессе, процедуре научного поиска, то имеем в виду именно научную линию, стезю, а есть ещё бытовая, организационная информация: как успевал человек столько совершить, сделать, как был организован его день, как отдыхал, чем ещё увлекался.

Обратим внимание на направление в языковой политике научного журналиста, которое можно назвать рабочим термином НАРРАТИВНОЕ. Целесообразно от-

давать должное нарративу, фрагментам занимательного повествования. Учёный долго бьётся над идеальным решением для объёмных металлических конструкций, потом «вдруг» его взгляд падает на перевёрнутую ивовую корзину... Так возникли кружевные и весьма и весьма прочные конструкции, изобретённые В. Г. Шуховым, талантливого инженера, которого по объёму изобретений можно поставить в один ряд с Леонардо да Винчи. Свидетельством этому является «Азбука Шухова»: А – авиационные ангары. Б – Базы нефтеналивные, бопорты (огромные гидротехнические затворы). В – воздушно-канатные дороги, висячие металлические перекрытия цехов и вокзалов; водонапорные башни; водопроводы в Москве, Тамбове, Киеве, Харькове, Воронеже. Г – газгольдеры (газохранилища). И так до Э – элеваторы, в том числе «миллионники» [Лескова, 2013, с. 96–109]. Азбука помогает запомнить, сберечь в памяти список всего созданного выдающимся инженером. Предшествующие открытию или изобретению «тупики», обычно оказываются за бортом отчётов и публикаций. Научная журналистика больше внимания может уделить отрицательным результатам, неподтверждённым гипотезам, ошибкам и неудачам. Как это ни парадоксально, но пример чужих проколов и неудач может обернуться вдохновляющим стимулом для начинающих исследователей.

Упомянув выше В. Г. Шухова, мы плавно переходим к такому направлению научной журналистики, которое можно обозначить термином АУТОСУГГЕСТИВНО-БИОГРАФИЧЕСКОЕ. В Белгородском государственном национальном исследовательском университете биографический метод, сориентированный далеко не только на известных людей, разрабатывается профессором П. А. Ольховым. Биография – это путь, и знание биографических вариаций в судьбах учёных способно и обогатить стратегически («делать жизнь с кого»), и, что ещё важнее, вдохновить в минуту жизни трудную, когда «крокодил не ловится, не растёт кокос».

Сугубо ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ направлением может и должна стать забота о лексиконе, обогащении индивидуального словаря. И не только потому, что термины той или иной науки требуют к себе особого уважения, хотя не всё попадёт в текст статьи. Но ещё и потому, что писать приходится о весьма тонких и сложных материях, а для оптимальной интерпретации, конечно же, необходим убедительный запас слов, образов, цитат и реминисценций, синонимов и проксонимов. Известно, что содержание работает на сознание, тогда как язык и стиль апеллируют к подсознанию – тому самому космосу, который и определяет наши планы и действия. Для нас носителями прекрасного стиля, отвечающего требованиям научной журналистики, стали Кирилл Ефремов и Константин Фрумкин, Ревека Фрумкина и Михаил Эпштейн, Александр Волков и Ольга Балла. Напоминая о лексиконе, мы имеем в виду не столько запас слов, тех же терминов, сколько запас контекстов, образов, не самых известных афоризмов, цитат, т.е. готовых блоков, оснащающих и обогащающих повествование, что важно в силу такого свойства национального менталитета, как словоцентричность. Русская культура – это культура Книги, логоса, и то, как написано, для нашего соотечественника не менее важно, чем что написано. Запас слов нужен и для обеспечения этического контроля над текстом.

Наконец, последнее, десятое направление в языковой политике научного журнализма – это КОННОТАТИВНОЕ направление, забота о позитиве. Современная журналистика во многих своих ипостасях сенсационна, «трагична», преисполнена алармистскими прогнозами, что отчасти характеризует и современную науку. Чтобы получить деньги на исследование, общество надо... напугать. Это в первую очередь относится к экологии и климатологии. Опорой позитива может стать личность учёного, то самое удовольствие, которое получает человек от самой процедуры научного наблюдения. «Я люблю асбест!» – как-то признался нам доктор химических наук А. И. Везенцев. Доктор биологических наук А. В. Присный отвёл на да-

че небольшой «неприкосновенный» участок, где месяцами наблюдал за «знакомой» жужелицей. «Как я их люблю!» – так отозвалась так о десяти существительных на -МЯ (*имя, время, темя...*) доцент Т. С. Соколов. В науке многое держится на удовольствии, симпатии, любви к тому, что изучаешь. Здесь же хотелось бы сказать об элементах комического, запасе «смешного». Комическое в телеэфире подчас зашкаливает, но и самый серьёзный рассказ о науке не должен пренебрегать юмором, разрядкой. В романе «Кафедра» И. Грековой (псевдоним доктора физико-математических наук Е. С. Вентцель) читаем: «Смех, благороднейшая Фома человеческого самопроявления, к тому же и гениальный воспитатель, творец душ. Посмеявшись, человек становится лучше, счастливее, умнее и добрее. Вывод из моей долгой практики: читая лекции, не надо жалеть времени на смешное. Любую научную информацию можно найти в книгах, научного смеха, как правило, там нет». Сказанное относится и к научно-популярным книгам с их дефицитом смешного, курьёзного.

Выделенные направления научной журналистики рельефно демонстрируют, какой объёмной и значимой является эта не всегда заметная ветвь современной языковой политики.

Список литературы

1. Брутян, Л. Г. Окно в мир, или Дорога к себе / Л. Г. Брутян. – Ереван : Изд-во Ереван. гос. ун-та, 2011. – 126 с.
2. Вайль, П. Библиографический обзор / П. Вайль // Знамя. – 2015. – № 4. – С. 225.
3. Вормер, Х. Для чего нужна научная журналистика / Х. Вормер // Знание – сила. – 2015. – № 2. – С. 53–59.
4. Гольдфаин, И. Об отдалённых последствиях лысенковщины / И. Гольдфаин // Знание – сила. – 2014. – № 7. – С. 69–74.
5. Красносельский, С. Инженеры для наукоградов / С. Красносельский // Знание – сила. – 2014. – № 9. – С. 96–103.
6. Крюкова, В. Ф. Лингвостилистические особенности языка научно-популярной литературы по лингвистике : дис. ... канд. филол. наук / Крюкова В. Ф. – Белгород, 2001.
7. Левитин, К. Е. Изреченная мысль / К. Е. Левитин // Знание – сила. 2009. – № 1. – С. 118–125 ; № 2. – С. 114–123 ; № 3. – С. 117–124 ; № 4. – С. 117–124 ; № 5. – С. 115–123 ; № 6. – С. 117–125 ; № 7. – С. 118–125.
8. Лескова, Н. Человек-фабрика / Н. Лескова // Наука и жизнь. – 2013. – № 12. – С. 96–109.
9. Миллс, Ч. Р. Социология воображения / Ч. Р. Миллс ; пер. с англ. – М. : NOTA BENE, 2001. – 262 с.
10. Позднякова, Н. В. Метафора в научно-популярном стиле : дис. ... канд. филол. наук / Позднякова Н. В. – Белгород, 1995.
11. Старкова, Г. И. Популяризация научно-технических знаний и достижений в довоенной молодежной прессе Удмурдии / Г. И. Старкова // Научные ведомости БелГУ. Гуманитарные науки. – 2015. – № 12 (209). – Вып. 26, июнь. – С. 113–119.
12. Харченко, В. К. Феномен Л. Ф. Голдовской / В. К. Харченко // Белгородская правда. – 1999. – 31 дек.
13. Харченко, В. К. Любовь и наука. Школа буниноведения в Белгороде / В. К. Харченко // Белгородская правда. – 2000. – 28 янв.
14. Харченко, В. К. Сколько рук у таланта / В. К. Харченко // Белгородская правда. – 2000. – 29 июля .
15. Харченко, В. К. «Счастье в этом мире большом...» / В. К. Харченко // Белгородская правда. – 2000. – 29 дек.
16. Харченко, В. К. «И что положено кому, пусть каждый совершит...» / В. К. Харченко // Белгородская правда. – 2001. – 8 мая.
17. Харченко, В. К. Интервью с лингвистами / В. К. Харченко // Малоизвестные приёмы и методики исследования языкового материала. – М. : Изд-во Литературного института им. А. М. Горького. – 2008. – 128 с.

РОДНОЙ ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА И СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

А. С. Алфёрова
(п. Гурзуф, Россия)

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В. В. ЖИРИНОВСКОГО

Владимир Вольфович Жириновский – лидер одной из ведущих партий России, эпатажный и яркий политический деятель. Так как политика играет важную роль в жизни современного человека, будет интересно рассмотреть стратегии и тактики политического дискурса В. В. Жириновского.

Политический дискурс как разновидность персуазивного (убеждающего) дискурса отмечен манипулятивной спецификой. Под персуазивностью исследователи понимают воздействие автора на его адресат с целью убеждения в чём-то, призыва к совершению или несозвершению им определённых действий [Чернявская, 2006, с. 134]. Речевое воздействие осуществляется посредством коммуникативных стратегий и тактик, суть которых заключается в операции над знаниями адресата, над его ценностными категориями, эмоциями, волей. Коммуникативной стратегией можно назвать совокупность мер по реализации коммуникативных намерений говорящего, при разработке которых учитываются условия, в которых протекает коммуникация. Реализация той или иной стратегии происходит за счёт тактик, представляющих собой конкретный этап реализации коммуникативной стратегии, для которого характерен определённый набор приёмов, определяющих использование тех или иных языковых средств [Михалёва, 2009, с. 256].

Любой политик обладает определённым набором излюбленных стратегий и тактик, и В. В. Жириновский не исключение. В его выступлениях можно наблюдать различные способы воздействия на аудиторию. Но мы рассмотрим те стратегии и тактики, которыми он пользуется чаще всего.

В. Жириновский активно применяет **стратегию на понижение**. Она направлена на дискредитацию политического противника. За счёт каких же тактик политик реализует эту стратегию?

Тактика обвинения заключается в приписывании кому-либо вины, представлении ситуации и оппонента в негативном свете. Зачастую обвинение бывает бездоказательным и голословным. Так, в ходе предвыборных дебатов в программе «Поединок» В. В. Жириновский начал своё выступление следующим образом: *«Вот это они разрушили страну при Ельцине. Они ограбил нас всех. Погибло 15 миллионов граждан России. За то, что они стали миллиардерами. 9 миллионов беженцев, остановленные заводы, погибшие колхозы, брошенная медицина и образование, из страны все уезжают, все деньги увезли, дети выбрасываются из окон, падают со скальки, убивают людей, горят дома каждый день, и под завалами лежат люди»* [Жириновский Предвыборные дебаты 28 февраля 2012] Речь кандидата в президенты полна обвинений в адрес его противника – М. Прохорова. В. Жириновский представляет оппонента в крайне невыгодном свете, однако не подкрепляет свои обвинения какими-либо доказательствами, пытаясь привлечь внимание аудитории эмоциональностью сказанного.

Негативная окраска высказывания достигается за счёт использования автором лексических единиц с негативной коннотацией; использования глаголов и при-

частий. Эффект воздействия достигается за счёт такого стилистического приёма, который заключается в соединении двух несвязных логических частей высказывания: автор обвиняет оппонента в краже и сразу же вменяет ему в вину падение сосулек и горящие дома.

Но не все обвинения В. Жириновского голословны: *«Вы сказали про мозолистые руки – это деньги считать, отобранные у народа? Считать ваучеры, которые незаконно раздавали, якобы для того чтобы мы все стали собственниками? Это огромные территории, фабрики, заводы, которые мы потеряли с вами? Это межэтнические конфликты? Вся страна в крови, и вы, соучастник ельцинской команды, этого олигархического клана»* [Жириновский Предвыборные дебаты 28 февраля 2012]. В этом отрывке политик реализует *тактику обличения*, указывая на конкретную вину, которая приписывается оппоненту. Яркость высказыванию В. В. Жириновского придаёт использование стилистических и синтаксических средств, в частности, риторического вопроса и метафор.

Но, наверное, самой яркой из тактик, применяемых В. Жириновским в своих выступлениях, является *тактика оскорбления*. Она представляет собой обвинение и унижение противника, при этом данная тактика отличается явной эмоциональной окраской, которая заменяет использование фактов и доказательств. Речь В. В. Жириновского крайне эмоциональна, в ходе дебатов с участием М. Прохорова он нелестно отзывается о его сторонниках. В приведённом ниже отрывке он называет Аллу Пугачёву «певичкой», т.е. за счёт лексической единицы с негативной коннотацией выступающий стремится приуменьшить значимость и шансы оппонента на победу: *«Что вы пришли сюда с сестрой, с певичкой и с актёром? Это ваша партия?»* [Жириновский Предвыборные дебаты 28 февраля 2012].

Не реже этот эмоциональный политик использует *тактику угрозы*. Она заключается в запугивании оппонента, предрекании ему наказания в будущем. Во время предвыборных дебатов с М. Прохоровым В. В. Жириновский отвечает своему оппоненту на обещание тюремного заключения: *«Я вам обещаю хорошее содержание в Лефортово. Каша, щи, кисель, рыбы хвосты»* [Жириновский Предвыборные дебаты 28 февраля, 2012]. В данном примере тактика угрозы реализуется за счёт использования такого стилистического приёма, как метафора. Выражение «рыбы хвосты» призвано описать плачевное, по мнению В. Жириновского, будущее его оппонента.

Вторая стратегия, к которой часто прибегает В. В. Жириновский, – **стратегия на повышение**. Эта стратегия характеризуется желанием говорящего представить себя в выгодном свете, увеличить свою значимость в глазах электората.

Одна из тактик, за счёт которой реализуется стратегия на повышение – *тактика презентации*. Она заключается в представлении какого-либо лица в положительном свете. Частным случаем тактики презентации можно считать тактику самопрезентации. Здесь можно привести такой отрывок из выступления В. Жириновского, в котором он описывает себя с исключительно положительной стороны, призывая проголосовать за него: *«У Путина есть учёная степень, я – доктор наук. Путин – юрист, я – заслуженный юрист. Медведев преподавал в Петербургском университете, я – профессор, штатный профессор двух московских вузов, почётный доктор пяти университетов страны. У меня два, три ордена: Почёта и два За заслуги. Где ордена Путина? Где ордена остальных?»* [Жириновский Предвыборные дебаты 1 марта, 2012] Для усиления воздействия на аудиторию политик использует ряд параллельных синтаксических конструкций, при этом В. Жириновский старается представить себя в наиболее выгодном свете, противопоставляя положительные качества своих оппонентов своим сильным сторонам, однако его сравнение построено таким образом, что его собственные заслуги выглядят значительно весомее.

Ещё одна тактика, к которой часто прибегает политик – *отвод критики*. Она заключается в приведении аргументов, которые позволили бы оправдать те или

иные поступки. Во время дебатов М. Прохоров задался вопросом, откуда у ЛДПР, в частности, у В. Жириновского, деньги на осуществление политической деятельности, намекая на наличие нечестных источников финансирования. В ответ на обвинения со стороны оппонента В. Жириновский пытается оправдать себя, ссылаясь на официальные организации, у которых, по его словам, нет к нему вопросов: *«Сто раз проверенная партия и её лидер. 25 лет. Имеет право проверять партию только Министерство юстиции. Есть хоть одно замечание? Завтра сдам пост и уйду вон из Государственной думы. У ФСБ есть замечания? Нету! У прокуратуры есть замечания? Нету! У МВД есть? Нету! Следственный комитет есть? Нету! Наконец, есть Администрация президента, которая Вас сюда поставила как фальшивого кандидата. У них спросите. Есть замечания ко мне? Хоть раз получил от кого хоть рубль?»* [Жириновский Предвыборные дебаты 28 февраля, 2012].

Особое внимание при изучении политических текстов В. В. Жириновского следует уделить **стратегии театральности**. Тот факт, что в политическом дискурсе есть адресат-наблюдатель, т.е. потенциальный избиратель, позволяет делать политическую коммуникацию особенно зрелищной. Это касается, прежде всего, предвыборных дебатов. Воздействие на адресата в этом виде стратегии отмечено высокой эмоциональностью. И почти все выступления В. Жириновского опираются на эту стратегию. *«Я брошу деньги на создание тайной политической полиции, которая зачистит страну от пятой колонны, от тех, кто находится на содержании американцев, у Евросоюза, у НАТО, у исламских государств, иначе они уже имеют планы уничтожения нашей страны. Поэтому все партии, которые российские, граждане, которые хотят свободу, это получают. Ограниченное число лиц, которые являются агентами иностранных спецслужб, понесут заслуженное наказание вместе с прикрывающими их актёрами»* [Жириновский Предвыборные дебаты 28 февраля, 2012]. Это выступление построено с использованием *тактики обещания*. Выбор языковых средств идеологически обусловлен. Говорящий использует глаголы совершенного вида, чтобы подчеркнуть уверенность в успехе его партии.

Следует отметить, что список тактик, за счёт которых реализуются те или иные стратегии в выступлениях В. Жириновского, может быть продолжен.

Список литературы

1. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия / В. Е. Чернявская. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 134 с.
2. Михалёва, О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалёва. – М. : Либроком, 2009. – 256 с.
3. Жириновский, В. В. Предвыборные дебаты / В. В. Жириновский. – М., 2012. – 28 февраля.
4. Жириновский, В. В. Предвыборные дебаты / В. В. Жириновский. – М., 2012. – 1 марта.

Л. Л. Аюпова, Э. А. Салихова
(г. Уфа, Россия)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭТНОЯЗЫКОВАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Из языковой действительности нашей страны явствует, что владение русским языком (РЯз) нерусскими жителями стало массовым. Вполне понятна поэтому и повсеместная распространённость национально-русского двуязычия в России. Не составляет в этом отношении исключения и многонациональный Башкортостан (РБ), в котором функционируют различные типы двуязычия, однако ведущим является все

же *национально-русский* (или инофонно-русский) тип билингвизма, к которому прежде всего мы относим и башкирско-/татарско-русское двуязычие (тюркско-русское) [Аюпова, 2000]. Функционирование этого типа двуязычия находится в непосредственной зависимости от социальных и этнических факторов, к которым относятся общественные функции башкирского и РЯз в республике, этнический состав, роль языка межнационального общения, демографические вопросы и т.д. При этом для всех конфигураций существующих в РБ типов многоязычия, инвариантным показателем следует признавать не только фактор «максимального уровня *language loyalty*» по отношению к РЯз [Тимирханов, 2015, с. 123, 126] (в узком толковании термина; т.е. со стороны миноритариев), но и фактор этнической самооценки и комфортного самочувствия этноса на данной территории. Толерантное же отношение к неродным языкам со стороны численно или социально доминирующей национальной группы свидетельствует о добрососедских отношениях между этногруппами, населяющими РБ (в широком понимании *language loyalty*), что является залогом их мирного сосуществования, оказывает всеобъемлющее и решающее воздействие на условия и состояние полилингвизма в республике.

В развитии и становлении контактного и двустороннего тюркско-русского и русско-тюркского двуязычия необходимо различать диахронический и синхронический этапы воздействия этно-социальных факторов [Аюпова, 2000, с. 100], в числе которых особое место принадлежит этноязыковой идентификации личности, её этническому самоопределению. Обозначенные понятия составляют одно из перспективных направлений современной сопоставительной социолингвистики с присущим ему интегративным характером, что позволяет выделить тенденцию к социопсихолингвистическим разработкам [Бондалетов, Хроленко, 2004].

РБ представляет интерес для исследователей как поликультурное, многонациональное и многоязычное образование, поэтому вопрос полиаспектного анализа контактирующих языков и государственного регулирования их функционирования является архиважным. Внимание к проблемам билингвизма свидетельствует лишь о перспективности исследований в этой области [Аюпова, Галимьянова, Салихова, 2012, с. 125–126]. К таковым относится и не теряющая своей актуальности на протяжении почти трех столетий проблематика *Turco-Slavica* вместе с её доминантной *Turco-Rossica*, которая наиболее полно раскрывает свою лингвистическую сущность в межъязыковом взаимодействии различных социумов, особенно полиэтничных. Современная республика Башкортостан, будучи таковой, представляет собой в основном гетерогенные в языковом отношении коллективы (социалемы). Активные контакты языковых коллективов России (центра) и Башкортостана (регион) насчитывают около 475 лет, хотя известно и то, что в глубокой древности, ещё в 1 тыс. н.э. на территории современного Башкортостана мирно сосуществовали тюркские и финно-угорские этносы [Кузеев, 1992, с. 9].

Разнообразие этнолингвистического ландшафта РБ обусловлено тем, что она является территорией интенсивного взаимодействия славянских, тюркских, финно-угорских и представителей других народов [Аюпова, 2000; Салихова, 2015]. Национальный состав населения РБ по переписи 2010 г. в численном соотношении можно представить так: при общем населении 4 072 292 человека русские составляют 1 432 906 (36 %), башкиры – 1 172 287 (29,5 %), татары – 1 009 295 (25,4 %), чувашаи – 107 450 (2,7 %), марийцы – 103 688 (2,6 %), удмурты – 21 477 (0,5 %), мордва – 20 300 (0,5 %), белорусы – 11 680 (0,3 %), украинцы – 39 875 (1 %), латыши – 1117 (0,03 %), евреи – 1900 (0,05 %) человек.

Из всего населения РБ, указавшего национальную принадлежность и владение языками, РЯз владеют 3910,5 тыс. чел. более (98 %). Из них для 1918 тыс. чел. он является единственным. Из языков народов России наиболее часто указывалось

владение татарским (1063,5 тыс. чел.), башкирским (935,8 тыс. чел.), марийским (81,2 тыс. чел.), чувашским (75,4 тыс. чел.) языками; из иностранных языков – английским (172 тыс. чел.) и немецким (45,3 тыс. чел.). Впервые в ходе переписи населения глухим, глухонемым и слабослышащим гражданам задавался вопрос о владении языком жестов. Владение этим языком указали 4059 жителей республики. О полиязычности населения РБ говорят такие цифры: почти половина проживающих в республике владеет двумя или более языками, из них 382,5 тыс. чел. – тремя и более языками [Национальный состав населения 2010, с. 34].

По результатам переписи 2010 г. в Башкортостане родным языком признали язык своей национальности 75,3% башкир, 99,8 % русских, 85,3 % татар, 76,6 % чувашей, 88,4 % марийцев, 23,1 % украинцев, 56,7 % мордвы, 89,6 % удмуртов, 12,2 % белорусов.

Сферы коммуникативного использования языков различны, неодинаковы и их статус, социальная и коммуникативная базы их применения: среди 13 языков выделяются 3 с максимальными социальными функциями, но с различным статусом: РЯз как общегосударственный язык РФ и средство межнационального общения, нетитульный в условиях РБ; башкирский язык как язык титульной нации и татарский – язык, на котором говорит около трети населения РБ, нетитульный в условиях РБ, но охватывающий 2/3 территориального распространения РБ; 10 языков с более ограниченными социальными и коммуникативными функциями; 5 языков выполняют узкую учебную функцию иностранных языков.

В современных активно идущих глобализационных и интеграционных процессах наблюдается становление типа языковой личности, способного грамотно и уместно сочетать знания разноструктурных языков в условиях коммуникационной многовекторности на основе родного языка, моделирующей языковую картину мира индивида [Салихова, 2012, с. 176]. При этом динамичный характер взаимодействия языков в языковом сознании носителя языков, специфика коммуникативной ситуации могут привести к тому, что определяющим в лингвоментальной картине мира индивида становится не родной, а государствообразующий язык, который в нашей республике совпадает еще и с межнациональным – русским [Салихова, 2012, с. 177–178].

Социализация личности, индивида отображается в дихотомии «язык-речь» (компетенция – исполнение). Отечественными учеными была создана трехчленная формула «компетенция – отношение – ориентация», которую вполне можно принять с одним дополнением, касающимся содержания «языковой ориентации». С учётом происходящих бурных языковых реформ термин «языковая ориентация» несет в себе не только «психологическое отношение билингвов к различным языкам» (М. Н. Губогло), что вполне приемлемо и понятно, в современных условиях – это и отношение индивида (монолингва, билингва) или социума к статусу языка или языков, их экстенсивному и интенсивному, реальному и потенциальному функционированию, вопросам языкового строительства, языковым конфликтам и языковой экспансии, проблемам билингвизма и многоязычия [Аюпова, 2000].

В зарубежной социолингвистической литературе обозначается бóльшая или мёньшая степень этничности, под которой понимается некоторое отклонение от условного стандарта этнических проявлений – традиций, поведения, привычек, языка. Объем понятия «этничность» традиционно включал происхождение, т.е. этничность «передавалась» от родителей.

Демонингвистические переменные с течением времени вносили порою существенные изменения в понятийную структуру языковой ситуации. Это относится к такому компоненту, как социально-функциональная иерархия языков в обществе и в различных сферах человеческой жизнедеятельности. В работах по данной проблематике представлялась картина языкового состояния, лишь немногие исследователи

имели в виду развитие, функционирование языка в разных сферах его применения [Искужина, Салихова, 2013, с. 181–182]. Примордиалистское направление современной социолингвистики отстаивает идею «изначальной» этничности, сущность которой сводится к природному, исконному чувству духовной близости людей (Э. Шилс). Положение об «инструментальной» этничности дало толчок к появлению ситуационистского и конструктивистского подходов, которые объясняли зависимость этнической идентификации от внутренних и внешних социальных обстоятельств, в которых оказывается индивид, для которого этничность – своего рода средство достижения материального преимущества [Искужина, Салихова, 2014, с. 134–135].

Проблемы взаимодействия этносов (наций) и государства являются открытыми до сих пор и часто подвержены идеологизации, а теоретические подходы к описанию социальной реальности настолько зависимы от мировоззренческих позиций авторов, что понимание между представителями разных направлений научной мысли бывает прямо противоположным [Аюпова, Галимьянова, Салихова, 2012, с. 122]. Тем не менее, интерес языковедов к роли индивидуально-деятельностного начала в рассматриваемых ситуациях свидетельствует о тенденции к гуманизации научного знания как такового.

Для преодоления «кризиса идентичностей» (Э. Х. Эриксон), отмеченного межнациональными, межкультурными взаимодействиями, гибридными моделями и коммуникативными кодовыми переходами, надо признать в качестве активно влияющих на формирование государственной системы наряду с географическими и иными факторами подсистемы языковые и национальные [Бахтикиреева, Маркова, 2012, с. 392]. Отсюда – актуальность обсуждения феномена гражданской идентичности, связанного с осознанием своей принадлежности к государству, зависящей прежде всего от решения этноязыковых проблем.

Государство, осознавая значимость функционирования языков и понимая ответственность за поддержание этносоциальной стабильности в этой сфере, предпринимает различные меры общественного воздействия. Вопросы функционирования языков регулируются Конституцией и «Законами о языках» в национальных республиках РФ. Существуют и законодательные акты наднационального характера: так, 5 ноября 1992 г. в Страсбурге была принята Европейская хартия. Созданная в республике правовая база регулярно подкрепляется планомерными научными работами, программами типа «Возрождение и развитие башкирского языка», «Сохранение, изучение и развитие языков народов РБ на 2012–2016 годы», «Народы Башкортостана», «Программа по изучению, возрождению и развитию фольклора народов РБ» и мероприятиями разного уровня и статуса – международным семинаром «Европейская Хартия региональных языков и языков национальных меньшинств», проведенным Советом Европы в 2001 г. в Уфе, заседаниями консультативного комитета финно-угорских народов (2005 г., г. Уфа), отчетом РБ на международной конференции в 2001 году в Нидерландах и т.п.

С точки зрения вклада в языковое развитие РБ отдельные мероприятия историко-культурных центров как альтернативных учреждений способствуют сохранению этнического, языкового многообразия и воспитанию толерантности. Проведение 1-го, 2-го, 3-го Всемирного Курултаев башкир в 1995, 2002, 2007 гг., 1-го, 2-го съездов татар в 1997, 2003 гг., Конгресса Собора русских Башкортостана (1998), Канаша (съезда) чувашей Башкортостана (1999, 2006), Съезда Ассамблеи народов Башкортостана (2000), Съездов и конференций украинцев, мари, удмуртов, мордвы, белорусов, поляков, евреев и других народов стали событиями мирового значения [Искужина, 2014, с. 156].

Традиционными стали в Уфе – столице Башкортостана – объявляемые властями памятные даты и события (Год русского языка, Год Пушкина, Год литерату-

ры, С 26 сентября 2001 г. отмечается Европейский день языков, 25 мая – День филолога) и проводимые Международные фестивали национальных культур «Содружество», Международные фестивали культуры и искусства финно-угорских народов «Самоцветы Прикамья», праздники Тальянки, славянской культуры «Бирские потехи», Всероссийские Фольклориады. Актуальными и востребованными стали Международные конкурсы исполнителей татарской и башкирской песни, Международные конкурсы тюркской молодежи, Межрегиональные праздники частушек и русских песен, Республиканские конкурсы кураистов, кубызистов, думбристов и исполнителей узляу (горловое пение), Республиканские праздники чувашской песни «Шапчак сасси», марийской песни «Чолман йук», удмуртской песни «Жужась кизилюс», Праздники удмуртского творчества, латышский праздник Лиго (Янов день), белорусского праздника Янки Купалы, фестивалей украинской культуры, мордовского праздника «Эрзянь ойме» и мн.др., объединяющие культурные традиции всех народов РБ и дают мощный стимул к сохранению самобытности, фольклора, обычаев, традиций и языка [Искужина, 2014, с. 157].

Гуманитарным условием региональной этносоциальной стабильности является, к примеру, коллегиальное решение выборных культурных представителей всех слоев тюркского и русского суперэтносов о содержании преподавания основ русской и тюркских культур в системе регионального образования. Вопросы совершенствования методики преподавания родных языков, литератур и проблем по их изучению, существующих во всех национальных субъектах, объективно сталкивается с рядом проблем. Попутно отметим, что в настоящее время в трех субъектах РФ имеются научно-исследовательские и научно-методические институты национального образования – в республике Саха-Якутии, Удмуртии и Башкортостане. Первая проблема заключается в неоднозначном толковании понятия «национальное образование»: в зарубежной практике ему придается то значение, которое в отечественной науке обозначается посредством понятия «федеральное» – т.е. того, что обязательно свойственно федеральному образовательному пространству. Когда мы говорим «национальное образование», то подразумеваем составляющую федерального образовательного пространства, что связано: 1) с трансляцией национальной культуры, формированием национального самосознания молодого поколения; воспроизводством этнически самоидентифицированного типа личности; 2) с толерантным отношением и открытостью личности в другие культуры и особенно в культуру народов России в интересах гармонизации национальных отношений; 3) с проблемой поликультурности образования, диктуемой смешанным составом обучающихся значительной части учебных учреждений РБ; 4) с обеспечением потребностей современного цивилизованного развития нации международным стандартам образования [Искужина, 2014, 127, с. 128].

Научные изыскания в обозначенном направлении имеют прогностическую направленность на практическое осмысление «Концепции национальной политики РФ», основы которой разработаны с точки зрения становления единой целостной общероссийской гражданской идентичности [Аюпова, Галимьянова, Салихова, 2012].

Среди российских регионов РБ – одна из наиболее значимых как в геополитическом, так и в культурно-цивилизационном отношениях. Рассматривая её в контексте глобализационных процессов, важно учитывать специфические особенности региона, одной из особенностей которого считается этноразнообразие. Разумеется, смешение и другие формы межэтнического взаимодействия имели место, но, несмотря на это, каждый из этносов сохранил себя, свою идентичность, в том числе языковую. Причём на почве таких непростых межэтнических и межязыковых взаимоотношений не происходило каких-либо разрушительных социально-политических потрясений, которые имели место в отдельных регионах РФ.

Список литературы

1. Аюпова, Л. Л. Языковая ситуация: социолингвистический аспект / Л. Л. Аюпова. – Уфа, 2000.
2. Аюпова, Л. Л. Развитие социолингвистики и психолингвистики в Республике Башкортостан: состояние и перспективы / Л. Л. Аюпова, В. Р. Галимьянова, Э. А. Салихова // Вопросы филологии. – 2012. – № 2 (41). – С. 122–128.
3. Бахтикиреева, У. М. К вопросу о кризисе идентичности / У. М. Бахтикиреева, Е. А. Маркова // Жизнь языка в культуре и социуме-3. – М., 2012. – С. 391–392.
4. Бондалетов, В. Д. Теория языка : учеб. пособие / В. Д. Бондалетов, А. Т. Хроленко. – М. : Флинта-Наука, 2004.
5. Искужина, Н. Г. Гетерогенное языковое пространство города: специфика речевого контактирования / Н. Г. Искужина, Э. А. Салихова // Филологические науки : Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2013. – № 3, ч. 2. – С. 181–186.
6. Искужина, Н. Г. Формирование этнической идентичности: возможности в профилактике деструктивной этнорегиональной маргинальности / Н. Г. Искужина, Э. А. Салихова // Вестник ВЭГУ: научный журнал. Сер. Гуманитарные науки. – 2014. – № 2 (70). – С. 133–138.
7. Искужина, Н. Г. Двухязычие в городах Республики Башкортостан : моногр. / Н. Г. Искужина. – Уфа, 2014.
8. Кузеев, Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этнографический взгляд на историю / Р. Г. Кузеев. – М., 1992.
9. Национальный состав населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года : статистический бюллетень. – Уфа : Башкортостанстат, 2012. – 58 с.
10. Салихова, Э. А. Социопсихолингвистический типаж носителя би-/трилингвального кода / Э. А. Салихова // Коммуникация. Мышление. Личность : материалы Междунар. конф., посвящ. памяти проф. К. Ф. Седова, И. Н. Горелова. – Саратов : Саратов. гос. ун-т, 2012. – С. 175–180.
11. Салихова Э. А. Двухязычие и триязычие как социопсихолингвистические факторы лингвокультурной интеграции этносов Башкортостана / Э. А. Салихова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 1 (62). – С. 52–56.
12. Тимирханов, В. Р. О состоянии полилингвизма в Башкирии в свете социальных функций филологии / В. Р. Тимирханов // Российский гуманитарный журнал. – 2015. – Т. 4, № 2. – С. 120–126.

Н. И. Волкова
(г. Пенза, Россия)

ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ ПРОТОПОПА АВВАКУМА (НА МАТЕРИАЛЕ «ЖИТИЯ ПРОТОПОПА АВВАКУМА, ИМ САМИМ НАПИСАННОГО»)

В настоящее время особо актуальной и значимой становится проблема исследования языковой личности, в частности, изучение языка автора. Термин «языковая личность» был предложен В. В. Виноградовым в книге «О языке художественной прозы» (1933) и впоследствии развит в отдельную теорию Ю. Н. Карауловым. Анализ языковой личности, в том числе и личности автора, предполагает подробное и детальное изучение текстов, написанных на протяжении длительного времени, знание исторических и культурных условий, в рамках которых создавались произведения.

Архив «огнепального протопопа» даёт возможность для формирования целостного представления о его языковой личности, об этапах ее становления и активной позиции в период формирования нового русского литературного языка [Кортава, 2007, с. 67].

Попробуем на примере «Жития протопопа Аввакума, им самим написанного» – ярчайшем памятнике письменности XVII в., представляющем собой художественное обобщение характерных явлений русской жизни и русского человека, – проследить особенности языка, характера и мышления влиятельного вождя старообрядческой оппозиции Аввакума Петрова.

Изучение старообрядческих текстов представляет значительный интерес: старообрядчество как особая форма отражения национальной культуры аккумулирует непрерывный духовный опыт русской нации, сохраняя системный уклад жизни средневековой Руси, когда вероисповедание и быт составляли одно целое. Сочинения старообрядцев-странников – фактический материал, отражающий развитие книжного языка и динамику социокультурных стереотипов. Язык подобных сочинений отличается гетерогенностью, заключающейся в соединении двух систем: традиционной (средневековой) и новой – унифицированной. Их синтез в контексте отражает двойственность бытия как способ восприятия окружающего мира, что характерно для всей русской православной культуры в целом [Нагорная, 2007, с. 74–75].

Противоречивость и двойственность мировоззрения Аввакума, его неустанная борьба с никонианами и вечные поиски правды во многом сказались на языке и стиле «Жития». В эпоху формирования нового литературного языка, в годы жесточайшего социального конфликта, связанного с церковным расколом, протопоп активно вмешивался в языковое строительство, пытался влиять на языковую политику государства.

Речевой структуре образа автора «Жития» посвящено исследование М. В. Меркуловой. Исследовательница утверждает, что изучение индивидуального стиля писателя невозможно без определения организующего принципа его творчества. Аввакум выступает перед нами и как автор, и как герой, все события проходят через призму его восприятия. Поэтому основным принципом построения «Жития» можно считать авторизацию, суть которой заключается в повествовании через авторскую оценку к изображаемым событиям, людям, их поступкам и т.д. [Меркулова, 1977, с. 319–321]. Текст пронизан субъективным отношением Аввакума не только к людям и событиям, о которых он рассказывает, но и к самому себе.

Изображение главного героя и одновременно автора произведения можно считать первой попыткой в создании законченного психологического автопортрета в литературе. Герой предстаёт перед нами в различные моменты своей жизни: среди толпы и в кругу семьи, с единомышленниками и «иноверцами», с царём и простыми людьми, в качестве церковнослужителя и узника. Поведение героя в этих ситуациях показывает читателям всю многогранность и разносторонность его личности: непреклонность и требовательность, суровость и жестокость, отзывчивость и понимание, гнев и злость, мудрость и снисходительность. Н. К. Гудзий отмечает, что Аввакум – «человек огромного темперамента, фантастически упорный в защите старой веры, шедший в своей борьбе на тяжкие страдания и порой нечеловеческие лишения» [Гудзий, 1966]. А. Н. Толстой указывает также, что он «бунтарь» борец, вступающий в острые и открытые конфликты с представителями правящей партии, с главой русской церкви [Там же].

Личность мятежного протопопа описана в работах академиков В. В. Виноградова, Б. А. Ларина, Д. С. Лихачёва. Исследователи отмечают, что стилистическое новаторство заключается в одновременном использовании народно-разговорных, просторечных, диалектных элементов и церковнославянизмов, сплетенных в общественно-бытовую речь [Николаева, 2007, с. 78]. Соотнесённость с традицией выразилась не только в использовании церковнославянизмов, избыливающих архаизмами, но и в сохранении в тексте «Жития».

– сложной системы прошедших времён глагола (на всѣхъ домашнихъ нападеѹ жасѣ – аорист, пояху въ церкви ангельскія рѣчи – имперфект, что, господине, опечалился еси – перфект, надавали было кое что во имя христово – плюсквамперфект);

– вокатива (Боже, господине, Отче, Троице, матушко, царю, Аввакумушко);

– двойственного числа (двѣма персты, свои рѹцѣ, въ глаза плюютьъ, возведѣ очн свои, подѣ бока толкаютьъ);

– словоформ со свистящими (врази, въ бозѣ, Въ ужасе велицѣ) и других языковых элементов.

Свободное использование стилистических элементов разных систем Т. В. Кортава связывает с отчаянным желанием «страсотерпца» доказать, что язык – живой организм, имеющий свои корни и развитие [Кортава, 2007, с. 67]. Недаром протопоп Аввакум признавался «...Люблю свой русской природной язык, ...того ради я и не брежу о красноречии и не уничижаю своего языка русскаго» [Николаева, 2007, с. 78].

Церковнославянские цитаты изобилуют вульгаризмами, присущими речи Аввакума: **Владычице! ѹйми дѹрака того; мерзко Богѹ четверичное воспѣваніе; замкнѹты мы съ нимѣ двое жили и трети съ нами Христосъ и Пречистая Богородица. Онѣ миленькой бывало серетъ и ссытѣ подѣ себя, а я его очищаю; простите, Господа ради: кто есмь азѣ, ѹмерый песѣ; больше ѹ Христа того остра шелапѹга та.**

Множество бранных эпитетов использует Аввакум при описании своих врагов (в частности, при описании Никона), а также служителей церкви: **обличай блѹдную еретическѹю; оборвали, что собаки, одинѣ хохолѣ оставили; давеча былѣ блядинѣ сынѣ, а тепереча батюшко; ересь никоновскѹю обличалѣ; пастыря православнаго ѹчинилѣ вмѣсто волка и отступника, Никона, злодѣя и еретика; как говорилѣ Никонѣ, адовѣ песѣ.**

Текст произведения содержит множество противопоставлений «Я» – «Не-Я», «Я и соратники» – «никониане». На морфологическом уровне это выражается в употреблении определенных глагольных форм: аорист и имперфект используются преимущественно в речи Аввакума и его сподвижников, в то время как никониане употребляют формы перфекта. Приведем примеры: *Аввакум*: «...московскій помѣстный вывый соборѣ при царѣ Иванѣ, такѣ же слагая персты, креститися и благословляти повелѣваетѣ, яко же прежніи святїи отцы Мелетїи и прочїи **наѹчиша**. Тогда при царѣ Иванѣ **выша** знаменосцы Гѹріе и Варсанофіе» (аорист) – *Никониане*: «**И патриархи задѹмались и ... завыли, ... говоря: «глѹпы де были и не смыслили наши рѹсскїе святые; неѹченые де люди были: чѣмѹ имѣ вѣритѣ? они де грамотѣ не ѹмѣли!»**» (перфект без связки).

Никониане: «**ѹхватилѣ меня Иванѣ ѹваровѣ, да потащилѣ... Такѣ они всѣ отскочили...**» (перфект) – *Аввакум* («говори патриархомѣ»): «**Апостолѣ Павелѣ пишетѣ: таковѣ намѣ подобаше архїерей преподобенѣ, незлобивѣ и проч., а вы, ѹбивше челоуѣка, какѣ литоргисать станете**» (аорист) – *Никониане*: «**такѣ они сѣли**» (перфект).

Аорист и имперфект XVII в. – языковые средства церковнославянского языка, поэтому эти формы использовались преимущественно в произведениях «высокого» стиля. Аввакум сознательно подчеркивает стилистически маркированные глагольные формы (аорист и имперфект), создавая перспективу деяний своих соратников [Семаков, 1977, с. 405–408]. Семантика форм прошедшего времени позволяет предположить, что аорист и имперфект обозначали действия в прошлом (т.е. старую веру, церковь, литературу, деяния Аввакума и его учеников), а перфект показывает результат в настоящем от действия в прошлом: новый церковный уклад, язык богослужебных книг, греческий образец иконописания, действия Никона и его реформа.

Если по отношению к еретикам Аввакум был гневен и непримирим, то по отношению к единомышленникам он мог быть деликатен и ласков. С нежностью он отзывался о Федоре юродивом, боярыне Морозовой, княгине Урусовой и многих других, с кем сталкивала его жизнь [Гудзий, 1966]. В тексте встречаем следующие эпитеты: **онѣ же миленькой; миленькой батюшко; голѹбка, свѣтѣ мой, дитя-**

тко церковное, свѣты мои, сиротинка Христова и т.д. С особым трепетом и любовью вспоминает протопоп черненькую курочку: ни курочка, ни то чудо; на весь годъ по два яичка давала; одушевленное божіе твореніе.

Приведенные фрагменты характеризуют Аввакума как человека, соединяющего в себе неумолимую жестокость к врагам с благожелательностью и сентиментальной нежностью к близким по духу людям [Там же].

Во многих эпизодах Аввакум предстает перед читателем в качестве семьянина. Он любящий отец и заботливый супруг. Кратко автор повествует о своих детях, которые натерпелись от Никона и его сподвижников не меньше, чем их отец, вспоминает страдания сына Ивана, который пришел навестить Аввакума и был брошен в студеную тюрьму (сынъ не великъ былъ; ночевалъ милой и замерзъ было тѣтъ; руки и ноги отзнобилъ), и дочери («Аграфена, вѣдная моя горемыка»), которую «не знаю, кто...за языкъ-отъ держалъ».

Особого внимания заслуживает образ Настасьи Марковны, верной спутницы Аввакума, которая навсегда остается его женой, верным другом и союзником в борьбе с еретиками. Протопопица переносит все тяготы, уготованные ей судьбой, не отступает от собственной веры. Лишь однажды она упрекнула мужа и вновь взяла себя в руки: На меня вѣдная пѣняетъ, говоря: «долголи мѣки сея, протопопъ, вѣдетъ?». И я говорю: «Марковна! до самая смерти». Она, вздохня, отвѣчала «Добро, Петровичъ; ино еще повредемъ».

Активность и страстность ее волевой природы проявляется в другом эпизоде, когда в «русскихъ градахъ» пришлось ей даже ободрять мужа: «Господи помилуй! Что ты, Петровичъ, говоришь? ... азъ тя и съ дѣтьми благословляю, держай проповедать слово божіе по прежнему, а о насъ не тужи... Поди, поди в церковь, Петровичъ, – обличай блудню еретическую!». В образе Настасьи Марковны автор ярко воплощает лучшие национальные черты русского женского характера [Павлов, 1880, с. 180].

Семья занимает у Аввакума особое место в сердце, он корит себя и сомневается, следует ли ему проповедовать слово божие ценой семейного счастья.

Помимо оценки окружающих людей, Аввакум часто прибегает к самоанализу, самооцениванию и рефлексии. М. В. Меркулова полагает, что оценки автора даются в зависимости от плоскости рассмотрения: как автора жития или как его героя.

Авторские самооценки показывают читателю человека скромного, лексика имеет преимущественно отрицательную коннотацию: хошѣ глаголати азъ недостойный; я окаянный сдѣлалъ не такъ; а я грязь, что могу сдѣлать; мы ѹроди Христа ради...мы же бесчестни.

Оценки героя выражают не только отношение к нему как личности, но и к его поступкам, что создает особый эмоциональный фон, дающий возможность сопереживать страдающему герою. Лексическая оценка Аввакума-героя имеет положительную окрашенность: одинъ вѣдный горемыка протопопъ; я вѣдной больше тогоже табакѣ испилъ; о горе мне; првовѣрный, виновный равъ и т.д. [Меркулова, 1977, с. 323].

Обозначим очевидное: «Житие» писалось истинно русским человеком и прежде всего для русских людей. Весьма набожный и разносторонне образованный автор, часто повествующий о «высоких» материях, все же максимально старался приблизить язык своего произведения к русскому разговорному, что как нельзя явно прослеживается в изучаемых нами фрагментах, где превалирует в основном разговорно-бытовая лексика.

Итак, в многофигурном полотне, каким является «Житие», Аввакум сохранил единство принципов изображения людей, отсутствие схематического противопоставления персонажей и резкого выделения идеального, безупречного героя, что

было столь характерно для средневековой литературы. Это не значит, что Аввакум вовсе отказывается от оценки событий и людей – она выражена достаточно определенно, – но эта тенденциозность достигается художественными, а не публицистическими средствами [Виноградов, 1923, с. 290].

За веру, отстаиваемую ценой собственной жизни, Аввакума гнали и преследовали. Однако никакие трудности и преграды царской власти и никониан не отталкивали единомышленников протопопы, а давали новые стимулы бороться за правое дело. Возможно, по этой причине творчество Аввакума известно во всем мире. Его «Житие» – «послание бунтаря» – переведено на полтора десятка иностранных языков. Своей жизнью, стойкостью, верностью идеалам «неистовый протопоп» вызвал уважение современников и потомков. Его жизнь – пример того, как, не одерживая физических, материальных побед, человек может побеждать духовно. И эта – духовная – победа оказывается самой ценной и самой значимой. Аввакум обессмертил своё имя не только автобиографическим творением, но и своими исключительными человеческими качествами.

Список литературы

1. Виноградов, В. В. О задачах стилистики: наблюдения над стилем «Жития» протопопы Аввакума / В. В. Виноградов // Русская речь : сб. ст. / под ред. Л. В. Щербы. – СПб. : Наука, 1923. – Вып. 1. – С. 195–293.
2. Гудзий, Н. К. История древней русской литературы / Н. К. Гудзий. – М., 1966. (Русский филологический портал). – URL: Philology.ru (дата обращения: 17.02.2016).
3. Гусев, В. Е. «Житие» протопопы Аввакума – произведение демократической литературы XVII в. / В. Е. Гусев // Труды Отдела древнерусской литературы. – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1958. – Т. 14. – С. 380–384.
4. Кортова, Т. В. Языковая личность Аввакума «как целостный феномен» / Т. В. Кортова // Русский язык: исторические судьбы и современность : материалы III Междунар. конгресса исследователей русского языка. – М. : Изд-во МГУ, 2007. – С. 67.
5. Меркулова, М. В. Речевая структура образа автора в Житии протопопы Аввакума / М. В. Меркулова // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л. : Наука, 1977. – Т. 32. – С. 319–331.
6. Нагорная, С. Ю. Языковые изменения в текстах старообрядцев-странников XVIII–XIX вв. / С. Ю. Нагорная // Русский язык: исторические судьбы и современность : материалы III Междунар. конгресса исследователей русского языка. – М. : Изд-во МГУ, 2007. – С. 74–75.
7. Николаева, Т. М. Стилистическое новаторство Аввакума / Т. М. Николаева // Русский язык: исторические судьбы и современность : материалы III Междунар. конгресса исследователей русского языка. – М. : Изд-во МГУ, 2007. – С. 78.
8. Павлов, А. С. Памятники древнерусского канонического права / А. С. Павлов. – СПб., 1880. – Ч. 1.
9. Семаков, В. В. О стилистической маркированности аориста и имперфекта в языке «Жития протопопы Аввакума» / В. В. Семаков // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л. : Наука, 1977. – Т. 32. – С. 404–409.

М. В. Ермолаева
(г. Челябинск, Россия)

НАРУШЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ НОРМ В РЕЧИ СОВРЕМЕННЫХ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Коммуникативно-прагматические исследования русской фразеологии направлены на выявление речевых смыслов фразеологизмов в содержательно-композиционной структуре высказывания как минимального, относительно завершённого произведения акта вербальной коммуникации. В статье рассмотрены коммуникативно-прагматические установки мужчин и женщин, использующих в ходе обмена информацией процессуальные фразеологизмы с семантикой «социальный статус лица».

Анализируемые фразеологические единицы (ФЕ) обладают общей семой «социальное, общественное». Ядерным семантическим узлом таких фразеологизмов следует считать представление о социальном статусе человека.

Нам представляется перспективным изучение языковой гендерной личности в парадигме реального общения, так как именно на коммуникативном уровне проявляются национально-культурные и индивидуальные, в первую очередь гендерные особенности личности.

Проведённый коммуникативно-прагматический анализ гендерных высказываний позволяет сделать вывод о фразеологической компетенции языковой личности.

Профессор Е. А. Добрыднева выделяет следующие составляющие фразеологической компетенции говорящего:

1) лингвальные знания, а именно – знание фразеологического словаря языка и системы грамматических правил их употребления в высказывании;

2) знание и соблюдение общих правил общения и владения стратегиями общения, умение вести общение на уровне имплицатур;

3) умение ориентироваться в ситуации общения, прежде всего способность учитывать фактор адресата, умение избегать коммуникативных неудач;

4) знание функциональных ограничений употребления фразеологических единиц в разных сферах деятельности и в различных речевых жанрах;

5) знание основных способов включения ФЕ в контекст с целью достижения адекватного восприятия информации и максимального прагматического эффекта [Добрыднева, 2000, с. 142].

Обращение к языковой личности с точки зрения гендерных параметров, реализующихся в коммуникативном общении при использовании фразеологизмов социального статуса, позволило сделать ряд выводов, связанных с фразеологической некомпетентностью мужчин. По данным нашей картотеки, 83 фразеологических контекста подтверждают данное положение.

Мы иллюстрируем фразеологическую некомпетентность мужчин как аргумент незнания фразеологического кластера, неумения ориентироваться в ситуации, что связано с желанием мужчины выглядеть в глазах собеседника мыслящим по-новому.

Данный вывод может показаться малообоснованным и незаконным, однако мы учитываем тот факт, что фразеологизм – единица многоаспектная, сложная, трудновыделяемая, а потому трудноопределяемая (М. Фомина). Собираемость частотных фразеологизмов относительно облегчена, чего нельзя сказать о новообразованиях, а тем более об ошибочных употреблениях ФЕ, поскольку эти фразеологизмы носят разговорно-просторечный характер, в устной разговорной речи они частотны, но материалом нашего наблюдения послужили, в основном, письменные источники, к которым можно отнести и передачи СМИ, готовящиеся заранее. Тем не менее, мы выявили 83 фразеологических контекста, демонстрирующих фразеологическую некомпетентность мужчин. Случаи намеренного нарушения фразеологической нормы в речи мужчин не рассматривались. Проиллюстрируем данное положение фрагментом беседы журналиста «Городского дилижанса» с известным телеведущим Андреем Малаховым:

*– ...моя учительница русского языка буквально заставила меня принять участие в этом конкурсе. Я упирался, ибо знал, что **дорога** туда **заказана** только блатным. Но она всё же настояла – и моё сочинение выиграло. И я поехал в Америку (Городской дилижанс, № 38, 2003).*

Фразеологическая единица *заказать дорогу (кому-либо)* имеет значение «лишать кого-либо возможности делать что-либо, закрывать доступ куда-либо». Говорящий придаёт данному фразеологизму противоположное значение «открывать доступ кому-либо, предоставлять блестящие возможности».

В телевизионной программе «Страсти по диете» Михаил Шуфутинский обронил следующую фразу:

– *Обильные застолья, возлияния, различные напитки **наклали** определенный **отпечаток** на мой вес* (М. Шуфутинский, *Страсти по диете*, Россия, 2006).

ФЕ *наложить отпечаток* (на что-либо, на кого-либо) в значении «повлиять, изменить что-либо, кого-либо» имеет фиксированную форму и не допускает грамматического варьирования компонентов. Другие примеры:

*Отмена смертной казни – это слишком серьезный вопрос для общества. Элита должна это понимать. Впереди большой **путь** и нам надо его **идти*** (Времена, П. Толстой, Первый канал, 2.06.2006).

Фразеологизм *проходить путь* – «пережить что-либо» имеет фиксированную форму и не допускает грамматического варьирования глагольного компонента. Говорящий не разграничивает семантическое значение глаголов *идти/проходить*, т.к. компонент *идти* – разнонаправленный, обозначает действие, не предполагающее достижение результата, в отличие от глагола *проходить*, указывающего на завершенность действия, достижение цели.

*Прогулки продолжались две недели. И однажды Оля решила **сделать шаг конем*** (П. Михайлов, *Охота, Восточный экспресс*, март, 2009).

В данном высказывании наблюдается контаминация двух фразеологических единиц: *сделать ход конем* в значении – «удачно выйти из затруднительной ситуации» и *сделать решительный/важный шаг* – «принять правильное решение в серьезной ситуации».

Таким образом, большинство мужчин не задумываются об эстетике звучащей речи, они стремятся передать и воспринять в разговоре главное (логика цели), женщина описывает в разговоре множество подробностей, деталей, стремится оформлять высказывание в соответствии с нормами литературного языка (логика процесса). По результатам исследования, женщины допускают меньше фразеологических ошибок, однако способность к речетворчеству лучше развита у мужчин.

Список литературы

1. Добрыднева, Е. А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии / Е. А. Добрыднева. – Волгоград, 2000.

О. О. Есафьева
(г. Пенза, Россия)

М. И. ЗАБЫЛИН КАК АВТОР КНИГИ «РУССКИЙ НАРОД. ЕГО ОБЫЧАИ, ОБРЯДЫ, ПРЕДАНИЯ, СУЕВЕРИЯ И ПОЭЗИЯ»

В истории русской национальной культуры есть много примеров бескорыстного служения. К ним можно отнести жизнь и творческую деятельность выдающегося русского этнографа Михаила Ивановича Забылина. К сожалению, информации о М. И. Забылине сохранено до постыдного мало: о нём умалчивают Большая российская энциклопедия и Большая советская энциклопедия, ИНТЕРНЕТ. Михаил Иванович Забылин собрал ценнейший материал по истории русского народа (славян). Его внимательное отношение к фольклору помогло России сохранить замечательные памятники народного словесного искусства.

Однако и сегодня можно познакомиться с М. И. Забылиным благодаря его труду – книге «Русский народъ. Его обычаи, обряды, преданія, суевѣрія и поэзія», изданной в Москве в 1880 г. В тексте автор раскрывается масштабно и ярко.

Начнём рассмотрение материала с предисловия книги. В нём автор прямо говорит, что стремится к тому, чтобы публика получила полную, точную информацию об образе жизни предков, надеется внушить людям уважение к своим корням, возродить в народе благочестие, христианские добродетели. Он обстоятельно перечисляет все документальные источники, на которые опирался в ходе работы, указывает местность, где были собраны различные памятники древней народной культуры. Автор отмечает, что книга будет полезна для людей, *«любящихъ серьезное чтеніе»*, нуждающихся в «бытовых» сведениях. По авторскому целеполаганию текст можно определить как научно-популярный с элементами публицистического стиля.

Обратимся к основному тексту. Из всего разнообразия раскрываемых тем остановимся на хлебосольстве (фрагмент текста *«Какъ остатокъ старины ...и такъ далѣе»*, глава «Образъ домашней жизни» [Забылин, 1880, с. 519–520]). Автор использует местоимения в форме 1-го лица множественного числа, которые характерны и для научного стиля, и для публицистического, так выражается одновременное стремление к точности и к беспристрастности научного стиля и к эмоциональности и к убедительности публицистического. Эпитет *«прекрасную черту»* (добродушие) выдает в авторе натуру, способную на эстетические переживания. Говоря об эпитете *«наследіе»* применительно к слову «добродушие», отметим, что автор представляет наследием душевное качество, доводя его тем самым до черты национального характера. Говоря о том, что добродушие – *«наслѣдіе нашихъ предковъ»*, автор не без гордости причисляет себя к русскому народу. Замечаем, что под выражением *«русскаго христіанства»* нужно понимать «православия», в котором бескорыстие и жертвование – одни из главных добродетелей. Следовательно, автор считает бескорыстие и жертвование чертами национального характера. Автор эмоционален. В доказательство, в частности, можно привести фразу *«умоляли его: еще хотъ немножко! еще что нибудь отвѣдай»*. Имитация прямой речи хлебосольного хозяина позволяет читателям почувствовать себя в роли случайного гостя, а повтор слова «еще» отражает настойчивость просьб хлебосола. Такой подход в изложении материала говорит о живом авторском восприятии и дает почувствовать публике эмоциональный фон жизни предков. В словосочетании *«бывало гость»* вводное слово «бывало», характерное для разговорного стиля, создаёт ощущение реальности происходящего, непринужденности авторской речи.

Следствием авторской мотивации и воображения является образность. Метафора *«странѣ»* – *«колыбель русскаго христіанства»*, подчёркивает трепетное отношение автора к истокам русской культуры, в том числе и культуры религиозной; словосочетание *«крестьянском кругу»*, в основе которого также лежит метафора, содержащая смысл замкнутости общения, изолированности части, границ бытования явления, употребляется в выражении *«какъ между помѣщиками, такъ и въ крестьянскомъ кругу»*, где уже можно усмотреть смысл общности в следовании национальной традиции. Мысль о единстве русского народа вне зависимости от словной принадлежности близка автору.

Ознакомление с полным текстом главы «Образъ домашней жизни» позволяет утверждать, что автор явно восхищается образом жизни и традициями своих предков. Для него важно, что россияне отличались нравственной чистотой: *«Простой, безупречно честный народ, не положил на себя упрека»*. К достоинствам предков автор относит трезвость, умеренность, почтительность к старшим, здоровье и веселость. Повторы свидетельствуют о важности употребления именно слова *«добродушие»*, чтобы показать: предкам присуще именно добро души. Так проявляется следование религиозной традиции. В поле зрения попадает и выражение *«в Малоросіи..., да и во всей остальной Россіи»*, в котором, благодаря уточняющему обстоятельству, можно усмотреть смысл единства русского мира. В предложении *«Вели-*

кодушие Славян было известно даже врагам, потому что самые враги могли найти приют, защиту и хлеб-соль в доме каждого Славянина» заглавная буква в словах «Славян» и «Славянина» свидетельствует об особом авторском уважении. Образ славянина, содержащийся в тексте, очень походит на идеальный, но он вполне реальный для автора, который остается серьезным исследователем.

Текст полно реализует авторский замысел: внушает читателям чувство национальной гордости, восхищения уникальным добродушием русского народа. Склоняя публику на свою сторону, автор использует средства публицистического стиля, одновременно, стремясь к наглядности, точности и полноте информации, основывается на научных источниках. Авторская позиция в книге – это позиция М. И. Забылина в науке. Он патриот, всю жизнь посвятивший русской старине, защите национального достоинства россиян.

Список литературы

1. Забылин, М. И. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / М. И. Забылин // Репринтное воспроизведение издания. 1880. – М. : ИПО «Автор», 1992. – 607 с.

*Т. Г. Комиссарова
(г. Вологда, Россия)*

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТЕКСТЫ КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ДЕТСКОЙ РЕЧИ И ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Формирование гражданской идентичности – процесс длительный и неоднозначный. Сам термин «гражданская идентичность» имеет множество формулировок. Приведём некоторые из них. Социологическая энциклопедия даёт такое определение гражданской идентичности: это «осознание принадлежности к сообществу граждан того или иного государства» [Социология, 2003]. Исследователь П. В. Григорьев полагает, что гражданская (российская) идентичность – это свободное отождествление человека с российской нацией (народом); включённость человека в общественную, культурную жизнь страны, осознание себя россиянином; ощущение причастности прошлому, настоящему и будущему российской нации [Григорьев]. Т. Водолажская определяет гражданскую идентичность как реализацию базисных потребностей личности в принадлежности к группе [Водолажская, 2010]. Л. М. Дробижева считает, что «понятие "государственно-гражданская" или "национально-гражданская идентичность" включает в себя отождествление с гражданами страны, представление об этом сообществе, ответственность за него, понимание интересов, а также переживаемые в связи с этим чувства (гордость, обиды, разочарование или энтузиазм и готовность к рефлексии)» [Дробижева, 2006]. И. С. Семенов считает, что в основе гражданской идентичности «лежит комплекс представлений, ассоциирующихся с национально-государственной общностью, с обязательствами и правами по отношению к другим членам этой общности и к государству, позволяющим индивиду соотносить себя с ними» [Семенов, 2009].

Говорить об осознании принадлежности к сообществу, отождествлении себя с нацией, понимании интересов страны в отношении маленького ребёнка бессмысленно. Так, может быть, и начинать процесс формирования национальной идентичности нужно только тогда, когда придет осознание, понимание и возможность отождествления себя и народа? Но народная мудрость гласит: «Учи дитя, пока поперец лавки укладывается, а во всю вытянется – не научишь».

В нашей программе раннего эстетического образования «Развитие речи. Театральные игры», разработанной и апробированной на базе МАОУ ДОД «Детская школа искусств «Пируэт» г. Вологды, мы соединили достижения разных наук: лингвистики детской речи, коммуникативной психологии, культурологии и методики обучения языку. Это позволяет в процессе театрализованной деятельности помимо развития речи и коммуникативных способностей, формировать у детей от 3 до 5 лет определённую, на данном этапе их развития, картину мира. Немаловажную роль в этом процессе играет использование памятников народной словесности. Как говорил великий педагог К. Д. Ушинский: «Народ без народности – тело без души, которому остаётся только подвергнуться закону разложения и уничтожиться в других телах, сохранивших свою самобытность» [Ушинский, 1945]. Поговорки, прибаутки, потешки, песни, скороговорки, сказки – все эти жанры народного творчества, как считает К. Д. Ушинский, не только развивают в детях чутьё к ритму и звуковым красотам родного языка, но и способствуют воспитанию детей в духе национальных традиций.

Помимо разделов «Животный мир» и «Времена года», которые знакомят детей с окружающим миром, программой предусмотрен раздел «Путешествие по странам», который открывается знакомством с культурой родной страны. В процессе работы с детьми 3–4-летнего возраста помимо произведений словесного творчества, мы используем народные игры, разучивание песен, попевок, элементов народного танца (не случайно выученные в раннем возрасте народные мелодии мы запоминаем на всю жизнь). Также мы включаем в работу педагога богатый арсенал дидактических игрушек (в частности кукол в народных костюмах). Национально-гражданская идентичность у детей может формироваться в процессе знакомства с культурой других народов. Слушая на занятиях народные песни на иностранных языках, знакомясь с произведениями фольклора других народов, они пытаются сравнивать, искать сходства и различия.

Также на занятиях по данной программе дети 3–4 лет знакомятся не только с понятием Россия, но и с понятием «малая Родина». На вопрос преподавателя «*кто такие вологжане*», был получен ответ: «*Вологжане – это такие люди, которые говорят по-вологжански*». Для ребёнка важно соотношение человека с языком, на котором он говорит. Этот пример лишний раз подтверждает, что первые представления о национально-гражданской идентичности складываются именно в процессе овладения языком. Дети слышат новые слова, пытаются их осознать и в этом процессе они познают реалии и явления окружающего мира. Рассуждая на занятии о том, кто такие земляки, они выдвигают свои предположения – «*земляки – это кто по земле ходит*».

К сожалению, наш опыт работы с детьми показывает, что в последнее время, когда формирование личности ребёнка происходит в основном под воздействием телевидения и интернета, всё больше в группах детей, которые не знают русских сказок, таких как «Колобок», «Курочка Ряба». Что уж говорить о региональных текстах и символах. В частности, на вопрос «*что такое вологодское кружево*», никто не смог дать ответ, лишь одна девочка предположила, что «*это такой большой глаз*». Всё чаще дети дошкольного возраста путают понятия *города* и *страны*, не дают ответа на вопросы: «*кто такие россияне*», «*что такое столица*». Видимо, сказывается недостаточность в последнее время работы в этом направлении, как со стороны родителей, так и со стороны учреждений дошкольного образования. Наша программа способствует формированию гражданской идентичности маленького человека, овладению им родным языком, с его традициями и красотами.

Список литературы

1. Водолажская Т. Идентичность гражданская / Т. Водолажская // Образовательная политика. – 2010. – № 5–6. – С. 140–142.
2. Григорьев, Д. В. Формирование гражданской идентичности современного школьника / Д. В. Григорьев // Интернет-конференция «Перспектива гражданско-патриотического воспитания в системе образования». – URL: <http://proektpatriot2.jimdo.com/гражданская-идентичность> (дата обращения: 18.10.2013).
3. Дробижева, Л. М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность / Л. М. Дробижева // Гражданская, этническая и религиозные идентичности в современной России. – М. : Изд-во Ин-та социологии РАН, 2006. – С. 10–30.
4. Семенов, И. С. Гражданская идентичность как ресурс национального развития : доклад на V Всерос. конгрессе политологов (2009 г.) / И. С. Семенов. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Semenenko_RAPN.pdf
5. Социология : энциклопедия / сост.: А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. – М., 2003.
6. Ушинский, К. Д. Избранные педагогические сочинения / К. Д. Ушинский // Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии (1861). – М. : Изд-во Академии наук РСФСР, 1945.

И. А. Крылова

(г. Пенза, Россия)

А. Демирджи

(г. Стамбул, Турция)

ЛЕКСЕМЫ СЧАСТЬЕ И MUTLULUK В РУССКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Представления о счастье являются специфической особенностью мировоззрения человека и существуют в общественном сознании с древнейших времён. Большое количество философских, социологических, психологических, этических исследований посвящено осмыслению понятия счастья, еще больше художественных и публицистических произведений, в которых затрагиваются проблемы счастья, описывается это эмоциональное состояние, осмысливается само понятие. Пословицы и поговорки, фразеологизмы, афоризмы, прецедентные тексты, отрывки произведений литературы показывают, как широк и индивидуален объём понятия счастья.

Представление о счастье, характеризующееся сложностью и многоплановостью, является одними из ключевых, пожалуй, в любой национальной языковой картине мира, поэтому интересно, как оно выражается в различных языках. Самые общие смыслы понятия закреплены в основном значении ключевых лексем и ближайшем синонимическом окружении.

Национальные особенности представлений о том или ином явлении материального или духовного мира человека наиболее ярко проступают при сопоставительном анализе. Изучение языков в сопоставительном плане обогащает лингвистическую науку новыми данными о «всеобщем, особом и единичном» в структуре сопоставляемых языков, о сфере их действия на разных уровнях языковой системы. Оно имеет двоякую направленность: с одной стороны, установить языковые универсалии, свойственные всем языкам или группе языков, и, с другой стороны, выявить специфические особенности, присущие только одному из сопоставляемых языков – его уникальные черты.

Несомненно, богатейшей кладовой специфических национальных представлений о мире и человеке является фразеологический фонд языка. Однако ключевые лексемы концептов, семантическое пространство которых покрывают фразеологические единицы, в своем основном значении в разных языках также могут иметь различия, которые выявляются при сравнении толкований значения слов в словарях.

Русское слово *счастье* в своём концептуальном значении соотносится с лексемой *mutluluk* в турецком языке. Сравним их толковые дефиниции.

В Толковом словаре русского языка [Ожегов, Шведова, 2006] отмечается два лексико-семантических варианта (ЛСВ) слова *счастье* и дается толкование:

1. Чувство и состояние полного, высшего удовлетворения. *Счастье созидания. Стремление к счастью. Семейное счастье.* 2. Успех, удача. *Во всем счастье кому-н. Не бывает бы счастья, да несчастье помогло (посл.). К счастью или по счастью.*

В Большом толковом словаре русского языка (под ред. С. А. Кузнецова) выделяется третий лексико-семантический вариант:

... 3. Участь, доля, судьба. *Эта девушка – твоё счастье. Найми своё счастье. Всякому своё с. (Погов.). Человек – кузнец своего счастья (Посл.).*

На официальном сайте TDK (Türk Dili Kurumu – Организация по охране и развитию турецкого языка) находим следующее толкование:

Mutluluk (счастье) – Bütün özlemlere eksiksiz ve sürekli olarak ulaşılmaktan duyulan kıvanç durumu, mut (I), ongunluk, kut, saadet, bahtiyarlık (наш перевод: состояние удовольствия от полного и постоянного достижения всех желаний; блаженство; божья милость).

Приведённые толкования показывают, что семантические структуры слов в двух языках существенно отличаются. В турецком языке слово *mutluluk* (счастье) не имеет таких значений как *успех, удача, судьба*. Согласно TDK, слово «*mutluluk*» содержит в своем значении семантический компонент «божья милость». Счастье как *доля, судьба, удача* чащевыражается в турецком языке словами *baht, talih, kismet (talihkuşu* – птица счастья (удачи), *bahtiaçıklamak* – букв. быть доле открытой, т.е. везти в жизни). Как было указано выше, другим существенным отличием семантических структур является то, что турецкое *mutluluk* имеет компонент, связанный с религиозным мировоззрением, включая в свое значение смысловую долю «милость божья», не отмеченного в толковании русского слова *счастье*.

Лексема *mutluluk* относится к сравнительно новому пласту лексики, она закрепились в турецком языке в XX в. после провозглашения республики. В этимологическом словаре современного турецкого языка [www.nisanyansozluk.com] дается прилагательное *mutlu* (счастливый) со значением согласно TDK и указывается, что слов с корнем «*mut*» не найдено ни в каких письменных документах до 1930 г. Происхождение слова *mutlu* неизвестно, но возможна его связь со словами *kutlu* (одаренный божьей милостью, счастливой судьбой/ от слова «*kut*» - божья милость, счастливая судьба, доля / Орхоно-енисейские надписи, 735 г.) или *umut* (надежда). В *lügat*[www.osmanlicaturkce.com], словаре османского языка (турецкий язык до провозглашения республики) *счастье* обозначается словами *baht* (сперс. – 1. судьба, доля, удача; 2. – счастье, блаженство) и *saadet* (счастье, достижение милости Аллаха, исполнение всех желаний).

Этимологически русское слово «счастье» происходит от слова «часть»: *Счастье* – «доля, совместное участие» [Фасмер, 1971, Т. 3, с. 816], т.е. счастлив тот, кому что-то дано: *Тот счастлив, у кого есть хлеба с души, платья с тушу, денег с нужу; Где нет доли, тут и счастье невелико* (русс. посл.). В словаре Фасмера *часть* – *участь, счастье, др.-русс. «доля, земельный участок, наследство»*. В сознании русского человека счастье связано с понятием части и понятием целого. Быть частью чего-то большего, чем ты сам, принадлежать целому, быть причастным – таково представление, которое даёт русскому человеку происхождение этого слова.

Сопоставление толкований показывает, что слова *счастье* и *mutluluk*, имея общую семантическую долю «чувство глубокого довольства, блаженства, высшего удовлетворения», отличаются набором семантических компонентов, структурами

значения. Лексема *счастье* наряду с лексемой *блаженство* в русском языке завершает ряд слов, обозначающих положительные эмоциональные переживания: *радость, удовольствие, удовлетворение, наслаждение, эйфория* и нек. др. Но кроме этого, имеет еще один синонимический ряд: *благополучие, удача, успех, везение* (ко 2 зн.).

В контексте слово может функционировать «в полном составе» выделяемых ЛСВ или сохранять семантическую связь с ними. Ср. *Счастье за деньги не купишь* – в пословице сохраняют свою значимость все ЛСВ слова: и счастье-душевное состояние, и счастье-удача, и счастье-благая судьба. Употребление в речи производных прилагательных *счастливый, счастлив* еще чаще не позволяет разделить значения его основных ЛСВ: *Он счастливый человек* – о человеке, испытывающем счастье, и везучем, удачливом, и с хорошей судьбой. Семантические структуры слов показывают, что лексемы *счастье* и *mutluluk* имеют существенные семантические расхождения и не могут считаться эквивалентными. Во многих контекстах, в эквивалентных идиомах слово *счастье* при переводе заменяет более древнее по происхождению слово *baht*.

Положительные (и отрицательные) эмоции связаны в сознании индивида с причинами, предметами и явлениями жизни, которые их пробудили. Неслучайно большое количество слов, называющих такие эмоции, развивают переносные метонимические значения эмоции – предмет, лицо, событие, которое вызывает чувства. Так, в русском языке слова *счастье, радость, несчастье, горе* употребляются для обозначения обычно близкого человека, любимого, ребенка: *Счастье моё! Радость моя!* (как и *Горе (ты) / Несчастье моё!*). Это подтверждают и толкования, приведённые выше (счастье – удача, стечение обстоятельств, приводящее к успеху, победе).

Список литературы

1. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка. Первое издание / С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – URL: <http://www.gramota.ru/slovari>
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд. доп. – М. : ИТИ Технологии, 2006. – 944 с.
3. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – М., 1986.
4. Словарь османского языка. – URL: <http://www.osmanlicaturkce.com>
5. Этимологический онлайн-словарь современного турецкого языка. – URL: <https://www.nisanyansozluk.com>

Н. Г. Максимова
(г. Пенза, Россия)

КОНКУРС «СЛОВО ГОДА» КАК ИЛЛЮСТРАЦИЯ АКТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В ЛЕКСИКЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Язык и время – взаимозависимые явления. Язык живёт во времени (т.е. в обществе определенной эпохи), но и время отражается в языке. Поэтому важными оказываются причинные связи между языком и фактами общественной жизни.

На наш взгляд, конкурс «Слово года» является одной из живых и успешно функционирующих форм изучения состояния лексики современного русского языка.

В целях отражения влияния общественно-политических событий на лексический строй языка филологи ежегодно методом голосования определяют главное слово, которое олицетворяет то, что более всего было на слуху в текущем году. Эта форма исследования стала конкурсом «Слово года». Он очень популярен в США, Франции, Германии, Японии. В России выборы Слова года проходят с 2007 г. Конкурс проводится сайтом ИМХОНет и Центром развития русского языка. С 2009 г. победителей определяют не только эксперты-филологи, но и народное интернет-голосование.

В процессе выборов «слов года» экспертным советом в обязательном порядке учитывается тот факт, что словесный портрет года не может быть единым. Он должен быть множественным и отражать мнение различные слоев общества, Поэтому победителем становится не одно слово, а ряд слов и выражений по каждой номинации.

Конкурс «Слово года» позволяет подвести краткий и ёмкий итог прошедшим событиям. Это проекция умонастроений людей, своего рода индикатор пульса общества, полезный контрольный список для социологического изучения состояния современного русского языка.

В конце XX в., по мнению ряда исследователей [Караулов, 1991; Горбаневский, 2000; Дуличенко, 1994], существовала угроза превращения богатейшего литературного русского языка в страшное по своим последствиям англо-жаргонно-просторечное его извращение. Сейчас уже ясно, что подобный негативный путь его развития в чистом виде не осуществился. На развитие языка или его угасание влияет так много разных факторов, что в нём одновременно, хотя и разнонаправлено, действуют противоположные тенденции. Так было, так есть и так будет всегда, пока жив народ-носитель [Сиротинина, 2009].

Специфика нынешнего состояния языковой ситуации в России заключается в том, что подавляющее большинство изменений в языке связано с изменениями в обществе, точнее, основные изменения в языке и общении являются прямым следствием общественных изменений.

Вслед за И. А. Стерниным [Стернин, 2000] выделим основные социальные факторы, определяющие на настоящий момент изменения в русском языке, и проиллюстрируем их примерами слов-финалистов конкурса «Слово года».

Современное российское общество – это общество, в котором реально осуществлены принципы *политической свободы*. Это проявляется в активизации политического дискурса, развитии полемических форм диалога, плюрализации коммуникативного поведения людей, возрастании роли публичной и вообще устной речи, существенных изменениях в языке публицистики и многом другом. Иллюстрирует данное утверждение, на наш взгляд, попадание в число финалистов конкурса «Слово года» собственного имени существительного *Шевчук*. Произошло это в 2010 г., после того как Юрий *Шевчук* – советский и российский рок-музыкант, поэт, композитор, художник, основатель группы ДДТ – на встрече артистов и музыкантов с В. В. Путиным, задал тогдашнему премьер-министру острый вопрос о степени истинной демократизации нашего государства. Эта ситуация демонстрирует и активизацию политического дискурса, и развитие полемического диалога, и плюрализацию коммуникативного поведения.

С другой стороны, подавленная ранее тоталитарным государством активность большинства членов общества нашла взрывной выход, что привело к возрастанию не только активности, но и *агрессивности и грубости*. В сфере языка это проявляется в увеличении удельного веса оценочной лексики в речи (например, *медвепутия*), в жаргонизации речи отдельных слоев населения (например, *лайкать*).

Политический плюрализм в обществе приводит к существенному обновлению, пополнению и структурной перестройке политического лексикона, и в конечном итоге – к формированию особого подъязыка – подъязыка политической деятельности (например, *Болотная* – разговорное название Болотной площади, где в 2012 г. проходили митинги протеста оппозиции после думских и президентских выборов). Возникает также политический жаргон (например, *карусель* – массовая фальсификация на выборах, при которой специально нанятые люди неоднократно голосуют на разных участках).

Развитие в стране *рыночной экономики* приводит к появлению понятий, характеризующих различные аспекты рыночных отношений, что приводит к активному заимствованию современной рыночной терминологии (например, *девальвация* –

осуществляемое в законодательном порядке уменьшение золотого содержания денежной единицы или понижение курса национальной валюты), активизации историзмов (например, *банкир* – владелец или крупный акционер банка).

Открытость современного общества приводит к значительному расширению кругозора и объема знаний россиян, в том числе и в области иностранных языков. Резко увеличилось число *иноязычных заимствований* в русском языке, особенно из английского языка. Это объясняется, с одной стороны, действием общемировой тенденции к интернационализации лексического фонда развитых языков (например, *сити-менеджер* – городской управляющий, глава муниципальной администрации), с другой – потребностями в номинации новых предметов и понятий, вошедших в российскую жизнь в период перехода к рынку (например, *пиар* – информация, предназначенная для популяризации образа компании или ее продуктов либо определённой личности, а также область деятельности, связанная с распространением такой информации).

Интенсивное *техническое развитие* способствует появлению в русском языке множества новых понятий и слов, преимущественно заимствованных (например, *коллайдер* – ускорительная установка со встречными пучками).

Таким образом, специфика изменений в лексике современного русского языка обусловлена общественно-политическими процессами, что ярко иллюстрируют образцы слов-финалистов конкурса «Слово года».

Список литературы

1. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие для студентов вузов / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003.
2. Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 11.11.2013).
3. Сиротинина, О. Б. Изменения в речи – изменения в языке / О. Б. Сиротинина // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2009. – Вып. 9.
4. Сиротинина, О. Б. Что происходит с русским языком? / О. Б. Сиротинина // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2006. – Вып. 6.
5. Стернин, И. А. Социальные факторы и развитие современного русского языка / И. А. Стернин // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Воронеж, 2000. – Вып. 2.

Н. И. Мартирян
(г. Ереван, Армения)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОММУНИКАНТОВ В ДИАЛОГЕ

В современной лингвистике ведущая роль отведена изучению человека в языке, то есть языковой личности, и текста, порождаемого этой личностью. Антропоцентрический подход выделил языковую личность и порождаемый ею текст в центр внимания. Коммуникация – важнейшая составляющая современного мира. Диалог как текст является структурно организованной единицей общения. Диалогический текст – это то, что создаётся человеком, создаётся для человека и определённым образом характеризует и адресанта, и адресата созданного. Характеристика вопроса-ответного диалога – разносторонняя и многоплановая лингвистическая проблема, к которой не раз обращались исследователи. Внимание лингвистов привлекали как формальные свойства и характеристики коммуникативной структуры диалогического текста, так и способы организации взаимодействия адресанта и адресата в качестве одной из основных его составляющих.

Как известно, одним из основных условий диалогического общения является исходный разрыв в знаниях. За каждым диалогическим текстом стоит языковая лич-

ность не только адресанта, но и адресата. Участники диалога связаны общей целью коммуникативного сотрудничества, любая информация, передаваемая адресантом, должна быть извлечена из текста и понята адресатом. Таким образом, воспринимая полученную информацию, адресат вступает в определённые личностные отношения как к адресату, так и к тексту. При этом необходимо учитывать, «... что целью того или иного текста всегда является не только передача конкретной информации, но и воздействие на мысли, чувства, эмоции адресата» [Баженова, с. 72].

В коммуникации диалог в силу разных причин может иметь разные степени эффективности – от максимальной, т.е. гармоничного, унисонного диалога, до минимальной, то есть диссонансного, коммуникативного провала.

«– Тебе есть где ночевать?

– Да, у родственников».

Ответ на вопрос является информативным в том случае, если спрашивающий удовлетворен информацией, которая в нём содержится. Заметим, что часто он бывает сжатым, что характерно для диалогической речи, в том числе и художественной.

«– Ты почему, позволь узнать, сегодня не вышел на работу?

– А что, это кому-то интересно?»

Перевод ожидаемого ответа из информативной плоскости в плоскость стратегического ответа влечёт за собой разрыв коммуникации, возникает коммуникативная неудача.

При построении текста адресант оценивает его соответствие/несоответствие адресату, уместность/неуместность данного типа текста в общении, а также определённые ожидания в связи с эффектом своего коммуникативного действия, т.е. возможных ответных действий слушателя. Смеем утверждать, что значительная часть понимания связана не с буквальным содержанием высказывания, а со способностью реципиента понимать действительное намерение говорящего, которое может и не совпадать с буквальным содержанием высказывания. Диалог – это не механическое соединение смыслов. Диалог выступает в качестве активного смыслового взаимодействия речевых (и не только) субъектов. «Смысл актуализируется только в столкновении с другим смыслом, поэтому смысл существует лишь как отношение. Чтобы появился «свой» смысл, необходимо определённое, а именно диалогическое отношение к «чужому» смыслу» [Верховская, 2006]. Поэтому анализ любого диалога не может быть полным без построения лингвистического портрета его участников.

В состав обеих реплик диалога, как стимула, т.е. иницирующей, так и реакции, т.е. реагирующей, может входить не одно, а несколько высказываний. А коммуникативные замыслы говорящих, их общая коммуникативная установка являются основой, объединяющей их внутри высказываний коммуникантов. Именно поэтому, по словам К. А. Филиппова, «...смысловая структура диалогического текста представляет собой многослойное образование, и смысл целого диалога не всегда соответствует простой сумме смыслов, заключённых в каждой отдельной реплике» [Филиппов 2003, с. 134].

При анализе диалогической концепции М. М. Бахтина нужно отметить, что диалог является сжатым, свёрнутым проявлением диалогических отношений, то есть отношений между речевыми субъектами, устанавливаемых в речевом общении. «Строя своё высказывание, я стараюсь ответ активно определить, с другой же стороны, я стараюсь его предвосхитить, и этот предвосхищаемый ответ в свою очередь оказывает активное воздействие на мое высказывание» [Бахтин, 1986, с. 291]. В ходе этого речевого общения неизбежно происходит сопоставление смыслов: уже имеющегося с новым, чужим, неизвестным, и тем самым порождаются новые смыслы, а диалогические отношения – это отношения между позициями коммуникантов, установленные на основании смыслового сопоставления их позиций.

Диалог в качестве формы разговора предполагает некую локально-темпоральную общность, наличие сопереживания с целью понять собеседника, найти с ним общий язык, что особенно важно для коммуникации. Он не является одномоментным актом, может длиться на протяжении достаточно долгого времени. В диалоге высказывание не только ситуативно мотивировано, но и стимулирует возникновение новой мотивации для последующих высказываний и действий (или прекращения общения). Каждый законченный речевой акт определённым образом изменяет структуру ситуации, её семантику, взаимоотношения коммуникантов, их понимание условий и целей общения, темы общения, своих ролей. Необходимо отметить, что в унисонных диалогах происходит плавное течение и смена темы, тогда как в диссонансных тема резко обрывается. Поскольку актуализация высказывания в каждом конкретном случае коммуникации зависит от того, насколько говорящий представляет степень осведомлённости адресата, то адресант в ходе диалога подчёркивает и выделяет каждый раз именно те стороны смысла, которые, с его точки зрения, представляются ему наиболее существенными по отношению к осведомлённости определённого слушателя. При этом говорящий может что-то опустить, предполагая, что это известно слушателю, а может специально выделить, чтобы или подчеркнуть их значение, или с какой-либо другой целью.

Диалог содержит информацию о коммуникантах (их возрастной, гендерной, национально-расовой, социально-статусной характеристиках, эмоциональном состоянии, чертах характера и взаимоотношениях), которая может передаваться с помощью целого комплекса словесно-речевых средств на всех языковых уровнях и способствовать актуализации личностных характеристик его участников. Согласно принципам речевого поведения, коммуниканты в общении выступают в качестве носителей определённых социальных ролей, иногда согласованных друг с другом, иногда нет. Этот статус образуется экстралингвистическими факторами, которые также становятся частью диалогического взаимодействия наряду с интралингвистическими. Таким образом, интерпретация диалогического текста осуществляется благодаря разным факторам. Это тесное взаимодействие участников речевого акта, общей темы/тем и ситуации сообщения с языковыми средствами построения речевого высказывания, если коммуниканты ставят перед собой цель сделать диалогическое общение унисонным.

Список литературы

1. Баженова, И. С. К вопросу об адресованности текста / И. С. Баженова. – URL: file:///C:/Users/User/Downloads/vlad2014%20(1).pdf. – С. 71–73.
2. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 444 с.
3. Верховская, Ж. А. Межкультурная коммуникация как фактор социокультурных изменений / Верховская Ж. А. – М., 2006 : автореф. дис. ... канд. культурологии. – URL: <http://www.dissercat.com/content/mezhkulturnaya-kommunikatsiya-kak-faktor-sotsiokulturnykh-izmenenii#ixzz3zqWiPtYr>
4. Филиппов, К. А. Лингвистика текста / К. А. Филиппов. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. – 336 с.

А. Ч. Мойский
(г. Минск, Беларусь)

КАРТИНА МИРА БЕЛОРУСОВ В ПОЭЗИИ МАКСИМА ТАНКА

Художественный мир поэзии представляет собой совокупность выразительных средств, лирических образов и т.д., но одновременно в каждом произведении хранится важная информация вне текста, необходимая для обогащения человека. Она собирает сведения о народной духовной культуре – о поверьях, обрядах, веро-

ваниях, приметах, представлениях людей об окружающей среде. Проявлению духовной культуры белорусов отведено значительное место в художественном мире поэзии Максима Танка. Художественные произведения Максима Танка могут иметь настоящую научную ценность для таких наук, как этнография, этнолингвистика и др., так как репрезентуют картину мира белорусов. Именно в его поэзии наиболее ярко выражен синтез культурных традиций, обычаев и представлений, вообще народного мировоззрения белорусов с поэтическим языком произведения.

Картина мира белорусов – это способ концептуализации действительности, совокупность представлений об окружающей среде, которые исторически сложились в сознании нашего народа и отразились в его творчестве, его самом главном произведении – языке. Понятие языковой картины мира восходит к идеям Гумбольдта и неогумбольдтианцев (Вайсгербер и др.) о внутренней форме языка, с одной стороны, и к идеям американской этнолингвистики, к так называемой гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа, с другой стороны. «Язык является для нации её органом оригинального мышления и восприятия» [Гумбольдт, 1985, с. 324].

Современные представления о картине мира в работах академика Ю. Д. Апресяна подчеркивают, что характерный способ концептуализации национально специфичен, так как носители разных языков могут видеть мир по-иному, сквозь призму своих языков. Картина мира является «наивной» в том смысле, что существенно отличается от «научной» картины. Но наивные представления не становятся примитивными: во многих случаях они не менее сложные и интересные, чем научные, например, представления о внутреннем мире человека. Поэтому художественный текст, что обладает концептами картины мира народа, следует приравнять к научному исследованию. Понятие наивной картины мира, как считает Ю. Д. Апресян, «представляет отраженные в естественном языке способы восприятия и концептуализации мира, если основные концепты языка складываются в единую систему взглядов своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [Апресян, 1995, с. 39].

Роль и ценность исследований этой проблемы особенно выросли в Беларуси в 1980–1990-е гг., когда шло пробуждение национального сознания народа, наблюдался огромный интерес к национальной истории, к мировоззрению наших далеких предков. Сегодня как никогда актуальны именно эти процессы, чему способствует и исследование произведений Максима Танка.

Сегодня большинство примет, заговоров, которые веками затуманивали сознание крестьянина, стали анахронизмами. Однако неправильно было бы утверждать, что они полностью исчезли. Вера в сверхъестественные силы, демонологию часто и теперь приносит большой вред. И помочь людям убедиться в этом – тщательная ежедневная работа, задача не одного дня. Успех во многом будет зависеть от нашего знания местных особенностей, истории возникновения и развития специфических черт и особенностей старых обычаев. Решению данной проблемы должны содействовать не только наука, но и литература, искусство.

Очевидно, без учета самосознания невозможно четко определить социально-исторические и этнокультурные координаты национальной жизни. Но известно, что самосознание как фактор самоорганизации национальной жизни не рождается сам по себе.

Творчество Максима Танка отражает ту основу белорусской культуры, которая помогает в осознании своей личности, нации, их значимости среди других народов в мире. Национальное самосознание – это устойчивая, осмысленная и всеобъемлющая идентификация личности со своей нацией. Максим Танк открывает систему представлений через ее знание и адекватное понимание традиций, культуры, национальных интересов, исторической миссии нации и ее идеалов.

Максим Танк (Евгений Иванович Скурко – настоящее имя поэта) – народный поэт Беларуси, который родился в 1912 г. в деревне Пильковщина Мядельского района Минской области, которая до 1939 г. относилась к Западной Беларуси в составе Польши. За коммунистическую деятельность Максим Танк оказался в Лукишской тюрьме, но и там продолжал писать, по итогам чего вышел первый сборник поэзии «На этапах» Воспел в своих произведениях родной Нарочанский край, за что стал лауреатом Ленинской премии по литературе. Поэт прошел Великую Отечественную войну в качестве корреспондента газеты «За Советскую Беларусь» и агитационного плаката «Раздавим фашистскую гадину». После войны Максим Танк был председателем правления Союза писателей Беларуси с 1967 по 1990 гг. и секретарем правления Союза писателей СССР с 1966 по 1986 гг. После смерти поэта в память о нем названы улицы и университеты, поставлены памятники и переиздаются сборники, собрания сочинений и избранные произведения.

Картина мира белорусов показана Максимом Танком как совокупность следующих сфер жизни нашего народа: растительный мир, животный мир, мифический мир и др. Проследить это можно в любом сборнике поэзии Максима Танка, например, в книге «Сквозь огненный небосклон».

В этом году исполняется 75 лет со страшного момента начала Великой Отечественной войны. В книге «Сквозь огненный небосклон» поэт призывал к борьбе с врагом, зазывал «точить оружие» в 1943-м, и радовался возвращению на Родину, салютам Победы в 1945-м. 75 лет назад Максим Танк, кроме того, что начал отражать страшные события войны в своих стихах и радость освобождения позже, проявил себя как настоящий ученый. В этом сборнике присутствуют отмеченные выше концептосферы, как например, растительный мир Беларуси.

У нашего народа сложилась определенная образная система представлений про те же деревья: *дуб* символизирует взрослого, сильного, мудрого человека, богатыря; *берёза* – красивую девушку, или молодую женщину; *клен* – соответственно молодого человека; *верба* олицетворяет жизнеспособность, плодовитость, быстрый рост, развитие, *калина* – горькую судьбу, сиротство и др. И хотя многие стихотворения из книги «Сквозь огненный небосвод» были написаны далеко от родного дома, основное место в книге занимает белорусская природа, ее растительный мир: «Порой – злосчастной сиротиной, / Клонилась горькою калиной, / Что в поле кровью расцвела» [3, с. 248], «Я межи видел на полях, / Где рос нужды осот» [3, с. 12], «За сад, поросший лебедой» [3, с. 229], «Большак березовый пролег / За небосклон, где край наш милый» [3, с. 242], «Откуда листья кленов и берез / В траншею ветер западный принес» [3, с. 246], «Песню, что пела жнея среди лета, / Вся в васильках на меже полевой» [3, с. 253], «На опушке расцветший чабер» [3, с. 255], «К нам навстречу выходят березы, Как толпа матерей...» [3, с. 258], «На запад – чаща вековых осин» [3, с. 277]. Если березы поддаются одушевлению у автора, становятся образом матери, то осина считается «нечистым» деревом, поскольку оно может неожиданно менять свой цвет в зависимости от того, какой стороной повернется на нем листва. И вообще осиновые листья могут дрожать, качаться даже в отсутствии ветра. Белорусы верили, что «нечистая сила», неразрывно связана с осиной и одновременно страшно боится осины в любом виде. «Покраснели без него осины. / Умер он под шум осенних трав» [3, с. 225]. Отсюда и частые аллюзии на библейскую историю с предателем Иудой, повешенным также на осине.

Известно, что Беларусь – край лесов и озёр («Прохожу я лесом, вдоль полян» [3, с. 225], «Никто из нас забыть не мог / Тебя, наш край, лесной, озерный» [3, с. 242]), но отдельную территорию в танковской поэзии занимают нарочанские сосны в том крае, где вырос автор: «Звон сосны ты различаешь тихий» [3, с. 224], «Чтоб звон услышать боровой, / Родной сосны смолистый запах» [3, с. 234], «Играет радостно в

борах / На соснах золотых» [3, с. 227], «И горе плечи им сгибает, / Как сосны клонит вихрь в лесу» [3, с. 244].

Богат в поэзии, которая создавалась Максимом Танком в часы войны, также животный мир, как дикий, так и домашний: «Козы – ни с метса. / Кричит воробей: «Серые волки, / Бегите живей» [3, с. 280]. Особенно подчеркивает Максим Танк богатство видов белорусских птиц, будто настоящий орнитолог: «Прилет журавлиный встречая весною» [3, с. 221], «За весну, что на крыльях несут журавли» [3, с. 222], «Хоть до самого неба, как сокол, взлетай» [3, с. 222], «С ягодника тетерев летит» [3, с. 225]. Так, образы птиц помогают поэту отразить разные этапы войны, как например, восстановление хозяйства и жилья после разрухи: «Упорно строят свой приют / Две ласточки» [3, с. 241]. Отдельно стоит обратить внимание на образе ворон, которые несут на своих крыльях войну. Этот образ является в полном смысле и новаторским и традиционным одновременно: с его помощью поэты отмечают начало военных действий: «Над хатами, где с придорожных курганов / Слеталось вчера воронье на ночлег» [3, с. 221]. «И хищный орел / Очами обвел / Холодное тело в долине» [3, с. 250] – в этом примере из стихотворения «Казак гнал коня...» в оригинале: «І воран-крумкач / Не смеў казака / Будзіць у даліне шырокай» – образ ворона, что кружит над убитыми, известен ещё с казацких песен, а орла не так часто встретишь на белорусской земле. Таким образом, Максим Танк часто обращается к фольклору, даже когда пробует создать реконструкцию народного заговора: «Заклятье от огня, от страха, / От вражьей пули, от петли, / От воронов, чтоб сквозь рубаху / Достать до сердца не смогли» [3, с. 239]. Заметно, что Максим Танк использует мотивы и образы устного народного творчества, и часто встречаются сравнения в виде образов птиц характерные именно для народных песен: «Стань пристанищем для сокола – / Партизана» [3, с. 230]. Врагов же поэт называет «бандой волчьей».

Важное место в художественном мире поэзии Максима Танка занимает символика цвета. Казалось, в его лирике будет преобладать красный цвет, который соответствует коммунистическим идеалам, которые отстаивал поэт еще в Западной Беларуси, но гораздо больше встречаются в поэзии военного периода другие краски. Так, в сборнике «Сквозь огненный небосвод» черный встречается 13 раз, а синий – 12. Это объяснить можно тем, что чёрный с давних времён у белорусов имел отрицательную символику, а синий – это цвет края рек и озёр, по которому грустит поэт, ведь сюда можно отнести и голубой, и васильковый, что также часто встречаются в поэзии Максима Танка. Красный же на зло стереотипам в большинстве своём символизирует не преданность партии, а древние представления белорусов о жизнеутверждающей силе этого цвета, ведь в том же заговоре мать надеется, что её сын останется жив и «мать заклатье ниткой красной ведет на тонком полотне» [3, с. 239].

В стихотворениях военного времени мифологический мир поэзии Максима Танка не так богат, но за счёт других концептосфер поэтам рисуется картина мира белорусов, страдальческая и трагическая. В мире цветов, в образах животного и растительного мира раскрываются представления белорусов об окружающей среде, которая формировалась столетиями, но тем более ярко они проявляются в критические моменты истории белорусского народа. События войны сохраняются в памяти и отражаются в сознании следующих поколений, чьи представления будут складываться и под влиянием художественного мира поэзии Максима Танка.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян // Языки русской культуры. Избранные труды. – М. : Школа, 1995. – 666 с.
2. Гумбольдт, В. Фон. Язык и философия культуры / В. Фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 666 с.
3. Танк, М. Собрание сочинений : в 3 т. / М. Танк. – М. : Худ. лит-ра, 1985. – Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1930–1954). – 592 с.

О ЯЗЫКОВОМ СТЕРЕОТИПЕ «ОБЩЕЕ ВАЖНЕЕ ЛИЧНОГО»: ФИЛОСОФСКАЯ ДЕКОНСТРУКЦИЯ

Современные социально-гуманитарные науки всё чаще обращаются к изучению различных стереотипов общественного сознания, подвергая их системному, герменевтическому, сравнительно-историческому и другим видам анализа [Тихонова, 2011, с. 23]. Современная практическая философия также использует метод деконструкции, который позволяет выявлять логико-семантические аспекты наиболее важных стереотипов общественного сознания. Это имеет особую актуальность переходные периоды развития общества, когда происходит активная переоценка прежних ценностей, и в самом общественном сознании наблюдается маятниковый эффект, постоянные колебания в предпочтениях и настроениях, типа ностальгии по недавнему прошлому, и желания жить по новому, «по-человечески».

В таких непростых условиях перед российской практической философией стоит задача комплексного рационально-критического осмысления базовых принципов общественного сознания для выявления их позитивного и негативного потенциала.

Одним из главных принципов общественного сознания россиян является принцип – «Общее важнее личного». Эта недавняя идеологическая установка сильно укрепилась в сознании советских поколений, и до сих пор сохраняет своё значение. Об этом свидетельствуют результаты социологического исследования жителей Пензы и Пензенской области в 2013–2014 г.: 43 % опрошенных считают, что общее благо важнее личного [Мясников, 2014, с. 76].

При этом само понимание общего является очень разным и требует детализации. Без этого детального прояснения невозможно установить негативное содержание этого принципа, а именно фиктивные логические следствия и опасные практические рекомендации. Без выяснения этих моментов невозможно предложить корректировку принципа или подходящую замену, ибо философский рационально-критический анализ предполагает поиск новых, более адекватных современному обществу практических принципов.

Советская идеологема «Общее важнее личного» может быть рассмотрена в контексте традиционной (коллективистской) системы ценностей в качестве главного социально-родового принципа, организующего, упорядочивающего межличностные и социальные отношения внутри общества [Мясников, 2012, с. 35]. Большинство советских людей воспитывались на этом принципе и считали его абсолютно правильным. Из этого принципа следовало, что общественные интересы должны быть первостепенными, а личные (частные) вторичными. В этом заключалась важная педагогическая идея радикального преодоления естественного человеческого эгоизма и себялюбия, корысти и частнособственнических склонностей. Но эта, в целом хорошая воспитательная идея, получала принудительный и упрощённый характер, и тем самым извращалось её позитивное моральное содержание. Ведь полный отказ от личных, частных, эгоистических интересов является противоестественным, насильственным способом преобразования человеческой природы, а, по сути, оказывается опасным социальным экспериментом, последствия которого до сих пор тяжело переживаются российским обществом.

Подавление личного, частного интереса неким «общим интересом» ведёт к деградации самой личности, к её распаду, или к некоей безликой унификации («серости»). При этом резкое «раскрепощение» этого подавленного «серенького» чело-

века, которое произошло в 90-е г. прошлого века, принесло с собой другие опасности, и страшные беды – в виде разгула страстей, прихотей, беспредела желаний. Буйство раскрепощённой воли до сих пор навеивает ужас, и мы порой содрогаемся, когда вспоминаем «лихие 90-е». При этом естественным образом возникает желание снова закрепит «русскую волю-волюшку», подчинить её общим законам, обуздать и усмирить неким сильным первоначалом. Для обоснования этого желания часто используется такое сокращённое умозаключение: *«Если каждый будет жить для себя, то наступит хаос»*.

Логико-понятийный анализ этого утверждения показывает, что оно является ложным, так как из посылки («если каждый...») вовсе не следует с необходимостью такое пугающее заключение («наступит хаос»). Попробуем детально проанализировать исходную посылку. Что значит «жить для себя»? Обычно это значит, стремиться к собственному, личному счастью. Можно ли достичь личного счастья без содействия и участия других людей? Конечно, нет, ведь люди существа социальные, и мы нуждаемся в обществе, чтобы достичь своих целей и стать счастливыми. А это значит, что абсолютный эгоист не сможет стать счастливым, если не будет договариваться с другими людьми, и помогать им становиться счастливыми. Таким образом, если каждый человек будет стремиться к своему счастью, он будет вынужден делать счастливыми и других людей, иначе другие не будут ему содействовать в его счастье, а то и вовсе будут вредить.

Получается, что никакого хаоса не наступит, если каждый человек будет думать о себе. Это лишь пропагандистская страшилка советских времён, которая умело использовалась в идеологической борьбе с «буржуазной системой ценностей» и «индивидуалистическим образом жизни». Такого рода «страшилки» вновь актуализируются в российских СМИ и порождают ложные мировоззренческие установки, выгодные некоторым группам нашего сложного общества.

Ещё одной ложной мировоззренческой установкой будет утверждение – «Если будет общее, то будет и личное». Это вполне соответствует типу авторитарно-деспотического сознания, которое постулирует первичность некоего общего и его абсолютное господство над всем единичным, личным. Этот тип феодально-абсолютистского мышления, нацеленный на подавление частного интереса, любой автономии и самостоятельности и самостоятельности, при этом такое мышление обычно опирается на религиозно-метафизические догмы или абстрактные (непроверяемые) предпосылки, типа «забота об общем – это удел правителя», «знание общего – это дар свыше» и т.п.

Анализируя утверждение «Если будет общее, то будет и личное», мы можем выявить его сомнительность, обусловленную абстрактно-гипотетическим пониманием *общего* как чего-то предзаданного, изначально сущего. Здесь мы имеем дело с религиозно-метафизической установкой, а, по сути, с догматичным утверждением, которое обслуживает чьи-то господствующие властные интересы.

В свою очередь данное утверждение является следствием предпосылки: *«Без общего невозможно личное»*. С этой мыслью мы можем частично согласиться, так, например, личное благо действительно нуждается в общем благе для обеспечения своих гарантий. Вместе с тем мы должны дополнить эту предпосылку другим утверждением: *«И общее невозможно без личного»*, иначе общее оказывается совершенно пустым понятием, ведь общее должно объединять, связывать что-то конкретное, единичное.

Таким образом, мы приходим к идее взаимодополнительности общего и личного, их неразрывной взаимосвязи, которая должна основываться на паритете и в то же время на естественной первичности личных интересов. Игнорировать эту естественную первичность личных, эгоистических интересов бессмысленно, её нужно

признать как объективное условие, которое невозможно устранить или искоренить; но на неё можно воздействовать различными средствами воспитания и образования, чтобы социализировать личность и формировать у неё положительные морально-правовые качества характера.

По моему мнению, нужно идти по естественному пути – от частного к общему, и не тратить время и силы на опасные социальные эксперименты. Поэтому необходимо разоблачить прежний советский принцип «Общее важнее личного» как устаревший и не соответствующий демократическому, правовому пути развития российского общества. Конечно, недопустимо его запрещать, и если кто-то добровольно хочет служить обществу и государству, то это выбор самого человека, который нужно уважать и поддерживать. Но на уровне государственной политики этот принцип должен быть заменён другим.

«Личное и общее взаимосвязаны. От личного блага каждого гражданина мы движемся общему благу». Ведь именно из отдельного счастья, из личного благополучия всех граждан складывается счастливое и благополучное общество.

Список литературы

1. Мясников, А. Г. Современные трансформации традиционного сознания в России: распад или обновление? / А. Г. Мясников // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2013. – № 3.
2. Мясников, А. Г. Деньги – это зло? Опыт социально-философского анализа / А. Г. Мясников // XVI Социологические чтения преподавателей, аспирантов и студентов, посвящённые 75-летию Пензенского педагогического института им. В. Г. Белинского : сб. науч. тр. / отв. ред. А. Б. Тугаров. – Пенза : Изд-во ГУМНИЦ ПГУ, 2014.
3. Тихонова, Н. Е. Динамика ценностно-нормативных систем россиян и перспективы модернизационного проекта / Н. Е. Тихонова // Вестник Института социологии РАН. – М., 2011. – № 3.

К. В. Павлова
(г. Заречный, Россия)

АФОРИСТИКА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА: ТЕМАТИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ И ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА

В современных условиях развития литературоведения и лингвистики возрос интерес к афористическому жанру. Это связано, в первую очередь, с тем, что афоризм – небольшое по объёму, но ёмкое по содержанию, несущее в себе обострённую законченную мысль, выражение. Его особенности являются почвой для исследования изречений такого рода, создания сборников афоризмов и, как следствие, изучения природы и содержания этого жанра, развития отдельного направления в литературе – афористики.

Сегодня афористика активно развивается, пополняется и используется на всех уровнях языка: от разговорного до научного. Это объясняется тем, что афоризм становится интересен не только лингвистам и литературоведам, но и людям, не связанным с этими родами деятельности, так как несёт в себе общечеловеческую мудрость [Фадеева, 2003].

На сегодняшний день существует немало книжных и электронных собраний афоризмов различных авторов. Изречения многих из них (например, А. П. Чехова, Д. И. Фонвизина) изучены достаточно широко, чего нельзя сказать об афористике М. Ю. Лермонтова.

Предметом нашего исследования являются изречения, извлеченные из сборников афоризмов А. П. Бесперстых «Лермонтов: мысли, афоризмы, цитаты» и А. И. Марынова «Смело верь тому, что вечно...». Нами проанализировано более одной тысячи двухсот единиц афористических высказываний поэта.

М. Ю. Лермонтов – величайший русский поэт, прозаик, драматург, мыслитель, художник XIX века. За довольно короткую жизнь (Лермонтов умер в возрасте двадцати шести лет) из-под его пера вышло немало грандиозных произведений: стихотворений, повестей, романов. В его творчестве удачно сочетаются гражданские, философские и личные мотивы, выражающие злободневные проблемы духовной жизни русского общества. Несмотря на отдаленность эпох – Лермонтовской и современной – его взгляды не только не потеряли актуальности, но и приобрели новое звучание в различных проявлениях: его работы получили большой отклик в кинематографе, театре, живописи, а афоризмы М. Ю. Лермонтова сейчас активно используются в живой речи, благодаря их точности и лаконичности. Говоря об афористичности языка поэта уместно отметить определение афоризма, данное в книге Н. Т. Федоренко и Л. И. Сокольской: «Афоризм – это маленький словесный шедевр, сплав ума и красоты» [Федоренко и др., 1990].

Афористика – яркая, неотъемлемая черта всего творчества Лермонтова. На тематическое и языковое своеобразие слога М. Ю. Лермонтова повлияли многие факторы, как-то: своеобразная манера мышления, наблюдательность, жизненный опыт и многое другое. Всё это в свою очередь отразилось и в афористике великого поэта, способствовало формированию его идиостиля. Тематика афоризмов Лермонтова довольно разнообразна и касается всех сфер жизни человека. Она определяется по ключевым словам, несущим определённую смысловую нагрузку.

Так, одной из самых широко раскрытых, наполненных является **тема чувств, любви, отношений между мужчиной и женщиной**: *Любовь пройдет, / Как тень пустого сна; Мы будем счастливы, как сможем, / Они пусть будут – как хотят; Довольно любил я, чтоб вечно грустить; Вот женщина. Она обнимает одного и отдаёт свое сердце другому.* Рассматривая афоризмы этой тематики, стоит отметить, что личность Лермонтова сформировалась очень рано. И. С. Тургенев говорил о нём: «По тому, как может любить человек, мы можем судить о его внутренней зрелости». И с этим нельзя не согласиться, ведь не только каждое его произведение в целом, но и короткие афоризмы пропитаны глубоким осознанием проблемы.

Из темы любви вытекает другая, занимающая не меньшую часть его творчества, также отразившаяся и в афористике, **тема жизни и смерти**. М. Ю. Лермонтов чувствовал, что жизнь его будет короткой, не раз писал об этом в личной переписке, прозе, стихотворениях: *Мне жизнь все как-то коротка, / И все боюсь, что не успею я / свершить чего-то!*

Из темы жизни и смерти проистекает еще одна, близкая – **тема судьбы, рока**: *Но тщетны мечты, бесполезны мольбы / Против строгих законов судьбы; И мир не пощадил – и Бог не спас!*

Тема добра и зла, чести, справедливости также ярко выделяется в афористике М. Ю. Лермонтова и также неразрывно связана с темой жизни. Среди афоризмов этой группы чаще других встречаются изречения, используемые в современных СМИ и живой речи: *Зло порождает зло; Добра не делаем мы никогда довольно; Совесть вернее памяти; Топил людей – и утопился.*

Языковые особенности рассмотренных афоризмов на уровне лексики не менее интересны. Во-первых, стоит отметить широкое употребление в них разговорных и просторечных лексем. Это объясняется тем, что многие афоризмы изначально являлись репликами героев его произведений и таким образом автор передавал их характер, языковой портрет: *У барина губа не дура!; Зато уже иногда как начнет рассказывать, так животики надорвешь со смеха.* Вместе с тем, в афоризмах сталкиваются разговорные и «высокие» слова, с целью подчеркнуть ироничность описываемых событий: *С детских лет он таскался из одного пансиона в другой и наконец увенчал свои странствования вступлением в университет.* Тем не менее, в

большей мере в афористике Лермонтова частотны словоформы книжные: *Нам ли веровать женским словам?; Глупец, кто верит женским обещаньям, а пуще женской скромности.*

Почти ни одно художественное произведение не обходится без неологизмов, архаизмов или историзмов. Наравне с окказионализмами, индивидуально-авторскими словами, встретившимися в афоризмах Лермонтова (*Где поется, там и счастливится; Гляжу на будущность с боязнью*), часто встречаются устаревшие слова и формы слов (*Постой-ка, брат мусью!*; *Да, были люди в наше время, / Могу-чее, лихое племя: / Богатыри – не вы!*; *Звучал булат, картечь визжала, / Рука бойцов колоть устала*).

Исследуя лексику фразеологизмов М. Ю. Лермонтова, мы отмечаем широкое употребление имён собственных, отсылающих читателя к известным, общественно-политическим деятелям: *Нет, я не Байрон, я другой!*; *Что ни толкуй Вольтер или Декарт, / Мир для меня – колода карт*. Встречаются и географические названия мест, с которыми так или иначе связан поэт: *Кавказ! Далекая страна! / Жилище вольности простой!*; *...видно Русь так уж сотворена, что все в ней обновляется, кроме глупостей*.

Таким образом, проанализировав афористику М. Ю. Лермонтова, мы пришли к следующим выводам: афористичность – яркая черта творчества М. Ю. Лермонтова – полно отражена во многих изречениях поэта. Тематика цитат поэта очень разнообразна, что позволяет судить о широком кругозоре автора, его умении отражать в произведениях свое отношение к острым общественным и духовным вопросам. Следует также отметить, что афористика нашего великого земляка передаёт колорит эпохи Лермонтова, её живое языковое разнообразие.

Мы считаем, что следует продолжать изучение афоризмов М. Ю. Лермонтова, чтобы в полной мере оценить полноту вклада поэта в развитие духовной и культурной сторон жизни общества.

Список литературы

1. Лермонтов: мысли, афоризмы, цитаты / сост. А. П. Бесперстых. – Ростов н/Д: Феникс, 2012.
2. «Смело верь тому, что вечно...» / сост. А. И. Марынов (Афоризмы, изречения, мысли, крылатые слова М. Ю. Лермонтова). – Пенза, 2014.
3. Фадеева, О. М. Афористика Э. М. Ремарка и проблемы её воссоздания в русских переводах : дис. ... канд. филол. наук / Фадеева О. М. – Магадан, 2003. – 209 с.
4. Федоренко, Н. Т. Афористика / Н. Т. Федоренко, Л. И. Сокольская. – М. : Наука, 1990.

Д. П. Пономарева
(г. Пенза, Россия)

ПРАЗДНИКИ В СИСТЕМЕ НОМИНАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

В данной статье будут рассмотрены основные советские праздники и пласт лексики, связанный с ними. Начнем с международных праздников, из которых самым излюбленным являлся (и есть по сей день) Новый год. Данная лексическая единица определяется как «первый день года, один из главных праздников у многих народов», праздник отмечался обычно в кругу семьи, и потому лексема связана с такими понятиями, как «подарки», «ёлка», «семья», «застолье», «угощение» и т.д. Международный женский день (восьмое марта) праздновался в СССР с 1921 года. Исторически появился как день солидарности трудящихся женщин в борьбе за равенство прав и эмансипацию. Постепенно в СССР праздник полностью потерял по-

литическую окраску и привязку к борьбе женщин против дискриминации, став «днём всех женщин», и приобрёл современные черты. Исторически этот праздник включает в себя лексические единицы «поздравление», «женский день», «цветы», «конфеты», «мимозы». Официально первого мая отмечался Международный день солидарности трудящихся. Первомайские торжества организовывались под руководством КПСС и «правительства» повсеместно и с размахом. Во всех городах СССР проводились «демонстрации», в которых участие всех граждан было обязательным. «Мир», «труд», «шествие», «гулянье», «пикник» – понятия, связанные с Первомаем.

Многие праздники в Советском Союзе являлись государственными, то есть имели место быть только на территории данного государства. К таковым, например, относился День Советской Армии и Военно-Морского флота. «Поздравление» мужчин, «подарки» характеризовали данное событие.

Одним из значимых для Советского Союза праздников был День Победы (праздник победы Красной армии и советского народа над нацистской Германией в Великой Отечественной войне). Установлен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1945 г. и отмечается 9 мая каждого года. Праздник был связан с понятиями «парад», «салют», «город-герой», «шествие», «память».

Советское время богато на профессиональные праздники, такие как День геолога (первое воскресенье апреля), День химика (последнее воскресенье мая), День работников текстильной и легкой промышленности (второе воскресенье июня), День изобретателя и рационализатора (последняя суббота июня), День рыбака (второе воскресенье июля).

В Советском Союзе, в зависимости от специфики профессии, связан с понятиями «торжественное заседание», «митинг», «собрание», «награждение», иногда «застолье».

Отдельный пласт представляют собой слова, называющие политические праздники: День рождения основателя СССР В. И. Ленина – 22 апреля (накануне обычно проводился «субботник»), День Конституции СССР (7 октября), День рождения комсомола (29 октября), Годовщина Великой Октябрьской Социалистической Революции 1917 г. (7 ноября), Образование СССР (30 декабря). Большая часть политических праздников связана с понятием «демонстрация» (массовое шествие как публичное выражение общественно-политических настроений). Также со словами «лозунг», «флаг», «вождь», «партия», «поздравление», «знамя», «торжество».

Необходимо отметить, что религиозные праздники в Советском Союзе не отмечались, заменяясь вместо этого идеологическими и политическими (не Рождество, а Старый новый год, не Пасха, а Первое мая). Поэтому пласт лексики, связанный с религией, практически не использовался в СССР.

Теперь обратимся к праздникам современной России. Нужно сразу сказать, что большие перемены в государственном строе страны, а, соответственно, и в сознании людей, отразились на их мироощущении. Уменьшились или совсем вышли из употребления многие понятия. Например, если мы говорим о политических событиях, то День рождения В. И. Ленина или День рождения комсомола вряд ли теперь можно назвать праздниками. После перестройки Первомай потерял свою былую значимость, так как являлся символом исчезнувшего строя. Название праздника поменяли на «День весны и труда». В настоящее время в «демонстрации» принимают участие в основном пенсионеры или представители различных партий. Иногда подключают школьников и студентов. Вся политически окрашенная лексика больше не применима к данному событию, остались только такие ассоциации как «торжество», «пикник», «мир», «природа».

Однако большинство международных праздников оставили за собой те же лексические единицы: по-прежнему на День Победы проводится «парад», а 23 февраля и 8 марта ознаменовываются «поздравлениями» и «подарками».

Многие профессиональные праздники остались теми же, за исключением нескольких новых, связанных с появлением в мире новых профессий (26 мая – День российского предпринимательства, 3 июля – День ГАИ (День ГИБДД МВД РФ), 1 августа – День инкассатора).

В список новых российских праздников вернулись религиозные (7 января – Рождество Христово, 19 января – Крещение Господне, 7 апреля – Благовещение Пресвятой Богородицы, 21 сентября – Рождество Пресвятой Богородицы, и др.). Они активизировали в русском языке набор религиозной лексики: «молитва», «служба», «причастие», «священник», «переходящие праздники», «пост», «поминование усопших», «седмица».

Таким образом, можно сделать вывод, что названия российских праздников отражают многие номинативные модели русского языка.

Ю. С. Пятачков
(г. Минск, Беларусь)

ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВА ЭМИЛИ ДИКИНСОН И МАРИИ БАШКИРЦЕВОЙ

Личность великой амхерстской затворницы и белой монахини, как она вошла в историю литературы и литературной критики, уникальна по-своему и одновременно с этим таинственна. *Эмили Дикинсон (1830–1886)* в наши дни привлекает внимание всех, и на американском континенте, и в Европе, и во всех уголках земного шара, где любят, читают и знают поэзию. С нею теперь, безусловно, ассоциируется загадочная, страшно таинственная, личная сверхтайна поэтического мастерства, известная только ей. Но ещё, по утверждению литературоведа Джона Нэма, тонкого знатока американской литературы, Э. Э. Дикинсон – «одна из наиболее изобретательных поэтесс, чьи произведения зеркально отражают душу, познающую, что Творец и Непознанное равновелики». Действительно, в этом и заключается её прелестная загадка: в изобретательности того, что она немедленно, по-своему отождествила Душу, Творца и Непознанное. Недаром её не менее незаурядный соотечественник, уже в XX в., Уильям Стайрон (1925–2006), в романе «Выбор Софи» (точнее – «Софи делает выбор» (1979)), повествующем о нацистских злодеяниях и личной трагедии бывших узников концлагерей, в хрупкую ткань произведения ввёл медитативные стихи именно Э. Э. Дикинсон: «*Дважды жизнь моя кончилась...*», «*Что Сердцу? – Радость дай...*», «*Предчувствие – длинная тень – косая...*», «*Как странно – быть Столетьем!*...», «*Чтоб свято чтить обычные дни...*» Писатель отвёл этим строкам музыкальную роль траурной мелодии и похоронного марша, рефреном звучащим во всём тексте этого произведения, словно фон к печально известному «*Танго смерти*». Вот её и пытаются разгадать, вчитываясь в дикинсоновские поэтико-медитативные шедевры, снова и снова перечитывая их, переводя на самые разные языки, предлагая интерпретационные варианты, обращаясь к её эпистолярному наследию, до невообразимого ловко написанного. Все только и занимаются выписыванием своего рода *единого экзистенциального ключа* к тому, как, почему и в чём заключается эта загадка. А исследователь и переводчик С. М. Рабинович (Ратнер, 1939) просто была вынуждена констатировать: «*Переводить Эмили Дикинсон – труд тяжёлый... потому что гений и надо хоть немного соответствовать*, всё время вылезать из кожи и подпрыгивать, чтобы дотянуться до края её платья. Но тем временем ты подрастаешь!» [Рабинович, 2002, с. 4]. В «долгом» (по Эрику Хобсбауму (1917–2012)) XIX в. в России и одновременно во Франции была ещё одна такая удивительная особа прекрасного пола, как М. К. Баш-

кирцева (1858 / 1860–1884), «парижанка из-под Диканьки». О ней сегодня говорят немногие. Правда, уже начинают понемногу, осторожно, не торопясь. Самые взыскательные читают и всматриваются в описания её неординарного и уникального во всех отношениях «Дневника». Благодаря ему, дававшему живые переживания и муки творчества неординарной труженицы, она на некоторое время будет замечена, даже оценена, признанным мэтром *Ги (Гюи) де Мопассаном* (1850–1893), учеником *Гюстава Флобера* (1821–1880), в Европе и в царской России. Ведь «Дневник» был написан на высоком языке аристократов того времени – на французском. Сама она нескромно пишет, что «не знает в совершенстве ни одного языка» [Башкирцева, 2014, с. 138]. Далее больше: «...Моим родным языком я владею хорошо только для домашнего обихода. Я уехала из России десяти лет; я хорошо говорю по-итальянски и по-английски. Я думаю и пишу по-французски, а между тем, кажется, делаю ещё грамматические ошибки...» [Башкирцева, 2014, с. 138]. Но и ещё потому, что только после её скоростной кончины стало широко известно о неуёмной творческой энергии молоденькой художницы и певицы (*меццо-сопрано*). Она всё-таки предстала перед созерцающей и оценивающей публикой как оригинальный живописец, тонкий психолог, удивительный мастер детали. Это всё представляет нам её небольшое, но истинно драгоценное и глубоко художественное и живописное сокровище. Она, положившая свой фонтанировавший и просившийся на свободу талант во имя искусства, угасла в его сиянии, прежде чем познала признание и славу. Так что её личность неспроста часто ассоциируют с неутомными и несогласными романтическими натурами.

Любопытны некоторые информационные точки, позволяющие поставить рядом русско-французскую художницу с *Эмили Дикинсон*. Это в первую очередь то, на наш взгляд, что интересовало их обеих, только с решениями, резко диссонирующими у них, творчески родственных натур, с разными предложениями, хотя и необычайными взглядами. Скажем, *они обе интересовались природой времени*. Башкирцева непрестанно напоминает себе самой, что нечего понапрасну его терять. А для великой женщины-загадки Эмили это одна из ведущих, неотъемлемых от иных, тем, разрабатываемых ею, отчего, составляя книгу поэзии по тематическим циклам, её издатель Томас Джонсон включил в неё и такой раздел, как «*Время и Вечность*» («*Time and Eternity*»). Также в этом вопросе ей принадлежит несколько уже фундаментальных сентенций, как-то: «...Время – жалкий Врач – / С годами Скорби крепнут...» и «...Время – не Лекарство / От Горя и от Мук – / А если вдруг да помогло – / То был ли сам Недуг?» (перевод *Г.М. Кружкова*) [Дикинсон, 2013, с. 134]. А также: «...Есть вечность в непрочном мире – / Где пирамиды – в труху – / Где царства – шафраном яблок – / Катятся в траву» [Дикинсон 2013: 3]. *И ещё: «Я узнаю – зачем – когда выйдет мой срок, / Все вопросы оставив в веках...», «...смерти добрый дух / Сам предложил мне экипаж – / Бессмертье с ним – сам-друг...»* и «...Прошли века – но этот день / Был всех веков длинней...» (перевод *А.Л. Величанского*) [Дикинсон, 2013, с. 335]. Ведь, например, странная мисс Дикинсон не гналась за славой, считая её «постыдной» и *нужной ей, как небо плавникам рыбы*, не особо переживала сам факт совершенной своей неизвестности на родине. Тогда как Башкирцева страшно страдала по этому поводу. Страдала, поскольку уже почувствовала неумолимый – *стремительный* – конец, когда ещё столько надо сделать, но времени уже недостаёт. Поэтому остаётся торопиться сделать то, что необходимо сделать, ведь нельзя не сделать. А перед лицом смерти проблема времени значительно обостряется, если не сказать больше – экзистенциализируется. Ещё двенадцатилетней девочкой она признавала: «Это такое великое чувство – сознавать, что тобой восхищаются за что-нибудь большее, чем туалет. Я так счастлива от этих восторженных слов детей. Что же это было бы, если бы мною так же восхищались *другие* (выделено Автором)? Право, я не ожидала, что так понравлюсь им.

Я создана для триумфов и сильных ощущений, поэтому лучшее, что я могу сделать, – *это сделаться певицей...* ...я могу достигнуть счастья быть знаменитой, известной, обожаемой, этим путём я могу приобрести того, кого люблю... Но когда он увидит меня окружённой славой!.. *Мужчины честлюбивы...*» [Башкирцева, 2014, с. 12]. Здесь же она чётко ставит перед собой цель жизни и верно следует ей, мужественно преодолевая всевозможные препятствия. «...*Слава, популярность, известность повсюду – вот мои грёзы, мои мечты...* Быть мировой знаменитостью...» [Башкирцева, 2014, с. 13]. В этих не по-детски смелых декларациях Башкирцева рассуждает, как понравиться тому, кто ей симпатичен, что для этого необходимо делать, как работать над собой, чтобы стать всё-таки известной людям благодаря своему таланту. Может быть, на первый взгляд подобного рода аналитические этюды и не новы, ведь сколько мы знаем подобных им образцов. Однако в этих не только жизненных планах, поверяемых жизнью, но и всеми препятствиями, какие ещё предстоят, Башкирцева-бытописатель, *экзистенциальный мыслитель* и психолог демонстрирует основное своё кредо: «Времени так мало, хоть бы успеть всё, хоть бы успеть... *С Божьей помощью*». И она как вполне мотивированный и волевой человек следует ему до конца. Особое очарование у этого «Дневника», поскольку пишет его девочка (начав в 12 лет) – но уже и не девочка, женщина – но ещё и не женщина: девушка с лицом ребёнка. Своё стремительное взросление она описывает в самых потрясающих подробностях, последовательных и весьма осмысленных, и в этом отношении даёт главный урок многим, отчаивающимся и впустую унывающим. Здесь всё, что она читала (и Ж. Санд, и Бальзака, и Стендаля, и Дюма, и Тургенева), что видела и слышала, что тронуло и укололо, когда нужно поцеловать мужчину и когда не следует, как одеться, здесь все впечатления, переживания, не по годам колоссальная мудрость и при этом чеканная острота такого меткого слога. Достижение гармонии ей, как мы понимаем, совершенно не чуждо, и это притом, что Господь послал ей несказанное испытание – *слабое здоровье*. Но она не ропщет, хотя, бывает, срывается, но тут же осекается, понимая, что этого не нужно. Нужно быть сильной, насколько это возможно, выдержать это нелёгкое испытание, выдержать. И она, эта потрясающей вроде силы девушка, но такая хрупкая и часто плачущая (мы так и слышим её слёзное всхлипывание), тут же вместе с нею останавливаемся, чтобы не гневить Бога и *помолиться с нею*. «...в то время как я пишу, я слышу шорох от слёз, падающих на бумагу, крупных слёз, свободно бегущих без всякой гримасы на лице. Я легла было на спину, чтобы вогнать их назад, но это не удалось...» [Башкирцева, 2014, с. 99]. Нам искренне жалко её, но в то же время мы понимаем, что надо держаться и нам, выдержать, где даже она держится и саму же себя приободряя, даёт волю своему таланту раскрыться снова, заявить о себе. «*Я не могу писать. И однако что-то мне приказывает. Пока я не расскажу всего, что-то внутри мучит меня*» [Башкирцева, 2014, с. 100]. «...почему мужчина и женщина, пока они ещё не женаты, могут постоянно любоваться друг другом и стараться друг другу нравиться, а после свадьбы распускаются и совершенно перестают об этом заботиться...» [Башкирцева, 2014, с. 14]. «...*Я не понимаю, как можно относиться к мужу, как к какому-то домашнему животному, а до свадьбы желать нравиться тому же самому человеку...*» [Башкирцева, 2014, с. 14]. «Мне ещё многое нужно сказать, чтобы объяснить...» [Башкирцева, 2014, с. 287]. «...*Я собираюсь заниматься по вечерам скульптурой, чтобы только не останавливаться мыслью на том, что – вот я молодая, а время всё уходит, и что я скучаю и возмущаюсь, и что всё это так ужасно!*...» [Башкирцева, 2014, с. 352].

Странная Эмили пишет в своих письмах о чём-то подобном, даже очень. А при этом она всё столь же лаконично, но ёмко схватывает интересующую её реальность. Эти дикинсоновские пассажи где-нигде то соприкасаются с «*фотографиями*» Башкирцевой, то снова отдаляются от них: «...*Если слава принадлежит мне, я*

не смогу убежать от неё, если же нет – самый длинный день пронесётся мимо, не заметив меня...» [Дикинсон, 2007, с. 129]. Даже при небольшом аналитическом сравнении становится нетрудно заметить очевидно связывающее обеих творческих натур. В отношении к славе, к жизни, к любви, к творчеству, к книгам, к близким. Ко всему прочему, это ещё и страсть к белому платью. Они, почти дополняя друг друга, подчёркивают факт соответствия такого рода дамского туалета их необычному образу, а при этом сходятся в том, что это ещё более придаёт им романтического – фатального – флёра. Мария Башкирцева как-то отметила: «...выходя из своей уборной, я суеверно испугалась. Я увидела сбоку женщину в длинном белом платье, со свечой в руке, грустно наклонённой головой, похожую на призрак немецких легенд. Разуверьтесь – это было не что иное, как моё отражение в зеркале...» [Башкирцева, 2014, с. 121]. А также: «...Я причёсана, как *Венера Капитолийская*, одета в белое, как Беатриче, с чётками и перламутровым крестом на шее...» [Башкирцева, 2014, с. 104]. Немало здесь и девичьих диковинок, женских тонкостей, а тут же – никакой такой, казалось бы, понятной «зацикленности» на платьях, какие она описывает лишь как житейскую необходимость. Интересует же её совсем иное. Как бы далее учиться, понапрасну не отвлекаясь, достичь в учении высот, быть замеченной благодаря своему уму – неординарному, неженскому (надо сказать) какому-то уму. Как полюбить, чтобы быть любимой. *Страницы, посвящённые любви, на самом деле, достойны сопоставления с лучшими из тех, на которые сама ссылается Муся (обращение к ней близких), чтобы разобраться в этой невероятной стэндалевской «кристаллизации» любви, выражаемой у неё однако противоречиво, не стэндалевски к Г. (герцогу Гамильтону), к Л. (графу Александру Лардерелю) и к А. (графу Пьетро Антонелли).* Башкирцева же, выдвинувшая тезис «будем углубляться в любовь, но не в человека», рассуждает так: «...Читали вы Любовь Стендаля?.. *Я никогда ещё не любила в жизни или не переставала быть влюблённой в какое-то воображаемое лицо...* ...это дивно выражает то, что всякий сам почувствовал, даже я. *Только я – я всегда всё слишком анализировала...*» [Башкирцева, 2014, с. 1]. Эти глубокие экзерцисы Башкирцевой постепенно перерастают жанр дневника, достигая увлекательного романа, в котором она всё переживаемое сейчас же стремится передать в слове, запечатлеть и выразить, как импрессионист – субъективные впечатления в живописи. Чтобы рассказать о себе, как никто ещё не рассказывал – изо дня в день, от ступени к ступени. Вообще чтобы «рассказать весь день». А у Эмили Дикинсон всё-таки это больше эскизы только что вспыхнувшей мысли. *Эскизы мыслей-вспышек, изображённых в миниатюре, к её стихам.* Это также изложение её философии такой, какой она её понимает, и это тоже перерастает всякую эскизность, становясь, наконец, полноценным философско-эстетическим произведением в поэтической оправе. Вот самые любопытные такие вспышки ума и восхитительного кругозора от Дикинсон: «...Писание писем не так приятно, как маленькие лица, которые кажутся такими маленькими, потому что далеки, и которые тем не менее уехали от меня всего две недели назад – две заполненные желанием и мечтами недели... Опасно дорожить чем-нибудь – только за то, что ценим, тревожимся. *Я узнала, что Роберт Браунинг написал ещё одну поэму, и была поражена – поскольку вспомнила, что и сама, на свой скромный лад, воспела ступени sklepa. Каждодневная жизнь кажется величественнее, а то, чем мы в состоянии быть, более грандиозным...» [Дикинсон, 2007, с. 2, середина октября 1863]. «...Счастье – это бодрость. Мне приснилось сегодня, что я слышу пчел, вьющихся над тычинками водяной лилии, а когда проснулась, поняла, что это муха жуужжит...» [Дикинсон, 2007, с. 2; Луизе Норкросс, март 1865]. «...любовь – то, что никакой самый совершенный труд не сможет превзойти. ...Вера слишком прекрасна, чтобы омрачать ее... В Библии есть стих, в котором говорится, что некоторые не узрят смерти.*

Я думаю, это те, кто верит. *Любовь не угасает*. Не было ни одного мгновения, чтобы мир оставался без любви... *...истина... является нашим близким другом...*» [Дикинсон, 2007, декабрь, 1870]. Действительно, христианских ссылок у неё, прямо с указанием на Библию, мы находим предостаточно. И всё-таки в некоторых своих стремлениях обнять все деревья, чтобы не продрогли, прочирикать, как милые птички в саду, или стремление уловить последний цвет отходящих настурций, которые сменяют каштаны, свойственны ей. Потому что она любит всё это больше всего на свете, за исключением самых своих родных, в отношении к которым это невероятно чуткий и внимательный человек, верный друг и собеседник. И эти письма – не что иное, как форма таких бесед, разве что на расстоянии. Когда понимаешь, какой замкнутый образ жизни вела их автор, на первый взгляд, представляется до парадоксального много бывающий везде книголюб, собирающий свежий материал для своих непрекращающихся изысканий. Но это, оказывается, излишним для той, которая в родном и тихом одиночестве, в своей «домашней вечности» (по Светлане Чулковой), по-домашнему находила отдушину для невероятно прыткой мысли. И хоть она сама называет себя «Девой», её суждения по многим вопросам так и дышат прекрасной детской простотой. Как и у Башкирцевой. Что ж, она проста при всей своей кажущейся глубине. Впрочем, общение с детьми, каких она так любила угощать собственноручными лакомствами, конфетами и лакомым словом, здесь снова пробивается на поверхность. Дикинсоновские откровения в прозе не уступают фотографически запечатлённым (в «фотографии целой жизни») минутам от Башкирцевой: «Любовь – как хлеб, которого мы не замечаем, пока не голодны, когда же мы голодны, мы бредим им и поем о нем, и рисуем его, в то время как любой уличный мальчишка имеет его больше, чем в состоянии съесть...» [Дикинсон, 2007, Луизе Норкросс, конец 1872]. «...Жизнь, имеющая конец, сестричка, это наша одежда, которую, будь у нас выбор, мы могли бы отказаться носить...» [Дикинсон, 2007; Франсес Норкросс, начало 1873]. «...Каждый из нас дает или получает небо в личном воплощении, так как каждый из нас обладает искусством жизни... Карьера цветов отличается от нашей только своей беззвучностью...» [Дикинсон, 2007, апрель 1873(7)]. «Весна – такое прекрасное, такое неповторимое, такое неожиданное счастье, что я не знаю, что делать с моим сердцем... Жизнь – настолько прелестное колдовство, что буквально всё сговаривается разрушить эти чары... Что я думаю о славе – за исключением того, что немного есть примеров, когда «смертный сей уже облекся в бессмертие»...» [Дикинсон, 2007, конец апреля, 1873].

Таким образом откровенность, поэтичность, мечтательность и идеализм свойственны им. Они задумываются о вечных проблемах, которые интересуют их, прежде всего, в зеркале личного желания познать окружающее, быть равными наряду со всеми. Но снова, когда находится то, что объединяет их вместе, обязательно на зигзаге или повороте мысли их разводит по разные стороны в общем близкого им берега. Башкирцева, предчувствуя скорую смерть, знает, что она уже неминуема и боится встречи с нею. «...Умереть! Я так боюсь...» [Башкирцева, 2014, 29 августа, 1883]. Только не Эмили, утверждающая, что, познав «путешествия» с самыми близкими людьми, из которых они не воротились, Смерти ей нечего бояться. Через Неё она проверяет свои истинные предположения, мчась туда, где не встречаются вместе Жизнь, Смерть и Бессмертие. А то, что их связывает – Время – бесполезно, даже здесь в этой точке её раздумий. Её письма-послания – сами по себе ненавязчивый урок этой трепетной деликатности такого высокого ума: что ни фраза, то признание, что ни проявление на вид слабости, то вскоре становится её силой. Просто потому, что похвалы она и не просит – она просит учительского урока, обещая *Подчинение* и *известную признательность*, как цветок из своего сада. Снова и снова она обраща-

ется к такому *дорогому для неё – цветам, саду, знаменитейшему кексу, закатному небу, «коварному искусству» домашнему хозяйству, птицам, снам-курьерам*. В XX в. их имена, наряду с другими великими историческими женщинами человечества, уже объединила Джуди Чикаго в своей *памятной инсталляции «Званный ужин» (1974–1979)*, расположенной на «Этаже наследия» в Бруклинском музее Нью-Йорка. Мы только оправдали это философско-художественными доводами в нашем понимании.

Список литературы

1. Башкирцева, М. К. Дневник / М. К. Башкирцева. – переизд. – М. : «Захаров», 2014. – 688 с.
2. Дикинсон, Э. Стихотворения. Письма Российская Академия наук / Э. Дикинсон ; пер. А. Гаврилова. Издание подготовили Т. Д. Венедиктова, А. Г. Гаврилов, С. Б. Джимбинов. – М. : Наука, 2007. (Серия «Литературные памятники»).
3. Дикинсон, Э. Письмо Миру : пер. с англ. / Эмили Дикинсон. – М. : Эксмо, 2013. – 384 с.
4. Рабинович, С. М. Эмили Дикинсон / С. М. Рабинович // Стихотворения : сб. / сост. С. М. Рабинович. – Екатеринбург : Изд-во Уральского литературного агентства, 2002. – 343 с.

А. С. Сафрыгина
(г. Пенза, Россия)

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ В АФОРИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ АФОРИЗМОВ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ИСТОРИКОВ)

Афоризм – это один из самых распространённых речевых жанров. Согласно Словарю литературоведческих терминов, афоризм – «краткое изречение, содержащее в себе законченный вывод, обобщающий смысл явлений. Афоризм ничего не доказывает, а предлагает готовый вывод широкого обобщения. Афоризмы имеют автора» [Словарь литературоведческих терминов: электронный ресурс // www.Gramma.ru. Культура письменной речи].

Афоризм гармонично сочетает в себе логику научного мышления и художественное видение окружающего мира, является одним из средств образно-речевого выражения мудрости, типизируя и обобщая разные проявления личной и общественной жизни. Между тем языковые средства, используемые при создании афористических текстов, изучены недостаточно. Их исследование представляется актуальным не только по этой причине. Зная основные языковые средства, используемые в афоризмах, можно создавать собственные образцы афористических высказываний, а поскольку афоризм – один из самых распространённых речевых жанров, то, создавая афоризмы, можно развивать навыки точного, ёмкого выражения собственных мыслей.

Объектом исследования в настоящей статье являются афоризмы о женщине русских писателей и историков XIX–XXI вв. Предмет исследования – языковые средства создания образа женщины в этих афоризмах.

В данной работе мы не ставим целью охарактеризовать все языковые средства, использованные при создании образа женщины, а выделили лишь наиболее значимые для создания этого образа и наиболее частотные. К таким относятся синтаксические языковые средства.

Одной из жанровых особенностей афоризма является его краткость, поэтому преобладают афоризмы, представляющие собой одно предложение (214 из 260 – 82,3 %). Из двух предложений состоят 35 афоризмов (13,4 %), из 3-х предложений – 4 (1,5 %), из 4-х – 4 (1,5 %), из 5, 6 и 7 – по одному (< 1–0,38 %).

Синтаксические модели, используемые при создании афоризмов, разнообразны. Заметно преобладают разные виды сложных (209 – 63,3 % от общего количества предложений) и простых осложнённых предложений (54 из 121-го простого). Следует отметить, что большинство афоризмов, состоящих из одного предложения, являются сложными или осложнёнными. Можно выделить следующие виды осложнения простых предложений: обращение (в 3-х предложениях), однородные члены (в 34-х предложениях), вводные слова и вставные конструкции (в 9-ти предложениях), обособленное определение, выраженное причастным оборотом, и обособленное обстоятельство, выраженное деепричастным оборотом (в 5-ти предложениях); сравнительный оборот (в 3-х предложениях).

Среди сложных предложений встречаются сложносочинённые (30 из 209), бессоюзные сложные (31 из 209), сложные синтаксические конструкции (63 из 209), сложноподчинённые предложения (85 из 209). Такие построения позволяют увеличить смысловую ёмкость высказывания при его лаконичности. Кроме того, в числе сложных предложений обращают на себя внимание сложноподчинённые предложения с придаточным условия, что соотносится с традиционной структурой построения афоризма, где одна часть представляет из себя основную мысль автора, а вторая – вывод, следующий из неё. Также весьма часто встречаются сложноподчинённые предложения с придаточными атрибутивно-присубстантивными, выражающими распространительные отношения. В таких предложениях придаточная часть сообщает о предмете (в нашем случае о женщине или чертах её характера) что-то новое.

Создать образ женщины в афоризмах помогают изобразительные средства синтаксиса (фигуры речи). Как известно, самой многочисленной группой среди них является та, в основе которой используется механизм повтора:

– многосоюзие: *Умерь обильные корма,
Воздělывай свой сад,
И будет стройная корма,
И собранный фасад* (И. Губерман);

– синтаксический параллелизм: *Разговор мужчин о женщинах – игра воображения, разговор женщин о мужчинах – строго аналитическая работа* (В. Красовский); *Мужчина любит женщину чаще всего за то, что она его любит; женщина любит мужчину чаще всего за то, что он ею любит* (В. Ключевский).

– градация, в том числе нисходящая: *Есть чувства, мысли и догадки, о которых говоришь только любимой женщине и не скажешь никому больше* (М. Горький);

– анафора: *Ребро Адама вырезать пришлось,
И женщину Господь создал из кости;
Ребро была единственная кость,
Лишённа́я како́го-ли́бо мозга* (И. Губерман);

– хиазм: *Разница между мужчиной и женщиной: женщина ради любви готова даже заниматься любовью, а мужчина ради того, чтобы заниматься любовью, готов даже любить* (М. Задорнов).

Повторы позволяют привлечь внимание к значимым для автора компонентам высказывания. Этой же цели может служить и пропуск («нулевой» вариант) одного из компонентов высказывания. На данном приёме строятся такие фигуры речи, как эллипсис, умолчание, бессоюзие:

– эллипсис: *Грудь мужчины создана для наград, а грудь женщины – сама награда* (А. Марков); *Труд сделал из обезьяны человека, а косметика – женщину* (С. Федин);

– умолчание: *Для утончённой женщины ночь всегда новобрачная...* (И. Северянин);

– и др.

В афоризмах используются и другие фигуры речи:

– инверсия: *Наступила в душе моей фаза*

Упрощения жизненной драмы:

Я у дамы боюсь не отказа,

А боюсь я согласия дамы (И. Губерман);

– антитеза: *Женщина должна не мешать мужчинам думать, а помогать им чувствовать* (М. Жванецкий); *Женщины обыкновенно бывают целомудренны с людьми заслуженными, а с повесами редко* (Д. Фонвизин); *Женщины в большинстве своём – кошки, а мужчины – собаки. Собака привыкает к человеку, а кошка к месту* (А. Маринина).

– риторический вопрос: *Разве у хорошеньких женщин должен быть характер?* (А. Пушкин);

– риторическое восклицание: *Вы снова здесь? Как Вы непостоянны!* (В. Вишневский).

Иногда в одном афоризме может встретиться и риторический вопрос, и риторическое восклицание: *Любимая, да ты и собеседник?!* (В. Вишневский)

Таким образом, проведённый анализ позволяет говорить о разнообразии синтаксических языковых средств, используемых русскими писателями и историками XIX–XXI в.в. в афоризмах о женщине. Все эти средства делают афоризмы яркими, наглядными и способствуют более точному раскрытию образа женщины.

Список литературы

1. Словарь литературоведческих терминов. – URL: [www. Gramma.ru](http://www.Gramma.ru). Культура письменной речи.

Н. Н. Семененко

(г. Старый Оскол, Россия)

ЦЕННОСТНАЯ ПАРЕМИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ СТЕРЕОТИПНО-ОЦЕНОЧНОГО ОСНОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Ценностно ориентированная семантика паремий представляет собой актуальный предмет исследования как аксиолингвистики, так и когнитивной лингвокультурологии – лингвистических наук, интересы которых в части описания аксиологического потенциала семантики единиц косвенно-производной номинации во многом пересекаются. В частности, аксиологическая лингвистика, как и когнитивная лингвокультурология сосредоточена на выявлении «скрытых в системе языка семантических механизмов, выполняющих роль связующего звена между лексико-семантической оценочной системой и социальным опытом национально-культурного сообщества» [Болотина, Шабашева, 2013, с. 22]. Особую роль при этом играет исследовательский аспект, связанный с концептуальным анализом паремической семантики, поскольку для знака косвенно-производной номинации в высшей степени значима функция «смыслопорождающего концепта» [Алефиренко, 2008, с. 84–97].

Ценностно-смысловые аспекты семантики паремий как языковых единиц косвенно-производной номинации – один из актуальных аспектов направления лингвистического постмодернизма, что обусловлено «особой функцией когнитивных единиц с ценностным содержанием» выражать «стереотипную оценку посредством паремических жанров» [Семененко, 2015, с. 85]. Действительно, функция сен-

тенции и стереотипная формула выражения доминирующих в пространстве этнокультуры суждений и оценок, обеспечивают паремиям статус текстов культуры, выражающих её базовые стереотипные ментальные установки. Исследование текстовых знаков с подобным статусом и видится одной из ведущих задач в процессе моделирования стереотипного языкового выражения аксиосферы национального языка.

Проблема параметризации семантики пословиц и поговорок в системе «Язык – Текст – Дискурс» обусловлена исходной синкретичной сущностью паремического знака, который в равной степени является языковой единицей (в аспекте косвенно-производной номинации), мини-текстом со «свёрнутой» смысловой структурой и единицей дискурса, способствующей смыслообразованию в его пространстве. При подобном подходе семантика паремий выступает в качестве объекта моделирования с учётом многоуровневости системы её параметров и с применением когнитивно-дискурсивного подхода, учитывающего такие факторы паремической семантики, как (1) когнитивное основание значения и (2) дискурсивно выраженный прагматический смысл высказывания, образуемого посредством прецедентного использования паремического текста.

Исследуемая тематическая группа «Оптимизм» выделяется на основании наличия в когнитивном основании пословиц и поговорок, репрезентирующих ценность «Оптимизм» как когнитивную единицу особого порядка, формирующую **содержательный** или **оценочный** компонент паремического значения. Например, в качестве стимула формирования **содержательного** компонента семантики концепт «Оптимизм» выступает в основном в паремиях с ключевыми репрезентаторами концепта *радость, надежда, счастье, удача, дар, случай* и др. Например,

ПОСЛОВИЦЫ:

1) *Бог и плач в радость обращает,*

2) *Кто в радости живёт, того и кручина неймёт,*

3) *От радости и старики со старухами помолодели* [Д, с. 211] – в отмеченных пословицах посредством лексического компонента *радость* реализуется

содержательный аспект концепта «Оптимизм», который можно трактовать как ‘положительные эмоции, испытываемые в определённый момент времени/по определённой причине’. Прагматическое выражение значения же в каждом случае связано с определённой стереотипной позицией относительно репрезентированного смысла:

1) ‘радость в каждом дне для того, кто на Бога уповает’;

2) ‘радость в каждом дне для того, кто не позволяет дурным мыслям одолевать себя’;

3) ‘радость делает человека моложе’.

Кроме прочего, все три пословицы выражают прагматическую установку на ‘пользу оптимистического взгляда на жизнь’, поскольку либо Бог, либо сам человек, либо случайное событие могут принести радость в любой момент.

В поговорках на радостях, собачья радость [БСП, с. 552] репрезентирован содержательный компонент концепта ‘надежда на удачу’, в поговорках *мартышкина радость, бабья радость* [Там же] – ‘незначительный повод для оптимизма’, а в поговорках *одна радость в глазу и не в радость* – ‘утешение/удовлетворение’.

Таким образом, содержательный аспект репрезентации концепта связан с реализацией в структуре паремического значения определённого семантического компонента, а на прагматическом уровне семантики паремии – с выражением какого-либо прагматического смысла, значимого для стереотипной характеристики жизненного явления/культурного события/типичного представителя социума.

Оценочный компонент паремического значения формируется в пословицах и поговорках в основном посредством следующих ключевых репрезентаторов концепта «Оптимизм»: *хорошо, хороший, плохо, лучше* и др. Например,

Пословицы:

Как ни плохо, а перебиться надо [Д, с. 189] – ‘терпение – это хорошо, так как помогает сохранить оптимизм’ – положительная оценка «Оптимизма» как социально-психологического фактора культуры;

Лучше воротиться, чем блудиться [Д, с. 139] – ‘хорошо то, что имеет проверенную основу, а не опирается на беспочвенный оптимизм’ – отрицательная оценка «Оптимизма» как оправдания необдуманных поступков.

Поговорки:

около хорошего [БСП, с. 719] (‘сносно, терпимо’) – ‘способность терпеть как элемент оптимистичной модели поведения’ – положительная оценка «Оптимизма» как адаптивного фактора социализации личности;

ни хорошо ни красно (‘безрадостно’) [Там же] – ‘отсутствие оптимистичного взгляда на жизнь плохо’ – как и в предыдущем случае выражена положительная оценка «Оптимизма» как адаптивного фактора социализации личности.

Фактор когнитивного основания паремии существенно влияет на аксиологическую репрезентацию паремического значения. Например, пословица *Лучше не свыкаться, чем расставаться* [Д, с. 139], относящаяся к периферии тематической группы «Оптимизм» (характеризует сопутствующее качество указанной темы через её соотношение с процессуальными элементами) выражает прагматическое суждение об ‘оптимизме, который формируется действиями человека, моделирующим ситуацию общения изначально’. В когнитивном основании пословицы определяется фрейм «Встречи-Расставания» в части слота «Сожаление о расставании». Доминантная когнитивная тема фреймовой структуры – концепт «Скучать/Сожалеть» выступает в качестве смыслопорождающего фактора, ориентируя структуру фрейма на интеграцию концептов «Привычка» и «Разлука». Отнесение данной пословицы к тематической группе, репрезентирующей ценность «Оптимизм» обусловлено особой ролью гештальта «Не буду радоваться, чтобы не расстраиваться», эмоционально-чувственный план которого заключается в попытке соотносить масштабы негативных эмоций в случае расставания с позитивными эмоциями, испытываемыми в процессе общения с приятным нам человеком. Это «зыбкое» чувство в гештальте соединяется с содержательным планом ‘забегать вперёд, предвидеть финал событий/отношений’.

Таким образом, выражение ценности «Оптимизм» происходит по принципу «от обратного»: если хочешь надеяться на лучшее будущее – моделируй его сам изначально.

Содержательное же наполнение ценности возможно лишь в условиях конкретного дискурса, который посредством влияния общей интенции, формирующейся в конкретном дискурсивном окружении, задаёт топики реальности, входящие «в зону» оценки события как оптимистичного прогноза.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и когнитивистика в свете лингвистического постмодернизма / Н. Ф. Алефиренко. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2008. – 152 с.
2. Болотина, М. А. Когнитивный аспект оценочной семантики фразеологических единиц с цветообозначениями / М. А. Болотина, Е. А. Шабашева // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2013. – Вып 2. – С. 21–28.
3. Семененко, Н. Н. Ментальный стереотип как смыслообразующий фактор в ценностных паремических репрезентациях / Н. Н. Семененко, Л. А. Лисицына // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, 2015. – № 12. – С. 85–91.
4. Даль В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : ЭКСМО : Изд-во ННН, 2005. – 616 с. – [Д].
5. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 784 с. – [БСП].

БАСНИ И. А. КРЫЛОВА В ЦИТИРОВАНИИ И СЛОВАРЯХ

В современной писательской лексикографии сложилось два типа словарей, описывающих интертекстовые единицы (крылатые выражения и смежные явления). Прежде всего, словари, охватывающие ядерную часть круга словесной культуры. В этом случае количество произведений того или иного автора обычно относительно невелико, но велико количество самих авторов, представленных словаре. Так, в изданиях Н. С. и М. Г. Ашукиных [Ашукины, 1987], а также В. П. Беркова, В. М. Мокиенко и С. Г. Шулежковой [Берков и др., 2000] Крылов представлен соответственно 53 и 61 словарными статьями. Второй тип словарей ориентирован на интертекстовый потенциал одного автора, основанный не только собственно на «крылатых словах», но и на писательской идиоматике, понимаемой расширенно, включающей единичные цитаты и литературные образы.

С известной долей условности басни Крылова можно разделить на «общеизвестные» и «необщеизвестные». Именно первая группа басен входит в популярное цитирование, их мотивы используются в рекламном и политическом дискурсе, графическом оформлении, шаржах, карикатурах и т.п. Сюда можно отнести, например, такие произведения, как «Ворона и Лисица», «Слон и Моська», «Квартет», «Лебель, Щука и Рак», «Ларчик», «Кот и Повар», «Волк и Журавль», «Волк на псарне», «Любопытный» и др., цитаты из них, как правило, легко узнаваемы. Во вторую группу относятся менее известные басни, дающие, в лучшем случае, лишь ощущение чего-то «крыловского», интуитивно-приблизительного. Ср.: «Медведь в сетях» (*так лучше бы ты мертвых ел и оставлял живых в покое*), «Мор зверей» (*кто посмирней, так тот и виноват*), «Огородник и Философ» (*великий краснбай, названный друг природы*), «Пестрые Овцы» (*лев бы и хорош, да всё злодеи волки*) и мн. др. Корпус басен Крылова объединяет 198 произведений (9 книг), некоторые, не вошедшие в «канон», обычно публикуются в собраниях сочинений поэта как приложение [Крылов, 1956]. Однако в популярных изданиях Крылова деления басен на авторские книги нет, они представлены как сокращённое целостное собрание, значительная часть которого также не относится к широко известным.

Вместе с тем работа с художественными, публицистическими, учебными, научно-популярными, научными текстами, словарями, ресурсами Интернета и СМИ показала, что все басни «канона» Крылова так или иначе отразились в русской интертекстовой динамике и могут быть объектом лексикографической систематизации [Мокиенко, Сидоренко, 2013]. Словник такого словаря насчитывает более 1700 словарных статей и ориентирован на максимальное описание интертекстовых ресурсов крыловского макротекста.

Например, слова *а где пастух дурак, там и собаки дуры* («Волк и Волченок»), принадлежащие Волку, который начал Волчонка *«приучать отцовским промыслом питаться»*, используются при постановке вопроса о причинах агрессивности собак («поведение собаки зависит от того, как её воспитал хозяин»):

[Загол.] Кто остановит собак убийц? [В тексте] Нерадивых хозяев могут наказывать штрафом или даже посадить в тюрьму. Не проходит и месяца, чтобы из какого-нибудь российского города не пришла трагическая новость о нападении собаки на человека (Кирилл Ильин). (Угличская газета, 2008, 8 апреля). [В реакции посетителей сайта] А где пастух дурак, там и собаки дуры! (И. А. Крылов) (<http://uglich.ru> <2008>).

Приведём примеры функциональной трансформации цитатной единицы, основанной на содержательной периферии басни.

«Снисходительный совет невежды» – *а жаль, что незнаком ты с нашим петухом* > «реакция на живого петуха» [«Осёл и Соловей»]. В новом тексте вполне прозрачно пролеживается контаминация со скрытой цитатой из «Вороны и Лисицы» («Ворона каркнула во все воронье горло»):

И вот каждое утро, точно в три часа и в пять, повадился приходить к кабинетному окну огромный красно-жёлто-сине-зеленый с золотом лоншанский петух и орал неистово во все свое петушиное горло <...> «Я тоже, – сказал он [Ефим Андреевич], был близко знаком с одним таким петухом, по выражению великого Крылова (А. И. Куприн. Однорукий комендант <1923>).

«Наивный в своей агрессии крохотный комар наносит вред льву» > «об уничтожении комаров, борьбе с комарами» («Лев и Комар»):

К приезду премьер-министра России велели уничтожить всех комаров, *Комар* и *Лев*, почти по Крылову. К визиту главы правительства России <...> на Ванкорское месторождении в Красноярском крае специалисты проведут авиахимобработку территории. Проще говоря, сообщает Сибирское Агентство Новостей, ради комфорта большого и долгожданного гостя в Туруханском районе решили вытравить всех комаров <...>

Бессильному не смейся

И слабого обидеть не моги!

Мстят сильно иногда бессильные враги.

Так слишком на свою ты силу не надейся!

Послушай басню здесь о том,

Как больно лев за спесь наказан комаром...

(Форум proUA.com. Новости Украины <2009>). (<http://forum.proua.com>).

«Шутливая оценка радости, вызванной лестью» – *в зобу дыханье сперло* [«Ворона и Лисица»] > 1. «Проблемы расстройства дыхания при сильном волнении»; 2. «Болезни щитовидной железы (зоба)»:

Иногда расстройства *дыхания* могут быть по сути аналогом непрерывного плача <...> Испуг – «перехватило дыхание», «*в зобу дыханье сперло*», «не нахожу слов», эмоциональное переживание – «она глубоко вздохнула», восхищение, внимание, тайна – затаив *дыхание*, «*не дыша*», «*чуть дыша*» (Мир гомеопатии <2009>. <http://www.homeopatica.ru>); Один умный человек сказал, что человек, стоящий на трибуне, ощущает себя более нагим, чем тот, кто идёт по пляжу <...> *В зобу дыханье сперло*... Все наши эмоциональные переживания всегда проявляются в теле (В. Перемолотов, Р. Хайкин. Как избавиться от страха перед аудиторией <2008>); [В рекламе медицинских услуг] *Спирается в зобу дыханье*. Лечение щитовидной железы (<http://click01.begun.ru> <2009>); [Загол.] *От выбора в зобу дыханье сперло*. [В тексте] На аптечных прилавках теснится большое количество йодсодержащих таблеток, капель и аэрозолей, в аннотациях к которым указано, что они служат для профилактики *зоба* и других заболеваний щитовидной железы, умственной неполноценности у детей и так далее (Арг. и факты. Здоровье. 2002. № 5).

«Несогласованность общих усилий как причина отсутствия положительного результата» – *поклажа бы для них казалась и легка, да лебедь рвется в облака* [«Лебедь, Щука и Рак»] > «осмысление басни с точки зрения механики»:

Перед нами механическая задача на сложение нескольких сил, действующих под углом одна к другой <...> Басня утверждает, что «*воз и ныне там*», другими словами, что равнодействующая всех приложенных к *возу* сил равна нулю. Так ли это? <...> Груз невелик («*поклажа бы для них казалась и легка*»). Допустив для простоты последний случай, мы видим, что остаются только две силы: тяга *рака* и тяга *щуки*. О направлении этих сил говорится, что «*рак пьтится назад, а щука тянет в воду*». Само собой разумеется, что *вода* находилась не впереди *воза*, а где-нибудь

сбоку (не потопить же *воз* собрались крыловские труженики!). Значит, силы *рака* и *щуки* направлены под углом одна к другой. Если приложенные силы не лежат на одной прямой, то равнодействующая их никак не может равняться нулю (Немного интересного о физике <2009>. <http://www.hattns.narod.ru>).

Представляется целесообразным учёт лингвистических ассоциаций, иллюстраций в научной и научно-популярной литературе. Так, в ряду примеров существительных со значением собирательности (типа «хламье», «мужичье», «вишень» и т.п.) встречаем *оконье* («Фортуна и Нищий»):

Существительные среднего рода с суффиксом [-j] (орфографически слова на *-ье*) имеют собирательное значение «группа однородных лиц, предметов, названных мотивирующим словом» <...> *оконье*: *бедняжка-нищенский под оконьем таскался* (Крылов) [Русская грамматика, 1982, с. 203].

Именно содержательная «периферия» и определяет в значительной мере присутствие текста Крылова в русской речи и жизнь цитатного раритета. Функциональный «вектор» текста нередко направлен от исходной событийно-оценочной доминанты как основы басни к вовлечению в явное или скрытое цитирование фрагментов, соотносимых с деталями повествования, развитием разнообразных вариантов при сохранении исходной мотивации.

В лексикографической обработке интертекстовых единиц одного автора выделяются два возможных аспекта – интертекстовая статика и интертекстовая динамика.

Интертекстовая статика предполагает рассмотрение и обработку (прежде всего – в лексикографических изданиях) интертекстового материала как индекса (антологии) «канонических» единиц, отбираемых авторами из источников без учёта функциональных характеристик и нередко интуитивно. Такой подход обычно влечет за собой гиперболизированно-нормативное отношение к «чужому слову» и его изоляцию от реального употребления.

Интертекстовая динамика ориентирована на рассмотрение интертекстового материала в его функционировании с учётом того, что вариантность, деривационная подвижность, ассоциативность, активность в текстопорождении, цитатная активность являются условиями его существования как интертекстовой структуры.

Список литературы

1. Ашукин, Н. С. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. – 4-е изд., доп. – М. : Худож. лит., 1987. – 528 с.
2. Берков, В. П. Большой словарь крылатых слов русского языка / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. – М. : Рус. словари: Астрель: АСТ, 2000. – 624 с.
3. Крылов, И. А. Басни / И. А. Крылов : изд. подготовил А. П. Могиланский. – М. : Л. : Изд-во АН СССР, 1956. – 635 с. – (Лит. памятники / АН СССР; Отд-ние лит. и яз.).
4. Мокиенко, В. М. Басни Ивана Андреевича Крылова: цитаты, литературные образы, крылатые выражения : словарь-справочник / В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко ; под общ. ред. К. П. Сидоренко. – СПб. : Свое изд-во, 2013. – 682 с.
5. Русская грамматика : в 2 т. / АН СССР. Ин-т рус. языка. – М. : Наука, 1982. – Т. 1. – 783 с.
6. Сидоренко, К. П. Опыт интертекстовой типологии словаря писателя / К. П. Сидоренко // Литературная и диалектная фразеология: история и развитие : материалы Междунар. науч. симп. к 90-летию со дня рожд. В. П. Жукова / отв. ред. В. И. Макаров. – В. Новгород : Новгор. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2011. – С. 476–479.

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

*А. Р. Багдасарян, М. Р. Дпирян
(г. Ереван, Армения)*

ИЗУЧЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА В НАЦИОНАЛЬНОЙ АУДИТОРИИ

Для представителя любой страны его культура является родной стихией. Изучение иностранного языка – это процесс познания иной культуры, процесс обучения взаимопониманию представителей различных культур. Художественный текст обладает большими лингводидактическими возможностями, помогает студенту освоиться в новом языковом пространстве. Именно для понимания поэзии необходимо определённое соотношение языковых структур и культурных знаний. Автор часто не включает в свой текст информацию, которая обычно известна тому, для кого предназначен текст. Подтекст возникает потому, что «мы всегда не договариваем своих мыслей» [Пешковский, 1959, с. 5]. Носитель языка воспринимает текст во всех его связях с культурой народа, во всём богатстве. При восприятии иноязычного текста часть информации, содержащейся в тексте, может утрачиваться, так как иностранец является членом иного этносоциокультурного сообщества.

Поэтический текст – богатый источник культурной, исторической информации; поэзия развивает эстетический вкус, воздействуя на эмоции. При работе над стихотворным текстом мы составляем задания и вопросы, которые требуют творческого подхода, позволяют студентам понять русскую поэзию. Для работы на занятиях по русскому языку в национальных группах мы отбираем небольшие стихотворения. Для каждого текста разрабатывается система заданий, требующих языковых и культурных знаний [Кулибина, 2008].

Продемонстрируем, как это можно сделать на примере стихотворения А. С. Пушкина «Город пышный, город бедный...».

А. С. Пушкин – первый русский национальный поэт, родоначальник всей последующей русской литературы. Гений А. С. Пушкина особенно проявился в романе в стихах «Евгений Онегин» (1830), в трагедии «Борис Годунов» (1825). Эти произведения сам Пушкин называл своими подвигами. Ещё одним подвигом А. С. Пушкина можно назвать создание образцов совсем не развитой до него художественной прозы: «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» (1830), «Дубровский» (1833). Зрелости и необычайной высоты достигает лирика поэта.

1. Знаете ли Вы стихотворения А. С. Пушкина? Прочитайте наизусть любимое вами стихотворение поэта.

1.1. Стихотворение, которое мы будем читать, называется лирическим стихотворением. Вся гамма чувств доступна лирике – любовь, гнев, радость и печаль. Лирика – «это публичная исповедь человека» – писал Д. И. Писарев.

2. Прочитайте стихотворение:

1. Город пышный, город бедный,
2. Дух неволи, стройный вид,
3. Свод небес зелено-бледный,
4. Скука, холод и гранит –
5. Все же мне вас жаль немножко
6. Потому что здесь порой
7. Ходит маленькая ножка,
8. Вьется локон золотой.

2.1. Обратите внимание на первую и вторую строки. Как поэт характеризует город? Каким Вы представляете этот город? ★

2.2. Вспомните близкие по звучанию строки другого произведения А. С. Пушкина. О каком городе говорится в стихотворении? ★

2.3. Прочитайте 5–6-е строки. Объясните значение слова *порой*. ★

2.4. Обратите внимание на глагол *ходит*. В чём различие между глаголами *ходит* и *идёт*? ★

Переведите на армянский язык «ходит маленькая ножка». Как вы понимаете эти слова?

2.5. Прочитайте 8-ю строку. В каком значении употреблено слово *золотой* в словосочетании *локон золотой*? ★

3. Какие чувства вызывает у Вас стихотворение?

3.1. Как Вы думаете, о ком рассказывает поэт?

3.2. Согласны ли вы с тем, что в основе стихотворения лежит конкретное, личное переживание поэта?

3.3. Прочитайте стихотворение.

3.4. Переведите стихотворение на армянский язык.

3.5. Выучите стихотворение наизусть.

Ключи:

2.1. Город пышный – великолепный, роскошный город; город бедный – немущий, жалкий, несчастный. Город будто разделен на два разных города, в одном из которых живет роскошь, а в другом – нищета.

2.2. Вспомните:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит.

Пушкин описывает столицу – Санкт-Петербург.

2.3. *Порой* – то же, что иногда (здесь: иногда ходит маленькая ножка).

2.4. Глагол *ходить* – ненаправленный. Глагол *идти* – направленный.

2.5. *Локон золотой*, то есть цвета золота, блестяще-жёлтый.

Изучение художественных текстов необходимо, если мы учим студентов культуре изучаемого языка. «Обучение русскому языку как иностранному может отнести к своим заслугам сам факт обращения к национальной культуре» [Прохоров, 1997, с. 6]. Закреплённые в языке элементы культурного богатства являются источником нового знания.

Список литературы

1. Кулибина, Н. В. Читаем стихи русских поэтов / Н. В. Кулибина. – СПб., 2008.
2. Пешковский, А. М. Избранные труды / А. М. Пешковский. – М., 1959.
3. Прохоров, Я. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого обращения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Я. Е. Прохоров. – М., 1997.

М. А. Бобунова
(г. Курск, Россия)

НОВЫЕ СЛОВАРИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Словарь как авторитетная справочная книга был и остаётся надёжным источником самой разнообразной информации. Не случайно на рубеже XX–XXI вв. появилось большое число новых изданий, продолжающих и развивающих лучшие традиции

русской лексикографической практики. Однако, к сожалению, многие новые словари оказываются невостребованными и не получают широкого распространения среди потенциальных пользователей, часто из-за неосведомленности последних.

Одним из возможных путей повышения лексикографической культуры современного человека является пропаганда словарей, предполагающая распространение содержательной информации о конкретном справочнике [Крысин, 2007]. Такая пропаганда может вестись и в средствах массовой информации, и на уроках русского языка, и в вузовской практике. Хорошим подспорьем для этого могут быть специальные издания, например новая книга В. А. Козырева и В. Д. Черняк «Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший» [Козырев, Черняк, 2014], в которой, как свидетельствует аннотация, представлено более 2700 различных словарей, что позволяет считать данную монографию «своеобразным путеводителем по русским словарям». Следует заметить, что особое внимание авторы уделили новым изданиям, знакомство с которыми расширяет лексикографический кругозор читателя.

Образовательный процесс и в вузе, и в школе, представляющий собой «совокупность учебно-воспитательного и самообразовательного процессов, направленную на решение задач образования, воспитания и развития личности в соответствии с государственным образовательным стандартом» [Коджаспирова, Коджаспиров, 2005, с. 94], на данном этапе развития нуждается в новых подходах к организации обучения, в разработке новых программ и дисциплин.

Известно, что роль словарей в жизни современного человека переоценить трудно. Словари углубляют наши знания о языке, обогащают словарный запас, повышают культуру речи. Хотя с основными типами словарей студенты знакомятся на занятиях по современному русскому языку во время обучения в бакалавриате, полученных знаний, на наш взгляд, недостаточно. Как показывает наш опыт, большинство студентов-филологов не отличается высокой лексикографической компетенцией, что подтверждают проведённые нами опросы и анкетирование. И если наиболее известные толковые и аспектные словари XX столетия в той или иной степени знакомы бакалаврам, то о новых справочниках они практически ничего не слышали. В связи с этим нами был разработан курс «Новые словари русского языка» для магистрантов, обучающихся по программе «Отечественная филология». Основная цель указанной дисциплины – знакомство с одноязычными лингвистическими словарями, появившимися в XXI в., а также с новыми редакциями известных лексикографических справочников. В рамках курса магистранты обращаются к новым толковым и аспектным словарям (словарям иностранных слов, семонимическим словарям, грамматическим, орфографическим, орфоэпическим и др.).

Так, на занятии, посвященном фразеологическим словарям, происходит знакомство с новыми справочниками, представляющими разные направления фразеологии. Стремление более полно представить богатство русской идиоматики приводит к созданию фразеологических словарей, отличающихся расширенным словарем. Примером такого издания может быть «Фразеологический словарь русского литературного языка» А. И. Федорова, самый полный на сегодняшний день справочник, третье (исправленное) издание которого (2008) содержит около 13 000 фразеологизмов, среди которых большое число устаревших (например, *брить лбы; бросать камешки из-за угла; в чужой век; вести куры; глядеть сентябрем*) и диалектных (например, *выставлять зубы; гнуть бухтины; клепать языком; на верхосытку; ни выти, ни уёму*) конструкций.

Другим, претендующим на полноту охвата, собранием устойчивых выражений, включающим не только литературные, но и жаргонные фразеологизмы, является «Словарь-тезаурус современной русской идиоматики» (под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского; 2007 г.). Знакомясь с указанным справочником, магистранты

отмечают, что, в отличие от издания А. И. Федорова, это тематический словарь русской фразеологии, в котором 8000 идиом распределяются по смысловым категориям (таксонам).

Исчерпывающая полнота словника – это не обязательный критерий нового фразеологического справочника. Например, особенностью «Словаря современной русской фразеологии» А. В. Жукова и М. Е. Жуковой (2015) является включение в его состав фразеологических неологизмов, часто встречающихся в средствах массовой информации (*белый и пушистый, двойные стандарты, закатывать в асфальт, золотой парашют, оборотень в погонах, скелет в шкафу* и др.). Многие из таких устойчивых сочетаний, перифраз, журнально-газетных клише, фразеологических эвфемизмов и жаргонизмов получают лексикографическое описание впервые, что вызывает определённый интерес у пользователей словаря, в котором представлено свыше 2100 фразеологических единиц.

Поскольку фразеологизмы, как и слова, характеризуются разнообразными парадигматическими отношениями, полезным будет знакомство и со словарями, посвящёнными описанию таких отношений. Наиболее освоенными в лексикографическом плане оказались фразеологические синонимы, которые были предметом описания ещё в прошлом столетии, а идея создания словарей фразеологических антонимов и омонимов начала реализовываться только в XXI в. (см., например: [Мардиева, 2003]). Магистранты знакомятся со структурой «Словаря фразеологических омонимов современного русского языка» (автор проекта и главный редактор Н. А. Павлова, 2003 г.), в котором отражено более 600 фразеологических омонимов разных типов, содержащихся в литературном языке со времен Пушкина до наших дней (например, *будь здоров, показывать нос*).

Особую группу составляют словари, описывающие историю и этимологию русских фразеологизмов. В конце XX в. А. К. Бирих, В. М. Мокиенко и Л. И. Степанова подготовили «Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник», который включал более 2500 оборотов, а в 2005 г. исправленное и дополненное третье издание, содержащее уже около 6000 фразеологизмов, получило иное название «Русская фразеология. Историко-этимологический словарь». В указанном справочнике, где не только расширился словник, но и пополнился библиографический список, включающий как отечественную, так и зарубежную литературу по данной проблематике, корректно отражены все известные этимологии разных фразеологизмов (например, *собаку съел* – 8 этимологических версий; *танцевать от печки* – 4 версии, *держат нос по ветру* – 3), что дает богатый материал для анализа.

Не имеет аналогов в мировой лексикографической практике вышедший в 2006 г. «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» (отв. ред. В. Н. Телия), в котором описано 1500 наиболее употребительных сочетаний фразеологического характера, получивших название идиом. Магистранты убеждаются в том, что данный словарь, отличающийся новизной строения и способами описания материала, представляет собой справочник активного типа, который ориентирован на правильное употребление фразеологизмов в речи. Особая роль в словаре отводится культурологическому комментарию, состоящему из нескольких блоков, включающих этимологическую и страноведческую справку, информацию о соотносительности образа фразеологизма или его компонентов с древнейшими пластами культуры, с фольклорными и литературными источниками, с видами тропов и др.

Фразеологические словари могут отражать какую-то определённую группу единиц. Например, в «Словаре устойчивых сравнений русского языка (синоним-антонимический)» В. М. Огольцева (2001) вошло около 1500 наиболее употреби-

тельных образных сравнений, получивших всестороннюю характеристику. Заметим, что в известном фразеологическом словаре под редакцией А. И. Молоткова насчитывается всего около ста таких конструкций.

Магистранты не только знакомятся с макро- и микроструктурой словарей, но и учатся сравнивать словари одного типа. Так, если в справочнике В. М. Огольцева принят алфавитно-гнездовой способ расположения сравнений, причём гнездо представляет собой серию устойчивых конструкций, объединенных общим субъектом сравнения (например, *как бурак, как две капли воды, как (словно, точно) жених*), то в словаре Л. А. Лебедевой «Устойчивые сравнения русского языка: тематический словарь» (2013) сравнения группируются иначе. Они распределяются по тематическим полям, которых в словаре 22: «Внешность человека», «Физические качества и способности человека», «Черты характера, моральные и деловые качества», «Труд. Безделье», «Мера, количество» и др., а в качестве поискового выступает слово, называющее признак сравнения (например, *белый, нежный, трезвый, вертеться*). Полезным оказывается и сопоставительный анализ словарных статей, в результате которого студенты приходят к определённым выводам об исследовательском потенциале разных справочников.

Безусловно, перечень новых фразеологических словарей не ограничивается указанными нами. Интересен опыт лексикографического представления индивидуально-авторских трансформаций фразеологизмов на материале художественной литературы и публицистики (например, словарь «Фразеологизмы в русской речи» А. И. Мелерович и В. М. Мокиенко). Поскольку учёные придерживаются как узкого, так и широкого понимания фразеологии, отдельное занятие мы посвящаем анализу новых словарей пословиц, поговорок, крылатых слов и выражений.

Большинство новых словарей создается в соответствии с лексикографическими традициями, однако появляются издания, предметом которых становятся те языковые единицы или аспекты их характеристики, которые ранее не описывались. Такие экспериментальные словари также заслуживают внимания, поскольку граница между экспериментальным и традиционным подвижна. Студенты знакомятся со «Словарём одного слова» А. Р. Поповой (2009), «Словарём модных слов» В. И. Новикова (2012), «Словарём цвета» В. К. Харченко (2013) и др.

Одним из перспективных направлений современной лексикографии является создание электронных словарей, поэтому одно из занятий мы посвящаем проблемам компьютерной лексикографии. Обращаясь к разным онлайн-справочникам, магистранты не только открывают для себя новые источники информации, но и непосредственно убеждаются в поисковых возможностях таких словарей.

Мы полагаем, что разработанный нами курс, содержание которого имеет открытый характер, окажется востребованным, поскольку соответствует новым тенденциям современного образования и способствует развитию творческого потенциала личности.

Список литературы

1. Коджаспирова, Г. М. Педагогический словарь : для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений / Г. М. Коджаспирова, А. Ю. Коджаспиров. – М. : Академия, 2005. – 448 с.
2. Козырев, В. А. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший : моногр. / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2014. – 571 с.
3. Крысин, Л. П. Ода словарям / Л. П. Крысин // Литературная газета. – 2007. – № 17–18. – 25 апреля – 3 мая.
4. Мардиева, Э. Р. Принципы составления словаря фразеологических антонимов русского языка : дис. ... канд. филол. наук / Мардиева Э. Р. – Уфа, 2003. – 319 с.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ШКОЛЬНИКОВ

Формирование культуроведческой компетенции школьников является одной из задач обучения русскому языку на современном этапе. Оно осуществляется с помощью различных средств: слов с национально-культурным компонентом значения, фразеологизмов, обладающих национально-культурной спецификой, концептов русской культуры, текстов, содержащих культуруориентированную информацию, и др. Остановимся на рассмотрении фразеологизмов как средства формирования культуроведческой компетенции школьников.

Изучение фразеологизмов как языковых единиц, которые могут обладать национально-культурной спецификой, предоставляет широкий спектр возможностей формирования культуроведческой компетенции учащихся. Это связано с тем, что культурная коннотация фразеологизма может проявляться посредством различных способов:

- наличия во фразеологизме слов с культурными семами;
- наличия у фразеологизма культурного фона;
- наличия в составе фразеологизма концептов русской культуры (в том числе ценностно-значимых концептов);
- значения и/или эмоционально-экспрессивной окраски фразеологизма, отражающих аксиологию народа;
- компонентов прагматического значения, обладающих национально-культурной спецификой.

Таким образом, национально-культурная специфика фразеологизмов может проявляться на всех уровнях языкового менталитета (концепция Т. Б. Радбиля [Радбиль, 2012]): вербально-семантическом, лингвокогнитивном, аксиологическом, мотивационно-прагматическом.

Мы полагаем [Васильева, 2014; Васильева, 2015], что для достижения целей обучения русскому языку, поставленных в ФГОС второго поколения, целесообразно при формировании культуроведческой компетенции школьников изучать национально-культурную специфику фразеологизмов по уровням языкового менталитета. Это требует отбора и систематизации языкового материала, который мог бы использоваться в ходе данной работы.

На основе анализа фразеологических словарей нами был проведён отбор фразеологизмов, отражающих элементы русской культуры и истории на вербально-семантическом, лингвокогнитивном и аксиологическом уровнях языкового менталитета. Нами не были рассмотрены фразеологизмы, культурная коннотация которых проявляется на мотивационно-прагматическом уровне, так как на данном уровне национально-культурная специфика фразеологических единиц проявляется только в предложении или тексте.

Отобранные фразеологизмы были распределены нами на группы по способу проявления в них национально-культурной специфики. Отметим, что среди фразеологизмов, обладающих национально-культурной спецификой на лингвокогнитивном уровне, нами были рассмотрены как собственно русские, так и заимствованные фразеологизмы. Мы полагаем, что, изучая национально-культурную специфику фразеологизмов на лингвокогнитивном уровне, следует рассматривать не только фразеологизмы, имеющие собственно русское или славянское происхождение, но и

те языковые единицы, которые были заимствованы русским языком из других языков. Это необходимо, для того чтобы школьники могли осмыслить тот факт, что русская культура на протяжении своего развития испытывала влияние иных культур и включает как самобытные, так и общечеловеческие представления о мире. Поэтому среди приводимых нами ниже примеров имеются заимствованные фразеологизмы: *голубая кровь* (от исп. *la sangre azul*), *видеть в розовом свете* (калька с франц. *voir tout couleur de rose*) и др.

Проведённый нами анализ фразеологизмов русского языка позволил выделить следующие группы данных языковых единиц по способу проявления национально-культурной специфики.

I. Фразеологизмы, культурная коннотация которых проявляется на вербально-семантическом уровне.

1. Фразеологизмы, отражающие культуру русского народа через наличие слов с культурными семами, а именно:

- названий букв алфавита (*начинать с азов, фертом стоять* и др.);
- антропонимов (*ваньку ломать, куда Макара телят не гонял* и др.);
- указания на имена исторических деятелей (*филькина грамота, потёмкинская деревня* и др.);
- названий мер длины (*мерить своим аршином, коломенская верста* и др.);
- названий мер веса (*пуд соли съест* и др.);
- терминов родства (*кум королю и сват министру* и др.);
- терминов, обозначающих социальный статус человека (*без царя в голове, из грязи в князи* и др.);
- названий денежных единиц (*грош цена, за длинным рублём гнаться* и др.);
- названий предметов быта (*лаптем щи хлебать, бить баклуши* и др.);
- названий русских национальных блюд (*первый блин комом, лаптем щи хлебать, тёртый калач* и др.).

2. Фразеологизмы, обладающие культурным фоном:

- фразеологизмы, отражающие верования русского народа в различные периоды его развития (*выносить сор из избы, как сквозь землю провалиться* и др.);
- фразеологизмы, отражающие обычаи русского народа (*семь пятниц на неделе, приходит к шапочному разбору* и др.);
- фразеологизмы, отражающие исторические факты (*мамаево нашествие, было дело под Полтавой, кондрашка хватил* и др.).

II. Фразеологизмы, культурная коннотация которых проявляется на лингвокогнитивном уровне.

1. Фразеологизмы, выражающие национально-специфичное отношение к образам животных, птиц, насекомых:

- барана, барашка (*стадо баранов, невинный барашек* и др.);
- барсука (*жить как барсук в норе* и др.);
- белки (*вертеться как белка в колесе*);
- быка (*брать быка за рога, упрямый как бык* и др.);
- верблюда (*от верблюда*);
- волка, бирюка (*волком выть, волком смотреть, жить как бирюк* и др.);
- воробья (*стреляный воробей, короче воробьиного носа* и др.);
- ворона, вороны (*каркать как ворон, как белая ворона* и др.);
- гуся (*гусей дразнить, как с гуся вода, хорош гусь* и др.);
- зайца (*петлять как заяц, заячья душа* и др.);
- змия, змея (*до зелёного змия, змея лютая, змея подколотная* и др.);
- козы, козла (*на кривой козе не объедешь, как от козла молока* и др.);

- комара (*комар носа не подточит*);
- коня, кобылы, мерина (*на коне кто-либо, бред сивой кобылы, врать как сивый мерин* и др.);
- коровы (*дойная королева, священная королева* и др.);
- кот, кошки (*ходить как кот вокруг сала, кот заплакал, кошки скребут на душе, драная кошка* и др.);
- крокодила (*крокодильи слёзы*);
- крысы (*архивная крыса, канцелярская крыса, тыловая крыса* и др.);
- курицы (*курам на смех, куриная память, как курица лапой* и др.);
- льва, львицы (*светский лев, светская львица*);
- лисы (*лисий хвост, старая лиса* и др.);
- мартышки (*мартышкин труд*);
- медведя (*медвежий угол, медвежья услуга, как медведь на ухо наступил* и др.);
- мухи (*как мухи на мёд, как сонная муха, липнуть как муха* и др.);
- мыши (*беден как церковная мышь, мышьячая возня* и др.);
- овцы (*безобидный как овца, невинная овечка* и др.);
- осла (*буриданов осёл, упрямый как осёл* и др.);
- петуха (*жареный петух клюнул, пускать петуха* и др.);
- саранчи (*как саранча кто-либо*);
- слона (*делать из мухи слона, как слону дробина* и др.);
- свиньи (*разбираться как свинья в апельсинах, свинья в ермолке* и др.);
- собаки, пса (*с собаками не сыскать, собаку съесть, псу под хвост* и др.);
- сокола (*гол как сокол* и др.);
- соловья (*разливаться соловьём* и др.);
- сороки (*сорока на хвосте принесла, трещать как сорока* и др.);
- сурка (*как сурок спать*);
- телёнка (*дело телячье, телячий восторг* и др.);
- тетерева (*глухая тетеря, сонная тетеря* и др.);
- черепахи (*черепахиными шагами* и др.).

2. Фразеологизмы, содержащие национально-специфичное отношение к цвету:

- белому (*белыми нитками шито, доводить до белого каления* и др.);
- голубому (*на блюдечке с голубой каёмочкой, голубая кровь* и др.);
- жёлтому (*жёлтая пресса, жёлтый дом* и др.);
- зелёному (*зелёная улица, рыцарь зелёного поля, тоска зелёная* и др.);
- красному (*красная девушка, красная цена, пустить красного петуха* и др.);
- розовому (*видеть в розовом свете, смотреть сквозь розовые очки* и др.);
- серому (*серая кошка пробежала, серый кардинал* и др.);
- синему (*до посинения делать что-либо, как синь порошок в глазу* и др.);
- чёрному (*называть чёрное белым, на чёрный день* и др.).

III. Фразеологизмы, культурная коннотация которых проявляется на аксиологическом уровне.

1. Фразеологизмы, содержащие ценностно значимые концепты русской культуры:

- авось (*на авось* и др.);
- вера (*выйти из веры, принимать на веру* и др.);
- вечность (*кануть в вечность, целую вечность* и др.);
- воля (*давать волю, давать волю сердцу, давать волю рукам, давать волю языку* и др.);
- грех (*брать грех на душу, грехи молодости, был грех* и др.);

- душа (*бередить душу, болеть душой, в глубине души, взяло за душу, воскресать душой* и др.);
- жизнь (*дело жизни, жизни не жалеть, между жизнью и смертью* и др.);
- истина (*азбучная истина, горькая истина, святая истина* и др.);
- правда (*всеми правдами и неправдами, резать правду-матку* и др.);
- свобода (*свобода слова, свобода совести* и др.);
- слово (*живого слова не услышишь, золотые слова, крепкое слово, муки слова, на честное слово* и др.);
- совесть (*для очистки совести, на совесть* и др.);
- страх (*не за страх, а за совесть, под страхом чего-либо* и др.);
- судьба (*баловень судьбы, игра судьбы, на произвол судьбы* и др.).

2. Фразеологизмы, отражающие ценностные ориентации народа через своё значение и эмоционально-экспрессивную окраску (*до последней капли крови, пойти в огонь и в воду, встать грудью на защиту чего-либо* и др.).

Таким образом, фразеологизмы русского языка могут отражать материальную, духовную культуру и историю русского народа, что делает данные языковые единицы эффективным средством формирования культуроведческой компетенции школьников.

Список литературы

1. Васильева, Н. В. Концептуальные основы формирования культуроведческой компетенции в аспекте осознания национально-культурной специфики фразеологизмов при обучении русскому родному языку / Н. В. Васильева // Учёные записки Забайкальского государственного университета. Сер. Профессиональное образование, теория и методика обучения. – 2014. – № 6 (59). – С. 139–144.
2. Васильева, Н. В. Методика формирования культуроведческой компетенции школьников при изучении фразеологизмов в курсе русского родного языка / Н. В. Васильева // Учёные записки Забайкальского государственного университета. Сер. Профессиональное образование, теория и методика обучения. – 2015. – № 6 (65). – С. 151–157.
3. Радбиль, Т. Б. Основы изучения языкового менталитета / Т. Б. Радбиль. – М., 2012.

И. Ю. Гац
(г. Москва, Россия)

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ШКОЛЬНОГО ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Значительные научные достижения в методике создали успешные предпосылки для реализации идеи педагогики – всестороннего развития личности средствами предмета. Теория преподавания русского языка как фундаментальная открытая система органически связана с разными видами духовного производства. Когда-то В. В. Набоков поэтично определил эту науку как средство рациональной навигации в лингвистическом море. Действительно, только методика способна эффективно транслировать обществу перспективные идеи лингвистики. Повышенная языковая рефлексия членов современного общества создаёт иллюзию доступности понимания лингвометодических проблем. К такому заключению пришёл автор этих строк после чтения «Концепции преподавания русского языка и литературы в общеобразовательных организациях Российской Федерации» (2015). Благодаря демократичным площадкам, на которых активно обсуждаются разные вопросы лингвистического образования, культуры речи специалистов разных сфер и уровней, создаётся впечатление, что общество осведомлено в теоретико-практических основах обучения языку и в состоянии сформулировать чёткие рекомендации сообществу словес-

ников. Отрадно, что непрофессионалы обеспокоены судьбой лингвистического образования. Связывают его с речевым опытом, коммуникативным мастерством, грамотностью. Однако в центре внимания должны быть иные аспекты: интегративная специфика лингвистического образования, его уникальное положение в духовно-нравственном развитии личности и социализации. За два века своего существования лингвометодическая наука накопила богатейший опыт воспитания языковой личности, который возможно адаптировать к новым условиям и требованиям информационного общества. Известно издревле, что нет ничего более практичного, чем хорошая теория.

Языковая личность школьника – личность, способная воспринимать, оценивать и создавать высказывания в различных сферах и ситуациях общения, бережно и ответственно относящаяся к родному языку и собственной речи, обладающая развитым языковым эстетическим вкусом. Лингвистическое образование посредством аксиологического компонента встраивается в общую систему отечественного гуманитарного образования [Львова, 2013]. Тезис аксиоматичен: содержание гуманитарных знаний ориентировано на изучение школьниками отечественной материальной и духовной культуры через освоение родного языка; лингвистическое образование – это интегрированный процесс, обладающий метапредметным статусом. Важнейшее научное основание современной лингвометодики – её интеграция с гуманитарными и психолого-педагогическими науками – предполагает осмысление влияния социокультурных факторов на обучение русскому родному языку. Разработанный автором метод лингвометодического подхода к анализу условий современной языковой ситуации позволил обосновать возможный путь совершенствования лингвистического образования школьников [Гац, 2012]. Языковые реалии и повседневное языковое существование ставят перед методикой русского языка новые содержательные задачи. Была обоснована способность лингвометодики к адаптивному саморазвитию в современной языковой ситуации, к приспособлению к изменяющимся условиям языкового существования [Гац, 2015].

С целью конструирования модулей деятельности обучающего и обучающегося был применён метод факторного анализа. «Фактор», по сути, соответствует общепринятому в мировой педагогике термину «переменная дидактического процесса». Рассматривались специфические факторы – социолингвистические причины, существенные обстоятельства, влияющие на выбор лингвометодических средств и ресурсов, результаты обучения языку в современных условиях. В теоретических трудах известных лингвистов доказано, что во-первых, язык изменяется всё-таки незначительно, а количество изменений преобладает над их качеством, гораздо важнее, что функциональные изменения превосходят системные; во-вторых, изменения на разных уровнях языковой системы происходят неравномерно. Сегодня разграничивают три вида процессов: изменения в системе языка; функциональные изменения языка; изменения в построении текста, коммуникации [Мечковская, 2009]. На основе социолингвистических факторов, доступных непосредственному восприятию, – позитивных и негативных, объективных и субъективных – установлены закономерности школьного обучения русскому языку в современных условиях [Гац, 2015]. Что это означает для методики преподавания русского языка? Что именно методическая наука должна воспринять для собственного развития и развития методической системы воспитания языковой личности школьника?

Анализ факторов, влияющих на языковую динамику, послужил основой для выделения трёх стратегических направлений обучения русскому языку, которые определили содержание методики, конкретных её компонентов: формирование лингвистического мировоззрения и лингвоэстетического вкуса школьников, развитие у них элементарных навыков металингвистической деятельности и информаци-

онно-коммуникативных умений. Выделены методические пути лингвистической подготовки школьников 5–11 классов:

а) овладение школьниками общим представлением о социокультурном феномене «современная языковая ситуация»;

б) развитие металингвистических умений, связанных с интерпретацией и трансформацией языкового материала, отражающиеся в форме суждения и теоретизировании на лингвистическую тему;

в) воспитание лингвоэстетического вкуса, основанного на способности носителей языка усваивать стандарты языкового поведения и языковые нормы и репродуцировать их в различных ситуациях общения; расширение элементарного лингвокреативного опыта, основанного на нестандартном использовании лингвистических знаний в процессе коммуникации;

г) развитие информационно-коммуникативных умений, связанных с восприятием, видоизменением и оценением художественного и нехудожественного текстов;

д) формирование лингвистических проектных умений.

Выявленные общедидактические и методические закономерности, в свою очередь, стали основой для описания содержательных компонентов воспитания школьников специфическими средствами предмета: учебно-деятельностный, когнитивный, лингвоэстетический, информационно-коммуникативный [Гац, 2015]. Эти компоненты составляют комплексную программу лингвистической подготовки школьников [Гац, 2012, с. 13–14]. Разработка содержания компонентов опиралась на решение задач лингвистической подготовки, адаптированной к повседневной языковой среде: усвоение систематизированных лингвистических знаний и общекультурных ценностей, языковых и этических норм как необходимого условия адаптации современного человека. Дидактическим основанием программы выступает принцип связи теории и практики: эффективность и качество обучения подтверждаются и направляются практикой, в которой проявляются результаты обучения. Практика служит источником познавательной деятельности обучающегося. Развитие принципа связи теории и практики осуществляется в русле неоклассической педагогики постмодернизма, провозгласившей в качестве основных такие направления, как продуктивную социализацию, углубление индивидуализации образования, а также ориентацию образования на культурное разнообразие. Сегодня общедидактический принцип связи теории с практикой трактуется расширительно и подразумевает формирование функциональной грамотности школьников средствами предметного содержания.

Качество лингвистической подготовки школьников в разработанной автором теории увязывается с их умением решать ситуационные задачи на основе реальной языковой практики. В практической деятельности учителя это означает убедительно раскрывать перед обучающимися диалектическую связь лингвистической теории и практики языкового существования; постоянно доказывать, что языковая деятельность носителя всегда неповторима, индивидуальна, обусловлена интеллектуальным, эмоциональным состоянием личности, доказывать, что жизненно-языковой опыт каждого уникален.

Социально-психологическая значимость языка связана, в том числе, с регулятивными действиями личности. В методике отражена перспективная идея современной лингвистики о равноправном существовании инварианта и варианта. Следовательно, владение языком определяется не столько теоретическими познаниями, сколько способностями к речевым вариациям и экспериментам в речевом поведении. Это утверждение позволяет конкретизировать второе методическое положение: с целью развития лингвокреативных умений школьников, опираясь на их языковое

чутьё, расширять дидактическое поле за счёт упражнений, основанных на языковой игре как запрограммированном отклонении от привычного образования, традиционного восприятия и использования языковых единиц.

Учение о когнитивно-коммуникативной деятельности школьника имеет первостепенное значение для ряда практических вопросов. Следующее лингвометодическое положение: обучая русскому родному языку, привлекать примеры из окружающей языковой действительности и как источник лингвистических знаний, и как область их практического применения; шире использовать исследовательские задания по интерпретации, трансформации и трансляции лингвистического материала, то есть на этой основе развивать металингвистические умения школьников.

Очередное методическое положение отражает интенсивную технизацию коммуникативного пространства: с целью адаптации школьников к новым сферам коммуникации и развитию элементарных навыков информационно-коммуникативных умений организовывать учебную деятельность по восприятию, продуцированию и оцениванию дидактически значимых электронных текстов. Отдельной реплики заслуживает работа по воспитанию у школьников культуры печатного письма, формированию элементарных навыков информационной обработки текста.

Представленные для обсуждения методологические положения связаны с попыткой разработать методику обучения русскому языку, учитывающую языковое состояние на определённом этапе развития общества. Конструирование стратегии лингвистического образования школьников в структуре гуманитарного образования рассматривается как новая лингвометодическая задача.

Список литературы

1. Гац, И. Ю. Лингвистическая подготовка школьников в современной языковой ситуации: константы и закономерности / И. Ю. Гац // Педагогическое образование и наука. – 2015. – № 1. – С. 50–55.
2. Гац, И. Ю. Лингвистическое образование школьников в современной языковой ситуации : моногр. / И. Ю. Гац. – М. : Изд-во МГОУ, 2012. – 200 с.
3. Львова, С. И. Усиление метапредметного статуса курса русского (родного) языка в современной системе школьного образования / С. И. Львова // Актуальные проблемы теории и практики преподавания русского языка в современной школе : материалы Междунар. конф. – М. : Экон-информ, 2013. – С. 119–126.
4. Мечковская, Н. Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета : курс лекций по общему языкознанию / Н. Б. Мечковская. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 584 с.

Р. Р. Грдзелян
(г. Ереван, Армения)

РОЛЬ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В ПРОЦЕССЕ НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ

Антропоцентрическая направленность современной науки повышает значимость гуманитарного образования, которое, в идеале, может стать также основой университетского образования в целом. Из глубины веков до нас доходят голоса великих: «Человек есть мера всех вещей» (Протагор); «Человек, познай самого себя» (Сократ). И сегодня наука, пройдя долгий путь от объективированного исследования *Природы* до видения природных явлений сквозь призму *Субъекта познающего и чувствующего*, последовательно сменяя научные парадигмы от наиболее объективированных (направленных на изучение Природы-объекта самого по себе, основанного на исследовательском принципе: «Освободи и очисти объект от всего субъективного») до более субъективированных и релятивистских (направленных на изу-

чение Природы-объекта, основанного на уже ином исследовательском принципе: «Исследуй объект сквозь призму наблюдающего его субъекта») оказалась перед лицом важнейшего факта – изменения структуры научного мышления.

Таким образом, современная наука не только накапливает знания о мире, но и трансформирует структуру научного мышления, что В. Гейзенберг квалифицировал как истинно революционные преобразования в науке [Гейзенберг 1987 – эл. ресурс]. В частности, достижения квантовой физики сегодня привели к изменению структуры научного мышления, к пониманию того, что не все познаваемо в принципе: не только познающий субъект иногда не достигает понимания некоторого природного явления, но и сама Природа может «не знать», то есть в природе, возможно, существуют явления, закономерности которых в принципе не познаваемы [см. об этом в Мамчур, 2004, с. 5]. Таким образом, именно в недрах «точной» науки – квантовой физики – зародилась идея о том, что не все в Природе системно и закономерно, наблюдаются отдельные процессы, которые до сих пор не поддаются систематизации, а следовательно, не представляется возможным выявить их закономерность. Подобный факт наводит учёных на мысль о том, что не только Субъект, познающий и наблюдающий, но и сама Природа не всё о себе знает, то есть, по всей вероятности, не всё подвергается неким закономерным процессам. Чтобы осмыслить подобные процессы, по крайней мере первоначально, о них возможно размышлять в рамках гуманитарного мышления, а также с помощью эвристических методов познания. Этот факт не может не повлиять на подходы человека к Природе, её познанию и к самому себе. Сегодня роль гуманитарного знания, гуманитарного способа мышления становится все более значимой для процесса научного познания. Этому способствует ряд причин.

Первая причина связана с *ролью языка* в процессах мышления и научной рефлексии. Как отмечает В. Гейзенберг, несмотря на традиционное мнение о том, что язык для точных наук играет подчиненную роль, он всё же часто становится очень важным фактором: «Когда же экспериментальные открытия новейшей физики и их успешный теоретический анализ в теории относительности и квантовой механике привели в последние десятилетия к пересмотру оснований физики, отношение к проблеме языка принципиально изменилось» [Гейзенберг – эл. ресурс]. Изменение это в частности связано с необходимостью вести дискуссии на научные темы, в ходе которых ученый-физик должен *размышлять* о вновь открытых фактах и закономерностях. Часто же эти размышления становятся невозможными без размышлений над самим языком. «Размышление это можно начать с простых констатаций, и *гуманитарные науки помогут нам в этом больше, чем естественные*» (выделено нами – Р. Г.; см. там же). В ходе подобных размышлений оттачиваются понятия, стоящие за некоторыми словами, расширяется их сигнификат, такие слова становятся более емкими и значимыми для языка, а следовательно, развивается и обогащается сам язык. Процесс этот обоюдный: поступательное движение научной мысли развивает язык, а потенциальные возможности языка развивают понятийный аппарат науки. Павел Флоренский писал об этом: «Научная речь – выкованное из повседневного языка орудие, при помощи которого овладеваем мы предметом познания. ... Слово, ходячее и неопределенное, выковать в удачный термин – это и значит решить поставленную проблему» [Флоренский, 1991, с. 563].

Однако следующая причина, так или иначе связанная с ролью гуманитарного мышления в современном научном познании, это наличие двух способов мышления над объектом – *интерпретация vs констатация*. И в самом деле, что есть сегодня наука? Искусство интерпретации или поиски единственной в своем роде истины об объекте? Конечно же, в первую очередь это зависит от характера самой науки: точные науки более ориентированы на констатацию неких особенностей и

закономерностей, связанных с познаваемым объектом, исследовательская цель в точных науках – это, прежде всего, некоторое конечное знание об объекте. А гуманитарные науки, по всей вероятности, более ориентированы на интерпретацию наблюдаемого явления, которое не всегда рассматривается как конечное знание. Многие явления, наблюдаемые в рамках гуманитарных наук, многомерны, потенциально изменчивы, допускают рассмотрение с различных ракурсов, различные интерпретации. Первый тип научного размышления характеризуется большей жесткостью, второй тип – большей гибкостью. Кроме того, в современном общественном сознании и в современной науке как в составной части культуры сегодня все более укореняется отказ от веры в существование «единственной и непоколебимой Истины», наблюдается некий крен в сторону восприятия мира в его изменчивости, многомерности и множественности. Принято утверждать, что «истины больше не существует не только в мире политики или в мире морали: ее не существует и в научном познании, что с открытием множества культур люди поняли, что истина не одна, их много» [Мамчур, 2004, с. 7]. Это проблема неоднозначная и дискутируемая. Оставаясь в стороне от подобных дискуссий, скажем, тем не менее, что современная жизнь с её толерантностью к множественности мнений и идей диктует более гибкие подходы в том числе и к научному познанию. Следовательно, гуманитарный способ мышления, исследовательские методы, основанные на интерпретации изучаемого объекта, сегодня становятся все более востребованными. Для решения сложнейших научных проблем всё чаще требуются нестандартные решения, к которым можно прийти не через «жесткие» знания формального понятийного аппарата, а через гибкие извивы гуманитарного знания.

Возможно, еще одной причиной востребованности более гибкого по природе гуманитарного способа мышления является *экспансионизм* современной науки, прежде всего, взаимовлияние наук, междисциплинарные связи и возникновение «гибридных» научных дисциплин. Не только множественность культур приводит сегодня к пониманию многообразия и вариативности жизненных проявлений, к отказу от идеи одной-единственной истины, но и наличие большого числа смежных научных дисциплин, исследующих один и тот же объект, имеющих схожие (но не идентичные!) исследовательские задачи, приводит к пониманию, что восприятие изучаемого объекта во многом зависит от того, в какой «системе координат» его исследовать, как его интерпретировать.

Методологическим основанием самих гуманитарных наук сегодня является *функционализм*, который выдвигает на первый план системный подход к исследованию таких сложно организованных объектов, как язык, общество, культура. «Такой подход позволяет исследовать языковые, культурные, социальные и психологические феномены на междисциплинарном уровне, снимая искусственные барьеры между различными дисциплинами гуманитарного круга» [Энциклопедия эпистемологии и философии науки – эл. ресурс]. Для того чтобы выявить взаимосогласованные функции внутри исследуемого объекта, описать этот объект как некую целостность и дать объяснение определенным процессам, приводящим к этой целостности, необходимо постоянно развивать и оттачивать междисциплинарный понятийный аппарат. Этот факт, безусловно, все более углубляет и обогащает способы гуманитарного мышления, расширяет понятийную и логическую основу гуманитарного знания, что в свою очередь, делает гуманитарное мышление более востребованным при решении других – негуманитарных – научных задач.

С функционализмом тесно связана другая парадигмальная черта современных гуманитарных наук, в частности лингвистики – *экспланаторность*, что предполагает усиление объяснительной составляющей исследования. Гуманитарные исследования все более стремятся не только описывать наблюдаемый объект, но и да-

вать объяснение тем или иным его качествам и характеристикам. Так, лингвистика за последние десятилетия существенно изменила свои методологические подходы к исследованию языка, перешла от преимущественно статических методов анализа к динамическим. Сегодня лингвистика стремится отвечать не только на вопрос **Что?**, но и на вопросы **Как?**, **Почему?** и **Зачем?** [см. об этом в Николаева, 2000, с. 17]. Сегодня лингвистика решает свои научные задачи преимущественно в рамках динамического и системно-операционального подходов, что иногда в методологическом плане несколько сближает её с негуманитарными науками. Однако в данном случае не приходится говорить об одностороннем влиянии методологии точных наук. Безусловно, в отдельных случаях методологические принципы «гуманитарной» лингвистики могут оказаться полезными и для негуманитарных исследований.

Подводя итог нашим рассуждениям, думается, мы можем утверждать, что в современных научных исследованиях гуманитарный способ мышления оказывается все более востребованным. Несомненно, что современное гуманитарное знание в целом стало не только более обширным, но также более глубоким и структурированным. Представляется, что именно факт большей структурированности и систематизированности современного гуманитарного знания способствует его большей задействованности в общем контексте научного мышления. Данный факт сам по себе повышает значимость гуманитарной составляющей в сфере университетского образования, которое, думается, призвано обеспечивать не только практические знания, умения и навыки в сфере той или иной специальности, но также призвано вооружить студента умением выбирать правильную стратегию мышления при решении той или иной узкоспециальной научной задачи. А составляющими стратегии мышления должны быть в том числе и те формы мышления, которые более характерны для гуманитарного знания.

Список литературы

1. Гейзенберг, В. Шаги за горизонт / В. Гейзенберг. – М., 1987.
2. Мамчур, Е. А. Объективность науки и релятивизм: (К дискуссиям в современной эпистемологии) / Е. А. Мамчур. – М. : ИФ РАН, 2004.
3. Николаева, Т. М. От звука к тексту / Т. М. Николаева. – М. : Языки русской культуры, 2000.
4. Флоренский, П. А. Термин / П. А. Флоренский // Мир философии. – М. : Изд-во полит. лит-ры, 1991. – Ч. 1. – С. 480–483.
5. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – URL: http://epistemology_of_science.academic.ru

З. З. Зинеева

(г. Черкесск, Россия)

С. В. Телень

(г. Мозырь, Беларусь)

О ЯЗЫКЕ ИСТОРИИ: СМЫСЛОВЫЕ АКЦЕНТЫ В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (БЕЛОРУССКИЙ ОПЫТ)

Одним из важнейших средств сохранения у подрастающего поколения памяти о славных подвигах дедов и прадедов является соответствующим образом организованная система образования. В Российской Федерации для этого предпринимаются значительные усилия, особенно что касается сохранения в памяти потомков событий и уроков Великой Отечественной войны. В сложившихся исторических условиях это направление работы представляется особенно важным, так как в некоторых странах, в том числе из числа бывших республик СССР, ныне независимых

государствах, зачастую наблюдаются попытки обелить фашизм и, соответственно, очернить подвиг советских людей. Причём делается это на государственном уровне, через систему образования. Как показывает здесь опыт, для искажения картины прошлого не всегда требуется грубая подтасовка фактов – иногда достаточно нехитрой комбинации эвфемизмов и, соответственно, дисфемизмов, чтобы текст, например учебника по истории, воспринимался «как надо».

Тем более поучительным видится опыт современной Белоруссии. Здесь с 2004/2005 уч. г. во всех высших учебных заведениях и на всех специальностях введён обязательный спецкурс «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)» в объёме (для дневной формы обучения) – от 10 до 34 ч аудиторных занятий. Причём для обеспечения спецкурса уже в 2004 г. издательством Белорусского государственного университета было выпущено хорошо иллюстрированное, снабженное картами и документами пособие, в подготовке которого участвовали ведущие специалисты республики [1]. Уже первый тираж составил 8 тыс. экземпляров и разошёлся в том числе на подарки ветеранам к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне.

В том же 2004 г. вышел вариант данного пособия, предназначавшийся для учащихся общеобразовательных школ [2]. Интересно, что в средних специальных учебных заведениях Белоруссии преподавание спецкурса началось, согласно приказу (от 06.05.2010 г.) заместителя республиканского министра образования лишь с 2010/2011 уч. г. Причём здесь оговаривался довольно большой объём курса – 18 ч аудиторных занятий [8]. А для обеспечения курса предлагалось использовать в учебном процессе уже целого списка к тому времени изданных пособий [2, 3, 4]. Тем не менее, с 2014/2015 уч. год в белорусских вузах преподавание истории Великой Отечественной войны сократилось до 10 ч аудиторных занятий, а в общеобразовательных школах и других учебных заведениях, обеспечивающих среднее образование – до 14 ч [14].

Сдует отметить, история Великой Отечественной войны нашла отражение и в многочисленных учебниках и учебных пособиях по истории Белоруссии и всеобщей истории (в рамках последней, в качестве зарубежной, в Белоруссии изучается история России–СССР–РФ), непрерывно издающихся в республике, причём будучи подготовленными различными авторами и авторскими коллективами.

Если говорить об учебной литературе по истории Великой Отечественной войны, предназначенной для средних учебных заведений республики, то здесь ситуация неплохо рассмотрена современным белорусским исследователем А. Д. Гронским. Изучив содержание школьных программ и учебной литературы, используемых в ходе преподавания истории в белорусских школах, автор приходит к заключению: «Зачастую школьники воспринимают Великую Отечественную, которая подаётся в учебниках по истории Белоруссии, и Великую Отечественную из учебников по всемирной истории как две разные войны», потому что, «изучая Союз ССР в курсе всемирной истории, школьник волей-неволей приходит к убеждению, что Белоруссия в его составе была формально, а сам СССР воспринимается как что-то похожее на СНГ, где существует формальное единство, а в реальности все страны-участницы ведут свою политику без оглядки на других членов Содружества» [5]. Причиной данной ситуации автор считает специфическую расстановку акцентов в белорусских школьных учебниках, имеющую здесь быть «национализацию» истории Великой Отечественной войны. А. Д. Гронский пишет: «Так что же такое Великая Отечественная война для обычного молодого белоруса? Если говорить упрощённо, то это война белорусского народа против гитлеровской Германии за свою, белорусскую, свободу, независимость и суверенитет. Во всяком случае, именно такое впечатление складывается при знакомстве с тем багажом знаний, который есть у подавляющего большинства молодых людей. Национализация Великой Отечественной

войны приводит к тому, что советское начинает восприниматься как синоним белорусского» [6]. А. Д. Гронский, исходя из анализа содержания школьных учебников, их языка, замечает: «Символ самого раннего мужества советских войск, Брестская крепость, в представлении белорусской молодёжи превращается в символ героизма белорусского народа... По мнению белорусских школьников и студентов, защитники Брестской крепости отчаянно сражались за независимость и суверенитет Белоруссии, а до остальных частей Советского Союза защитникам дела как бы и не было» [6].

Стоит задаться вопросом, насколько ситуация в высших учебных заведениях Белоруссии отличается от сложившейся в общеобразовательной школе. В высших учебных заведениях республики на всех специальностях изучаются два обязательных курса, в которых студенты знакомятся с историей Великой Отечественной войны – это уже упомянутый спецкурс «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)» и существенно более объёмный (не менее 18 часов аудиторных занятий на дневной форме обучения) курс – «История Белоруссии». Причём последний преподается по очень разным учебникам и пособиям, но при этом чаще всего используются два учебника – печально известные националистическими подходами авторов «Нарысы гісторыі Беларусі» в 2-х частях (2-й том, охватывающий в том числе период Великой Отечественной войны издавался в 1995 г. и вышел под редакцией М. П. Кастюка) [11] и существенно более взвешенное учебное издание – «Гісторыя Беларусі», также в 2-х частях, вышедших под редакцией Е. К. Новика и Г. С. Марцуля [7]. Первое из названных изданий, вышедшее небывалым для Белоруссии тиражом в 40 тыс. экземпляров, содержит и критику «пакта Молотова – Риббентропа» («дополнительный секретный протокол к нему о сферах влияния предусматривал ликвидацию польской державы и раздел её территории» [11, с. 253]), и фактическое оправдание коллаборационистов из белорусских националистов («советский военно-исторический словарь объясняет коллаборацию как измену своей родине и переход на путь сотрудничества с врагами. Нельзя считать такое определение точным, оно однобокое. Коллаборация – явление более широкое» [11, с. 300]), и осуждение советского командования за разоружение «аковцев», отметившихся, кстати, зверствами в отношении белорусского населения («во время наступления Красной Армии летом 1944 г. некоторые отряды Армии Крайовой приняли участие в операции по освобождению Вильно. После изгнания гитлеровцев с территории Западной Белоруссии часть отрядов Армии Крайовой была разоружена» советским командованием – З. З. [11, с. 309]). И тем не менее, осуждая советское командование, открещиваясь от «преступлений сталинизма», авторы в части выводов, которые должны остаться в сознании белорусских студентов пишут: «Кровавая, ужасная война, которая больше трёх лет шла на территории Белоруссии, ярко свидетельствовала о неуклонном желании белорусского народа отстоять свое Отечество (в оригинале – «Бацькаўшчына» – слово, которым в белорусском языке обозначают только Белоруссию – З.З., С.Т.), его независимость. *Это было намерением и других народов Советского Союза*» (выделено нами – З. З.) [11, с. 323]. Налицо вышеозначенный А. Д. Гронским подход, до сих пор присутствующий в белорусских школьных учебниках по истории.

Очевидно, что «Нарысы» отражают общественно-политические настроения в верхах белорусского общества на период становления «незалежной дзяржавы». Логично ожидать, что к настоящему времени ситуация должна была измениться. Как мы уже сказали, основным учебником по отечественной истории сейчас является учебник, вышедший под редакцией Е. К. Новика и Г. С. Марцуля (первое издание – 2003 г.). Действительно, весьма пространный раздел, посвящённый Великой Отечественной войне, имеет здесь существенно иной вид. О советско-германском договоре здесь говорится как о «вынужденном шаге», сделав который СССР «избежал войны на два фронта, нанёс решительный удар по планам создания единого антисо-

ветского фронта» [7, с. 220]. Достаточно объективно говорится здесь о белорусских коллаборационистах, хотя делается экивок на то, что некоторые из таковых «были вынуждены пойти на службу к оккупантам и таким образом лишены иного выбора», будучи к этому принуждены «методами насилия и запугивания» [7, с. 244]. Правда о коллаборационистах из числа небелорусов – т.е. о бандеровцах, бульбовцах, власовцах – говорится куда более определённо негативно [7, с. 260–265]. А действия польских «аковцев» вообще определяются как «бандитизм» [7, с. 259]. При этом стремления «национализировать» Великую Отечественную войну, превратив её в войну собственно белорусов за независимость своего национального государства, здесь, в учебнике Е. К. Новика и Г. С. Марцуля, мы в сколько-нибудь явном виде не обнаружим, что, конечно, можно считать позитивным моментом.

Довольно объективным, на наш взгляд, выглядит вышеупомянутое «вузовское» пособие «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)». Например, пакт Молотова–Риббентропа здесь оценивается следующим образом: «Германо-советский договор стал важным дипломатическим и политическим актом, завершившим этап предвоенного кризиса. Причём этот пакт является результатом кризиса, а не его причиной. С точки зрения политической практики и морали того времени он не представлял собой ничего экстраординарного, особенно если сравнивать его с Мюнхенским соглашением» [1, с. 28–29]. Достаточно объективно, хотя и осторожно оценивается белорусская коллаборация: «До конца марта 1944 г. были насильственно мобилизованы около 25 тыс. человек, которые позднее участвовали в хозяйственных работах, охране сооружений и складов, а также в борьбе против партизан» [1, с. 126]. А по поводу Армии Крайовой здесь пишется: «Террористическая деятельность аковцев вынудила советские органы власти и государственной безопасности принимать меры по предупреждению бандитских акций» [1, с. 154]. Однако в заключительной части книги присутствует намёк на то, что у белорусов в Великой Отечественной войне могли быть особые цели, отдельные от целей всего советского народа: «Наши деды и отцы победили не только ради своей страны, ради Беларуси, но и ради всего мира» [1, с. 243].

Из всех белорусских вузовских учебников наиболее объективный и отвечающий задачам патриотического воспитания молодёжи рассказ о Великой Отечественной войне содержит пособие «История Беларуси», вышедшее в двух частях в 2005 г., причём 2-я часть, издававшаяся лишь однажды, содержит большую главу, посвящённую Великой Отечественной войне. Автором этой главы является известный белорусский учёный Я. И. Трещенок, последовательный противник националистического подхода в белорусской исторической науке. Характерно его отношение к партизанскому движению и коллаборации: «В последние годы в определённых кругах наблюдается стремление принизить и исказить историю партизанского движения в Беларуси... Всё это циничная ложь, исходящая от предателей белорусского народа – коллаборационистов и их идейных наследников» [9, с. 232]. Интересны рассуждения Я. И. Трещенка о характере межнациональных отношений в годы Великой Отечественной войны: «Россия никогда не была типичной колониальной империей. Нерусские народы общались здесь не только с колониальной администрацией, но и с самим русским народом, традиционно уживчивым и доброжелательным по отношению к инородцам... В советское время скорее ущемлялся великорусский центр. Для национальных окраин создавалось привилегированное положение» [9, с. 252]. Стоит заметить, что учебник Я. И. Трещенка и его соавторов (группа гл. обр. мгилевских историков) популярностью среди белорусских преподавателей высших учебных заведений не пользуется. Думается, в целом понятно, почему.

Осмыслению Великой Отечественной войны как значимого события белорусской истории некоторое место отводится и в учебниках и учебных пособиях

(всего их вышло в республике уже около десятка) по введённой с 2003 г. во всех белорусских вузах дисциплине «Основы идеологии белорусского государства» (от 16 до 24 ч аудиторных занятий). Наиболее популярными на сегодняшний день являются три таких учебных издания [10, 12, 13]. Во всех трёх книгах многословно говорится о славянском единстве, освещаются другие вопросы философско-антропологического плана, но есть отсылки и к поворотным моментам белорусской истории, особенно – о периоде средних веков, когда якобы сложился белорусский этнос и даже возникла белорусская государственность (!) и затем практически сразу – о периоде, начинающемся с 1991 г., т.е. с распада СССР. Из трёх указанных книг, лишь в двух пособиях в качестве значимого события упоминается Великая Отечественная война. В «Основах идеологии белорусского государства: История и теория» говорится буквально следующее: «*Независимость* (! – 3. 3., С. Т.) Советской Белоруссии была героически защищена в ходе самоотверженной борьбы белорусского народа против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Мы сегодня по праву гордимся тем, что наш народ был одним из спасителей человечества от коричневой чумы – идеологии фашизма, помним о том, что за победу в войне он заплатил миллионами жизней своих представителей» [13, с. 174]. Зато в другом пособии говорится: «Великая Отечественная война стала главным событием во всей истории белорусского народа» [10, с. 201]. Но при этом здесь же имеется такая оценка белорусской истории новейшего времени: «Практически *весь XX в.* белорусы были заняты... *строительством национального государства*» (выделено нами – 3. 3.) [10, с. 208]. То есть учебники и пособия по идеологии белорусского государства, написанные, кстати, в большинстве случаев не историками, а философами, политологами и социологами, имеют ещё более выраженные, чем учебники по истории, признаки того самого «белорусоморфизма» в подаче истории Великой Отечественной войны, о котором пишет А. Д. Гронский. Отсюда возникает закономерный вывод о том, что одного факта введения такого спецкурса, как «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)», оказывается недостаточно, чтобы обеспечить соответствующий образовательный и воспитательный результат. Соответственно, если ставить вопрос о применении белорусского опыта к системе российского образования, то очевидно, что заимствование удачной идеи специального курса о Великой Отечественной войне должно быть сопряжено с созданием условий для недопущения превратного толкования значения этой войны в истории *всего* советского народа. Очевидно, что достижимость этого результата обусловлена не только правильным отбором и систематизацией твёрдо установленных исторических фактов, но и решением вопроса об адекватном языковом выражении, о языке истории.

Список литературы

1. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны) : учеб. пособие для студентов учреждений, обеспечивающих получение высшего образования / А. А. Коваленя [и др.] ; под ред. А. А. Ковалени, Н. С. Сташкевича. – Минск : Изд. центр БГУ, 2004.
2. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны) : учеб. пособие для 11 класса учреждений, обеспечивающих получение общего среднего образования / А. А. Коваленя, М. А. Краснова, В. И. Лемешонок [и др.] ; под ред. А. А. Ковалени, Н. С. Сташкевича. – Минск, 2004.
3. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны): справочник : пособие для 11 класса учреждений, обеспечивающих получение общего среднего образования / А. А. Коваленя, М. А. Краснова, В. И. Лемешонок [и др.] ; под ред. А. А. Ковалени. – Минск, 2007.
4. Коваленя, А. А. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны): рабочая тетрадь : пособие для 11 класса общеобразовательных учреждений, обеспечивающих получение общего среднего образования / А. А. Коваленя, М. А. Краснова, Н. Н. Ганущенко. – Минск, 2010.
5. Гронский, А. Д. Об особенностях современной белорусской историографии Великой Отечественной войны / А. Д. Гронский. – URL: <http://zapadrus.su/zaprus/istbl/388-2011-07-12-14-26-49.html>

6. Гронский, А. Д. Образ Великой Отечественной войны в сознании белорусской молодёжи / А. Д. Гронский. – URL: <http://www.odigitria.by/2014/05/23/obraz-velikoj-otechestvennoj-vojny-v-soznanii-belorusskoj-molodyozhi-aleksandr-gronskij/>
7. Гісторыя Беларусі: падручнік : у 2 ч. / Люты 1917 г. – 2004 г. / Я. К. Новік [і інш.]. – 2-е выд. – Мінск : Выш. шк., 2006. – Ч. 2/
8. Инструктивно-методическое письмо от 60.05.2010г. №04-03-07/П-243/4 «О преподавании курса «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)» в учреждениях ПТО и ССО». – URL: http://ripo.unibel.by/oso/rmo_obespech_history.shtml
9. История Беларуси : учеб. пособие для студентов учреждений, обеспечивающих получение высш. образования : в 2 ч. / Я. И Трещенок [и др.]. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2005. – Ч. 2.
10. Мельник, В. А. Основы идеологии белорусского государства : учеб. пособие / В. А. Мельник. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Выш. шк., 2011. – 343 с.
11. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 ч. / М. П. Касцюк [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 1995. – Ч. 2
12. Основы идеологии белорусского государства : учеб. для вузов / под. ред. С. Н. Князева, С. В. Решетникова. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2004.
13. Основы идеологии белорусского государства: История и теория : учеб. пособие для студентов учреждений, обеспечивающих получение высшего образования / С. Н. Князев [и др.] ; под общ. ред. С. Н. Князева, В. И. Чушева. – Минск : ИВЦ Минфина, 2005.
14. Рекомендации по изучению учебного предмета (учебной дисциплины) «Всемирная история. История Беларуси» в 2014/2015 учебном году. – URL: http://ripo.unibel.by/oso/rmo_obespech_history.shtml

А. А. Илюнина
(г. Пенза, Россия)

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОВРЕМЕННОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Русский язык имеет ряд особенностей, которые отличают процесс изучения его в качестве родного языка с младенчества на неосознанном, стихийном уровне, от процесса изучения русского иностранцами в более взрослом возрасте. Иностраный язык, по сути дела, не даёт обучаемому студенту каких-либо знаний о непосредственной действительности, как это наблюдается в случае с историей или математикой. Многие лингвисты утверждают: 1) что изучение иностранного языка – это средство для овладения другими, «предметными» видами дисциплин; 2) что главная цель изучения – применить иностранный язык к конкретно поставленной задаче в последующей профессиональной деятельности.

Традицией российской методики обучения РКИ является система аспектного обучения. Стилистика выделяется из общего предмета наряду с разговорной практикой, грамматикой, фонетикой и т.д.

Стиль как совокупность приёмов для выражения мысли несёт информацию:

- 1) об отношении субъекта речи к адресату;
- 2) о социальном статусе говорящего;
- 3) о его социальной роли в ситуации общения;
- 4) об эмоциональном состоянии говорящего;
- 5) о его отношении к предмету речи.

Задача преподавателя – дать учащемуся представление о наборе социально значимых синонимичных вариантов и вооружить его умением пользоваться вариантами понятийного содержания в конкретных условиях общения.

Изменившаяся политическая обстановка в России привела к смене стилей общения. Вместо формально-административного стиля сегодня в России преобладает раскованный нейтрально-фамильярный, а в речи чаще других используются средства разговорного стиля. В русском языке появилось много и новых заимствованных слов, отражающих экономические реалии (*бизнес, маркетинг, менеджмент,*

инвестиции и т.д.) и новых просторечных образований от иностранных корней (*отксерить*). Кроме того, активизировалось использование просторечной и жаргонной лексики в средствах массовой информации [Лысакова, 2005, с. 12]. Эти процессы уже начали находить отражения в учебниках РКИ, но вопрос о том, в какой мере они должны быть отражены в них, остаётся актуальным.

Новая ситуация в России повлияла и на содержание учебных материалов, и на методику обучения РКИ. Сегодня наблюдается более широкий обмен опытом преподавания неродных языков с коллегами из стран Европы и США. Это обогащает методику, потому что в западных странах коммуникация на нескольких языках давно стала нормой повседневной жизни. Однако, роль стилистики в процессе обучения языку ещё недостаточно учитывается отечественными методистами.

Учебники по РКИ, изданные в России, редко включают стилистический компонент в материал уроков. А в зарубежных учебниках есть не только речевые варианты с пометками *формальное, неформальное*, но и варианты с пометками *женское* (так скажут женщины), *мужское* (так скажут мужчины). У таких моделей учебников есть большое будущее.

Необходимость обучения новой стилистике речевого общения по-русски диктует необходимость создания нового комплекса учебных пособий по стилистике. Прежде всего учебные пособия по стилистике должны быть ориентированы не только на филологов, и не только на продвинутый этап владения языком. Культура речевого общения должна закладываться с первого неродного слова и с первой фразы. Квалифицированный преподаватель даст интонационные и произносительные варианты, простейшие словообразовательные модели, параллельные синтаксические варианты простого предложения.

Целесообразно создавать учебное пособие по стилистике параллельно с учебным пособием по развитию речи, чтобы стилистическая информация вводилась по грамматическим уровням на основе тематической структуры курса «Развитие речи». Многомерность речевого процесса подразумевает и многообразие специальных, профессиональных языков общения со своими лексическими и грамматическими особенностями. Сегодня очень актуальны «Бизнес-русский», «Разговорный русский», «Язык прессы».

Стилистический уровень обучения основан на введении в практику перевода и направлен на то, чтобы заложить лингвистическую базу, необходимую для приобретения и дальнейшего формирования переводческих навыков и умений, необходимых для адекватного перевода текстов на родной язык в соответствии с языковыми и стилистическими нормами русского языка. Курс перевода опирается на функциональный подход к деятельности переводчика, когда ни одно явление в языке не может быть понято без учёта системы, к которой он принадлежит. Занятия по переводу предполагают обобщение и систематизацию грамматического материала, сопоставление грамматических систем изучаемого иностранного и родного языка.

Стилистический аспект в практике преподавания РКИ не только формирует коммуникативную и языковую компетенцию учащихся, но и раскрепощает их психику, потому что осознанный выбор уместного речевого варианта в определённой ситуации способствует снятию психологического барьера в общении. Стилистика, по сути, является грамматикой общения и потому необходима в преподавании иностранного языка.

Список литературы

1. Солганик, Г. Я. Стилистика современного русского языка и культура речи / Г. Я. Солганик, Т. С. Дроняева. – М., 2002.
2. Лысакова, И. П. Язык газеты и типология прессы. Социологическое исследование / И. П. Лысакова. – СПб., 2005.

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ У УЧАЩИХСЯ НАВЫКОВ АНАЛИЗА
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ «ПИСЕМ О ДОБРОМ И ПРЕКРАСНОМ»
Д. С. ЛИХАЧЁВА)**

Обучение русскому языку в школе направлено на развитие у учащихся навыка владения языком. Под этим подразумевается не только усвоение школьниками всех языковых уровней, но и умение ими пользоваться практически в целях коммуникации. Поэтому особое внимание уделяется развитию выразительности речи учащихся, которая складывается из умения точно, понятно и лаконично передавать информацию, умения выражать собственные мысли, а также из способности составлять текст так, чтобы на читателя оказывалось эмоциональное, эстетическое воздействие через создание ярких образов.

Одним из способов совершенствования выразительности речи является работа с изобразительно-выразительными средствами языка, в процессе которой учащийся должен научиться давать оценку выразительности речевому высказыванию и находить в нём те средства, которые способствуют наиболее точной, яркой, образной передаче автором мыслей и чувств. Данная работа должна вестись непрерывно на протяжении всего обучения на уроках русского языка, развития речи, а также при подготовке к Основному и к Единому государственным экзаменам по русскому языку. В материалах ЕГЭ знание изобразительных средств проверяется в задании 24 (соотнесение изобразительно-выразительного средства с характеризующим его термином), а также при написании творческой работы в задании 25, оценивающей речевые умения учащихся в целом.

Анализ типичных ошибок участников ЕГЭ 2015 г. по русскому языку, проведённый Федеральным институтом педагогических измерений, показал, что задание 24 – одно из самых сложных: экзаменуемые, не набравшие минимального балла, выполняют его в среднем на 10 %, с удовлетворительным уровнем подготовки – на 40 %, с хорошим уровнем подготовки – на 71 %, с отличной подготовкой – на 90 %. Лучше других средств выразительности в тексте опознаются функции вопросительных предложений, рядов однородных членов, эпитетов, парцелированных конструкций. Особенно много ошибочных ответов было в тех случаях, когда в тексте-рецензии анализировались функции диалога, синтаксического параллелизма, иронии, цитирования в исходном публицистическом тексте. У экзаменуемых с удовлетворительной подготовкой трудности возникали при выборе соответствующих терминов, называющих перенос признаков с одного субъекта на другой (метафора, олицетворение) [Цыбулько, Бузина, Васильевых, Гостева, Иванов 2015, с. 20-21]. Результаты данного анализа ещё раз доказывают необходимость совершенствования у учащихся навыков восприятия и оценивания изобразительного аспекта речевого высказывания.

Для реализации данной цели считаем необходимым использовать в школьной практике упражнения и задания разных видов. При этом, на наш взгляд, в качестве языкового материала может служить работа Д. С. Лихачёва «Письма о добром и прекрасном», поскольку она не только насыщена средствами языковой выразительности, но и имеет крайне важный нравственный и эстетический аспект – воспитание достойного подрастающего поколения.

В методике существуют следующие виды упражнений и заданий, направленных на совершенствование у школьников навыков анализа изобразительно-выразительных средств языка [Саврасова, с. 36–43].

- а) опознавательные:
- Какие средства языковой выразительности используются в данном тексте?
 - Выпишите из текста метафору (эпитет, оксюморон, олицетворение и т.п.);
 - Составьте таблицу «Тропы», включив в неё примеры из «Писем о добром и прекрасном» Д. С. Лихачёва;
 - Какой стилистический приём использует автор в словосочетаниях «слепых к красоте», «глухих к слову и настоящей музыке», «черствых к добру», «беспмятных к прошлому»?
 - Найдите в тексте фонетические средства художественной изобразительности;
 - Определите, какими способами выражено сравнение (противопоставление и т.п.);
 - Соотнесите лингвистический термин и средство художественной изобразительности);
- б) классификационные:
- Укажите языковые средства, которые: а) подчёркивают логику рассуждения; б) передают эмоциональность речи;
 - Сопоставьте два фрагмента из «Писем...» Д. С. Лихачёва: какие изобразительно-выразительные средства помогают автору ярче раскрыть содержание?
- в) аналитические:
- Какую фигуру речи неоднократно использует Д. С. Лихачёв, чтобы обратить внимание на ключевые моменты своего рассуждения?
 - Какую роль во втором абзаце текста играют однородные члены предложения?
 - Какие виды сложного предложения использует Д. С. Лихачёв? Каким образом они помогают автору донести до читателя свои мысли?
 - Как тропы помогают прочувствовать рассуждения автора?
 - Можем ли мы назвать такое сочетание однокоренных слов, как «связь всех связей», «глубинных глубинах», стилистическим приёмом? Почему?
- г) комплексные:
- Прочитайте отрывок из письма «Об искусстве слова и филологии» Д. С. Лихачёва. Обратите внимание на повторяющееся личное местоимение «она». Почему автор не стал прибегать к синонимии? Попробуйте переделать текст так, чтобы устранить повтор данного местоимения. Какое синтаксическое средство изобразительности будет использовано вами в данном случае?
 - Как называется стилистическая фигура, при которой происходит повтор смежных синтаксических конструкций, предложений или их частей? С какой целью её использует автор?
 - Выпишите все эпитеты и метафоры. Объясните их роль в создании образности высказывания.

Регулярная работа с художественным текстом и использование разновидных заданий помогает совершенствовать языковое чутьё, умение анализировать, сравнивать, классифицировать, обобщать, логически верно излагать свои мысли, и, как следствие, совершенствовать коммуникативно-речевые умения учащихся.

Список литературы

1. Саврасова, Т. В. Методика изучения изобразительно-выразительных средств художественной речи на уроках русского языка / Т. В. Саврасова. – URL: <http://festival.1september.ru/articles/631853/> (дата обращения: 18.12.2015).
2. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2015 года по русскому языку / И. П. Цыбулько, Е. В. Бузина, И. П. Васильевых, Ю. Н. Гостева, С. Н. Иванов. – М., 2015.

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО ВНЕКЛАССНЫМ ЧТЕНИЕМ ШКОЛЬНИКОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ

Художественная литература обладает неисчерпаемым воспитательным потенциалом, обращение к текстам лучших русских и зарубежных писателей позволяет развивать у школьников такие необходимые в нашей сегодняшней жизни качества, как отзывчивость, бескорыстие, чуткость к окружающим и другие. От того, что и как читают наши дети, зависит их общее развитие, эстетические критерии и вкусы, моральные качества [Пасечник, 1983, с. 99].

Традиционно руководство внеклассным чтением осуществляется на специальных уроках (уроках внеклассного чтения), которые чаще всего следуют за изучением определенного раздела программы или предшествуют анализу больших и сложных по содержанию произведений. Частота их проведения – обычно 2 ч в четверть. Как правило, на этих уроках в виде беседы происходит обсуждение прочитанного дома, главным образом обсуждается то, что вызывает особый интерес, или то, что требует специального разъяснения со стороны учителя. Размышляя о прочитанной всеми интересной книге, ребята получают новые читательские умения, знания, помогающие им ориентироваться в мире книг, определять и укреплять свои личные читательские предпочтения. Урок внеклассного чтения, как правило, больше, чем обычный урок литературы, выполняет воспитательную функцию.

Однако, на наш взгляд, 45 мин (1 урок) для разговора о хорошей книге недостаточно. Нужны другие формы обсуждения, как нам кажется, более растянутые во времени. Это позволит школьнику лучше понять затронутые в произведении проблемы, обменяться мнениями о книге со сверстниками, возможно, изменить своё отношение к тому или иному герою или вопросу. Как отмечают исследователи, следует практиковать такие формы работы над самостоятельно прочитанной школьниками книгой, которые дают им возможность делиться мнениями, создают микроклимат непринужденности и доброжелательности, внимания к точке зрения каждого [Беленькая, Герджей-Капица, Пасечник]. В связи с этим традиционные формы работы могут быть дополнены сегодня, в эпоху компьютерных технологий, другими, более современными. В настоящее время руководство внеклассным чтением может осуществляться с помощью интернет-технологий, а именно в форме обсуждения книги на интернет-форуме. Это позволит подключить к разговору большое количество учащихся разных классов, значительно увеличить время работы над книгой, поможет принять участие в обсуждении тем школьникам, которые в силу психологических особенностей испытывают стеснение при высказывании своего мнения в классе. Кроме того, вопросы, предлагаемые на форуме, могут обсуждаться в семьях учащихся, что также имеет большое воспитательное значение. При этом очень важно правильно выбрать книгу для такой работы. Предварительное анкетирование показало, что учащимся было бы интересно читать о школьной жизни, учителях, взаимоотношениях их ровесников в современной действительности. Однако при этом ни одну такую книгу конкретно они назвать не смогли.

В марте 2015 г. мы впервые апробировали с учащимися 6 и 7 классов обсуждение на форуме персонального сайта учителя (ovkameneva.ucoz.ru) повесть Ю. Вяземского «Шут». Книга рассказывает о сложных взаимоотношениях подростка с окружающим его миром, о жестокости мальчика и показывает путь его нравственного исцеления. Работа проходила с 14 марта по 9 апреля. Было обсуждено 5 вопросов, касающихся содержания текста, характеристики главного героя, авторской позиции в повести. На форум поступило 100 сообщений.

Первоначально такая форма обсуждения привлекла лишь небольшое количество учащихся. В работе над первой книгой участвовали 24 ученика. Кроме того, у некоторых возникли технические сложности с регистрацией на сайте, кто-то стал отвечать на вопросы, высказывая не своё мнение, а копируя материалы, взятые из Интернета, такие сообщения (к счастью, их было очень немного) приходилось удалять, кто-то не успевал ответить на вопрос вовремя и вклинивался уже в новый разговор. Но все эти проблемы оказались решаемыми, и отзывы школьников о новой форме работы над литературным произведением были только положительные.

27 апреля 2015 г. учащимся было предложено на форуме новое произведение – повесть Г. Щербаковой «Дверь в чужую жизнь», которая так же, как и предыдущая, содержит важные жизненные проблемы, воспитывает в читателе порядочность, честность, бескорыстие. Кроме того, в повести описывается зарождающееся первое чувство любви, ведется разговор и о трудных взаимоотношениях взрослых. Работали над этим произведением в основном ученики 7 класса. Разговор получился более коротким. Мы рассмотрели 4 вопроса, на форум поступило 37 сообщений. Для себя мы сделали вывод, что, возможно, содержание данной книги не достаточно заинтересовало школьников, потому произведение нужно выбирать более обдуманно. К тому же использовать такую форму работы нужно реже и не в конце учебного года (мы закончили обсуждение 25 мая).

Учтя все свои ошибки, в этом учебном году, 5 ноября 2015 г., на форуме учителя мы начали обсуждение повести В. К. Железникова «Чучело» (<http://ovkameneva.ucoz.ru/forum/2-9-1>). В нём приняли участие три класса: 6, 7 и 8, всего 39 человек. 24 ноября работа на сайте учителя была завершена. На форум поступило 135 сообщений. Разговор получился очень содержательный, ребята спорили, отстаивали свои точки зрения, эмоционально отзывались о поступках героев, давали им достаточно точную оценку.

Обсуждение книги на форуме включало 9 вопросов. Например, такие: *Почему был так дорог старый дом Николаю Николаевичу?* или *Могла ли классный руководитель Маргарита Ивановна предотвратить конфликт Лены Бессольцевой с классом?* Последний вопрос звучал так: *Чему научила меня эта повесть, над чем заставила задуматься?* При ответе на один из вопросов возникли две точки зрения, тогда учитель попросил ребят аргументировано поддержать одну из сторон. После завершения обсуждения одного вопроса учитель подводил промежуточный итог, отмечал более глубокие или интересные ответы, затем только предлагал новый вопрос. Работа на форуме велась ежедневно. Обсуждение проходило очень активно, школьники с нетерпением ждали новый вопрос учителя, смело, откровенно выражали свои мысли, зачастую подтверждали их цитатами из текста.

В качестве заключительного домашнего задания всем школьникам (и тем, кто принимал участие в обсуждении на форуме, и тем, кто просто самостоятельно прочитал повесть) было предложено написать письмо Лене Бессольцевой от лица одного из её одноклассников или всего класса. Анализ писем показал, что понимание характеров героев повести, её идейного содержания было глубже у тех школьников, которые принимали участие в трехнедельном обсуждении книги на форуме.

В феврале 2016 г., во время десятидневного карантина по гриппу, на сайте учителя была обсуждена еще одна книга – повесть Ю. Кузнецовой «Помощница ангела» (<http://ovkameneva.ucoz.ru/forum/2-10-1>). Совершенствуя методику проведения такой нетрадиционной формы работы с книгой, мы включили в это обсуждение метод «незаконченного предложения», предложили учащимся составить свою классификацию героев, написать продолжение книги, с помощью небольшой анкеты в рамках форума осуществили рефлексию.

Анализ проведенной нами работы подтверждает педагогическую целесообразность использования наряду с традиционными формами организации внеклассного чтения школьников такой инновационной формы, как обсуждение книг на форумах в сети Интернет.

Список литературы

1. Беленькая, Л. И. Внеклассное чтение / Л. И. Беленькая // Библиотека по педагогике: сетевой ресурс. – URL: <http://pedagogic.ru/pedenc/item/f00/s00/e0000357>
2. Герджей-Капица, Н. М. Внеклассное чтение в 5–8 классах / Н. М. Герджей-Капица, М. Н. Салтыкова. – М. : Учпедгиз, 1961. – 217 с.
3. Пасечник, Е. А. Украинская литература в школе / Е. А. Пасечник. – М. : Просвещение, 1983. – 319 с.

Т. Ю. Каргина
(г. Пенза, Россия)

ИЗУЧЕНИЕ ЯВЛЕНИЙ ОМОНИМИИ И МНОГОЗНАЧНОСТИ В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Предметом нашего исследования является изучение явлений многозначности и омонимии в школьном курсе русского языка.

Актуальность работы заключается в том, что у лингвистов нет единого мнения о разграничении данных явлений. Причиной споров стал тот факт, что не всегда легко установить, разошлись ли два значения слова настолько, что их уже можно считать разными словами, т.е. омонимами, или эти значения ещё сохраняют что-то общее, и тогда это случай полисемии. Следует ли отнести к омонимии или к полисемии такие примеры, как *долг (взятое взаймы)* и *долг (обязанность)*, *худой (плохой)*, *худой (тощий)* и *худой (дырявый)*, *судить (рассуждать)* и *судить (разбирать дело в суде)*? Отсутствие единого мнения учёных приводит и к разнобою в толковании. Если сравнить данные «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова и «Словаря русского языка» С. И. Ожегова, мы увидим заметную разницу в квалификации омонимов и многозначных слов. Например, в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова значение слова «ручка» «Уменьш. к рука в 1 знач. Детские ручки. Целовать ручки. Молодая женщина... с красными, детски-пухлявыми губками и нежными ручками. Тургенев» [Ушаков: Электронный ресурс URL: <http://ushakovdictionary.ru>] рассматривается как одно из значений многозначного слова.

В словаре же С. И. Ожегова слово «ручка» в этом же значении является омонимом к слову «ручка» в других значениях:

«РУЧКА¹, -и, ж. 1. Часть предмета, за которую его держат или берутся рукой. Дверная р. Р. чайника, чемодана, пилы. 2. Часть мебели, служащая опорой для рук, подлокотник. Р. кресла. Ручки дивана. 3. Письменная принадлежность – удлиненный держатель для пера, стержня. Автоматическая р. (с резервуаром для чернил, автоматически подающихся к перу). Шариковая р. || прил. ручечный, -ая. -ое.

РУЧКА² см. рука» [Ожегов: Электронный ресурс URL: <http://www.ozhegov.com>].

В действующих программах по русскому языку для 5–9 классов, утвержденных Министерством Образования РФ (под редакцией Н. М. Шанского; В. В. Бабайцевой; М. М. Разумовской), темы «Многозначные слова» и «Омонимы» изучаются в 5 классе, и на их усвоение отводится всего по 1 ч. Нам кажется вполне логичным, что явления многозначности и омонимии изучаются именно в 5 классе, когда у учащихся формируются навыки грамотной речи, анализа текста и велика необходимость в расширении словарного запаса, а также первичном усвоении различных явлений русского языка, чтобы в дальнейшем углублять свои знания.

В программе под редакцией Шанского темы «Многозначные слова» и «Омонимы» включены в раздел «Лексика. Культура речи» [Программы для общеобразоват. школ, гимназий, лицеев: Русский язык, с. 20]. Таким образом, школьники не только усваивают новые слова и их значения и вырабатывают навыки пользования толковым словарем, но и учатся уместному употреблению слов в собственном им значении.

В программе под редакцией Бабайцевой данные темы рассматриваются в разделе «Лексика» [Программы для общеобразоват. школ, гимназий, лицеев: Русский язык, с. 73], где перед учащимися открывается словарное богатство русского языка, они учатся видеть различия между лексическими явлениями, пользоваться словарями, производить лексический разбор слова и обогащают свою речь.

Помещая темы «Многозначные слова» и «Омонимы» в раздел «Лексика. Словообразование. Правописание» [Программы для общеобразоват. школ, гимназий, лицеев: Русский язык, с. 119], авторы-составители программы под редакцией Разумовской делают акцент на взаимосвязи лексического значения слова, его морфемного строения и правописания.

Ядром учебно-методического комплекса, созданного по каждой из действующих программ, является учебник.

В целом, теоретический и практический материал, представленный в каждом из проанализированных нами учебников, представляет собой тот минимум, который ученикам необходимо усвоить при изучении рассматриваемых явлений.

Удачен, с точки зрения современной методики преподавания русского языка, метод наблюдения над языковым материалом, который предлагается учащимся в начале параграфов «Однозначные и многозначные слова» [Русский язык. 5 класс : учеб. для общеобразоват. Учреждений : в 2 ч. Ч. 1 / Т. А. Ладыженская и др., с. 153] и «Омонимы» [Русский язык. 5 класс : учеб. для общеобразоват. Учреждений : в 2 ч. Ч. 1 / Т. А. Ладыженская и др., с. 159] в учебнике под редакцией Н. М. Шанского. Благодаря данному методу школьники самостоятельно формулируют тему и задачи урока и таким образом, лучше усваивают материал.

Отметим также включение в учебники под редакцией Н. М. Шанского и под редакцией В. В. Бабайцевой фрагментов словарных статей, помогающих учащимся убедиться, что многозначные и омонимичные слова различаются не только с точки зрения значения, но и тем, что у полисеманта одна словарная статья, где каждое значение помещено под отдельной цифрой, а омонимы в толковых словарях разъясняются в разных словарных статьях.

Систему заданий в каждом из рассмотренных нами учебников составляет набор упражнений, включающих познавательный материал, работу с иллюстрациями и толковым словарём и способствующих развитию мышления и речи. Живой интерес у пятиклассников вызывают упражнения, в основу которых положены стихотворения, где комический эффект достигается за счёт использования омонимов. Школьники, таким образом, видят изучаемое явление, так сказать, «в деле» и осознают, что незнание может привести к недопониманию. Такие стихотворения, авторами которых являются Я. Козловский, А. Шибяев, А. Барто, есть во всех проанализированных нами учебниках.

Каждый учитель желает разнообразить уроки нестандартными заданиями, привлечь своих учеников к небольшим открытиям, решению творческих задач. Упражнений, предлагаемых учебником, бывает часто недостаточно. В современный век информации возможностей много: стоит только зайти на необходимый сайт (например, на сайт Единой коллекции Цифровых Образовательных Ресурсов [URL: <http://school-collection.edu.ru>]) или раскрыть компетентный журнал, у многих из которых существуют и электронные версии (например, множество методических разработок на сайте журнала «Русский язык» [URL: <http://rus.1september.ru>]). А также

любой учитель на основе методических рекомендаций может разработать собственные упражнения, способствующие успешному усвоению и разграничению явлений многозначности и омонимии.

На наш взгляд, наиболее удачными являются задания творческого характера, в которых ученикам предлагают составить все возможные словосочетания или предложения со словами-омонимами или многозначными словами. Разбираясь в тонкостях лексического значения и включая изучаемые лексемы в синтаксические единицы, учащиеся расширяют активный словарный запас.

Интересны задания, где изучаемые явления предлагают рассмотреть на примере литературных произведений. Вспомним, например, рассказ Н. Сладкова «Овсянка», сюжет которого строится на недопонимании друг друга: Сашка говорит о птице овсянке, а Матвей об овсяной каше.

Стихотворения Я. Козловского [Стихи для детей: Яков Козловский. – URL: <http://a-pesni.org/baby/poesia/kozlovskij.php>], рифма в которых построена на использовании омоформов и омофонов, помогут учащимся успешнее усвоить разновидности омонимов. В учебниках подобных заданий немного, хотя материал достаточно сложный.

Разнообразить уроки по изучению темы «Многозначные слова» помогут загадки, в которых раскрываются разные значения одного слова [Картотека многозначных слов в загадках. – URL: <http://ped-kopilka.ru/>].

Нужно отметить, что в проанализированных нами учебниках нет упражнений на разграничение явлений многозначности и омонимии, хотя этот момент требует предельного внимания. В качестве задания ученикам можно предложить найти и проанализировать слова, совпадающие в написании и произношении в стихотворении С. Кирсанова «Птичий клин»:

*Когда на мартовских полях
Лежала толица белая,
Сидел я с книгой, на полях
Свои заметки делаю,
И в миг, когда моё перо
Касалось граф тетрадных,
Вдруг журавлиное перо
С небес упало радужных.*

На примере данного стихотворения школьники придут к выводу (в этом им поможет «Словарь русского языка» [Ожегов: Словарь русского языка. – URL: <http://www.ozhegov.com>]), что слова, которые пишутся и произносятся одинаково, могут быть как омонимами (*перо – перо*), так и многозначными словами (*на полях – на полях*), выступающими в разных значениях.

Нами были разработаны задания, при выполнении которых пятиклассники демонстрируют знание теории русского языка, иллюстрируют изучаемые явления примерами и учатся применять знания на практике, составляя собственные загадки, стихотворения, сказки.

Подводя итоги, скажем, что при изучении явлений многозначности и омонимии в школьном курсе русского языка у деятельного и методически подкованного учителя множество возможностей для того, чтобы сделать урок продуктивным и интересным.

Список литературы

1. Бабайцева, В. В. Русский язык. Теория. 5–9 классы : учеб. для общеобразовательных учреждений / В. В. Бабайцева, Л. Д. Чеснокова. – М. : Дрофа, 2012. – 320 с.
2. Единая коллекция Цифровых Образовательных Ресурсов. – URL: <http://school-collection.edu.ru> (дата обращения: 01.04.2015).

3. Картотека многозначных слов в загадках. – URL: <http://ped-kopilka.ru/> (дата обращения: 01.04.2015).
4. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – URL: <http://www.ozhegov.com> (дата обращения: 01.04.2015).
5. Программы для общеобразовательных школ, гимназий, лицеев: Русский язык. 5–9 кл. / сост. Л. М. Рыбченкова. – М. : Дрофа, 2002. – 160 с.
6. Русский язык. 5 кл. : учеб. для общеобразоват. учреждений / М. М. Разумовская, С. И. Львова, В. И. Капинос [и др.] ; под ред. М. М. Разумовской, П. А. Леканта. – М. : Дрофа, 2011. – 288 с.
7. Русский язык. 5 класс : учеб. для общеобразоват. учреждений : в 2 ч. / Т. А. Ладыженская, М. Т. Баранов, Л. А. Тростенцова [и др.] ; науч. ред. Н. М. Шанский. – М. : Просвещение, 2012. – Ч. 1. – 192 с.
8. Русский язык. Практика. 5 класс : учеб. для общеобразовательных учреждений / А. Ю. Купалова, А. П. Еремеева, Г. К. Лидман-Орлова [и др.] ; под ред. А. Ю. Купаловой. – М. : Дрофа, 2011. – 272 с.
9. Сайт для учителей «Я иду на урок русского языка». – URL: <http://rus.1september.ru> (дата обращения: 01.04.2015).
10. Козловский, Я. Стихи для детей / Яков Козловский. – URL: <http://a-pesni.org/baby/poesia/kozlovskij.php> (дата обращения: 01.04.2015).
11. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. – URL: <http://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 01.04.2015).

И. А. Кондратьева
(г. Каменка, Россия)

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРАЕВЕДЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА НА УРОКАХ И ВО ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ Г. КАМЕНКИ)

На настоящий момент в соответствии с Постановлением Правительства РФ «О национальной доктрине образования в Российской Федерации» система образования призвана обеспечить:

– историческую преемственность поколений, сохранение, распространение и развитие национальной культуры, воспитание бережного отношения к историческому и культурному наследию народов России;

– воспитание патриотов России, граждан правового, демократического государства, способных к социализации в условиях гражданского общества, уважающих права и свободы личности, обладающих высокой нравственностью и проявляющих национальную и религиозную терпимость, уважительное отношение к языкам, традициям и культуре других народов.

На основании заявленных задач можно утверждать о важности включения в систему современного образования регионального компонента, позволяющего не только успешно их решать, но и делать процесс обучения более увлекательным и, как следствие, эффективным. Ведь у обучающихся возникает больший интерес, когда речь идёт непосредственно о родном крае, событиях, связанных с ним.

Диапазон использования краеведческого материала достаточно широк. Применение регионального компонента на уроках литературы целесообразно тогда, когда произведения едины по жанру и по тематике. Так, при изучении военной лирики можно привлечь творчество каменских поэтов, посвящённое Великой Отечественной войне: З. Н. Солдатовой, В. Ф. Фроловой, Е. Г. Рылякиной, В. П. Щербаковой. Тема Родины, родной природы звучит довольно-таки часто, не исключение составляют и каменские поэты: П. А. Фельдман, Л. И. Синева, А. З. Танцырев, В. П. Щербакова, Е. Г. Рылякина, Р. В. Жилиева, Т. Е. Кондратьева, В. Д. Гришина и другие. В 5–6 классах ребята учатся анализировать лирическое произведение. Дополнительно учитель может предложить ученикам использовать материал каменских поэтов, с тем чтобы дети самостоятельно выбрали понравившееся стихотворение, а также смогли дать более конкретную оценку произведению, привлекая имеющиеся краеведческие сведения.

В старшем звене при ознакомлении учащихся с нерифмованными стихами хорошим материалом для дополнительного исследования может стать творчество М. А. Фельдмана, прекрасно владевшего белым стихом:

*Земля пахнет хлебом, дождём, цветами, землёй.
Земля благоухает жизнью и смертью,
У которой позади целая жизнь.*

Непосредственно курс литературного краеведения включён в учебный план с 5 по 7 класс и базируется на программе под редакцией Л. М. Пальман. Содержание предмета представлено творчеством выдающихся писателей-земляков, а также материалом краеведческого, историко-литературного характера. Учитель и здесь может сделать урок более интересным, насыщенным. Так, например, при изучении фольклора Пензенской области, который представлен преимущественно сказками, дополнительным материалом послужат стихи А. Кондратьевой, Н. Дятлова, Л. Синевой, Н. Давыдовой, С. Дубина, Т. Герасимовой, в которых учащиеся смогут наблюдать и анализировать фольклорные мотивы. Кроме того, достаточно широко представлены жанры сказки, баллады, частушки у Р. Дудукиной, Н. Дятлова, А. Танцырева, В. Осенева, А. Анчуткина.

На итоговом занятии курса, в котором преимущественно изучается историческое и литературное прошлое родного края, учитель может поставить вопрос о том, какова сегодняшняя действительность и как она отражается в творчестве каменных авторов: А. Тарасовой, Н. Дятлова, Е. Рылякиной, Л. Синевой, Л. Сапелкиной, А. Танцырева, Е. Яковлева, А. Кондратьевой. Поэты в своих стихах затрагивают проблемы терроризма, экологических катастроф, стихийных бедствий, представляя таким образом, через лирику, опасности, таящиеся в современном мире.

Вопросы исторического краеведения подробно представлены в трудах П. А. Фельдмана: «Каменка. Памятная книга», «Каменцы в годы Великой Отечественной войны», «Каменка и Каменский район от А до Я. Энциклопедический словарь», «Гордость земли каменной», «Каменка с древнейших времен до середины XIX века», «Пусть вечно город наш стоит! Календарь памятных дат». Используя данный материал, учитель может подготовить уроки: «Выдающиеся земляки», «История Каменки и Каменского района», «Каменцы-герои Великой Отечественной войны», «Каменка литературная», «Знаешь ли ты свой край?», «Заочная экскурсия в прошлое Каменки» (конкурс экскурсоводов).

В реализации регионального компонента образования важное место имеет научно-исследовательская деятельность учащихся. Это стимулирует потребность учеников в самовыражении, помогает накапливать жизненный опыт на основе изучения краеведческого материала. Авторы проектно-исследовательских работ постоянно участвуют в муниципальных, областных, федеральных конкурсах краеведческой направленности. Это областная научно-практическая конференция «Земля родная», «Всероссийский Кикинский форум «Одаренные дети», областная научно-практическая конференция «Старт в науку», «Новоженковские чтения», «Патриотический форум «Дорога к подвигу», «Кирилло-Мефодиевские чтения».

Из года в год в Каменском районе возрастает интерес к исследовательской краеведческой деятельности. Работы известных краеведов являют собой уникальный материал, позволяющий лучше узнать не только исторические реалии родного края, людей, прославивших нашу малую родину, но и помочь воспитать чувство патриотизма у подрастающего поколения, что немаловажно в складывающейся на сегодняшний момент политической обстановке. Углублённое изучение краеведческого материала поможет вкуче понять, насколько важно знать частные историко-литературные краеведческие факты относительно своей малой родины, поскольку они служат основой для формирования мировоззрения каждого человека.

ИЗУЧЕНИЕ ПРОСТОГО ГЛАГОЛЬНОГО СКАЗУЕМОГО В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Изучение синтаксиса в школьном курсе русского языка связано со многими трудностями, поскольку именно этот пласт языка раскрывает всю функциональную многосложность взаимодействия языковых единиц. В ходе изучения синтаксиса нередко затрагиваются вопросы, на которые нет единого мнения и среди лингвистов. Помимо этого, в современных УМК материал, данный по теме, может оказаться недостаточным, что может повредить формированию достойной речевой компетенции учеников.

К одному из таких моментов можно отнести способы выражения простого глагольного сказуемого: ученики, как правило, считают, что простое глагольное сказуемое выражается одним словом – глаголом. В некоторых случаях у них может вызвать затруднение аналитическая форма будущего времени глагола.

В современных УМК (мы проанализировали УМК под редакцией В. В. Бабайцевой, Н. М. Шанского, М. М. Разумовской и П. А. Леканта, Е. В. Бунеевой, С. И. Львовой в современных изданиях) содержится информация о том, что простое глагольное сказуемое выражается спрягаемой формой глагола, в том числе и аналитической формой будущего времени. В УМК В. В. Бабайцевой есть материал о выражении простого глагольного сказуемого фразеологизмом, в котором есть спрягаемая глагольная форма.

Помимо аналитической формы будущего времени глагола, простое глагольное сказуемое может быть выражено:

1) фразеологизмом, в котором присутствует глагол в спрягаемой форме: «Твой отец Лазаря никому не пел. Встал за станок и стоял за ним, пока жил.» (К. Симонов) «Я скорее проглочу язык свой, чем маникирую уважением к святому мужу, тобою столь уважаемому.» (Ф. Достоевский);

2) описательными глагольно-именным сочетанием: «Он вступил в разговор с захожим монахом, ожидавшим, как мы уже говорили, подле кресел Lise его выхода.» (Ф. Достоевский).

В данной ситуации есть несколько приёмов разграничения фразеологизмов и глагольно-именных сочетаний от глаголов с второстепенными членами. Подобное синтаксически неделимое сочетание можно заменить одним словом, которое будет выражать его смысл: «Тысячки эти с тех пор решительно как бы канули для нее в воду» (Ф. Достоевский) – **канули в воду** – пропали. Этот приём не всегда «работает» с описательными глагольно-именными сочетаниями, так как для некоторых из них не существует подобного эквивалента: «Не знаю, чем я заслужил их доверие, но они непринужденно разговаривали со мной» (И. Тургенев).

Помимо сказуемых, выраженных синтаксически несвободными сочетаниями, простое глагольное сказуемое может быть выражено несколькими словами в случае, если оно осложнено. К осложнённым формам простого глагольного сказуемого относится сочетание двух глаголов или сочетание глагола с различными частицами. Сюда входят:

1) сочетание двух глаголов в одинаковой форме, из которых первый указывает на действие, а второй – на цель этого действия: Пойду погуляю в саду; Сядь напиши матери письмо;

2) соединение при помощи союзов *и, да, да и* и формы глагола *взять* и одинаковой формы другого глагола для обозначения произвольного действия, обусловленного личной прихотью субъекта: *Вот я раз в жизни взял да, и поступил искрен-*

но, и что же, стал для всех вас точно юродивый: хоть и полюбили меня, а все же надо мной, говорю, смеетесь (Ф. Достоевский);

3) сочетание двух однокоренных глаголов и частицы *не* между ними, с модальным значением невозможности: Ждём не дождемся весны; Дышит не надышится чудесным, горным воздухом;

4) сочетание инфинитива с личной формой того же глагола, которой предшествует частица *не*, для усиления отрицательного значения сказуемого: Сам работать не работает, да и другим мешает;

5) сочетание оборота *только и делаю* (*делаешь, делает* и т.д.), что с последующим глаголом в той же форме для обозначения интенсивности действия: *Расслабленный Ришар плачет и только и делает, что повторяет ежеминутно: «Это лучший из дней моих, я иду к Господу!»* (Ф. Достоевский);

6) повторение сказуемого для обозначения длительности действия: Еду, еду в чистом поле (А. С. Пушкин);

7) повторение сказуемого с усилительной частицей *так* для обозначения действия, полностью осуществленного: *Вот уж действительно спел так спел*;

8) соединение глагола с частицей *знай* или *знай себе* для обозначения действия, которое совершается, несмотря на препятствия: *А он знай себе посмеивается*.

Перечисленные способы выражения простого глагольного сказуемого имеют широкое распространение в речи, однако в школьном курсе русского языка практически не рассматриваются. На наш взгляд, эти знания имеют важную роль в формировании речевой компетенции школьников, и ознакомление с ними в школе является желательным.

Список литературы

1. Бабайцева, В. В. Русский язык. Теория. 5–9 класс : учеб. для общеобразоват. учреждений / В. В. Бабайцева, Л. Д. Чеснокова. – М. : Дрофа, 2012. – 319 с.
2. Русский язык : учеб. для 8-го класса основной школы / Р. Н. Бунеев, Е. В. Бунеева, Л. Ю. Комиссарова, И. В. Текучёва ; под науч. ред. А. А. Леонтьева. – 2-е изд., испр. – М. : Баласс, 2010. – 304 с.
3. Валгина, Н. С. Современный русский язык : учеб. / Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина ; под ред. Н. С. Валгиной. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Логос, 2002. – 528 с.
4. Лекант, П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке : учеб. пособие для студентов филолог. специальности пед. ин-тов / П. А. Лекант. – М. : Высш. шк., 1976. – 141 с.
5. Львова, С. И. Русский язык. 8 класс : учеб. для общеобразоват. учреждений : в 2 ч. / С. И. Львова, В. В. Львов. – 8-е изд., перераб. – М. : Мнемозина, 2012. – Ч. 1. – 285 с.
6. Русский язык. 8 класс : учеб. для общеобразоват. учреждений / М. М. Разумовская, С. И. Львова, В. И. Капинос, В. В. Львов ; под ред. М. М. Разумовской, П. А. Леканта. – 12-е изд., стеротип. – М. : Дрофа, 2009. – 269 с.

А. Ш. Нурмухаметова, Ф. Ф. Харисов
(г. Казань, Россия)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ТАТАРСКОМУ ЯЗЫКУ

Современную образовательную систему нельзя представить без использования информационных и коммуникационных технологий, оказывающих большое влияние на содержание, форму и методы обучения изучаемому языку. Следовательно, внедрение инноваций является наиболее эффективным средством повышения качества образования.

Широкое использование информационных и коммуникационных технологий на уроках татарского языка позволяет обеспечить вариативность и личностную ориентацию уроков татарского языка (проектирование индивидуальных образовательных траекторий).

Инновационный процесс в образовании, считает В. И. Загвязинский, – это процесс совершенствования образовательной практики, развития образовательных систем на основе нововведений [Нурова, 2015]. Новые технологии, оборудования и технические средства стремительно ворвались в нашу жизнь, и перед нами встала задача использования современных информационных технологий в качестве своих помощников в работе. Использование информационных и коммуникативных технологий в образовательных учреждениях имеет ряд преимуществ перед традиционными формами организации деятельности. Сейчас учитель получил большую свободу в выборе методов, приёмов и средств обучения. Вместе с тем это не освобождает его от глубокого, систематического пополнения своих знаний, использования накопленного методической наукой и практикой опыта прошлого. Меняются цели и задачи, стоящие перед образованием, школы обеспечиваются современными компьютерами, электронными ресурсами, доступом к Интернету. Это способствует внедрению новых педагогических технологий в учебно-воспитательный процесс. Для этого учитель должен в совершенстве владеть способами получения знаний и передачи их обучающимся, т.е. знать особенности использования и применения инновационных и коммуникационных технологий обучения языкам [Харисов, Харисова, 2001, с. 5–6].

В Федеральном образовательном стандарте общего образования (далее – Стандарт) информатизация учебного процесса считается неотъемлемой частью формирования всесторонне развитой личности. Поэтому все уровни образования требуют быстрого и компетентного решения проблемы, опережающего развития системы информативности и развития образования на основе информационных технологий, предполагающих глубокое изменение содержания, системы методов и организационных форм образования. Использование в образовании интернет-ресурсов понимается как процесс, направленный на повышение качества содержания образования, проведение разработок и исследований, сопровождение, внедрение и развитие, замену традиционных информационных технологий на более современные, эффективные [Хуснутдинов, Гиниятуллина, 2014, с. 193].

В этой связи у учителя татарского языка и литературы имеется широкая возможность использования интернет-ресурсов в повседневной деятельности: «Татар-мультфильм», электронное пособие по всем разделам татарского языка «Татар теле», сайт «Tatar.ru», <http://belem.ru/>, <http://www.tatar-inform.ru/>, tazbash.ru, kitap.net.ru, <http://www.tatknigafund.ru/>, anatele.ef.com, «ТАТКНИГАФОНД.RU»: <http://www.tatknigafund.ru> и другие. Безусловно, использование этих и других интернет-возможностей позволяет, во-первых, интенсифицировать учебный процесс, во-вторых, повышает качество усвоения знаний учащимися по родному языку, в-третьих, пробуждает сильную мотивацию к обучению, заставляет учащихся более продуктивно мыслить и активно работать на уроках [Харисов, 2015, с. 219–224].

Тем более в начальных классах на первый план выходит коммуникативный принцип обучения через диалоги (полилоги), создавая по определённым темам различные учебные и внеучебные ситуации, например, «Приветствие», «Прощание», «На уроке татарского языка», «Золотая осень», «Мой любимый татарский писатель», «В библиотеке» и другие. Если непринуждённая беседа сопровождается заранее подготовленным учителем слайдом или видеопрезентацией, учащиеся быстрее приобретают навыки татарской разговорной речи и намного легче заучивают грамматический и речевой материал. Это актуально для многих татар, у которых первым языком является русский язык. На уроках татарского языка учитель должен раскрыть красоту и своеобразие родного языка, сравнивая его с русским, помочь узнать

учащимся общие и специфические явления для того, чтобы более осознанно и продуктивно овладеть этими контактирующими языками, начиная с первого класса [Харисов, 2013, с. 324].

Термин «компьютерная технология» подразумевает процесс подготовки и передачи информации обучаемому, используя возможности компьютера. При обучении татарскому языку компьютер как средство обучения можно использовать в следующих случаях, как, например, при:

- обучении изучаемым языковым явлениям / наглядно представить явления и процессы;
- обеспечении диалога, коммуникации;
- формировании речевых навыков на изучаемом языке;
- контроле знаний, определенной степени формирования умений и навыков;
- автоматизированном поиске нужной информации в учебных целях;
- моделировании различных ситуаций, презентации и объяснении учебного материала.

Компьютерные технологии позволяют реализовать основные методы обучения неродному языку: показ, объяснение, коррекция, оценка знаний, тренировка и др.

Использование компьютера в обучении татарскому языку является инструментом, который развивает у обучаемых навыки чтения, письма, а также позволяет значительно расширить словарный запас.

Хочется отметить тот факт, что на уроке ученик может работать в том темпе, какой его устраивает. Такой способ обучения также позволяет снять проблему мотивации в процессе обучения.

Вместе с тем нельзя чересчур увлекаться применением компьютера при обучении татарскому языку, так как при всех положительных качествах он не сможет заменить живого общения учителя с учеником, живые разговорные уроки. Его нужно применять тогда, когда учебные задачи нельзя или трудно решать другими средствами.

Обычно человек запоминает то, что он слышит и видит, в пять раз лучше того, что он только слышит. Поэтому использование видео на уроках татарского языка значительно расширяет дидактические возможности.

Основные достоинства видеоматериалов, позволяющих слышать речь носителей языка, использовать упражнения по просмотру видео, продемонстрировать такие ситуации, которые сложно описать словами и они могут быть использованы на любом этапе обучения татарскому языку.

Практика показывает, что обучение татарскому языку с использованием информационных технологий активизирует деятельность учащихся и вдохновляет их на дальнейшее изучение языка. Способы визуальной поддержки материала позволяют добиться длительной концентрации внимания учащихся, а также одновременного воздействия сразу на несколько органов чувств, способствующих более прочному закреплению новых получаемых знаний по изучаемому языку.

Современные технические средства позволяют учителям татарского языка и литературы решению образовательных задач разными путями, как, например, применение новых средств – интерактивную доску SMARTBoard.

Какие задачи можно решить с использованием интерактивной доски? Перечислим некоторые из них:

- развитие познавательной и творческой активности учащихся, любознательности, воображения, образного мышления;
- знакомство детей с возможностями компьютерных технологий;
- овладение грамматическими навыками;
- контрольные функции в области орфографической и стилистической грамотности;

- возможность прочного усвоения видов речевой деятельности;
- повышение мотивации к изучаемому предмету.

Обучение татарскому языку основывается на принципе коммуникативности. Поэтому все методы обучения направлены на изучение татарского языка, как средства общения. В процессе обучения языку ставятся следующие задачи: обогащение словарного запаса учащихся, правильное произношение специфических звуков татарского языка, развитие связной речи, ознакомление с татарской литературой, фольклором, культурой татарского народа (традициями, национальной одеждой, праздниками, декоративно-прикладным искусством и т.д.).

Обучение татарскому языку начинается с запоминания отдельных слов, словосочетаний, правильного произношения и умения использовать их в предложении. Учебный материал может объясняться с помощью картин, игрушек, муляжей, др. наглядных пособий, а также с помощью паралингвистических средств.

Игра – естественная форма детского развития. И самый верный путь к достижению взаимопонимания с ребёнком лежит через игровые действия, то есть через фонетические, лексические, грамматические игры. Например, закреплять пройденный материал можно при помощи различных дидактических игр: «Мои игрушки», «Отгадай и назови», «Кто лишний?», «Посчитай», «Татарская национальная еда» и др.

Компьютер помогает повысить уровень и качество обучения, обеспечивая наглядность, контроль, большой объём информации, являясь стимулом в работе. Освоение компьютерных технологий позволяет реально индивидуализировать образовательный процесс, усилить положительную мотивацию к учению, активизировать познавательную деятельность, творческую активность.

Следовательно, использование информационных и коммуникационных технологий поможет учителю поднять уровень владения татарским языком учащихся с русским языком обучения до требований нового образовательного Стандарта. Поэтому наша задача – помочь учащимся правильно использовать возможности ИКТ, развивать их способности и интерес к поиску в целях успешного овладения неродным языком.

Список литературы

1. Нурова, Л. А. Из истории возникновения и развития информационных и коммуникационных технологий на уроках татарского языка / Л. А. Нурова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1.
2. Харисов, Ф. Ф. Язык – путь к цивилизации и культуре / Ф. Ф. Харисов // Филология и культура. – 2013. – № 2 (32). – С. 323–326.
3. Харисов, Ф. Ф. Современные технологии обучения татарскому языку в русской школе / Ф. Ф. Харисов, Ч. М. Харисова. – Казань : КГПУ, 2001. – 40 с.
4. Харисов, Ф. Ф. Татар телен чит тел буларак өйрәтүнең фәнни-методик нигезләре / Ф. Ф. Харисов. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2015. – 302 б.
5. Хуснутдинов, Д. Х. Специфика обучения студентов филологического отделения профессионально-ориентированному чтению с использованием компьютерных технологий / Д. Х. Хуснутдинов, Г. Ф. Гиниятуллина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 6-1 (24). – С. 193–195.

*С. С. Паиковская
(г. Пенза, Россия)*

СЛАГАЕМЫЕ УСПЕХА ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК РОДНОГО И РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

«Обучение иностранному языку – это единственный вид обучения, обладающий естественным образцом в виде процесса овладения родным языком» [Алхазисвили, 1988, с. 1]. Русский язык как родной и русский язык как иностранный –

два разных вектора в процессе «научения» и в методике обучения: родной язык усваивается ребёнком «неосознанно и ненамеренно», а иностранный – с осознания и намеренности, т.е. «развитие родного языка идёт снизу вверх, а иностранного – сверху вниз» [Выготский, 195, с. 3].

Каждый (здоровый) ребёнок – выдающийся филолог, лингвист, конструирующий по отдельным образцам и грамматическим моделям всю структуру родного языка. (Лингвистические наблюдения трёхлетнего ребёнка: «если на ногах ногти, то на руках должны быть рукти»)! С возрастом языковые способности ослабевают, что делает невозможным изучение иностранного языка по аналогии с родным. Интересно, что на продвинутом этапе у студентов-филологов наблюдается: 1) *непроизвольное запоминание*, которого изначально не было (проявляется только в процессе многолетней и кропотливой работы); 2) *индуктивный путь освоения языкового материала* (от конкретных примеров к общему правилу).

При изучении иностранного языка учащийся должен усвоить всю фонетическую систему (которая сокращению не подлежит), самый сложный грамматический материал, запомнить не менее 3–4 тысяч слов, осознать культурологические, исторические особенности страны изучаемого языка. (Как преподавателю РКИ с большим опытом работы хочется поблагодарить всех студентов, дерзнувших, выучивших и полюбивших русский язык как иностранный).

Ребёнок, осваивающий родной язык в условиях вынужденной коммуникации, не задумывается о процессе обучения – *естественно и непринуждённо* происходит усвоение грамматических правил и закономерностей структуры языка (от 1,5 до 5 лет – замечательный возраст *импринтинга*, запечатления информации). У детей есть ещё одно преимущество: ребёнок ещё не знает другого языка (если не билингв), а следовательно, нет негативного влияния, интерференции, являющейся серьёзной проблемой для изучения иностранного языка. Но! У людей, изучающих иностранный язык, есть неоспоримое преимущество – они уже знакомы с системой родного языка, уже есть языковой опыт, а у некоторых – задатки, склонности и даже языковые способности.

Успех в обучении русскому языку как иностранному связан с индивидуальными различиями учащихся в овладении иностранным языком. Вопрос о способностях очень щекотливый и подходить к нему нужно весьма осторожно, однако ни у кого нет сомнений, что способности людей различны, что особенно отчетливо проявляется в существовании так называемых *специальных способностей* (математических, музыкальных, спортивных, языковых, способностей к изобразительной деятельности и т.д.). I. P. Guilford (1959) говорит о способностях, связанных с символическим и семантическим содержанием: «Способности к оперированию символами важны при обучении узнаванию слов, произнесению и написанию звуков, оперированию числами. Лингвисты и математики очень зависят от таких способностей».

В сфере искусств, как и в спорте, врожденность одаренности и способностей сомнений не вызывает. Иностранный язык как предмет (по мнению многих лингвистов и методистов) занимает промежуточное место между теоретическими и практическими дисциплинами (музыкой, рисованием, спортом), а следовательно, успешность усвоения иностранного языка напрямую зависит от языковых способностей учащихся.

К определению иноязычных способностей подходят с трех сторон:

– с позиции *выявления способностей к различным аспектам языка и речевым умениям*, речевым процессам рецепции и продукции;

– с позиции определения *особенности психических процессов* – восприятия, памяти, мышления, являющихся ядром структуры способностей применительно к усвоению материала;

– с точки зрения определения влияния *индивидуально-психологических, характерологических, личностных особенностей человека* (воли, эмоций, типа темперамента, экстраверсии / интроверсии и т.д).

Роль языковых способностей особенно велика на начальном этапе овладения иностранным языком, в процессе обучения и усложнения учебного материала роль языковых способностей всё более соединяется с другими слагаемыми успеха. По мнению некоторых зарубежных авторов, иностранный язык – это, прежде всего, хорошая память – желание и умение запоминать слова, правила и исключения. В коммуникативно-ориентированном обучении иностранным языкам наиболее важно *«сбалансированное взаимодействие запоминания и понимания, подкрепляемое мотивацией учения, стратегиями преодоления трудностей, накапливаемыми знаниями и другими слагаемыми успеха»* [Мильруд Максимова, 2005, с. 7].

Б. М. Теплов в статье «Способности и одаренность» впервые в отечественной литературе выделил три составляющие способности: *природный потенциал человека* (задатки); приобретенные им в течение жизни *знания, умения, навыки; личностную* («отношенческую») составляющую.

Анализируя природу способностей к иностранному языку в рамках первого направления их изучения, Б. В. Беляев выделял десять категорий таких способностей. Из них «четыре связаны с владением основными аспектами языка..., четыре с выполнением основных речевых процессов (способности слушания, говорения, чтения и письма на иностранном языке), а две являются общими, центральными (основными) способностями, из которых *иноязычное мышление* является как бы фокусом сосредоточения всех речевых способностей, а *чувство языка* – языковых способностей» [Беляев, 1965, с. 2]. Другими словами, учёный подчёркивает необходимость изучения памяти для определения языковых и речевых способностей. «На начальном этапе языковые способности проявляются в произвольном запоминании слов, структур и небольших текстов. Наиболее успешно осуществляется понимание языкового материала дедуктивным методом, т.е. «от готового правила к примерам». На завершающем этапе заметно повышается роль произвольного запоминания, а также понимание языкового материала индуктивным методом, т.е. от языковых примеров к самостоятельно обнаруженному правилу» (как это бывает в естественных условиях)... Подчеркнём также, что запоминание и понимание языкового материала... в структуре языковых способностей студентов-лингвистов представлены в учебном процессе более сбалансировано, в то время как у студентов нелингвистических специальностей преобладает запоминание. Это также требует учёта в методике обучения языку» [Мильруд, Максимова, 2005, с. 7].

Вторая составляющая способностей актуальна для прогрессивного движения ученика в учебной деятельности. Исследования в рамках второго подхода, проведённые Ю. А. Веденяпиным, И. А. Зимней, Н. И. Ивановой, Т. В. Стрелковой, С. Д. Толкачёвой, выявили важную связь между уровнем развития определённых показателей психических процессов и успешностью овладения иностранным языком. Объём оперативной памяти, вероятностное прогнозирование, скорость языкового общения (выявление языкового правила), слуховая дифференциальная чувствительность – основные показатели психических процессов, определение которых обладает большой диагностической силой. В работах П. Пимслера, Дж. Кэррола, Л. Якововица эти два, условно выделенных подхода, объединены в единое целое.

Третий подход наиболее явно представлен в работах исследовательской группы М. Г. Каспаровой (1986), которая показала значимую связь личностных и коммуникативных особенностей человека с его успешностью овладения языком.

Успешность учебной деятельности во многом зависит от личности обучающегося (мотивации, воли). «Адекватная учебная мотивация и сильная воля помогают добиться хороших результатов в учёбе, но не обеспечивают лёгкость и быстроту процесса приобретения знаний, формирования навыков и умений» [Каспарова, 1988, с. 6].

Под иноязычными способностями понимается «совокупность индивидуально-психологических качеств интеллекта и личности обучаемого, определяющих лёгкость усвоения учебного материала и его использования в речевой деятельности на иностранном языке» [Каспарова, 1988, с. 6].

Исследования М. К. Кабардова [Кабардов, 1983, с. 5] экспериментально выявили психологические и природные компоненты языковой одаренности. С одной стороны, это *лингвистические* способности (язык, языковая система), а с другой стороны, *коммуникативные* способности (речь, язык в действии). Диссертационное исследование М. К. Кабардова, проведенное в лаборатории под руководством С. А. Изюмовой и А. А. Леонтьева, показало применительно к языковым способностям следующее: имеются два разных типа овладения иностранным языком – коммуникативный, или интуитивно-чувственный (по Б. В. Беляеву), присущий лицам с высокой лабильностью нервной системы, и лингвистический (некоммуникативный, или рационально-логический), присущий лицам с инертной нервной системой.

Первый тип овладения языком оказывается в большей мере связанным с преобладанием первосигнальных функций, с выраженностью произвольных видов запоминания интеллектуальной деятельности, с более лабильной нервной системой. *Коммуникативный стиль* характеризуют: коммуникативная активность (инициативность в общении на другом языке), короткие латентные периоды речевых действий, лёгкость понимания и говорения на иностранном языке: направленность внимания на речевую деятельность, лучшая продуктивность слуховой памяти; при запоминании образного материала – целостное воспроизведение как при непосредственной, так и при отсроченной подаче материала. Этот стиль характеризуется беглостью речи, высокой скоростью выполнения отдельных лингвистических задач, наличием стереотипных ответов, повторов, ошибочных словосочетаний, речевых клише. Этот коммуникативный тип оказывается более благоприятным для речевой деятельности и более успешным в условиях непосредственного общения. Можно предположить, что эти учащиеся предпочтут работу с преподавателем, а не самостоятельное обучение в компьютерном классе.

Лингвистический стиль характеризуется пассивностью в общении, длительностью латентных периодов речевых действий, трудностью понимания иностранного языка на слух, направленностью внимания на языковую систему, лучшей зрительной памятью на графические изображения слов или предметов, которые легко вербализируются. Этот стиль связан с небольшим объёмом языковых и речевых единиц, более низкой скоростью выполнения лингвистических задач, но более высоким качеством выполнения: неудачные ответы отсутствуют или их немного, почти нет повторов, решения нетипичны.

Второй тип овладения языком связан с более инертной нервной системой, с относительным преобладанием второсигнальных функций.

Очень интересны и до сих пор актуальны исследования М. К. Кабардова (1983) и С. А. Изюмовой (1988), которые показали, что способности к усвоению иностранного языка связаны с лабильностью нервной системы. При инертности нервной системы возникают трудности восприятия речи на слух, затруднения восприятия новой информации при дефиците времени, недостаточно высоки и темповые характеристики речевой деятельности. Поэтому среди тех, чья работа связана с овладением иностранным языком (преподаватели, переводчики), преобладают лица с высокой лабильностью и подвижностью нервной системы.

Склонность, пишет В. Н. Мясищев, идёт впереди способностей и таланта. «Она побуждает дремлющие силы, мобилизует склонности и способности». Способности зависят от упражнений, тренировки и обучения, но лишь *интерес* позволяет нам заниматься каким-то делом, не утомляясь и не пресыщаясь.

В. Н. Мясищев считает, что насыщение и утомление в деятельности обратно пропорциональны степени выраженности склонности. Для достижения больших успехов необходима мотивация и интерес. Невозможно добиться успеха без готовности много и упорно работать над своими способностями. Но личность приложит все усилия лишь в том случае, если полностью сумеет проникнуться целью и содержанием деятельности.

Можно сделать вывод: *если способности высоки, то методы, применяемые для их развития, не столь важны. Именно учащиеся со средними способностями (которых большинство) нуждаются в хороших, подходящих конкретно для них педагогических методах и приёмах обучения.*

Итак:

1. При обучении иностранному языку надо исходить из проявленных способностей (биологических предпосылок, задатков); в учебном процессе опираться на хорошие базисные компоненты и компенсировать неблагоприятные.

2. Направлять процесс развития языковых способностей.

3. Максимально развивать интерес к изучению иностранного языка: чем сильнее интерес, тем интенсивнее, шире и глубже процесс обучения, а «средняя заинтересованность в лучшем случае может привести к средним способностям» [Мелхорн Г., Мелхорн Х-Г].

4. Создавать правильные установки, мотивацию, без которой невозможно добиться большого успеха; использовать эмоциональное воздействие художественных произведений (поэзии, прозаических текстов, музыкальных произведений и т.д.).

5. Направлять учебную деятельность, построив учебный процесс на пределе возможностей учащегося, не перегружая «ненужным» материалом и соблюдая принцип «посильности», так как «слишком лёгкое и слишком трудное обучение малоэффективно» [Выготский 1983: 4].

6. Поддерживать и развивать трудолюбие, используя как поощрение, так и «наказание» (систематический контроль, тестовые задания); «без готовности много и упорно работать над своими способностями, вообще невозможно добиться большого успеха» [Мелхорн Г., Мелхорн Х-Г].

7. Ориентировать на общественную значимость деятельности личности; развитие способностей и талантов (проведение конкурса чтецов, творческих встреч, мини-спектаклей, концертов и т.д.).

Список литературы

1. Алхазишвили, А. А. Основы овладения устной иностранной речью / А. А. Алхазишвили. – М., 1988.
2. Беляев, Б. В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам / Б. В. Беляев. – М. : Просвещение, 1965. – С. 227.
3. Выготский, Л. С. Внутренняя речь и мышление / Л. С. Выготский. – М., 1956.
4. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский // Полн. собр. соч. : в 6 т. – М., 1983. – Т. 2.
5. Кабардов, М. К. Роль индивидуальных различий в успешности обучения иностранным языкам : дис. ... канд. пед. наук / Кабардов М. К. – М., 1983. – С. 195.
6. Каспарова, М. Г. О некоторых компонентах иноязычных способностей и их развитие у школьников / М. Г. Каспарова // Иностранные языки в школе. – 1986. – № 3. – С. 25.
7. Мильруд, Р. П. Зарубежный опыт языкового тестирования и оценки качества обучения иностранному языку / Р. П. Мильруд, А. В. Матиенко, И. Р. Максимова // Иностранные языки в школе. – 2005. – № 7.

ОРГАНИЗАЦИЯ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРОСТКОВ С УЧЁТОМ ИХ «МУЛЬТИМЕДИЙНОСТИ, ВИЗУАЛЬНОСТИ И БОЛТЛИВОСТИ»

В процессе литературного образования учащиеся должны овладеть умением «представлять тексты в виде тезисов, конспектов, аннотаций, рефератов, сочинений различных жанров»; способностью «выявлять в художественных текстах образы, темы и проблемы и выражать своё отношение к ним в развёрнутых аргументированных устных и письменных высказываниях» [ФГОС среднего (полного) общего образования, 2012, с. 7]. Акцент сделан на формировании речевых компетенций. По итогам обучения выпускник должен читать любой текст (учебно-научный, художественный, линейный, нелинейный, несплошной...), создавать на его основе текст «вторичный», а также интерпретационный в любом формате/виде/жанре.

Что же наблюдается в реальности? Выпускники (в большинстве своём) плохо говорят, а пишут и того хуже. Проблема очевидна и связана она с работой школы в области речевой деятельности. Как осуществляется на самом деле такая работа? Очень показательным в этом отношении интервью ученого-методиста Р. А. Дошинского, который, видимо, сам того не желая, нарисовал довольно странную, но правдивую картину «на тему речевого развития учащихся»: «В дошкольном возрасте человек должен знакомиться с литературой через слушание, в начальной школе наступает пора, когда литература предстает через собственно процесс чтения. *На этапе основного общего образования говорение становится основным средством открытия мира литературы. Наконец, старшая школа должна быть ознаменована познанием литературы посредством письменных высказываний* (курсив наш. – ГП). Письменное высказывание есть не что иное, как сочинение. Вот такой длинный путь проделывает юный читатель, прежде чем взяться за перо и создать полноценный творческий продукт» [Ильина, 2015]. Да, путь очень длинный. И, как показывает практика, мало эффективный... Путь в лучшем случае к «схемам и правилам». Видимо, именно этим и объясняется то, что стало общим местом подавляющего большинства учебно-методических пособий, имеющих своей целью помочь старшеклассникам в подготовке к итоговому выпускному сочинению. Даже в пособиях признанных словесниками методистов подготовку рекомендуется начинать с ...ликбеза: например, объясняют особенности работы над черновиком и планом сочинения (11 класс!), обучают, как писать вступление и заключение, знакомят с «Планом анализа персонажа», «Планом анализа лирического произведения» и т.п. [Нарушевич, 2015]. Такое ощущение, что школьникам впервые предлагается взять ручку и что-то написать! Перечисляются в пособиях и произведения (только художественные!), на которые можно опираться при написании сочинения по тому или иному направлению. Но комментарии, связанные с проблемой, с тем как она сопряжена с указанным произведением, не даются... Видимо, авторы пособий считают: не учат писать сочинения, потому что на чтение и анализ всё внимание направлено, следовательно, нужно только показать, как результаты разбора «вместить» в трехчастное сочинение и избежать речевых, грамматических и прочих ошибок.

Ученики же основной школы (ведомые по предлагаемому «маршруту») вообще «выпадают» из процесса формирования речевых умений. Между тем именно на средние классы ложится значительная нагрузка по речевому развитию подростков.

Формирование речевых компетенций предполагает единство чтения и письма. Необходимо продумать, что будем читать, как и в каком объёме. Высокий уро-

вень читательского развития – необходимое условие формирования речевых умений учащихся. Один из возможных путей решения проблемы нам видится во включении учащихся средних классов в процесс создания вторичных и оригинальных текстов на основе произведений, освоенных на уроках литературы и/или в результате самостоятельного чтения.

Сегодняшние подростки разительно отличаются даже от поколения своих родителей. И отличает их совершенно другое отношение к тексту, вернее – *необычное взаимоотношение с текстом*. Это очень точно охарактеризовала психолог, писательница Е. Мурашова: «Понимаете, тут произошёл некий процесс, который ревнители детского и подросткового чтения почему-то категорически отказываются замечать: дети ушли внутрь текста. Стали с ним на равных... И, решая свои задачи, читают и даже пишут не меньше, а больше, чем мы когда-то. Вот представьте себе обычного молодого человека конца 80-х. ...Писал ли он в предыдущие пять лет хоть что-нибудь, кроме школьных сочинений из-под палки? Писал. Поздравительные открытки бабушке ...до седьмого класса ...и записку в восьмом классе: «Лиза, пошли сегодня в кино». А такой же современный юноша или девушка? Они пишут и читают практически постоянно, десятки и сотни страниц. Мейлы, смс-ки, твиттеры, лента друзей, новости... Каждый из них к пятнадцати годам сочинил уже не один десяток «как бы рассказов» (все про себя, любимого, и про своих друзей) в «Живом журнале» или «Вконтакте», придумал и описал десяток героев и биографий в компьютерных играх...

<...> Их способ работы с текстами и образами отличается от нашего. Они не смотрят снизу вверх на «глыбу Толстого», они просто живут внутри своих и чужих текстов, плещутся в них, как рыба в океане, дополняют письменный язык смайликами и интерактивом, на ходу переделывают его... Вы уверены, что это шаг назад по сравнению с вашим «книжным» детством?» [Мурашова, 2015, с. 135]. «Революция электронных книг меняет все правила чтения и написания текстов», – утверждает Дж. Меркоски [Меркоски, 2014, с. 11]. А это значит, учитывая «мультимедийность, визуальность и болтливость» (А. Архангельский) подростков, необходимо менять подходы к их речевой деятельности, особенно в основной школе.

Вырисовывается путь *от текста к тексту*: от текста художественного к тексту интерпретационного характера и от текста художественного к тексту, написанному самостоятельно, в любом виде и жанре, а также за счет использования игровых приёмов, игровых форм.

Нами уже в течение многих лет ведётся работа по речевому развитию подростков на основе классного и самостоятельного чтения. В результате мы пришли к выводу, что обучать письменным текстам креативной направленности следует на основе:

1) *игры в слова* (создание истории только с помощью существительный/глаголов; написание мини-текстов с включением архаизмов, макаронизмов (например, «макаронничество» с помощью слов «сабж», «бутявка», «скролить», «лайкать», «апгрейдить», «дурвеб», «мессара» и др.);

2) *амплификации* (распространения, дополнения какой-либо части изученного произведения: придумывание предыстории; дописывание финала, отдельных эпизодов; введение «другого» рассказчика, не имеющего отношения к произведению; включение новых персонажей: например, господина, потерявшего сотовый телефон, или дамы с персидским котом);

3) *интеллектуальной игры с текстом художественного произведения* («перенесение» персонажа в новую ситуацию; «организация» встречи героев разных произведений; «оживление» неодушевленных персонажей – «взгляд на ситуацию с другой стороны»; изменение пола/возраста персонажа; «социализация» персонажа:

создание его *профиля* для страницы в социальной сети; обсуждение в формате «комментов» «чужого» высказывания и др.);

4) *жанровой и стилевой трансформации произведения* (изменение жанра исходного текста – «превращение» комедии в мелодраму, рассказа – в сценку и наоборот; пародирование стиля писателя и др.), а также трансформации текста за счет сжатия его объема (например, sms-сказки: необходимо «уложить» сказку в sms-сообщение»/«двойную» sms [Негрин 2012]);

5) *написания собственных произведений в жанрах художественной литературы* (сочинение стихов, рассказов, эссе, лирических миниатюр по мотивам изученных произведений или выражающих впечатления от прочитанного);

6) *работы с «копилками идей»* для будущих историй (специальными книгами, в которых предусмотрено место для самых разных списков: интересных слов, идей героев, сюжетов, вариантов названий и т.д.; главная же «фишка» таких книг состоит в том, что на каждом развороте предусмотрено место для записи собственных историй читателя, а задания, советы, наводящие вопросы и подсказки собраны на полях [Стоуэлл, 2015]);

7) разработка и использование «самостоятельных» сюжетов на основе *Матрицы речетворчества*.

Идея создания *Матрицы* заимствована нами у Ю. Вольфа, публициста и коуча по писательскому мастерству [Вольф, 2010, с. 91–93]. Предлагаемую Вольфом таблицу (генератор сюжетов) мы переработали в соответствии с возрастными возможностями школьников, кругом их чтения, целями занятий и сочли возможным назвать ее *Матрицей речетворчества* (см. таблицу; другой вариант *Матрицы* [Пранцова, 2015, с. 196]).

Матрица речетворчества

А: СИТУАЦИЯ	В: ПОМОЩНИК ИЛИ ВРЕДИТЕЛЬ	С: ЭМОЦИИ	Д: МЕСТО ДЕЙСТВИЯ	Е: ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ
1. Неожиданная находка (телефон)	1. Девочка Таня	1. Желание разгадать тайну	1. Цирк	1. Зима, день
2. В театре кошек Куклачева	2. Селеноид (житель Луны)	2. Помочь Ивану-царевичу	2. Собачья площадка	2. Весна, вечер
3. В гостях у Джека	3. Баба Яга	3. Ожидание угощения	3. Пещера Змея Горыныча	3. Лето, вечер
4. На прогулке	4. Учитель пес Спайк	4. Любопытство	4. Школа для собак	4. Осень, ночь
5. Путешествие на Луну	5. Кошка Маркиза	5. Грусть	5. Лес	5. Весна, утро
6. В собачьей школе	6. Ежик	6. Растерянность	6. Луна	6. Осень, день
7. Путешествие в тридевятое царство	7. Пес Пират	7. Желание вмешаться в события	7. Двор коттеджа	7. Лето, ночь

Работа с *Матрицей* (например, при обучении в 5 классе рассказу от лица животного – «*Пишем разные собачьи истории*») строится так: школьникам предлагается назвать пять случайных чисел от 1 до 7 и записать их. Затем по *Матрице* найти соответствие каждому из выбранных чисел. Далее в течение определенного времени (не более 5 минут) придумать начало высказывания, в котором все бы пять элементов были связаны между собой. Далее следует работа с сюжетом. Он может получиться самым неожиданным и возможно «рыхлым», очень далеким от совершенства. Но в данном случае это и не самоцель. Важнее всего то, что упражнение пробуждает воображение, речевую свободу.

Читательской и речевой активности при работе с *Матрицей* способствует и стратегия «*Много-много "Почему?"*». Суть ее в следующем. Подросток, выбрав персонажей своего произведения и наметив его сюжет, должен задать себе несколько раз вопрос «Почему?». Сколько должно быть этих «Почему?»? Столько, сколько понадобится школьнику, чтобы завершить задуманное – написать собственное высказывание. Такая работа помогает подростку совершенствоваться не только свое «писательское» мастерство, но и свои читательские способности, умение вступать в диалог с текстом.

Таким образом, письменное «общение» с текстом дает возможность юному читателю примерить на себя роль «писателя», почувствовать, что, создавая собственные произведения по законам того или иного жанра, играя с текстом и словом, он с каждым новым высказыванием (*своим* текстом!) совершенствует речевые умения, приобретает речевую свободу, получает удовольствие от деятельности и её результата.

Список литературы

1. Вольф, Ю. Школа литературного мастерства: От концепции до публикации: рассказы, романы, статьи, нон-фикшн, сценарии, новые медиа / Ю. Вольф ; пер. с англ. – М., 2010.
2. Ильина, Т. Про мучения и сочинения / Т. Ильина. – URL: http://nvdaily.ru/info/18835.html?fb_action_ids=655055817892297&fb_action_ty (Дата обращения: 29.02.2016)
3. Меркоски, Д. Книга 2.0. Прошлое, настоящее и будущее электронных книг глазами создателя Kindle / Д. Меркоски ; пер. с англ. А. Коробейникова. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014.
4. Мурашова, Е. Все мы родом из детства / Е. Мурашова. – М. : Самокат, 2015.
5. Нарушевич, А. Г. Итоговое выпускное сочинение в 11 классе : учеб.-метод. пособие / А. Г. Нарушевич, И. С. Нарушевич ; под ред. Н. А. Сениной. – 2-е изд., перераб. – Ростов н/Д : Легион, 2015.
6. Негрин, Ф. Волшебные SMS-сказки / Ф. Негрин ; пер. Т. Ю. Стамовой. – М. : Самокат, 2012.
7. Пранцова, Г. В. Формирование речевой активности подростков в процессе обучения их созданию оригинальных текстов / Г. В. Пранцова // Филологическая олимпиада в системе гуманитарного образования школьников : моногр. / под ред., вступ. ст. О. В. Коротун, А. В. Ляпиной. – Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2015. – С. 187–198.
8. Стоуэлл, Л. Книга моих историй / Л. Стоуэлл ; пер. с англ. Т. Мамедовой. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2015.
9. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования. – М., 2012.

М. Н. Тимофеева
(г. Пенза, Россия)

ВНЕКЛАССНАЯ РАБОТА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ, ПОСВЯЩЁННАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ НАСЛЕДИЮ В. И. ДАЛЯ

Вопрос об обогащении словарного запаса современного школьника сегодня очень актуален. В условиях научного прогресса в обиход входят все новые и новые слова, многие из которых трудны и непонятны. Поэтому первостепенной задачей учителя русского языка является работа над обогащением и уточнением словарного

запаса школьников: чем большим количеством слов владеет человек, тем точнее реализуется коммуникация между людьми как в устной, так и в письменной форме. Эта работа ведется непосредственно как на уроках русского языка, так и во время внеклассной работы, которая также подчинена общим целям образования и воспитания учащихся.

Внеклассная работа – составная часть учебно-воспитательного процесса в школе, одна из форм организации свободного времени учащихся.

Работа со словом неразделима с работой со словарями. В мире создано немало словарей, удивляющих своим объемом и богатством содержания. Но едва ли не самый выдающийся из них – «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля. Особенно велико значение словаря для русской культуры, образования. Словарь В. И. Даля – это увлекательное чтение о русском языке, его жизни, истории. Создавая свой словарь, Владимир Иванович хотел показать в полном объеме богатство и выразительность народного языка, который он определил как «живой великорусский язык».

Программы дошкольных учреждений и начальной школы обеспечивают восприятие творческого наследия В. И. Даля, но его изучение и знакомство с личностью талантливого и замечательного человека осуществляется в 5–6 классах средней школы. По программе В. В. Бабайцевой учащиеся знакомятся с личностью В. И. Даля и его творческим наследием в 5 классе при изучении раздела «Лексика». Практическая работа учащегося с толковыми словарями, во-первых, формирует навык практического использования словарей, во-вторых, позволяет составить представление о «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля как об уникальном словаре с точки зрения структуры и с точки зрения его огромного культурологического значения.

Методически грамотно организованная практическая работа со словарями обеспечит успешное усвоение последующих тем в разделе «Лексика», особое место в котором следует уделить теме «Фразеологизмы». Так как большая часть фразеологизмов отражает глубоко народный самобытный характер русского языка, то, продолжая разговор о народном речевом творчестве, уместно сообщить, школьникам о сборнике В. И. Даля «Пословицы русского народа».

Программа Н. М. Шанского знакомит учащегося с личностью В. И. Даля и его наследием в 6 классе в разделе «Лексика и фразеология. Культура речи», но тема урока, которая позволит учащемуся узнать о В. И. Дале и его знаменитом словаре, связана с общеупотребительной лексикой и диалектами. Учащиеся старших классов могут продолжить изучение творческого наследия В. И. Даля, если учителя русского языка в 10 и 11 классах общеобразовательной школы изберут такие спецкурсы, как «Стилистика» или «Культура речи» по авторским программам.

Большие возможности по знакомству с культурным наследием В. И. Даля открываются во время внеклассной работы по русскому языку, так как она располагает большим арсеналом форм и видов работы с изучаемым материалом.

К сожалению, некоторые родители поощряют пренебрежительное отношение своих детей к внеклассной работе, считая ее бесполезной тратой времени. Но, на самом деле, внеклассная работа может оказаться эффективней основного учебного процесса. В процессе внеклассной деятельности раскрываются индивидуальные способности ребенка, которые не всегда проявляются на уроке.

А. Т. Кунгурова считает, что при проведении внеклассных занятий большое значение имеет широкое использование «различных приёмов занимательности. Она активизирует внимание учащихся, даёт им возможность особенно остро и свежо воспринимать те или иные факты языка» [Кунгурова, 1964, с. 4].

Занимательность внеклассной работы связана с формой её проведения, выбором методов и приёмов работы, с использованием ТСО и наглядности, интересных

заданий, лингвистических игр, с привлечением интересных фактов. С этой целью могут быть использованы различного рода инсценировки, художественное чтение, разнообразные игры, упражнения, задачи лингвистического характера.

Мы разработали занимательные задания, которые могут быть использованы на внеклассных мероприятиях по русскому языку.

Упражнение на соотнесение «НАШЕ-ВАШЕ»

Слово учителя: Выступая за самобытность русского народа, В. И. Даль был ярким противником иностранных заимствований, считал, что иностранные слова мешают понимать истинный народный дух родного языка. Перед вами две колонки, в первой находятся иноязычные слова, во второй – слова, которыми В. И. Даль хотел их заменить. Ваша задача заключается в том, чтобы соотнести слово из первой колонки с его парой из второй.

Адрес	Мироколица, колоземица
Атмосфера	Н сыл
Гимнастика	Носохватка
Пенсне	Стояло
Пьедестал	Ловкосилие
Кокетка	Завесь, озор
Горизонт	Миловидница

Задание на исправление ошибки «НЕСКЛАДУШКИ»

Слово учителя: Готовясь к этому занятию, я забыла, как на самом деле звучат некоторые пословицы. Вы должны помочь мне их исправить.

Баба с возу *недалеко падает*.

Не родись красивой, *коли рожа крива*.

Смотришь в книгу – *ума не надо*.

Не плюй в колодец – *вылетит не поймаешь*.

Задание «ПО СТРАНИЦАМ ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ» предполагает использование «Словаря живого великорусского языка» В. И. Даля.

Слово учителя: Попробуем по толкованию-объяснению догадаться, какому слову дано толкование в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля.

1. Проём в стене для света (окно).
2. Скошенная и засохшая трава в корм скоту (сено).
3. Косой навес на свет, на свечу, лампу для затемнения (абажур).
4. Картина местности, вид природы, сельский вид (пейзаж).

Задание на классификацию «РАСПРЕДЕЛЯЛКА»

Слово учителя: Распределите следующие пословицы по темам: «Времена года», «Наука, ученье», «Трудолюбие-лень», «Радость-горе»: Мороз невелик, да стоять не велит.; Красна весна, да голодна.; Лето со снопами, осень с пирогами.; Ученье – свет, а неученье – тьма.; Век живи – век учись.; Слезами горю не поможешь.

Задание на выбор правильного ответа «ЗИГЗАГИ ЯЗЫКА» представляет собой шуточный тест, который включает следующий материал:

1. Если вы распределяете прибыль от ещё не осуществленного дела, то вы...
 - а) садитесь на своего любимого конька;
 - б) делите шкуру неубитого медведя;
 - в) врётё как сивый мерин.
2. Если вы бесхарактерный человек, настоящий размазня, то вы...
 - а) мокрая курица;
 - б) глухая тетеря;
 - в) рабочая лошадка и др.

На этом круг заданий и видов работ не заканчивается. Важно то, что при любой форме работы прививается любовь к родному языку, обогащается словарный запас, расширяется кругозор, вырабатывается навык работы со словарём, развивается логическое мышление и творческое воображение. Благодаря разносторонности В. И. Даля, его неутомимому интересу к родному языку, у учителя есть богатый материал для внеклассной работы, который принесёт существенную пользу учащимся.

Таким образом, изучение творческого наследия В. И. Даля в школе обеспечивает не только лингвистический, но и мировоззренческий, культурологический аспект изучения русского языка.

Список литературы

1. Кунгурова, А. Т. Внеклассная работа по русскому языку / А. Т. Кунгурова. – 2-е изд., доп. и перераб. – Ижевск : Удмуртия, 1964. – 231 с.

К. С. Фролов
(г. Пенза, Россия)

ВИЗАНТИЙСКИЙ ИСИХАЗМ И РУССКОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИИ РОССИИ XIV–XV вв. В РАБОТАХ И. Ф. МЕЙЕНДОРФА

И. Ф. Мейендорф (1926–1992) – выдающийся представитель российской исторической науки в эмиграции, византинист, патролог – в трудах «Святой Григорий Палама и православная мистика» (1959) и «Византия и Московская Русь» (1990) обращается к рассмотрению религиозно-культурных взаимоотношений Византии и Средневековой Руси. По мнению учёного, связь «духовной метрополии» Восточной Европы [Оболенский, 1998] со своим «северным сателлитом» в первой половине XIV в. претерпевает определенные изменения, которые впоследствии во многом отражаются в русских религиозных представлениях и национальном самосознании: так, образ Константинопольского патриархата как источника «истинной веры» – высшей инстанции – постепенно тускнеет; «лукавство греков» [Флоровский, 2009, с. 23], с точки зрения русской церковной общности рассматриваемого периода, – характерная черта византийских иерархов. И. Ф. Мейендорф считает, что не сама Византия становится другой, а русский социум начинает воспринимать ее иначе.

Историк-эмигрант концентрирует внимание на следующих аспектах взаимоотношений Византии и Руси: 1) богословские споры, охватившие православный мир (в первую очередь, византийских теологов), отражали «общий кризис цивилизации» [Мейендорф, 2000, с. 405] «византийского содружества наций», – то есть церковная интеллектуальная элита периферийных стран, лишённая возможности непосредственного участия в дискуссиях, относилась с недоверием к идеям, которые отстаивали и ортодоксальные монахи, и «гуманисты», сосредоточенные на собственных религиозно-политических проблемах; 2) угасание византийской духовной и политической традиции; 3) позитивное влияние исихазма на русскую средневековую культуру.

Поляризация церковного сообщества Византии середины XIV столетия (непримиримые противоречия между приверженцами исихазма и «гуманистов») была не понятна русскому социуму. Обсуждение силлогизмов Аристотеля в богословии как отражение антагонистических споров о понимании человека и общества [Мейендорф, 2000, с. 325] вызывали «недоумение» и неприятие в среде еще незрелого в вопросах богословия русского духовенства.

С позиции И. Ф. Мейендорфа, мнение которого совпадает с воззрениями Г. В. Флоровского – историка и одного из наиболее авторитетных русских религиозных философов XX в., – это был «канун кризиса и разрыва» [Флоровский, 2009, с. 23]. Произошел конфликт между развивающимся национальным самосознанием, нуждавшимся в ощущении определенной независимости от Константинополя, и политикой жесткой централизации византийских иерархов, стремившихся сохранить духовное главенство над «византийским содружеством наций». Попытки последних византийских императоров добиться помощи у западноевропейских держав в отражении натиска турок-османов привели к заключению церковной унии, которая фактически декларировала принцип подчинения православия католицизму.

«Греческое отступничество» стало формальным поводом и морально-психологическим основанием для утверждения принципа религиозной независимости Руси. Образование собственного национального самосознания, отражавшего социально-психологические установки русского общества, совпало с процессом обретения политической независимости и формирования единого государства. Следовательно, политические успехи Московского княжества в области государственного строительства находились в определенной зависимости от духовных потребностей социума XIV–XV вв.

Исихазм – одна из центральных категорий в трудах ученого, причем особое звучание получает проблема приобщения русского социума через институт церкви к основным компонентам *Иисусовой молитвы*. И. Ф. Мейендорф рассматривает особенности духовной жизни России XIV–XIX вв. через призму религиозности, воплощённой в православии. Исихазм как явление духовного возрождения XIV–XV вв., восходящее к идеалам раннехристианского монашества, получил широкую поддержку внутри церкви и общества православных стран Восточной Европы. В России, согласно историку-эмигранту, монахи заволжских обителей проявили себя наиболее яркими приверженцами практики *Иисусовой молитвы*, причем моральный авторитет этих старцев в социуме был чрезвычайно высок. *Старчество* представляет собой религиозно-психологическую модель отшельнического монашества, исполняющего уникальную мистико-провиденциалистическую функцию социального служения. Мейендорф указывает на то, что «старчество вовсе не является специфически русским феноменом» [Мейендорф, 2000, с. 325], а восходит к древней единой традиции восточно-христианского монашества, для которой было характерно объединение послушников вокруг наиболее авторитетного монаха (т.е. *старца*) «в поисках духовного руководства и совета» [Мейендорф, 2000, с. 326].

Наиболее пристального внимания, с точки зрения И. Ф. Мейендорфа, заслуживает изучение роли монашества, преследующего цели «далеко выходящие за пределы исихазма как формы духовной жизни»: влияние установок аскетического течения на формирование политической культуры позднесредневековой Руси [Мейендорф, 2000, с. 405].

Московские князья XV–XVI вв., активно заимствовавшие политические установки зарождающегося *западного* абсолютизма, подержали (а фактически использовали в своих интересах) сторонников Нила Сорского для того, чтобы провести частичную секуляризацию церковных владений, однако в дальнейшем, опасаясь возможного всплеска недовольства наиболее консервативной части духовенства, провели ряд «карательных» иосифлянских соборов, направленных против *нестяжателей* [Мейендорф И. Ф., с. 325].

И. Ф. Мейендорф, анализируя социальное значение исихазма в истории России, приходит к выводу, что традиция *Иисусовой молитвы*, учитывая психологическую близость этой духовной системы религиозным идеалам нации, проникла, в той или иной степени, во все слои общества, став стимулом интереса широких народ-

ных масс к историко-культурным ценностям Русской Православной Церкви: от принятия Крещения, до возрождения исихастской традиции в XIX в.

Таким образом, в интерпретации И. Ф. Мейендорфа, византийский исихазм, позитивно воспринятый восточно-европейским православным монашеством, стал духовным идеалом, комплиментарным социально-психологическим установкам русского общества, определившим развитие русского религиозного сознания.

Список литературы

1. Волкова, Л. Д. Исихазм как составная часть русской православной культуры / Л. Д. Волкова, Е. В. Караева // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – № 5. – С. 21–28.
2. Мейендорф, И. Ф. История Церкви и восточно-христианская мистика / И. Ф. Мейендорф. – М. : Институт ДИ-ДИК, 2000. – 576 с.
3. Оболенский, Д. Д. Византийское содружество наций / Д. Д. Оболенский. – М. : Янус-К, 1998. – 655 с.
4. Флоровский, Г. В. Пути русского богословия / Г. В. Флоровский. – М. : Институт русской цивилизации, 2009. – 848 с.
5. Шувалов, В. И. Социально-психологический аспект изучения истории в российской историографии последней трети XIX – первой половины XX вв. / В. И. Шувалов. – М. : МПУ, 2001. – 228 с.

Ч. М. Харисова
(г. Казань, Россия)

РОЛЬ РОДНОГО ЯЗЫКА ПРИ ОБУЧЕНИИ НЕРОДНОМУ ЯЗЫКУ: ОРФОЭПИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья написана при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Закономерности развития и функционирования татарского языка в полилингвальном пространстве РФ», проект № 15-16-16004.

В отечественной педагогической и психологической науке существуют различные точки зрения на роль и значение родного языка при овладении произношением на изучаемом языке. Одни считают, что родной язык мешает формированию навыков произношения на втором языке (И. А. Грузинская), другие утверждают, что родной язык помогает в усвоении второго языка (Л. В. Щерба). При этом имеются в виду как положительные, так и отрицательные моменты влияния родного языка. «Задача учителя состоит в том, – отмечает Л. З. Шакирова, – чтобы помочь школьникам осознать законы родного языка, помочь учащимся практически овладеть языком, законы которого нередко противоречат привычным для школьника нормам родного языка» [Шакирова, 1999, с. 267]. Поэтому очень важно при этом сознательно устранять отрицательное влияние родного языка на изучаемый.

Сопоставительное описание фонетических систем татарского и русского языков, проводимое в методических целях, позволяет выделить общие и специфические фонетические явления. Схожие моменты произношения гласного [y], согласных [б], [м], [н], [п], [т], [с], [з] и других, как правило, не создают особые трудности при произношении. Отрицательное влияние оказывают нетождественные и специфические фонетические явления, например, сингармонизм, ассимиляция, губная гармония гласных, и поэтому возникает большее количество произносительных ошибок под влиянием интерференции. Чтобы ученики разобрались в этих трудностях, мы и фиксируем их внимание на этих особенностях фонологической системы татарского языка. Например, падеж, как грамматическая категория имён существительных, характерен обоим языкам, однако грамматические значения и аффиксы в

них совершенно разные. При этом имеются в татарском языке особенности присоединения аффиксов по закону сингармонизма, а форма исходного падежа является показателем носовой ассимиляции, аффикс –нан/–нэн присоединяется словам на конечный [н] или [м]: *миннэн* – от меня, *синнэн* – от тебя, *урамнан* – с улицы, *тушәмнэн* – с потолка. Необходимо здесь отметить, что на уроках татарского языка сопоставление проводится не ради сопоставления, а под руководством учителя решается задача обратить основное внимание на фонологические расхождения в разнотипных языках. Мы убедились в том, что орфоэпический материал в начальных классах усваивается практически, а в последующих классах целесообразнее его представить при изучении отдельной темы на фоне сопоставления с родным языком учащихся. Например, составное глагольное сказуемое татарского языка в русскоязычной школе изучается раньше, чем в татарской школе. При этом, естественно, возникает проблема произношения таких глаголов с правильным ударением. Тема становится более понятной, когда показываются учащимся отдельные видовые соответствия из русского языка: *укып чыкты* – прочитал, *килеп җитте* – доехал, *чыгып китте* – вышел. Такие составные глаголы в татарском языке произносятся с основным ударением на конце первой части – *укып*, *килеп*, *чыгып* и ослабленным или побочным ударением на вспомогательных глаголах *чыкты*, *җитте*, *китте* [Харисова, Харисов, 2013].

Сопоставительное описание фонетических систем контактирующих языков, как было сказано выше, позволяет выделить сходства и различия, оказывающие затем положительное и отрицательное влияние при изучении неродного языка (транспозиция и интерференция). С психолингвистической точки зрения родной язык выступает двояко при овладении вторым: либо он помогает в овладении вторым языком, способствует расширению кругозора, либо навыки родного языка тормозят образование речи на втором языке [Зимняя, 2001; Shakurova, 2014; Yusupov, 2015]. Поэтому задачей методистов и лингвистов является поиск и использование всего, что может стать помощником при овладении произношением на втором языке и устранения того отрицательного, которое должно быть при этом устранено [Вагнер, 2001; Гальскова, 2013].

Сопоставление произносительной системы татарского и русского языков показал, что идентичных, близких звуков между ними немало. Однако правильное произношение даже таких звуков создаёт определённые трудности. Неточности чаще всего скрываются в составе звукосочетаний, слов, словосочетаний и предложений. Например, экспериментальная работа показала, что довольно трудно поддается правильному воспроизведению звукосочетания *өй* и *йө* в словах *сөйли* – рассказывает, *өйрәнә* – учит, заучивает, *көйли* – напевает, *йөри* – ходит, *йөзә* – плавает, *йөк* – воз, *йөрәк* – сердце. Достаточно серьёзной задачей для учителя и учащихся являются обнаружение и вычленение таких слов и звукосочетаний, а затем и правильное их воспроизведение, а значит и использование в татарской речи. При этом учитель обязан напомнить ребятам, что гласный [ө] является губно-губным, переднего ряда, сравнительно короткой парой по заднему ряду гласного [о]. А согласный [j] обоих языков имеет одинаковые дифференциальные признаки. Большие трудности они создают не в изолированном виде, а в сочетании и в составе слов. Поэтому необходимо усвоение их в процессе практического овладения татарским языком – в составе слов и словосочетаний, предложений и текста [Kharisov 2014].

Таким образом, изучение характера орфоэпических ошибок учащихся показывает, что большинство из них являются фонологическими, причиной появления которых служат расхождения в фонологической системе татарского и русского языков.

Список литературы

1. Вагнер, В. Н. Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим на основе межъязыкового сопоставительного анализа: Фонетика. Графика. Словообразование. Структура предложения, порядок слов. Части речи : учеб. пособие для студентов вузов / В. Н. Вагнер. – М. : ВЛАДОС, 2001. – 384 с.
2. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – М. : Академия, 2013. – 336 с.
3. Зимняя, И. А. Лингвopsихология речевой деятельности / И. А. Зимняя. – М., 2001.
4. Харисова, Ч. М. Минимизация произносительного материала – основа формирования устойчивых знаний и навыков учащихся / Ч. М. Харисова, Ф. Ф. Харисов // Вестник Казанского государственного университета культуры. – 2013. – № 3. – С. 122–126.
5. Kharisov, F. F. Bilingualism and multi-lingualism in a globalized society / F. F. Kharisov, Ch. M. Kharisova // Life Science Journal, 2014. – Vol. 11(11s). – P. 439–443. – URL: <http://www.lifesciencesite.com>
6. Шакирова, Л. З. Основы методики преподавания русского языка в татарской школе / Л. З. Шакирова. – 3-е изд., перераб., доп. – Казань : Мәгариф, 1999. – 351 с.
7. Shakurova, M. M. Linguistic analysis of Tatar language textbooks for non-Russian students / M. M. Shakurova, R. N. Mirzagitov // Life Science Journal. – 2014. – Vol. 11, Issue 10. – P. 674–677.
8. Improving efficiency of teaching the Tatar language to a foreign audience / R. A. Yusupov, S. H. Aydarova, R. K. Sagdieva, G. F. Harisova // International Education Studies / Canadian Center of Science and Education. – 2015. – Vol. 8, no. 5 ; ISSN – P. 158–164. – URL: www.ccsenet.org/journal/index.php/ies/article/view/48217/25960

Т. С. Щеголихина
(г. Пенза, Россия)

РАЗВИТИЕ СЛУХОПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ НАВЫКОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭКСПЕРИМЕНТА)

Проблема развития слухопроизносительных очень важна. Нарушение фонематической правильности речи, ее неверное интонационное оформление говорящим ведет к недоразумениям и непониманию со стороны слушающего. Именно поэтому проблема развития слухопроизносительных навыков *актуальна*. Наиболее подробно она освещена в работах С. А. Барановской, С. И. Бернштейна, П. С. Вовк, М. М. Галеевой, И. М. Логиновой, Н. А. Любимовой, Н. И. Самуйловой, Г. И. Тунгусовой, Т. В. Шустиковой и др.

Целью работы является наблюдение за развитием слухопроизносительных навыков студентов из Индии, объяснение причин деавтоматизации навыка и, наоборот, его постоянного и неуклонного развития.

Для достижения поставленной цели нам необходимо выполнить ряд **задач**:

1. Провести тест фонетических способностей-1 и 2 в группе студентов из Индии.
2. Проанализировать полученный материал.
3. Сопоставить фонологические системы русского языка и хинди с целью выявления особенностей интерференции.

В «Новом словаре методических терминов» Э. Г. Азимова, А. Н. Щукина находим такое определение навыка: «Действие, достигшее уровня автоматизма и характеризующееся цельностью, отсутствием поэлементного осознания» [Азимов, 2009, с. 151].

Навык функционирует в речевой деятельности и включает речевые действия и речевые операции. И. А. Зимняя определяет речевой навык, называя его «совокупностью определенных автоматизмов, в которые входят действия внешнего оформления (произношение, интонирование, грамматическое структурирование)» [Зимняя, 1985, с. 140]. Э. Г. Азимов и А. Н. Щукин считают, что речевым навыком

называются «операции, доведенные до уровня совершенства (автоматизма, безошибочности выполнения)» [Азимов, 2009, с. 151]. В фундаментальных трудах А. А. Леонтьева прослеживается мысль о том, что в речевых навыках функционируют фонетические, лексические и грамматические аспекты языка, что речевые операции проходят на уровне предложения, выполнение которых доведено до степени совершенства, а «степень совершенства характеризуется по уровню автоматизированности, безошибочности, стабильности выполнения речевых операций» [Леонтьев, 1969].

Методика преподавания иностранных языков рассматривает навык как «автоматизированное действие с использованием фонетического, лексического и грамматического материала в процессе рецептивной или продуктивной речевой деятельности». Исходя из этого утверждения, можно выделить следующие навыки: фонетические (слухопроизносительные), грамматические, лексические, а также двигательные (при письме).

Анализируя научно-методическую литературу, мы пришли к выводу, что для российской методической школы характерна строгая дифференциация навыков и умений, не исключая их неразрывного единства. В то время как в зарубежной методике с середины 50-х гг. XX столетия эти термины часто не дифференцируются и обозначаются английским словом «skill». В «Новом словаре методических терминов» Э. Г. Азимова и А. Н. Шукина суммированы взгляды российских методистов: «1) навык – есть единица умения, означающая способность выполнять речевое действие в рамках речевой деятельности; 2) такому действию свойственен автоматизм при его выполнении, и в речевой деятельности навыки часто с психологической точки зрения соотносятся с речевыми операциями, доведенными до уровня совершенства в результате тренировки. Автоматизм, устойчивость, безошибочность, оптимальная скорость выполнения являются критериями сформированности речевых навыков; 3) навыки могут быть слухопроизносительными, ритмико-интонационными, лексическими, грамматическими, в зависимости от направленности речевой деятельности на восприятие либо порождение высказывания являются рецептивными либо продуктивными; 4) выделяются стадии формирования навыков, которые дифференцируются в зависимости от вида навыка» [Азимов, 2009, с. 152].

Как видим, формирование слухопроизносительных навыков проходит определённые этапы. Так, Е. И. Пассов выделяет пять стадий произносительного навыка (восприятие, имитация, дифференциация, звуковое комбинирование, интонационное комбинирование) [Леонтьев, 1969]. Любой навык обладает определёнными свойствами, по которым можно судить о его сформированности. Помимо стадийности формирования, о которой шла речь ранее, сюда относятся устойчивость, диапазон, автоматизм, связь со стадиями развития умений, а также гибкость (подвижность). Такое многокомпонентное понимание навыка отражено в работах Е. И. Пассова, С. Л. Рубинштейна, И. А. Зимней и др.

Интерференция оказывает большое влияние на скорость овладения слухопроизносительными навыками, их диапазон, устойчивость навыков, особое разрушительное действие интерференция оказывает на их важнейшее свойство – автоматизм, приводя к деавтоматизации слухопроизносительного навыка.

Для того, чтобы проследить степень влияния интерференции, а также для выявления способов избежания деавтоматизации слухопроизносительных навыков мы провели ряд экспериментов в группе иностранных студентов из Индии в количестве 25 человек, изучающих русский язык с ноября 2013 г., 15 студентов составили контрольную группу. Эксперимент состоял в проведении теста фонетических способностей (ТФС-1 и ТФС-2), представленного в работе С. С. Пашковской «Дифференцирующая модель обучения русскому произношению с использованием компью-

терных технологий (приложения)». Задания теста заключались в выявлении способности студентов (в начале обучения) дифференцировать звуки русской речи (гласные и согласные), также задания на звуко-знаковое соответствие, на акцентуационный и интонационный слух, ритмику. Повторное тестирование проводилось через 3 месяца (после окончания вводно-фонетического курса), через полгода и 15 января 2016 г. Данные по количеству ошибок, полученные в ходе эксперимента, можно представить в виде таблицы (приводятся данные контрольной группы).

Таблица 1

Показатели ТФС-1и ТФС-2 студентов из Индии

Фамилия, имя студента	Звуки, %. ТФС-1			Звуки, %. ТФС-2
	2013	2014		2016
		март	октябрь	январь
А. М.	10	11,4	8,5	14,5
Д. Х.	8,5	8,5	7,1	15,4
Д. Б.	5,7	7,1	8,5	19
Д. М.	10	8,5	7,1	13,6
Й. Б.	7,1	8,5	4,2	11,8
Й. М.	10	8,5	8,5	11,8
К. Н.	11,4	10	8,5	12,7
П. К.	4,2	5,7	7,1	13,6
П. Б.	4,2	7,1	8,5	20
П. И.	17,1	11,4	7,1	13,6
П. П.	8,5	8,5	0	15,4
П. Х.	10	11,4	10	20
Р. А.	11,4	5,7	5,7	14,5
Х. С.	8,5	10	4,2	10,9
Ч. П.	12,8	8,5	5,7	9

Итак, результаты эксперимента следующие:

1. В большинстве своём (около 80 %) мы наблюдаем тенденцию к уменьшению количества ошибок. Это свидетельствует о положительной динамике развития слухопроизносительных навыков (за период с октября 2013 г. по октябрь 2014 г.). В январе 2016 г. был проведён ТФС-2, который отличается от ТФС-1, во-первых, уровнем сложности, во-вторых, объемом предлагаемых заданий (почти в 1,5 раза больше). Однако даже по этим результатам можно заключить, что у большей части студентов деавтоматизации навыка не произошло, а значит, слухопроизносительные навыки устойчивы, интерферирующее влияние родного языка минимально, следовательно, идёт стабильно хорошее усвоение русского языка как иностранного.

2. У 20 % анкетированных происходит увеличение количества ошибок. Этот факт свидетельствует о влиянии различных отрицательных факторов, о том, что студенты столкнулись с различными трудностями:

- 1) лингвистическими (интерферирующее влияние родного языка);
- 2) физиологическими (неразвитость артикуляционного аппарата; трудности переключения с артикуляционной базы родного языка; неразвитый фонематический, акцентуационный и интонационный слух);
- 3) психологическими.

Говоря об интерферирующем влиянии родного языка, нельзя не обратить внимания на сопоставительный анализ фонологических систем русского языка и хинди – родного языка студентов. Мы составили таблицу фонологических различий родного и изучаемого студентами языка, опираясь на данные исследований С. А. Барановской и Н. А. Любимовой.

Различия фонологических систем русского языка и хинди

2.1 Вокализм

Подъём \ Ряд	Русский язык		Хинди	
	Передний	Задний	Передний	Задний
Верхний	(<i>bi</i>)		<i>i, ĩ, i̇:</i>	<i>ĩ, v, ṽ</i>
Средний			<i>ẽ, ẽ:, œ, œ̃:</i>	<i>o:, ð:</i>
Нижний			<i>ã, a:</i>	<i>ã:</i>

В сфере вокализма русский язык и хинди имеют некоторые отличия, которые существенно влияют на эффективность освоения русского языка как иностранного. Как видим, гласные хинди образуют несколько иную систему вокализма. В русском языке 6 (5) гласных фонем и множество аллофонов (около 80). Реализация аллофонов происходит в основном под действием двух факторов: во-первых, ударения, во-вторых, определяющей ролью согласных (от их твёрдости/мягкости). В отличие от русского, в языке хинди 20 гласных фонем, представлены «корреляции назализации и долготы» [С. А. Барановской «Сопоставление в учебных целях фонетических систем русского языка и языка хинди»]. По мнению С. А. Барановской, «Интерференция, связанная с корреляцией долготы, мешает усвоению ударения и безударности, редукции гласных, ритмики русского слова». Следовательно, это ведёт к ошибкам в области гласных звуков.

Таблица 3

2.1 Консонантизм

Место образования \ Способ образования		Губные		Переднеязычные			Среднеязычные	Заднеязычные	Увулярные (нет в русском)	Фарингальные (нет в русском)
		Губногубные	Губнозубные	Какуминальные	Апикальные (апикально-альвеолярные в хинди)	Дорсальные (апикально-зубные в хинди)				
Смычные	<i>P</i>	<i>n', b'</i>				<i>m, ð</i>		<i>k', ç'</i>		
	<i>X</i>	<i>p^h, b^h</i>		<i>t, d</i> <i>t^h, d^h</i>	<i>t, d</i> <i>t^h, d^h</i>			<i>k^h, ç^h</i>	<i>q, γ</i>	
Аффрикаты	<i>P</i>				<i>ç</i>	<i>ç</i>				
	<i>X</i>						<i>ç̣, ç̣̣</i> <i>ç^h, ç^ḥ</i>			
Щелевые	<i>P</i>		<i>f', v'</i>	<i>ш, ж</i>	<i>w̄', ж'</i>	<i>c', ç'</i>				
	<i>X</i>			<i>f^</i>		<i>s (z)</i>			<i>(x)</i>	<i>(h)</i>
Носовые	<i>P</i>	<i>m'</i>				<i>n, n'</i>				
	<i>X</i>	<i>m^h</i>		<i>(n)</i>	<i>n, n^h</i>		<i>ñ</i>	<i>ŋ</i>		
Боковые	<i>P</i>			<i>л</i>	<i>л'</i>					
	<i>X</i>				<i>l^h</i>					
Серединные	<i>P</i>									
	<i>X</i>									
Дрожащие	<i>P</i>				<i>p'</i>					
	<i>X</i>									

Консонантная система русского языка характеризуется наличием двух корреляций: по твёрдости / мягкости, по звонкости / глухости. В языке хинди корреляция

по твёрдости / мягкости отсутствует, иное наполнение имеет и корреляция по звонкости / глухости. Так, в книге Максимовой Е. Р. «Фонетические ошибки студентов-индийцев в русской речи на начальном этапе» [Максимова, 1973, с. 224] читаем: «Самыми устойчивыми чертами акцента в звукоупотреблении является неправильное произношение и смешение переднеязычных согласных [с, с', з, з \ ш, ж, \bar{w}', ц, ч, т \ д], то есть свистящих, шипящих, аффрикат и аффрицированных русских согласных». Отсюда следует, что избежать ошибок, тем самым повысить уровень фонетических (слухопроизносительных) способностей (навыков) поможет сведение к минимуму влияния фонетической системы родного языка на фонетическую систему языка изучаемого. Для этого необходимо, по мнению С. А. Барановской (и мы с ней солидарны), «формировать противопоставления всех оппозиций на данном участке фонологической системы русского языка: [з' - д'], [с' - \bar{w}'], [ч - ц], [т' - ч], [т' - ц], [с - ш], [з - ж], [ш - \bar{w}'], [ц - с], [т - ц], [ч - \bar{w}'], [з' - ж]».

Таким образом, мы можем предположить, что эффективность развития слухопроизносительных навыков зависит от:

1. Наличия – отсутствия фонетических способностей (фонематического слуха, развитого артикуляционного аппарата и т.д.).
2. Степени мотивации студентов и личностно-волевых качеств студентов.
3. Активной работы над всеми видами речевой деятельности.
4. Подбора индивидуального образовательного маршрута для студентов с деавтоматизацией слухопроизносительного навыка.

Список литературы

1. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М., 2009. – 448 с.
2. Зимняя, И. А. Личностно-ориентированный подход в обучении русскому языку как иностранному / И. А. Зимняя // Русский язык за рубежом. – 1985. – № 5. – С. 49–53.
3. Зимняя, И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке / И. А. Зимняя. – М., 1985. – 237 с.
4. Леонтьев, А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – М., 1969. – 214 с.
5. Максимова, Е. Р. Фонетические ошибки студентов-индийцев в русской речи на начальном этапе / Е. Р. Максимова // Проблемы теоретической и прикладной фонетики и обучение произношению. – М., 1973.
6. Пассов, Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению / Е. И. Пассов. – М., 1989. – 276 с.
7. Пассов, Е. И. Сорок лет спустя или сто и одна методическая идея / Е. И. Пассов. – М., 2006. – 240 с.
8. Пассов, Е. И. Проблема навыков и умений в обучении иностранному языку : учеб. пособие / Е. И. Пассов, Е. С. Кузнецова ; под ред. Е. И. Пассова. – Воронеж, 2002. – 40 с.
9. Пашковская, С. С. Дифференцирующая модель обучения русскому произношению с использованием компьютерных технологий / С. С. Пашковская. – Пенза, 2010. – Ч. 2 (приложения). – 256 с.
10. Шатилов, С. Ф. Актуальные проблемы методики обучения русскому языку иностранных учащихся : учеб. пособие / С. Ф. Шатилов. – СПб., 2004.

РОДНОЙ ЯЗЫК: ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ

И. А. Алешина
(г. Пенза, Россия)

ВАРИАНТНОСТЬ ОФЕНСКОГО ЯЗЫКА

Среди социальных диалектов особое место занимают арго (или условные языки), исследование которых интересно тем, что для них характерна гипертрофированная вариантность, обусловленная устной формой бытования, предназначенностью для ведения секретных разговоров в присутствии посторонних, малочисленностью «цеховых» групп.

В русских арго насчитывается около 70 «диалектов», сконцентрированных в европейской части России. Только на территории Пензенской области зафиксировано более 10 разновидностей арго: 1) «понатский» (чемодановско-селиксинский) [Бондалетов, 1992, с. 92–153]; 2) масовский (или аблязовский) [Бондалетов, 1965]; 3) вичутский; 4) валовайский (офенский или масы́хинский) [Бондалетов, 1997, с. 77–80]; 5) сытинский (сатовский) [Бондалетов, 1997, с. 81–83]; 6) ермоловский [Бондалетов 1997, с. 83]; 7) синодский, 8) верхозимский [Бондалетов, 2000, с. 6–19]; 9) селидьбинский [Бондалетов, 2005, с. 24–32]; 10) широкоисский; 11) земетчинский условные языки.

Если сравнить арго с общенациональным языком, то в последнем подобной разветвлённости не увидим. Например, в Пензенской области встречаются говоры всех типов, но преобладают среднерусские говоры (371 населенный пункт – 63 %) [Бондалетов, 1997, с. 51]. В некоторых населённых пунктах наблюдается сосуществование севернорусских и среднерусских говоров (например, Костыляевка Иссинского района, Большой Вьяс Лунинского района), среднерусских и южнорусских (например, Раево Зметченского района, Алексеевка и Шеино Пачелмского района), севернорусских и южнорусских говоров (например, Северня Тамалинского района, Верхний Шкафт Лунинского района). В Европейской части России выделяют по 5 групп северного и южного наречий, а также 5 групп среднерусских говоров [Русская диалектология, 2005].

Самым древним арготическим «диалектом» является *офенский язык*, который представляет собой источник для многочисленных территориальных и профессиональных разновидностей условной речи: буйского, галичского («галивонского»), нерехотского («елтонского»), арзамасского («матрайского»), аблязовского, шемышейского и т.д.

Офенский язык – это язык, который использовался сначала странствующими торговцами, а затем его лексика получила распространение среди ремесленников и нищих. Интерес к офенскому языку прослеживался у собирателей как XIX в., так и XX в. В. Д. Бондалетов отмечает несколько этапов изучения языка офеней [Бондалетов, 2004]. Следует отметить отмирание этого языка, связанное с исчезновением отхожих промыслов, однако он по-прежнему вызывает исследовательский интерес [Приёмешева, 2009].

Сопоставление «диалектов» русских арго необходимо для изучения процессов сближения и расхождения лексики условных языков, для выявления оригинальных лексем.

Подробнее остановимся на арготической лексике шуйских, костромских и самарских офеней, словари которых опубликованы в работе М. Н. Приёмшевой [Приёмешева, 2009].

В результате сравнения этих «диалектов», выявлены слова, встречающиеся во всех трёх арга: *бендюк* – «день», *вехно* – «сукно», *декан* – «десять», *жулик* – «ножик», *зетить* – «говорить», *котрух* – «шапка», *курёха* – «деревня», *лепень* – «пласток», *маруха* – «гривна», *пельмига* – «бумага», *пендюшник* – «пятак», *плеханка* – «баня», *поханка* – «хозяйка», *стот* – «бог», *хруст* – «рубль», *шур* – «вор».

Эти лексемы находим и в других вариантах офенского языка: об этом свидетельствуют материалы картотеки арготическо-русского словаря, собранные В. Д. Бондалетовым: *бендюх* – «день» Б, Бор, вяз, Д (и *бендюк*), Лям, Олс7, Пр, Пс, пуч, Сад, Срез, Тхн; *вехно* – «сукно» Бор, Взн3, Г (*вехно*), Гол (*вехло*), Д, Лям, Пр, Пс, Срез, Тхн; *жулик* – «нож, ножик» арз, Бор, вяз, Взн3, Г (*жулик*), Гол, Д, Д1, ел, К, НЯ, Од, Ор, Олс3,7, пен, Пс, Пр, С, Сад, тер. У2, Яв; *зетить* – «говорить» Бод, вяз, Гол, гор, Д, Дш, ерм, жг, жг1, жг2, кар, ков, Л, лт, Лям, НЯ, Ор, Пр, пуч, Сад, скр, стд, тер, Тхн, У1, шем. юр; *курёха* – «деревня» Б, Бор, вяз. Взн3, Гол, гор, Д. Дб4,7,8,11, Дв, ел, Зв, кар, кир. ков, меш, Олс7, пен, Пр, Пс, пуч, С, С1, Срез, У2, Ус, Ч и т.д. («Список принятых сокращений (варианты арга, печатные и рукописные источники» приведен в книге В. Д. Бондалетова «В. И. Даль и тайные языки в России» [Бондалетов, 2004, с. 441–450]).

Материалы картотеки позволяют изучать варианты с точки зрения не только синхронии, но и диахронии. Итак, слово *курёха* зафиксировано исследователями XIX и XX вв. в разных «диалектах» арга. Или у арготизма *жулик* наряду со значением «нож, ножик» арз, Бор, вяз, Взн3, Г (*жулик*), Гол, Д, Д1, ел, К, НЯ, Од, Ор, Олс3,7, пен, Пс, Пр, С, Сад, тер. У2, Яв, которое зафиксировано в более 20 вариантах условных языков, появились лексико-семантические варианты «кинжал» Д1, «резец» Лям, «резчик» Лям, «вор» ел. Подобная многозначность свидетельствует о разветвлённости арга.

Кроме слов, получивших распространение в 3 «диалектах», мы встречаем лексемы, зафиксированные только в конкретном варианте. Это так называемые локальные (региональные) употребления. Например, у шуйских офеней – *лотырно* «довольно», у костромских – *батуев* «базар», *курошница* «верста», у самарских – *хилой* «гнилой» и т.д.

Большое количество составляют те слова, которые встречаются в двух «диалектах» арга из трёх: в шуйском и костромском арга находим *рым* «дом», *габрон* «дождь», в шуйском и самарском – *сары* «деньги», в костромском и самарском – *калым* «барыш», *вербухи* «глаза» и т.п.

В данных «диалектах» находим слова, различающиеся в области фонетики и словообразования: *юлтуха* – *елтуха* «жена», *хирга* – *кирга* «рука», *ситим* – *ситцомка* «ситец», *бухан* – *бухарник* «стакан» и т.д. Эти варианты следует отнести к функциональным, так как они зафиксированы в разных диалектах.

В рассматриваемых арга есть примеры междиалектной синонимии: «аршин» – *нарик*, *кул*, «вино» – *гомур*, *дряба* и т.д.

Подобный анализ лексики позволяет изучить вариантность офенского арга, проследить распространение арготизмов, а также выявить своеобразные слова, характерные для того или иного «диалекта».

Список литературы

1. Бондалетов, В. Д. В. И. Даль и тайные языки в России / В. Д. Бондалетов. – М., 2004.
2. Бондалетов, В. Д. Своеобразие арга села Сельце Пензенской области / В. Д. Бондалетов // Лексика и лексикография : сб. науч. тр. – М., 2005.
3. Бондалетов, В. Д. Словарь арга Шемышейского района Пензенской области / В. Д. Бондалетов // Лексика и лексикография : сб. науч. тр. – М., 2001.
4. Бондалетов, В. Д. Социальные диалекты и общелингвистическая теория / В. Д. Бондалетов // Лексика и лексикография : сб. науч. тр. – М., 2003. – С. 10–17.

5. Бондалетов, В. Д. Тайные языки в Пензенской области / В. Д. Бондалетов // А. Н. Гвоздев и лингвогеография пензенского края. – Пенза ; Самара, 1997. – С. 76–83.
6. Бондалетов, В. Д. Условный язык пензенских портных / В. Д. Бондалетов // Вопросы русской диалектологии : тр. V–VI конф. кафедр русского языка педагогических институтов Среднего и Нижнего Поволжья. – Куйбышев, 1965. – С. 165–181.
7. Бондалетов, В. Д. Финно-угорские заимствования в русских аргю : учеб. пособие / В. Д. Бондалетов. – Самара : Изд-во СамГПИ, 1992. – 160 с.
8. Русская диалектология / под ред. Л. Л. Касаткина. – М., 2005.
9. Приёмывшева, М. Н. Тайные и условные языки в России XIX в. / М. Н. Приёмывшева. – СПб. : Нестор-История, 2009.

Н. Ю. Баженов
(г. Самара, Россия)

СЕМАНТИЧЕСКОЕ МИКРОПОЛЕ «СПЛЕТНИ» В РУССКИХ ГОВОРАХ

Исследование выполнено при поддержке РГНФ и Правительства Самарской области (проект № 15-14-63002 «Образная номинация и образная концептуализация знаний о мире в семантической системе: языковой и когнитивный аспекты»).

В русских народных говорах семантическая сфера «Человек» характеризуется особо тщательной лексической проработанностью. При этом, по мысли Т. И. Вендиной, «описание человека в языке традиционной культуры ведётся с позиций социальной нормы», поскольку «традиционная духовная культура – это коллективистски ориентированная культура, культура безраздельного господства социальной этики» [Вендина, 2011, с. 27]. В связи с этим в говорах богато представлена лексика, описывающая человека с точки зрения его социального статуса, отношения к труду, хозяйству, нравственным нормам социума и т.п.

Важнейшей характеристикой человека с точки зрения социальной нормы является его речь. В лексике, обозначающей процесс говорения, характер маркируемых признаков обуславливается внеязыковыми ценностными факторами. Соответственно, в обозначениях речи человека в фокусе номинации чаще всего оказываются те черты речевого действия и поведения человека, которые не соответствуют социальным нормам.

Одной из частотных, оценочно интерпретируемых характеристик «человека внешнего» является склонность к распространению сплетен о ком-либо. Данный разряд диалектной лексики отличается семантической диффузностью и богатым коннотативным потенциалом лексических и фразеологических единиц.

Сплошная выборка из диалектных словарей позволила нам выявить свыше 300 наименований, объединяемых нами в микрополе «Сплетни». Хотя семантические группировки таких обозначений неоднократно рассматривались в составе диалектной лексики говорения в конкретных говорах [Коршунова, 2002], семантическая структура микрополя «Сплетни» исследована недостаточно. Прежде всего заслуживают внимания наименования, отражающие компоненты соответствующей речевой ситуации, представленные глаголами со значением распространения сплетен, именными агентивными обозначениями сплетников и содержания речи.

Значительная часть диалектных слов передаёт процесс распространения сплетен без указания дополнительных дифференциальных признаков процесса говорения, ср.: *балендрясить, жемжурить, лекотать, натоваривать, переводить духи, смородить, разводить калыбалы, смутничать, сводить сплётки (смутни), собирать лязги, солодить, стирать* – ‘наушничать, распускать слухи, разносить сплетни, чужие разговоры’; *побайка, болтёнка* – ‘сплетня, необоснованный слух’;

бесомы́ка, едуга, лизу́н – ‘сплетник’; *ерохво́стка, миродво́рка* – ‘сплетница’. Ср. примеры словоупотреблений: *мо́лвить* (Так молвят, а никто точно ничего не знает, так разговоры идут. // Народ-то молвят-то, вроде он был с невестой) [СРНГ, 18, с. 214]; *балентря́сить* (Божатка любит посудить, придёт и балентрясит) [СРНГ 2: 75, 81]; *балахво́стить* (Анютка опять приходила балахвостить про Андроновых) [СРНГ, 9, с. 122].

Ряд диалектных наименований процесса передачи сплетен тяготеет к комплексному отражению речевой ситуации. В фокусе номинации оказываются как содержательные, так и коммуникативно-прагматические характеристики говорения.

Поскольку сплетня представляет собой слух, основанный на неточных или заведомо неверных сведениях, семантическая структура диалектного слова осложняется, главным образом, за счёт смыслового признака ‘несоответствие истине’, ср.: *баламу́ть* ‘вздорная сплетня; пересуды, наговоры’; *брехни разводíть* ‘врать, сплетничать’; *охва́стать* ‘оклеветать кого-либо, насплетничать на кого-либо’; *бара́хво́стить* ‘клеветать, наговаривать на кого-либо; наушничать, сплетничать’ (Буде ты ещё станешь на меня барахвостить, так я сам выведу тебя на свежую воду), *барахво́ст, бара́хво́стка* ‘наушник, сплетник, клеветник’ (Он такой барахвост, что с ним говори, да оглядывайся); *изме́т* ‘наговор на кого-либо, передача чужих слов с добавлением; сплетни’ и др.

Наличие сем ‘лгать’, ‘лгун’, ‘ложь’ в некоторых случаях подтверждается контекстом, в котором употреблено слово, например, *переводи́ть* ‘распускать слухи, сплетничать’ сопровождается таким примером словоупотребления: *Вы только ей не переводите. Грех переводить – врать напрасно* [СРНГ, 26, с. 54].

Другим распространённым признаком, характеризующим речь с точки зрения распространения сплетен, является ‘смысловая и интеллектуальная наполненность речи’. В основном распространение сплетен ассоциируется с неглубоким смысловым наполнением и низким интеллектуальным содержанием, что находит отражение в семантике лексических и фразеологических единиц. Примеры: *бла́гостить* ‘разглашать что-нибудь, сплетничать, говорить пустое’; *погрому́шки соби́рать* ‘болтать, заниматься пустыми разговорами, сплетнями’; *со́рочить* ‘болтать, пустословить; сплетничать’. Вообще в диалектном языковом сознании слабо разграничиваются (по крайней мере, в плане средств выражения) понятия ‘ложь’, ‘пустословие’ и ‘сплетни’.

В коммуникативно-прагматическом плане значение распространения сплетен может конкретизироваться по ряду признаков.

а) высокая настроенность на общение, выражающаяся в обильном говорении: *дурноплётка, гармо́ниха, сопу́н, сплетни́ха* – ‘болтливый человек, сплетник/сплетница’; *басневи́тый* ‘склонный к болтовне, сплетням’ (*Басневитый парень, чего уж говорить*);

б) цель передачи слухов и недостоверных сведений:

• провоцирование ссоры, конфликта между кем-либо: *молоты́рить, мутíть, мутехво́стничать* ‘сплетничая, вызывать ссору между кем-либо’; *мутíла* ‘подстрекатель, сплетник’ (ср. *мутехво́ст* ‘сплетник’, *мутехво́стка* ‘сплетница’), *сомустíть* ‘вносить смуту, раздор, ссорить кого-либо, ябедничая, наговаривая, сплетничая’, *смутёна, смутя́нка* ‘склочница, сплетница’ (*Золовка – шельма, смутянка, она всё мутит, чтобы на молодку, значит, думали*), *смутли́вый* ‘вызывающий вражду, ссоры сплетнями’;

• кляуза, донос: *ёрничать, бухва́стить, бухво́стничать* ‘сплетничать, ябедничать’; *бу́хвостень, бухво́стка, бухво́стник, бухво́стница* ‘ябедник, сплетник’;

• выражение (в том числе публичное) отношения и оценки: *переводи́ть* ‘распускать слухи, сплетничать’, ‘обсуждать, пересуживать’; *гилева́ть* ‘обсуждать

кого-либо публично'; *сла́вить на наро́де* 'распространять всюду худую славу'; *покри́куха* 'громкая молва, пересуды' (*Об нём худая покрикуха*).

Комплексный характер выражения речевых качеств человека особенно ярко проявляется в наименованиях, в которых значение речи образовано путём метафорического переноса. Существуют два пути метафорической номинации: 1) указание говорящим на известную адресату ситуацию, в которой обычно возникает данное явление, 2) сравнение данного явления с похожим на него другим явлением, знакомым адресату. Соответственно, в основу номинации закладываются образы известных реалий, окружающих носителей диалекта в повседневной жизни.

Перечислим наиболее типичные модели метафорического переосмысления речевой ситуации распространения сплетен, при котором маркируются не только содержательные (лживость, низкая смысловая наполненность), но и коммуникативные (уместность) признаки речи.

Зооморфная метафора, концептуализирующая речь в рассматриваемом аспекте, представлена образами животных и птиц – собаки, коровы, сороки и др. При этом аналогия с определённым животным не всегда мотивирована реальными особенностями его поведения.

Так, ассоциация с коровой мотивирована поведением, свойственным конкретному животному, и носит не общеязыковой, а ситуативный характер. Словарями отмечается идиоматическое обозначение в говорах сплетника, переносчика новостей, праздно слоняющегося по домам, – *балала́ва коро́ва* (уральск.), и приводится пояснение его мотивировки: «Лет 60–70 тому назад жил в Уральске казак Балалаев, по-видимому плохой хозяин, плохо кормящий скотину, потому что его корова с утра выгонялась со двора и должна была искать корм по чужим саням и по чужим дворам. Теперь эта фраза стала нарицательной и говорится про тех, кто не сидит дома, а бегает по соседям со сплетнями и проч. – "чисто балала́ва коро́ва", т.е. слоняющаяся по дворам» (со ссылкой на А. Б. Карпова, источник 1908 г.; орфография сохранена. – Н. Б.).

Метафорическое переосмысление часто основывается на тех свойствах, которые приписываются представителю фауны на основе мифологических представлений о его роли в животном мире, противопоставленном миру человека. В частности, за сорокой в традиционном представлении русских закреплена ассоциация с болтливостью и, в частности, с распространением вестей и сплетен [Подюков, Хоробрых, Антипов 2004: 294]. Заложенный в образ сороки символический смысл отражается и в диалектных номинациях, связанных со сплетнями: *со́ро́чить* 'болтать, пустословить; сплетничать' (ср. калуж. *соро́чиха* 'прозвище болтливой женщины') [СРНГ, 40, с. 35].

Наконец, зооморфный образ может быть мотивирован стремлением к выражению экспрессии, порождаемой соотношением человека с животным – существом, в представлении человека находящимся рангом ниже его. Так, образ собаки, в целом закреплённый за жанром ссоры, а также встречающийся в наименованиях обильного говорения, лжи и пустословия, прослеживается и в обозначениях, связанных со сплетнями: *соба́чий хво́ст* 'о человеке, который распространяет сплетни, занимается сплетнями' [СРНГ, 39, с. 142–143]. Соотнесение с такой частью тела животного, как хвост, отражает негативную социальную оценку сплетника.

В диалектном языковом сознании представляется пустым и бесполезным говорение, ассоциирующееся с кудахтаньем курицы или бляньем овцы. Примеры: *та́ракать* 'кудахтать (о курице)', 'сплетничать'; *блекота́ть* 'блеять (об овце)', 'много говорить, болтать; пустословить, говорить вздор', 'сплетничать, передавать сплетни', *блекота́ло* 'тот, кто много болтает, разбалтывает чужие секреты; пустомеля, болтун; лжец, врун' (*Ну и сказал же ты блекоталу, завтра все соседи знают будут*) и др.

Предметная метафора характеризуется наличием в основе наименований сплетен образов пустых предметов, способных издавать громкий звук, ср.: *бараба́нить* ‘сплетничать, разносить слухи; разглашать что-либо’; *бу́хво́стит* ‘мелко и часто звонить’, ‘разглашать во всеулышание’, ‘сплетничать’; *погрому́шки соби́рать* ‘сплетничать’, ср. *погрому́шка* ‘детская погремушка’, ‘болтовня, пересуды, сплетни’ (*Собирают все погромушки, где бы чего, а от них всё услышишь*) [СРНГ, 27, с. 315]; *тараба́нить* ‘бить в барабан, барабанить’, ‘разглашать что-либо, распространять слухи, вести и т. п., трезвонить’ [СРНГ 43: 269]; *шарма́нка* ‘сплетница’ (*Шырманки всё знают*) [МСГП, с. 351] и др. Как показывают приведённые примеры, в обозначениях, мотивированных звучащим предметом, обозначение речи формируется на основе звуковой аналогии.

Поскольку сплетни основываются на сведениях, полученных из определённых источников, в наименованиях соответствующих речевых действий прослеживается **мотив собирательства**: *собира́шник, собира́руха* ‘болтун, сплетник, сплетница’; ср. также многочисленные фразеологические единицы с глагольными компонентами *собирать, таскать* в значении ‘сплетничать’: *погрому́шки собира́ть, собира́ть околёсную, собира́ть собира́руху, ча́й собира́ть* (*Пошла по соседкам чай собирать – сплетничать*), *собира́ть пустяки́; таска́ть смутки-снётки*.

Представление о речи как о прихотливом конструировании высказывания воплощается в метафорическом **мотиве рукоделия**. Лексическое выражение указанный образ находит в обозначениях, производных от корней *-вяз-, -плет-* (ср. *вязать, плести*). Такие обозначения довольно многочисленны, что объясняется большим количеством вариативных лексем, а также вариативного лексического состава фразеологических номинаций. Диалектные номинации процесса говорения, содержащего сплетни, и человека, передающего сплетни, чаще всего представлены дериватами с корнем *-плет-*: *плету́хать, плести́ плетню́, вести́ в плетню́, плетени́ца, плетёнка, плету́шка, плетёха, плетейя, плету́ха, плету́ша, плётки, плётни, плету́нья, плетуха́нка, сплётсть, сплетáться, сплетáть (сплети́ть, своди́ть) сплётки, сплётки де́лать, сплетáть языко́м (языки́), сплётницы, сплётски, сплету́н, сплету́ха, сплетни́ха, сплётюшница, сплётень, сплетли́вый, наплётсть, наплетю́хать, наплетю́шничать, дурноплётка*) и др. В диалектном дискурсе упомянутая модель используется, главным образом, применительно к обозначениям, денотативно связанным с лживым, пустым, праздным и неуместным говорением, а также с распространением сплетен.

Сфера объекта речи в наименованиях сплетен метафорически интерпретируется через сравнение с процессом **стирки, мытья**: *стира́ть* (*Собираются бабы и стирают кого-нибудь*) ‘сплетничать’ [СРНГ, 41, с. 161]. По-видимому, этот же мотив содержится и в лексеме *смыва́лка* ‘сплетница’ [СРНГ, 39, с. 68]. В других подсистемах национального языка указанный мотив относится более к сфере содержания и прагматики речи, ср. арготич. *полоскать мозги* кому-либо ‘обманывать кого-либо (обычно о невыполняемых обещаниях); запутывать, сбивать с толку кого-либо’ [БСРП, с. 252].

В наименованиях процесса распространения слухов и сплетен актуализируется коммуникативный признак ‘адресованность’, который может выражаться метафорически, посредством **мотива передачи** чего-либо кому-либо: *переводи́ть* ‘распускать слухи, сплетничать’, ‘обсуждать, пересуживать’ [СРНГ, 26, с. 54]; *протя́гивать* ‘говорить о ком-либо неллицеприятное, сплетничать’ (*Сойдутся те-то бабки и начнут там протягивать*) [СРНГ, 33, с. 16].

Наконец, одним из механизмов метафорической концептуализации сплетен в говорах является **образ темноты, неясности, непрозрачности**, выявляемый в обозначениях, фокусирующихся как на содержательной (вздор, неправда), так и на

коммуникативно-прагматической стороне высказывания (деструктивная интенция, направленная на разжигание конфликта). Лексически данный мотив выражается производными от корня *-мут-*: *баламутъ* ‘вздорная сплетня; пересуды, наговоры’, *смутничать*, *смустить* – ‘сплетничать’, *смóтки*, *смўтки*, *смўты* – ‘сплетни’, *смутёна*, *смутянка*, *смутеляга*, *смутоло́ха*, *смуща́нка*, *смутья́нка*, *смуте́йка*, *смустá* – ‘склочница, сплетница’, *смутоло́к*, *смутья́н* – ‘сплетник’, *смутли́вый* ‘вызывающий вражду, ссоры сплетнями’, *сомустить* ‘вносить смуту, раздор, ссорить кого-либо, ябедничая, наговаривая, сплетничая’.

Содержательная структура высказывания, которое может запутать, ввести собеседника в заблуждение своей неточностью или лживостью, характеризуется путём метафорического **образа путаницы, беспорядка**: *путлюшка* ‘путаница, сплетня’ (*Правда, ты женишься? – Не верь никому, всё это бабы путлюшки*) [СРНГ, 33, с. 153].

Таким образом, наименования, содержащие, на первый взгляд, указание на частный содержательный признак говорения, при детальном рассмотрении обнаруживают довольно высокую семантическую ёмкость, заключающуюся в широкой характеристике денотата по разным аспектам речевой деятельности – прежде всего, содержательному и коммуникативному.

Список литературы

1. Большой словарь русских поговорок / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : Олма-Медиа Групп, 2007. – 784 с. (*БСПГ*).
2. Материалы Словаря говоров Поволжья // В. А. Малаховский и изучение народных говоров Поволжья : учеб. пособие по русской диалектологии / сост. М. Н. Барабина, О. А. Безуглова, Л. И. Бордунова, Т. Ф. Зиброва. – Куйбышев : КГПИ, КГУ, 1991. – 384 с. (*МСГП*).
3. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, О. Д. Кузнецовой, С. А. Мызникова. – М.-Л., СПб. : Наука, 1965–2015. – Вып. 1–48. (*СРНГ*).
4. Подюков, И. И. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья / И. И. Подюков, С. В. Хоробрых, Д. А. Антипов. – Пермь : Пермское книжное изд-во, 2004. – 360 с.
5. Вендина, Т. И. О регулятивном принципе языка русской традиционной духовной культуры / Т. И. Вендина // Лексический атлас русских народных говоров : материалы и исследования 2011 / Ин-т лингв. исслед. – СПб. : Наука, 2011. – С. 18–32.
6. Коршунова, Л. С. Лексико-семантические группы глаголов говорения, мыслительной деятельности, чувства в говорах Нижегородской области : дис. ... канд. филол. наук / Коршунова Л. С. – Арзамас, 2002. – 367 с.

С. С. Богомолова
(г. Пенза, Россия)

РЕПРЕЗЕНТАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА

Одно из важнейших назначений языка – обеспечить успешную коммуникацию людей. Языковая коммуникация (связь) предполагает установление контакта между людьми, развитие способности взаимопонимания. Как известно, процесс языковой коммуникации весьма сложен. Через слово, через текст сам человек и его сознание «включены» в традицию и культуру. Если один человек понимает предмет, то он это делает иначе, чем другой. В принципе познание мира и познание другого напоминает общение с чем-то чужим. Чужим может быть всё: другие миры, истории, культуры, общества, сознания. Чтобы распознать чужое, нужно перевести с «чужого» языка на «свой». Механизм перевода с одного языка на другой – универсальный механизм жизнедеятельности, познания и общения людей. Благодаря ему достигается понимание людьми друг друга, понимание людьми современной эпохи людей других исторических эпох, понимание людьми одной культуры и одного об-

щества людей другой культуры и другого общества. «Через язык сознание связывается с культурой, а культура влияет на сознание через язык. Культура – это всё, что люди делали и делают, а язык, как говорил Сепир, то, что люди думали, сознавали и то, что они думают, сознают» [Шаповалов, 1998, с. 105]. С культурологической точки зрения, язык не только механизм культуры, наследования, накопления знаний, обмена знаниями и опытом, но и способ осознания культуры.

Сегодня исследование роли языка в познании и общении считается, пожалуй, одним из самых продуктивных подходов, дающих достаточно полное представление о его природе. С одной стороны, язык есть органическая способность сознания, связанная со всеми его структурами, а также с психикой, бессознательным, телом. С другой – язык рассматривается в качестве универсального средства общения со всеми вытекающими отсюда социальными и культурно-историческими следствиями. Преимущества такого подхода к языку заключаются в его междисциплинарных возможностях, которые соединяют в себе универсальность философских наблюдений и конкретные значения целого ряда специализированных областей знания (лингвистики, психолингвистики, психологии, дисциплин исторического, социального и культурологического циклов). «Обсуждение функциональных назначений языка в рамках этой парадигмы проливает свет на разнообразные механизмы и структуры сознания. Благодаря фонологическим, синтаксическим, семантическим и прагматическим особенностям языка создаются необходимые условия его функционирования в сознании» [Караваев, 2004, с. 89]. Функции языка реализуют творческий потенциал сознания на продуцирование новых знаний, делают доступным для другого содержание нашего сознания, а содержание сознания другого – доступным для нас. Подобные когнитивные и коммуникативные акты сознания особенно важны, когда познание и общение становятся способами совместной деятельности людей.

Способность репрезентировать бытие в человеческом сознании по праву считается базисной функцией языка. Она реализуется в способностях языкового знака обозначать, замещать и обобщать предметный мир, его свойства и отношения. Язык репрезентирует мир в сознании, опираясь на его репрезентирующие способности. Репрезентация – это родовая способность человека, его тела, психической организации отдельных органов тела, бессознательной психики, сознания, а не только языка. Интегральный характер человеческой способности представления не просто указывает на социальную, культурно-историческую, психическую и телесную общность происхождения сознания и языка. Существует три основных способа репрезентации бытия в сознании: репрезентация через действия, через перцепцию и через язык. Эти три способа репрезентации обладают относительной автономией, и взаимодействуют друг с другом.

Репрезентация через действие достигается за счёт моторно-двигательных актов тела и его отдельных органов. Иногда этот вид репрезентации называют кинестетическим, а его эффект заключается в приобретении навыков действия с чем-либо. Например, представление о написании буквы реализуется в определённой последовательности действий. Когда мы научились писать букву, то приобрели навык, закрепляя его в чувственной схеме или образе. Чувственная репрезентация знаний о том, как мы пишем букву, «свёртывается» в привычную схему и обретает «самостоятельность» в известных видах восприятия. Языковая репрезентация процедуры написания буквы, несомненно, учитывает кинестетический, двигательный и чувственный опыт его представления. Она полностью автономна и не связана с ним ни в пространственном, ни во временном отношении. Её словесная форма фиксирует последовательность высказываний о том, как следует писать букву, в обобщённом, знаковом виде. С помощью словесных инструкций написания буквы мы сами можем представить в чувственно-образной форме и воспроизвести это в действиях,

можем сообщить об этой операции другому, передать свой опыт другому поколению. Связи кинестетической и чувственной репрезентации с её языковыми аналогами убеждают в том, что они коренятся в коммуникативных и познавательных способностях языковых знаков.

«Предмет, обозначенный словом, приобретает в языке знаковый статус с присущими ему конвенциональными свойствами. Кроме того, каждое слово-знак не только обозначает, но и обобщает» [Фуко Internet: www.philosophy.ru: с. 15]. Общие признаки предмета или знания о предмете идентифицируются только через репрезентацию их в знаках. Поэтому каждый знак-слово всегда представляет предмет в его обобщенном виде. Познавательная роль знака состоит в том, что он обозначает и обобщает предметы на основании сходства или различия их признаков. Знание общего значения знака способствует ориентировке человека в постоянно изменяющемся мире, среди многообразия явлений, культур и т.п. Произвольность отношений означающего и означаемого приобретает принципиальное значение в языковой репрезентации. Дело в том, что одна и та же предметная область может быть представлена различными языковыми знаками, различными языками, различными системами знаков. Сообщая другим людям о том, как вы представляете предмет в своём сознании, вы по необходимости выделяете те слова и предложения, которым придаёте первостепенное значение, которые выдвигаете на передний план, и те рассуждения, которые играют второстепенную роль и «задвинуты» вами на задний план. Языковые знаки могут обозначать не только предметы действительности, но и вымышленные предметы или явления (например, знак такого вымышленного существа, как кентавр). В знаковой репрезентации художественными средствами также допускаются воображаемые сюжеты и вымышленные конфигурации языка. Границы, разделяющие особенности знаковой репрезентации предметов (явлений, событий) наблюдаемого и вымышленного (воображаемого) мира, должны строго очерчиваться. Особенно важно соблюдать правила репрезентации игровых образов в искусстве. Так, например, если актёр при исполнении роли будет стремиться к предельной реалистичности образа, то это неминуемо повлечёт за собой утрату знаковых достоинств вымышленного мира, который должен быть представлен в его игровом сознании, причём последствия подобного смешения могут быть непредсказуемыми.

Репрезентативная функция языка очень тесно взаимодействует с его интенциональной способностью. Свойства направленности, или интенциональности, языка выражают всеобщие и глубинные качества человеческого общения и сознания. Интенциональность языка проявляется, прежде всего, в словах-указателях (например, в указателях места вроде «там», «здесь», «сюда» и т.п., в указателях времени – «тогда», «когда», «теперь» и т.п., в указателях причины – «почему», «потому», «зачем» и т.п.).

Таким образом, чем больше мы размышляем о природе языка, тем сильнее проникаемся убеждением, что близость языка к сознанию и бытию настолько велика, что трудно переоценить его роль в их выражении и обозначении. Именно поэтому разные философские позиции соглашались по поводу роли языка в жизнедеятельности человека. Как бытие не может быть предметом постороннего рассмотрения и познания (ибо человек не в состоянии выйти за его пределы и занять позицию стороннего наблюдателя), так и язык неразрывно связан с человеком и от него нельзя освободиться и прибегнуть к каким-то другим, неязыковым средствам. Язык проникает через речевую способность человека в самые глубинные уровни его телесной, психической, бессознательной организации и превращается в естественный механизм сознания. Если человек что-то не может проговорить в речи, то, по видимому, это и не осознаётся им, и наоборот, то, что не осознаётся им, о том трудно что-либо сказать членораздельное и тем более сказать так, чтобы это было понято другим. Итак, репрезентативная функция языка обнаруживает себя в качестве

субъектной конструкции языковой картины, которая представлена не только предметностью мира, но и дополнительными смыслами, вошедшими в неё через культурно исторические, биографические, географические условия.

Список литературы

1. Караваев, Э. Ф. Философия / Э. Ф. Караваев. – М. : Юрайт-Издат, 2004. – 520 с.
2. Фуко, М. Слова и вещи / М. Фуко. – URL: www.philosophy.ru
3. Шаповалов, В. Ф. Основы философии. От классики к современности / В. Ф. Шаповалов. – М., 1998.

Е. В. Горохова
(г. Пенза, Россия)

КОНТРАСТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МУЖСКИХ И ЖЕНСКИХ ИМЁН ПО СЛОВАРЯМ

Мы живём в окружении слов – названий предметов, процессов, качеств, явлений, окружающих нас людей. Но есть слова, занимающие особое положение в системе языка, предназначенные для обозначения конкретных предметов и явлений и выделяющие их из ряда похожих, однотипных предметов и явлений – имена собственные. Мы сталкиваемся с ними практически каждый день, к ним мы относим как имена реально существующих людей, городов и рек, так и наименования предметов и субъектов, созданных фантазией человека (имена героев литературных произведений, богов и демонов).

Очень часто человек задаётся вопросами, откуда произошло то или иное название, фамилия, имя, почему город, река, страна, так называются, и так далее. Зачастую объяснить это очень сложно или даже невозможно, потому что названия эти такие древние, что их воспринимают как нечто само собой разумеющееся, иногда «назывная коннотация» имён собственных стирается, и они переходят в разряд нарицательных имен, и тогда определить автора, и даже язык, в котором впервые возникло это слово, практически невозможно. Другие же имена собственные настолько молоды, что живущее сейчас поколение знает их авторов или, по меньшей мере, историю и страну происхождения.

Отражение многих имен собственных мы находим в словарях, где и объясняется значение того или иного антропонима, гидронима, топонима, и его происхождение.

Многообразие имён собственных, их широкое распространение в нашей жизни и сложность этого аспекта языка привели к возникновению особой отрасли языкознания – ономастики (от греч «искусство давать имена»).

Контрастная характеристика антропонимов – тема малоизученная, но по своему интересная, так как с каждым открытым словарем, новым проанализированным именем собственным, открывается мир, с которым невозможно соприкоснуться, если не изучаешь данную тему.

Например, в 18 выпуске «Словаря русского языка XI–XVII вв.» все антропонимы можно разделить по гендерному признаку (мужские и женские), официальные-неофициальные, книжно-торжественные-разговорные, городские-сельские, актуальные-устаревшие. Всего был найден 961 антропоним, употреблявшийся в словаре. Из них 628 имен, остальные являются формами. Не сохранились такие женские имена как: Евникая, Девгения, Афина, Ирода, Федосьица, Ефимия, Агафья,

Оригена, Авия, Улита, Рогнѣда, Еупраксия, Иеремия. Некоторые претерпели фонетические изменения: Христина, Мрия. Также, в словаре встречаются вышедшие из употребления мужские имена: Авраам/Аврам/Аврамей, Адам, Амвросий, Арий, Асафъ, Асканяма, Астафей, Аристи, Варлаам, Власко, Герасим, Далид, Дарий, Девгений, Денисей, Дионисий, Евфим, Елеозар, Епифаний, Еремѣй, Ермола, Еуфимий, Ефрем, Ждан, Зенон, Иелиссей, Иеремий, Илинарх, Илень, Иоанафанъ, Исаий, Исачко, Иулиан, Карпунка, Кипряшка, Климентей, Козма, Кондратий, Корнилий и т.д.

Однако в словаре мы можем найти и актуальные по сей день антропонимы, которые употребляются уже с XI в. Женские имена: Алена, Анна, Антонина, Василиса, Елизавета, Ксения, Мария, Анастасия, Ольга, Прокофья, Ярослава. Самыми частотными по употреблению являются Анна, Мария, Алена, Ксения, а вот такие как Прокофья, Ярослава, по статистике за 2015 г., которую предоставил орган ЗАГС Тонкинского района, встречаются редко.

Мужские имена: Александр, Алексей, Андрей, Арсений, Артём, Афанасий, Богдан, Борис, Василий, Володя, Всеволод, Геннадий, Георгий, Глеб, Григории, Давыд, Даниил, Данил, Дмитрий, Егорий (в виде им. Егор) и т.д.

Если обратить внимание на актуальность и частотность, то самыми популярными являются имена Александр, Алексей, Арсений, Даниил. Менее употребительны Давыд, Борис, Афанасий.

Изучение антропонимов по словарям и в целом представляет интерес потому, что перед каждым человеком рано или поздно встаёт выбор, каким именем, например, назвать своего ребёнка. И тогда родители, чаще всего, обращают внимание на актуальность имени, его благозвучие, соответствие духу времени. Антропонимическая система является результатом влияния многих историко-культурных, религиозных, социально-общественных и других факторов. Нельзя объяснить причину популярности имён каким-либо одним фактором, поскольку они действуют в совокупности.

Факторы, влияющие на популярность имени:

– родители стремятся, чтобы имя было красивым, современным, соответствовало духу эпохи, но это субъективно, индивидуально и зависит от ряда внешних обстоятельств, от среды, в которой живут родители, от круга их интересов, увлечений;

– влияет фактор традиций, когда часто называют детей в честь бабушек, дедушек или других родственников;

– фактор моды играет очень большую роль. мода динамична, чутка к окружающей среде: все крупные события мировой, национальной культуры, явления культурной жизни находят свое отражение в именах. Часто называют детей именами популярных писателей, актеров, любимых героев кино и книг.

мода на имена объясняется сложным взаимодействием языковых и внеязыковых факторов, влияющих на выбор имён. При этом одного лишь языкового или внеязыкового «толчка» обычно бывает недостаточно для зарождения или прекращения моды. Важна вся совокупность факторов, часто не поддающихся прямому и непосредственному наблюдению [Анисимова].

Русские собственные имена отличаются своеобразием и обилием формообразующих средств и многозначностью форм субъективной оценки. Антропонимика русского языка богата, разнообразна и сложна, поэтому её изучение является очень перспективным как теоретически, так и в практике обучения.

Список литературы

1. Анисимова, В. В. Развитие русской антропонимики в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук / Анисимова В. В. – М., 2004. – 155 с.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ В ДРЕВНЕРУССКИЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ БЫЛИН ИЗ «КНИГИ О КИЕВСКИХ БОГАТЫРЯХ» В. П. АВЕНАРИУСА)

Авенариус Василий Петрович – беллетрист и детский писатель. Родился в 1839 г. В 1861 г. окончил естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета со степенью кандидата. Был старшим чиновником по учреждениям императрицы Марии Федоровны (супруги Павла I). Из детских его сказок наиболее известны «Сказка о пчелке-мохнатке» и «Что комната говорит?», премированные петербургским Фребелевским обществом. Большим успехом пользуются написанные им биографические повести: «Юношеские годы Пушкина» (1887), «Отроческие годы Пушкина» (1885), «Гоголь-юноша» (1896), а также его «Книга былин» (1875).

«Книга о киевских богатырях» была издана в 1876 г. Вступительная часть книги знакомит с историей возникновения былин, их делением на тематические циклы, основными героями циклов, особенностями стихосложения. Настоящий свод былин имеет тем большее значение, что записан собирателями еще «с голоса» последних певцов русского народного эпоса и является систематическим и наиболее полным, представляя собой своего рода антологию народной эпической поэзии.

По единству места действия, времени и личностей былины могут быть разделены на несколько групп или «циклов»: 1) древнейший цикл – о полумифических героях довладимирской эпохи; 2) киевский или Владимиров цикл; 3) новгородский; 4) московский и 5) казацкий. Всех обширнее и замечательнее цикл киевский. Все былины этого цикла имеют своим предметом «князя-солнышка», «ласковаго Владимира стольно-киевского» с его богатырской дружиной. Это объясняется тем, что царствование этого князя было действительно самой светлой эпохой дотатарского времени [Авенариус, 1876, с. 7–8].

Поскольку тексты былин относятся к древнерусскому периоду в истории русского языка, то в них отражаются архаичные черты языка данного периода. Научный интерес представляет, в частности, исследование архаичных форм имён существительных.

Для научного анализа отобрано двадцать три имени существительных из былин об Илье Муромце: *градъ, полонъ, теремъ, вранъ, шоломъ, мати, пшена, храмна, дитятко, здравіе, гостьбище, үтріе, каменьє, хозяюшко, людъ, злато* и др.

Проанализируем архаичные формы, представляющие интерес с точки зрения истории языка.

Отметим, во-первых, что в единственном числе в текстах былин употреблялся звательный падеж, выражающий по своему значению форму обращения (в текстах былин сохранились две формы): *хозяюшко, дитятко*. «*Что тебѣ до разбойника, дитятко*», «*Ай же ты, любезный мой хозяюшко*». Наличие только двух форм звательного падежа свидетельствует о том, что утрата данного падежа в период создания былин уже происходила. В древнерусском языке звательные формы выступали лишь в единственном числе и только в словах мужского рода с древними основами на **ѡ*, **јѡ*, **ѣ*, **ї* и в словах женского рода на **а*, **ја*, **ї*. Приблизительно в XIV–XV вв. звательная форма была утрачена. Остатками звательного падежа в современном русском языке выступают формы *боже, господи*, являющиеся междометиями. В качестве звательной формы или обращения теперь употребляется форма именительного падежа.

Интерес представляет также имя существительное *пшенá*: «**Становиль его (жеребчика) въ сръвъ на три мѣсяца, Бѣлояровой пшенной его откармливалъ...**» (Исцеление Ильи Муромца). Существительное *пшенá* было женского рода и обозначало: 1) пшено; 2) рис [Словарь XI–XVII, вып. 21, с. 80]. В тексте былины существительное употреблялось в Тв. п. и имела флексию -ой из исконной -ою типа склонения на *ā, *jā. В современном русском языке употребляется слово *пшенó*, имеющее средний род. В истории русского языка произошло изменение рода, что было довольно редким явлением. Говоры русского языка сохраняют слово *пшенá*: «Яросл. Пшенá-то плохо разваривается» [СРНГ, вып. 33, с. 182]. По мнению С. П. Обнорского, причина изменения рода заключается в характерной для акающих говоров редукации конечных гласных звуков. Например: в словах женского рода [в'еткъ] и среднего рода [пал'ень] безударный гласный в окончании совпадает в звуке [ъ] [Мочалова, 2008, с. 42].

Имена существительные *камень* и *корень*, относящиеся к типу склонения на согласный (на *n муж. рода) представляют интерес с точки зрения раннего сближения с типом склонения на *ā, *jā. В тексте былины данные имена существительные употребляются в Тв. п. мн. ч. и имеют флексии -ями вместо исконной -ьми, что свидетельствует о разрушении склонения с древней основой на согласный. В современном русском языке употребляется слова *каменьями* и *кореньями*, имеющие флексию, совпадающую с формой Тв. п. имён существительных с древней основой на *ā, *jā. («**Бырой дубъ беретъ онъ въ три обоймени/ Изъ земли повывернулъ, по-выдернулъ/ Со каменьями, со кореньями**»).

Сближение древних типов склонения на *ō, *jō и *-ÿ отражено в примерах *боярченковъ* (н.ф. *боярченокъ*), *бояровъ* (н.ф. *богаринъ*). Данные имена существительные в тексте былины употребляются в форме Р. п. мн.ч. и имеют флексии – овъ вместо исконной -ъ типа склонения на *ō, *jō. Тип склонения на *-ÿ был непродуктивный, так как к нему относилось всего несколько слов мужского рода, он начал взаимодействовать с типом склонения на *ō, *jō и постепенно утратился. В современном русском языке слова *боярченокъ* и *богаринъ* являются лексическими архаизмами, так как исчезло само сословие бояр. («**За столомъ сидитъ до тридцати боярченковъ**», «**Пожалъ всѣхъ князей да бояровъ**»).

Плечь – (н.ф. *плече́*) – В.п., дв.ч., ср.р., склонения на *ō, *jō. Окончание в данной словоформе неисконное. Исконное – *плечи*. Форма *плечь* возникла в результате замены форм двойственного числа формой множественного числа вследствие утраты двойственного числа (Р.п. мн.ч. – *плечь*). («**Бросилось поганое по плечь въ окно**»). Замена двойственного числа множественным говорит об отражении утраты двойственного числа в текстах русских былины об Илье Муромце. Значит, в Киевский период истории русского литературного языка (= в древнерусский период истории русского языка) этот процесс уже имел место. В основном процесс утраты двойственного числа завершился к XIV–XV в., в ряде памятников двойственное число сохраняется дольше (до XVII в.). Примечательно, что в тексте встретила только одна форма двойственного числа, что говорит о сильном влиянии живой разговорной речи на язык былины.

Приведенные примеры (*боярченковъ*, *бояровъ*, *каменьями*, *кореньями*, *плечь*) указывают на рано начавшийся процесс объединения древних типов склонения на *ā, *jā и с древней основой на согласный *n; на *ō, *jō и *-ÿ.

Анализ показал, что тексты русских былины древнекиевского периода отражают явления, имевшие место в истории имён существительных: утрату звательной формы (*хозяюшко*, *дитятко*), двойственного числа (*плечь*), живой процесс сближения древних типов склонения.

Список литературы

1. Авенариус, В. П. Книга о кievскихъ богатыряхъ. Сводъ 24 избранныхъ былинъ древне-кievскаго эпоса / В. П. Авенариус. – СПб., 1876.
2. Борковский, В. И. Историческая грамматика русского языка / В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. – М., 2006.
3. Бромлей, С. В. Очерки морфологии русских говоров / С. В. Бромлей. – М., 1972.
4. Мочалова, Т. И. Русская диалектология / Т. И. Мочалова. – Саранск, 2008.
5. Словарь русских народных говоров / АН СССР, Ин-т рус. яз., Слов. сектор. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1999. – Вып. 33.
6. Словарь XI–XVII веков / под ред. Г. А. Богатовой. – М. : Наука, 1995. – Вып. 21.

С. В. Кезина
(г. Пенза, Россия)

СЛОВО В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

В России активно обсуждается Проект единой концепции преподавания русского языка и литературы от 29 октября 2015 г. В Проекте сказано, что «русский язык и литература традиционно образуют основу отечественного образования», так как их изучение, «освоение воплощённых в литературе форм русской речи играют ведущую роль в процессах воспитания личности, развития её нравственных качеств и творческих способностей, в приобщении к отечественной и зарубежной культуре, в продолжении национальных традиций и сохранении исторической преемственности поколений» [Проект, 2015]. В условиях заметного снижения мотивации детей к чтению и замены полноценного чтения чтением в сокращении увеличивается роль учителя-словесника как проводника ребёнка в мир литературы. «Освоение богатств классической словесности нуждается во вдумчивом сопровождении входящего в её мир ребёнка» [Проект, 2015].

Одной из эффективных форм такого сопровождения продолжает оставаться изучение литературного произведения в историко-культурном контексте, являющемся результатом метапредметных связей. Русский язык, история и литература образуют органичное единство, без которого в создавшихся условиях привить интерес к русской классической мысли не представляется возможным. Реализация таких связей всегда была трудным звеном в образовании, но прежние общественно-исторические условия жизни частично устраняли проблему и в какой-то степени компенсировали её (вспомним, например, содержание радио- и телепередач, роль общественных организаций, в том числе молодёжных). В современной России, когда старое разрушено, а новое ещё не создано, нам всем предстоит осмыслить, что же мы потеряли и возможно ли без утраченного строить будущее. В таких условиях возрастает роль учителя вообще, а учителя-словесника прежде всего – учителя, активно участвующего в Возрождении русской культуры.

Подготовка историко-культурного сопровождения к анализу литературного произведения – дело трудоёмкое, требующее времени и активного использования новых информационных технологий.

Приведём пример историко-культурного комментария к литературному произведению. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» отражает, в частности, языковую ситуацию в русском литературном языке первой четверти XIX в. Он становится понятнее и интереснее, когда учитель излагает языковую ситуацию пушкинского периода, когда через произведение мы узнаём о том, что происходило в русском языке и русской культуре первой четверти XIX в. Читатель должен осознать, что классическое произведение и есть самый полный и самый ценный источник знаний о русской истории и культуре.

Поэт работает над романом с весны 1823 г. по осень 1831. В 20–30-е гг. XIX в. русская культура была тесно связана с культурой других стран, прежде всего европейских. Это обусловило интенсивный приток иноязычных слов в литературный язык того времени. Влияние латыни ослабевает: её изучают семинаристы, учащиеся университетов, преподаватели, писатели-переводчики (Н. Гнедич, Н. Надеждин, И. Крылов, А. Мерзляков и др.).

Латынь из моды вышла ныне:
Так, если правду вам сказать,
Он знал довольно по-латыни,
Чтоб эпитафии разбирать

[Здесь и далее текст романа цит. по кн.: Пушкин, 1909].

В рассматриваемый период, как и в конце XVIII в., преобладало французское влияние. Галлицизмы (французские слова и обороты, построенные по французскому образцу) были историческим явлением, частицей жизни и духа пушкинского поколения:

Не все ли, русским языком
Владея слабо и с трудом,
Его так мило искажали,
И в их устах язык чужой
Не обратился ли в родной?

Мне галлицизмы будут милы,
Как прошлой юности грехи.

Галлицизмы были неотъемлемым элементом не только литературной, но и бытовой лексики. Пушкин использует их при описании одежды Евгения Онегина:

... мой Евгений,
Боясь ревнивых осуждений,
В своей одежде был *педант* ...

В последнем вкусе *туалетом*
Заняв ваш любопытный взгляд,
Я мог бы пред учёным светом
Здесь описать его наряд;
Конечно б это было смело,
Описывать моё же дело:
Но *панталоны, фрак, жилет*,
Всех этих слов на русском нет.

Библиотеки в дворянских домах состояли из французских книг. В романе Ю. Н. Тынянова «Пушкин» читаем про детство поэта: «Русских книг он не читал, их не было» [Тынянов, 1988, с. 85]. Многие дворяне в то время не только говорили, но и писали по-русски и по-французски или по-русски с сильной примесью французского. Татьяна написала письмо Онегину на французском языке:

Ещё предвижу затрудненье:
Родной земли спасая честь,
Я должен буду, без сомненья,
Письмо Татьяны перевести.
Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала,
И выражалася с трудом
На языке своём родном.

И Пушкин переводит письмо Татьяны, ставшее шедевром русской классики. Сам поэт стремится использовать иноязычную лексику только по необходимости:

... винюсь пред вами,
Что уж и так мой бедный слог
Пестреть гораздо б меньше мог
Иноплеменными словами,
Хоть и заглядывал я встарь
В Академический словарь.

В «Примечаниях к «Евгению Онегину» А. С. Пушкин приводит высокую оценку этого словаря Н. М. Карамзиным: «Академия Российская ознаменовала самое начало бытия своего творением, важнейшим для языка, необходимым для авторов, необходимым для всякого, кто желает предлагать мысли с ясностью, кто желает понимать себя и других. Полный словарь, изданный Академией, принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иноземцев. Наша, без сомнения счастливая, судьба, во всех отношениях есть какая-то необыкновенная скорость: мы зреем не веками, а десятилетиями. Италия, Франция, Англия, Германия славились уже многими великими писателями, ещё не имея словаря: мы имели церковные, духовные книги; имели стихотворцев, писателей, но только одного истинно классического (Ломоносова), и представили систему языка, которая может равняться со знаменитыми творениями Академии Флорентинской и Парижской. Екатерина Великая ... кто из нас и в самый цветущий век Александра I может проносить имя Её без глубокого чувства любви и благодарности? ... Екатерина, любя славу России, как собственную, и славу побед, и мирную славу разума, приняла сей счастливый плод трудов Академии с тем лестным благоволением, коим Она умела награждать всё достохвальное, и которое осталось для вас, милостивые государи, незабвенным, драгоценнейшим воспоминанием» [Пушкин 1909, с. 328–329].

Сам Пушкин так отзывался о словаре, о котором с такой гордостью и восхищением говорил Карамзин: «Нельзя не пожалеть, что наши писатели слишком редко справляются со словарём Российской Академии. Он останется вечным памятником попечительной воли Екатерины и просвещенного труда наследников Ломоносова, строгих и верных опекунов языка отечественного» [Пушкин, 1909, с. 328].

Вопрос о заимствованной лексике не был во времена А. С. Пушкина личным делом каждого писателя, это был вопрос общественный, он выразился в так называемой дискуссии о «новом слоге». Пушкинский период в истории русской культуры – это период полемики двух литературных обществ: «Арзамаса» и «Беседы любителей русского слова». Восемнадцатилетний Пушкин примкнул к арзамасцам – К. Н. Батюшкову, В. А. Жуковскому, П. А. Вяземскому, которые отстаивали карамзинскую идею об европеизации русского языка. Глава «Беседы любителей русского слова» адмирал Шишков ратовал за очищение русской речи от иностранных слов. А. С. Шишков – русский поэт, переводчик, филолог, государственный деятель, министр народного образования – выступал за самобытное развитие России, резко отвергая её приобщение к западной цивилизации. Его «Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка» (1803) – яростное обличение галломании и призыв возвратиться патриархальные отечественные традиции.

Галломания, по мнению А. С. Шишкова, отдаляет русского человека от родного языка, который является ценнейшим источником и хранителем русской культуры. Он пишет: «... какое знание можем мы иметь в природном языке своём, когда дети знатнейших бояр и дворян наших от самых юных ногтей своих находятся на руках у Французов, прилепляются к их нравам, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно (незаметно – С. К.) покупают весь образ мыслей их и понятий, говорят языком их свободнее нежели своим, и даже до того заражаются к ним страстием, что не токмо в языке своём никогда не упражняются, не токмо не сты-

дятся не знать оного, но ещё многие из них сим постыднейшим из всех невежеством, как бы некоторым украшающим их достоинством, хвастают и величаются» [Шишков, 1803]. Что, по мнению русского филолога, способствует познанию родного языка? – «Для познания богатства, изобилия, силы и красоты языка своего, нужно читать изданные на оном книги, а наипаче превосходными писателями сочинённые ... Кратко сказать, чтение книг на природном языке есть единственный путь, ведущий нас в храм словесности. Но коль сей путь, толико трудный и требующий великого внимания и долговременного упражнения, должен быть ещё несказанно труднейшим для тех, которые от самого младенчества до совершенного юношества никогда по нём не ходили?» [Шишков, 1803]. В своих рассуждениях о судьбе русского просвещения и культуры, о путях развития русской государственности А. С. Шишков выражал взгляды передовых предшественников и современников, прежде всего Д. И. Фонвизина, А. С. Грибоедова и по некоторым вопросам даже Н. М. Карамзина. Пушкинское поколение испытало на себе последствия принятого в обществе воспитания. Сам Пушкин писал брату из Михайловского осенью 1824 г.: «... до обеда пишу «Записки», обедаю поздно; после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки – и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!» [Пушкин, 1824].

Несмотря на осуждение галломании и споры вокруг европеизации русского языка, повлиять на неизбежные языковые контакты никто не смог: русский язык активно впитывал заимствованные слова и обороты. Пушкин считал, что главное в использовании слов не их генетико-стилистическая принадлежность, а уместность, способность наилучшим образом выразить авторскую мысль. Сам он превосходно использовал в своём творчестве все элементы языка, включая заимствования и разговорную лексику, талантливо вплетая их в ткань повествования. Описывая встречу Онегина с Татьяной в светском обществе, он так говорит о любимой героине:

Всё тихо, просто было в ней.

Она казалась верный снимок

Du Comme il faut ... *** [Шишков] прости:

Не знаю, как перевести.

Французское «дю комильфо» переводится «как положено, идеал»: она казалась верный снимок идеала.

Никто бы в ней найти не мог

Того, что *модой* самовластной

В высоком, лондонском кругу

Зовётся *vulgar*. Не могу ...

Люблю я очень это слово,

Но не могу перевести:

Оно у нас покамест ново,

И вряд ли быть ему в чести ...

Пушкин сумел объединить все жизнеспособные элементы языка (славянизмы, заимствованную, образованную от заимствований, разговорную и просторечную лексику) в гармоничное целое и создать образцовый слог, положив тем самым начало современному русскому литературному языку. Идеально иллюстрирует синтез разнородных лексических элементов рассуждение поэта о российских дорогах:

Когда *благому просвещенью*

Отдвинем более границ,

Со временем (по *расчисленью*

Философических таблиц,

Лет *чрез* пятьсот) дороги верно

У нас изменятся безмерно:

Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут;
Мосты *чугунные* чрез воды
Шагнут широкою дугой,
Раздвинем горы, под водой
Пророем *дерзостные* своды,
И заведёт *крещёный мир*
На каждой *станции трактир*.
Теперь у нас дороги плохи,
Мосты забытые *гниют*,
На *станциях клопы* да *блохи*
Заснуть минуты не дают;
Трактиров нет. В избе холодной,
Высокопарный, но голодной
Для виду *прейскурант* висит
И тщетный дразнит *аппетит*,
Меж тем, как сельские *циклопы*
Перед медлительным огнём
Российским печат молотком
Изделье лёгкое *Европы*,
Благословля колеи
И рвы отеческой земли.

Итак, знание общественно-исторических условий, в которых писатель создаёт литературное произведение: каковы основные события этого периода, общественные и политические деятели, монархи, литературные кружки, литературная критика, театр, особенности литературного языка, языковая ситуация и т.п. – значительно обогащает филологический анализ, делает произведение более привлекательным, приобщает читателя к отечественной истории и культуре, что и является главной целью изучения русской классики.

Список литературы

1. Проект концепции преподавания русского языка и литературы от 29 октября 2015 г. – URL: http://vestnik.apkpro.ru/doc/Proiekt_Kontsiptsii_priepodavaniia_russkogho_iazyka.pdf (дата обращения: 16.02.16).
2. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. : в 6 т. Стихотворения 1829–1834 гг. / А. С. Пушкин. – СПб. : Брокгауз и Ефрон, 1909. – Т. 3. – 619 с.
3. Пушкин, А. С. Собр. соч. : в 10 т. Т. 9. / А. С. Пушкин. – URL: http://rvb.ru/pushkin/01text/10letters/1815_30/01text/1824/1279_96.htm (дата обращения: 17.02.16).
4. Тынянов, Ю. Н. Пушкин / Ю. Н. Тынянов. – Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1988. – 496 с.
5. Шишков, А. С. Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка / А. С. Шишков. – URL: http://az.lib.ru/s/shishkow_a_s/text_1803_rassuzhdenie_o_starom.shtml (дата обращения: 17.02.16).

И. О. Куляхтина
(г. Пенза, Россия)

ИНФИНИТИВ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ БЫЛИН ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА)

Одной из основных функций языка является аккумулирующая. Язык является хранителем информации разного характера: исторической, этнической и, конечно же, лингвистической. Языковые факты обозначают этапы в эволюции языка, отражают следы переходных словоформ, фиксируют изменения в лексико-семанти-

ческой системе. Предметом настоящего исследования является именная форма глагола – инфинитив. Цель научного анализа – показать историческое развитие инфинитива. Научному анализу подвергнуто 106 архаичных словоформ, полученных методом сплошной выборки из 52 былин об Илье Муромце, изданных в следующих сборниках: «Книга о киевских богатырях», составитель В. П. Авенариус (1876); «Беломорские былины» А. Маркова (1901); «Былины новой и недавней записи из разных местностей России» В. О. Миллера (1908); «Сборник Кириши Данилова» (1901). Составители этих сборников записывали былины в разных областях России, поэтому тексты героического эпоса сохраняют черты говоров. Сборники содержат былины, относящиеся к разным периодам истории: и ко времени правления Владимира Красного Солнышка, и ко времени монгольского нашествия.

Былины об Илье Муромце относятся к Киевскому циклу (написаны до XIV в.) и являются ценнейшим источником материала, сохраняющего лексический состав и грамматические особенности древнерусского языка.

Инфинитив по происхождению является именной формой – застывшей формой отглагольного существительного типа *мочь/моць* (*mogtis) в дательном-местном падеже единственного числа. «Это имя было втянуто в систему глагола и получило глагольные категории вида и залога» [Иванов, 1973, с. 359]. Во всех былинах встречаются архаичные варианты инфинитива, сохраняющие исконный суффикс -ти. Из 86 архаичных форм инфинитива 61 – на -ти (*пожáловати, кúшати, мóлвити, дрáтися, поклонíтися, искáти, напíтися, слúшати, дѣлати, скитáтися, пропитáтися, подгибáтися, спотыкáтися, молíтися, купáтися, суши́тися, приложíтися, окрoвáвити, покúшати, порúшати, помирíтися, сумлѣтися, позадѣрнути, завалíти, призасыпати, поморíти, обрýскати, обгрáти, нагъхати, пíти, замгънítися, отвѣдати, издѣвáтися, нажítися, женítися, огрáбити, проливáти, подымáтисе, ломáтися, похваля́тися, дѣлати, застрѣлíти, жонítися, погрáбити, обмгънѣтисе, вѣнцѣтисе, повѣдати, хвалítисе, поборóтисе, бítисе, попровѣдати, напítисе, откупáтисе, хвáстати, водítисе, воёвáтисе, розлучíти, потгъхáтисе, съезжáтисе, съгъжжáтисе, говорíти), 2 формы переходные – *отсгъкци, лекчи*, в основах которых были заднеязычные:*

Мы какъ шьчо будѣмъ теперъ да надъ имъ дѣлать-то?

Нать *отсгъкци* у ёго да буйна голова.

«Три поездки Ильи Муромца»

Теперъ пора вѣдь мнѣ-ка на покой *лекчи*.

«Святогор и Илья Муромец»

Остальные 22 – формы на -ть (*вымáть, перепрѣдывать, повѣмыть, унѣть, рáтиться, заложíться, угрѣзывать, поляковать, опочíнуться, приукíнуться, имáть, подгъждѣть, трáпезовать, скрипíть, пóдчивать, гóнить, зъвеличáть, лёжáть, позды́нывать, пошинѣвать (пошинивать), смотрíть, взѣть*).

Древнее окончание -ти претерпело изменения в истории русского языка: в безударной позиции оно редуцировалось в -ть по аналогии с падением редуцированных гласных. В ударной позиции окончание сохранилось до наших дней. В тексте былин в безударной позиции сохраняется древнее окончание, хотя падение редуцированных к этому времени произошло: *кúшати – кушать, говорíти – говорить, дѣлати – дѣлать, слúшати – слушать* и др. Это можно объяснить стремлением к удлинению строк и созданию ритмики и мелодичности фольклорного произведения. Глаголы на -ти чаще стоят в конце строк, чем в начале или в середине:

Господу ли Богу *помолíтися,*

Во Ердани ли во рѣченькѣ *купáтися,*

Въ кипарисномъ деревцѣ *суши́тися,*

Ко Господнему ко гробу *приложíтися...*

«Илья Муромец и Идолище»

Да на что мнѣ, старому, *женітися*?

Мнѣ *женітися* – не *нажітися*... [1].

«Три поездочки Ильи Муромца»

Необходимо указать также на другие особенности архаичных словоформ. Например, на словообразовательные средства (приставки, постфиксы, суффиксы), которые в современном русском языке претерпели изменения или утратились. Особенности в употреблении приставок встречались в следующих словах: *зъвеличѣть* [3], *попровѣдати* [3], *розлучіти* [3], *призасыпати*, *позадѣрнути* [1]. В словах *попровѣдати*, *призасыпати* встречается полипрефиксальность, которая используется для ритмики и уточнения значения слова, для указания на совершенность действия. В инфинитиве *зъвеличѣть* приставка составляет слог и употреблена для удлинения слова (*Зъвеличѣть* тебя я буду изъ очетесьва... [3]). Можно сказать, что все употребление приставок в архаичных формах оправданны.

Отметим особенности употребления постфикса в архаичных формах. Особые формы употребления постфикса *-ся* встречаются в словах: *обвернѣтица*, *подымѣтисе*, *поборѣтисе*, *бѣтисе*, *воѣватисе*, *женітисе*, *похвалятисе*, *водитисе*, *борѣтисе*, *потѣхатисе*, *съезжатисе*, *съжжѣтисе*, *напѣтисе*, *откупѣтисе*. Формы глаголов с постфиксом *-се* находят частое употребление в былинах А. Маркова, которые он собирал в Архангельской губернии в конце XIX в. Может быть, здесь таким образом отразилась утрата носового гласного в истории русского языка (усечённое «ен» из А древнего). В ряде говоров встречаются возвратные глаголы с постфиксами *-се/-сѣ*. Глаголы с такими постфиксами представлены в северной части севернорусского наречия. Разновидность глагольных форм с постфиксом *-са* характерна для восточной части среднерусских говоров [Колесов, 1990, с. 139].

Особого внимания требуют формы *отсѣкѣи* и *лекѣи*. Формы типа *лекѣи* (в современном русском языке – *лечь*) появилась вследствие образования из основной формы на *-чи*, контаминированной с основой настоящего времени. Такие формы распространены в севернорусских говорах. Форма архаичного глагола *отсѣкѣи* (в современном языке – *отсечь*), также результат контаминации форм и фонетических изменений [Колесов 1990: 141]. Такая форма встречается в одной из былин, собранных Марковым в Олонецкой губернии, где распространено цоканье.

Около 20 архаичных форм глагола не употребляются в современном русском языке из-за их устаревшего значения. Мы установили их значение по историческим и диалектным словарям: *имѣть* – «хватать, схватывать» [ССЛ, 1994, с. 259]:

И побѣжалъ Соловей по чисту полю.

Сталь *имать* старой казакъ

Илья Муромецъ Соловья.

«Про старого казака про Илью Муромца и Соловья разбойника»

Таковыми глаголами являются *заложѣтися* (Я поѣду во славный стольный Кіевъ градъ, *заложѣтися* за князя за Владиміра) со значением «заслониться, быть отданным в залог» [Срезневский, 1893, с. 926], *поляковать* (Во чисто поле разѣхались *поляковать*) (от *поляк*) имеет значение «охотиться» [Преображенский, 1910–1914, с. 103], *перепрядывать* (Сталь съ холма да на холмъ *перепрядывать*) – «скакать» [Срезневский, 1902, с. 1716], *порѣшати* (Да калачиковъ крупитчатыхъ *порѣшати*) – «разрушить» [Срезневский, 1902, с. 1222], *обграти* (Черну ворону да не *обграти*) (от *грати*) – «каркать» [Срезневский, 1893, с. 586], *опочінутися* (Мнѣ на старость старику бы *опочінутися*) (от *почіть*) – «предаться отдыху» [Срезневский, 1902, с. 1328], *поздынывать* (Сталь онъ ноги *поздынывать*) – «поднимать вверх» [СРНГ, с. 1994], *пошинивать* (*пошинивать*) (Какъ зачели они его *пошинивать*) – «задевать, обижать» [СРНГ, 1997, с. 35], *ратитися* (Не ходи только драться *ратитися* со могучимъ Святогоромъ-богатыремъ) – «враждовать» [Срезневский,

1912, с. 104]. Некоторые из этих слов употребляются в говорах, например *пош́ивать* (*пош́ивывать*), *позды́ывать*. Причиной архаизации этих глаголов могло послужить появление новых глагольных форм с этими же значениями или прекращение использования глаголов в живой речи.

Функции инфинитива в былинах весьма разнообразны. Заметим, что в былинах чаще употребляются глаголы несовершенного вида. Это объясняется тем, что несовершенный вид выражает незаконченность, длительность действия, его повторяемость, а также тем, что глаголы несовершенного вида представляют собой простую констатацию факта, что является важным для народной речи [Пропп, 1999]. Инфинитив часто выступает как изобразительно-выразительное средство. Вариантные окончания форм инфинитива служат для увеличения строк в былинке, а также для усиления ритмичности и напевности, мелодичности поэтического произведения [11].

Итак, в русских былинах про Илью Муромца сохраняются переходные формы инфинитива, являющиеся разными звеньями его эволюции, что представляет огромный интерес как для историков языка, так и для исследователей русского фольклора.

Список литературы

1. Авенариус, В. П. Книга о киевских богатырях. Свод 24 избранных былин древне-киевского эпоса / В. П. Авенариус. – СПб., 1876.
2. Иванов, И. И. Историческая грамматика русского языка / И. И. Иванов. – М., 1983.
3. Марков, А. Беломорские былины / А. Марков. – М., 1901.
4. Миллер, В. Ф. Былины новой и недавней записи из разных местностей России / В. Ф. Миллер. – М., 1908.
5. Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка / А. Г. Преображенский. – М., 1910–1914. – Т. 2.
6. Пропп, В. Я. Русский героический эпос / В. Я. Пропп. – URL: <http://www.byliny.ru/biblio/propp/poeticheskiy-uzuk> (дата обращения: 25.02.2016).
7. Русская диалектология : учеб. пособие для филолог. фак. ун-тов / ред. В. В. Колесов, Л. А. Ивашко, Л. В. Капорулина [и др.]. – М., 1990.
8. Сборник Кириши Данилова / под ред. П. Н. Шеффера. – СПб., 1901.
9. СРНГ – Словарь русских народных говоров. – СПб. : Наука, 1994, 1997. – Вып. 28, 31.
10. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И. И. Срезневский. – СПб., 1893–1912. – Т. 1–3.
11. ССЛ – Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. – М., 1994.
12. Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор»: Былины об Илье Муромце в общерусской устной традиции XVIII–XX веков. – URL: <http://feb-web.ru/feb/byliny/texts/imu/Imu-447-.htm> (дата обращения: 25.02.2016).

И. Д. Леснова
(г. Пенза, Россия)

ДИЛОГИЯ П. И. МЕЛЬНИКОВА (ПЕЧЕРСКОГО) «В ЛЕСАХ» И «НА ГОРАХ» КАК ИСТОЧНИК НАРОДНОЙ РЕЧИ

Вклад Павла Ивановича Мельникова (Андрея Печерского) в русскую литературу значителен. Среди писателей найдётся немного тех, кто до конца своих дней сохранил такую тесную связь с малой Родиной и служил делу изучения народной жизни и народного языка. Талантливое использование всех богатств родного языка, а также творческое обогащение и расширение его за счёт использования элементов народной речи, создание ярких и выразительных образов, имеющих, как правило, фольклорную основу, – всё это характерно для творческой манеры писателя как представителя этнографической школы.

Большой интерес представляют языковые особенности диалогии «В лесах» и «На горах».

Характерной чертой творчества П. И. Мельникова является многостороннее и разнообразное использование фольклорного материала. «Созерцая эту гигантскую фреску, эту энциклопедию старорусской жизни, эту симфонию описей и номенклатур, – впрямь начинаешь думать: а может быть, секрет живучести мельниковской эпопеи – именно в этом музейном собирании одного к другому? Может, не без оснований окрестили его критики девятнадцатого века великим этнографом, чем невзначай и задвинули со всем величием в тот самый «второй ряд» русской классики, удел которого – быт и правописание, фон и почва, но – не проблемы?» – так писал о таланте П. И. Мельникова Л. А. Аннинский [Аннинский, 1988, с. 195]. Именно увлеченность фольклором, признание его высокой эстетической и художественной ценности, углубленное изучение народных говоров, дали писателю возможность значительно полнее и шире демократизировать литературный язык.

Именно П. И. Мельников впервые так глубоко и всесторонне осветил в литературе тему церковного раскола. «В этом старообрядческом мире, на окраинах средней Волги, автор показывает нам исконную, кондовую Русь, где никогда не бывало чуждых насельников и где Русь исстари в чистоте стоит, во всем своем росте и дородстве, со всеми прирожденными ей свечаями и обычаями» [Янчук, 1911, с. 193]. Его романы по праву называют энциклопедией русской жизни, что, несомненно, подтверждает и их лексика.

Читатель знакомится с историей и обрядностью раскола, народными обычаями и поверьями, узнаёт, какие промыслы были тогда развиты в различных сёлах, как говорили в Заволжье, чем заполняли досуг. С детства находясь среди жителей поволжских скитов, П. И. Мельников сохранил любовное отношение к этой жизни и её оригинальным особенностям. Народные слова он часто употребляет не только в диалогах действующих лиц, но и в описаниях, в речи автора, в которой встречаются целые народные фразы: «Солнце с полден своротило, когда запылилась дорожка, ведущая в Свиблову» [Мельников, 1993, с. 454]; «Ложе – трава муравая, одеяло – темная ночь, браный полог – звездистое небо» [Мельников, 1993, с. 346] и т.д.

Большое количество народных слов, выражений и оборотов местных говоров, этнографических, географических названий введено писателем в художественную литературу. Знакомство с В. И. Далем, убежденность того в необходимости сближения литературного языка с народным определили впоследствии художественный метод П. И. Мельникова-романиста. Устаревшие слова автор вынужден объяснять в сносках или подстрочных примечаниях. В таких случаях или даётся ссылка на «Толковый словарь живого великорусского языка» [далее – «Толковый словарь»], или автор диалогии пытается самостоятельно объяснить их значение.

Проанализировав лексику диалогии, мы выделили девять тематических групп:

- 1) религиозная лексика;
- 2) лексика, характеризующая сельскую местность;
- 3) лексика, характеризующая купеческий быт;
- 4) лексика, называющая предметы одежды;
- 5) лексика, обозначающая текстильные материалы;
- 6) лексика, называющая блюда за трапезой;
- 7) лексика, обозначающая народные промыслы;
- 8) лексика, характеризующая традиции, обряды, игры;
- 9) лексика, характеризующая народный календарь.

Всего было проанализировано 430 слов. Из них авторское значение имеют 380 слов, 310 значений дано по «Толковому словарю» В. И. Даля, 120 слов отсутствуют в словаре. В итоге количество слов, значения которых указаны в обоих ис-

точниках, – 310. Сравнительный анализ показал, что из этих 310 слов сходное значение имеют 284 (тесло, вареги, заманиха и т.д.), незначительные различия в значениях у 14 (спасенье, жбан, чаруса, свитка и т.д.), разные значения у 12 слов (кика, путик, сирота и т.д.).

Особый интерес привлекает лексика, характеризующая традиции, обряды, игры, которая представлена 29 словами. Большинство из них относятся к свадебному обряду, которому автор уделяет немаловажное значение. Например, в восьмой главе первого тома романа «На горах» Авдотья Федоровна говорит Петру Степанычу: «Хоть свадьбу-то и уходом сыграли, да ведь Чапурин покончил её как надо быть следует – «честью»» [Мельников, 1994, с. 372]. Не так-то просто понять, о какой свадьбе идёт речь. Автор в сноске указывает, что свадьба «честью» – это свадьба со всеми обрядами, а «Толковый словарь» даёт более подробное объяснение: «Обручение, совершение брака, женитьба и замужество, повенчание, со всеми брачными обрядами и пирушками» [Даль, 1991, с. 145]. В речи Авдотьи Федоровны встречается и такое понятие, как свадьба «уходом», которая в большом обыкновении у заволжских раскольников и означает похищение девушки из родительского дома и тайное венчание с нею у расколического попа, а чаще в православной церкви; аналогичное толкование дается и В. И. Далем.

Каждая свадьба должны быть официально зарегистрирована, после чего молодожёнам или «моложанам» выдается рядная запись, что означает письменное условие по случаю брака с росписью приданого. В «Толковом словаре» В. И. Даля к этому сочетанию даётся более общее определение: «Договор, сделка, обязательство на письме» [Даль, 1991, с. 125].

Устаревшим вариантом слова «венчаться» у старообрядцев являлось сочетание «быть на божьем суде», которое использует Марфа Михайловна в романе «На горах», рассказывая о своей молодости собеседнику: «Теперь говорите, Патап Максимыч, из детей мы вышли... обе были на божьем суде» [Мельников, 1994, с. 196]. Чтобы назвать обед у молодых, автор прибегает к устаревшему словосочетанию «горный пир», а свахи на богатых свадьбах в те времена и вовсе различались по индивидуальным функциям, каждая имела своё наименование, что подмечают П. И. Мельников и В. И. Даль: женихова (сватавшая), невестина (расчеши-косу, погуби-косу, или подвенечная) и постельная (или пуховая).

Помимо свадебного, в диалогии описывается и поминальный обряд. Задушевные поминки, т.е. милостыня, раздаваемая по рукам на кладбище или у ворот дома, где их справляют; полусорочкины, или двадцатый день после смерти; плакальщицы – всё это обязательные атрибуты похорон и поминок у старообрядцев.

Представляют интерес и названия других традиций и обрядов: это вымазывание дёгтем ворот того дома, где живёт девушка зазорного поведения; супрядки (посиделки), на которых принято было петь зазывные песни; игра в чижа (заострённую с обоих концов палочку, которая подлетает кверху, когда её бьют по концу), в козны (в кости из ноги барана или другого животного), в крегли (городки) и многие другие. «Мальчишки и подростки борются либо играют кто в козны, кто в крегли, кто в чиж, кто в лапту, с гиком, с визгом, с задорными криками» [Мельников, 1994, с. 510].

Рассказывая, как женщины с молитвой рисовали мелом кресты над дверьми и окнами, чтобы отогнать нечистого, писатель использует выражение: «Старые старухи и пожилые бабы домовничали...» [Мельников, 1993, с. 14].

Мы рассмотрели лишь одну из тематических групп, которая помогает нам убедиться, насколько писатель виртуозно владел русской речью, точно передавал оттенки общенародного языка и местных говоров. Употребление устаревшей лексики помогает ему достоверно воссоздать историческую картину и передать колорит описываемого времени.

Таким образом, языковые особенности диалогии «В лесах» и «На горах» позволяют утверждать, что П. И. Мельников, как и В. И. Даль, способствовал расширению словарного состава литературного языка за счёт сближения его с языком народным.

Список литературы

1. Аннинский, Л. А. Три еретика / Л. А. Аннинский. – М., 1988.
2. Даль, В. А. Толковый словарь живого великорусского языка / В. А. Даль. – М., 1991.
3. Мельников, П. И. (Андрей Печерский). В лесах / П. И. Мельников. – Саранск, 1993.
4. Мельников, П. И. (Андрей Печерский). На горах / П. И. Мельников. – Саранск, 1994.
5. Янчук, Н. А. П. И. Мельников (Андрей Печерский) / Н. А. Янчук // История русской литературы XIX века // под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского. – М., 1911.

А. Д. Логинова
(г. Пенза, Россия)

НИКНЕЙМЫ МУЖСКИЕ И ЖЕНСКИЕ

Никнейм (ник) как виртуальное имя собственное, условное или вымышленное компьютерное имя, художественный образ, который пользователи создают для личного общения в сети, представляет собой достаточно новое явление в ономастике, поэтому статус его окончательно не определён.

Как справедливо отмечает А. К. Матвеев, мир ономастики, и прежде всего имён людей, настолько велик и значим, что любой прикоснувшийся к нему не может пройти мимо, не попытавшись его осмыслить. Через всю предметную лексику проходит бинарное деление существительных на нарицательные и собственные. В основе этого разделения лежит противопоставление обобщенных названий однородных предметов (город, река, окно) наименованиям единичных предметов, выделенных из ряда однородных. Имена собственные обычно не раскрывают признаков предметов, в то время как нарицательные существительные способны указывать на свойства обозначаемых объектов действительности, если они производные: подснежник (находящийся под снегом). Имена собственные по отношению к предмету носят случайный, условный характер, характеризуются полной или относительной произвольностью первоначального выбора и непереводаемостью на другие языки. Некоторые лингвисты подразделяют имена собственные на две группы: имена собственные в узком смысле этого слова (имена, прозвища людей, клички животных, географические и астрологические названия) и наименования, представленные сочетаниями слов, словосочетаниями и предложениями (названия учреждений, исторических эпох, названий газет, журналов и т.п.). В связи с этим уместна точка зрения А. К. Матвеева, считающего, что термин «имя собственное», противопоставляемый термину «имя нарицательное», «затрудняет определение места собственных имен в языке, поскольку ограничивает их мир пределами слова и, более того, существительных». По мнению автора, имена собственные могут быть словосочетанием и даже предложением, т.е. выходят за рамки лексики: «попытки определить статус имени, как правило, не дают результата, поскольку слово – только одна ипостась имени». Имена, по словам А. К. Матвеева, могут рассматриваться как «звуковой материал, смысловое ономастическое содержание которого, иногда очень существенное в момент возникновения имени, может быть затем утрачено безо всякого ущерба для его функционирования». Поэтому при необходимости можно «творить» собственные имена из любого языкового материала.

Сказанное в полной мере имеет отношение к классу антропонимов, сходных по своей природе с никнеймами – вымышленными именами, созданными пользова-

телями Интернета на основе разнообразных, в том числе и не однословных, языковых единиц. Как имена собственные никнеймы обладают признаком единичности обозначения отдельных индивидов. Выбор виртуального имени осуществляется носителем произвольно, а личностные свойства, имплицитно заложенные в словесном знаке, субъективны и не могут в полной мере отражать реальные характеристики человека. Что касается перевода на другой язык, то никнеймы, как имена собственные, не могут быть формально переведены, но возможны в некоторых случаях их интерпретация или комментарии. Например, никнейму Киска можно подобрать английский эквивалент Pussy, а про100ОЛЯ – нет. Никнеймы обладают грамматической однозначностью и спецификой формы, поскольку в состав имён могут быть инкорпорированы графические обозначения: Sl@va, Prince\$\$ka, -=Volk-D=- и т.п.

Обладая основными признаками имен собственных, никнеймы составляют, тем не менее, особую группу благодаря отдельным особенностям. Никнейм как антропоним входит в ряд имен людей, представленных как различными формами, так и отдельными типами (личное имя, отчество, фамилия, прозвище, кличка, псевдоним, андроним, патроним и т.п.), рассматриваемыми с позиций ресурсов именования. Изучение антропонимов связано с проблемами формирования имен, характера информации, которую может нести имя (характеристика человеческих качеств, род занятий, происхождение из какой-либо местности и т.д.), функционирования в речи (номинация, идентификация, дифференциация, смена имен, связанная со сферой коммуникации и др.). Существенным для решения статуса никнейма является вопрос о двойственном характере антропонимической лексики. Идеи об общих и единичных именах Т. Гоббса, развоплощенных и воплощенных именах А. Гардинера, нашедшие развитие в отечественной лингвистике [подробно об этом см.:], сводятся в целом к тому, что одни имена являются принадлежностью языка, потенциальным ресурсом для именования вне связи с конкретным лицом, другие закрепляются за конкретными индивидами, актуализируясь при определенных условиях. Исходя из этих особенностей никнеймы входят в сферу «актуальной антропонимии», представляющей собой, по словам С. Н. Смольникова, «систему конкретно-референтных собственных именований, актуальных для носителей языка и употребляемых в речи для обозначения и индивидуальных объектов». Это означает, прежде всего, что никнеймы, в отличие от потенциальных имен, имеют закрепленность в языке и способность к устойчивой воспроизводимости, они являются результатом речевой номинации.

Среди основных характеристик никнеймов – единичность и определенность номинации, наличие референции, а также семантическая и структурная специфика. Единичность и определенность номинации никнеймов проявляется в том, что они являются результатом самономинации: носители виртуальных имен являются их авторами. Семантические особенности никнеймов как актуальных антропонимов определяются конкретными признаками, которые репрезентирует в имени сам коммуникант исходя из собственных интенций. При этом, как выясняется в дальнейшем, истинность/неистинность личных характеристик остается имплицитной. Для актуальных и для потенциальных антропонимов характерно наличие общих сем: ‘имя’, ‘лицо’, ‘пол’, ‘национальность’ и др. Но если потенциальные антропонимы, обладая классификационной семантикой, содержат обобщенные представления о носителях имени, то никнейм конкретизирует образ, будучи языковым знаком структурно более сложным. Даже если выбирается личное имя в качестве никнейма, то оно редко дублирует реальную форму, чаще всего представлено в виде коннотативно окрашенных вариантов, например: Сергей – Сергун, Серёга; Кристина – Кристишка, Олег – Олежик и т.д. Также встречаются варианты написания личных имен (никнеймов) с прописной (Вадим, Оксана, Алена) и со строчной букв (павел, оля, юля).

В немногочисленных исследованиях, посвященных этому явлению номинации, никнейму отводится место в ряду различных единиц: псевдоним, кличка, прозвище и др. Обратимся сначала к таким единицам прозвищной номинации, как кличка и прозвище. Особенность заключается в разнородности и зыбкости границ между ними, в отсутствии четких дефиниций, прежде всего, в европейской лингвистике. Так, во французской антропонимике разграничивают кличку (*sobriquet*) – имя, данное спонтанно, на основе какой-либо отличительной черты, и прозвище (*surnom*) – дополнительное имя наряду с официальным. Х. Вальтер и В. М. Мокиенко усматривают разницу между терминами в том, что «прозвище тяготеет к более общему номинативному диапазону», а кличка характеризуется специализированностью, обусловленной коннотативностью. Как отмечают авторы, в ранней традиции термины «кличка» и «прозвище» отличались тем, что «кличка» относилась в большей мере к обозначению животных, в современном же русском языке они семантически сблизилась. Более того, в современных словарях «кличка» (по отношению к человеку) определяется через «прозвище» и, как правило, присущая ему первоначально негативная оценочность теряется. Прозвища и клички объединяются и с точки зрения их категориальных признаков, среди которых отмечают неофициальность, факультативность (по сравнению с обязательными личными именами и фамилиями), «личностную конкретность», неисчерпаемость материала для их образования (открытый ряд), «индивидуальную анонимность», эмоциональную окрашенность, наличие типичных структурно-образовательных моделей, сохранение исходной языковой мотивации. Что касается сферы употребления прозвищ и кличек, то исследователи указывают на ограниченность их использования принадлежностью к отдельному социуму или локальностью и окказиональностью. Одной из особенностей кличек и прозвищ является их связь с явлением вторичной номинации, в результате которой выявляется соотношенность существующего в языке словесного знака с новым окказиональным референтом.

М. А. Арутюнян, обращаясь к данной проблеме, уделяет внимание использованию во вторичной номинации имен нарицательных – «говорящих имен», например: Лиходеев, Босой и т.д. (М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита»). Типичным говорящим именем является конкретное имя, созданное автором в конкретном произведении. В отличие от клички или прозвища оно является первичным, основным и используется только в данном авторском произведении. При обращении к источникам именования среди никнеймов заметны аналогичные процессы. Прежде всего, можно говорить о вторичной номинации, причем в образовании никнеймов участвуют как имена собственные, так и имена нарицательные. Имена собственные могут быть представлены прецедентными именами, позволяющими обозначить определенный признак (Дракула, Амазонка901, ×Багира×), или являться модифицированным личным именем или фамилией, идентифицирующими личность (Володя, Натали, Sergio, scoriak), при этом чаще всего добавляется коннотативный компонент (Катечкин, T@нюшк@). Нередки и аналоги «говорящих имен», используемых для подчеркивания собственных качеств: Beauty (красота), rshelka, Зеленоглазая. Прозвище и кличка квалифицируются, таким образом, как такой вид антропонима, который характеризует и индивидуализирует объект (лицо) по определенному, чаще всего оценочному, признаку, сохраняя прозрачность номинации.

По общим параметрам налицо определенное сходство никнейма с прозвищем и кличкой. Однако функциональная специфика никнеймов, заключающаяся в самоименовании, позволяет считать их специфическим явлением, лишь в некоторой мере пограничным процессу именования посредством прозвищного лексикона. Специфика никнеймов определяется, в первую очередь, сферой их использования – интернет-пространством, что находит отражение в их характеристиках. Так, А. Кушнир рассматривает ник с текстом (фразы в чате) как равносильные, неотде-

лимые понятия, поскольку это важнейшие элементы чатового общения. А создание никнейма он определяет как творческий акт, и его появление вызывает определенный горизонт ожидания всех чаттеров.

Е. А. Белоусова под виртуальным именем подразумевает имя, которое пишется, а не слышится. Это так называемый визуальный сигнал, а не акустический. Свое видение понятия «никнейм» выражают и сами пользователи Интернета. Так, О. А. Харитоновна (ник Джессика), автор статьи «Ники как псевдонимы в виртуальном общении», дает следующее определение: «ник – это имя, под которым человека знают в чате», это нечто иное, как роль, образ, взятый напрокат, своеобразная самопрезентация, визитная карточка, предъявленная для идентификации и привлечения внимания. Участник интернет-форума под странным ником Выхода нет написал, что «ник – один из основных способов самопрезентации в Сети. Ники могут много сказать о человеке, зачастую люди выражают ником свои интересы, увлечения. Иногда по нику, как по первому впечатлению, я могу сказать: интересен мне этот человек для беседы или нет». Продавец счастья уверен, что «многие пользователи Всемирной паутины используют ее, в частности чаты и форумы, для создания какого-то собственного иллюзорного виртуального мира, они создают себе новый образ, новую манеру поведения, новую биографию и, конечно, новое имя как главную деталь нового имиджа. Ники придумываются тщательно, как костюм, предназначенный для маскарада, и часто имеют самый замысловатый вид». Главным признаком никнеймов является самономинация: они выдумываются самими номинаторами, т.е. человек сам называет себя. Такой тип имен собственных определяется как псевдоним (греч. *pseudos* – ложь, *онупта* – имя): «вид антропонима, т.е. вид любого собственного имени, которое может иметь человек; это вымышленное имя, существующее в общественной жизни человека наряду с настоящим именем или вместо него». В связи с этим никнеймы часто относят к псевдонимам. Так, в Википедии (интернет-энциклопедии) никнейм или ник (от англ. *nickname/nikneim*) определяется как сетевое имя или псевдоним, используемый пользователем в Интернете при общении в чате, форуме или блоге. Во французском языковом сообществе, где предписано избегать англицизмов, используется термин «*le pseudonyme sur Internet*». По мнению Б.Башаевой, никнейм – это тот же псевдоним, прозвище или импровизация собственного имени. А.В.Жичкина полагает, что в Интернете коммуниканты, описывая себя определенным образом, создают так называемые «виртуальные личности», которые наделяются именем, часто псевдонимом, называемым *nick* (от *nickname* – псевдоним) или *label* – лейбл, ярлык. По словам К. С. Цибизова, ник (кличка, псевдоним) – это имя, выбираемое коммуникантом, в котором раскрывается желание автора, «надев на себя маску героя своего прозвища», побыть тем, кем хочется быть. Он создается с помощью лексических и паравербальных языковых средств. В лингвистике псевдоним определяют как вымышленное или условное имя. Причинами появления псевдонима бывали также неблагозвучие фамилии, боязнь провала на литературном поприще, сословные предрассудки, наличие однофамильцев. От других ономастических единиц псевдоним отличается не только свойствами искусственного целенаправленного самоназвания, ограниченного характера употребления в нескольких или одной сфере, вторичной номинации. Отмечается двуплановый характер его семантики – способность выполнять функцию имени собственного, сохраняя дономастическое значение основы, а также специфика функций – с одной стороны, маскировочная (сокрытие настоящего имени), с другой – рекламная. На наш взгляд, по своей характеристике вымышленного имени, заменяющего настоящее имя и придуманного его носителем, никнейм может быть отнесен к псевдонимам, но с определенной оговоркой. С точки зрения формальных особенностей создания имен псевдонимы и никнеймы имеют некоторые сходные признаки. Прежде всего, это индивидуальная принадлежность (связь с автором): Анжелика

Варум – псевдоним популярной певицы Марии Варум, ники Stepashka (Дмитрий Степанов), samolva (костян самойлов). Еще один признак, объединяющий псевдоним и никнейм, – самоназывание, самоидентификация. Понятие псевдонима как средства самоименования автора оспаривается некоторыми исследователями, поскольку псевдоним может быть результатом творчества не только его носителя, но и других людей. Очевидно, что данное утверждение применимо к литературным или иным произведениям, где роль именователя может выполнять издатель или продюсер. Когда человек придумывает себе псевдоним или никнейм, он идентифицирует, называет себя, рисует определенный образ. Так, например, при восприятии ника ...Одинок... (Ксения Тихонова) всплывает образ одинокой девушки, которая, придумав себе такое виртуальное имя, рассчитывает познакомиться, найти подходящих собеседников в чате. Считается, что в процессе придумывания образа (личности) в псевдониме присутствует больше официальности, чем в нике, к примеру, Марина Влади – Мария-Луиза Полякова-Байдарова (жена В. Высоцкого), Мэрилин Монро – Норма Бейкер (американская киноактриса).

Следует отметить, что рассматриваемые ономастические единицы индивидуальны и специфичны по своему строению и смыслу. Они могут состоять как из одного, так и из нескольких слов, употребляться как в прямом, так и в переносном смысле: Карандаш – псевдоним М. Н. Румянцева, ники: ГлАмУр ЛеДи – ильмибочка илькабаева, зимародок – гала зарослова. При создании псевдонима и никнейма важна мотивированность. Псевдонимы придумывали не только для того, чтобы скрыться, но и чтобы выделиться среди других (Саша Черный – Александр Михайлович Гликберг, Мадонна – Мадонна Луиза Чикконе). Что касается никнеймов, рассматриваемый признак чаще всего строится на ассоциативных связях, которые являются внутренней реакцией на слово-стимул (Fire – Илья, m@lina – Мария Князева). Когда коммуникант в чате ищет себе собеседников, то в первую очередь он обращает внимание на первичную информацию будущего собеседника, т.е. на никнейм, и лишь затем обращается к вторичной информации – фамилия, имя, отчество, пол, возраст, город и другие данные. Стоит учитывать фонетико-графические особенности, которые придают виртуальному имени эмоциональность, забавность, карнавальность, кокетство, например, @@-(Kr@s@vCHiK)-@@ (без имени), анюта: -* (анюта+смайл «поцелуй»), «@леськ@!» (алесья). Среди изучаемых единиц ономастики, кроме того, наблюдается некоторая аффектированность (искусственность). Способ создания бессмысленных слов в качестве никнеймов – Nikitaki (таня) – требует расшифровки. Среди посетителей чатов немало тех, кто не задумывается, что означает их сетевое имя, главное, что оно есть. Так называемые новые лексические единицы никогда не будут зафиксированы в словарях, поскольку их смысл знает (или не знает) только тот, кто придумал его, например, AmunRa (Александр), Грувибузик (нет имени), Keitaro (Михаил). Необходимо отметить и такой признак, как экспрессивность, который придает выразительность и больше присутствует в никах, нежели в псевдонимах. Так, например: Демьян Бедный – псевдоним русского, советского писателя Ефима Алексеевича Придворова; ники ChudiC (Виталья), стерва (сниженный). Таким образом, основное сходство никнеймов с псевдонимами основывается на признаках вымышленности имени, индивидуальной принадлежности, самоназывания и самоидентификации, мотивированности, искусственности, экспрессивности, а также ограниченности сферы употребления. Вместе с тем очевидны и определенные отличия никнеймов от собственно псевдонимов. Возникновение ников связано с новым видом коммуникации (сети Интернет) и имеет целью не столько скрыть реальную информацию о себе, сколько позиционировать себя в виртуальном мире, подчеркнув личностные черты или создав определенный образ, чаще всего придуманный. Поэтому в никах необходимы замысловатость, вычурность, изюминка, а в псевдонимах – в большей степени анонимность, тайность настоящего

имени. Специфика использования и, следовательно, создания никнеймов связана с тем, что интернет-коммуникация позволяет установить не односторонний, а взаимный контакт коммуникантов. В этой связи в никнейме как слове-знаке прагматический компонент более эксплицирован, чем в псевдониме. Он выражает информацию о коммуниканте, стремящемся в первую очередь обратить на себя внимание, создать благоприятные условия для восприятия смыслового оттенка ника (если он присутствует). Рассматривая никнеймы как явление, смежное понятию «псевдонимы», следует подчеркнуть их специфику, обусловленную сферой использования в сети Интернет, представляющей особый вид коммуникативного пространства. Таким образом, никнейм – новое явление в ономастике, появившееся в результате развития интернет-коммуникации. Оно обнаруживает структурно-семантические и функциональные сходства прежде всего с псевдонимами, а также с кличками и прозвищами. Однако несомненным является и особый статус этих языковых единиц, выражающийся в специфике их образовательных моделей и в исключительности контекста использования.

Н. А. Мартынова
(г. Псков, Россия)

КОНЦЕПТ-ОБРАЗ БЫСТРОТЫ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ И НАРОДНОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПСКОВСКИХ СКАЗОК)¹

*Скоро сказка сказывается,
да не скоро дело делается.*
Даль В. Пословицы русского народа

Объектом исследования является корпус текстов необработанной народной сказки, изданный в виде электронной базы данных, созданной на основе материалов псковского диалектного и фольклорно-этнографического архива [Народные сказки Псковского края].

Изучение регионального фольклора позволяет сделать вывод о том, что тексты сказок, записанные на территории Псковской области, представляют собой, как правило, варианты известных традиционных сказочных сюжетов, при этом отличаются включением в ткань сказочного повествования псковских топонимов, черт местного традиционного обрядового быта (свадебного, святочного, похоронно-поминального), экспрессией и богатством интонаций повествовательной манеры [Площук, 2004, с. 19–21]. В местных сказках отражается всё многообразие пространственного мира псковского крестьянина, а также комплекс этнолингвистических, коммуникативно-прагматических и лингвогеографических и собственно языковых местных особенностей [Большакова 2014, 2015]. Сказка, таким образом, пришедшая к нам из глубины веков, являясь одним из древнейших жанров устного народного творчества, представляет собой сокровищницу народной традиционной культуры и языка. Всё это придаёт сказочным текстам регионального характера особую ценность и неповторимое своеобразие.

Мир региональных сказок многогранный: человек (в данном случае рассказчик-диалектоноситель) вкладывает в фольклорный текст свой бытовой и социальный опыт, жизненные приоритеты, проверенные временем и ставшие принадлежностью всего данного социума. Структура текста сказки, рождённая в результате непосредственного общения собирателя и информанта, представляет интерес как

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-14-60001.

для фольклористов, так и лингвистов. Детальное изучение псковских фольклорных материалов как отражения народно-речевого дискурса и коммуникативного поведения информанта в целом дает возможность исследователю выявить и описать особенности организации говорящим содержания высказывания в соответствии с его представлениями об окружающем мире и самом себе.

Так, тексты региональных сказок служат источником для обнаружения системы языковой репрезентации одного из культурно значимых признаков традиционной народной культуры – понятия быстроты. Оппозиция *быстрый – медленный*, лежащая в основе данного понятия, является одним из универсальных противопоставлений в повседневной-бытовой и духовной жизни человека, связана с его трудовой и ритуальной деятельностью, с особенностями восприятия им природы и артефактов.

Понятие быстроты неотделимо от базовой в языковой картине мира (в своей основе философской) категории движения, которое в сказочных текстах является неотъемлемой характеристикой художественного пространства. Любая сказка отличается «чрезвычайной динамикой действия», которое «всегда совершается физически, в пространстве» [Пропп, 1976, с. 90–91]. Иными словами, сказки насыщены идеями постоянных пространственных перемещений, текучестью, движением, осуществление которого может совершаться в различном темпе (быстро или медленно). Целью работы стало выявление языковых репрезентаций быстрого действия, движения, свойственных сказочной стилистике, на фоне данных псковской диалектной речи.

В псковских сказках понятие быстроты выражается с помощью традиционного для сказки устойчивого сочетания *не по дням, а по часам*, представленного в различных вариантах: *И так стал быстро этот расти садик, так быстро, не по дням, а по часам!* (Грустная сказка об Алёнушке); *Малый Юнош растё не по дням, не по часам, а по минуткам.* (Марко богатый); *У кого детей не было, брали люлечку и колыхали. И выколыхали сынка Черёшечку. Рос он не по месяцам, а по часам и минутам.* (Сказка про Черёшечку); *Он [мальчик] рос по часам и минутам, а не по годам. И вырос он очень хороший.* (Жена царевича и завистливые сёстры). Быстрое устранение недуга выражается в устойчивом обороте *как рукой сняло: Дал парень дочке лекарство – и всю хворь как рукой сняло.* (Есть ли правда на свете). Косвенным образом, т.е. с включением признака быстроты (тесно связанного с признаком интенсивности), отражает это понятие выражение *бежит – земля дрожит* (о коне): *Когда бяжить... конь! Бяжить, даже зямля дрожить!* (Сивка-Бурка); *Жеребец бяжить – земля дрожить, с ноздрей полымь, с ушей дым!* (Сивка-бурка).

Быстрота передвижения может быть выражена лексико-грамматическими средствами – с помощью глагольных междометий, содержащих в себе характерную для живой речи экспрессию: *Пекла баба колобок, положила на окошко простывать, а колобок – прыг! – и побежал.* (Колобок); [тетерев] *Пырх туда! Ина [лиса] – шарк яму на плечи и вы[лезла].* (Как боров ишёл у желуды). Удвоение глагольного междометия усиливает отмеченную коннотацию: *Заяц скок-скок – и в сени! Зайца поймали.* (Про лису).

Повтор в русском языке обычно оценивается как усиление смысла и/или как экспрессивное средство, т.е. выражается в «экспрессивно-количественном обогащении означенного» [Крючкова, 2000, с. 75]. Примечательно, что в редупликации глаголов движения возможно усмотреть отражение как быстрого, так и медленного действия. Употребление такого приема в наших сказочных текстах можно интерпретировать по-разному. С одной стороны, повтор может служить для того, чтобы замедлить действие, направить внимание читателей на предстоящее событие, вызвать к нему интерес [Хайрнурова, 2011, с. 1006]. Иллюстрацией могут служить примеры из сказочных текстов: *Идут. Ишли-ишли, ишли-ишли. Идёт волк: – Бороу-бороу! Куды вы идёте?..* (Как боров ишёл у желуды). С другой стороны, удвоение понятий служит не только для активизации внимания читателей, но и для эмоционального воздействия, так как оно задает определенный ритм повествованию

[Брейгер, 2013, с. 14], передает скорость перемещения героев в пространстве: *Бегут-бегут, бегут-бегут, а людоед проснулся, увидел, что убиты-то дочери оказались, рассердился, взял свои сапоги-скороходы и побежал, побежал догонять братцев. Бежит-бежит, бежит-бежит, а Мальчик-с-пальчик слышит погоню сзади.* (Мальчик-с-пальчик). Кроме того, употребленный здесь глагол движения *бежать* в структуре своего лексического значения содержит сему быстроты. Ср.: *бежать* – ‘усиленно **скорым** движением, **быстро** перебирая ногами, перемещаться в каком-л. направлении’ (выделено нами. – Н. М.) [МАС, т. I, 1981, с. 68.]. Таким образом, семантика глагола в сочетании с приемом редупликации в еще большей степени увеличивает степень проявления быстроты перемещения героя в пространстве.

Если в сказках главный герой не справляется с препятствиями на пути его следования, к нему в распоряжение обязательно попадают волшебные средства (или помощники), в функции которых могут использоваться: 1) животные (конь, орел и пр.); 2) предметы, из которых являются волшебные помощники (огниво с кольцом, кольцо с молодцами); 3) предметы, имеющие волшебное свойство, как, например, дубины, мечи, гусли, шары и многие другие; 4) качества, даруемые непосредственно, как, например, сила, способность превращаться в животных и т.д. [Пропп, 2001, с. 42].

В псковских сказках, например, встречается волшебное средство – сапоги-скороходы, в образе которых сказочная фантастика трансформировала свойство реальной обуви (защищать ноги от воздействия внешней среды) и придала ей волшебное свойство значительно увеличивать скорость движения [Добровольская, 2009, с. 97]: *Бегут-бегут, бегут-бегут, а людоед проснулся, увидел, что убиты-то дочери оказались, рассердился, взял свои сапоги-скороходы и побежал, побежал догонять братцев. Бежит-бежит, бежит-бежит, а Мальчик-с-пальчик слышит погоню сзади. Вот они забрались на дерево и сидят тихонечко на дереве. Людоед бежал-бежал, бежал-бежал, притомился, лёг отдохнуть – сапоги-то скороходы и снял. А сапоги большие, вот Мальчик-с-пальчик взял всех своих братцев в эти сапоги, да и сам одел, и побежали они в этих сапогах-скороходах по дороге. А людоед проснулся: босиком-то даляко не убежишь. Бежал-бежал, бежал-бежал, да в болото попал. Там он и утонул. Так ему и конец.* (Мальчик-с-пальчик).

Символом (эмблемой) движения во всех его проявлениях, скорости, устремления выступает конь (лошадь) [Энциклопедия символов, знаков, эмблем, 2007, с. 190], выполняющий в сказках функцию верного волшебного помощника.

Символика коня чрезвычайно сложна и, как отмечают исследователи, не до конца ясна. В народной традиции конь – одно из наиболее мифологизированных животных. Конь как главное транспортное и тягловое (в лесной зоне) животное воплощал связи с миром сверхъестественного, «тем светом», был атрибутом мифологических (эпических) персонажей, связан одновременно с культом плодородия, смертью и погребальным культом. По археологическим данным, конь (наряду с собакой) был главным жертвенным животным на похоронах, проводником на «тот свет». Отсюда сказочные мотивы коня – чудесного помощника героя, помогающего проникнуть в тридевятое царство, на вершину стеклянной горы и т.п. [Петрухин, 1999, с. 590].

Конь, отличающийся быстротой и резвостью, может также символизировать ветер и морскую пену, или огонь и свет [Керлот, 1994, с. 256–257]. Хотя лошадь в основном связывается со стихийной (врожденной) силой, она может символизировать и скорость мысли, а также интеллект, ум, рассудок, свет, динамическую силу, проворство, бег времени [Символы. Знаки. Эмблемы, 2005, с. 501].

В сказочных текстах образ коня обычно связан с представлением о мощи, энергии, скорости, изяществе, интеллекте (конь *разумный*), а его неизменными характеристиками являются эпитеты *добрый, верный, богатырский, волшебный, сильномогучий* [Указатель сказочных животных].

В текстах псковских сказок из образов сказочных коней более всего выделяется Сивка-Бурка. *Такой красивый, как в сказке сказать!* (Сивчик-Бурчик), *Когда лягит конь! Земля дрожит, [конь] пыхтит!* (Сивка-Бурка) – таким предстает в псковских волшебных сказках Сивка-Бурка. Говорит он человеческим языком, появляется моментально по первому зову *Сивчик-Бурчик, вещий Каурчик, встань передо мной, как лист перед травой!*, не бежит, а *летит*, готов служить главному герою в любой ситуации, а также способен преображать героя: *Сивка-Бурка прибѣг, ён [Ваня] опять в правое ухо влез, в левое вылез. Нарянный стал, красивый! И поехал.* (Сивка-Бурка).

Употребление в тексте сказки глагола *лететь* (а не *бежать*) в значении ‘мчаться (по земной или водной поверхности)’ [МАС, т. II, 1982, с. 178] еще более создает усиление скорости перемещения верного помощника. Неслучайно, в наскальной живописи лошади «плывут по поверхности» [Символы. Знаки. Эмблемы, 2005, с. 501], а с переходом от старой формы мышления к новой конь облекается в птичий образ, в результате чего в фольклоре создается образ «крылатого коня» [Пропп, 1998, с. 256].

Нужно отметить, что в других типах региональных сказок (бытовых или анималистических) конь, участвуя в традиционных действиях крестьянина и деревенских заботах, не имеет детального описания, за исключением каких-либо функциональных характеристик; ср.: *кобылёнка плошанькая* (Бедный лапотник и богатый горшечник); *у того [мужика] лошади плохие, а барские-то сытые да добрые* (Барин и работник).

Привлечение лексического материала «Псковского областного словаря с историческими данными» и его картотеки позволяет обнаружить значительный ряд адъективных лексем, характеризующих поведение коня (лошади) с точки зрения проявления им быстроты, резвости, энергии в беге или при участии в выполнении сельскохозяйственных работ (*беговой, бóрзый (борзой), вихровой, горячий, крутой, лёгкий, лихой², хóдкий*): *Кони хóткии, на паварóти вос калыхnúся. (хóдкий – ‘быстрый на ходьбу, резвый’)* [КПОС]; *Конь у сосéда лихой. (лихой² – ‘быстрый в беге, резвый’)* [ПОС, вып. 17, 2005, с. 111].

Кроме того, конь (лошадь) являлся несомненным атрибутом в различных обрядах. Так, например, известно, что в период масленичных гуляний в деревнях движение как интенсивное перемещение в пространстве являлось обязательным ритуалом для каждого члена социума. Одним из наиболее распространенных перемещений в масленичных традициях являлось катание на лошадях, которое имело репродуцирующую символику: катались на «долгий лен» [Большакова, Воробьева, Митченко, 2015, с. 12].

Таким образом, изучение фольклорных текстов регионального характера в единстве с диалектным речевым материалом (в том числе текстами обрядового нарратива) позволяет обследовать широкий круг сфер проявления понятия быстроты как существенной смысловой категории в традиционной культуре и народной речи, выявить максимально полный состав его разнообразных языковых репрезентантов. Всё это дает основания для осмысления понятия быстроты как одного из центральных концептов-образов в сознании носителей языка и традиционной народной культуры.

Список литературы

1. Большакова, Н. В. Пространственная среда в псковских сказках / Н. В. Большакова // Язык и поэтика русского фольклора: к 120-летию со дня рождения В. Я. Проппа ; отв. ред. Н. В. Патроева. – Петрозаводск, 2015. – С. 52–55.
2. Большакова, Н. В. Региональные черты псковской народной сказки / Н. В. Большакова // Māksla un mūzika kultūra diskursā : III starptautiskās zinātniski praktiskās konferences materiāli. – Rēzekne, 2014. – Lpp. 9–16.

3. Большакова, Н. В. Псковская Масленица в контексте ключевых понятий и образов / Н. В. Большакова, Л. Б. Воробьева, З. В. Митченко // Псковская Масленица: образы, символы, коммуникация (с аудиоприложением) : моногр. ; под ред. Н. В. Большаковой. – Псков, 2015. – С. 7–34.
4. Брейгер, Ю. М. Вербализация испытания в сказочном дискурсе в русском и французском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Брейгер Ю. М. – Волгоград, 2013.
5. Даль, В. Пословицы русского народа / В. Даль. – М., 1957.
6. Добровольская, В. Е. Предметные реалии русской волшебной сказки / В. Е. Добровольская. – М., 2009.
7. Картотека «Псковского областного словаря с историческими данными» (хранится в Псковском государственном университете и в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина при СПбГУ).
8. Керлот, Х. Э. Словарь символов / Х. Э. Керлот. – М., 1994.
9. Крючкова, О. Ю. Редупликация в аспекте языковой типологии / О. Ю. Крючкова // Вопросы языкознания. – 2000. – № 4. – С. 68–84.
10. Народные сказки Псковского края: мультимедийное издание / под ред. Н. В. Большаковой, Г. И. Плещук ; сост.: Н. В. Большакова, Л. Б. Воробьева, З. В. Митченко, М. И. Муратова, Г. И. Плещук ; Разработчик приложения для ЭБД: А. М. Чиликин. – 2-е изд-е, испр. и доп. – Псков, 2016.
11. Петрухин, В. Я. Конь, кобыла, лошадь / В. Я. Петрухин // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М., 1999. – Т. II. – С. 590–594.
12. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М., 1998.
13. Пропп, В. Я. Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М., 2001.
14. Пропп, В. Я. Фольклор и действительность / В. Я. Пропп // Фольклор и действительность. Избранные статьи. – М., 1976. – С. 83–115.
15. Псковский областной словарь с историческими данными / под ред. Б. А. Ларина. – Л. (СПб.), 1967–2015. – Вып. 1–25.
16. Символы. Знаки. Эмблемы / сост. В. М. Рошаль. – М., 2005.
17. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, ин-т лингвистических исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1981–1984.
18. Указатель сказочных животных. – URL: <http://ru-skazki.ru/animals-glossary&letter=k&p2.html> (дата обращения: 23.02.2016).
19. Хайрнурова, Л. А. Традиционные средства изобразительности в русских волшебных сказках / Л. А. Хайрнурова // Вестник Башкирского университета. – 2011. – Т. 16, № 3 (I). – С. 1005–1007.
20. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. – М. ; СПб., 2007.

Сокращения

КПОС – Картотека «Псковского областного словаря с историческими данными» (хранится в Псковском государственном университете и в Межкафедральном словарном кабинете им. профес. Б. А. Ларина при СПбГУ).

МАС – Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1981–1984.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными / под ред. Б. А. Ларина. – Л. (СПб.), 1967–2015. – Вып. 1–25.

М. Н. Перфилова
(г. Пенза, Россия)

НЕЯСНОСТЬ ЭТИМОЛОГИИ КАК ОДНА ИЗ ЭВЕНТУАЛЬНЫХ ПРИЧИН АРХАИЗАЦИИ ЦВЕТОВОЙ ЛЕКСИКИ

Когда слово выходит из активного употребления, этому всегда способствует целый комплекс причин, среди которых может иметь место и неясность этимологии.

Этимология становится неясной в том случае, когда нарушается связь между словом и его этимоном, то есть первоначальным значением и формой. Связь слова с этимоном утрачивается в процессе деэтимологизации. По определению Л. А. Булаховского, деэтимологизация – это изменение в морфологической структуре слова, когда для сознания носителей языка потеряется этимологическая связь этого слова с той или иной производной основой [Булаховский, 1949, с. 147–209].

В свою очередь, причины процесса деэтимологизации могут быть разнообразными. По мнению Ж. Ж. Варбот, историка русского языка, они следующие:

– смена словообразовательных моделей языка, ведущая к тому, что слова, образованные по утраченным моделям, становятся носителям языка непонятными по структуре (ср. *знамя* – производное с архаическим суффиксом *-мен-/-мя* от *знать*);

– морфологические преобразования слова, искажающие структуру морфем (так, *наст* и *застить* образованы соответственно от *настать* и *застать* с усечением корня (*ст-* вместо *ста-*);

– утрата слова, от которого изучаемое слово образовано (*вежливый* – производное от др.-рус. *въжа, въжь* – «знающий») [Варбот, 1997, с. 643–644];

– сама знаковая природа слова: «...как правило, уже при возникновении слова его значение отличается (многостороннее, шире) от первичной мотивации, определяющей образование названия данного предмета от другого слова, так что новое слово становится условным знаком предмета» [Варбот, 1997, с. 644].

Деэтимологизация может быть вызвана также фонетическими изменениями (например, *перчатка* теперь мало кем осознаётся как вещь, надеваемая на *персты*, то есть пальцы), трансформацией семантических связей (*плотник* уже не связан в нашем сознании с процессом *плетения*) и ложной этимологией, опирающейся на случайное созвучие (например, *выдру* в народе связывают с глаголом *выдрать*).

Ж. Ж. Варбот настаивает на том, что процесс деэтимологизации естественен для языка и, более того, направлен на поддержание его существования, и именно в таком понимании этого непростого процесса заключается главная отличительная черта современной этимологии. «Развитие значений неизбежно оттесняет и даже стирает первичную мотивацию, что также является условием длительного функционирования слов, поскольку развитие значения может вступить в противоречие с первичной мотивацией...» [Варбот, 1997, с. 644].

Несомненно, что при утрате этимона возникает и *нарушение связи между словом и предметом действительности, который оно называет. Носители языка на подсознательном уровне стараются употреблять слова с подобными нарушениями режсе, и это может стать одной из причин архаизации слова.*

В нашей статье мы рассмотрим некоторые цветолексемы-архаизмы, которые отличаются неясностью происхождения, что, на наш взгляд, может являться причиной архаизации.

Насусный («двухцветный, двух противоположных цветов, напр. чёрного и белого»). И. И. Срезневский предлагает рассматривать это цветообозначение как вариант слова «нарусный» и отсылает к корню **tudh-*. Однако семантика цветолексемы противоречит этому предположению. В этимологических словарях происхождение данной цветолексемы не отражено.

Брощение («краснота, червленость»). И. И. Срезневский в словарной статье, посвящённой этому цветообозначению, приводит однокоренные слова из других славянских языков: сербское *broћ*, чешское *brot'* и польское *brocz* [Срезневский, 1893, с. 180–181]. В родственных языках цветолексемы с корнем *броц-* также встречаются, особенно распространены они в болгарском и других южнославянских языках. Примечательно, что они часто используются для обозначения жёлтой краски, в то время как в русском языке эти колоративы называли *красный цвет*. «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» под ред. О. Н. Трубачёва показывает, что южное распространение слова с таким корнем может говорить о его заимствовании из латинского языка (лат. *brattea, bractea* – «металлическая фольга, листовое золото, мишура», «пурпур, багрянец»; от *bratta* – «капля крови, пурпур, багрянец») [Трубачёв, 1976, с. 40]. Следовательно, слово с корнем **bro(k)tjъ*, ставшее производящим для *броц*, появилось ещё в период существования индоевропейского языка.

Болкатый («чёрный»). Скорее всего, слово восходит к индоевропейскому периоду, так как в молдавском языке есть родственное «бълцат» – «тёмный, тёмно-цветный» [Срезневский, 1893, с. 145]. По внешней форме слова можно предположить, что колороним может быть родственным английскому black «чёрный». История языка не противоречит этому предположению: английский входит в индоевропейскую языковую семью и дважды испытывал влияние латинского языка (I в. до н.э. – I в. н.э., при попытке римлян подчинить германские племена; V–VI вв. н.э., при захвате Британии германскими племенами), лежащего в основе романской группы языков, к которой относится и молдавский.

(И)зекрый. М. Фасмер предлагает сопоставить это цветообозначение с глаголом «зреть», связанным с семантикой слова «голубой, голубоглазый, светлый» [Фасмер, 1986, с. 95]. Но это предположение требует дополнительных исследований.

Ангулиный и ангуличный – «название цвета»: «10 арш. камки ангуличной цвѣтъ. Кн. прих.-расх.каз. пр., 175. 1614 г.» [Словарь XI–XVII вв., 1975, с. 39]. Предположение о происхождении колоратива сделано в этимологическом словаре А. Е. Аникина, рецензированном Ж. Ж. Варбот: «Вероятно, от назв. ткани – камка ангулиная или гунгулиная, – по месту ее выработки во франц. гор. Ангулеме (Angouleme)» [Аникин, 2007, с. 216]. В «Словаре русского языка XVIII века» встречается цветообозначение гули'нный(-ой) – «серо-голубой»: «... Гулиной <цвет> изъявляет непрерывность, желтой же досады. Ек. II Обманщик 40» [Словарь XVIII в., 1991]. По внешней форме оно напоминает колороним *ангулиный* и, возможно, является одним из вариантов (как амгулиный, ангуличный, гунгулиный) освоения этого заимствованного слова.

Название французского города, из которого привозили «камку ангулиную», большинству носителей русского языка было незнакомо: судя по примерам его употребления, его знали только состоятельные люди, имевшие возможность одеваться в импортные ткани. Поэтому, когда слово проникло в иные пласты населения, они просто не знали, с чем это слово связать, чтобы было понятно, что оно обозначает. Налицо нарушение связи слова с его этимологом.

Не освещено в этимологических словарях происхождение цветообозначения **дугнатын** (**дугатын**) – «пестрый»: «**Одежу дугнатоюю, юже ношаше** (по сп. 1538 г. — **одежда дугатжа; харлотон**). т.ж. XIII. 19. (В.)» [Срезневский, 1893, с. 741]. Мы высказываем предположение, что этот колоратив может быть родственным слову *дуга* в значении «радуга», в связи с чем у слова «дугатый» развилось значение «радужный», «пестрый». Во-первых, *дуга* имеет семантику «радуга» в родственных славянских языках: болг. *дъга*, сербохорв. *ду'га*, словен. *dóga* и т.д. Во-вторых, слово *дуга* подобное значение имело ещё в старославянском языке, и эта семантика сохранялась в русском языке вплоть до 19 века (у В.И. Даля слово в этом значении уже имеет помету *стар.* [Даль, 1880, с. 514]). В-третьих, семантика «радуга» сохраняется в диалектах русского языка [СРНГ, 1972, с. 245]. Однако если постепенно утрачивалась указанная сема слова *дуга*, это могло привести и к нарушению связи колоратива с радугой, что стало причиной его выхода из активного употребления.

Больше всего вопросов возникает при рассмотрении колоратива **еринный**: **Ферези зендень еринной цвѣтъ**. Плат. Бор. Ф.ед. Год. 1589 г. 13. [Срезневский, 1893, с. 832]. Неясно ни то, какой цвет он может называть, ни то, с какими словами состоит в родстве.

В список цветолексем с неясным происхождением входят также слова **гуляфный, езебелевый, рынжовый, дикий, рефтяно** (предик. прил.), **игливый**. Подробнее с попытками объяснить их возможное происхождение можно ознакомиться в статье «Этимология цветообозначений-архаизмов в русском языке (по «Словарю русского языка XI–XVII вв.») [Кезина, Перфилова, 2015, с. 19–23].

Список литературы

1. Аникин, А. Е. Русский этимологический словарь / А. Е. Аникин. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2007. – Вып. 1.
2. Булаховский, Л. А. Деэтимологизация в русском языке / Л. А. Булаховский // Труды Института русского языка АН СССР. – М. : Изд-во АН СССР, 1949. – Т. 1. – С. 147–209.
3. Варбот, Ж. Ж. Этимология / Ж. Ж. Варбот // Русский язык : энциклопедия / под. ред. Ю. Н. Караулова. – М. : Дрофа, 1997. – С. 643–644.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – СПб. ; М. : Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880. – Т. 1.
5. Забелин, И. Е. Домашняя жизнь русских царей / И. Е. Забелин. – М. : ЭКСМО, 2005. – 447 с.
6. Кезина, С. В. Этимология цветообозначений-архаизмов в русском языке (по «Словарю русского языка XI–XVII вв.») / С. В. Кезина, М. Н. Перфилова // Вестник Пензенского государственного университета. – 2015. – № 4 (12). – С. 19–23.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука, 1975 – 2002. – Вып. 1–28.
8. Словарь русского языка XVIII в. – Л. : Наука, 1984. – Вып. 1–17.
9. Словарь русских народных говоров / АН СССР, Ин-т рус. яз., Слов. сектор. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1965. – Вып. 1–45.
10. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И. И. Срезневский. – СПб. : Имп. Акад. наук, 1893–1912. – Т. 1.
11. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. и доп. О. Н. Трубачева. – М. : Прогресс, 1964–1973.
12. Этимологический словарь славянских языков: Праслав. лекс. Фонд / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. О. Н. Трубачева. – М. : Наука, 1974. – Вып. 1–34.

Е. С. Скобликова
(г. Самара, Россия)

РОЛЬ ЛИНГВИСТОВ КУЙБЫШЕВА / САМАРЫ И ПЕНЗЫ В СОЗДАНИИ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО АТЛАСА РУССКОГО ЯЗЫКА АКАДЕМИИ НАУК И ОБОБЩАЮЩИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Масштабный проект создания Диалектологического атласа русского языка под руководством Института русского языка АН СССР (оговорим – по территории Европейской части страны) начал реализовываться в конце 1930-х г. Вообще же изучение русских говоров и восточнославянских языков имело к этому времени уже достаточно длительную историю, и осуществление очередных планов, конечно, предполагало разработку специальных программ обследования говоров. В Академии Наук эта разработка по разным уровням языка проводилась Московской диалектологической комиссией.

Почему в работе по Атласу в Институте русского языка АН одну из ведущих ролей отвели Куйбышеву?

Безусловно, в первую очередь – в силу известности двух куйбышевских лингвистов – Всеволода Антоновича Малаховского и Александра Николаевича Гвоздева. Оба рано и практически одновременно проявили себя как организаторы региональных обобщающих диалектологических исследований.

У Всеволода Антоновича в 1920-е годы осуществлены две соответствующие публикации.

1. Об изучении сибирской диалектологии // Известия Института народного образования. Чита, 1923. – Кн. 1. – С. 98–124 с таблицами.

То же – отдельный оттиск. Чита, 1923. – 28 с.

2. Об изучении русских говоров в Сибири: Опыт инструкции с приложением очерка П. Я. Черных. Итоги и задачи диалектологического изучения Сибири. – Иркутск, 1925. – 48 с.

А. Н. Гвоздев в те же 1920-е г. организовал широкое изучение говоров б. Пензенской губернии. По составленной им анкете-вопроснику (Пенза, 1923. 4 с.) было получено свыше 500 ответов по 390 населенным пунктам. В 1925 г. вышла его обобщающая работа «Типы великорусских говоров Пензенской губернии» (Пенза, 1925, 20 с.) и составлен первый в стране региональный атлас этих говоров, включавший 24 карты*. В том же году он был избран членом Московской диалектологической комиссии.

Академический план работы над обобщающим диалектологическим атласом сначала предусматривал составление карт по 11 отдельным его томам. Всеволоду Антоновичу Малаховскому была поручена роль руководителя по 10-му, межобластному Юго-Восточному, тому. Оставляя за скобками многие и многие сложности этой работы, расскажу о том, в каких условиях жизни осуществлялась эта роль.

К 1948–1949 учебному году, когда я начала работу над своей кандидатской диссертацией, в куйбышевском архиве 10 тома были материалы уже примерно по 1000 населенных пунктов – материалы, собранные по обширной программе-вопроснику с записями текстов диалектной речи. Все они хранились в заставленном стеллажами небольшом кабинете его личной квартиры в «переулке Специалистов». Сама квартира была четырёхкомнатная, но с неудобной планировкой. Единственная большая комната была проходной. А в кабинете самому Всеволоду Антоновичу приходилось работать вместе с посетителями, приходившими и приезжавшими для работы с архивом.

В порядке примечания! В большой комнате Всеволод Антонович и Ксения Николаевна, его жена и помощница, устраивали небольшие – на 5–6 человек – семейные застолья после защиты и для аспирантов Всеволода Антоновича и для других защищавшихся в Куйбышеве. Насколько распространённым был тогда подобный опыт, можно судить и по моей защите в Саратове в 1950 г., когда я была приглашена отметить её в семью моего оппонента (!) профессора Александра Митрофановича Лукьяненко. (Сейчас, как известно, отношения прямо противоположные: «застолья», и отнюдь не семейные, стали едва ли не обязанностью самих диссертантов...).

Возвращаясь к ситуации конца 1930-х годов, уместно сказать о том, что первая, как бы пробная, диалектологическая экспедиция в Куйбышеве состоялась в 1938 г.. Её участниками были окончившие 1-й курс студенты Дмитрий [Иванович] Алексеев и Петр [Павлович] Глинкин. Эта экспедиция была отправлена даже не в Куйбышевскую область, а на экзотический Северо-Запад в район Онежского озера (Ленинградская область). Алексееву и Глинкину, которые после 2-го и 3-го курсов ездили в экспедиции уже в Куйбышевскую область, принадлежат многие материалы и в архиве московского академического центра – в Институте русского языка АН.

В первой экспедиции, от которой сохранился дневник Дмитрия Ивановича Алексеева, студенты познакомились с ведущими лингвистами Академии Наук – Федотом Петровичем Филиным, Елизаветой Алексеевной Комшиловой. Из Куйбышева с ними были муж и жена Меркурьевы – Фёдор Иванович и Раиса Сергеевна. (В войну Фёдор Иванович погиб, замученный в фашистском лагере...)

Само экспедиционное путешествие осуществлялось в Прионежье пешком, по топким болотам.

Заметим, что ведение дневников и обсуждение впечатлений от экспедиций, заданное самим Всеволодом Антоновичем, вошло в традицию всех последующих диалектологических поездок со студентами.

* К сожалению, уже принятый к публикации в Москве атлас был потерян. См. об этом: Александр Николаевич Гвоздев. Очерк жизни и творчества. Воспоминания. Переписка. – Куйбышев, 1992, с. 6. Лишь частично его материалы удалось восстановить только в 1997 г.: А. Н. Гвоздев и лингвогеография Пензенского края / сост. В. Д. Бондалетов. – Пенза ; Самара, 1997.

Мои личные воспоминания о диалектологической работе многообразны.

С одной стороны, среди них впечатления от многих экспедиций.

Началось всё в 1944 г. в селе Канаевка Городищенского района Пензенской области, где я работала в школе в 1943–1944 учебном году, окончив к этому времени первые два курса на заочном отделении литфака в Куйбышеве. В Канаевку с двумя студентами Пензенского института приехала (эвакуированная) из Ленинграда доцент Евгения Марковна Иссерлин (родственница Тынянова). Канаевка была выбрана ею по следам гвоздевских публикаций о ситуации диалектного двуязычия в этом селе. Видимо, не без рекомендации А. Н. Гвоздева Евгения Марковна привлекла к работе меня: я уже прошла диалектологию в Куйбышеве – «образованная» девица! Я помогла найти информантов, сама вместе с приехавшими вела записи в транскрипции. Пензяки знакомились и с экзотическими женскими канаевскими костюмами. Эти костюмы были на всех жительницах Канаевки, а исторически – «по происхождению» – они были специфичны только для женщин Крукола – западной части села (с «мещерским» говором). По костюмам этим и потом ещё долго можно было узнать канаевских женщин. Они были обязательными в быту, а не какими-нибудь парадно-фестивальными! И поезда жительницы Канаевки, продающие какую-нибудь нехитрую снедь, всегда встречали в этих костюмах (Канаевка – село пристанционное).

Перейдя с заочного обучения в Куйбышеве на дневное в Пензе, я и после 3-го, и после выпускного 4-го курсов ездила в экспедиции в разных студенческих компаниях. Руководителем нашим был доцент Арсений Моисеевич Пашковский. С рефератом по говору одного из сел Иссинского района Пензенской области я поступила и в аспирантуру (1946). Экспедиционные поездки продолжались и в годы аспирантуры, и в разных статусах во многие последующие годы.

Защищённая в 1951 г. диссертационная работа была посвящена у меня географическому распространению диалектных форм местоимений на территории Европейской части СССР. На первый взгляд она показалась как бы слишком «частной». На самом деле получилась очень интересной. Картографирование раскрыло достаточно чёткие границы разных диалектных группировок, в том числе ранее не отмечавшихся.

Достаточно сказать, например, что Северо-Запад в целом вычленился использованием таких форм, как *оны/аны*, *йоны/йаны*, (в литературном языке *они*); *йон*; *йона/йана*; в винительном падеже: *ю*, *ею*, *йону/йану* (в литературном языке *её*) – «брал ю за белы рученьки». Плюс к тому аналогия среди указательных местоимений: *ты*, *тых*, *тым* (в литературном языке *те*, *тех*, *тем*). Распространяется на местоимения здесь и совпадение форм дательного и творительного падежей множественного числа: «*Они смеются над вам*» – замечание проводника в поезде Ленинград-Москва.

В Поволжском регионе зафиксированы в качестве характерных формы *оне/ане* (аналогично – *мое*, *твое*, *свое*, *моих*, *твоих* и т.д.); *тея*, *сея*, *тее*, *сее* (литературные *тебя*, *себя*, *тебе*, *себе*) – в настоящее время уже не сохранившиеся; *с нём*, плюс к тому *в каким*, *в этим*, в других группах местоимений. В южнорусских регионах – *табе*, *сабе*; *у мене*, *у тебе*, *у себе*; совпадающая с литературным языком форма *они*. См. в разделе «Приложения» 5 соответствующих карт.

Работа по сбору материалов для диссертации осуществлялась в трёх диалектологических архивах:

1. В Куйбышеве – в упоминавшейся выше квартире Всеволода Антоновича Малаховского! – дней 10, а может быть и 14, с утра до вечера, да ещё и с подкармливанием (отнюдь не сытые) послевоенные годы... Этим занимались Ксения Николаевна, жена Всеволода Антоновича, и их помощница, фактически тоже член семьи, Аннушка.

2. В Москве, в Институте русского языка АН на Волхонке (ныне напротив института – Храм Христа Спасителя). Здесь тоже не обходилось без самоотверженной помощи сотрудников Института. После окончания рабочего дня со мной до позднего вечера оставалась Лидия Николаевна Булатова, для которой Институт для самой был родным домом. Опекала и Софья Владимировна Бромлей. Обе чуть постарше меня. На 10–15 мин можно было отлучиться в угловой магазин, где доступны были «французские» булочки и конфеты «Коровка». В обеденное время были общие «застолья» всё с теми же булочками и «Коровками» из соседнего магазина. В застольях этих со всеми на равных участвовали ведущие диалектологи – «сам» Рубен Иванович Аванесов, Петр Саввич Кузнецов, Сергей Сергеевич Высотский, Варвара Георгиевна Орлова и другие. Сотрудники других секторов иронически называли это «аванесовские чаепития».

3. Почему-то меньше помню ленинградскую обстановку. Не уверена сейчас, пожалуй, что там существовал отдельный диалектологический сектор. В быту опекала Вера Петровна Фелицына, тоже в то время аспирантка (Бориса Александровича Ларина) – моя близкая подруга, однокурсница по Пензе.

Картин вообще в памяти много. Вероятно, исторически интересно то, что отличает прежнее время от современного «века собственных машин и коттеджей». Почти во всех экспедициях были далеко не короткие пешие переходы. И в этом была своя прелесть и своеобразная романтика, нечто надолго запечатляющееся в памяти.

То на «разноске» собранных записей где-нибудь в кустах у речки нас местные мальчишки подкараулят, подслушают и, убегая, крикнут: «В лису поймали лису!» (это по поводу наших рассуждений о произношении в предупредительной позиции этимологического «ять»).

То по пути от Самары в Черноречье каблук (конечно, не высокий) от моих единственных примитивных босоножек отвалится, и двадцатилетний аспирант Василий (Данилович) Бондалетов торжественно-шутливо демонстрирует свою умелость, забивая каблук камнем (ладно, гвоздики сохранились, но их ещё и нейтрализовать надо, чтобы не кололи ногу...).

То (это в Пензенских краях) нам даже колхозную лошадь(!) дали. А мы не знаем, как с ней справляться. Она чуть идёт, всё время останавливается. Думаем: больная, подыхает – как будем рассчитывать?.. Все вылезает из телеги, кое-кто уходит далеко вперёд. Вдруг догоняют случайные пешие мальчишки: «Что тут у вас?» – «Да вот лошадь подыхает». Они вскакивают в телегу, погоняют лошадь, она несётся во весь опор. Догоняют идущих впереди. Те удивляются. К счастью, мальчишкам было по пути. Благополучно прибыли к месту. Что было дальше, не помню: как лошадь вернули?..

Стоит сказать и о том, насколько экспедиции сближали преподавателя и студентов. Помню, как в родном для меня Городищенском районе Пензенской области меня воспитывала одна из студенток-участниц экспедиции Наташа Роткович: «Елена Сергеевна! Вы в институте такая строгая! А здесь!?!» (= зачем, дескать, слабость проявляете?!)

Примечание: Вероятно, небезынтересно, что среди участников городищенской экспедиции были студенты из семей известных учёных и деятелей культуры Куйбышева: Наташа (Наталья Яковлевна) Роткович, Миша (Михаил Васильевич) Финкельштейн, Володя (Владимир Николаевич) Шикун, Зина (Зинаида Николаевна) Умова (ныне Бакалова), Владислав Князев... В их же группе была, но не ездил с нами Эда (Эда Львовна) Финк. «По происхождению» все они тяготели скорее к литературоведению, чем к лингвистике. Тем более знаменательным был их интерес к народной речи и, вероятно, ещё и к упоминавшейся романтике экспедиционных путешествий. Володя Шикун и Миша Финкельштейн первоначально собирались и в аспирантуру при кафедре русского языка. В перспективе все сами стали научными работниками – преподавателями вузов, замечательными куйбышевскими журналистами и писателями. А для меня было важно, что они изначально хорошо приняли меня и в качестве преподавателя по современному русскому языку и, кажется, по старославянскому.

Все студенты-диалектологи и через много лет помнили и помнят нашу общую работу!

* * *

Выше я рассказала о том, что наблюдала лично, часто в буквальном смысле даже «визуально».

По существу близки к этим наблюдениям не менее значимые впечатления от встреч с моими аспирантскими друзьями-сверстниками – Василием Даниловичем Бондалетовым и Дмитрием Ивановичем Алексеевым. Оба они дружили между собой (и со мной) со времени нашей общей общежитской жизни на Ст. Разина, 65. В начале 50-х гг. они защитили свои диалектологические диссертации, оба сразу начали осуществлять обобщающие региональные исследования. Тогда же началась масштабная работа по изучению сохранившихся к тому времени тайных социальных диалектов – тайного «языка» ремесленников-отходников. Различными путями они натолкнулись на них в обычных экспедициях. Во время своих ежегодных поездок к родственникам в Пензу я была свидетельницей того, как разворачивалась эта их работа. Василий Данилович и Дмитрий Иванович попеременно устремлялись друг к другу: Д. И. в Пензу, В. Д. в Мелекесс. Разрабатывали программу изучения этих языков, делились своими планами и первыми опытами, деятельно устанавливали связь со старожилами, знавшими тайные языки.

У Василия Даниловича широчайший диапазон их изучения – с охватом не только собственно российских, но и других восточнославянских тайных языков – вылился в докторскую диссертацию (1966), словари, несколько монографий.

Дмитрий Иванович, постоянно контактируя со своим товарищем, увлечённо занимался **местными** тайными языками, вовлекая в их серьёзное изучение своих мелекесских студентов и старожилов в Ульяновской области, а потом ещё и в Смоленске. При этом – в условиях, когда у него, постоянно занятого на административных должностях, уже шла огромная работа по Словарю сокращений, теории и истории русской аббревиации.

По масштабам и бескорыстию исследовательского азарта оба они не уступали, таким образом, своим куйбышевским учителям и наставникам Всеволоду Антоновичу Малаховскому и Александру Николаевичу Гвоздеву.

* * *

Масштабная диалектологическая деятельность преемственно реализовалась следующими поколениями куйбышевских/самарских лингвистов. Было защищено много (в том числе обобщающих) диалектологических диссертаций, дипломных работ. Главное же, усилиями Тамары Фирсановны Зибровой и Марии Николаевны Барабиной в СамГУ осуществлён выход регионального Атласа говоров Самарского края (Самара: Изд-во «Самарский университет», 2009. 116 с.), а Татьяна Евгеньевна Баженова, активно работающая со студентами ПГСГА, заканчивает особенно сложную работу по лексическому тому этого атласа.

Для сохранения материалов первых десятилетий, вплоть до экспедиционных дневников Всеволода Антоновича Малаховского, очень много сделала Людмила Игнатьевна Бордунова. По её инициативе, с её соавторством и работой составителя и редактора осуществлено большое обобщающее издание «В. А. Малаховский и изучение русских говоров Поволжья» (Куйбышев, 1991, 382 с.), издано учебное пособие «Традиционный говор в статике и динамике» (Куйбышев, 1990, 185 с.), разработаны методические рекомендации для экспедиций.

Традиции продолжают и развиваются.

Нельзя не сказать о том, что богатство куйбышевского межобластного диалектологического архива изначально определялось активной деятельностью учёных из вузов разных регионов территории X, Юго-Восточного, тома Атласа – учёных из Саратовской, Ульяновской, Оренбургской, Западно-Казахстанской областей и Баш-

кирии. При этом Саратовский университет в работе по X тому по сути осуществлял соруководство, а после кончины В. А. Малаховского (1966) – основное руководство диалектологической деятельностью лингвистов Среднего и Нижнего Поволжья.

Список литературы

1. В. А. Малаховский и изучение русских говоров Поволжья : словарь. – Самара, 1991.
2. Александр Николаевич Гвоздев (1892–1959). Очерк жизни и творчества. Воспоминания. Переписка. – Самара, 1992. – С. 9–11. Библиографические страницы: 125–126, 130–131.
3. Бондалетов, В. Д. А. Н. Гвоздев и лингвогеография Пензенского края / В. Д. Бондалетов. – Пенза ; Самара, 1997. – 94 с.
4. Скобликова, Е. С. Очерк жизни и деятельности. Библиографический указатель. Отзывы о трудах / Е. С. Скобликова. – Самара, 2014. – С. 33–34, 59–61.
5. Дмитрий Иванович Алексеев : мемориальное издание, посвящ. 90-летию со дня рождения проф. Д. И. Алексеева [...]. – Самара, 2009. – С. 6–7, 94–118, 145–156, 234–235.
6. Куйбышевский диалектологический сборник / под ред. В. А. Малаховского. – Куйбышев, 1954. – 102 с.
7. Малаховский, В. А. Куйбышевская областная диалектологическая хрестоматия / В. А. Малаховский // Учёные записки Куйбышев. пед. ин-та. Вып. 17. – Куйбышев, 1957 (отдельный выпуск). – 183 с.
8. Бюллетень Куйбышевского межобластного кабинета атласа русского языка. – Куйбышев, 1948. – Вып. 1. – 41 с.
9. Материалы исследований по русской диалектологии. – М., 1949. – Т. 2. – С. 217–241.
10. Материалы исследований по русской диалектологии. Новая серия. – М., 1962. – Т. 3. – 9 с.
11. Вопросы русской диалектологии : тр. V–VI конф. кафедр русского языка педагогических институтов Среднего и Нижнего Поволжья. – Куйбышев, 1965. – 134 с.
12. Вопросы русской диалектологии : межвуз. сб. – Куйбышев : КГУ, 1982.
13. Диалектография русского языка. – М., 1985. – 10 с.
14. Зиброва, Т. Ф. Атлас говоров Самарского края : учеб. пособие / Т. Ф. Зиброва, М. Н. Барабина. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2009. – 116 с.
15. Баженова, Т. Е. Проект лексического атласа самарских говоров / Т. Е. Баженова // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2014. – № 1 (74). – С. 105–117.

В. Д. Чуракова
(г. Пенза, Россия)

КОНЦЕПТ «СЕРОЕ» В ГОВОРАХ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ «СЛОВАРЯ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ»)

Изучение содержательного плана языковых единиц и явлений, их систематизация связаны с разрешением проблемы соотношения формы и содержания в языке. На современном этапе содержательный план языковых единиц рассматривается в лингвистике прежде всего как отображение коллективной и индивидуальной для каждого говорящего картины мира, определенным образом структурированной человеческим сознанием. Этот глубинный, концептуальный уровень выявляется через язык, его формы.

Семантическое поле является основной формой выражения концептов в национальной картине мира. Метод семантических полей – один из основных методов изучения концептов. Моделируя семантическое поле имени концепта, мы моделируем концепт. То же самое можно сказать и о лексико-семантической группе – фрагменте семантического поля.

В данной работе анализируется содержание лексико-семантической группы (далее – ЛСГ) серого тона, единицы которой зафиксированы в «Словаре русских народных говоров» (далее – СРНГ). ЛСГ серого тона включает слова, выражающие концепт «серое», представляющие его в истории русского языка, отражающие его эволюцию. Материал для научного анализа получен путем сплошной выборки

из 46 выпусков СРНГ. ЛСГ серого тона оказалась самой большой в семантическом поле цвета русских говоров: она включает 62 колоратива. Это не соответствует результатам исследований, проведенных на литературном материале, поскольку в них наиболее численными являются ЛСГ белого, черного и красного тонов именно в такой последовательности. В связи с этим ЛСГ серого тона представляет особый интерес для исследования. Почему она самая большая, а значит, значимая в жизни русского человека, какое содержание представляет концепт «серое» в истории русского языка, какой фрагмент картины мира отражает группа серого тона? Вот вопросы, которые требуют научного исследования.

Для выявления содержания ЛСГ серого тона необходимо провести анализ словарных статей диалектных цветолексем (толкований и иллюстраций), представить классификацию колоративного материала в соответствии с основными концептуальными смыслами и дополнить его комментариями лингвистического и историко-культурного характера.

Концепт «серое» сложный, он включает те смыслы, которые связаны с понятием «серый»: это два основных базовых смысла – «цвет» и «оценка», а также прочие смыслы, находящиеся на периферии.

Проанализируем базовый смысл «цвет». Данные СРНГ позволяют говорить о том, что этот смысл хорошо развит и детально дифференцирован. В нём выделяем 2 группы: 1) различные оттенки серого цвета, то есть собственно цвета, получаемого из смешения черного с белым и 2) оттенки прочих тонов.

Рассмотрим 1-ю группу – слова, обозначающие оттенки серого цвета. «Серый цвет» передаётся 26 диалектными колоративами: *буса'рый, бу'сенький, бусерма'жный, облаки'товый, ралубо'й, пе'ганый, серина', серя'хонький, смо'рый, сну'рый* и др.; «бурый цвет» – 7: *бури'ный, му'рый, пле'сневый* и др; «синеватый цвет» – 7: *простоки'шный, ма'рный, оловя'нный* и др.; «сизый цвет» – 6: *сизарёвый, сизы'тый, сивым-сивёшенький* и др.; «сивый цвет» – 6: *сиво-желе'зный, сиво-залёзый, си'ний* и др.; «пепельный цвет» – 4: *поло'во-серый, голубо'й, бу'сь, забусеть*; «дымчатый цвет» – 3: *бусо'й, бусо-пёстрый, оловя'нный*; «мышинный цвет» – 2: *мышы'стый, мыша'стый*.

Слова со значениями «серый», «бурый», «синий», «сизый», «сивый» были зафиксированы в памятниках письменности еще в XI–XII в.в. [Бахилина, 1975, с. 42]. Слова, включающие семы «пепельный», «дымчатый», «мышачий», отмечены, по данным Н. Б. Бахилиной, значительно позже – в XVII в. в деловых памятниках. Эти данные можно различно трактовать: или примеры показывают генерацию сем, или их актуализацию в определённый период истории русского языка. Отметим, что исследование цветообозначений на обширном материале иносистемных языков показало, что сема «серый и его оттенки» включалась в семантическую структуру цветового слова довольно поздно по сравнению с семами «белый», «чёрный», «красный», «зелёный», «жёлтый», «синий». В связи с этим можно предположить, что распространённость цветолексем группы серого тона связана не с цветом как таковым, а с оценкой предметов окружающей действительности, обозначаемой теми же словами.

Огромный интерес представляет классификация слов группы серого тона по предметам, описываемым колоративами. В ней участвует 52 колоратива, в словарных статьях которых имеются иллюстрации и/или комментарии, касающиеся семантической валентности цветообозначений (далее – ЦО). Слова означают:

окрас животных (31 пример): *сероя'блочный* «с серыми пятнами» (о масти коня); *бурна'стый* «рыже-бурый» (о лисицах); *зозуля'стый* «серый» (об оперении курицы), *бу'сенький* «серый, серенький» (о масти быка);

цвет одежды, пряжи, ткани (12 примеров): *бу'сий* «серый, пепельный, дымчатый» (о цвете юбки, шали, пряжи, ниток), *су'ровесь* «о сером оттенке, цвете хол-

ста, пряжи» (о цвете ниток), *ма'рный* «серовато-синий» (о цвете занавесок), *сивый* «серый, сизый» (о цвете костюма);

цвет глаз, лица, волос человека (6 примеров): *седо'й* «серый, серого цвета» (о цвете глаз), *ссера'* «с серым оттенком, сероватый» (о цвете лица), *сиз-коса'тый* «с темно-серыми волосами» (о цвете волос), *простоки'шный* «светло-серый» (о цвете глаз);

цвет растений, природных материалов, ландшафта (6 примеров): *си'вый* «серый, сизый» (о цвете ковыля), *си'ний* «серый» (о цвете глины), *сивым-сивёхонький* «сизый» (о цвете степи), *се'рика* «что-либо серого цвета» (о цвете капусты).

Мы видим, что смысл «цвет» как составляющая концепта «серое» связан с другими базовыми смыслами: «человек», «животные», «окружающий мир». Древнейшим и значимым для жизни человека пластом в семантическом поле цвета являются названия окраса животных (шерсти, оперения птиц) – всего 31 ЦО. Серая масть как основная выделяется еще со времен Гиппократ, поэтому в концептуальном пространстве данной ЛСГ масти отводится значительное место. Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов возводят общеиндоевропейские названия зайца и орла к основам с первичным значением «серый» в некоторых диалектах, то есть концепт «серое» является значимым при описании животных. Немаловажно и широкое распространение цветовых диалектизмов, обозначающих серый цвет при описании одежды. Как цвет немаркий, практичный, серый часто используется при окраске тканей для рабочей одежды. Особенно это важно для носителей говоров, живущих в сельской местности.

10 диалектных цветообозначений (*боло'сно*, *бусерма'жный*, *бусь*, *дымови'тый*, *пле'сневый*, *серо-пробелова'тый*, *серь*, *серя'хонький*, *сивым-сивёшенький*, *сизоже-ле'зный*) имеют только толкование без иллюстраций, поэтому проследить, за какими предметами действительности они закреплены, не представляется возможным.

Рассмотрим 2 группу – слова, обозначающие оттенки прочих тонов. Они актуализировались только в диалектной лексеме *серый*. Её доминирующая валентность в колоративных значениях связана с цветом волос человека: «русый», «седой». Диалектизм *серый* также называет оттенок, промежуточный между хроматическим и ахроматическим: «бледно-лиловый» [СРНГ 37, с. 225]. В СРНГ приведена иллюстрация: «Цветы – красные, белые, *серые* [СРНГ 37, с. 225]. В номинации могла сыграть роль эмоционально-оценочная коннотация, заложенная в слове *серый*: цветы этого цвета воспринимаются носителем говора как неприметные, невзрачные, особенно в сравнении с другими, яркими.

Устойчивые выражения, отражающие концепт «серое» и его эволюцию в истории русского языка, расширяют предметную область слов, входящих в группу серого тона. Интерес представляет фразеологизм *серая неделя* – «неделя перед Масленицей». Известны другие названия предпоследней недели перед Великим постом: Пёстрая неделя, Рябая неделя, Мясопустная неделя, Поминальная неделя [Котович, 2010, с. 332]. Взаимосвязь примеров, включающих ЦО, представляется на данный момент затемнённой и будет рассматриваться в дальнейших исследованиях.

Второй выделяемый нами концептуальный смысл – «оценка». Отметим, что из всех входящих в состав ЛСГ серого тона лексем ярко выраженной эмоционально-оценочной коннотацией обладает только диалектизм *серый*.

Устойчивые сочетания со словом *серый* в говорах русского языка позволяют говорить о том, что *серый* в сознании носителя говора классифицируется как пейоратив, поскольку большинство идиом носят отрицательную эмоционально-оценочную коннотацию. Например, *серое горюшко*, *горе серо* – «эпитет горя» [СРНГ 37, с. 227], *серая кошка проскочила между кем-либо* – «произошла размолвка, рассорились» [СРНГ 37, с. 227], *серого сделать* – «а) неловко, смешно прыгнуть, б) позволить себе неловкую, глупую выходку» [СРНГ 37, с. 227], *из серых серый* – «самый темный, отсталый» [СРНГ 37, с. 227], *серое наречие* «грубый, невежествен-

ный язык» [СРНГ 37, с. 226], *серые слова* «грубые, невежественные слова» [СРНГ 37, с. 226]. Лексема *серый* в русских говорах обладает также значениями «простой, грубый, примитивный, без отделки» [СРНГ 37, с. 226] и «невысокого качества, не первосортный» [СРНГ 37, с. 226], которые подтверждают, что в концептуальное содержание ЛСГ серого тона носители говоров включали негативную оценку. Положительно окрашенные смыслы у лексем, образующих группу серого тона, в говорах русского языка отсутствуют. Это значит, что уже в древности у слов данной группы в русском языке была актуализирована отрицательная оценка: «горе», «ссора», «глупость», «отсталость», «грубость», «низкое качество».

Менее выраженной негативной коннотацией обладают **прочие смыслы**, выраженные словами данной группы: смысл «**грязный**» (*Восеро*. Серо; грязновато. Восеро что-то у вас (о невыбеленном, грязном помещении) [СРНГ 5, с. 132]); смысл «**пасмурный**» (*Бо'лосно*. Серо, облачно, пасмурно [СРНГ 3, с. 78], *Серое погodye*. Мелкий морозящий дождь [СРНГ 37, с. 225]); смысл «**блѣклый**» (*Бу'рый*. <...> 3. Полинявший, выцветший. Хоть како платье буро, когда отлинят да обгорит на солнце [СРНГ 3, с. 301]. *Бу'сий*. <...> 3. Выцветший, линялый (о ткани, одежде). Бусая рубашка [СРНГ 3: 306]. *Забусе'ть*. <...> 2. Потускнеть (о стекле, металле). Кольцо забусело волоченное [СРНГ 9, с. 285]. *Си'вый*. <...> 2. Выцветший (об окраске) [СРНГ 37, с. 276]). Последний смысл позволяет расширить концептуальное содержание анализируемой ЛСГ, поскольку здесь отмечаются новые валентностные возможности: *забусе'ть* – о стекле, металле («потускнеть»), *си'вый* – об окраске («выцветший»). В данном случае речь идет исключительно о материальном мире, созданном руками человека.

Концептуальное содержание ЛСГ серого тона предстает семантически многослойным. Мы выделили базовые концептуальные смыслы: «цвет» (животных, предметов окружающего мира, частей тела человека и его одежды) и «оценка» (отрицательная: оценка отношений между людьми, поведения человека, его интеллекта, языка, качества артефактов), а также периферийные концептуальные смыслы «грязный», «пасмурный», «блѣклый», которые в определенной мере связаны и со смыслом «цвет», и с отрицательной оценкой. В результате проведенного анализа мы можем сделать следующий предварительный вывод: количественное преобладание группы серого тона в диалектном семантическом поле цвета связано с обоими базисными смыслами. С «цветом», так как серый цвет относится к сдержанным и входит в состав смешанных, а мастеобозначения чаще всего смешанного цвета, и с «оценкой», поскольку она была «закрепленной, четко актуализированной». Оба смысла, органично связанные в концепте «серое», были и остаются устойчивыми на протяжении длительного периода времени, что и обеспечивает до сих пор группе серого тона прочное место в семантическом поле цвета русского языка.

Список литературы

1. Бахилина, Н. Б. История цветообозначений в русском языке / Н. Б. Бахилина. – М., 1975. – 288 с.
2. Гамкрелидзе, Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры : в 2 ч. / Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. – Тбилиси : Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. – Т. 2. – 889 с.
3. Котович, О. В. Золотые правила народной культуры / О. В. Котович, И. И. Крук. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2010. – 592 с.
4. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : Едиториал УРСС, 1990. – 256 с.
5. СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Л. : Наука. Ленингр. отд-е, 1965. – Вып. 1.
6. Фрумкина, Р. М. Цвет, смысл, сходство: Аспекты психолингвистического анализа / Р. М. Фрумкина. – М. : Наука, 1984. – 175 с.

ОСОБЕННОСТИ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ ГОВОРА СЕЛА ПОИМ БЕЛИНСКОГО РАЙОНА ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Экспедиция в село Поим с целью изучить современное состояние его говора состоялась в 2010-м г. Интересным представляется то, что многие черты, отмеченные А. М. Пашковским еще в 40-х г. XX в. [Пашковский, 1949], сохраняются в говоре Поима до наших дней.

Фонетические особенности говора рассмотрены ранее [Ширшаков, 2014].

Морфологические особенности

Наблюдается выравнивание основ существительных первого склонения в форме родительного падежа единственного числа: *был у сестре, у мамы, книга Фекли Тимофевни* и др. В сочетании с предлогом *у* такого рода окончания характерны для южно-русских акающих говоров [Кузнецов, 1973, с. 108]. Однако такое явление отмечено многими исследователями в русских говорах Поволжья (как в акающих, так и в окающих) [Моисеенко, 1961, с. 115; Фидоровская, 1961, с. 219; Мызников, 2005, с. 42, 67].

Отмечено распространение, у существительных женского рода с основой на мягкий согласный, форм дательного и предложного падежей единственного числа с окончанием *-е*: *по грязе', в грязе', на лошадые', в косте', на пече'* и др. Многие существительные из этой же группы в именительном падеже множественного числа имеют ударную флексию *-а* с предшествующей мягкостью: *лошадья', шыниля', титрадя', частя'*. В речи стариков можно услышать и *дубья', дядья'*...

Имена существительные среднего рода с ударением на основе в именительном падеже множественном числе имеют флексию *-ы*: *окны, кольцы, стёклы, гумны* и др.

Существительные на *-онок* (ед. ч.) во множественном числе оканчиваются на *-аты*: *рибяты, ягняты, теляты, жырибяты* и др. В работе Н. А. Липовской, посвящённой анализу существительных во мн. ч. со старой основой на *-et*, такие примеры не приводятся [Липовская, 1981]. Однако в русских говорах Среднего Поволжья эта форма широко распространена [Здобнова, Карты, карта № 47; Мызников, 2005, с. 67].

Отмечен переход некоторых слов среднего рода в мужской и женский (чаще выражается синтаксически, т.е. в форме согласованного определения): *новой ришото, большой окно, один лицо, мая ишастя такая* и др.

Многие имена прилагательные в именительном падеже употребляются с флексией *-ай*: *высокай, далёкай, краснай. «Милай чорнобровинькай»* (из частушки). В родительном падеже единственного числа чаще используется окончание *-ово* (*-ова*): *доброво, старово, великово* и т.п.

Личные и возвратное местоимения в единственном числе родительном и винительном падежах имеют формы *меня, тебя, себя*, в дательном и предложном падежах – *мне, тебе, себе*.

Отмечена форма личного местоимения 3 л., ед. ч., муж. р. в творительном падеже *с нём*.

Широко распространены формы глаголов и прилагательных, отражающих конечный результат ассимиляции и стяжения гласных, возникших после утраты *j* в интервокальном положении: *знат, делат, быват, успем, умеш, болет, красна, нова, молода*; но: *моит, бьёт, роит. «Он бе'гат у вас пры'тко, фсе но'ги сибе' полома'т... Ны'нци рабо'там на сеноко'си...Ни понима'и».* «Сура-река не примат, ко бережку прибиват...» (из песни).

Глаголы в форме третьего лица множественного числа произносятся с окончанием *-ут* (*-ют*) вне зависимости от спряжения, при чём *-т* твёрдое: *носят, ходют, платют* и т.д.

Наряду с той же парадигмой, глаголов с основой на заднеязычный согласный, типа *мочь, печь*, что и в литературном языке, отмечены формы типа: *могёш, могёт, пекёш, пекёт, стригёт, лягит*. «*Фидоня бигёт, бигёт, аж падат...*» Это явление имеет широкое распространение в пензенских говорах.

Встречаются такие формы страдательных причастий как: *капуста убрата, дочь выдата*.

Распространены формы деепричастий с суффиксом *-миш*: *разу'миш, сде'ламиш* и под.

Синтаксические особенности

В области синтаксиса говор села Поим имеет общие особенности диалектной речи: более свободное расположение слов, нет строгой внутренней связи в предложениях. Преобладают простые конструкции с однородными членами, с обособленными частями.

Употребляются согласованные постпозитивные частицы: *человек-от, простой-от; люди-ти; она-та*.

Распространена смысловая координация подлежащего (существительного собирательного в единственном числе) и сказуемого (глагола во множественном числе): «*Мордва начали селитца... Скору мордва на русских пожынились*».

Изредка, в речи пожилых людей, деепричастие употребляется в функции сказуемого: «*Дядь Вань зделамиш коромыс...*». Отметим, что суффикс деепричастия *-миш*, так широко распространенный в пензенских говорах, обычно рассматривают как образование по аналогии (влияние форм типа *вземши*, где *м* принадлежит основе). Чаще же деепричастие выполняет традиционную синтаксическую функцию: «*Разумишы простудисси и захвораиш...*» «*Ни достамиш она шляпы, стала речку проклинять... Полюблёмишы милова, заботу имела...*» и др.

Сохраняется в следующих словосочетаниях архаическая связь слов: при многих переходных глаголах прямой объект имеет форму не винительного падежа, а в родительного: *чаво сказать, чаво сделать* и т.д.

Наблюдается свойственный разговорной речи повтор слов: «*Од йово разговору он стал, как снек белай... Ни знаю, придёт сиводни, ни знаю, нет...*».

Встречается необычное для русской речи применение предлога *по* в значении цели (можно предположить влияние украинского языка): «*По водичку пошол. В лес по грибы...*». Употребляется предлог *скрозь до* (*Пойдёте скрозь до леса, а там и озеро*).

Список литературы

1. Здобнова, З. П. Карты к учебному пособию «Территориальное варьирование русского языка в Башкирии» / З. П. Здобнова. – [Б. м., б. г.]
2. Пашковский, А. М. Говоры села Поима (Пензенская область) / А. М. Пашковский // Песни и сказки Поимского района. – Пенза, 1948.
3. Русская диалектология / под ред. П. С. Кузнецова. – М., 1973.
4. Липовская, Н. А. Основы множественного числа существительных со старой основой на *et* / Н. А. Липовская // Диалектология и лингвогеография русского языка. – М., 1981. – С. 115–119.
5. Моисеенко, М. Ф. Формы склонения имён существительных в русских говорах Казанского Поволжья / М. Ф. Моисеенко // Материалы и исследования по диалектологии Волго-Камья (Учен. зап. Казанского гос. ун-та. Т. 121, кн. 3). – Казань, 1961. – С. 115–148.
6. Мызников, С. А. Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Республика Марий Эл / С. А. Мызников. – СПб.: Наука, 2005.
7. Фидоровская, А. С. Краткие замечания о некоторых морфологических особенностях говоров Лаишевского района Татарской АССР / А. С. Фидоровская // Материалы и исследования по диалектологии Волго-Камья (Учен. зап. Казанского гос. ун-та. Т. 121, кн. 3). – Казань, 1961. – С. 219–224.
8. Ширшаков, Р. В. О некоторых фонетических особенностях говора села Поим Белинского района Пензенской области / Р. В. Ширшаков // Материалы Междунар. науч. конф. к 150-летию со дня рождения А. А. Шахматова / Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб.: Нестор-История, 2014. – С. 244–246.

**О ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКЕ С. КАРДАВО ГОРОДИЩЕНСКОГО РАЙОНА
ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ
(ПО «РАССКАЗАМ О ПРИРОДЕ» А. Т. КОНДРАТЬЕВА)**

В конце 2015 г. вышла в свет книга А. Т. Кондратьева «Рассказы о природе» (Пенза, 100 экз., 93 с.). Она не претендует на большие литературные лавры, но является оригинальной и интересной во многих отношениях. Книга состоит из небольших рассказов-зарисовок, которые писались на протяжении нескольких десятилетий и печатались в основном на страницах газеты Городищенского района, в северной лесной части которого расположено русское село Кардаво – родина А. Т. Кондратьева, где прошли его детские и юношеские годы. И писал эти рассказы не литератор по образованию, а математик. Алексей Тимофеевич вскоре после Великой Отечественной войны закончил Пензенский пединститут и почти всю свою жизнь проработал в нём, пройдя путь от аспиранта до проректора по научной и учебной работе, став кандидатом физико-математических наук, доцентом.

Живя в городе Пензе, Алексей Тимофеевич никогда не забывал своей малой Родины, постоянно бывал в Кардаве, знал его леса и луга, речки и родники и всё то, что росло и населяло этот богатый лесной край. Он с самого начала своей жизни был вписан в природу этой земли и остался верным ей до конца. Поэтому с такой любовью и знанием писал о змеях и грибах, о разных травах и ягодах, кустарниках и деревьях, о речке Тюнярь и окружающих Кардаво лесах и полях. И не только мастерски описывал всё это, но и давал советы, что и как собирать, что в собранном полезного или вредного, что и как можно из него приготовить.

В своём предисловии к «Рассказам о природе» писатель-краевед В. Е. Мазяев, знающий и любящий природу Пензенской земли и пишущий о ней прекрасные рассказы и эссе, сказал об этой книге так: «...никуда не деться чувствам, рождённым непритязательными, но ёмкими и точными строками о русской природе, о людях, о русской деревне, если от прочитанного становишься равнодушным, если замутишься или просветлеет душа, закручинится или прояснеет мысль, радостно встрепенётся или ломко заболит сердце, тогда неважными становятся объёмы написанного, неважным становится какого ряда пишущей братии достоин автор, который писал свои творения всего лишь как зарисовки о своих походах на природу и на люди и ни на что не претендовал» [Кондратьев, 2015, с. 7].

Но речь в данных заметках о книге идёт не о её художественных достоинствах, хотя об этом тоже можно и нужно говорить, а о другом. В частности, о том, как в этих рассказах отражается языковое сознание жителей с. Кардаво. С этой точки зрения несомненный интерес представляет употребление в них слов и выражений, характерных только для данной местности, для говора с. Кардаво.

Ценность этих сведений заключается в том, что они воспроизводят диалектные особенности говора тех времён, о которых говорится в этих рассказах. Носителей этих сведений, может быть, уже нет в живых, а сам говор или перестал существовать, или под влиянием литературного языка изменился настолько, что от него мало что осталось. Кроме того, в произведениях такого рода встречается много антропонимов (имён, фамилий, прозвищ), микротопонимов и других местных названий трав, грибов и т.п. объектов, интересных для историков и лингвистов. Всё это может служить хорошим материалом при составлении региональных, в том числе и диалектных словарей [Шувалов, 2015, с. 136]. К сожалению, таких словарей по нашим пензенским говорам пока нет, и составление их – задача будущего.

В произведениях писателей-земляков Пензенской области диалектные слова могут быть представлены в разном объёме. В рассказах А. Т. Кондратьева – их более 40. Абсолютное большинство этих слов – имена существительные. Среди них можно выделить следующие тематические группы.

1. Названия составных частей трав, кустарников, деревьев. Например: *орешина* – ствол ореха; *златунцы* – спелые орехи; *корьё* – кора вербы; *столбунец* – стебель молодого шавеля; *плиска* – часть плода сверху, в которой находится орех во время роста; *копорка* – лист кипрея; *провонючка* – сныть; *берёзка* – вьюнок; *барашки* – первоцвет; *коровка* – дягиль.

2. Названия бытовых и хозяйственных предметов: *гнёт* – жердь для скрепления на возу сена, соломы и т.п.; *плита* – плоский лист железа с загнутыми краями для выпечки пирогов, для сушки сыпучих веществ (семечек, орехов, зерна и т.д.); *ковш* или *намётка* – рыболовная снасть, похожая на ковш с длинной ручкой; *таратайка* – тачка; *бабка* – чурбак с металлической вставкой, на которой пробивают косу; *чело* – «вход» в русскую печь; *пронизка* – поплавок; *бурак(чок)* – небольшая плетёная из коры берёзы ёмкость; *рыскальцы* – деревянные овальные кольца; *кадушка* – деревянная кадка; *медотка* – рыболовная снасть типа бредня из не очень плотной ткани.

3. Названия земельных участков, мест: *резь* – постоянное место для ловли рыбы вершей; *макушка* – высокое место; *зады* – тыльная сторона за дворовыми постройками; *ендова* – лощина, широкая впадина; *куртинка* – небольшая площадка какой-либо растительности (травы, малины и т.д.); *завадинка* – небольшое мелкое место в водоёме; *поруб* – участок срубленного леса.

4. Названия трав, цветов, ягод. Вряд ли во многих произведениях о природе (не в научных и не в справочных) можно встретить столько подобных названий, как в книге А. Т. Кондратьева. Кажется, вся флора Среднего Поволжья нашла своё пристанище в Городищенском районе Пензенской области (около 50 названий). Помимо известных трав: *крапива*, *душица*, *зверобой*, *щавель*, *осот*, *молочай*, *малина* и подобных, мы знакомимся с такими, которые большинству читателей не встречались. Это *шкерда*, *чемерица*, *цыкута*, *козлятник* и др. Среди них есть и несколько диалектных названий: *барашки* (первоцвет), *провонючка* (сныть), *коровки* (дягиль), *берёзка* – вьюнок.

Отдельные рассказы посвящены ягодам и их полезным свойствам. Это зарисовки о *черёмухе*, *малине*, *орехе*, *землянике*, *клубнике*. Много добрых слов сказано о деревьях: *сосне*, *иве*, *ветле*, *ели*, *тополе* и других. Однако диалектных названий среди них нет.

5. Слова других тематических групп: *новогодье* – новогодние праздничные дни; *ночевая* – ночёвка; *сплав* – вероятно, заторы из упавших в реку во время половодья деревьев и кустарников; *заимка* – процесс запруды реки, строительства на ней плотины.

Кроме имён существительных, в «Рассказах о природе» встретилось ещё два диалектизма – глагол «*грушить*» и прилагательное от этого слова «*грушёная*» (черёмуха).

Часто перед едой черёмуху насыпали в блюдо и подкидывали вверх, «грушили», как у нас называли («Черёмуха»).

Многие из диалектных слов в рассказах А. Т. Кондратьева понятны читателю: они образованы от общенародных корней (слов): *новогодье*, *поруб*, *ночевая*, *завадинка*, *гнёт*, *намётка*, *провонючка*. Другие диалектизмы автор умело разъясняет, например:

*У некоторых рыбаков было, как правило, постоянное место. Оно называлось **резью**. Под плотиной из года в год была **резь** дедушки Петрина («Наша речка Тюнярь»).*

*В период зрелости орехи имеют золотой отблеск. Моя мать называла их **златунцами** («Крепкий орешек»).*

В некоторых случаях разъяснение даётся путём приведения к диалектизму литературного синонима (или наоборот).

*...рыбаки-любители около берега ловили рыбу **намёткой** (ковшом, как у нас говорили);*

*Любили ловить мелюзгу,.. некоторые женщины **медоткой**. Она состояла из суровой не очень плотной ткани, натянутой на две палки («Сипатая»).*

Не ясными для читателя остаются только два диалектизма: «корьки» (скорее всего – название низкорослого леса или кустарника) и слово «сплав», диалектный смысл которого не проясняет и контекст:

*Случалось, были на реке **сплавы**. Они, конечно, для реки не благодать. Некоторые брёвна тонули, засоряя русло. Но, кажется, заметного уменьшения рыбы не наблюдалось («И реке нужна защита»).*

*И вот я взял армейский алюминиевый котелок и пошёл за клубникой в **корьки**. В этом месте когда-то жгли хворост («Яблоки, змея и клубника»).*

Особо необходимо сказать о топонимической лексике рассказов. Топонимика непосредственно связана с историей любого населённого пункта, его жизнью, с окружающим ландшафтом, полями и лесами, речками и ручьями, колодцами, родниками и др. подобными объектами. «В них память о давно ушедших людях и свершившихся возле них или связанных с ними событиях, ярких происшествиях, сбывшихся и несбывшихся чьих-то надеждах» [Домников, 2007, с. 3–4]. Это видно и по микропонимам книги.

Основную часть их составляют названия окружающих с. Кардаво мест. Вот, например, наименования некоторых лесных участков, которые говорят сами за себя. Действительно, в этих названиях обозначено местонахождение этих участков (*Кардавская гора, Проводлейский лес, Край, Черёмушкино место*); связь с конкретными людьми и событиями, о которых помнят в селе (*Лавров лес, Семёновские порубы, Горелый лес*), форма этих участков (*Ухват*) и их состояние в настоящем и прошлом (*Целый, Поруб, Пожог*). Это даёт возможность жителям села хорошо ориентироваться в местности, быстро находить тот или иной участок.

Такая же чисто практическая направленность наблюдается и с «именами» оврагов: *«Название Первый, Второй, Третий овраги отражают то, что есть на самом деле. Когда мы собирали беляки (грибы – И. Ш.), то доходили разве лишь до Второго оврага» («Долгий омут»)*. Упоминается в рассказах ещё один овраг – *Тумалейский*: от названия небольшой речки Тумалейка.

Интересны наименования родников. Один, главный, называется *Фонталка* (диалектное от слова «фонтан»). Два других – *Ермишкин* и *Храмов* – связаны с фамилиями односельчан, имевшими к ним в своё время какое-то отношение. Четвёртый – *Проводлейский* – назван по местности, где он находится: Проводлей – небольшая лесная речка.

Многие названия микропонимов понятны, например: *Долгий омут, Кардавская гора, Барсучье* (место обитания барсуков), *Поруб, Пожог* (от глаголов «рубить», «жечь»). Другие – непонятны ни читателям, ни самому автору. О них он пишет так:

*Все окрестные места вокруг нашего села в радиусе до 10 километров имеют своеобразные координаты. Каждый знает, где расположена Осина сечь. Только вот что это значит, не скажет даже старожил. То ли здесь кого секли, то ли это название связано с какой-то сечью?.. Значение многих других названий – *Бурухино, Пальшиный, Пильный, Целый* и других – тоже не очень ясно («Тихий омут»).*

Эти названия не сиюминутные. Они передаются из поколения в поколение, не изменяются даже при смене режимов власти и других каких-то событий. Хо-

чется также отметить, что то или иное название местности даётся абсолютно идентично, то есть в соответствии с условиями рельефа, истории. И кажется, что другого названия эта местность иметь не может («Ендова»).

Науку о топонимии иногда называют языком Земли. «Язык этот – достояние народа, [и человек – И. Ш.] в пределах его живущий, должен уметь на нём разговаривать» [Малязёв, 2007, с. 37]. К сожалению, в связи с исчезновением многих неперспективных населённых пунктов, в том числе и в Пензенской области, из памяти народа, из его языка уходят безвозвратно многие особенности местной речи, в частности микротопонимы. Поэтому со всей остротой встаёт задача сохранить эти особенности, зафиксировать этот язык Земли. *«Думается, – пишет А. Т. Кондратьев, – что здесь можно было бы приложить старания местным краеведам, школе. Наверняка в каждом селе есть свои означенные окрестные места, как-то названные. Объяснить это – значит внести лепту в краеведение и культуру» («Долгий омут»).*

Опыт такой работы в мире есть. Так, в Швеции собрали 14 миллионов названий местных объектов и уяснили, что это то, что забвению не подлежит [Малязёв, 2007, с. 37].

Координатором такой работы в нашей области могла бы стать одна из следующих организаций: кафедра русского языка Пензенского пединститута, отделение географического общества, краеведческий музей, журнал «Пензенское краеведение». А результаты такой работы можно докладывать на студенческих конференциях историко-филологического факультета Пединститута, а также на ежегодных конференциях в селе Степановка Бессоновского района «Моя малая Родина».

Список литературы

1. Домников, С. Творческий мир Виктора Малязёва / С. Домников // Вступительная статья к книге «Ах, сенокос, сенокос, сенокос...». – Пенза, 2007. – С. 3–10.
2. Кондратьев, А. Т. Рассказы о природе / А. Т. Кондратьев. – Пенза, 2015. – 93 с.
3. Малязёв, В. Е. Ах, сенокос, сенокос, сенокос... / В. Е. Малязёв // Повесть и рассказы. – Пенза, 2007. – 154 с.
4. Шувалов, И. Ф. Художественные произведения писателей-земляков Пензенской области как источник диалектных сведений / И. Ф. Шувалов // Самарский научный вестник ПГСГА. – № 61(10). – 2015. – С. 135–137.

*П. Е. Ахраменко, С. Б. Кураш
(г. Мозырь, Беларусь)*

БЕЗЛИЧНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА И ПОСТРОЕНИЯ ТЕКСТОВ-ПОВЕСТВОВАНИЙ

В условиях построения художественных текстов автору почти всегда необходимо выразить то или иное отношение к тому, о чём говорится. Выражение отношений-коннотаций на уровне функционирования лексем в речи детально исследовали В. В. Виноградов, М. И. Фомина, Н. М. Шанский, Д. Н. Шмелев, П. П. Шуба и др. Проблемы же употребления синтаксических единиц разработаны в этом плане недостаточно. Это обусловлено тем, что лексическое значение обозначено более чётко, оно лежит на поверхности. Синтаксис употребления единиц языка является более глубинным. Анализу синтаксических единиц в коммуникативном аспекте посвящены работы В. Г. Адмони, А. М. Амадова, Н. Д. Арутюновой, Г. А. Золотовой, А. Вежбицкой и др.

Если по условиям коммуникации чётко обозначенный субъект не нужен или невозможен, для обозначения употребляются безличные синтаксические единицы. В. В. Бабайцева отмечает, что «безличные предложения являются самой пёстрой группой односоставных предложений» по выражаемым ими значениям [Бабайцева, 1968, с. 18]. Общим значением безличных предложений является утверждение независимого признака (действия), не соотношенного с деятелем. Это значение передается главным членом предложения. Содержание главного члена безличных предложений составляют: а) обозначение независимого признака – действия, состояния; б) выражение несоотнесенности действия с деятелем.

Неизвестность причины происходящего, невозможность повлиять на сложившиеся обстоятельства, порой, безысходность ситуации – это те условия, которые складываются тогда, когда человек не может по тем или иным причинам объяснить происходящее или когда он хочет обозначить своё психическое или физическое состояние.

Содержание любой культуры может быть выражено с помощью её языка, и содержание языка неразрывно связано с культурой, которая понимается как «ценностный отбор, осуществляемый обществом», и «отобранный инвентарь опыта» (Э. Сепир). Язык – неотъемлемая и важнейшая часть любой национальной культуры, полноценное знакомство с которой предполагает попытку проникнуть в образ мышления нации, попытку взглянуть на мир глазами носителей этой культуры.

Культурный опыт, закреплён в языке в виде понятий, передаваемых концептами. Ключевые концепты – это понятия, показательные для отдельно взятой культуры. Они помогают выявить систему ценностей, установок и традиций, присущих разным культурам и народам, особенности их мировосприятия [Вежбицкая, 2001, с. 55].

Е. С. Кубрякова отмечает, что под концептом понимается не только «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отражённой в человеческой психике», но и единица универсального «синтаксиса человеческих мыслей» [Кубрякова, 1996]. В таком случае следует признать, что одной из особенностей языка с точки зрения национальной когнитивной маркированности являются не только лексические, но и синтаксические единицы.

Ключевыми лингвистическими концептами русского языка, по А. Вежбицкой, являются эмоциональность, иррациональность, неагентивность, любовь к морали [Вежбицкая, 1997, с. 33].

Эти семантические характеристики активно могут передаваться в русском языке системой безличных предложений, которые в силу своей «безличной природы» и в соответствии со своей семантикой актуализируют неконтролируемость, самопроизвольность эмоций, действий, состояний.

В частности, в русском языке они выражают эмоции и действия, которые не зависят от воли человека и не контролируются.

Отсутствие контроля в предложениях, где говорится о человеческих чувствах, состояниях регулярно выражается сочетанием безличной формы глагола или слова категории состояния и дательного падежа имени существительного: *Мне не спалось; Ему нездоровилось. Мне неприятно; Николаю весело.*

Такие конструкции достаточно продуктивны, они отражают тот факт, что события происходят сами собой и что семантические субъекты не имеют активного отношения к происходящему, так как дательный субъекта отрицает ответственность субъекта за происходящее. Состояния или события представлены как возникающие сами по себе. Безличные предложения, построенные по данной модели, определяют действие как самодовлеющее, независимое от человека: *Анне постоянно не везло.*

Безличные глаголы и слова категории состояния в таких конструкциях могут иметь оппозицию – личный глагол при наличии активного субъекта: *Ему было завидно – Он завидовал. Ему было обидно – Он обижался. Ему не спалось – Он не спал.* Активная схема показывает контролируемое состояние, которое испытывает субъект. Дативная же схема отражает то, что данное чувство у человека является самопроизвольным, не зависящим от воли субъекта.

Общее значение безличных предложений определяется семантикой безличного глагола или слова категории состояния, например: природные явления, психические и физические состояния человека, возможность-невозможность действия, наличие-отсутствие чего-либо и т.д. Семантические оттенки разнообразны, но все они объединены общим значением состояния неопределённости или самопроизвольности совершения действия. В качестве главного члена глагольной безличной конструкции может быть употреблено и лексическое новообразование, которое передает неосознанность, легкость состояния, действия, происходящего без воли субъекта: *Не идётся мне, а танцуется, отражается в облаках...* (Л. Татьяничева).

Для обозначения невозможности или неспособности делать то, что хочется делать субъекту, активно употребляются в художественных текстах безличные единицы, построенные по схеме: частица «не» + безличный глагол и факультативный инфинитив. Данному состоянию мешает неопределённая и не названная сила. Субъект оказывается неспособным контролировать ход событий; его внутренние силы, воля, мысли погружены в состояние, которое не дает осуществиться осознанному желанию субъекта. Предполагаемые действия для осуществления этого действия (или состояния) сами по себе не составляют особой сложности для субъекта, но их невыполнение полностью зависит от внутреннего состояния (эмоций, настроения). В таких предложениях всецело подчеркивается лишь состояние, субъект же оказывается на заднем плане. Безличные предложения с подобным значением могут представлять и такую структурную модель: отрицание – возвратный глагол в форме 3 лица единственного числа настоящего времени или среднего рода единственного числа прошедшего времени. В таких конструкциях факультативно возможен и дательный субъекта (факультативный дательный субъекта обозначается в контексте): *Не работалось ему после обеда. Не спалось на новом месте.*

Данные конструкции без частицы «не» в своем составе имеют определительные наречия со значением качественной характеристики. Такими предложениями

обозначается субъект как лицо, которое по какой-то непонятной причине не испытывает никаких затруднений в совершении действий или осуществлении состояний. Деятель лишь чувствует, что предпринятые им действия протекают хорошо, но успех достигается не в результате затраченных им сил, а благодаря каким-то сложившимся обстоятельствам: *Мне чудесно писалось. Мне прекрасно спалось*. Структурно такие предложения могут строиться по схеме: возвратный глагол в форме 3-го лица настоящего времени единственного числа или прошедшего времени среднего рода – дательный падеж субъекта – слова категории состояния *хорошо, легко* и т.п.: *Хорошо нам на природе дышится*.

Активно употребляются безличные конструкции с глагольными сказуемыми типа *хочу – хочется*. Продуктивность таких единиц, представляющих оппозицию «личная - безличная конструкция», определяется возможностью образования безличных глаголов от личных с помощью постфикса *-ся(сь)*. Эта способность личного глагола соединяться с аффиксом *-ся(сь)* и образовывать безличные глаголы является основой синтаксического параллелизма: если есть личный и соответствующий безличный глагол, значит, могут быть построены личное и безличное предложения, которые отличаются по степени проявления действия или состояния. Соотношения глаголов *хочу – хочется, работаю – работается, танцую – танцуется* и подобными является установка на цель коммуникации. Наиболее распространенными являются параллельные конструкции с модальными глаголами *хотеть – хотеться*. Использование личной и безличной конструкций четко разграничено, что позволяет говорить о закономерностях их употребления. Безличная конструкция с глаголом *хотется (хотелось)* употребляется тогда, когда нужно подчеркнуть невозможность выполнения того, что кажется человеку почти реальным, осуществимым. Но этому желаемому по каким-то причинам не суждено сбыться. Безличный глагол *хотется (хотелось)* функционирует в таких конструкциях со значением «иметь намерение» и сочетается с инфинитивом глагола, обозначающего основное лексическое значение безличной единицы: *Она хотела идти домой, но ей хотелось и остаться...*

Особенности употребления безличных синтаксических единиц можно проследить на примере рассказа А. П. Чехова «Княгиня».

Рассказ начинается с обращения внимания читателя на то, что главная героиня, Вера Гавриловна, очень любила бывать в N-ском монастыре. Здесь её всё «трогало, умиляло и располагало к созерцанию и хорошим мыслям». Это место располагало для того, чтобы ей все начинало казаться призрачным, невесомым, добродетельным, но именно казаться. Следует отметить, что безличные конструкции со сказуемым в форме «казаться» А. П. Чехов использует на протяжении всего рассказа. Причём, соседство данной синтаксической единицы с двусоставными предложениями позволяет представить как нечто кажущееся, иллюзорное и посредством самих двусоставных построений: *Достаточно ей было побывать в покоях полчаса, как ей начинало казаться, что она робка и скромна, что и от нее пахнет кипарисом; прошлое уходило куда-то вдаль, теряло свою цену, и княгиня начинала думать, что, несмотря на свои двадцать девять лет, она очень похожа на старого архимандрита и так же как он, рождена не для богатства, не для земного величия и любви, а для жизни тихой, скрытой от мира, сумеречной, как покой...* [Чехов, 1970, с. 265].

Безличность, отраженная в рассказе, является основой для построения рассказа в форме кольцевой композиции: сначала сладкое, кажущееся, иллюзорное восприятие действительности – затем жестокий мир реальности, переданный в словах доктора – и в конце опять возвращение к своему счастливому состоянию.

Первая часть – сладкое иллюзорное восприятие действительности – обозначается безличными предложениями со сказуемым «казалось», что позволяет выдавать главной героине желаемое за действительное: *Княгине казалось, что она приносила с собой извне точно такое же утешение, как луч или птичка. Ее приветли-*

вая, веселая улыбка, кроткий взгляд, голос, шутки, вообще вся она, маленькая, хорошо сложенная, одетая в простое черное платье, своим появлением должна была возбуждать в простых суровых людях чувство умиления и радости [Чехов, 1970, с. 265]. Причем, форма **казалось** употребляется не только в безличных, но и в формально двусоставных предложениях: *От монастырского цветника повеяло на княгиню душистой влагой только что политой резеды, из церкви донеслось тихое пение мужских голосов, **которое** издали **казалось** очень приятным и грустным* [Чехов, 1970, с. 266].

Мечтательность желания героини приводит её к меланхолическому состоянию, которое описывается безличными предложениями со значением желательности. Это обозначается в форме безличных предложений как с составным глагольным сказуемым, так и в форме безличных предложений с составным именным сказуемым: *В тёмных окнах, где кротко мерцали лампадные огоньки, в тенях, в фигуре старика монаха, сидевшего на паперти около образа с кружкой, **было написано** столько безмятежного покоя, что княгине почему-то **захотелось плакать...*** [Чехов, 1970, с. 266].

Безличные с именным сказуемым в форме слова категории состояния обозначают мечтательную несбыточную желательность. В составе сказуемого употребляется слово категории состояния в сослагательной форме «хорошо бы». Следует отметить, что в небольшом десятистраничном рассказе целый большой абзац текста с размышлениями и мечтаниями героини построен таким образом. И только в последнем предложении абзаца не употребляется слово категории состояния «хорошо» – формально предложение становится инфинитивным, но это только формально. На самом деле слово категории состояния «хорошо» имплицитно наличествует у нас в подсознании: *Она думала о том, **что хорошо бы поселиться** на всю жизнь в этом монастыре, где жизнь тиха и безмятежна, как летний вечер; **хорошо бы позабыть** совсем о неблагоприятном, распутном князе, о своем громадном состоянии, о кредиторах, которые беспокоят ее каждый день, о своих несчастьях, о горничной Даше, у которой сегодня утром было дерзкое выражение лица. **Хорошо бы** всю жизнь сидеть здесь на скамье и сквозь стволы берез **смотреть**, как внизу под горой ключьями бродит вечерний туман, как далеко-далеко над лесом черным облаком, похожим на вуаль, летят на ночлег грачи, как два послушника – один верхом на пегой лошади, другой пешком – гонят лошадей на ночное и, обрадовавшись свободе, шалят, как малые дети; их молодые голоса звонко раздаются в неподвижном воздухе, и можно разобрать каждое слово. **Хорошо сидеть и прислушиваться** к тишине: то ветер подует и тронет верхушки берез, то лягушка зашелестит в прошлогодней траве, то за стеною колокольные часы пробьют четверть... **Сидеть бы** неподвижно, слушать и думать, думать, думать... [Чехов, 1970, с. 266].*

Первая композиционная часть могла бы и завершиться безличным предложением со значением желательности, причем, в конце предложения стоит многоточие, следовательно, мечтания могли бы и продолжаться. Но им нет предела, и поэтому, чтобы поставить точку над нескончаемыми и несбыточными мечтаниями, последнее предложение первой композиционной части начинается с противительного союза «но» в двусоставном предложении: *Мимо прошла старуха с котомкой. Княгиня подумала, что **хорошо бы остановить** эту старуху и **сказать** ей что-нибудь ласковое, задушевное, **помочь** ей... Но старуха ни разу не оглянулась и повернула за угол* [Чехов, 1970, с. 266].

Вторая часть кардинально отличается по лексической наполняемости безличных предложений от первой части. В ней наличествуют такие лексемы, как страшно, стыдно, обидно и подобные. Она начинается встречей княгини с доктором Михаилом Ивановичем, имя которого упоминается лишь один раз, а в других случаях он именуется просто доктор.

Такой приём используется для того, чтобы Михаил Иванович, прежде всего, выглядел не просто доктором человеческого тела, а доктором человеческих душ. У княгини прекрасное мечтательное настроение, но на ее «приветливую и кроткую улыбку» доктор «отвечает холодно и сухо», как и подобает настоящему беспристрастному доктору человеческих душ. И вот здесь впервые состояние души княгини меняется от мечтательности к непониманию и даже страху, что также выражается формой безличных единиц, отражающих её состояние. Ей *«страшно оглянуться назад: сколько перемен, несчастий разных, сколько ошибок!»* [Чехов, 1970, с. 267]. Но её мысли предельно направлены лишь на её саму, она ни о чём другом и ни о ком другом не может и не хочет ни думать, ни слушать и поэтому немного смутилась лишь потому, что сама *«она знала свои ошибки; все они были до такой степени интимны, что только одна она могла думать и говорить о них»* [Чехов, 1970, с. 268].

В речи доктора, обличающей в несправедном поведении и несправедливости княгиню, преобладают двусоставные предложения. Но состояния своей души он передает с помощью безличных. Он корит её за «нелюбовь и отвращение к людям», за то что *«молодых медиков, агрономов, учителей, вообще интеллигентных работников, боже мой, отрывают от дела, от честного труда и заставляют из-за куска хлеба участвовать в разных кукольных комедиях, от которых стыдно делается всякому порядочному человеку!»* [Чехов, 1970, с. 269].

Безличные предложения со значением слухового восприятия и со сказуемым, в котором глагольная связка употребляется постоянно с частицей «не», функционируют в качестве придаточной части цели: *У всех дверей на лестницах стоят сытые грубые и ленивые гайдуки в ливреях, чтоб не пускать в дом неприлично одетых людей; в передней стоят стулья с высокими спинками, чтоб во время балов и приемов лакеи не пачкали затылками обоев на стенах; во всех комнатах шершавые ковры, чтоб не было слышно человеческих шагов; каждого входящего обязательно предупреждают, чтобы он говорил потише и поменьше и чтоб не говорил того, что может дурно повлиять на воображение и нервы* [Чехов, 1970, с. 268].

Отрицанием, в том числе с использованием безличных предложений со значением отрицания со сказуемым «нет» в нулевой форме, но которое восстанавливается из контекста, пронизана вся гневная речь доктора: *То есть я хочу сказать, что вы глядите на всех людей по-наполеоновски, как на мясо для пушек. Но у Наполеона была хоть какая-нибудь идея, а у вас, кроме отвращения, ничего!* [Чехов, 1970, с. 269]. Употребляются в его речи и безличные со значением необходимости, но необходимость-то, поскольку речь обличительная, оказывается либо ничтожной, либо ненужной для выполнения: *Этак раза два в неделю, вечером, скачут тридцать пять тысяч курьеров и объявляют, что завтра княгиня, то есть вы, будет в приюте. Это значит, что завтра нужно бросать больных, одеваться и ехать на парад* [Чехов, 1970, с. 270].

Княгиня ещё ничего не хочет понимать, ей по-прежнему лишь всё представляется, кажется: *Никогда раньше с нею не говорили таким тоном. Неприятный сердитый голос доктора и его неуклюжая, заикающаяся речь производили в её ушах и голове резкий, стучающий шум, потом же ей стало казаться, что жестикулирующий доктор бьет ее своею шляпой по голове* [Чехов, 1970, с. 269].

В авторских словах используются безличные со значением восприятия возможности и отрицания наличия чего-либо: *Доктор захохотал басом и махнул рукой... Смеялся он тяжело, резко, с крепко стиснутыми зубами, как смеются недобрые люди, и по его голосу, лицу и блестящим, немножко наглым глазам можно было понять, что он глубоко презирал и княгиню, и приют, и старух. Во всем, что он так неумело и грубо рассказал, не было ничего смешного и веселого, но хохотал он с удовольствием и даже с радостью* [Чехов, 1970, с. 271].

И даже теперь княгине лишь всё ещё представляется, что доктор бьет её шляпой по голове, и «всё ещё ей казалось», хотя она уже и предельно растеряна: *У княгини страшно билось сердце, в ушах у неё стучало, и всё ещё ей казалось, что доктор долбит её своей шляпой по голове. Доктор говорил быстро, горячо и некрасиво, с заиканьем и с излишней жестикующей; для нее было только понятно, что с нею говорит грубый, невоспитанный, злой, неблагодарный человек, но чего он хочет от неё и о чём говорит – она не понимала* [Чехов, 1970, с. 272].

После этого у главной героини наступает период душевной инфантильности, переходящей в мазохизм: *Она чувствовала себя обиженной и плакала, и ей казалось, что и деревья, и звёзды, и летучие мыши жалеют её; и часы пробили только для того, чтобы посочувствовать ей. Она плакала и думала о том, что хорошо бы ей на всю жизнь уйти в монастырь: в тихие летние вечера она гуляла бы одиноко по аллеям, обиженная, оскорблённая, не понятая людьми, и только один бог да звёздное небо видели слёзы страдальцы. В церкви ещё продолжалась всенощная. Княгиня остановилась и прислушалась к пению; как хорошо это пение звучало в неподвижном, темном воздухе! Как сладко под это пение плакать и страдать!* [Чехов, 1970, с. 274].

Перед сном она опять занимается самобичеванием. Она представляет, как она будет разорена и её все покинут, начнут говорить грубости, будут злословить, смеяться, а она «уйдет в монастырь, и никому ни одного слова упрёка; она будет молиться за врагов своих, и тогда все поймут её, придут к ней просить прощения, но уж будет поздно...» [Чехов, 1970, с. 274]. С этими мыслями княгиня заснула.

Третья композиционная часть пронизана опять светлыми тонами, что передаётся соответствующей лексической наполняемостью безличных предложений.

Когда она проснулась, было уже половина десятого, «яркая полоса света от луча шла из окна». «*Рано!*» – *подумала княгиня и закрыла глаза.* [Чехов, 1970, с. 274]. Этим «рано», как нам видится, сказано через восприятие героини и то, что не нужно куда спешить, и то, что все нормально, и то, что она может себе позволить еще поспать. Окончательно проснувшись, «она улыбнулась и подумала, что если бы эти люди сумели проникнуть в её душу и понять её, то все они были бы у её ног...» [Чехов, 1970, с. 274]. Это, в принципе, так и получилось, когда её позднее провожали: *Её приятно удивило, что вместе с монахами у крыльца находился и доктор* [Чехов, 1970, с. 275], которому княгиня улыбнулась и протянула к его губам руку.

И опять у княгини прекрасное настроение, ей всё в радость, она порхает: *На душе у неё было весело, ясно и тепло, и сама она чувствовала, что её улыбка необыкновенно ласкова и мягка. Она думала о том, что нет выше наслаждения, как всюду носить с собою теплоту, свет радость прощать обиды и приветливо улыбаться врагам.* [Чехов, 1970, с. 275]

Наступает обычное для неё, невесомое, счастливое состояние, когда ей опять лишь все кажется: *Встречные мужики кланялись ей, коляска мягко шуршала, из-под колёс валили облака пыли, уносимые ветром на золотистую рожь, и княгине казалось, что её тело качается не на подушках коляски, а на облаках, и что сама она похожа на лёгкое, прозрачное облачко... Как я счастлива! – шептала она!* [Чехов, 1970, с. 275].

Посредством употребления безличных единиц в ткани произведений передаётся произвольность, бессубъектность происходящего.

Список литературы

1. Бабайцева, В. В. Односоставные предложения в современном русском языке / В. В. Бабайцева. – М., 1968.
2. Вежицкая, А. Понимание культур через средство ключевых слов / А. Вежицкая. – М., 2001.

3. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М., 1996.
4. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М., 1997.
5. Чехов, А. П. Собрание сочинений : в 8 т. / А. П. Чехов // Рассказы, повести, статьи и фельетоны 1887–1891 гг. – М., 1970. – 4 т.

Н. А. Здоровенко
(г. Пенза, Россия)

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ВИДО-ВРЕМЕННЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ ПРИ ОПИСАНИИ ПЕЙЗАЖА

Ценнейшим источником изучения грамматики русского языка являются произведения М. Ю. Лермонтова – одного из величайших мастеров русского художественного слова. Он, как преемник Пушкина, использовал литературный опыт многих русских и западноевропейских писателей, при этом всё унаследованное он творчески переработал, создав в результате оригинальное, неповторимое лермонтовское поэтическое искусство.

Важнейшим произведением М. Ю. Лермонтова является роман «Герой нашего времени», сыгравший большую роль в развитии русского литературного языка. Язык романа изобилует глаголами, которые несут важную информационную и смысловую нагрузку.

По В. В. Виноградову, «глагол – это часть речи, обозначающая действие или состояние предмета и изменяющаяся по временам, лицам и числам» [Виноградов, 1972, с. 324]. Глагол (от латинского «*verbum*») как одна из самых сложных, семантически ёмких и грамматически содержательных частей речи исследуется учеными в разных аспектах. Важность изучения глагола подчёркивается Гумбольдтом: «...Все остальные слова в предложении подобны мёртвому материалу, жаждущему своего соединения, и лишь глагол является связующим звеном, содержащим в себе и распространяющим жизнь» [Гумбольдт, 1984, с. 398].

В данной работе мы акцентировали внимание на видо-временных формах глагола. Актуальность исследования определяется возросшим интересом в настоящее время к изучению семантики языковых единиц, в общем, и видо-временных глагольных форм, в частности; отсутствием описания функционирования видо-временных глагольных форм в художественном тексте.

Для анализа было отобрано 1230 видо-временных глагольных форм. Из них 189 форм настоящего времени, 949 форм прошедшего времени и 91 форма будущего времени. Преобладание форм прошедшего времени связано с тем, что основу анализируемой главы («Бэла») составляет рассказ главного героя, Максима Максимыча, использующего большое количество глаголов прошедшего времени в своей речи. Это сухое и обстоятельное описание событий, характерное для стиля путевых записок. Семантика глагольного ряда представлена в основном глаголами **состояния природы**: *тянется, сверкает* (Арагва), *торчали* (камни), *скользил* (туман) и др., а также 1 глагол со значением **процесса изменения признака**: *разливался* (отблеск).

Важным в раскрытии образа Печорина является художественное описание природы в романе. Оно создаёт обстановку, фон действия, отображает психологию героя, проясняет авторскую позицию. В анализируемой нами главе «Бэла» описываются Койшаурская долина, река Арагва, ущелье, Гуд-гора. Пейзаж представлен с помощью нескольких видо-временных форм. Настоящее время несовершенного вида со значением постоянного действия используется при описании Койшаурской долины: «*Со всех сторон горы неприступные ... а внизу Арагва, обнявшись с другой безыменной речкой, шумно вырывающейся из черного, полного мглой ущелья, тя-*

*нется серебряною нитью и сверкает, как змея своею чешуёю». Природа показана через восприятие романтически настроенного рассказчика. В этом описании переданы впечатления рассказчика-издателя, проезжего офицера и литератора, ставшего попутчиком Максима Максимыча. Офицер на Кавказе недавно, поэтому восприятие его свежо, все впечатления отличаются новизной и непосредственностью. Вместе с тем писатель здесь отмечает любовь рассказчика к природе, намекая на близость его к Печорину. Глаголы настоящего времени со значением постоянного действия чередуются с глаголами прошедшего описательного времени несовершенного вида: «Налево **чернело** глубокое ущелье; за ним и впереди нас темно-синие вершины гор, изрытые морщинами, покрытые слоями снега, **рисовались** на бледном небосклоне, ещё сохранявшем последний отблеск зари. По обеим сторонам дороги **торчали** голые, чёрные камни; кой-где из-под снега **выглядывали** кустарники, но ни один сухой листок **не шевелился**, и весело было слышать среди этого мертвого сна природы фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякиванье русского колокольчика».*

По-разному воспринимают вид, который открывается с Гуд-горы, рассказчик и Максим Максимыч. Первый видит только прекрасный вид, который передаётся с использованием прошедшего описательного несовершенного вида: «*И в самом деле, Гуд-гора **курулась**; по бокам её **ползали** легкие струйки облаков, а на вершине **лежала** черная туча, такая черная, что на тёмном небе она **казалась** пятном»; «*И точно, такую панораму вряд ли где еще удастся мне видеть: под нами **лежала** Койшаурская долина, пересекаемая Арагвой и другой речкой, как двумя серебряными нитями; голубоватый туман **скользил** по ней, убегая в соседние теснины от теплых лучей утра; направо и налево гребни гор, один выше другого, **пересекались**, **тянулись**, покрытые снегами, кустарником; вдали те же горы, но хоть бы две скалы, похожие одна на другую, – и все эти снега **горели** румяным блеском так весело, так ярко, что кажется, тут бы и остаться жить навеки...»*, тогда, как Максим Максимыч привык к красоте Кавказа, как к свисту пуль, и обращает внимание, прежде всего, на приметы, которые предвещают ненастье: «*...но над солнцем **была** кровавая полоса, на которую мой товарищ обратил особенное внимание»*.*

Вот ещё одно описание Койшаурской долины: «*По правую сторону и по левую сторону **чернели** пасмурные, таинственные пропасти, и туманы, клубками, свиваясь как змеи, **сползали** туда по трещинам соседних скал, будто бы ощущая и пугаясь приближения дня. Тихим было все на небе и на земле, как в сердце человека миг утренней молитвы...»*. Природа приравнена тут к Божественному началу. В данном пейзаже автор подчёркивает это сравнением («*Тихо было все на небе и на земле, как в сердце человека в минуту утренней молитвы»*). В основе сюжета повести «Бэла» лежит романтический мотив – бегство героя из цивилизованного мира в мир природы. Да и само место действия – Кавказ. Соответственно, пейзажам тоже свойствен романтический колорит с использованием прошедшего описательного несовершенного вида: «*...хороводы звезд чудными узорами **сплетались** на далеком небосклоне и одна за другую **гасли** по мере того, как бледноватый отблеск востока **разливался** по тёмно-лиловому своду, озаряя постепенно крутые отлогости гор, покрытые девственными снегами»*. Прошедшее описательное время автор использует для того, чтобы придать динамику повествованию. Динамику придают и горы, и облака, и тучи. Вообще в романе часто встречаются эти природные образы. «*Густой туман»* здесь льётся волнами из ущелий, «*туманы, клубясь и извиваясь, как змеи»*, сползают «*по морщинам соседних скал»*, «*серое облако»* отдыхает на вершине горы.

Временные пласты меняются с изменением настроения главного героя. Настоящее несовершенного вида со значением постоянного действия изменяется в прошедшее описательное несовершенного вида: «*Я велел положить чемодан свой в тележку, заменить быков лошадьми и в последний раз оглянулся на долину; но гу-*

стой туман, нахлынувший волнами из ущелий, покрывал её совершенно, ни единый звук не долетал уже оттуда до нашего слуха».

Финалу рассказа предшествует описание ненастья в горах: природа дисгармоничная и опасная. Это переплетается с трагической развязкой судьбы Бэлы. В таком описании используется прошедшее время совершенного вида, обозначающее ряд сменившихся друг друга фактов в прошлом и употребляется глагол со значением звукового изменения: *загудело* (ущелье): «*Уж мы различали почтовую станцию, кровли окружающих ее саклей, и перед нами мелькали приветные огоньки, когда пахнул сырой, холодный ветер, ущелье загудело и пошёл мелкий дождь».*

Таким образом, в художественном произведении при описании пейзажа было выявлено 67 форм глагола. Из них больше всего глагольных форм несовершенного вида со значением прошедшего описательного (37), чуть меньше глагольных форм несовершенного вида, обозначающих действие как факт в прошлом (20). Также встретилось небольшое количество (9) глагольных форм совершенного вида, обозначающих ряд сменившихся друг друга фактов в прошлом, наименьшее число глагольных форм настоящего постоянного действия (3). Все обозначенные видо-временные формы глагола на синтагматическом уровне приобретают целый ряд не только грамматических, но и стилистических особенностей.

Список литературы

1. Виноградов, В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М., 1972. – 601 с.
2. Грамматика русского языка / Академия наук СССР. Институт языкознания. Морфология. – М., 1954. – Т. 1. – 720 с.
3. Вильгельм фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию (Серия «Языковеды мира») / Вильгельм фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
4. Фишер, В. М. Стиль Лермонтова / В. М. Фишер // М. Ю. Лермонтов. Его жизнь и сочинения: сб. историко-литературных статей / сост. В. И. Покровский. – М., 1916. – 305 с.

Г. К. Касимова
(г. Пенза, Россия)

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ В СТРУКТУРЕ МНОГОЗНАЧНЫХ ДЕВЕРБАТИВОВ И СУБСТАНТИВОВ

Структура многозначных deverbativov и substantivov, рассматриваемых в данной статье, предстает достаточно сложной и многоплановой. В семантической парадигме большей части рассматриваемых мотивированных существительных различным образом совмещены транспозиционные и мутационные предметные значения. При этом, как известно, транспозиционные значения предстают результатом синтаксической деривации, а мутационные значения формируются в процессах лексической и семантической деривации. Значительная часть исследуемых дериватов, как показал анализ, содержит в своей структуре вторичные номинации, образованные путем семантической деривации.

Семантическая деривация – это отношение между двумя значениями слова, одно из которых рассматривается как исходное (мотивирующее), а другое – как производное. Переход от исследования регулярной многозначности к исследованию семантической деривации связан с осознанием того, что отношения между двумя значениями многозначного слова обычно несимметричны: одно из них является мотивирующим, или производящим, а другое – мотивированным, или производным. По сравнению с исследованием регулярной многозначности, в исследовании отно-

шений семантической деривации добавляется еще два шага – ставится вопрос о направлении отношения производности между значениями и о правилах перехода от производящих значений к производным. Семантическая деривация позволяет связать разные значения одного слова друг с другом и восстановить семантическое единство слова – представить слово как единое семантическое целое [Розина, 2005, с. 12].

Под семантической деривацией принято понимать образование производных значений от исходных значений без изменения формы знака. Семантическая деривация обычно включает в себя расширение, сужение и различного рода изменения значения, при которых происходит перенос значения с одного объекта на другой на основании неких ассоциаций <...>. К данной проблеме часто обращаются при изучении полисемии и словообразования, а также прогнозирования развития значений слов [Анисимова, Фомина 2006, с. 113].

Как отмечает М. В. Москалева, в основе семантической деривации – семантические сдвиги, возникновение переносных значений, основанных на соотносительности одного предмета или явления с другим через какой-либо общий признак. К явлению семантической деривации относится широкий круг семантических преобразований: разные виды переносов (метафорических, метонимических, функциональных), изменение семантического объема слов (расширение, сужение), семантические кальки [Москалева, 2008, с. 10]. Подобные виды словообразования (или образования новых значений многозначного слова) предстают продуктивными и на современном этапе развития языка.

В обширном массиве мотивированных многозначных существительных представлено совмещение в их семантической парадигме значений, сформированных в процессах синтаксической, лексической и семантической деривации.

Как известно, синтаксический дериват – это форма с тем же лексическим содержанием, что и у исходной формы, но с другой синтаксической функцией. У лексического деривата значение отличается от мотивирующего слова [см. Курилович, 1962]. И синтаксическая, и лексическая деривация наблюдается на словообразовательном уровне с участием формантов, в то время как деривация семантическая имеет место в структуре многозначного слова, когда одно из его значений выступает мотиватором для другого (или других значений). Как правило, новые значения, сформированные в процессе семантической деривации – это явления вторичной номинации.

Исследование структуры значений девербативов и субстантивов позволяет обнаружить в семантической парадигме дериватов различные типы словообразовательных значений. В частности, большую группу составляют имена действия, структура значений которых сформирована по радиальному типу полисемии. Вторичные номинации у таких имен образуются путем семантической деривации; это такие существительные, как: *соединение, раздвоение, сопровождение, направление, приближение, поселение, вложение, учреждение, освещение, решение, отделение, сообщение, приобретение, обеспечение* и мн. др.

Например, имя действия ***сопровождение*** включает в свою структуру 4 ЛСВ. Мотиваторы *сопровождать* – *сопроводить* относятся к семантической группе глаголов движения, в частности, однонаправленного движения, ориентированного относительно исходного и конечного пунктов.

Типовая семантика глаголов: двигаться в определенном направлении откуда-л. куда-л. (обычно о горизонтальном или вертикальном движении) по твердой поверхности или в жидкой, воздушной среде (о живом существе, средстве передвижения, о чем-л. способном двигаться). Пропозициональная структура включает в себя следующие компоненты (актанты): кто-л./что-л. (субъект) *сопровождает* кого-л./что-л. (объект) (факультативно чем-л. – 2-й объект действия).

В процессе синтаксической деривации образуется 1-й ЛСВ с транспозиционным значением опредмеченного действия.

Сопровождение. 1. (модель $(V_{1,3,5} + \text{-ениј})N_1$). 'Действие по глаг. сопроводить–сопровождать' (в 1, 3, 4 и 5 знач.) ← **Сопровождают.** 1. 'Идти, ехать вместе с кем-л. в качестве спутника или провожатого'. || 'Следовать вместе с кем-, чем-л., охраняя, конвоируя или указывая путь'. || *перен.* 'Быть, находиться вместе с кем-л. во время пути, следования куда-л.' 3. *чем.* 'Совершать действие, сопутствующее другому (обычно основному) действию, дополняющее его'. *Сопровождают речь жестикули.* || 'Происходить одновременно, совместно с чем-л., сопутствуя чему-л.' [*Удачливость*] постоянно сопровождает выполнение их планов. Салтыков-Щедрин, Мандарин. 4. *чем.* 'Прибавлять, присоединять к чему-л., дополнять чем-л. при отправлении, подаче'. *Сопровождают заявление справкой.* 5. *Муз.* 'Аккомпанировать кому-, чему-л., исполнять вторую партию'.

В процессе синтаксической деривации, в котором принимают участие не все значения глагола, семантика мотивирующего глагола сужается. 1-й ЛСВ деривата с транспозиционным значением опредмеченного действия выступает номинализацией этого действия, являясь мотиватором для развития вторичных, предметных, номинаций девербатива.

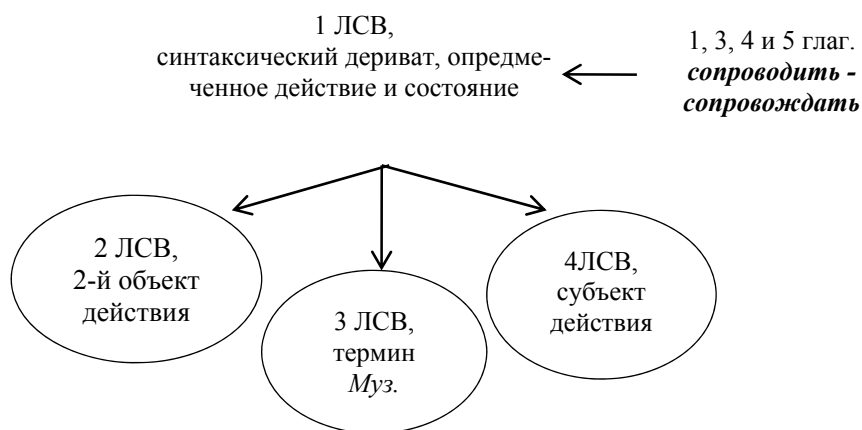
В процессе семантической деривации в результате актуализации различных компонентов пропозиции путем метонимических переносов формируются мутационные значения 2-го объекта действия (2-й ЛСВ), субъекта (4-й ЛСВ) действия. 3-й ЛСВ девербатива сохраняет терминологическое значение глагола (см. 5-й ЛСВ глагола).

2. (модель $(N\text{-ниј}_{-1} \rightarrow N\text{-ниј}_{-2})$). 'То, что сопровождает какое-л. явление, действие'. *Одновременно с изображением передается через отдельный передатчик и звуковое сопровождение постановки – речь или музыка.* К. Гладков, Дальновидение и его применение – 2-й объект действия.

3. (модель $(N\text{-ниј}_{-1} \rightarrow N\text{-ниј}_{-3})$). *Муз.* 'Аккомпанирование; аккомпанемент, вторая партия'. *Пение без сопровождения. Оркестровое сопровождение.* – Сохраняется терминологическое значение мотиватора.

4. (модель $(N\text{-ниј}_{-1} \rightarrow N\text{-ниј}_{-4})$). *Воен.* 'Группа военнослужащих (или боевых машин, самолетов и т. п.), сопровождающая или конвоирующая кого-л., что-л.' *Самолеты сопровождения. Выслать сопровождение для транспортов.* – Значение субъекта действия.

Как видим, мутационные словообразовательные значения формируются в процессе семантической деривации без участия форманта путем актуализации определенных компонентов пропозициональной структуры мотивирующего значения, предикатом которой выступает мотивирующий глагол *сопровождать*. Производные значения структурируются по типу радиальной полисемии, при котором вторичные номинации мотивированы исходным ЛСВ имени, образованного в процессе синтаксической деривации:

Если большая часть вторичных номинаций девербативов формируется путём метонимических переносов, то в части значений субстантивов наблюдаются регулярные метафорические переносы.

В процессе семантической деривации модификационные суффиксы, десемантизируясь, утрачивая значение уменьшительности, ласкательности, принимают участие в формировании производных с мутационной семантикой.

Так, часть субстантивов, мотивированных зоонимами, содержит в своей структуре ботанические наименования, образованные путем метафорических переносов на основе сходства формы, цвета: **барашек**: 5) 'Цветочные сережки ивовых растений' (мн. ч.). *На белых барашках ив появились золотистые тычинки.* В. Ажаев, Далеко от Москвы. МАС; **лисичка**: 2) 'Гриб желтовато-оранжевого цвета с полой ножкой, переходящей в воронкообразную с выгнутыми краями шляпку'.

Формированию ботанических наименований способствуют также существительные, называющие части тела человека, животных, т.е. относящиеся к сфере анатомии, на основе сходства формы мотиватора и производного слова: **волосок** (2) 'Нитевидный отросток на коже растений, ворсинка' (бот). *Корневые волоски. Волоски крапивы*), **язычок** (3) 'Небольшой вырост у основания пластинки листа злаковых и некоторых других растений' (бот.), **головка** (2) 'Утолщенная оконечность чего-л., округлое утолщенное завершение стержня, стебля, шарообразный плод или соцветие на конце стебля'. *Маковая головка*), **жилка** (2) 'Сосудисто-волокнутое утолщение в виде нити в листьях деревьев и крыльях насекомых'. *Растительное сообщество по берегам протоков состояло из кустарниковой ольхи с резкими жилками на крупных листьях.* В. Арсеньев, По Уссурийской тайге. МАС), **лапка** (3) 'Как составная часть некоторых ботанических названий'. *Кошачьи лапки*), **ножка** (3) 'Нижняя часть гриба, а также стебель растения'.

В процессе семантической деривации ботанические наименования, относящиеся к сфере мутационного словообразования, формируются у существительных, называющих артефакты, части одежды, пищу: **колокольчик** (2) 'Травянистое растение с лиловыми или темно-голубыми цветками, похожими на маленький колокол', **корзинка** (2) 'Вид соцветия, гл. образом у семейства сложноцветных' (бот). *Корзинка подсолнечника*), **коробочка** (2) 'Сухой плод растения, содержащий семена и вскрывающийся при помощи створок, крышечек' (бот.). *Коробочка хлопка*), **метелка** (2) 'Соцветие некоторых растений, напоминающее формой метлу' (бот.). *Метелка проса. Метелка овса*), **манжетка** (2) 'Травянистое растение сем. розоцветных, с зеленоватыми цветками и складчатыми листьями', **кашка** (2) 'Народное название некоторых видов клевера'.

Метафорические мутационные значения развиваются в процессе семантической деривации у зоонимов *ежик, зайчик, чижик*.

У субстантива **ежик** наблюдается переносное значение на основе сходства формы волосяного покрова мотивирующего зоонима (в виде игл) и формы прически: 2) 'Коротко остриженные, стоящие торчком волосы'. *Он видел, что экзаменаторы, глядя на его светлоглазое полное лицо, светлый ёжик волос, на короткий прямой нос, становились скучными.* В. Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2. НКРЯ.

Анализ текстов выявляет аналогичное значение и у субстантива **барашек**: *Ангелоподобный ребенок, завитый барашком, невольно отвлекал взгляд от бумаг, принесенных на подпись.* М. Шишкин. Всех ожидает одна ночь. НКРЯ.

У субстантива **зайчик** метафорическое значение развивается на основе сходства формы и движения мотивирующего модификационного значения с «пушистым» пятном и его резкими, прыгающими перемещениями на плоскости: 2) 'Светлое пятно от солнечного луча, отраженного блестящей поверхностью' (разг.). *Построением найдите на столе точку, где надо положить плоское зеркало, чтобы "зайчик" попал в точку.* В. Лукашик, Е. Иванова. Сборник задач по физике. 7–9 кл. НКРЯ.

В структуре субстантива **чижик** содержится значение игры, которое сформировано на основе сходства движения основного предмета игры, его формы и издаваемого звука с дугообразными особенностями полета и пением мотивирующего зоонима: 2) 'Детская игра, в которой заостренная с двух концов короткая палочка загоняется в круг ударами другой палки'. *Иногда мы играем в чижика с маленьким сыном Раица либо с губастым Степкой, сыном шипулинской кухарки.* В. Ходасевич. Младенчество. НКРЯ.

«В ряде случаев многозначность нефразеологичных (по первичному значению) названий лиц может создаваться путем сужения, конкретизации (и, следовательно, опять-таки фразеологизации) первого значения. При этом второе значение также является, как правило, названием лица, но названием лишь определенной категории лиц. Значение становится идентифицирующим, фразеологичным, хотя степень фразеологичности в основном не очень велика: вторичное значение включает в себя элемент профессионального выполнения действия или выполнения его в определенной сфере, или и то и другое вместе» [Ермакова 1984: 100]

В качестве примера можно привести существительное **заместитель**, вторичное значение которого представляет собой сужение, конкретизацию исходного значения:

1. (модель(V + -тель)N₁). 'Тот, кто замещает кого-л. на каком-л. месте, на какой-л. должности'. *Найти себе заместителя.*

2. (модель (N-тель₁ → + N-тель₂)). 'Помощник вышестоящего должностного лица'. *Заместитель директора. Заместитель министра.*

Таким образом, семантическая деривация предстает одним из продуктивных способов образования вторичных номинаций многозначных девербативов и субстантивов. В структуре девербативов в процессе семантической деривации формируются преимущественно метонимические значения, в то время как в структуре субстантивов – метафорические.

Список литературы

1. Анисимова, А. Г. Проблемы семантической деривации и образования политических терминов / А. Г. Анисимова, И. Н. Фомина // НДВШ Филологические науки. – 2006. – № 6. – С. 113–121.
2. Ермакова, О. П. Лексические значения производных слов / О. П. Ермакова. – М. : Русский язык, 1984. – 151 с.
3. Курилович, Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая / Е. Курилович // Очерки по лингвистике. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1962. – С. 57–70.
4. Москалева, М. В. Семантическая деривация как способ образования имен существительных в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Москалева М. В. – СПб., 2008. – 23 с.
5. Розина, Р. И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и сленге. Глагол / Р. И. Розина. – М. : Азбуковник, 2005. – 302 с.

И. С. Климас
(г. Курск, Россия)

О ДЕМОКРАТИЗАТОРЕ, ДЕНЕЖНОМ МЕШКЕ И ДОЛГОСТРОЕ (ЕДИНИЦЫ С ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНОЙ ОКРАСКОЙ В СОВРЕМЕННОМ ЛЕКСИКОНЕ)

В 90-е гг. XX в. в русском языке начали развиваться активные процессы, один из которых лингвисты называли «неологическим бумом». «Именно в эти годы радикально изменился государственно-политический и социально-экономический уклад страны, что неизбежно вызвало приток в речь новых, особого рода слов. Вместе с тем русский язык этого периода как в специальной, так и в обиходно-бытовой

сферах пополнился лексическими новациями, воплотившими в себе «плоды» произошедшей в мире информационной революции» [Катлинская, 2008, с. 4]. К факторам, вызвавшим стилистические преобразования в лексике последних лет, ученые относят изменение состава носителей литературного языка, эмоциональную напряженность в жизни общества, резкое изменение общественных оценок жизненных явлений, событий, психологических и социальных установок [Валгина, 2003, с. 92].

В связи с этими процессами актуальным становится исследование оценочных характеристик, проявленных в современном лексиконе. Материалом для нашего анализа послужил «Толковый словарь русского языка начала XXI века, Актуальная лексика» под ред. Г. Н. Скляревской (М., 2007), содержащий около 8,5 тысяч слов и устойчивых словосочетаний. Выбор обусловлен добротностью и научной авторитетностью лексикографического источника, а также тем обстоятельством, что составители уделяют особое внимание стилистической и функциональной квалификации единиц, представленной дробной и разноаспектной системой соответствующих помет [АЛ, 2007, с. 9]. Среди них выделяются «пометы оценочной характеристики, указывающие на устойчивую эмоциональную окраску или оценку слова» [Там же: 11]: «Ирон.» (иронически), «Неодобр.» (неодобрительно), «Презрит.» (презрительно), «Пренебр.» (пренебрежительно), «Шутл.» (шутливо), «Насмешл.» (насмешливо), «Бран.» (бранно). Лексические единицы с такими пометами мы выделили в соответствии с методикой сплошной выборки, чтобы описать эмоционально-экспрессивные реакции наших современников, отразившиеся в слове.

Примечателен уже тот факт, что в указанном перечне помет отсутствуют наименования с мелиоративной оценкой типа «Ласкат.» (ласкательно), «Почтит.» (почтительно), «Торж.» (торжественно), использовавшиеся в толковых и семонимических словарях советского периода. По-видимому, в языковом сознании носителей русского языка в XXI веке на первый план вышла негативная оценочность.

В нашем списке оценочных наименований больше всего единиц именно с пометой «Неодобр.». Обращаем внимание на то, что отрицательное отношение, выраженное в слове, направлено прежде всего на социально-политические явления – как современные, так и связанные с недавней советской действительностью: *красно-коричневые* ‘совокупность организаций и движений национал-коммунистической организации’, *сталинщина* ‘политика и практика сталинизма’, *Совдепия* ‘Советская страна (вначале о Советской России, затем о Советском Союзе)’, *совдеповский* ‘относящийся к Совдепии’, *чернорубашечник* ‘член русских фашистских организаций’, *самостийник* ‘сторонник, приверженец самостийности’ и т.д. Не случайно при многих подобных словах используется вторая помета функционально-стилевого характера – «Полит.» или «Публ.». Наиболее осуждаемые понятия представлены целыми рядами однокоренных слов разных частей речи: *черносотенец*, *черносотенный*, *черносотенство*; *по-совковому*, *совковость*, *совок*, *совковый*; *партократ*, *партократический*, *партократия*; *наци*, *националист*, *националистический*; *национал-патриот*, *национал-патриотизм*, *национал-патриотический*; *национал-социализм*, *национал-социалист*, *национал-социалистический*.

Неодобрение часто вызывают различные управленческие структуры, их представители. Например, в словарь включено 9 слов с корнем *-бюрократ-*, имеющих двойную помету «Полит.» «Неодобр.» (*бюрократ*, *бюрократизация*, *бюрократизированность*, *бюрократизированный*, *бюрократизм*, *бюрократический*, *бюрократичность*, *бюрократичный*, *бюрократия*). К этой же группе относятся наименования *функционер*, *назначенец*.

Осуждается недобросовестная деятельность, связанная с бизнесом, рекламой, коммерцией, незаконным обогащением: *воротила*, *нувориш*, *спам*, *спамер*, *спам-минг*, *спамщик*, *долгострой*, *кормушка*.

Негативно оценивается целый ряд свойств и качеств личности, а также явлений, ставших их результатом: *пофигизм, пофигист, дебильный* – в значении ‘лишенный здравого смысла, свидетельствующий об умственной ограниченности’, *разбазарить, разбазаривание, разоблачитель, разоблачительство, бардак*. Слова последних двух групп нередко квалифицируются как сниженные, разговорные. Например, *спамщик* – «Разг.» «Сниж.» «Неодобр.»; *бардак* – «Разг.» «Неодобр.».

На приобретение словом пейоративной оценочности влияет употребление в переносном значении, что тоже отражается в системе помет. Так, лексема *юродивый* приобрела переносную неодобрительную семантику ‘человек, совершающий нелепые, с точки зрения обыденности, поступки, привлекающий к себе внимание необычностью, ненормальностью поведения (часто высокопарностью или нарочитой униженностью и т.п.)’; это переносное значение закрепилось в семантической структуре однокоренных слов *юродивая, юродство, юродствовать. Ярлык* в переносном смысле означает шаблонную, стандартную краткую характеристику кого-либо или чего-либо; *ангажировать* – ‘заставить / заставлять действовать в своих интересах, склонить / склонять к предвзятым решениям, тенденциозному, необъективному отражению действительности, оплачивая эту деятельность, предоставляя какие-либо выгоды и преимущества’ (см. *ангажированность, ангажированный*).

Помимо обобщенной пометы «Неодобр.», другие пометы обозначают дифференцированное отношение к характеризующему явлению, занимая разные позиции на шкале оценочности: от более легкого «Шутл.», «Насмешл.» и «Ирон.» – до усиливающих степень пейоративности «Пренебр.», «Презр.» и «Бран.». Такие пометы выражают не только оценку, но и экспрессию, поэтому снабженные ими слова обладают повышенной «креативностью» – являются окказионализмами или созданы по модели, напр.: *буржуин, апофегей, трудоволизм, членовоз* («Шутл.»), *прихватизировать, прихватизатор, прихватизация* («Насмешл.»), *демократизатор, слухмейкер, добровольно-принудительный* («Ирон.»), *рокопос, лохануться* («Пренебр.»), *коммуняка, попсятник* («Презр.»), *дерьмократ, дерьмократия* («Бран.») и т.д. Среди единиц с дифференцированными пометами встречаем целый ряд слов в переносном значении: *купец* – ‘предприниматель, занимающийся торговлей; торговец, владелец торгового предприятия’, *коробейник* – ‘уличный торговец, занимающийся мелкой торговлей’ («Шутл.»); *мыло*¹ – ‘мыльная опера’ («Насмешл.») и проч. Иногда переносное значение определяется необычной сочетаемостью, напр., *потомственный* в сочетании со словом *алкоголик* или *судьбоносный* в сочетаниях *судьбоносные инициативы, что-нибудь судьбоносное* приобретают ироническое звучание. Особенности употребления слова обозначаются в словаре знаком [↓] (вертикальная тильда). Например:

Пропиарить <...> [↓] Ирон. *Читательский конкурс на лучший политический слоган. Предложено было читателям не более чем в четырех строках пропиарить от души любую политпартию. Можно анонимно, можно эзоповым языком, главное, чтоб смешно и метко.* КП, 04.12.03. [АЛ, 2007, с. 809–810].

Экспрессивно-оценочные пометы сопровождают не только отдельные лексемы, но и устойчивые словосочетания и фразеологизмы: *однорукий бандит* («Шутл.»), *малиновый пиджак* («Насмешл.»), *денежный мешок* («Презр.»), *деревянная валюта* («Ирон.»). Когда граница между разными видами оценки зыбка и неопределенна, могут использоваться двойные пометы, например: *богатенький (богатый) буратино* («Шутл.» и «Ирон.»).

Вряд ли возможно четко выделить тематические группы единиц, снабженных дифференцированными пометами. Характеризуются социально-политические реалии и отношения в торгово-экономической или товарно-денежной сферах. Ряд слов объединяется вокруг понятий, связанных с музыкальными жанрами и направлениями (*попсятник, попса, рокопос, рокопосовый*).

Что касается происхождения и способов образования оценочной лексики, надо отметить, что они чрезвычайно разнообразны. Чистых заимствований в корпусе оценочных слов немного (*бюрократ, нувориш, спам* и нек. др.), основную массу составляют дериваты, возникшие на базе собственно русских и иноязычных лексем при помощи узуальных и окказиональных способов. Отметим такие окказиональные способы и модели, как субституция (*прихватизировать, дерьмократ, апофегей*), контаминация (*слухмейкер, трудоголизм*), семантизация, или креация (*демократизатор, совок*), лексикализация аббревиатур путем соединения с аффиксами (*сексотство, сексотить, Совдения*), создание оксюморонных конструкций (*добровольно-принудительный*). Среди узуальных способов преобладают различные виды аффиксации (*пропиарить, воротила, спамщик, назначенец, пофигизм, попсятник, лохануться, путанка, мавродики, самостийник, разбазарить*), усечение производящей основы (*лимита, наци*), сложение и сложение с аффиксацией (*новодел, долгострой, черносотенец, национал-патриот, сексот, рокопосовый, членовоз*).

Таким образом, категория оценочности играет важную роль в организации современного лексикона. Она находит своеобразное выражение в форме и семантике словарных единиц, способствует игре значений и созданию новых словообразовательных гнезд, расширяет деривационные возможности русского языка. Безусловно, языковая норма со временем «протестирует» необходимость экспрессивных новаций, отсеивая все ненужное. Однако многие порождения эпохи «неологического бума», думается, докажут свою жизнеспособность.

Список литературы

1. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003.
2. Катлинская, Л. П. Толковый словарь новых слов и значений русского языка: ок. 2000 слов / Л. П. Катлинская. – М. : АСТ: Астрель, 2008.
3. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. – М. : Эксмо, 2007. (АЛ).

Н. С. Куприянова
(г. Пенза, Россия)

О СТРУКТУРЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ НОМИНАЦИЙ СМЕХА

Интерес к смеху как феномену культуры и одной из важнейших психологических характеристик человека не угасает в современной науке, несмотря на многовековую историю его изучения и значительное количество исследований, описавших разные его аспекты: природу и приёмы создания комического, способность смеяться, объект осмеяния и т.п. Наиболее важные особенности смеха, точнее, представления о смехе, входящие в языковую картину мира, ярче всего проявляются в лексике – в своеобразии лексической семантики номинаций смеха, количестве лексико-семантических вариантов, парадигматическом, синтагматическом и прагматическом потенциале каждой из них. Разумеется, «семантика языкового знака отражает наивное понятие о вещи, свойстве, действии, процессе, событии и т.п.» [Апресян, 1995, с. 4] и даёт возможность судить о смехе как о фрагменте наивной языковой картины мира (см., например, работы Ротовой [2], Кузнецова [6] и др.).

Современные подходы к описанию лексического значения слова предполагают, что это не только «семантика знака (наивное понятие)», но «и та часть его прагматики, которая включается в модальную рамку толкования» [Апресян, 1995, с. 68]. Однако даже анализ понятий, которые отражены в словарных статьях популярных

толковых словарей [4], посвящённых базовым номинациям смеха (имени концепта, или лексико-семантического поля *Смех* и глагола *Смеяться*), позволил сделать выводы о том, как структурированы представления о смехе в русской языковой картине мира.

Наиболее существенным является противопоставление, наблюдаемое в структуре лексических значений слов смех и смеяться. Первичное значение (ЛСВ-1 – эмоциональная реакция амбивалентного характера, находящая выражение в особых звуках): *Смех*. (1) *Короткие характерные голосовые звуки, выражающие веселье, радость, удовольствие, а также насмешку, злорадство и другие чувства; Смеяться*. (1) *Издавать смех* [Ожегов, Шведова, 2008, с. 725]. ЛСВ-1 предполагает достаточность реализации в синтаксических конструкциях двухкомпонентной структуры, т.е. значимость проявления самой реакции: *Петя смеётся: Раздался смех* и т.п.

Особенностью ЛСВ-2 лексемы *смех* является функциональный потенциал (оценочный предикат в разговорных конструкциях): *Смех*. (2) *Нечто смешное, достойное насмешки (разг.)*.

Вторичные значения лексемы *смеяться* (толковые словари выделяют от двух до трёх), возникшие как ассоциации по смежности, отражают 1) факультативность или полное отсутствие звукового выражения реакции особыми звуками, 2) направленность действия (реакции) на объект, 3) возможность реализации в трёхкомпонентной синтаксической структуре (субъектно-объектной): *Смеяться* (2) *над кем-чем. То же, что насмехаться; (3) перен., над кем-чем. Пренебрегать кем-чем-н., не знать страха перед кем-чем-н.* [Ожегов, Шведов, 2008, с. 725].

Таким образом, нельзя не обратить внимание на тот факт, что рождение «отпочковавшихся» вторичных значений обусловлено, в первую очередь, проявлением оценочного компонента в структуре значения, который усиливается грамматически. ЛСВ-2 и ЛСВ-3 лексемы *смеяться* выражаются в рамках глагольного управления с творительным падежом существительного (называющего одушевлённый или неодушевлённый объект с ЛСВ-2, только неодушевлённый с ЛСВ-3) и обязательным предлогом *над*. Данная характеристика, безусловно, интересна, т.к. не только отражает синтаксическую модель, в которой воплощаются ЛСВ-2 и ЛСВ-3, но и позволяет увидеть, как структурируется стереотипная ситуация смеха в наивной картине мира. Так называемая метафора *верха и низа* (на которую, в частности, указывает Санников, говоря о языковом воплощении самооценки [Саннико, 2006, с. 22]) наблюдается и при языковом отражении смеха: субъект смеха всегда смотрит на объект сверху: *Он смеётся над анекдотом, другом, опасностью* и т.п.

О том, что смеховая ситуации подобным образом устойчиво закреплена и в ассоциативно-вербальном поле русского языка, свидетельствуют в том числе и данные направленного ассоциативного эксперимента. Так, в ходе анализа вербальных ассоциатов, содержащих информацию об объекте смеха (стимулы *смеяться над и смешной кто? что?*), было установлено, что для них характерен наибольший показатель вербальной устойчивости – наибольший уровень стереотипности проявляется именно в данном ассоциативном поле (ср. уровень стереотипности, отражающий в ассоциативно-вербальном поле представления о субъекте смеха, – на 2-м месте [Куприянов, 2009, с. 41]. Неодушевлённые имена существительные входят в ядро (*смеяться над шуткой, анекдотом*), ближнюю (*фильмом, ситуацией, историей, глупостью, рассказом, жизнью, историей, поступком, случаем*) и дальнюю периферию. Семантика данных ассоциатов уточняет семантику глагола *смеяться*, его ЛСВ-2 и ЛСВ-3.

По-видимому, неслучайно в классической работе В. Я. Проппа «Проблемы комизма и смеха» предметом исследования становится именно смех насмешливый: автор подчёркивает, что, во-первых, «только этот вид смеха стабильно связан со сферой комического. Достаточно, например, указать, что вся огромнейшая область сатиры основана на смехе насмешливом», во-вторых, «этот же вид смеха чаще всего встречается в жизни» [Пропп, 1999, с. 67].

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М., 1995. – Т. 1. – С. 3–69.
2. Кузнецов, Ю. А. Лексико-семантическое поле смеха как фрагмент русской языковой картины мира : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Кузнецов Ю. А. – СПб., 2005. – 215 с.
3. Куприянова, Н. С. Отражение в русской языковой картине мира обыденных представлений об объекте смеха / Н. С. Куприянова // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. – 2009. – № 11 (15). – С. 38–45.
4. Ожегов, С. Ю. Толковый словарь русского языка / С. Ю. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 2008.
5. Пропп, В. Я. Проблемы комизма и смеха / В. Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 1999. – 288 с.
6. Ротова, М. С. Лексико-фразеологические поля обозначений смеха и плача в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М. С. Ротова. – М., 1984.
7. Санников, А. В. Самооценка человека в русской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук / А. В. Санников. – М., 2006. – 136 с.

Т. Д. Михайлова
(г. Пенза, Россия)

СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ СВЯЗКИ *БЫТЬ* ПРИ ПРЕДИКАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

Ряд фразеологизмов лексической системы русского языка в предложениях выступает в роли именной части составного именного сказуемого. В таком члене предложения проявляется распределение между семантическим и грамматическим значением. Как правило, грамматическое выражение осуществляется с помощью связки, лексическое значение соответствует значению фразеологического оборота.

Об этой предикативной функции фразеологизмов сообщается в пометах к словарной статье в словарях фразеологизмах. Так, для фразеологизмов *ахиллесова пята*, *базарная баба* указывается, что они могут выступать «в роли именной части сказуемого» [Телия, 2009, с. 10].

В аналитических сказуемых с предикативным фразеологизмом наиболее часто используется связка *быть*, которая выражает логическое отношение между подлежащим и сказуемым. «В русском языке, как тонко заметил акад. Л. В. Щерба, существует лишь одна связка – в строгом смысле этого слова – это *быть*, имеющая формы лица (а следовательно, и числа, в прошедшем времени – также рода), времени и наклонения. Связка *быть* – не глагол, хотя и имеет глагольные формы. Ей чуждо значение действия (*быть* в значении глагола существования – лишь омоним связки). Она мыслится вне категорий вида и залога» [Виноградов, 1972, с. 178].

Связка *быть* выражает грамматическое значение наклонения и в изъявительном наклонении – значение времени: прошедшего, настоящего и будущего: *Взрослые больные относились к нам, ребятам, хорошо, расспрашивали нас о нашей жизни и всё норовили накормить нас, хотя мы и так были сыты по горло.¹ Тётя Наташа жаловалась, что от вечной беготни по лестнице она к вечеру «без задних ног».* В будущем времени изъявительного наклонения, кроме модально-темпорального значения, связка *быть* выражает персональность, так как имеет непостоянную морфологическую категорию лица [Лекант, 1995].

¹ Иллюстративный материал взят из Большого фразеологического словаря под ред. Телия В. Н. [Телия 2009], словаря-справочника «Русская фразеология» [Яранцев 2007], Фразеологического словаря под ред. Алефиренко Н. Ф., Золотых Л. Г. [Алефиренко, Золотых 2008], Фразеологического словаря русского литературного языка Федорова А. И. [Фёдоров 2008], сборника «История слов» Виноградова В. В.

Связка *быть* выражает значение лица и числа в настоящем времени изъявительного наклонения: *То ему казалось, что любовь их будет до гроба, то накатывала тревога: он останется снова один; Планы у нас такие: в первый же день похода мы пройдем километров тридцать... – Да, и будем после этого без задних ног.*

В прошедшем времени изъявительного наклонения связка *быть* выражает значение числа и рода: *Тётя Даша была мастер на все руки – вышивала рубашки, делала абажуры; Хранилище было битком набито интереснейшими книгами на всех языках мира и истории, от языковых атлантов до пиджин-инглиш включительно; «Я тоже на неё [на тётку] сильно обижался, даже не на окрик, а на то, что меня заподозрили в «нарочном», а я был совсем без задней мысли, никогда бы не сделал ничего назло или нарочно; Все наши дамы были без ума от нового гостя [Николая Старостина].*

*Тётя Даша была мастер на все руки – вышивала рубашки, делала абажуры; Он был мастер на все руки, – мог на их глазах сделать почти всё – от игрушки до предмета; Папа был мастером на все руки – фразеологизм мастер на все руки, выполняя функцию именной части составного сказуемого, имеет формы винительного или творительного падежа. В тех случаях, когда фразеологизм употреблён в винительном падеже, только при помощи связки *быть* осуществляется связь между подлежащим и сказуемым, выражается грамматическое значение рода, присущего подлежащему.*

Связка *быть* в форме инфинитива может быть и частью сложного именного сказуемого: *Так хочется быть кисейной барышней.*

Все формы фразеологизмов со связкой *быть* могут употребляться с отрицательной частицей *не*: *Я лучше помолчу и не буду с тобой спорить. Я не базарная баба, чтобы решать вопросы таким образом; Слушай, мы же интеллигентные люди, не переходи на личности, не будь базарной бабой!; Нет, он не был ангелом во плоти. Бывал крутым, порой беспощадным. Знал вспышки ослепляющего, но справедливого гнева.*

Таким образом, связка *быть* при предикативных фразеологизмах используется для связывания понятий, выражает наклонение, время, лицо, число, род, которые являются основными грамматическими значениями сказуемого, кроме того, связка *быть* – «организатор» формальной связи с подлежащим [Лекант, 1995].

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики / Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых. – М. : ООО «Изд-во ЭЛПИС», 2008. – 472 с.
2. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / авт.-сост. И. С. Брилева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, И. В. Зыкова, С. В. Кабакова, М. Л. Ковшова, В. В. Красных, В. Н. Телия ; под ред. В. Н. Телия. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006 ; 4-е изд. – 2009. – 784 с.
3. Виноградов, В. В. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / В. В. Виноградов; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Толк, 1994. – 1138 с.
4. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. – М. : Астрель: АСТ, 2008. – 828 с.
5. Яранцев, Р. И. Русская фразеология. Словарь-справочник: ок. 1500 фразеологизмов / Р. И. Яранцев. – 5-е изд., стереотип. – М. : Рус. Яз. – Медиа, 2007. – 894 с.
6. Лекант, П. А. Функции связки в русском языке / П. А. Лекант // Русский язык в школе. – 1995. – № 3. – С. 90–95.

ИСКОННО РУССКАЯ ЛЕКСИКА КАК ИСТОЧНИК ТЕРМИНОЛОГИИ ИКОНОПИСАНИЯ

Специальная лексика, свойственная представителям той или иной профессии, всегда вызывала научный интерес. В ней можно выделить определённые пласты (локусы). Так, лексика иконописания является уникальным фрагментом лексики живописи. Зародившееся еще в X в., русское иконописание сохраняет исторические черты как языка, так и общества.

Иконное письмо – вид изобразительного искусства, который носит сакральный характер. Принятие христианства стало поворотным моментом в истории нашей страны. Одним из центральных элементов православия является *ико́на* (от греч. εἰκόη – изображение, образ) [Черных, 1999, с. 342] – изображение святых на дереве, бумаге и т.д. Создавать иконы могли только специально обученные люди. Поэтому и возникла необходимость в мастерах, способных «обслуживать» потребности новой религии.

Для подготовки русских иконописцев были направлены мастера иконописания из Византии – родины православия. Создавались Подлинники – руководства для иконописцев. Изначально они являлись переводами греческих книг, позже появляются русские Подлинники. Существует два вида подобных руководств: лицевые, содержащие изображения-образцы, и толковые, не содержащие изображений, но предлагающие иконописцу подробные инструкции по составлению красочных составов, указания к написанию тех или иных святых и т.д. Лицевые подлинники предшествовали подлинникам толковым [Пименова, 1995, с. 81]. Последние постоянно пополнялись новыми сведениями и указаниями. Ф. И. Буслаев отмечает: «чем короче толковый подлинник, тем древнее его редакция» [Буслаев, 1861, с. 348].

Но порой было крайне трудно и даже невозможно следовать указаниям греческим мастерам беспрекословно. Условия жизни в России диктовали свои правила. Некоторые краски, инструменты были недоступны для русских мастеров. Поэтому *образникам* приходилось искать то, что смогло бы стать аналогом зарубежных материалов, смогло бы заменить их.

Привычные вещи, такие, как продукты питания, вещества и предметы, окружающие нас в повседневной жизни, становились прекрасными помощниками в процессе написания икон. Про некоторые из них мы расскажем подробнее и покажем, как названия обычных предметов и веществ, используемых в искусстве иконы, постепенно входили в лексику иконописания и прочно утверждались в ней, приобретая статус термина.

В иконописном деле активно использовали яйца – продукт распространенный и доступный. В ход шли как целые яйца, так и их части: желток, белок и даже скорлупа. *Белок* яичный (иск.) [Черных, 1999, с. 83] клали в полимент – специальный красящий состав, которым покрывали икону перед *золочением* (иск.) – покрытием частей иконы *золотом* (иск.). Этот компонент придавал прочность и стойкость. Если писать предстояло много, то его мешали с желтком и красками [Ровинский, 1903, с. 109]. *Желток* (иск.) [Черных, 1999, с. 297] клали в краски, грунт также для придания прочности. Целое *яйцо* (иск.) [Черных, 1999, с. 469] кладется в краски и другие составы с той же целью. Пустая яичная *скорлупа* (иск.) [Черных, 1999, с. 171] использовалась как мера для кислого хлебного *кваса* в расчете на одно яйцо для приготовления яичной эмульсии. Скорлупа была также составным компонентом бакана – красной краски. В СРЯ XI–XVII вв. находим: «Мера объема, равная

3/4 или 5/6 объема куриного яйца, употреблявшаяся при изготовлении красок и чернил в книжном и иконном деле» [СРЯ XI–XVII вв., вып. 24, с. 241].

Вино также являлось доступным продуктом. Им заливали полимент, клали в олифу – масляное вещество, которым покрывается икона. Использовали при *золочении*: употребляли как *подпуск* (?) (состав, наносимый перед золочением) под *золото* на полименте. На рейнском вине *творили* (т.е. готовили, создавали) (иск.) [Черных] ярь – зеленую краску. Употреблялось и при изготовлении бакана [Ровинский, 1903, с. 109].

Порой в ход шли и неожиданные вещества, например, *сажа* и *зола*. С помощью *сажи* (иск.) [Черных, 1999, с. 135] создавали краску черного цвета. Эта краска обычно была непрочной и плохо кроющейся [Монахиня Иулиания, 1998, с. 45]. В СРЯ XI–XVII вв. находим: «О черниле иконном. Сняти с чела, ли с потолка сажа и терти на камни камнем же с водою, якож(е) и краски» [СРЯ XI–XVII вв., вып. 23, с. 17]. *Золу* (иск.) [Черных, 1999, с. 328] добавляли в олифу. Кожевенная зола употреблялась для чистки *образов* [Ровинский, 1903, с. 111].

В русских лесах всегда водилось много зверей, и охота была традиционным промыслом для русских людей. Недостатка в волках, медведях и собаках не наблюдалось, поэтому зубы этих животных активно использовались иконописцами. *Зуб* (иск.) [Черных, 1999, с. 330] употреблялся для разглаживания грунта под *золото* (он должен быть абсолютно ровным, так как в противном случае качественное покрытие золотом невозможно). Для лощения наложенного золота на бумаге, на левкасе «покуда будет кататься» [Ровинский, 1903, с. 112]. В СРЯ XI–XVII вв. читаем: «Зуб волчий, медвежий, собачий – название инструмента, применяемого при золотописных работах, золочении. Куплено два зуба волчьих да два собачьих иконникомъ в молярию к иконному письму» [СРЯ XI–XVII вв., вып. 6, с. 66]. Из коровьего *рога* (иск.) [Черных, 1999, с. 118] изготавливались *ступки* (иск.?) – инструмент для растирания составов. С помощью рога терли бакан.

Даже пшеничному *тесту* (иск.) [Черных, 1999, с. 240] мастера нашли применение в иконописании. С его помощью клеили *холст* (иск.) [Черных, 1999, с. 349] – специальную ткань, покрывающую иконную доску [Монахиня Иулиания, 1998, с. 38]. Подготовленный холст служит основой для дальнейшего нанесения красок.

Чеснок (иск.) [Черных, 1999, с. 118] являлся составляющим компонентом *чеснокового зелья*. Это зелье использовалось при снятии *переводов* – копий икон, которые в дальнейшем служили образцами. *Уголь* (иск.) [Черных, 1999, с. 385] также применяли при снятии переводов. Он же являлся составляющей черной краски.

Такой привычный для нас продукт, как *соль* (иск.) [Черных, 1999, с. 187], был незаменим при *творении* и *отжигании* золота. *Кислыми штями* (иск.) [Черных, 1999, с. 435] очищали *лазорь* – синюю краску [Ровинский, 1903, с. 119]. *Хлебный квас* (лексема хлебный образована от «хлеб», происхождение слова «хлеб» спорно; «квас» является иск.) [Черных, 1999, с. 391, 341] использовался при приготовлении яичной эмульсии [Монахиня Иулиания, 1998, с. 98].

Интересен тот факт, что этапы написания иконы распределялись между разными людьми. *Дошаник* (от «доска»; этимология слова «доска» неясна) [Черных 1999, с. 264] подготавливал доску к работе [Монахиня Иулиания, 1998, с. 48]. *Лишник* (иск.) [Черных, 1999, с. 480] писал лица святых, а *долешник* (иск.) [Черных, 1999, с. 480] одежды и элементы пейзажа. *Травник* (иск.) [Черных, 1999, с. 255] отвечал за написание трав.

Мы можем наблюдать, как бытовая лексика сначала используется в процессе создания иконы, а потом постепенно переходит в специальную. Это отражает подвижность, изменчивость языка, а также констатирует тот факт, что одним из важнейших источников пополнения русской иконописной терминологии стала исконно русская общеупотребительная лексика.

Находчивость и изобретательность русских мастеров вызывает неподдельное, искреннее восхищение и уважение. Иконописцами могли стать только те люди, которые обладали духовными качествами, были непоколебимы в своей вере и преданы Богу. Перед тем, как приступить к написанию иконы, мастер должен был выдержать строгий пост, избавиться от всех лишних мыслей. Для подлинных иконописцев не существовало желания обогащения. Может быть, именно потому, что иконники с такой любовью и добросовестностью писали иконы, были бесконечно преданы своему делу, их работы дошли до наших дней. Духовный подвиг русских мастеров-иконописцев служит для нас примером служения Богу и Отечеству.

Список литературы

1. Буслаев, Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства / Ф. И. Буслаев. – СПб., 1861. – 2 т.
2. Монахиня Иулиания (М. Н. Соколова) Труд иконописца. – Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1998.
3. Пименова, М. В. «...Приложи вохры мало или празелени...» / М. В. Пименова // Русская речь. – № 1. – 1995. – С. 81–85.
4. Ровинский, Д. А. Обзорение иконописания в России до конца XVII века / Д. А. Ровинский. – СПб. : Издание А. С. Суворина, 1903.
5. СРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука, 1975.
6. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – 3-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1999.

И. Г. Родионова
(г. Пенза, Россия)

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА УСИЛЕНИЯ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ АНАЛИТИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ «КУДА (КУДА КАК) + КОМПАРАТИВ»

Усиление аналитических тенденций в грамматическом строе современного русского языка находит отражение в функционировании аналитических синтаксических конструкций, образованных соединением полнозначного слова с неполнозначным. Одной из таких конструкций является сочетание компаративных форм прилагательных, личных предикативов (кратких прилагательных), наречий, безличных предикативов (слов категории состояния) с частицей-интенсификатором *куда* (*куда как*). В составе аналитической конструкции данная частица служит для усиления сравнительной семантики компаратива. В структуре предложения оказалось возможным выделить языковые средства разных уровней, усиливающие значение сравнения всей аналитической конструкции.

Прежде всего, это синтаксические структуры, наличие которых обусловлено использованием в предложении форм сравнительной степени:

– дополнение в форме родительного падежа, зависимое от компаратива: *Вчера сыграли вторые «Столпы». Приём и публика куда выше первого спектакля* (О. Книппер); *То ли немцев напугал вчерашний взрыв, то ли они к чему-то готовились, но суежились сегодня куда больше обычного* (Б. Васильев); *Там, может, польза и не корыстна, здесь покрупней, потому что и бог мыслится куда крупнее Иванушки-дурачка* (В. Тендряков); *Я твой муж. Человек, который любит тебя куда больше собственной жизни* (Т. Полякова); *Докладная Сегизбаева оказалась куда страшнее его самого* (Ч. Айтматов); *Долг русского интеллигента куда звонче и требовательнее полковых труб, играющих атаку* (Б. Васильев);

– сравнительный оборот с союзом *чем, нежели*: *Вообще Тонечка старалась никого никогда не огорчать, но в пединститут куда больше стремилась мама, чем*

дочь (Б. Васильев); *А в школе или обычные уроки, только в старших классах они проходили куда тише, чем обычно* (Б. Васильев); *Даже печка, обогревавшая всю квартиру, стала отдавать тепло куда щедрее, чем прежде* (Б. Васильев); *Она куда сильнее, чем мы, переживала гибель Вики* (Т. Полякова); *Он за неделю овладел этой не очень хитрой наукой – водить танк куда легче, чем машину, и с блеском продемонстрировал своё умение* (Ю. Нагибин); *Тем не менее эта красивая выдумка древних подкупает и очаровывает человечество куда больше, чем самые захватывающие факты его истории* (В. Быков); *Своих людей я приближаю к Богу куда оперативнее, чем кто-либо* (Ч. Айтматов); *И чувство юмора у него отменное, а это иногда завораживает куда больше, чем правильные черты лица* (А. Маринина); *Что за овощ такой – француз, и отчего у него всё устроено куда благовидней, нежели в наших палестинах* (В. Пьецух);

– придаточное сравнительно-объектное с союзом *чем*: *А инерция – инерцию он ещё наберёт: люди поднимаются куда быстрее, чем думают сами...* (Л. Жуховицкий); *Он трезво взвешивал обстановку, и получалось куда хуже, чем предполагалось сперва: плот застрял где-то посередине пути, скованный льдом* (А. Лиханов); *А оказывается, эти затмения происходят куда чаще, чем я думал* (В. Тендряков); *Дорога моя была куда длинней, чем ты думаешь, Иса* (Ф. Искандер); *Тогда ваша история куда сквернее, чем я думал* (Б. Акунин);

– придаточное времени, которое служит для уточнения времени проявления компаративного признака или состояния, названного аналитической конструкцией: *Когда мы входили в состав империи, чай был куда как дешевле и лучше качеством* (Ю. Семёнов); *А когда в дороге – время, кажущееся чудовищно медленным, тем не менее пролетает куда как скорей* (Ю. Семёнов);

– придаточное условия, служащее для уточнения условий реализации компаративного признака или состояния, названного аналитической конструкцией: *Если бы, вместо переводчика, значился по штату чиновник, научным образом знакомый с этнографией и статистикой, то это было бы куда лучше* (А. Чехов); *Помоему, трудности жизни куда страшнее, если есть дети* (Ю. Семёнов).

– противительные конструкции с союзом *а*, включающие отрицание, способствующие конкретизации семантики компаратива с частицей *куда* (*куда как*): *Он во все не безумец, а, наоборот, куда умнее тех, которые считали себя мудрецами* (Ю. Семёнов); *Мы куда чаще совершаем поступки не из любви к ближнему, а из страха перед обществом* (Б. Васильев).

Выделению, акцентированию аналитической конструкции способствует использование следующих стилистико-синтаксических приёмов:

– парцелляции; при этом граница между частями парцеллированного предложения устанавливается перед аналитической конструкцией, которая приобретает уточняющий оттенок: *Ого, как весело загорелись стружки! Куда ярче, чем влажный сушняк под карагачом* (С. Сергеев-Ценский); *Хороший путь выбрали для искупления грехов. Куда лучше, чем свечки в церкви жечь или лбом о паперть колотиться* (Б. Акунин); *Между прочим, раньше грипп назывался инфлюэнцей. Куда как изящней* (Ю. Семёнов);

– повтора, подчёркивающего актуальную информацию: *Память куда как прочнее, чем жизнь, оказалась. Куда как прочнее* (Б. Васильев); *Вечером Анна Борисовна почувствовала себя лучше, то и дело повторяла, что легче, куда легче дышать, и сердце не чувствуется, и мысль работает удивительно ясно* (Д. Рубина).

Вставка в аналитическую конструкцию компонентов усиливает разговорный характер высказывания: *Нужна сила в игре, а не поза и красота и чистота деталей. В чтении куда всё сильнее было!* (О. Книппер); *Куда эта пьеса слабее и нелепее «Мещан»!* (О. Книппер); *Смотрит он на меня, смотрит, а старый уж человек, седого волоса куда в нём больше, чем родимого, и в очках золотых...* (С. Сергеев-

Ценский); *И горе его куда нашего побольше: мы свою каторгу снаружи носим, а он – внутри* (Б. Васильев).

Усилению сравнительной семантики аналитической синтаксической конструкции «куда (куда как) + компаратив» способствует употребление следующих лексических средств:

– темпоральных наречий и наречных выражений, служащих для уточнения времени проявления компаративного признака или состояния: *Теперь шутка куда грустнее* (В. Песков); *Выглядел он более чем скоромно, если не сказать бедно, теперь даже в сёлах устанавливают куда более роскошные памятники* (В. Быков); *Знатоки утверждают, что в прошлый раз стол был куда обильнее и утончённее* (В. Тендряков); *К концу дня Артём в моих словах сомневался куда меньше* (Т. Полякова); *Сегодня хмурые физиономии встречались куда реже, как-никак пятница, впереди выходные* (Т. Полякова); *Одно время мы встречались часто, я нёс к нему свои радости и печали, теперь видимся куда реже, но раз в году я обязательно его навещаю* (В. Тендряков);

– частиц:

а) частица *всё-таки* вносит в высказывание противительно-уступительное значение: *Эти вершины были всё-таки куда более величественны и серьёзны, чем та круглая и уютная гора, на которой вздумали разводить итальянских кур* (С. Сергеев-Ценский); *Да и страдать от неразделённой любви всё-таки куда приятней, чем от радикулита* (Т. Полякова);

б) частица *уж* в предложениях с рассматриваемой аналитической конструкцией используется при повторах слов или форм слов с целью усиления эмоциональности высказывания, придания ему ироничного оттенка: – *А люди сильно вооружены? – А как вы думаете? – Куда уж сильнее...* (А. Битов); *Всё это кончится очень плохо, хотя, казалось бы, куда уж хуже, чем сейчас* (Б. Акунин); – *Ох, как замечательно! – воскликнула Ксения. – Уж куда замечательнее! – не сдержался Антон* (В. Крапивин); *Чем больше я бродил по городу и чем больше нагуливал аппетит (казалось, куда уж больше!), тем явственней пульсировало во мне: вот сейчас, за этим углом, за этой урной... вот сейчас* (А. Битов).

Разговорный характер высказывания усиливается за счёт присоединения к форме компаратива приставки *по-*: *Только я уж его больше что-то не видел: конечно, после срамоты такой он, не иначе, из Севастополя куда подальше подался* (С. Сергеев-Ценский); *Дальше, на реке Стрыпе, на Стрыпе, – река такая, – куда лучше этой деревни есть* (С. Сергеев-Ценский); *А тут живут нацистские тузы куда как поболее меня рангом, живут открыто, без охраны* (Ю. Семёнов).

Использование названных синтаксических средств делает высказывание с аналитической конструкцией «куда (куда как) + компаратив» ритмичным, строгим, более или менее постоянным в структурном плане, а наполнение соответствующим лексическим содержанием нередко придаёт высказыванию афористичный характер: *Быть порядочным рабочим куда умнее и честнее, чем изводить казённую бумагу и носить на лбу кокарду* (А. Чехов); *Можно считаться талантливым – куда труднее талантливым быть* (Ю. Семёнов); *Время, проведённое с гением, обогащает тебя куда больше, чем сделка на бирже* (Ю. Семёнов); *Родство духовное куда крепче родства кровного* (В. Тендряков); *Бедные комнаты куда интереснее богатых, потому что эти говорят о вкусах человека, а те лишь о кошельке* (Л. Жуховицкий).

Таким образом, использование в структуре предложения языковых средств, усиливающих сравнительную семантику аналитической конструкции «куда (куда как) + компаратив», позволяет акцентировать внимание на данной конструкции, сделать её смысловым центром высказывания, а также передать различные оттенки значения.

«НЕ ГОВОРИТЕ ОБО МНЕ В ТРЕТЬЕМ ЛИЦЕ!..»

Всем знакома эта фраза, не так ли? Каждый может её употребить, если в его присутствии о нём говорят в третьем лице. Воспринимается это как неуважение со стороны говорящего и может вызвать протест, раздражение: – *Простите, – подал я голос, – мне не нравится, когда при мне говорят обо мне в третьем лице, тогда как я тут гость, лицо священное.* (В. Ломов, «Музей»). Пример из Национального корпуса русского языка [<http://www.ruscorpora.ru/>], далее – НКРЯ). Недавно наше внимание привлёк разговор трёх студенток, в котором одна из них несколько раз сказала о собеседнице «мы с ней», и такое безобидное, совершенно обычное выражение вызвало у девушки возмущение: «Я что, в игноре?»

Чем же «провинилось» третье лицо? Почему этот важный элемент языковой картины мира в нашем национальном языковом сознании имеет пейоративную окраску? И всегда ли она сопутствует употреблению форм третьего лица? Цель нашей статьи – ответить на эти вопросы.

В Грамматике-80 первое и второе лица названы собственно-личными, а третье лицо – предметно-личным [Русская грамматика, 1980, с. 636]. Такая характеристика подразумевает, что третьим лицом может быть и *лицо*, и *не лицо*, т.е. предмет (нам здесь важна именно эта оппозиция, поэтому мы не рассматриваем неличные одушевлённые существительные). Действительно, само по себе глагольное словоизменение не даёт представления о том, какой деятель, лицо или предмет, производит действие: *Повар стучит ножом. – Нож стучит; Клоун падает. – Дерево падает.* Лексико-грамматические средства – местоимения третьего лица – тоже указывают как на лицо, так и на предметы: напр., слово *она* может указывать и на девочку, и на куклу.

Из-за этой многозначности возникает неопределённость при употреблении глагольной формы 3-его лица без подлежащего: *Стучит. Падает.* Такие синтаксические конструкции характеризуются как двусоставные неполные. Интересно, что, если глагол употреблён в форме первого или второго лица, его позиция воспринимается уже как независимая, самодостаточная в бесподлежащих конструкциях, которые определяются как односоставные определённо-личные, напр.: *Стучу.* Отмеченная неопределённость у форм третьего лица остаётся и в тех случаях, когда лексическое значение глагола однозначно указывает на то, что производителем действия является человек, т.е. собственно лицо: *Спрашивает. Размышляет.* Такие предложения тоже относятся к двусоставным неполным в общепринятой практике синтаксического анализа.

Кстати, нужно отметить, что третье лицо способно указывать не только на предмет и лицо. В пределах семантики лица можно различить несколько разновидностей значения: определённо-личное (*Повара стучат ножами*), неопределённо-личное (*На кухне стучат ножами*), обобщённо-личное (*В открытую дверь не стучат*). Конечно, не все эти семантические разновидности являются в данном случае специфическими, однако они, как представляется, добавляют штрихи к портрету третьего лица как особой многозначной языковой категории. Итак, первая важная в контексте нашего рассуждения отличительная черта третьего лица – это неопределённость, порождаемая многозначностью.

Другую особенность можно заметить из онтологического противопоставления третьего лица первому лицу. С этой точки зрения *он* воспринимается как *не-я*, потому что определить наоборот, *я* как *не-он*, нельзя. Именно *я* является точкой отсчёта, центром в системе коммуникативных координат. *Он* – оппозиция к *я*. Эта оп-

позитивность, конечно, влияет на значение третьего лица. Не то чтобы оно само по себе проявляет негативное значение – нет, но ведь оно находится в оппозиции к значению положительному. А *я* – концепт безусловно положительный. То, что «говорящий изначально оценивает себя положительно», Б. Ю. Норман назвал «презумпцией» самоутверждения личности» [Норман, 2014, с. 193]. «Именно изначально эгоцентризм, – пишет он, – объясняет то особое место, которое отводится в сознании индивида местоимениям *я / мой и мы / наш*. <...> В противопоставлении к «мы» понятие «они» концентрирует в себе черты далёкого и неизвестного, чужого и чуждого, а потому склонно к негативной коннотации» [Там же, с. 194]. Таким образом, другой составляющей пейоративного значения третьего лица можно назвать его оппозиционность к априори положительному значению первого лица.

Коммуникативная противопоставленность лиц отличается от онтологической – мы имеем в виду оппозицию участников речевого акта (*я, ты*) и неучастника (*он*). В. В. Химик отмечает, что третье лицо имеет «больше отличий от местоимений 1-го и 2-го лица, чем сходств с ними» [Химик, 1990, с. 65]. Третье лицо служит объектом, темой речевого акта и, таким образом, дистанцировано от его участников. Именно этим, на наш взгляд, объясняются в его значении «черты далёкого и неизвестного, чужого и чуждого», которые отметил Б. Ю. Норман.

Перечисленные выше причины семантического, онтологического и коммуникативного характера, как представляется, порождают пейоративно окрашенные семы, способные проявляться в семантике третьего лица. Но проявляются они далеко не всегда при речевой реализации языковых средств, выражающих третьеличное значение.

В самом деле, разве можно найти в предложении с третьим синтаксическим лицом *Ребёнок спит* какие-то оценочные смыслы? Или другой пример: все мы знакомы с жанром личной характеристики официально-делового стиля речи, и никто не обидится, прочитав о себе характеристику в 3-ем лице: *Он работает в коллективе более пяти лет, пользуется авторитетом коллег* и т.д.

Может быть, дело в самих местоимениях *он, она*? Нет, оказывается, не в них: предложение *Он (она) сейчас в отъезде* тоже не содержит пейоративной коннотации. Кроме того, словари отмечают также яркое положительно-оценочное значение местоимений *он, она*, напр.: «ОН – <...> 3. В значении сущ. *он, его* (и т.д.), м. Возлюбленный, романтический герой. Вся обомлела, запылала, и в мыслях молвила: вот он! (Пушкин)» [ТСУ, с. 807].

Причина проявления пейоративной коннотации кроется, конечно, в особых условиях речевого акта. Они не проявляются в монологе. В диалоге употребление местоимения *он (она)* по отношению к собеседнику не произведёт негативного впечатления, а будет восприниматься как стилистический приём: *Несколько раз гардемарин оглядывался, а на углу Меринговской остановился и подозвал меня. – Мальчик, – спросил он насмешливо, – почему вы тащились за мной на буксире? Я покраснел и ничего не ответил. – Всё ясно: он мечтает быть моряком, – догадался гардемарин, говоря почему-то обо мне в третьем лице* (К. Паустовский, «Книга о жизни. Далекие годы». НКРЯ). В качестве эмоционального средства выражения удивления употребляются устойчивые выражения типа *он ещё спрашивает, она ещё удивляется* и т.п.: – *Ну что, пойдёшь за меня? — Он ещё спрашивает! Я тебя так ждала, так ждала!* (А. Житков, «Супермаркет». НКРЯ).

Негативное впечатление от третьеличного значения может возникнуть только в полилоге. В нём активная роль говорящего переходит от одного коммуниканта к другому, и на какое-то время один из них становится адресатом сообщения, а может стать и объектом сообщения: – *Не вышло, – сказал Бобров. – Больше резервов нет... Рамона, разбей рацию. Цыган, прикрой её* [Рамону – Н.С.] (М. Анчаров, «Самшитовый лес». НКРЯ). Вот здесь-то и можно ожидать негативной реакции, однако она

будет вызвана не самим по себе третьим лицом, а местоимениями третьего лица *он, она, она*, употреблёнными вместо имени собственного. Собеседник понимает, что у говорящего был выбор между именем и местоимением и что говорящий выбрал местоимение. Но в ценностной шкале оно, конечно, не может конкурировать с собственным именем, у которого нет вышеперечисленных значений неопределённости, чужести и дистанцированности, а также значения, связанного с оппозитивным положением по отношению к положительно-оценочному значению первого лица. Собеседник чувствует себя исключённым из речевого акта, как бы ущемлённым в своём естественном праве общаться на равных.

Описанная коммуникативная ситуация возникает настолько часто, что в интернете предлагаются даже специальные инструкции с рекомендациями по противодействию подобным «оскорблениям» (!): «Практически все оскорбления, выраженные местоимениями, заключаются в том, что о вас говорят в третьем лице в вашем присутствии. Положим, два человека говорят между собой: «Я хотел сесть за этот стол, но он его занял», а вы стоите тут же и всё это слышите. В таком случае вам следует сказать: «Почему вы говорите обо мне в третьем лице в моём присутствии? <...> Если о вас пренебрежительно говорит в третьем лице начальник, вы можете просто напомнить: «Меня зовут Николай Николаевич», и это вовсе не будет звучать с вашей стороны как вызов.» (http://rumagic.com/ru_zar/sci_psychology/retrova/0/j32.html. Дата обращения 31.03.2015). Как видим, автор этих рекомендаций, говоря «третье лицо», имеет в виду местоимение третьего лица.

«Не говорите обо мне в третьем лице!» – звучит, на наш взгляд, довольно учёно, а в некоторых ситуациях, возможно, даже аффектированно... и при этом неточно. Дело в том, что заменить местоимение на имя можно (ср. *Он занимает место. – Николай Николаевич занимает место*), а вот совсем отказаться в данном случае от третьего лица вряд ли удастся: *Николай Николаевич занимает место* – здесь тоже ведь третье лицо, которое, однако, уже не вызывает протеста у собеседника. Может быть, ему просто попросить называть себя по имени?

Список литературы

1. Норман, Б. Ю. «Вот простые слова»: *мы и они* / Б. Ю. Норман // Рациональное и эмоциональное в русском языке : сб. тр. Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова. – М. : ИИУ МГОУ, 2014. – С. 192–197.
2. Русская грамматика : в 2 т. – М. : Наука, 1980. – Т. 1.
3. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Русские словари, 1994. – Т. 2. (В тексте – ТСУ.)
4. Химик, В. В. Категория субъективности и её выражение в русском языке / В. В. Химик. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1990.

А. В. Сергеева
(г. Пенза, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПАРНОЙ МОДАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНОЙ ЧАСТИЦЫ *НЕ...ЛИ* В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ РАЗНЫХ ВИДОВ

В настоящее время в русском языке появляется всё больше работ, посвящённых изучению частиц, играющих важную роль при создании эмоциональной стороны высказывания, так как они передают мнения, предположения, намерения говорящего, вовлекая его в беседу. Среди множества частиц особенно выделяется парная частица *не...ли*, передающая значение предположения или намерения говорящего [Лекант, 2013, с. 6].

В рамках данной статьи рассматривается вопрос об особенностях функционирования парной модально-экспрессивной частицы *не...ли* в предложениях разных видов.

Парная частица *не...ли* участвует в создании преимущественно вопросительных предложений, то есть таких, в которых специальными языковыми средствами выражается стремление говорящего узнать что-либо или удостовериться в чём-либо [Русская грамматика, 1980, с. 386]. «*Не-ли* вопросы (грамматически отрицательные вопросительные предложения) предназначены для выражения позитивного предположения: *Не пришёл ли он?* («*Может быть, он пришёл?*»)» [Калинина, 2007, с. 67]. Таким образом, одиночная частица *не* утрачивает своё отрицательное значение и в союзе с частицей *ли* становится парной вопросительной частицей, передающей собственно вопросительное значение: *Не скучаете ли вы вашей провинциальной жизнью, которой вы так боялись?* – отнеслась та к Калиновичу с намерением, кажется, перебить разговор матери о болезни (А. Писемский). *Не написали ли вы ещё чего-нибудь?* Привезите с собою, пожалуйста, – сказала она. (А. Писемский). *Дам не беспокоит ли это?* – спросил тот, принимая из рук губернатора сигару (А. Писемский).

Частица *не...ли* активно участвует в создании риторических вопросов и восклицаний, рассчитанных на привлечение внимания собеседника и усиливающих впечатление от высказываемого. При этом модальные значения предположения и намерения переплетаются с различными эмоциональными оттенками:

1. Сомнение, неуверенное предположение/намерение: *Вчерашняя смерть не содержит ли в себе зерна сегодняшнего возрождения? Вчерашнее помрачение не вознаграждается ли сегодняшним просветлением?* (М. Салтыков-Щедрин). *Ожидание насильственной смерти не есть ли уже настоящая болезнь?* (М. Лермонтов). *Есть примеры такого блага, но редкие: на них указывают, как на феномен. Родиться, говорят, надо для этого. А бог знает, не воспитаться ли, не идти ли к этому сознательно?* (И. Гончаров).

2. Подозрение, опасение: *Уж не назначен ли я ею в сочинители мещанских трагедий и семейных романов – или в сотрудники поставщику повестей, например, для «Библиотеки для чтения»?..* (М. Лермонтов). *Уж не молодость ли со своими благотворными бурями хочет вернуться ко мне опять, или это только её прощальный взгляд, последний подарок – на память?..* (М. Лермонтов).

3. Тревога: *Затем огляделся в последний раз, подобрался, оправился и ещё раз попробовал в петле топор. «Не бледен ли я... очень? – думалось ему, – не в особенном ли я волнении? Она недоверчива... Не подождать ли ещё... пока сердце перестанет?..»* (Ф. Достоевский). *Хорошо ли? Натурально ли? Не преувеличил ли? – трепетал про себя Раскольников* (Ф. Достоевский).

4. Неодобрение, порицание: *Так неужели ещё мало вас любят? Не грех ли вам, Калинович, это говорить, когда нет минуты, чтоб не думали о вас; когда все радости всё счастье в том, чтоб видеть вас, когда хотели бы быть первой красавицей в мире, чтоб нравиться вам, – а всё ещё вас мало любят! Неблагодарный вы человек после этого!* (А. Писемский). *Восклицания, задушаемые смехом: «Ах, перестаньте! не стыдно ли вам так смеяться!!» – бывают им часто лучшей наградой* (Н. Гоголь).

Все представленные риторические вопросы хоть и не имеют определённого ответа в самом предложении, но предполагают его. Они утверждают то, о чём говорится в предложении, тем самым подчёркивая важность и неоспоримость высказываемого. При определении того или иного оттенка значения в риторических вопросах и восклицаниях большую роль играет интонация и контекст.

Употребление частицы *не...ли* в повествовательных предложениях связано с союзной функцией частицы *ли*. Повествовательные по цели высказывания предложения выступают в качестве вопросительных: с помощью вопросительной частицы *ли* в сочетании с отрицательной частицей *не* передаётся косвенный вопрос: *Когда*

Любецкая случайно повторила его фамилию, граф спросил, **не родня ли** ему Пётр Иванович (И. Гончаров). Обстоятельно расспросил он прислугу, что маменька кушала, **не позволила ли** себе чего лишенького, но получил ответ, что Арина Петровна уж с месяц почти ничего не ест, а со вчерашнего дня и вовсе отказалась от пищи (М. Салтыков-Щедрин). Староста, старик, старинный, закоренелый, скупой, но умный и прехитрый, полагая, что **не** на его **ли** счёт будет что-нибудь говориться, повернул голову несколько набок и стал прислушиваться единственно слышавшим правым ухом, на которое, впрочем, смотря по обстоятельствам, притворялся тоже иногда глухим (А. Писемский). Таким образом, **не...ли** в сложных повествовательных предложениях выступает как частица-союз, соединяющая части сложного предложения и одновременно вносящая определённое модальное значение.

В двусоставных предложениях частица **не...ли** выделяет:

1) подлежащее: **Не архангел ли** Гавриил дует в свою сзывающую трубу, и нет ли тут – среди обаятельных дам и джентльменов – этих, с хвостиками и на копытцах? (В. Шукшин). Марфа, а Марфа! – закричал он, подошедши к своей засаженной двери, – подь-ка сюда, послушай, как тут кто-то ревёт, словно зверь. Я думал, **не арапка ли** наша сорвалась с цепи, да нет, это не арапка (И. Гончаров);

2) составное именное сказуемое: Люба всё смотрела на своего заочника... И так странно смотрела, точно над собой же и подсмеивалась в душе, точно говорила себе, изумлённая своим поступком: «Ну **не дура ли** я? Что затеяла-то?» (В. Шукшин). Я думаю, куры так не дожидаются той поры, когда баба вынесет им хлебных зёрен, как дожидался Петрусь вечера. То и дело что смотрел, **не становится ли** тень от дерева длиннее, не румянится ли понизившееся солнышко, – и что далее, тем нетерпеливей. (Н. Гоголь);

3) простое глагольное сказуемое: **Не думаешь ли** ты, что ты её подвесил, игемон? – спросил арестант, – если это так, ты очень ошибаешься (М. Булгаков). Господь с вами и все святые! Как! вы, Иван Иванович, стали неприятелем Ивану Никифоровичу? Да **не спрятался ли** у вас кто-нибудь сзади и говорит вместо вас?.. (Н. Гоголь). Уж **не попал ли** он, как Берлиоз, под трамвай? – говорил Варенуха, держа у уха трубку, в которой слышались густые, продолжительные и совершенно безнадёжные сигналы (М. Булгаков);

4) составное глагольное сказуемое: Что тут за невидальщина? десять раз на день, случается, видишь это зелье; какое ж тут диво? **Не вздумала ли** дьявольская рожка **посмеяться**? (Н. Гоголь).

В неполных предложениях, где посредством частицы **не...ли** актуализируется подлежащее, сказуемое опущено, так как акцент ставится не на действии, а на субъекте, признаке и т.д.: Ах, нет, Борис: больно! – сказал Леонтий, – иначе бы я не помнил, а то помню, и за что. Один раз я нечаянно на твоём рисунке на обороте сделал выписку откуда-то – для тебя же: ты взбесился! А в другой раз... ошибкой съел что-то у тебя... – **Не рисовую ли** кашу? – спросила жена (И. Гончаров). Ещё пришёл этот... что ночевал здесь, – сказала она Райскому, – спрашивает вас! – Уж **не Маркушка ли** опять? – с ужасом спросила бабушка (И. Гончаров). Был у вас. Здравствуйте! – Директор крепко потрянул руку Егора. Что, **не пополнение ли** к нам? (В. Шукшин).

Односоставные предложения, включающие конструкцию **не + глагол + ли**, представлены разными типами:

1. Определённо-личные предложения: **Не играешь ли** на бильярде, или **не куришь ли**? (И. Гончаров). Ваше высочородие! **не соблаговолите ли** в карточки? (М. Салтыков-Щедрин). Выходит, что надо держать язык за зубами. – Да, этак-то, пожалуй, выгоднее... А **не зайдёшь ли** к нам выпить водочки? (М. Салтыков-Щедрин). Да вы все перемокли: **не хотите ли** выпить и позавтракать? (И. Гончаров).

2. Безличные предложения: *Ты никогда ничего не знаешь. Там, в корзине, посмотри! Или не завалилось ли за диван?* (И. Гончаров). *Пойдёмте на крыльцо, в садик, чай пить!* – сказала *Татьяна Марковна*. – *Не сыро ли будет там?* – заметил *Ватутин* (И. Гончаров). *Не холодно ли вам?* – спросил он. Они не отвечали и засмеялись. *Диммлер из задних саней что-то кричал, вероятно смешное, но нельзя было расслышать, что он кричал* (Л. Толстой).

3. Инфинитивные предложения: *Что же с ними делать?* – спросила бабушка, – *надумался ли ты? Не сослать ли их?..* (И. Гончаров). [Венгерович] *Не прекратить ли нам этот разговор?* (А. Чехов). [Анна Петровна] *Сядемте подальше... Идите сюда! Вот только не знаю, с чего начать... Вы такой неповоротливый и лживый человечина...* [Платонов] *Не начать ли мне, Анна Петровна?* (А. Чехов). *Ваше сиятельство, не послать ли за Марьей Богдановной?* – сказала одна из бывших тут горничных (Л. Толстой). Стоит особо отметить, что в инфинитивных предложениях передаются намерения и желания говорящего.

Таким образом, анализ собранного материала позволил сделать вывод о том, что частица *не...ли*, во-первых, активно участвует в создании вопросительных предложений, в том числе риторических вопросов и восклицаний, что обусловлено самим разрядом данной частицы и компонентом *ли*, во-вторых, в повествовательных предложениях *не...ли* приобретает союзную функцию, в-третьих, обозначенная частица употребляется как в двусоставных, так и в различных типах односоставных предложений, полных и неполных предложениях. Всё это ещё раз доказывает, что частица *не...ли* является важным элементом в структуре предложения: она задаёт общий тон высказывания и вносит в предложение новое эмоциональное звучание.

Список литературы

1. Калинина, А. А. Утверждение или отрицание в вопросительных предложениях / А. А. Калинина // Русский язык в школе. – 2007. – № 5. – С. 53–68.
2. Лекант, П. А. Аналитизм в категории русских частиц / П. А. Лекант // Вестник МГОУ. – 2013. – № 1 – С. 1–8. – URL: www.evestnik-mgou.ru.
3. Русская грамматика. – М., 1980. – Т. 1. – 792 с.

Хэ Синь Син
(г. Сиань, Китай)
Т. В. Колюшко
(г. Пенза, Россия)

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗГОВОРНО-БЫТОВЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Каждый народ обладает индивидуальным восприятием окружающей действительности во всём многообразии её проявления. Умелое использование фразеологии способствует углублению навыков повседневно-делового общения, создаёт предпосылки для более полного понимания китайских и русских художественных, публицистических, фольклорных текстов, а также разговорной речи, в первую очередь – обиходно-бытовой.

Большинство китайских фразеологических оборотов является нормой в литературном языке, а использование их в разговорной речи придает ей литературность. Например, из 4000 фразеологизмов, приведённых во «Фразеологическом словаре русского языка» А. И. Молоткова, большинство носит разговорный характер, а в «Большом словаре китайских фразеологизмов» Ван Цзиан Иня преобладают фразеологизмы литературного характера. Это объясняется тем, что огромное число ки-

тайских фразеологизмов было унаследовано из древнего китайского языка, который носил ярко выраженный литературный характер. Уже сама структура построения в китайском языке фразеологических оборотов – они обычно состоят из четырёх иероглифов – придаёт китайским фразеологическим оборотам в большей или меньшей степени литературность [Шанский 1985].

Важнейший класс в системе фразеологизмов китайского языка образуют устойчивые словосочетания, называемые 成语 Chengyu (*Чэньюи*), готовые выражения (идиомы), т.е. устойчивые фразеологические словосочетания (чаще четырёх-словные), построенные по нормам древнекитайского языка, семантически монолитные с обобщённо-переносным значением, носящие экспрессивный характер и функционально являющиеся одним членом предложения [Котов 1987]. Одной из главных их особенностей является экспрессивная окрашенность. Называя какое-нибудь явление, народ обязательно давал ему оценку. Благодаря экспрессивной окраске *Чэньюи* легко доступны восприятию. Их употребление придает тексту эмоциональную окраску, которая достигается благодаря их языковой форме – лаконичной и идиоматически насыщенной.

Не менее важное значение при переводе имеет образность фразеологизмов. Легче всего на китайский язык переводятся те русские фразеологизмы, которые создают похожий образ: само собой разумеется – 不言而喻 – *бу ен а йу*; всей душой – 甘心情愿 – *ганн син шинг уэн*; совесть нечиста – 鬼鬼祟祟 – *гуи гуи суи суи*; нести околесицу – 胡说八道 – *ху шуо ба дао*; покраснеть до корней волос – 面红耳赤 – *миан хонг а чи*; товарищи по несчастью – 难兄难弟 – *нан шхионг нан ди*; язык хорошо подвешен – 巧言如簧 – *чъао уан жу хуан*; наблюдать со стороны – 袖手旁观 – *чуи шоу панг гуан*; одним выстрелом двух зайцев убить – 一箭双雕 – *и тиан шуанг диао*; работать не покладая рук – 孜孜不倦 – *ци ци бу чиан*.

Есть случаи, когда прямой перевод недопустим: *ласковый ветер, маленький дождь* (мягкий) – 和风细雨 – *хе фенг хи ю*; одолжить цветы, чтобы возложить из к статуе Будды (делать добро за чужой счёт) – 借花献佛 – *чжи хуа хиан фо*; цветы в зеркале, луна в воде (пустые иллюзии) – 镜花水月 – *чжинг хуа шуе ю*; оседлать феникса верхом на драконе (быть всегда и везде) – 跨凤成龙 – *куа фенг шенг лонг*; ивовая тали, лotosовое лицо (красавица) – 柳腰莲脸 – *лио йао лиэа лиан*.

Формулы речевого обихода. В повседневном общении людей широко и многообразно используются речевые формулы бытового обихода, представляющие собой трафаретные фразеологические словосочетания: вообще говоря – 一般地说 – *ибан де шуо*, – 一般说来 – *ибан шулай*; как говориться – 一般所谓 – *ибан суовой*; иначе говоря, другими словами – 换句话说 – *хуан у хуа шуо*, 换言之 – *хуан йя ши*; строго говоря – 严格地说 – *ианг де шуо*; откровенно говоря – 坦白地说 – *танбай де шуо*.

Формулы речевого этикета. Фразеологизмы этого типа называют встречные реплики диалога и формулы речевого этикета. Эти фразеологизмы употребляются в диалогической речи: если не возражаете – 如果不反对的话 – *жугуо бу фандуи де хуа*; вовсе не возражаю – 并不反对 – *бинг бу фандуи*; если не ошибаюсь – 如果没记错了的话 – *жугуо меи джикуоле де хуа*; абсолютно верно – 一点也不错 – *идиж а бу куо*; подождите минуту – 等一会儿 – *денг ихуж*. Формулы речевого стиля, образованные в соответствии с лексическими и грамматическими нормами языка веньянь, обычно употребляются в речи представителей интеллигенции.

Необходимость детального изучения фразеологии обусловлена важной ролью этого процесса в совершенствовании практического владения русским языком во всем его идеографическом и функционально-коммуникативном разнообразии и богатстве.

Знание и возможность сравнить русские и китайские фразеологизмы позволят иностранным студентам не только увеличить словарный запас и обогатить таким образом свою речь, но и в некоторой степени приобщиться к иноязычному видению мира.

Список литературы

1. Котов, А. М. Стилистический статус вэньянизмов в современном китайском литературном языке / А. М. Котов // Вопросы языкознания. – 1987. – № 5. – С. 108.
2. Лю, Цзюань. Перевод русских фразеологизмов разговорно-бытового характера на китайский язык / Лю Цзюань // Русский язык за рубежом. – 2004. – № 4.
3. Так говорят китайцы. Словарь готовых китайских выражений. – М. : АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
4. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М. : Высш. шк., 1985. – 160 с.

О. Г. Яблонская
(г. Мозырь, Беларусь)

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ЗООНИМИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Фразеологические единицы (ФЕ) обладают интерпретирующим характером. В них отражается сознание народа, так как языком фиксируются коллективные (присущие тому или иному социуму) стереотипные представления. Фразеологические единицы, содержащие в своей структуре компонент-зооним, являются многочисленным пластом фразеологического фонда русского языка. Они отражают общие черты восприятия окружающей действительности носителей языка, а также указывают на специфичность осмысления внеязыковых явлений каждым народом. Нами были отобраны и проанализированы более 630 фразеологических единиц русского языка с компонентами зоонимами. Данные фразеологизмы отобраны преимущественно из «Большого толково-фразеологического словаря русского языка Михельсона» [Михельсон, 2004]. Согласно полученным нами данным, 84 вида животных (102 названия) входят в состав фразеологических единиц русского языка. Некоторые зоонимы, например, *конь – кобыла – мерин*, относятся к одному виду. Этим объясняется разница между количеством видов и названий животных. Разные названия одного и того же вида могут передавать разные оттенки значений (*священная корова – божья коровка*) или употребляться для характеристики только женщин или только мужчин (*драная кошка, собачий сын*). Такой объем выборки позволил определить некоторые особенности и сделать выводы относительно тематической направленности данной области фразеологии современного русского языка. В результате анализа было выявлено, что фразеологические единицы русского языка с компонентом-зоонимом представлены следующими тематическими группами.

1. Внешний вид, возраст, физические характеристики человека:

Покраснеть как рак (о человеке, у которого от сильного волнения, смущения и т.п. прилила кровь к лицу); *слепая курица* (о слепом, слабовидящем человеке); *здоров, как бык* (о человеке с очень крепким здоровьем).

2. Черты характера человека:

Добрый пес на ветер не лает (о человеке, который исполняет угрозы или раз им задуманное); *божья коровка* (о тихом, безобидном человеке), *скользкий, как горь* – (о ловком, изворотливом).

3. Эмоционально-психическое состояние человека:

Яко овца на заклание идти (быть жертвой), **кошки скребут на душе (или на сердце)** (горе съедает); **бешеная собака** – (неистово горячий, злой).

4. Социальная сфера (положение в обществе, отношения в семье, межличностные отношения):

Рогатой скотины: ухват да мутовка (петух да курица), медной посуды: крест да пуговица (о крайней нищете); **кобыла с волком (медведем) тягалась, только хвост да грива осталась** (сильный, наделенный властью одолевает слабого, беззащитного), **гол как сокол** (о неимущем человеке).

5. Характеристика умений, навыков и сноровки человека:

Убить двух зайцев (выполнить одновременно два разных дела, достичь двух различных целей); **как вол работать** (работать очень много, не покладая рук).

6. Выражение и характеристика интеллектуальных способностей:

Глуп как сивый мерин (очень глуп); **старая лиса** (изворотливый, хитрый человек); **бараньи мысли с подливом** (о сугубо глупых мыслях); **как свинья в апельсинах разбираться** – (совсем не разбираться в чем-либо, не иметь ни малейшего понятия о чём-либо).

7. Поведение, образ жизни человека:

Кошка да баба в избе, мужик да собака на дворе (говорят женам, покидающим часто дом свой в подражание мужьям своим); **собака на сене** (о человеке, который сам не пользуется чем-либо и другим не дает); **семеро (семеры) по зайца, один молотить** (о разгульной, беззаботной жизни).

8. Восприятие окружающего мира, оценка действительности:

Как от козла молока (о совершенно бесполезном); **влюблен как кошка** (страстно); **на рыбьем меху** (о плохой, без теплой подкладки верхней одежде); **курский соловей** (человек, который хорошо поёт).

9. Выражение временного значения:

Когда рак свистнет (в неопределённом будущем, неизвестно когда; никогда); **до белых мух** (до выпадения снега, до заморозков).

10. Выражение количества, численности, меры, т.п.:

Лошадина доза (очень большая доза); **куры не клюют** (очень много), **кот наплакал** (очень мало).

11. Репрезентация предметов, явлений, событий, т.п.:

Барашек в бумажке (взятка); **медвежий угол** (малонаселенная, отдаленная глушь); **приказная крыса** (мелкий служащий (в приказе), сутяга), **бред сивой кобылы** (о бредовых, глупых мыслях, высказываниях).

12. Характеристика действий и поступков:

Овец-то и забыли (пригласить обиженных и недовольных, чтоб выслушать их жалобы и мнения); **как лить по дну** (тихо, осторожно, боязливо); **носом окуней ловить** (подремливать).

13. Морально-этические представления:

Дарёному коню в зубы не смотрят (не следует требовать, чтобы подаренная вещь полностью отвечала вкусам, желаниям получившего ее); **не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел** (не за дурной вид, а за дурные дела); **за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь** (если возьмёшься делать сразу за несколько разных дел, не добьёшься хороших результатов ни в одном).

14. Выражение эмоций, чувств, желаний:

Ёшкин кот (выражение любой эмоции, также ругательство); **по щучьему веленью, по моему прошенью** (сказочн.).

Классификация тематических групп фразеологических единиц с компонентами зоонимами в порядке убывания их количественных показателей представлена в табл. 1.

**Тематические группы фразеологических единиц
с компонентом-зоонимом в русском языке**

Тематические группы	Количество ФЕ
1. Восприятие окружающего мира, оценка действительности	24 %
2. Характеристика действий и поступков	20,8 %
3. Репрезентация предметов, явлений, событий, т.п.	16 %
4. Социальная сфера	13 %
5. Черты характера человека	7,1 %
6. Морально-этические представления	7 %
7. Выражение и характеристика интеллектуальных способностей	2,5 %
8. Внешний вид, возраст, физические характеристики человека	2,4 %
9. Эмоционально-психическое состояние человека	2,3 %
10. Выражение количества, численности, меры, т.п.	1,7 %
11. Поведение, образ жизни человека	1,3 %
12. Характеристика умений, навыков и сноровки человека	1,1 %
13. Выражение эмоций, чувств, желаний	0,5 %
14. Выражение временного значения	0,3 %

Недостатком такой классификации является то, что одно и то же выражение может быть включено в две или три группы, например, *кот наплакал* (выражение количества / оценка действительности). Это явление объясняется тем, что в основе выделения групп лежат различные критерии в зависимости от ситуаций, в которых данное выражение употребляется.

Также в результате анализа было выявлено, что фразеобразовательная активность больше у зоонимов, обозначающих домашних животных, меньше у лексем, обозначающих птиц и рыб. Следует отметить, что нет ни одного фразеологического гнезда, представленного единицами всех 14 тематических групп, однако самыми разнообразными по содержанию являются ФЕ с зоонимами, обозначающими домашних животных *кот, собака, конь, петух*. Это объясняется степенью участия животного в жизни человека и его ежедневной деятельности.

Список литературы

1. Михельсон, М. И. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона / М. И. Михельсон. – ETS Publishing house, 2004. – 2208 с.

М. П. Болотская
(г. Пенза, Россия)

О СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ЛИТЕРАТУРНО-РАЗГОВОРНОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

В языке отражается взаимодействие мира и человека в различных аспектах, одним из них является оценочный: объективные реалии определяются говорящими с точки зрения их ценностного характера. По мнению Е. М. Вольф, языковая оценка – это социально устоявшееся и закреплённое в семантике языковых единиц положительное или отрицательное, эксплицитное или имплицитное отношение субъекта к объектам действительности [Вольф, 2002, с. 5]. Оценка в том или ином виде присутствует в любых текстах, однако именно в диалогических конструкциях мы находим в концентрированном виде большое количество оценочных единиц в рамках одного текста.

Традиционно выделяемой единицей диалогической речи является реплика, которая определяется как «отрезок диалога от начала речи одного партнера до смены говорящего» [Блох, 1992, с. 7]. Однако очевидно, что такое определение реплики основывается на чисто формальном критерии и абсолютно не учитывает её семантические, синтаксические и композиционные особенности. Более того, изолированная реплика не является достаточно самостоятельной единицей как с точки зрения формы, так и с точки зрения содержания – некоторые диалогические реплики находятся в такой тесной взаимосвязи с окружающими их репликами, что в отрыве от окружения они теряют свою самостоятельность как коммуникативные единицы. Отдельные реплики в диалоге могут быть понятны только в единстве с другими репликами и с учётом ситуации, в которой протекает общение. Это, по мнению исследователей, происходит из-за того, что в каждой последующей реплике сокращается всё, что известно из предыдущих реплик, и из-за того, что на языковой состав каждого высказывания «взаимно влияет непосредственное восприятие речевой деятельности говорящих» [Винокур, 1984, с. 119]. Всё это говорит о ситуативности и непроизвольности диалога.

Как форма речевого взаимодействия с другими людьми, диалог подчиняется определённым, сложившимся в обществе правилам его ведения. Отношение к языку самих создателей анализируемых высказываний – говорящего и слушающего и есть движущая сила процесса формирования текста: отношение говорящих к языку (актуализируется употреблением) особенно важно для стилистики, так как только благодаря этому отношению открывается возможность установить взаимозависимость объективных признаков текста и его авторской оценки. По мнению Скребнева Ю. М., противоречие во взаимоотношении возникает «между своего рода «коллективным», инвариантным денотатом, то есть коллективно нейтрально оцениваемым образом предмета действительности, и субъективным денотатом – и в этом заключается суть явлений стиля» [Скребнев, 1975, с. 19]. Оценочное же отношение информативно-выразительных качеств языка теми, кто им пользуется в целях общения, даёт право говорить об «образе автора» с лингвистических позиций.

Функционально-коммуникативный аспект связан со стилистическим аспектом изучения диалога. Являясь естественной формой разговорной речи, диалог обладает своеобразием названной разновидности языка: характерна спонтанность, непринужденность, экспрессивность. В процессе исследования социально-речевого образа говорящих и слушающих через стилевую организацию текста, а также принципов стилового отбора для формирования текста необходимо обратить внимание

на вопросы, связанные с дифференциацией индивидуальных и коллективных, субъективных и intersубъективных речевых проявлений, вступающих в регулярное взаимодействие.

Учитывая неоднородность стилового состава высказывания, необходимо прежде всего установить, какая стилистическая информация, имеющаяся в тексте, указывает на отстоявшиеся коллективные навыки носителей данного языка, с одной стороны, и их речевые роли в пределах данного текста, с другой. Стилистический анализ текста, несомненно, должен, кроме простого сообщения о ситуации, определить, какую дополнительную информацию содержит анализируемый текст.

Стилистический анализ – это анализ отношения к средствам языка, а не средств языка, поэтому «сам исследователь тоже каким-то образом относится к языку и ... это отношение нельзя сбрасывать со счетов даже тогда, когда он оценивает отношение к языку других людей, потому что одно неизбежно влияет на другое» [Винокур, 1984, с. 138]. Выявленные из языкового состава высказывания информативные данные об экстралингвистических особенностях осуществления коммуникативного акта «обратным ходом» показывают причины той или иной оценки выразительных свойств текста участниками общения и объясняют вытекающие из неё результаты словесного отбора. Тексты характеризуются как наивысшей степенью обдуманности и подготовленности языкового отбора с установкой на индивидуальное речевое проявление, так и наличием спонтанной информативно-бытовой разговорной речи, тяготеющей к стереотипам.

Как известно, высказывания спонтанной разговорной речи располагают разнообразными видами экспрессивно окрашенных и, следовательно, стилистически отмеченных средств, которые тем не менее являются свидетельством автоматизма проявления соответствующих языковых навыков. Несомненно, названная способность к спонтанной экспрессии выражения, возникающей благодаря стилистически значимому содержанию текста, ведёт прямо к личности говорящего. От него зависят, какие выразительные задачи поставлены и какими средствами они осуществлены. По замечанию Скребнева Ю. М., «собственно стилистической коннотационная информация становится лишь тогда, когда она ощущается... т.е. когда она существенна и для отправителя и для получателя» [Скребнев, 1975, с. 20]. Следовательно, усилия говорящего достигают цели только в том случае, если они соотносятся с апперцепционными возможностями слушающего. Пути к достижению этой цели вариативны, в зависимости от ряда обстоятельств, первым из которых является специфика сферы общения. Так, например, в разговорной речи эти усилия минимальны (языковой отбор тяготеет к автоматизму) при равенстве социально-речевых позиций участников общения [Винокур, 1984, с. 140].

По мнению Т. Г. Винокура, широта амплитуды стилистических колебаний у переменных речевых ролей прямо зависит от «образа автора» речи, а виды реализации этого взаимопроникновения ограничены вполне определёнными социальными рамками. Наибольшее количество ситуативно-речевых ролей и наибольшее их стилистическое разнообразие свойственны интеллигенции, и это свойство расшатывает монолитность её постоянного языкового статуса. В него оказываются привнесёнными языковые последствия многостороннего жизненного опыта, приобретаемого в процессе овладения культурой. Поэтому интеллигентный носитель языка способен без видимых затруднений принять нужную речевую роль не только нейтрально-литературного диапазона, но и просторечного, диалектного, а также профессионального. При этом он, в соответствии с экспрессивным заданием высказывания, «завышает» или «занижает» его стилистическую значимость сдвигом нейтрального и окрашенного начал [Винокур, 1984, с. 143]: «– Ну, Яков Моисеевич, – сказала я, косясь на стопку желтовато-пыльных брошюр у его правого локтя. – Выкладываете, что там у вас. Какое-нибудь периодическое издание Союза ветеранов? – Да,

я обращаюсь к вам, как к главе «Джерузалем павлишинг...» – Кой чёрт – глава?! – перебила я, – всего лишь наёмный работник» [Рубина, 2012, с. 422] («Наш китайский бизнес»); «... Ты после окончания турне не сразу возвращайся, добавь себе дня три. – На музеи-экскурсии? – спрашиваю. – Какие музеи! Будешь спать и пить. Пить и спать. Чтоб расслабиться. – Чего пить? – не поняла я. – Водку, дура! – проговорил он устало» [Рубина, 2012, с. 228] («...Выпивать и закусывать...»). Языковой состав их указывает на равные и близкие отношения всех участников разговора в неофициальных условиях. Здесь мы, скорее, имеем дело с речевой ролью, с речевой маской, под которой кроется интеллигентный автор высказывания. Эти примеры наглядны и в другом отношении. Они показывают, что употребление сниженных языковых средств, выполняющих соответствующее экспрессивное задание, с их ощутимым перевесом в словесном составе высказывания, становится элементом устойчивых языковых навыков интеллигенции и что в этом случае весьма неосмотрительно было бы настаивать на чётком разграничении последних и ситуативно-речевых масок. Сниженная лексика не только не мешает сорвать эту маску, но, напротив, является главным доказательством её присутствия: сниженная лексика употреблена в специальных экспрессивных целях; сама эта цель – шутливая «самоирония» – характерна как раз для современного интеллигентского общения. Кроме того, ту же характерность несёт приём, который используется для иронического задания, – так называемая ксеноденотатная направленность лексических сем [Девкин, 1973, с. 12]. Всё это способствует созданию типической картины коммуникативно-экспрессивных «игр» современного носителя литературного языка: «"На чьей стороне вы будете, когда нападёт враг?" – дознавался чекист. "Надеюсь, что на Петроградской", – отвечал дед» [Толстая, 2014, с. 26] («На малом огне»); «– Тебе надо купить сумку через плечо, – замечаю я ему. – Зачем мне сумка через плечо? – Как зачем! Руки будут свободны. – Я старый человек, – говорит он, сдержанно и коварно улыбаясь одними глазами, – зачем мне свободные руки?» [Рубина, 2012, с. 302] («...Выпивать и закусывать...»).

Разговорный устный диалог – это форма, которая предполагает два характерных явления. Во-первых, неконечность спонтанного стилевого отбора (разговорное высказывание всегда строится с оглядкой на возможность самокоррекции, иногда очень показательной в собственно стилистическом отношении), например: «– Ну?.. – Я разозлилась. Мне всё надоело: жара, Москва, тупость здешнего редсостава. Одновременно я вспомнила, что журнал-то еврейский, и отвечать здесь, по видимому, следует вопросом на вопрос. – Что – ну? – ответила я. – Он что – тоже бухгалтер? – спросила она недовольно. – Почему – бухгалтер? – ответила я. – Он писатель. Узбекский. – Ну, и?.. – Ну, и написал рассказ. На русском языке. На еврейскую тему. – А чего это он? – Захотелось, – сказала я, протягивая красную папку» [Рубина, 2012, с. 146] («Яблоки из сада Шлицбутера»). Интересен и приём употребления обычных коммуникативных стандартов: прежде всего индивидуально-авторская ломка ситуативных стереотипов, ведущая к увеличению экспрессии высказывания. Она основана на мнимом неприятии предложенного способа выражения как поводе для разрушения модальности: «– Как я хотел бы разбить твоё сердце, – говорит Эрик мстительно. – Разбиваются твёрдые предметы. А я – вода. Я утеку отсюда и проступлю в другом месте» [Толстая, 2014, с. 96] («Дым и тень»); «Тут кондукторша, которая, конечно, потеряла дар речи от такой наглости, всё-таки приходит в себя и кричит: "Что это такое? Это... это что это такое?! Гражданин! А за проезд?!" И мужичок так поднимает стакан, знаете, приветственно, улыбается ей, и – "Ну! За проезд!"» [Толстая, 2014, с. 67] («За проезд!»).

Наибольшее раскрытие человеческие эмоции находят в процессе общения, например, в диалогической речи. Следует отметить, что изучение природы эмоций

важно не только с точки зрения человека «для себя», то есть для понимания и осознания своей сущности, но и для «других», то есть для того, чтобы более глубоко чувствовать и понимать окружающих.

Список литературы

1. Блох, М. Я. Строй диалогической речи / М. Я. Блох, С. М. Поляков. – М. : Прометей, 1992. – С. 7–63.
2. Винокур, Т. Г. Стилевой состав высказывания в отношении к говорящему и слушающему / Т. Г. Винокур // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. Виноградские чтения XII–XIII. – М. : Наука, 1984.
3. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф // Лингвистическое наследие XX века. – 2-е изд., доп. – М. : Эдиториал УРСС, 2002.
4. Девкин, В. А. Ксеноденотатная направленность лексических сем / В. А. Девкин // Лингвистическое описание разговорной речи. – Горький : М-во просвещения РСФСР, Горьковский гос. пед. ин-т, 1973.
5. Рубина, Д. Полное собрание рассказов в одном томе / Д. Рубина. – М. : Эксмо, 2012.
6. Скребнев, Ю. М. Очерк теории стилистики / Ю. М. Скребнев. – Горький : М-во просвещения РСФСР, Горьковский гос. пед. ин-т, 1975.
7. Толстая, Т. Н. Лёгкие миры / Т. Н. Толстая. – М. : АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2014.

Р. Э. Вишнякова
(г. Пенза, Россия)

СИНОНИМЫ В ПОЭМЕ Н. В. ГОГОЛЯ «МЁРТВЫЕ ДУШИ»

Общепринятым является положение о том, что одним из наиболее важных показателей развитости и богатства языка является функционирование в нём большого количества синонимов. Л. В. Щерба писал: «Развитый литературный язык представляет собой весьма сложную систему более или менее синонимических средств выражения, так или иначе соотнесенных друг с другом» [Щерба, 1957, с. 121].

Вопросы синонимии языка в целом и синонимии языка писателей остаются чрезвычайно актуальными и привлекают внимание многих исследователей. Знание синонимии родного языка, семантический и стилистический анализ функционирования синонимов в художественной речи способствуют пониманию, осмыслению процесса образования литературного языка, позволяют определить пути и формы его дальнейшего развития, более точно воспринимать тексты художественных произведений.

В связи с этим выбор для анализа синонимов в поэме Н. В. Гоголя «Мёртвые души» продиктован тем, что это произведение – один из наиболее ярких памятников русского литературного языка.

По мнению Р. А. Будагова, то, что Пушкин сделал для языка русской поэзии, Гоголь совершил для языка русской прозы. Он считал, что «большие линии развития русской прозы прошлого столетия связаны больше всего с языком и, особенно со стилем Гоголя» [Будагов, 1984, с. 65].

Литературный стиль и язык писателя очень интересен, своеобразен и несомненно заслуживает научного интереса. Эмоциональности и образности речи автор добивается специальными художественными приемами, изобразительными и выразительными средствами языка, одно из которых – использование синонимов. В связи с этим А. М. Пешковский писал: «Сплошь и рядом оценить выбор автором того или другого синонима можно только при рассмотрении данного текста на фоне всего произведения или даже всех произведений данного автора» [Пешковский, 1954, с. 174].

Количественное распределение синонимических рядов в языке Н. В. Гоголя, их анализ позволяют определить тенденции применения синонимов в языке писателя, выявить особенности стилистической, семантической, жанровой организации синонимических средств в творчестве Н. В. Гоголя, сравнить с семантической и стилистической структурой современного литературного языка.

В языкознании существует несколько классификаций синонимов.

Во многих описаниях синонимов разграничивают **семантические** (идеографические, или понятийные) и **стилистические** синонимы. Первые различаются оттенками в значении. Если у слов не совпадают только прагматические свойства (экспрессивно-оценочные компоненты семантики), то их традиционно относят к стилистическим синонимам [Винокур, 1993, с. 465]. Однако разделение на идеографические и стилистические синонимы весьма условно, поскольку чаще всего синонимы различаются и оттенками значения, и экспрессивной окрашенностью, и сферой употребления, такие синонимы называются **семантико-стилистическими** синонимами [Розенталь и др., 2010, с. 42].

В дополнение к этой классификации выделяют ещё один тип синонимов – контекстуальные синонимы. Слова, которые сближаются по значению в условиях одного контекста, называются контекстуальными синонимами. Однако подобная синонимия ограничивается контекстом, она обусловлена содержанием высказывания и не воспроизводится в языке. Контекстуальные синонимы не отражены в словарях синонимов, так как носят индивидуальный, авторский характер [Розенталь и др., 2010, с. 44].

В языке синонимы могут выполнять разные функции:

- 1) функция замещения, связанная прежде всего со стремлением избежать нежелательных повторений одних и тех же лексических единиц;
- 2) функция уточнения, связанная с желанием говорящего или пишущего более четко передать мысль;
- 3) функция экспрессивно-стилистическая, связанная с выражением многообразных оценок.

В ходе исследования, используя статистический метод анализа, была предпринята попытка выявить частоту использования того или иного типа синонимов и их функции в тексте произведения, что позволило определить, какие из них наиболее характерны для творчества писателя и как их использование влияет на язык и содержание произведения.

Подробнее остановимся на каждом из типов синонимов.

1. Семантические (идеографические) синонимы. Данный тип синонимов составляет абсолютное большинство из всех найденных синонимов в тексте произведения. Приведем пример из «Мёртвых душ»:

«...О чем бы разговор ни был, он всегда умел поддержать его: шла ли речь о лошадином заводе, он говорил и о лошадином заводе; говорили ли о хороших собаках, и здесь он сообщал очень дельные замечания; трактовали ли касательно следствия, произведенного палатой, – он показал, что ему небезызвестны и судейские проделки; было ли рассуждение о бильярдной игре – и в бильярдной игре не давал он промаха; говорили ли о добродетели, и о добродетели рассуждал он очень хорошо, даже со слезами на глазах...».

Слова «говорить», «сообщать», «трактовать», «рассуждать» являются общезыковыми, идеографическими, абсолютными синонимами. Автор использует все перечисленные глаголы для того, чтобы избежать однообразия в построении авторских слов при диалоге, т.е. синонимы выполняют семантическую функцию замещения.

Можно привести и другой пример: «Словом, куда ни повороти, был очень порядочный человек. Все чиновники были довольны приездом нового лица. Губернатор об нем изъяснился, что он благонамеренный человек; прокурор – что он дельный человек; жандармский полковник говорил, что он ученый человек; председатель палаты – что он знающий и почтенный человек; полицеймейстер – что он почтенный и любезный человек; жена полицеймейстера – что он любезнейший и обходительнейший человек».

Порядочный, благонамеренный, дельный, почтенный, любезный, обходительный – все это идеографические синонимы. В данном случае синонимы выполняют функцию уточнения, помогая автору более точно и ярко передать впечатления жителей города N о личности главного героя.

2. Стилистические синонимы. Синонимов этого типа оказалась меньше, чем идеографических в тексте произведения: При характеристике каждого из своих помещиков Н. В. Гоголь большое внимание уделяет описанию обеда или кушаний, которыми они угощают Чичикова. Так, в контекстах, в которых приоткрываются различные стороны «культы еды» как единственной заботы, охватывающей существование помещиков и чиновников, используются близкие по значению, но разные по смыслу и экспрессии глаголы, причем они нередко восходят к обыденной речи, к просторечно-фамильярному общению и, употребленные в переносном значении, приобретают оттенок оценочности: «...свинья с семейством очутилась тут же; тут же, разгребая кучу сора, съела она мимоходом цыпленка и, не замечая этого, продолжала уписывать арбузные корки своим порядком...»

В данном предложении Н. В. Гоголь использует просторечный синоним к слову «есть» – *уписывать*. Это слово просторечное, имеет выразительную экспрессивную отрицательную окраску и помогает выразить авторскую оценку происходящего.

3. Семантико-стилистические синонимы.

Синонимы данной группы достаточно широко представлены в произведении. Стоит отметить, что слова отличаются не только оттенками в значении, но и эмоционально-экспрессивной окраской.

Яркий пример градации представлен в следующем предложении: «...Все у них было как-то черство, неотесанно, неладно, негоже, нестройно, нехорошо, и в голове кутерьма, сутолока, сбивчивость, неопрятность в мыслях, – одним словом, так и вызначилась во всем пустая природа мужчины...»

4. В поэме встречается большое количество контекстуальных синонимов. Например: «...День, кажется, был заключен порцией холодной телятины, бутылкою кислых щей и крепким сном во всю насосную завертку...»

Автор с иронией заменяет «нос» синонимичным словосочетанием «насосная завертка», придав слову большую эмоциональную выразительность.

В ходе исследования было выбрано и проанализировано значительное количество синонимических рядов, что наглядно показало богатство языка Н. В. Гоголя, многообразие функций, выполняемых синонимами. Разнообразие и большой диапазон применения этих лексических единиц свидетельствуют о том, что синонимы в языке поэмы – одно из самых активных средств художественной выразительности.

Список литературы

1. Будагов, Р. А. Писатели о языке и языке писателей / Р. А. Будагов. – М. : Изд-во МГУ, 1984.
2. Винокур, Т. Г. Синонимия и контекст / Т. Г. Винокур. – М., 1993.
3. Пешковский, А. М. Избранные труды / А. М. Пешковский ; подгот. к печ., вступ. ст. и коммент. И. А. Василенко и И. Р. Палей. – М. : Учпедгиз, 1959.
4. Розенталь, Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – М. : Айрис-Пресс, 2010.
5. Щерба, Л. В. Избранные работы по русскому языку / Л. В. Щерба. – М., 1957.

СЛОВО КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДЕТАЛЬ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

В переводе с французского «деталь» означает «*подробность*», «*мелочь*». Применительно к русской филологии перевод с французского относительно художественного текста не будет полным. Если уж и применять понятие «подробность», то обязательно с добавлением «*выразительная*», «*смысловая*», «*образная*» и т.п. В литературном произведении «деталь» несёт огромную выразительную нагрузку. Поэтому писатели относятся к этому понятию с особым вниманием, отыскать её и применить практически – огромный успех. Литературовед Г. Н. Пospelов детали относил к тематическому ряду. Он рассматривая их как «детали действия, из которых и состоит сюжет... Всеми конкретными деталями действий героев, столкновений между ними писатель не только характеризует героев и их социальные позиции, он *выражает ими своё идейное отношение к типическим героям, к их социальным позициям*» (курсив Г. Н. Пospelова) [Пospelов, 1940, с. 217].

В «Литературном энциклопедическом словаре» читаем: «К деталям художественным относятся преимущественно предметные подробности в широком понимании: подробности быта, *пейзажа, портрета*, интерьера, а также жеста, субъективной реакции, действия и речи (так называемая речевая характеристика)» [Литературный энциклопедический словарь, 1987, с. 90]. Предметные подробности так и останутся предметными деталями, деталь художественная – нечто иное.

Что касается подробностей, то здесь всё просто. Вот, например, Леонид Леонов в романе «Русский лес» описывает кабинет Вихрова с подробностями, характеризующими образ учёного. Видимо, хозяин кабинета не жаловал золотых вещей и немало побродил по России, «чему свидетельством были *десять два деревянных изделий*, каких за любые деньги не купишь в столице, – *резная спинка северной прядки* маленькая поэма в дереве, *вологодский туес* с киноварным всадником на бересте, *гроздь расписных тамбовских ложек* цвета старого мёда. По заказу *долбленные чаши* из берёзового и орехового капа, чьей-то слепотой оплаченный *резной ларец*. *Пара изысканных девичьих, лоценого лычка, лапотков* с деревенской золушки и *другие бесхитростные сокровища*, мужицким гением добытые в русском лесу» [Леонов, 1972, с. 40].

Деталь-подробность реализуется в художественном тексте в основном в качестве уточняющей и проясняющей функции. Совокупность деталей-подробностей (иногда в повторяющемся виде) *могут создать деталь-символ*. Такой символ в романе И. А. Гончарова «Обломов» может быть халат Ильи Обломова, Россия настоящего, прошлого и будущего ассоциируется в «Вишнёвом саде» А. П. Чехова, помещики в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя, окружённые бытовыми деталями, представляют собой деталь-символ «мертвых душ»...

В данном случае подробности необходимы, мы по ним можем судить о характере хозяина кабинета. «*Подробности быта, пейзажа, портрета, интерьера...*» так и останутся «*подробностями*», но их нельзя называть художественными деталями. Относительно «детали» известный литературовед А. Б. Есин пишет: «Под художественной деталью мы будем понимать мельчайшую изобразительную или выразительную художественную подробность: элемент пейзажа или портрета, отдельную вещь, поступок, психологическое движение и т.п. Будучи элементом художественного целого, деталь сама по себе является мельчайшим образом, микрообразом...» [Есин, 2000, с. 49]. Далее он по характеру воздействия на читателя выделяет «детали-символы». Е. А. Добин «предлагает разделять подробности и детали, полагая,

что деталь художественно выше подробности» [Добин, 1975, с. 14]. Озвучивая процитированное мнение, Есин не соглашается с ним: «Однако вряд ли это так. И тот, и другой принцип использования художественных деталей равноценны, каждый из них хорош на своём месте» [Есин, 2000, с. 50]. Спору нет, что и деталь-подробность и деталь-символ хороши каждый на своём месте, вот только функции деталей разные. Художественная деталь включает в себе особую смысловую значимость, она многофункциональней, чем символ или перечень подробностей. Е. А. Добин, на наш взгляд, ближе к истине. По значимости в художественном тексте её следует определять как особенную словесную единицу, проявляющуюся или в отдельном ключевом слове, или в союзе нескольких слов, создающих в своей совокупности магнитное поле художественного текста.

Приведу пример художественной детали. Обратимся к рассказу Василия Шукшина «Хозяин бани и огорода». В субботний вечер в деревне топят бани, «пахло горьковатым банным дымком». Мужик, ремонтировавший свою баню, пришёл попариться к своему соседу. Курили. Разговаривали между собой. Хозяин бани, спокойный и грузный на вид, перевёл разговор на похороны. Сначала мы не догадываемся – зачем прижимистому Николаю нужно было специально переводить разговор и рассказывать в деталях о поминках, оркестре на похоронах и деньгах. Не хотел бы он, чтобы на его похоронах оркестр играл: «А на кой он мне чёрт нужен, оркестр? Я же его всё равно не слышу. Ну, если, конечно, родня скинется, так это куда уж не шло. Собеседник в принципе согласен с ним – «Никому не нужен, но всё же хоронят с оркестром. Не покойник же его заказывает, живые, сам говоришь. Любили бы отца, заказали бы. Жадные» [Шукшин, 1991, с. 282].

С этого последнего слова «жадные» начинается основное. Хозяин бани поправил Ивана – «бережливые». Оказывается, не из бережливости, а из-за жадности, продумав всё хорошенько, завёл разговор богатенький сосед. У него «снегу зимой не выпросишь». Потом и ещё одна черта характера проявилась, – жестокость. За две морковки изувечить человека может. Так и ушёл Иван, не попарившись у соседа. Добился-таки хозяин бани и огорода своего, спровадив Ивана со словами: «Иди, музыку слушай. Вальс «Почему деньги не ведутся». – Хозяин бани и огорода засмеялся. Бросил окурки, поднялся и пошел себе *в ограду*» (курсив мой) [Шукшин, 1991, с. 282].

Чуткий к слову, Шукшин отыскал самое нужное, говорящее слово, художественную деталь – «ограду». Ошибается куркуль насчёт поминок и музыки – давно он уже не живёт на земле, а прозябает, прячась от людей в своей ограде. «Ограда» – изумительная находка писателя, ассоциирующаяся с кладбищенской оградой. Недаром речь шла о похоронах. Покойник в данном случае, жадный на деньги, без всякой музыки отправился «в ограду». Да, он по большому счёту, давно уж покойник, променявший жизнь на существование на своем огороде.

В приведённом примере «ограда» включает в себе мною выделенный смысл только после прочтения всего рассказа. А вот как Лев Толстой комментирует понравившиеся ему строчки из стихотворения Тютчева «Есть в осени первоначальной...»:

Лишь паутины тонкий волос
Блестит на *праздной* борозде...

Здесь это слово «праздной» как будто бессмысленно, и не в стихах так сказать нельзя. А между тем, этим словом сразу сказано, что работы кончены, всё убрали, и получается полное впечатление». В умении находить такие образы и заключается искусство писать стихи. Лев Николаевич знал, что говорил, *выбор той или иной художественной детали для художника слова дело чрезвычайно трудное*. Писатель в одном из писем оставил своё мнение: «Вы представить себе не можете, как мне трудно эта предварительная работа глубокой пахоты того поля, на котором я принужден сеять. Обдумать и передумать всё, что может случиться со всеми бу-

душими людьми предстоящего сочинения, очень большого и обдумать миллионы возможных сочетаний для того, *чтобы выбрать из них одну миллионную, – ужасно трудно*». Можно понять писателя, если только представить, что у него в «Войне и мире» более четырёхсот персонажей, и для каждого из них надо выделить какую-либо одну характерную из множества, только для него подходящую деталь, оформить стилистически правильно, согласно речевым манерам действующего лица. Зато, если всё удачно получится и деталь будет соответствовать логике раскрытия характера образа, то она запомнится читателю и через неё глубже раскроется замысел создаваемого.

Художественная деталь – своеобразный показатель мастерства автора. Современный писатель У. Эко признавался по поводу художественных деталей: «для рассказывания, прежде всего, необходимо сотворить некий мир, *как можно лучше обустроив его и придумав в деталях*» [Эко, 1989, с. 438].

Художественная деталь может выявляться в одном характерном слове, обозначающем какое-либо явление или понятие, а может и в союзе с другими. Некоторые из них свою жизненную энергию получают от соседних слов, создавая синонимичностью и антиномичностью своеобразное магнитное поле, особенно наглядно сказывающееся в лирических произведениях. Слово «память» вне контекста имеет только одно, присущее ему выражение. Егор Исаев в поэме «Суд памяти» проблемно ставит вопрос перед читателями, перед судом памяти, который ничего не может забыть. Появляется такая художественная деталь:

И ходит по земле
Босая Память – маленькая женщина,
Она идет,
Переступая рвы,
Не требуя ни визы, ни прописки.
В глазах
То одиночество вдовы,
То глубина печали материнской.

Большие поэты на Руси чувствовали душу слова, общались с ним на «ты». Такую дружбу со словом водил один из наших советских поэтов, Александр Прокофьев в поэтическом сборнике «Приглашение к путешествию». Для него слово живёт, переливается радужными красками, оно как трепетное одушевленное существо, имеющее вес, запах, вкус, красоту. Его можно ласково погладить и побранить, поговорить можно с ним и даже приказывать служить. Нередко слова играют роль солдат, безропотно выполняющих приказ своего создателя-полководца. В стихотворении, которое так и называется «Слова», он говорит о том, что слова, как и люди, бывают с разными характерами и темпераментом. Есть слова неуклюжие, глухие к душевной красоте. От них поэт резко отмежевывается: «они мне не родня». «Мне, дружок мой, нравится, – обращается он к другу единомышленнику, – когда слово плавится». Такое слово-красавец по воле поэта совершает разные волшебные превращения: в легкокрылую птицу, в бушующую волну, в цветок с самыми разными оттенками.

И когда оно поет,
Жаром строчку обдаёт,
Чтоб слова от слов зарделись,
Чтоб они, идя в полет,
Вились, бились, чтобы пелись,
Чтобы елись, будто мед.

Такие слова он отыскивает в богатом русском языке, ставя на самое «почётное место» самое дорогое для него слово, играющее роль художественной детали –

«Россия». Он особо выделяет в нём типографским способом букву «Р». Слово это других слов красивей

С могучей буквой «Р»,
Ну, наПримеР, Россия,
Россия наПримеР!

Неправда ли, слово действительно звучит весомо и зримо?! Чтобы придать ему особый вес, автор искусно нагнетает в нем мощный звук «Р». В четырёх строчках он употребляет его 9 раз. Любовно произнося «Россия», поэт как бы сам восторгается его буквенным сочетанием, удивляется им как чудом и благодарит в душе того первого предка, который изобрёл это слово.

Само по себе слово как художественная деталь в отдельности от контекста может быть и нейтральным. Средством образного выражения он выступает в соответствующем контексте. Слово «Россия» в только что процитированном примере звучит в возвышенном значении у А. Прокофьева, но оно может носить разные оттенки вплоть до ругательного. Равнодушный к истории России, пренебрежительно относившийся к Минину и Пожарскому Джек Алтаузен, писал: «Случайно им мы не сломали шеи. / Я знаю – это было бы под стать. / Подумаешь, они спасли Рассею! / А может, было лучше не спасать?!» [Алтаузен, 1922]. Пренебрежение вылилось и в написание слова «*Рассея*».

Возьмём, к примеру, слово Терек. У каждого из нас имеется своё представление о реке. Его можно написать с кавычками, тогда значение изменится, можно под этим словом иметь ввиду футбольную команду «Терек». Вот как пишут о реке разные поэты. А. С. Пушкин:

Меж горных стен несется *Терек*,
Волнами точет дикий берег,
Клокочет вокруг огромных скал,
То – здесь, то там дорогу роет,
Как зверь живой, ревет и воет
И вдруг утих и мирным встал.

Поэт олицетворяет реку, сравнивая ее со зверем. «Точет», «клокочет», «роет», «ревет», «воет» – глагольные подробности-детали к художественной детали «Терек». Картина получилась живой и запоминающейся.

М. Ю. Лермонтов в стихотворении «Дары Терека», которое В. Г. Белинский назвал поэтической апофеозой Кавказа, не просто «оживляет» реку, с помощью деталей-подробностей, даря читателю запоминающуюся художественную деталь, но делая её ещё и главным героем:

Терек воет, дик и злобен,
Меж утесистых громад,
Буре плач его подобен,
Слезы брызгами летят.
Но, по степи разбегаясь,
Он лукавый принял вид
И, приветливо ласкаясь,
Морю Каспию журчит...

Перед В. В. Маяковским в стихотворении «Тамара и Демон» стояла противоположная задача: лишить ореола величия реки, снизить её образ, используя детали подробности. Написано стихотворение, как полагают маяковеды, на Кавказе в 1924 г.:

От этого *Терека*
в поэтах

истерика.

Я *Терек* не видел.

Большая потеряйка.

Из омнибуса
вразвалку
сошел,
поплеывал
в *Терек* с берега,
совал ему
в пену
палку.

Слово – это те кирпичики, из которых строятся поэтические здания разной величины и разной конфигурации в зависимости от их назначения. Будь то проза, драматургия или поэзия – во всех случаях кирпичи для строительства внешне только могут быть одинаковыми. Об их функциях в каждом конкретном случае заботится сам писатель. Слово как строительный материал используется в высокохудожественных произведениях и как перечислительные подробности, и как образы-символы, и как художественная деталь.

Список литературы

1. Алтаузен, Дж. Стихотворения / Дж. Алтаузен. – Петроград, 1922.
2. Добин, Е. Искусство детали. Наблюдение и анализ / Е. Добин. – М., 1975.
3. Есин, А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения / А. Б. Есин. – М. : Флинта – Наука, 2000.
4. Леонов, Л. М. Собр. соч. : в 10 т. / Л. М. Леонов. – М. : Художественная литература, 1972. – Т. 9.
5. Литературный энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1987.
6. Пospelов, Г. Н. Теория литературы / Г. Н. Пospelов. – М. : Учпедгиз, 1940.
7. Шукшин, В. М. Жил человек... : рассказы / В. М. Шукшин; сост. и подгот. текста Л. Федосеевой-Шукшиной. – М. : Художественная литература, 1991.
8. Эко, У. Имя розы / У. Эко. – М., 1989.

Н. М. Гурина
(г. Брест, Беларусь)

ИГРОВОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЖАНРА СЛОВАРЯ В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

Эта чушь разумна, как толковый словарь...
Л. Кэрролл

Материалом данного исследования стали два издания: «Словарь модных слов» Владимира Новикова [Новиков, 2012] и «Азбука жизни» Кати Метелицы [Метелица, 2005]. Объединяет их то, что они изданы под видом словаря, по сути такими не являясь. Это собранные за несколько лет эссе о словах, которые печатали авторы как колумнисты на страницах периодической печати. Спустя десять лет они их собрали вместе, расположили материал по алфавиту и определили жанр своих рассказов о словах как в научной лексикографии (в случае Владимира Новикова – словарь, в случае Кати Метелицы – азбука, где так же применим алфавитный принцип, как в давно существующем жанре азбуковника).

В сборнике эссе Кати Метелицы 56 главок, а есть ещё и просто заголовочные слова, к которым нет словарных статей (открывается книга словом *абракадабра*, а завершается словом *яблоко*). В первом издании «Словаря» (2005) В. Новикова 98 лексем, а в издании 2012 г. – 136. Открывается словарь словом *авторитет*, а завершается словом *яппи*. Если вспомнить «Хазарский словарь» Милорада Павича,

который не является произведением лексикографического жанра (хотя в подзаголовке значится *роман-лексикон на 100 000 слов*), и словарь С. И. Чупринина «Русская литература сегодня. Новый путеводитель», где сведения о современных авторах даются по алфавиту фамилий, то налицо тенденция, как заметил М. А. Кронгауз. Он первым обратил внимание на игру с жанром научной лексикографии, к которой прибегают авторы, являющиеся не лексикографами, а писателями и журналистами. В своей статье «Лексикографический невроз, или Словарь как способ поговорить» [Кронгауз, 2007] он эту тенденцию описывает.

Я бы добавила ещё противоположную тенденцию: создание эссе, рассказов, заметок о модных словах в традиционных научно-популярных сборниках, как у Ирины Левонтиной «Русский со словарём», у Максима Кронгауза «Самоучитель албанского», у Гасана Гусейнова «Нулевые на кончике языка. Краткий путеводитель по русскому дискурсу» (2012). Авторы этих книг также обращают внимание на новые слова и значения старых слов, толкуют их, оценивают, иронизируют, самовыражаются, но материал не располагают в алфавитном порядке.

А вот Владимир Новиков и Катя Метелица используют строго алфавитный порядок. Что же этим достигается? Упорядочивание материала, и конечно, языковая игра. Катя Метелица пишет эссе о каждом слове (и понятии), которые ей запомнились, задела, оказались достойны внимания (*записала, чтобы помнить*). Многие статьи её азбуки обращены в прошлое, в детство или юность, некоторые рисуют картину повседневности. Соединяясь в общий текст, они дают представление о лирической биографии героини. Она снабжает книжку указателем (предметным и именным), что создает впечатление полного абсурда - научный аппарат для лирической автобиографии.

Есть ли совпадения у обоих авторов? Дословных нет, но семантические сближения есть: *бомба – бомбить, деньги – бабло, шоколад – в шоколаде, розовое и голубое – голубой*. Остальные лексемы у Кати Метелицы распределяются таким образом: историзмы (*Ленин, Питер, Родина*), бытовизмы (*колготки, соки-воды, карты, комары, крыжовник*), заимствования (*абракадабра, бумеранг, графомания, дие́та, кофе, компьютер, пони, преферанс, снобизм, спеллер, феминизм, хиромантия*). Из этой группы хочется выделить новейшие заимствования, связанные с компьютерной сферой: *компьютер, спеллер*. В разных тематических группах преобладают существительные (50 единиц), например обозначения еды (*грибы, капуста, крыжовник, огурцы, селедка, сыр, шоколад, яблоки*), названия лиц (*бомба, директор, иностранцы*). Глагол только один – *кататься*, семь прилагательных в составе словосочетаний (*горячая вода, зеленый цвет, зоологический музей, настольные игры, розовое и голубое, уличная торговля, чужие шутки*).

Здесь в словнике видны отличия между мужским взглядом на мир и женским. Объединяет их ирония, любовь к книгам, чуткость к слову. Можно даже сказать, логоцентризм жизни обоих авторов. Конечно, это предельная субъективность в трактовке значений, афористичность выражения. Вот некоторые примеры из «Азбуки жизни» Кати Метелицы: *Логос для меня важнее эроса; хрустскость – вот главное качество хороших денег*.

В структуре «Словаря модных слов» В. Новикова внешних признаков основной единицы лексикографии – словарной статьи – нет, но разбиение материала на левую и правую часть словаря есть, есть вокабула, выделенная жирным шрифтом, без указаний грамматической и стилистической зон. Нет пронумерованных ЛСВ, но у слов, включающих такой новый ЛСВ, рассматривается именно это новое значение, как у слова *авторитет*. Прагматическая зона и зона иллюстрации свободно разливаются по тексту, отчего объём словарной статьи не ограничен требованиями жанра словаря, а изначально подчинен размерам той газетной колонки, которую вёл

автор. Словарные статьи дают портрет слова, иногда с этимологией, всегда с авторской оценкой, с субъективной модальностью, что допустимо в эссе, но не допустимо в научной лексикографии.

У Владимира Новикова словник более объёмный и пёстрый в соответствии с авторским замыслом: «В книгу вошли слова и выражения, не оставившие автора равнодушным. Слова с интересной судьбой». Частеречный состав следующий: 53 существительных, 19 глаголов, 19 прилагательных, 8 наречий. Показательны лексемы информационного общества: *емеля, мыло, эсмэска*. Мир гламура представлен 10 лексемами: *гламур, бренд, бутик, имидж, колбасить, зажигать, круто, культовый, понт, супер*. Экономическую и креативную деятельность отражают следующие лексемы: *бабки, бабло, бизнес, бомбить, париться, презентовать, продвинутый, проект, шоу, промоутер, стёб, улет, формат, фишка*; 14 обозначений лиц по разным признакам: *авторитет, классик, маргинал, менеджер, отморозок, промоутер, спонсор, гуру, трудоголик, колумнист, обыватель, фанат, чиновник, япти*.

Прагматически окрашенная лексика присутствует во всех тематических группах: *бабки, бабло, блин, бомбить, голимый, грузить, достать, жесьть, колбасить, облом, отстой, париться, попса, пофигизм, прибамбасы, прикид, приколы, шняга, тачка, улет, феня, фиолетово*. Рядом с ними два лингвистических термина прочно завоевали позиции в кругу модных слов: *дискурс, концепт*. Поскольку понятие «модные слова» автор определил описательно (за ним не закреплёно терминологическое значение), то в список модных слов попали слова вовсе не модные: *как бы, бизнес, доветь, жюри, классик, конкретно, советский, цензура*.

Для полноты картины также важна не только та лексика, что вошла в словарь, но и та, что не вошла. В. Новиков пишет в предисловии: «В книге дан своеобразный словесный срез отечественной истории за полвека, представлена языковая картина нашего пестрого и занятого бытия. Картину эту ещё предстоит дорисовывать: книга потенциально открыта для пополнения новыми модными словами» [Новиков, 2012, с. 5].

Полвека – очень широкий временной срез, поэтому часть слов устаревает на глазах, а часть актуальной лексики не вошла в книгу. Мы со студентами первого курса факультета иностранных языков попробовали расширить словник модными на сегодняшний день словами. В анкетировании приняли участие 60 студентов нашего университета. Каждый в свободной форме предложил три слова, которые, на его взгляд, можно считать модными: *гуглить, сэлфи, трэш, кэш, шопоголик, экшен, квест, скайп, вайбер, стартап, лук (в значении вид), чекать, мажор, хипстер, джеггинсы, клатч, игнорить, стритарт, скетч, инстаграм, бойфренд, смартфон, гаджет, аватарка, няшный, мимишный, по ходу, троллить*. Если рассматривать полевую структуру русской лексики, то мы видим устойчивое ядро и быстро меняющуюся периферию. Не все из отобранных В. Новиковым слова выдержат проверку временем, станут нейтральными и общеупотребительными. Мода меняется слишком быстро, никакому лексикографу за ней не угнаться. Однако играть с модными словами могут не только «интеллектуальные гурманы», как указано на обложке, но и все читатели, интересующиеся родной речью.

Список литературы

1. Кронгауз, М. Лексикографический невроз, или Словарь как способ поговорить / М. Кронгауз // Новый мир. – 2007. – № 6. – С. 172–178.
2. Метелица, К. Азбука жизни / К. Метелица. – М., 2005. – 216 с.
3. Новиков, В. Словарь модных слов / В. Новиков. – М. : АСТ-ПРЕСС, 2012. – 256 с.

ПРОСТОРЕЧНО-РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА В РАССКАЗАХ В. М. ШУКШИНА

Изучение творчества В. М. Шукшина – задача сложная и актуальная. Её решение необходимо с точки зрения научно-познавательной и нравственно-этической.

Не оставляя никого равнодушным, искусство В. М. Шукшина – писателя, актёра, кинодраматурга – постоянно рождает споры, научные дискуссии, которые далеко ещё не закончены.

Диспут, начавшийся в середине 60-х г., обнажив разноречивые оценки и мнения в определении типа героя В. М. Шукшина, продолжается в наши дни.

Главным персонажем рассказов является человек, его духовные искания, размышления, нравственное напряжение, в чью стихию вовлекается личность.

Исследованием оценочных наименований, функционирующих в художественном тексте, практически не занимались. Эта тема становится актуальной лишь в последнее время.

Для раскрытия особенностей употребления и функционирования разговорно-просторечной лексики в качестве объекта исследования мы взяли рассказ В. М. Шукшина «Волки».

Прежде всего, отметим обращенность к разговорной стихии как к главному арсеналу речевых средств; доминирование разговорной речи и в диалоге, и в авторском повествовании. Прозе В. М. Шукшина в целом свойственна разговорная лексика. Так, исследователь шукшинского творчества, Б. Панкин пишет: «То, что слово – единственное оружие писателя, – аксиома, ставшая трюизмом. Тем не менее, эту истину хочется повторить. С одним, правда, уточнением. Не слово вообще, а речь, живая разговорная речь, легко, непринужденно, словно ртуть, принимающая любые формы. Это её стихия составляет ткань и содержание рассказов, их строительный материал. Именно она слышится и в диалогах, и в монологах героев, и в лаконичных авторских комментариях» [Панкин, 1979, с. 24–25].

Активное функционирование в рассказах Шукшина разговорной речи и просторечия во многом обусловлено социокультурным статусом персонажей (в своем большинстве они – сельские жители), пристрастием автора к диалогу, сюжетами рассказов (все они о жизни в деревне), общей ориентацией Шукшина на изображение, художественное исследование народной жизни.

В изображении эмоционального состояния персонажей, драматической напряженности сюжетной ситуации, в экспрессивной выразительности диалогов и в значительной степени авторской речи, в воссоздании «натуральности» реального диалога в репликах персонажей участвуют грамматические единицы и словообразовательные элементы той же функционально-стилевой принадлежности. Они естественно вписываются в общий ансамбль стилистических средств выражения экспрессии, свойственных устному неформальному общению в условиях межличностного общения носителей просторечия, а также в речевую характеристику персонажей рассказа.

Наиболее выразительны, экспрессивно насыщены в рассказе реплики, произносимые в острых конфликтных и экстремальных ситуациях, что вообще присуще аффективной речи. Вот, к примеру, заключительная сцена схватки с волками:

– Ваша взяла, – сказал он. – Жрите, сволочи <...>

– Ну погоди!... Погоди у меня, змей ползучий. Ведь отбились бы – и конь был бы целый. Шкура.

Или объяснение Ивана с тестем после схватки с волками:

– *Предал, змей! Я тебя проучу. Ты не уйдешь от меня, остановись лучше.*
Одного отлуплю
не так будет позорно. А то при людях отметелю <...>
– *Сейчас – остановился, держи карман!* – *Наум нахлестывал коня. – Оглоед чертов... откуда ты взялся на нашу голову.*

В этих репликах мы видим целый набор слов и выражений, наделенных яркими красками «сниженной» экспрессии, «заряженных» отрицательными эмоциями. Выделенные лексико-фразеологические единицы относятся к просторечию или к разряду грубопросторечной лексики и фразеологии, а также к обиходно-бытовым словам и выражениям разговорной речи.

Ориентация автора на «живую», непринуждённую речь персонажей и на неформальное речевое общение, употребление элементов разговорной речи и просторечия в собственной авторской речи бывает обусловлено описанием деревенской жизни, фольклорно-этнографической тематикой художественного текста [Коробов, 2009, с. 101–106].

В рассказе «Волки» такие слова передают преимущественно динамизм сцены, энергичность действий и речевого поведения участников ситуации, подчеркивая драматизм изображаемой ситуации, напряженное психологическое состояние персонажа.

Например: «*Иван... огрел вожака бичом*». Здесь глагол огреть предполагает энергичный и очень сильный удар бичом; относится к просторечию, употребителен в бытовой речи.

«*Конь шарахнулся в сторону, в сугроб*». Просторечный глагол *шарахнуться* омонимичен, здесь означает резкий, энергичный рывок в сторону из-за страха, от неожиданности, слово очень экспрессивное. Это становится очевидным, если сопоставить его с «нейтральными» синонимическими заменами: *броситься в сторону, быстро отойти, отбежать в сторону*, которые передают лишь значение, оставаясь мало выразительными по своей экспрессивной окраске. «*Волк... прыгнул под коня и ударом когтистой лапы распустил ему брюхо повдоль*». *Распустить* – просторечный глагол, здесь передает мощь и энергичность удара, движений волка, по своему происхождению относится к профессиональному жаргону портных: при перделке старой одежды портной перерезает или разрывает нитки (распускает их), которыми сшиты две половины одежды [Даль, 2000, с. 559].

Разговорная и просторечная лексика и фразеология при описании ситуации, в которой оказался персонаж, передают не только авторскую оценку этой ситуации, но и ее восприятие, оценку самим персонажем. Автор выражает тем самым отношение к происходящему как бы и от имени персонажа. В результате такое изображение языковыми средствами эпизода, сцены, сюжетной ситуации обретает объемность, стилистическую стереоскопичность. Например: «*И еще один [волк] отвалил от своры (это видит Иван)*». Здесь *отвалить* выступает в просторечном употреблении – в переносном значении *отойти, отбежать в сторону от кого, чего-либо*. Данное слово выступает обычно со значением *отплыть, отчалить* (о судне, о плавающих средствах), относится к разговорной лексике. Другой пример: «... *самую лютую собаку еще может в последний миг что-то остановить...*». Прилагательное *лютый* применительно к животным (преимущественно – к хищным) употребляется сравнительно редко (есть устойчивое сочетание *лютый зверь*), имеет усилительный характер (очень жестокий) [Ожегов, 1988, с. 270]. Оно несколько архаично; входит в синонимический ряд: *злой, сердитый, жестокий, свирепый*. О собаках обычно говорят: *злая собака*. В данном же контексте, когда сопоставляются волк (действительно очень жестокий, свирепый зверь) и собака, сочетание *лютая собака* употреблено специально. Автор тем самым подчеркивает особую жестокость волка. Ведь именно так воспринимает вожака волков Иван.

Слова *огреть, крутнуться, шарахнуться, глянуть, распусть, отвалить, лютый* – из сцены схватки Ивана с волками. Они передают (наряду с участием в описании самой сцены) реакцию Ивана на происходящее, усиливая экспрессивность текста, динамичность авторского описания благодаря «внесению» в объективное повествование личностной оценки персонажа – «участника события».

Шукшин – мастер меткого народного слова. В данной работе основной упор был сделан на лексический уровень, т.к. разговорное слово Шукшина не экзотика, не элемент орнаментного стиля – это во многих случаях единственно верное, правдивое слово, составляющие суть персонажей его рассказов.

Список литературы

1. Даль, В. И. Толковый словарь великорусского языка. Современная версия / В. И. Даль. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2000.
2. Коробов, В. И. Василий Шукшин: Вещее слово / В. И. Коробов. – 2-е изд. – М. : Молодая гвардия, 2009.
3. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Русский язык, 1988.
4. Панкин, Б. Василий Шукшин и его «чудики» / Б. Панкин // Василий Шукшин. Рассказы. – М., 1979. – С. 24–25.

Т. А. Дьяченко
(г. Курск, Россия)

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИВОПИСЬ И ЖИВОПИСНОЕ СЛОВО МАСТЕРА (О ТВОРЧЕСТВЕ КУРСКОГО ПИСАТЕЛЯ Е. И. НОСОВА)

Что такое искусство? С такого вопроса я начинаю первый урок в новом классе. Интересно слушать рассуждения подрастающего поколения о том, что же такое искусство, о его роли в современном мире, о том, нужно ли оно сегодня. Постепенно подвожу ребят к тому, что искусство в нашей жизни повсеместно, и умение выразить свои мысли – чётко, ясно, логично – это тоже искусство, возможно, самое сложное, требующее от человека наибольшей внутренней культуры, знания и опыта.

В качестве примера привожу творчество нашего земляка, писателя Е. И. Носова, который, как сам в этом признавался, прежде чем что-то написать, старался это изобразить при помощи кисти и красок. Его работам свойственны неповторимая поэтичность и своеобразное художническое видение чуткого человека. Это позволяло ему воссоздавать одухотворённые и выразительные картины родной природы не только кистью, но и пером.

Такие виды искусства, как литература и живопись тесно связаны множеством нитей, они взаимопроникают и дополняют друг друга. И литература, и живопись не нуждаются в посреднике между автором и читателем, зрителем. Главным предметом познания как в литературе, так и в живописи выступает человек с его внутренним миром, его отношением к обществу и природе, к действительности вообще.

Искусство Е. И. Носова имеет глубокое «укоренение» в родном краю. Он вырос и «образовал» свои ум и сердце среди лесов, полей и рек лесостепной России, в атмосфере хлебопашеского и ремёсленного труда. Писатель не раз вспоминал, как в детстве ходил в ночное: сизотуманный луг, блёкло, призрачно мерцающий под лунной росными травами, тёмные силуэты коней, скрип коростеля, кизячный костерок с булькающим кулешом, уютное тепло старого полушубка... [Носов]. Сам уклад жизни, не располагающий к праздности (шли годы коренного переустройства деревни), воспитывал и развивал в будущем писателе любовь и уважение к труду, лю-

дям, порой незаметных, но жизненно необходимых профессий, к неброской природе среднерусской полосы.

По признанию Е. И. Носова, рисовать он начал рано, лет с пяти, а обязан этим своему отцу, который по выходным вместе с детьми вырезал из бумаги однотипные фигурки, похожие на лошадей, и наклеивал их на окно. Такие отцовские «наскальные» кони побудили будущего писателя внимательно вглядываться в окружающий мир, разожгли неугасимый мальчишеский интерес ко всему живому, страстное желание воспроизвести всё это с помощью карандаша. А затем будут перерисованы все иллюстрации из увесистых томов А. Брема «Жизнь животных». Отчаянным поступком, сыгравшим немаловажную роль не только в самообразовании, но и в творчестве, назовёт это потом Е. И. Носов. Вся свою жизнь писатель будет рисовать. Он «до необычайной остроты развил в себе способности пластического, живописного восприятия действительности во всём многообразии красок, звуков, запахов и переменчивых состояний» [Васильев, 1983, с. 112].

Думаю, что именно увлечение живописью помогало Е. И. Носову в своих произведениях, небольших по объёму, рельефно представлять бытовую обстановку и одаривать читателя ощущением конкретного пространства. В каждой его живописной работе – любимые просторы, холмы, деревья, речки родного края. Они помогали ему жить, работать, дарить радость точно так же, как теперь всем, кто возьмет в руки его книгу или посмотрит его картины. Читателю и зрителю откроется удивительная радость общения с природой, с ее красками, с ее неброской, но милой красотой во все времена года. В произведениях Е. И. Носова мы встречаем и описание летнего буйства красок: *В июне, после дождей, вдруг вымётывала в пояс луговая овсяница, укрывала собой клевера, белые кашки, жёлтые подмаренники, выколашивалась над пестротравьем, и луга одевались нежной фиолетовой дымкой... Поверх нетронутых трав, пестревших багряными головками клевера, синими колокольчиками, лунастыми звёздами ромашек, часто пророс морковник...* (Шумит луговая овсяница), и осенней грусти: *Ходит по лесу осень, развешивает по кустам и травам хрустальные сети паутины, убирает в золото осинки и берёзки. Первые палые листья запестрели на влажных дорогах, на тихих, потемневших водах речных заливов* (Трудный хлеб), и зимнего сна: *Ночью на мокрые деревья упал снег, согнул ветви своей рыхлой сырой тяжестью, а потом его схватило морозцем, и снег теперь держался на ветвях крепко, будто засахаренная вата* (Тридцать зёрен), и, конечно же, весеннего пробуждения: *Ровный майский ветер разбередил, раскачал старые ветлы, и те, оживая от долгого оцепенения, заплескались, заразмахивали никлыми космами, соря ... багряной чешуёй лопнувших почек. Дол до краёв наполнился этим их пробуждением, и все эти низовые шумы перекрывались заглавным, процеженным сквозь кроны ветровым, солнечным шумом, веявшим горьковатой прянью молодой клейкой листвы* (Хутор Белоглин).

Читая рассказы и повести Е. И. Носова, понимаешь, что в них своеобразно преломились традиции русской живописи: здесь и русская иконопись, и праздничный народный лубок, и Шишкин, и Левитан, и Васнецов... В своих произведениях писатель с какой-то щемящее-торжественной печалью запечатлевает просторы родной земли и с бережным вниманием изображает человека, с малейшими движениями его ума и души.

Рисуют и герои произведений Е. И. Носова. В рассказе «Красное вино победы» лирический герой, прототипом которого был сам автор (восемнадцатилетним юношей попавшим на фронт и тяжело раненный под Кёнигсбергом), в мае сорок пятого года находится в подмосковном серпуховском госпитале, где все солдаты вспоминают родные места, и лишь один умирающий Копёшкин, замурованный в гипс, не может рассказать о том, какая у него хорошая малая родина. Ощувив состояние Копёшкина, лирический герой, никогда не видевший его дом, рисует на клочке

бумаги бревенчатую избу с тремя оконцами, косматое дерево у калитки и протягивает это изображение Копёшкину. *«Тот, почувствовав прикосновение к пальцам, разлетел веки и долго с осмысленным вниманием разглядывал рисунок. Потом прошептал:*

– Домок прибавь... У меня домок тут... На дереве...» (Красное вино победы).

Проза Мастера – так называли этого удивительно одарённого человека ещё при жизни – это «проза писателя, органически воспитанного на традициях народной культуры и отечественной классики, в которых польза и красота, чёткое жизненное намерение и бессознательное очарование жизнью совпадают» [Васильев 1983: 124].

Е. И. Носов был Мастером воистину во всем – он писал превосходные рассказы и повести, очерки и статьи, миниатюры и стихи. Он рисовал полные тончайшей лирики пейзажи родной Курщины. Такой синтез литературы и живописи в творчестве одного человека поражает воображение ребят. Они проникаются сердечной теплотой и бесхитростностью словесных и живописных полотен Мастера, творчество которого остаётся в фонде отечественной культуры как неразменная ценность, к которой «памятливые потомки то и дело будут обращаться, разыскивая дорогу к чистым родникам» [Агеев, 2005, с. 6].

Список литературы

1. Васильев, В. А. Слово о Родине. Предисловие к избранным произведениям : в 2 т. / В. А. Васильев. – М., 1983.
2. Носов, Е. И. Собрание сочинений : в 5 т. / Е. И. Носов. – М., 2005.
3. Агеев, Б. Хорошего рода / Б. Агеев // Толока. – 2005. – № 50. – С. 5–7.

Ю. А. Дьяченко, Т. П. Дюмина
(г. Курск, Россия)

ФИТОНИМИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ Е. И. НОСОВА)

Метафора – одно из древнейших средств художественной изобразительности, которое и сегодня остаётся «излюбленным, щедрым для наблюдений и актуальным предметом анализа» [Харченко, 1989, с. 3]. «Метафора рассматривается в лексикологии как источник новых значений, в прагматике как особый вид речевого употребления, в психологии и психолингвистике как ассоциативный механизм и объект интерпретации и восприятия речи, как способ создания картины мира» [Меженская, 2010, с. 69]. Существуют различные подходы к определению метафоры, но в данной статье мы придерживаемся точки зрения, что метафора – это образный перенос наименования предмета, явления или действия с одного объекта на другой на основе сходства или по контрасту.

Явление метафоры невозможно рассматривать вне контекста, поэтому материалом для данного исследования послужили художественные произведения курского писателя Е. И. Носова [Носов], который обладал удивительным талантом в привычном, обыденном увидеть необычное, и все его произведения в этом отношении представляют благодатный материал, позволяющий выявить изобразительные средства, используемые автором для создания образности. В данной статье рассмотрены фитонимические метафоры, используемые писателем в своих художественных произведениях, то есть конструкции, в которых различные предметы и явления действительности сопоставляются с растениями.

В художественном дискурсе Е. И. Носова нами зафиксировано свыше двухсот метафор, содержащих наименования растений и растительных организмов. Фитонимы встречаются в образных характеристиках физических свойств людей и животных, в наименованиях абстрактных понятий, явлений природы и неживых предметов. Так, в идиостиле писателя нами были выявлены следующие направления метафорического переноса:

1. «Растение → человек»:

То ли ночь тут смешала все понятия, то ли сам Аполошка удивлял – ведь огурец зелёный, опупок, а поди ж ты! (В чистом поле, за просёлком..., II, 16).

В представленном контексте, как видно, дважды употреблена одиночная метафора – *огурец, опупок*. Автор заостряет внимание читателя на метафоризируемом объекте – деревенском мальчишке Аполошке, решившем возродить кузницу в родном селе, которую закрыли после смерти кузнеца. У него это получилось. Председатель местного колхоза, глядя на ладную работу Аполошки, думает: «ведь *огурец зелёный, опупок*». Лексема *огурец* в данном контексте употреблена в метафорическом значении ‘молодой’. Для усиления смысла автор использует ещё и многозначный диалектный фитоним *опупок*, одно из значений которого – ‘завязь плода в цвету’ [СРНГ, 23, с. 312]. В данном контексте писатель употребляет этот фитоним в переносном значении ‘очень молодой’, подчёркивая совсем юный возраст главного героя.

2. «Растение → животное»:

Теперь только я разглядел, что одуванчики [гусята], среди которых стоял Белый гусь, ожили, сбились в кучу и испуганно вытягивают жёлтые головки из травы (Белый гусь, I, 170).

Существительное *одуванчики* в приведённом примере представляет собой скрытое сравнение – *гусята жёлтые и пушистые, как одуванчики*. Одиночная метафора имеет ещё одно значение. Е. И. Носов, проведший своё детство в деревне, знал, что одуванчик – ‘луговое растение, цветущее ранней весной’ [Биология, с. 401], а гусь – ‘домашняя птица, птенцы которого появляются на свет в конце марта – начале апреля’ [Биология, с. 618]. Гусиные выводки на лугу действительно часто можно принять за островки цветущих одуванчиков. Таким образом, растение и птицу сближает не только внешний вид, но и время цветения и появления на свет.

3. «Растение → абстрактные понятия»:

Жизнь ей представлялась в виде яблока, разрезанного на четыре части. Завтра она примется за вторую четверть своего яблока: поведёт в садик Татьянку, потом – завтрак для Бориса, потом – второй завтрак для Леонарда Андреевича, потом – магазины, авоськи (Багульник, I, 271).

Метафорическое представление героини о жизни реализует метафора *яблоко*, которое символизирует собой век – 100 лет. Человек живёт циклами – по 25 лет или «съедает четвертинку своего яблока».

4. «Растение → небесное тело»:

Я, когда была маленькая, думала: это просо [звёзды] в небе рассыпано (Шумит луговая овсяница, III, 63).

Метафора *просо* в указанном контексте реализует сему ‘маленький’ и характеризует небесные тела – звёзды – как хорошо знакомые ребёнку крупинки пшена золотистого цвета.

5. «Растение → летательный аппарат»:

И тут обнаружилось, что сей странный овощ [летательный аппарат] во все не висел на одном месте, а едва зримо, так что мы сперва и не заметили этого, смещался на восток (НЛЮ нашего детства, II, 199).

Лексема *овощ* в приведённом примере выступает в качестве метафоры и реализует значение ‘летательный аппарат’. Появление данной метафоры обеспечивает предшествующее сравнение: *В небе висела какая-то странная штуковина. Большие*

всего она походила на переросший **огурец**, какие бабушка Варя оставляла на семена (НЛО нашего детства, II, 198). Оно не только «подготавливает» метафору, но даёт ей возможность раскрыться на фоне широкого контекста.

6. «Растение → вода»:

*Видишь играющие на зелёной траве солнечные зайчики, брошенный на скамейке пестрый зонтик, задремавшего старика с газетой на коленях, видишь фонтан, а над ним — живой **цветок из прозрачных струй*** (Сучок, I, 238).

Одиночную метафору *цветок* распространяет несогласованное определение *из прозрачных струй*, выраженное сочетанием существительного и прилагательного в родительном падеже. В этом определении и содержится указание на водную природу описываемого объекта.

Наряду с одиночными метафорами в идиостиле Е. И. Носова встречаются двучленные фитонимические метафоры, представленные тремя конструкциями: метафоры-приложения, генитивные метафоры и фитонимическое прилагательное + существительное.

Метафоры-приложения – редкая структурная модель в художественной прозе Е. И. Носова:

*Отсюда, с земли, сквозь колышущие на ветру былинки, храм походит на кем-то забытый в мураве туюсок, доверху наполненный **грибами-куполами*** (И уплывают пароходы..., III, 343).

Генитивные метафорические конструкции в дискурсе Е. И. Носова используются часто и во всех случаях распространяются за счёт прилагательных и причастий. В произведениях писателя рассматриваемые модели используются для яркой образной характеристики внешности человека или предмета:

*В будке одного такого крана я заметил девушку-мотористку в голубенькой блузке и в золотистом **подсолнухе волос*** (Маленькая республика горняков, I, 342).

*Кто-то невидимый выел сочную **мякоть луны**, оставив от неё только тоненькую дынную корочку с правого края* (Шумит луговая овсяница, III, 64).

Конструкция «фитонимическое прилагательное + существительное» очень продуктивна, что, возможно, объясняется общим свойством указанного типа служить средством передачи тончайших оттенков значения, которые трудно выразить словообразовательными или иными путями. Данная модель позволяет автору создавать яркие по своей живописности образы. Так, в произведениях Е. И. Носова эта модель выражает скрытое сравнение между растениями и человеком или частями его тела. Производные прилагательные помогают автору создавать портретные зарисовки с учётом возраста человека: ребёнок (*одуванчиковая головка*), сорокалетний мужчина (*арбузная плешь*), старик (*ковыльный пушок*):

*...Мальчонка тут же, как ни в чем не бывало, цепко, привычным манером обхватил крутую Касьянову шею и завертел белой **одуванчиковой головкой**...* (Усвятские шлемоносцы, IV, 12).

*Фуражки и теперь были его страстью, он перепробовал все рода войск и, хотя чуб его давно вытерся до звонкой **арбузной плешу**, носил их с фасоном, свалив на левое ухо* (Потрава, III, 112).

*Дедушко Селиван, слясь постичь суть невнятного вопроса, морщил лоб, сгонял с него складки к беззащитно-младенческому темени, подёрнутому редким **ковыльным пушком**...* (Усвятские шлемоносцы, IV, 69).

Рассматриваемые метафорические конструкции помогают автору передать едва уловимое сходство между растениями и частями тела человека по форме или цвету (*морковные руки, редисочный нос*):

Под конец в азарте охоты все оказывались мокры по самые маковки, однако же кому-нибудь удавалось-таки, взбаламутив воду до кисельной гуцины, сцанать

морковными озябшими руками зубастую пройду и вышвырнуть её далеко на сухое (Усвятские шлемоносцы, IV, 91).

Пристроив зеркальце, она разглядывала себя, поворачивая лицо и кося глаза, потом открыла пудру и мазнула ватой по облупленному редисочному носу (Варька, II, 74).

Указанная метафорическая модель используется автором в описаниях абстрактных понятий (*травяная вольница, травяная тишина*):

Он опускает голову на поджатые руки и погружается в чуткую травяную тишину (И уплывают пароходы..., III, 344).

Заметим, что созданный автором метафорический образ часто усиливается за счёт распространяющих определений (*морковные озябшие руки, облупленный редисочной нос, чуткая травяная тишина* и др.).

Фитонимические метафоры – распространённое явление в идиостиле Е. И. Носова. Они создают мощное ассоциативное поле, формируя особенности языковой картины мира писателя. Использование метафоры мотивировано желанием автора осмыслить и образно воплотить тесную взаимосвязь человека с миром природы. Для Е. И. Носова совершенно естественно представлять в фитонимических образах человека, объекты живой и неживой природы, абстрактные понятия, эмоциональное и физическое состояния людей и животных, а также их действия.

Мир природы в прозе писателя соотносится с миром человека. Человек и предметы, созданные его руками и творчеством, сравниваются и сопоставляются с растениями. Всё это свидетельствует о стирании границ между «живой» и «неживой» природой и о гармонически устроенном мире произведений Е. И. Носова.

Список литературы

1. Биология : энциклопедия по биологии / гл. ред. М. Д. Аксёнова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М., 2002.
2. Меженская, Н. А. Стихия ВОДА в языке художественной прозы В. Астафьева и В. Тендрякова : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Меженская Н. А. – Белгород, 2010.
3. Носов, Е. И. Собрание сочинений : в 5 т. / Е. И. Носов. – М., 2005.
4. СРНГ – Словарь русских народных говоров / сост. Ф. П. Филин. – М. ; Л. (СПб), 1965–2008. – Вып. 1–41.
5. Харченко, В. К. Переносные значения слов / В. К. Харченко. – Воронеж, 1989.

О. А. Жарко
(г. Пенза, Россия)

ПОРТРЕТНАЯ ФУНКЦИЯ КОЛОРАТИВОВ В ПОВЕСТИ А. И. КУПРИНА «ОЛЕСЯ»

Повесть А. И. Куприна «Олеся» была написана в 1898 г. Это произведение о трагической любви барина Ивана Тимофеевича и простой сельской девушки Олеси. А. И. Куприн – писатель, особой чертой которого является реалистичное описание действительности. Он тонко и полно передает характеры, образы персонажей, среду, которая их окружает. Это и речь героя, и его портрет, и в меру подробное описание пейзажа.

Среди разнообразных женских образов, созданных Куприным, множество ярких, сильных, незаурядных личностей, которые способны любить самоотверженно и бескорыстно. Внутренним динамизмом и психологизмом отличались уже ранние произведения Куприна о любви, в которых перед читателем предстаёт целая галерея женских образов. Различными средствами художник слова создает поэтиче-

скую, хотя отнюдь и не идеализированную, атмосферу поклонения героиням своих произведений, идущим на самоотвержение во имя любви [Смирнова, 1993, с. 102].

Самым ярким портретом в повести является портрет Олеси – главной героини.

Портрет в литературе – одно из средств художественной характеристики, состоящее в том, что писатель раскрывает типический характер своих героев и выражает свое идейное отношение к ним через изображение внешности героев: их фигуры, лица, одежды, движений, жестов и манер [ЛЭТП, 2001, с. 762].

Писатель с некоторым трепетом пишет портрет Олеси. И именно здесь значительное место занимает цветопись. Цветообозначение (далее в тексте – ЦО) – это любое слово или словосочетание, которое вызывает цветовые ассоциации и называется тот или иной оттенок цвета. ЦО являются неотъемлемым компонентом при создании образа.

Для описания портрета самой прекрасной девушки А. И. Куприн использует 23 ЦО, которые употребляются в тексте 30 раз: *белый, бледный, бледность, блестящий, блестеть, брюнетка, василькового цвета, вспыхнуть густым румянцем, вспыхнуть ярким румянцем, голубой, голубоватый, коричневый, краснеть, красный, осветиться, полосатый, почернеть, проясниться, румянец, сияющий, смугло-розовый, темный, чёрный*. Цветовая гамма её образа ярка и насыщена. Уже при первой встрече Ивана Тимофеевича и Олеси автор широко использует колоративную лексику при описании «оригинальной красоты» героини. Впервые главный герой встретил свою возлюбленную в 3 главе повести, когда заблудился в лесу во время охоты. Олеся же помогла найти обратную дорогу и очаровала его своей неповторимой, притягательной красотой:

«Моя незнакомка, высокая *брюнетка* лет около двадцати – двадцати пяти, держалась легко и стройно»;

«Её тонкие *чёрные* брови недовольно сдвинулись, а глаза с вопросом обратились на старуху»;

«Просторная *белая* рубаша свободно и красиво обвивала её молодую, здоровую грудь»;

«Прелесть его (лица) заключалась в этих больших, *блестящих, тёмных* глазах, которым тонкие, надломленные посредине брови придавали неуловимый оттенок лукавства, властности и наивности; в *смугло-розовом* тоне кожи, в своевольном изгибе губ, из которых нижняя, несколько более полная, выдавалась вперед с решительным и капризным видом».

И автор, и главный герой очарованы её красотой: «оригинальную красоту её лица, раз его увидев, нельзя было позабыть, но трудно было, даже привыкнув к нему, его описать». Писатель намерено избегает подробного описания внешности. Он акцентирует внимание на таких деталях портрета, которые придают образу Олеси исключительность: «*смугло-розовый* тон кожи», «*чёрные брови*», «*блестящие, тёмные* глаза» с оттенком лукавства, властности и наивности. Главный герой – Иван Тимофеевич – любит Олесю и подмечает её непохожесть, особенность, то, чего не было в местных «дивчатах»: девушку переполняет радость жизни, её движения быстры и легки, цветовая гамма её образа ярка и насыщена [Григорьева, 2014, с. 73].

Помимо коричневого, белого, чёрного и тёмного тонов, в создании портрета главной героини участвуют слова со значением красного цвета, которые употребляются в тексте 7 раз: *вспыхнуть густым румянцем, вспыхнуть ярким румянцем, краснеть, красный*.

«Но, увидев меня, она вдруг замолчала и *вспыхнула густым румянцем*»;

«Лицо Олеси вдруг *вспыхнуло ярким румянцем*»;

Цветовые выражения «*Вспыхнуть густым румянцем*», «*вспыхнуть ярким румянцем*» мы можем увидеть как при первой встрече главных героев, когда увидев Ивана Тимофеевича Олеся смутилась от неожиданности (она не привыкла видеть

посторонних людей у себя дома), так и впоследствии, когда их отношения все больше развивались, приобретая чудесную форму взаимной любви. Данные колоративы характеризуют Олесю как чуткого, искреннего человека.

«Что вы смотрите? – *покраснела* вдруг она, почувствовав мой взгляд с пониманием, свойственным некоторым женщинам»;

«Ну да, вроде моих, – продолжала она, машинально поправляя волосы и ещё больше *краснея*».

«*Покраснеть*», «*краснеть*» – эти цветообозначения встречаются в одном и том же эпизоде, когда Олеся гадала Ивана Тимофеевичу на картах. Она пророчила ему любовь девушки, похожей на неё, и от этого еще более смушалась. Здесь мы наблюдаем зарождение глубокого, трепетного чувства со стороны Олеси к Ивану Тимофеевичу.

«*Красная* юбка Олеси, слегка колеблемая ветром, еще виднелась на крыльце хаты, выделяясь ярким пятном на ослепительно-белом, ровном фоне снега»;

«Но Олеся уже накинула на голову *красный* кашемировый платок и вдруг, подбежав к бабушке, обняла её и звонко поцеловала».

Такие яркие – красные – элементы одежды Олеси, как *красная* юбка, *красный* кашемировый платок, отчетливо запоминаются главному герою. Они придают образу Олеси яркость, экстравагантность. Увидев её однажды, уже невозможно было забыть.

Красный цвет как бы накладывается на другие цвета и, подчиняя их себе, расширяет спектр оттенков. Так, в сферу красного цвета вовлекаются и розовые тона: появляются определения *смугло-розовый*, *багровый* и т.д. [Григорьева, 2014, с. 74]. Слова со значением красного цвета подчеркивают яркость образа Олеси, ее индивидуальность, а также душевные переживания, которые ясно видны на её лице: «*покраснела* вдруг она», «ещё больше *краснея*», увидев героя, девушка «*вспыхнула густым румянцем*». Красный цвет в данном случае выражает символическое значение сильной и жгучей любви. Заметим, что в народной символике традиционно «красный цвет означает страстное любовное чувство» [Золотницкий, 1994, с. 244]. Мастер цветописы, Куприн тонко нюансирует цветовые оттенки, чем достигает расширения цветового спектра и большей выразительности: *вспыхнуть густым румянцем*, *вспыхнуть ярким румянцем*.

Однако не только один красный цвет способен отразить душевные переживания девушки. Небольшая деталь, подмеченная героем, – пульсирующая *голубая* жилка на виске Олеси – даёт представление о нежности и трепетности отношений между влюблёнными:

«Несмотря на резкое разногласие в этом единственном пункте, мы всё сильнее и крепче привязывались друг к другу. О любви между нами не было сказано ещё ни слова, но быть вместе для нас уже сделалось потребностью, и часто в молчаливые минуты, когда наши взгляды нечаянно и одновременно встречались, я видел, как увлажнялись глаза Олеси и как билась тоненькая *голубая* жилка у неё на виске».

Таким образом, А. И. Куприн широко использует цветообозначения при создании образа полесской девушки Олеси. Он рисует портрет красивой, необычной, волшебной лесной «феи», в которую нельзя не влюбиться, при этом автор активно использует цветолексемы *коричневый*, *белый*, *темный*, *блестящий*, *черный*, *красный* и другие. Благодаря цветописы, автор не только описывал внешность главной героини, но и раскрывал её внутренне психологическое состояние.

Список литературы

1. Григорьева, Н. И. Цветовая палитра повести А. И. Куприна «Олеся» / Н. И. Григорьева // Педагогическое мастерство : материалы V Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2014 г.). – М. : Буки-Веди, 2014. – С. 71–74.
2. Золотницкий, Н. Ф. Цвета в легендах и преданиях / Н. Ф. Золотницкий. – Киев : Довира, 1994.

3. ЛЭТП – Литературная энциклопедия терминов и понятий / Рос. акад. наук, ИНИОН, [Федер. прогр. книгоизд. России]. – М. : Интелвак, 2001.
4. Смирнова, Л. А. Русская литература конца XIX – начала XX вв. : учеб. для студентов педагогических институтов и университетов / Л. А. Смирнова. – М. : Просвещение, 1993.

С. И. Загарина
(г. Пенза, Россия)

СТАРΟΣЛАВЯНИЗМЫ В РАННЕЙ И ПОЗДНЕЙ ЛИРИКЕ С. А. ЕСЕНИНА

Язык поэзии С. А. Есенина, основой которого является русская национальная почва, удивительно богат, ярок и образен, народно прост и вместе с тем поэтичен. Одной из особенностей лирики поэта является то, что на протяжении всего своего творчества он включает в стихотворения и поэмы лексический пласт, дошедший до нас из глубокой древности, – старославянизмы. Согласно «Поэтическому словарю А. П. Квятковского, «славянизмы – древнеславянские слова, встречающиеся в литературно-художественных произведениях, написанных современным языком, – *очи, уста, ланиты, персты* [Квятковский, 1966, с. 117].

В ранней и поздней лирике С. А. Есенина методом сплошной выборки было выявлено свыше 200 старославянизмов.

Все старославянизмы можно разделить на 3 группы: 1) фонетические, 2) морфологические, 3) семантические. Слова каждой группы имеют свои отличительные признаки.

Фонетические признаки старославянизмов:

– сочетания -ла-, -ле-, -ра-, -ре- на месте русских -оло-, -еле-, -оро-, -ере- в одной морфеме: *злато (золото), глава (голова), младость (молодость), шлем (шелом)* и др.;

– сочетания ла-, ра- в начале слов на месте русских ло-, ро-: *ладья (лодка), равный (ровно)*;

– сочетание -жд- на месте русского -ж-: *хождение (хожу)*;

– согласный -щ- на месте русского -ч-: *освещение (свеча)*;

– гласный е- в начале слова на месте русского о-: *елень (олень)*;

– звук -е- под ударением перед твёрдыми согласными на месте русского -ё- (о): *небо (нёбо)*.

Морфологические признаки – сохранение старославянизмами старославянских приставок, суффиксов и сложной основы:

– приставки воз-, из-, низ-, чрез-, пре-, пред-: *воспеть, изгнание, изгнать*;

– суффиксы -стви(е), -ени(е), -ани(е), -знь, -тв(а), -ч(ий), -ущ-, -ющ-, -ащ-, -ящ-: *пришествие, благоденствие, бедствие, моление, прошение (просьба), терзание, жизнь, битва, кормчий, ведущий, сведущий, тающий*;

– сложные основы с обычными для старославянизмов элементами бого-, благо-, добро-, зло-, сует-, чрево-, едино- и другие: *богобоязненный, благодать, благоденствие, добродетель, злоумышление, злонравие, суеверие, чревоугодие, единообразие*.

Семантические признаки старославянизмов:

– книжность, торжественность и приподнятость, присущие словам: *ланиты (щёки), перси (грудь), уста, персты, очи* и др.

– церковная лексика: *бог, апостол, пророк* и др.

Ранняя лирика Есенина испытывала на себе сильное влияние творчества Н. Клюева и С. Городецкого, поэтому многие стихи раннего периода 1915–1918 гг. отражают следы этого влияния. Именно в этот период в стихотворениях С. Есенина впервые встречаются славянизмы, служащие для передачи возвышенного, торжественного

настроения: «Струятся звездные *псалмы*... Не Помазуемый ли *Богом* стучит берестяной клюкой... Что в елях крылья *херувима*»; «Чую *радуницу Божью*.. Как во *царствие* небес... Я поверил от рождения в *Богородицын покров*»; «Жадно слушаешь ты *ектинью*, *помолись* перед *ликом Спасителя*, за погибшую душу мою»; «*Троицыно* утро, утренний *канон*, в роще по березкам белый перезвон... В *благовесте* ветра хмельная весна... Я пойду к *обедне* плакать на цветы...»; «По дороге идут *богомолки*... Из подворья с высокой келейки на платки их *монахи* глядят... *Богомолки* идут на канон».

Тематика данных стихотворений религиозная. Лексика возвышенная, направленная на передачу атмосферы тихой торжественности.

Рассмотрим любовную лирику С. А. Есенина, в которой старославянизмы используются с целью передать всю гамму любовных переживаний. Например, из стихотворения «Слёзы» (1911–1912): «*Безотрадная* грусть и печаль; снова мрак... и разбитые грезы...» или «Что прошло – не вернуть» (1911–1912): «Не вернуть мне ту ночь *прохладную*, не видать мне подруги своей...»

Поэт стремится усилить эмоциональное воздействие стихотворения на читателя, раскрыть всю гамму чувств, отражающих чистую и искреннюю любовь.

Тема родины в лирике Есенина занимает особое место. О Есенине принято говорить, что он крестьянин, крестьянский поэт. О родине он пишет с особой теплотой и трепетом. Например, «Отрекутся люди славить новый *лик*... где вздымает *длани*»; «И *радостью* звонкой. Лесов не оглашать. И не *избегнуть* бури, Не миновать утрат, Чтоб прозвенеть в лазури. Кольцом незримых *врат*...».

Старославянизмы обогащают русский литературный язык, делают его более выразительным, помогают воссоздать колорит исторической эпохи, являются средством создания определенного стиля. В ранней лирике Есенина мы выделили следующие функции старославянизмов:

- 1) создание приподнято-торжественного повествования;
- 2) эмоциональное воздействие на чувства читателя;
- 3) историческая стилизация, воссоздание колорита эпохи.

Есенин умело и осторожно использует старославянизмы как средство художественного изображения. Употребление их всегда к месту, всегда оправдано содержанием и теми стилистическими функциями, которые они выполняют в художественном произведении. В тех случаях, когда поэт говорит о высоких и важных материях, старославянизмы, овеянные ореолом давности, торжественности, величия, напоминающие о седой старине, оказываются незаменимым изобразительным материалом.

Список литературы

1. Винокур, Г. О. Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур. – М., 1958.
2. Галкина-Федорук, Е. М. О стиле поэзии Сергея Есенина / Е. М. Галкина-Федорук. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1965.
3. Гвоздев, А. Н. Очерки по стилистике русского языка / А. Н. Гвоздев. – 3-е изд. – М. : Просвещение, 1965.
4. Есенин, С. А. Собр. соч. : в 2 т. / С. А. Есенин. – М. : Советская Россия, 1991.
5. Квятковский, А. П. Поэтический словарь / А. П. Квятковский ; науч. ред. И. Роднянская. – М. : Сов. энцикл., 1966.

Е. О. Исаева
(г. Кузнецк, Россия)

ЯЗЫК ДУХОВНЫХ СТИХОВ ИЕРОМОНАХА РОМАНА (МАТЮШИНА)

Иеромонах Роман (Матюшин) – поэт, автор стихов и духовных песнопений, член союза писателей России. Он избрал для себя уединенную стезю и до сих пор подвизается в скиту Ветрово Псковской области, среди болот и лесов, куда добрать-

ся обычному человеку весьма сложно. Из своей глуши отец Роман всё же внимательно следит за событиями и духовными процессами в современном мире и откликается на них в своих стихах, порой очень ярких и эмоциональных.

Обратившись к изучению языка поэта-священнослужителя, мы ставим перед собой следующую цель – рассмотреть индивидуальные языковые особенности духовных стихов иеромонаха Романа. Нами проанализирован сборник его стихотворений «Чудный Свет : стихотворения / Иеромонах Роман (Матюшин)» (2014).

Стихи иеромонаха Романа поражают разнообразием: это и исторические баллады, и притчи, и психологические картины-зарисовки с натуры, и философские раздумья, облечённые в рифму, и гневная гражданская лирика, и символические обобщения, и очень личностные воспоминания-размышления.

В стихотворениях иеромонаха Романа слово Красота – одно из ключевых. Отец Роман это слово часто пишет с прописной буквы: так он поступает, когда подбирает слова, чтобы сказать о Самом Творце: *...Благословен, кто слышит тихий стук, / Благословен, кто видит и за внешним, / И, если не отринул Чистоту, / То прикоснется к Красоте нездеишной.*

Ключевыми являются также слова – Чистота, Истина: *А истина – не в суете, Не в многословьи-мельтешеньи – / В зверье, в растениях, в воде – / В том, что не носит искаженья, ... / Благослови полет листа, Свечение звезды дрожащей... / Вот жизнь, которая чиста, / Другой не знаю настоящей!*

В анализируемых стихотворениях можно выделить основные неизменные составляющие образа Руси, который возникает на страницах книг поэта-монаха. Это всегда антиномия: Русь поруганная, осквернённая обманом и Русь Святая, не уничтожимая никем и ничем. Атрибуты первого облика выражены нарочито разговорным, сниженным языком. Тут нередки такие слова, как *похабить*, *турнуть* и прочие. Святая Русь – это *белые церкви и родники, поля, дороги, соловьиные хоры и тишина пустынных мест*. Это страна подвижников, пророков и исповедников.

Адресатом поэта и лирического героя являются и друг, и собственная душа, и Господь, и Богородица: *Не напрасны слова, не напрасны твои упования, / Умиришь сам с собой и знамений впредь не ищи. / Поведет тебя Дух, поведет тебя Дух на страданья, / Он услышал молитвы твои, потому – не ропщи...*

Характерны для поздних стихов и постоянные прямые обращения к слушателю: *дорогие мои, брат, друг, люди!* Стихи у отца Романа, по преимуществу, не монологические, это – диалог. Например, *Человек! Твое предназначенье – / Блага Неба с малыми делить. / Не твори убийство развлеченьем, / Много ль чести пугалом ходить*. Это может быть и диалог с самим собой, со своей душой: *... Воды, взыдоша воды, / Мрак над моей главой... / Больно, душе? Да что ты! / Будто тебе впервой!*

Ядро духовных стихов иеромонаха Романа составляют исконно русские слова-термины (*обедня, отдание*), церковнославянизмы (*агнец, лик*), грецизмы (*трапеза, елей, осанна*), гебраизмы (*аллилуйя, аминь*), латинизмы (*алтарь*).

Для придания колоритности стихам поэт-монах использует орфоэпические правила церковнославянского языка. Это особенно наглядно представлено в терминологической лексике: *пОручи, полУнощь, Икос, пУстынь, Отпуст, Отрок, Алкать*.

В стихах не используется буквы ё. Поэтому при чтении стихов создаётся определённая мелодичность со звуком [э]. Например, *Также зимою студеной / Молча в молитве склонюсь / И пред иконой моленной / Тихо о ней помолюсь*.

В стихотворениях иеромонаха Романа встречаются формы двойственного числа и звательного падежа: *Верные сыны, ...; Кроме тебя, Сердцеведче ...; О Преблагая Царице!; О человече! Лучшие б не родиться ...; руцы твои ...*

Среди грамматических особенностей следует отметить употребление превосходной степени имён прилагательных, которая иногда образуется с помощью двойной префиксально-суффиксальной форманты: *преславнейшая*.

Иеромонах Роман прибегает к окказиональному словообразованию, используя существительные *хиротония*, *послушание* в качестве словообразующей базы для слов – *хиротонился*, *послушался*, хотя образование глагольных форм в общелитературном языке невозможно.

У автора духовных стихов ряд привычных слов имеют узкое значение: *правило*, *часы*, отличное от значений, зафиксированных современными толковыми словарями (*правило* «», *часы* «(греч. ὥρα) – христианские общественные богослужения, молитвословия, освящающие определённое время суток»). Развивают дополнительные переносные значения слова (*послушание*, *падение*), меняют коннотативное значение (*смирение*, *тварь*).

Многие лексемы выступают как синонимы к общелитературным словам (*елей* – *масло*, *преставиться* – *умереть*, *седмица* – *неделя*).

Отличительная черта языка духовных стихов иеромонаха Романа – лексическая синонимия. В текстах образуются синонимические ряды: *трапеза* – *агана*, *литургия* – *обедня*, *образ* – *икона*, *обитель* – *монастырь*, *преставление* – *успение*, *преставиться* – *почить* и др. Синонимы в этих рядах неоднородны. Некоторые из них являются грецизмами, а другие – славянизмами, образованными от разных основ. Таковы, например, синонимы *монах* – *инок*, *псаломщик* – *чтец* и т.д. Есть примеры полных лексических эквивалентов: *литургия* – *обедня* (последнее слово является обиходным, просторечным).

В лексике стихов встречаются собственно паронимы: *мирный* – *мирской*, *преставление* – *представление*, *ангел* – *аггел*, *потреба* – *потребность*, *таинство* – *тайна*, *остатки* – *останки*, *мир* – *миро* и т.д.

Духовные стихи выполняют катехитическую дополнительную функцию. На лексическом и фразеологическом уровнях присутствуют многочисленные и разнообразные свидетельства о вере: *На все воля Божия*; *Все святые молитв Бога о нас*. Н. Б. Мечковская называет это фидеистическим отношением к слову, выделяя вслед за Р. О. Якобсоном магическую функцию языка, которая реализуется в заговорах, проклятиях, клятвах, молитвах, пророчествах, эсхатологических видениях, словословиях и т.д. [Мечковская 1998].

Сегодня, когда обращение к общечеловеческим ценностям актуально, иеромонах Роман наиболее последовательно, как верующий человек и художник слова, сознающий меру ответственности за произнесённое, служит своей поэзией восстановлению духовной чистоты соотечественников.

Список литературы

1. Бугаева, И. В. Стилистические особенности и жанры религиозной сферы / И. В. Бугаева // Стилистика текста : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Е. В. Плисов. – Н. Новгород : НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2005. – С. 3–11.
2. Мечковская, Н. Б. Язык и религия : пособие для студентов гуманитарных вузов / Н. Б. Мечковская. – М. : Агентство «ФАИР», 1998. – 352 с.
3. Чудный Свет : стихотворения / Иеромонах Роман (Матюшин). – СПб. : ООО «Петроглиф», 2014. – 303 с.

К. А. Каткова
(г. Пенза, Россия)

ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. И. ДАЛЯ

Научная проблема, связанная с исследованием соотношения лингвистических взглядов писателей и их реализации в творчестве, весьма актуальна [Гурьянова, 1998, с. 131].

Особый интерес в этой области представляет деятельность известного лексикографа, писателя, исследователя народных говоров В. И. Даля. Он, как и большинство литераторов, отрицательно относился к использованию в русской речи «чужесловов», то есть слов, заимствованных из других языков. «Пришла пора подорожить народным языком и выработать из него язык образованный», – писал В. И. Даль [Даль, 2004, с. 7]. Поэтому представляется интересной попытка проанализировать его произведения и рассмотреть, как отражаются его теоретические взгляды в литературном творчестве, как часто он использует иноязычную лексику.

Свои взгляды на проблему заимствования в русском языке лексикограф изложил в статьях «Полтора слова о русском языке», «Напутное слово», «Искажение русского языка» и др. В этих работах он отстаивает самобытность русского языка, призывает беречь родную речь и пополнять её забытыми словами и оборотами.

В. И. Даль пытался разрешить эту проблему и в «Толковом словаре живого великорусского языка» [далее – «Толковый словарь»], в котором немало заимствований: только тех, которые сопровождаются указанием на язык-источник, – 1420, подавляющее же большинство иноязычных слов ссылок на язык-источник не имеет. В словарной статье рядом с иностранными словами он помещал ряд русских полных синонимов, надеясь ввести их таким образом в употребление: например, экзамен – испытание; секретарь – письмовод; филология – языковедение. В. И. Даль казался, что при возможности такого выбора отпадёт потребность в «чужесловах», ведь иноязычное слово будет легко заменено русским аналогом. Лексикограф считал: «От исключения из словаря чужих слов, их в обиходе, конечно, не убудет; а помещение их, с удачным переводом, могло бы иное пробудить чувство, вкус и любовь к чистоте языка» [Даль, 2004, с. 17].

Перу писателя принадлежит немало повестей, очерков, рассказов и др. Являясь представителем натуральной школы, он уделял особое внимание богатому, живому народному языку, что особо отмечали В. Г. Белинский, Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой и другие русские писатели.

Нами были проанализированы повести и рассказы писателя «Денщик», «Хмель, сон и явь», «Беглянка», «Жизнь человека, или Прогулка по Невскому проспекту», «Находка», «Чухонцы в Питере», «Бедовик», «Вакх Сидоров Чайкин, или Рассказ его о собственном своем житье-бытье, за первую половину жизни своей», «Капитанша», «Отставной», «Круговая беседа», «Петербургский дворник», «Похождения Христиана Христиановича Виольдамура и его Аршета».

Наряду с русскими по происхождению словами писатель использует и заимствованные. Всего нами было найдено их около 200. Их можно разделить на несколько лексических групп: 1) военные звания (генерал, фельдфебель, мичман); 2) названия одежды и её деталей (сюртук, шинель, шляпа); 3) слова из области медицины (офтальмолог, фельдшер, аптека); 4) предметы быта (чемодан, альбом); 5) профессия, род деятельности (лакей, бухгалтер, полицмейстер); 6) термины, связанные с военным делом (солдат, казарма, рапорт); 7) музыкальные термины (октава, увертюра); 8) названия музыкальных инструментов (арфа, фортепиано, кларнет); 9) слова из сферы учёбы и науки (ректор, академия, факультет, философия, риторика); 10) отвлеченные понятия (атмосфера, селитра, термометр); 11) вид транспорта (каreta, дилижанс, экипаж); 12) мебель (ширма) и др.

Крайне редко В. И. Даль в своих художественных произведениях заменяет иноязычное слово русским соответствием, несмотря на то, что в его «Толковом словаре» содержатся синонимы к этим «чужесловам». Крайне редко писатель использовал русские аналоги.

«Один дворник метет плитняк» («Петербургский дворник»).

В «Толковом словаре»: тротуар – настилка, мостовая для пешеходов, *плитняк*, пешая, ходовая, обочина.

«Лирову указали было место... рядом с воспитательницей, или так называемой гувернанткой» («Бедовик»).

В «Толковом словаре»: гувернантка – *воспитательница*.

«Нет, это был не фокус (хозяин приготовил еще много штук на сегодняшний вечер)» («Вакх Сидоров Чайкин, или Рассказ его о собственном своем житье-бытье, за первую половину жизни своей»).

В «Толковом словаре»: фокус – *штука*, морока, отвод глаз.

Именно в таких случаях теоретические взгляды В. И. Даля согласуются с их практической реализацией.

Чаще в литературных произведениях писатель использует иностранные слова: вместо рыдван, колымага – карета; вместо предписание, ярлык врача – рецепт; вместо месяцеслов – календарь; вместо испытание – экзамен; вместо свидетельство, вид – паспорт; вместо донесение – рапорт; вместо косточка– клавиша ; вместо байка, баутка – анекдот; вместо наплечник, наплечье – эполет; вместо позумент, газ – галуны; вместо бок, сторона, крыло – фланг; вместо рядович, служивый – солдат; вместо прислужник – лакей; вместо щит, застава, заслон – ширма; вместо дорожный баул, сундук, укладка – чемодан; вместо прибор, сручье, струмент – инструмент; вместо вельможедержавие, боярщина – аристократия; вместо штиблеты, камаши, паголенки – калоши; вместо любомудрие – философия; вместо мелочник, научник – педант; вместо тепломер – термометр и др.

Приведём несколько примеров из самих текстов:

«Григорий дышал свободно, пресыщаясь питательною густотою доморощенной атмосферы» («Петербургский дворник»).

В «Толковом словаре»: мироколица, колоземица;

«Иван Яковлевич ... вдруг опрометью побежал из зала в свой кабинет» («Вакх Сидоров Чайкин, или Рассказ его о собственном своем житье-бытье, за первую половину жизни своей»).

В «Толковом словаре»: рабочая, тайник, казенка;

«Христиан изложил ему однажды убедительно и красноречиво мысли свои о теории музыки и о постройке музыкальных орудий, пускаясь в нелепые суждения об акустике...» («Похождения Христиана Христиановича Виольдамура и его Аршета»).

В «Толковом словаре»: звукословие.

Почему же писатель, выступавший за ограничение иноязычных слов в русском языке, достаточно активно использует их в литературных произведениях?

Если обратиться к «Толковому словарю» В. И. Даля, то можно заметить, что не для всех заимствованных слов лексикограф находит русские аналоги, из двухсот исследуемых нами слов их имеют лишь около шестидесяти. Общеупотребительные заимствования, утратившие признаки нерусского происхождения, прочно вошедшие в словарный состав русского языка: билет (фр.), кастрюля (нем.), кровать (греч.), огурец (греч.) и др., используются в произведениях писателя свободно, без оговорок. В «Толковом словаре» В. И. Даль не помещает к ним русских эквивалентов, а приводит обычно группу уже появившихся родственных слов, образованных с помощью русских приставок и суффиксов, демонстрирует свободные и устойчивые словосочетания с ними. Эти заимствования в большинстве своем относятся к общепринятой бытовой лексике и толкуются с помощью родовых понятий. Сохраняет В. И. Даль заимствованные названия чинов, морских терминов, понятий из области медицины, культуры, искусства, юриспруденции, экономики и т.д.

Таким образом, анализ языка рассказов и повестей В. И. Даля позволяет нам сделать вывод о частичной реализации лингвистических взглядов писателя в его ху-

дожественных произведениях. Несмотря на активное внедрение устаревшей лексики, диалектов, пословиц и поговорок, он нарушает принцип употребления иностранных слов, предложенный им самим, так как достаточно редко использует их в своих художественных произведениях.

Список литературы

1. Гурьянова, Л. Б. Реализация лингвистических взглядов В. И. Даля в его творчестве / Л. Б. Гурьянова // Актуальные проблемы лингвистики в вузе и в школе : материалы Школы молодых лингвистов. – М. ; Пенза : Институт языкознания РАН : ПГПУ им. В. Г. Белинского : Пенз. ин-т повышения квалификации и переподготовки работников образования, 1998. – С. 131–132.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М., 2004. – Т. 1–4
3. Даль, В. И. Полное собрание сочинений в восьми томах / В. И. Даль. – М., 1995. – Т. 1–3.

И. С. Каюкова
(г. Пенза, Россия)

НЕСОБСТВЕННО ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. П. ЧЕХОВА

В современном русском языке прежде всего привлекает внимание изучение таких явлений, которые занимают переходное положение в синтаксисе. В число синтаксических построений, принадлежащих к зоне переходности на уровне классификаций предложений по цели высказывания, относятся так называемые несобственно вопросительные предложения, которые по их внешнему синтаксическому оформлению сходны с собственно вопросительными предложениями, а по семантике и функционированию тяготеют к повествовательным и побудительным.

Такого рода предложения по разным поводам уже были объектом описания и исследования в трудах целого ряда языковедов. Они также представлены в учебной литературе по синтаксису современного русского литературного языка. Но пока ещё не сложился единый подход к таким предложениям, что нашло отражение в употреблении различных терминов, используемых для обозначения названных предложений: и риторический вопрос (Бердник, 1982); и мнимовопрос (Марузо, 1960); и фиктивный вопрос (Морен, Тетережникова, 1960); и псевдовопрос (Попов, 1950); и лжевопрос (Шендельс, 1959). Большинство лингвистов не объединяют такие предложения как вопросительно-утвердительные, вопросительно-отрицательные, вопросительно-побудительные, вопросительно-риторические, в общую группу несобственно вопросительных предложений [Клюкова, 2001].

Специальный интерес к несобственно вопросительным предложениям начинает проявляться в 50-е г. в связи с расширением изучения проблемы деления предложений на коммуникативные типы и исследованием этих типов. В это же время ставится вопрос о том, что «резкая грань», положенная между предложениями при их классификациях, упрощает «реальную картину». В этот период делаются попытки очертить круг значений, которые могут выражать вопросительные предложения, а также учесть средства выражения этих значений. Такой подход представлен, например, в Грамматике русского языка, в работах Галкиной-Федорук Е. М., Гвоздева А. Н. и других исследователей. Наконец, появляются классификации вопросительных предложений, в которых находит свое отражение и противопоставленность собственно – несобственно вопросов [Шмелькова, 2001].

Несобственно вопросительные предложения представляют собой специфические синтаксические конструкции переходного характера, занимающие промежуточную позицию в зоне переходности в двух планах: с одной стороны, между соб-

ственно вопросительными и повествовательными, с другой стороны, между собственно вопросительными и побудительными конструкциями [Клокова, 2001].

Предметом нашего исследования являются несобственно вопросительные предложения в произведениях А. П. Чехова.

Среди несобственно вопросительных предложений вслед за Е. М. Галкиной-Федорук мы выделяем: вопросительно-риторические предложения, вопросительно-побудительные предложения, вопросительно-утвердительные предложения, вопросительно-отрицательные предложения.

Наиболее часто в произведениях Чехова встречаются вопросительно-риторические предложения 40. Предложения вопросительно-побудительного типа встречаются в количестве 10 единиц. Предложения вопросительно-утвердительные употребляются 7. Предложения вопросительно-отрицательные встречаются 8. В произведениях А. П. Чехова преобладают вопросительно-риторические предложения, потому что в тексте много диалогов и монологов. Среди риторических вопросов представлены ораторские, в которых ответ со стороны адресата речи не предвидится, но в известной степени предполагается. Этот ответ, логически вытекающий из содержания вопроса, вместе с автором даёт и читатель:

– А меня расстроило вчерашнее свидание с Олей, – сказала она. – Сначала мне было жутко, но теперь я ей завидую. Она – несокрушимая скала, её с места не сдвинешь; но неужели, Володя, у неё не было другого выхода? Неужели погребать себя заживо значит решать вопрос жизни? Ведь это смерть, а не жизнь («Володя большой и Володя маленький»).

Также в произведениях А. П. Чехова используются «авторские» вопросы, которые употребляются в целях диалогизации монологической речи, оживляя изложение и заостряя те или иные положения выражаемой мысли. Употребление авторских вопросов создает иллюзию непосредственного контакта, диалога автора с читателем [Калинина, 1986]:

Конец. Такова свадьба близкого будущего. А давно ли, читатель, невесты ходили в кринолинах, а женихи щеголяли в полосатых брюках и во фраках с искрой? Давно ли жених, прежде чем влюбиться в невесту, должен был переговорить с её папашей и мамашей? («Брак через 10–15 лет»)

В произведениях присутствуют вопросительно-побудительные предложения, но их гораздо меньше. Они выражают нерешительную просьбу. Вопросительно-побудительные предложения со значением просьбы отличаются особой деликатностью выражения просьбы, близкой к управлению:

– Душенька! – сказал одевшийся майор самым что ни на есть разъехидственным тоном вошедшей к нему хорошенькой двадцатилетней майорше, – не можешь ли ты уделить мне часок из твоего столь полезного для нас времени? («За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь»)

Вопросительно-побудительные предложения выражают и побуждение к совместному действию, которое также более непринуждённо по сравнению с побуждением, выраженным побудительным предложением:

Заметив, что он не спит, она спросила: – Не покушаете ли супчику?.. («Архиерей»)

Очень приятно! Садитесь, Митрий Фомич! Давно не видались, побей меня бог... Чаю не хотите ли? («В Париж!»)

– Да? По фигуре незаметно... Что, голубушка, не сделать ли нам перерыв? («В суде»)

– Табачку нешто нам понюхать? – говорит он, подставляя бабам свою табакерку («Ванька»).

Вопросительно-утвердительные риторические вопросы представляют собой предложения эмоционально-констатирующего характера. Выражают удивление:

– И как это у тебя, брат, ловко выходит! – сказал с завистью Смирнов. – И как ты всё это умеешь! («Говорить или молчать?»).

– Какое наше жалованье! За спасенье души ездим, мир послал... («Володя»).

«И как они могут говорить вслух об этом! – мучился он, всплескивая руками и с ужасом глядя на небо. – Говорят вслух, хладнокровно... И татап смеялась... татап! Боже мой, зачем ты дал мне такую мать? Зачем?» («Володя»).

До самого вечера шатался ссыльный по городу и искал квартиры. Дождь лил весь день, и не показывалось солнце. «Неужели эти звери могут жить без солнца? – думал он, меся ногами жидкий снег. – Веселы, довольны без солнца! Впрочем, у них свой вкус» («Вор»).

Вопросительно-отрицательные риторические вопросы содержат в себе скрытое модальное отрицание, негативную оценку происходящего (непринятие факта) или возражение на сказанное собеседником, несогласие с его мнением. Могут выражать экспрессивное отрицание:

– Чего я там не видела?! – тихо проговорила Анюта («Анюта»).

Душенька моя, надеюсь, что вы не от меня заболели?! («Актёрская гибель»)

– Стало быть, тебе денег не жалко? («Встреча»).

Таким образом, в произведениях А. П. Чехова использовано большое количество несобственно вопросительных предложений разных видов. Преобладают вопросительно-риторические предложения, потому что в произведениях много диалогов и монологов, большое количество размышлений, авторских отступлений. Среди риторических предложений представлены ораторские, авторские.

Также присутствуют вопросительно-побудительные предложения, выражают нерешительную просьбу, предложение.

Вопросительно-отрицательные и вопросительно-утвердительные предложения в произведениях А. П. Чехова используются меньше всего.

Список литературы

1. Калинина, А. А. Риторический вопрос среди различных типов предложений / А. А. Калинина // Русский язык в школе. – 1986. – № 4.
2. Клокова, О. В. Формальные и функционально-семантические особенности несобственно-вопросительных предложений в современном русском литературном языке / О. В. Клокова // disserCat: Научная библиотека диссертаций и авторефератов. – 2001. – URL: <http://www.dissercat.com/content/formalnye-i-funktsionalno-semanticheskie-osobennosti-nesobstvenno-voprositelnykh-predlozheni#ixzz3W4jPayN6>
3. Шмелькова, Н. А. Средства выражения предположения в русском языке (с ориентацией на изучение русского языка англоговорящими) / Н. А. Шмелькова // dslib.net: Библиотека диссертаций. – 2001. – URL: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/sredstva-vyrazhenija-predpolozhenija-v-russkom-jazyke.html>

И. А. Королёва
(г. Пенза, Россия)

ЭКЗОТИЗМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ч. АЙТМАТОВА)

В художественных текстах для передачи национальной речевой среды используют специфические языковые выразительные средства. Одним из таких средств выразительности в произведениях многих авторов является экзотическая лексика. Традиционно в научной литературе экзотизмы трактуются как разновидность заимствованной лексики, называющей культурные реалии другого народа.

Материалом для анализа слов-экзотизмов в художественной речи, используемых в данной статье, послужили произведения Чингиза Торекуловича Айтматова, выдающегося мастера слова. Интерес к языку его произведений вполне закономе-

рен. По словам исследователей его произведений, «Чингиз Айтматов живёт на всех языках и наречиях».

В произведениях этого писателя («И дольше века длится день...», «Плаха», «Белый пароход», «Ранние журавли», «Джамия») методом сплошной выборки было выявлено свыше 200 слов-экзотизмов.

Экзотическая лексика употребляется в текстах художественной литературы в нескольких функциях. В произведениях, рассказывающих о жизни других стран, других народов, экзотизмы выполняют номинативную функцию – называют понятия, которым нет эквивалентов в русском языке.

Например, в русском тексте романа «И дольше века длится день...» Ч. Айтматова (о киргизской действительности) читаем: «... счастлив тем, что дожил до благословенных дней, когда судьба ему в награду послала равного *акына*, певицу молодую Бегимай.» (*Акын* – народный поэт-импровизатор и певец у казахов, киргизов и некоторых других народов. [Словарь иностранных слов, 1980]).

Следовательно, экзотизмы используются в текстах для создания внешнего портрета героя.

В художественном произведении анализируемая языковая единица может выполнять и эстетическую функцию, т.е. служить для создания художественного образа – основной категорией художественного текста. Например, в повести «Ранние журавли» читаем: «Озаглавив свое письмо "*Ашыктык кат*", написал, что оно предназначено живущей в аиле прекрасной М., свет красоты которой может заменить свет лампы в доме.» (*Ашыктык кат* – любовное письмо).

Употребление и употребительность слов-экзотизмов зависят, как очевидно, от тематики и ситуации речи. По степени употребительности и сфере использования их можно разделить на лексико-тематические группы:

1. Названия животных и их объединений. Эту группу представляют следующие слова: *акджал, отара, архар, болтюрук, анабаша, гурт, мул* и др.

Например: «Знали бы сосунки, что не от хорошей жизни Акбара пошла в этот раз на охоту с Ташчайнаром – для волков наступили тяжкие предвесенние дни, когда вся живность отоцала, когда наиболее слабые дикие козы и *архары* (горные бараны) в окрестностях были уже выбиты, когда в ожидании приплода козы стада ушли в труднодоступные скалы, а домашние отары по этой же причине содержались теперь только в закрытых кошарах» [Айтматов, 2015, с. 557].

2. Названия растений: *саксаул, тамариск, чий, шалфей* и др.

Например: «Попискивали и шевелились в кустах *тамариска* (из лат.– род неприхотливых субтропич. деревьев и кустарников сем. тамарисковых) ранние птицы, деловито сновали ежи, цикады, что пропели не смолкая всю ночь, затурчали с новой силой, уже высовывались из нор и оглядывались по сторонам проснувшиеся сурки, пока еще не приступая к сбору корма – осыпавшихся семян *саксаула*» (из лат. – безлистное дерево пустыни) [Айтматов, 2015, с. 376].

3. Названия одежды: *ичиги, малахай, папаха, саван, тебетей, тюрбан* и др.

Например: «Ему было невыносимо больно видеть её страдания, больно за её жалкий вид – ведь ещё вчера она была цветущей, жизнерадостной женщиной, – больно за то, что она бежала не помня себя, за то, что помятое шёлковое платье, в которое её нарядили, разъехалось на груди, за то, что новые черные *ичиги* (из тюрк.– сафьяновые вышитые башмаки на мягкой подошве без каблуков) казались на ней траурными сапогами, а коса её была расплетена в знак траура» [Айтматов, 2015, с. 608].

4. Названия строений: *юрта, чайхана, шалаш, кошара* и др.

Например: «А то и промелькнет *юрта*» (из тюрк. – жилище у кочевых народов Азии) [Айтматов, 2015, с. 442].

5. Названия предметов быта: *курджун, кошма, пиала, чумбур, кирка, вьюк, тюк* и др.

Например: «Висит-то она висит, – ответил Бостон, протягивая жене опорожненную *палу*» (из перс. – сосуд для питья в виде круглой, расширяющейся кверху чашки без ручки) [Айтматов, 2015, с. 575].

6. Названия лиц по роду деятельности: *чабан, домотдухча, джалдама, бай, бозокер* и др.

Например: «И тогда я сделаю во сто раз больше и дам гораздо больше продукции сверх плана, нежели на обезличенной земле, где я работаю все равно как батрак-*джалдама* (арендатор), который следующей осенью перейдет неизвестно куда» [Айтматов, 2015, с. 589].

7. Слова, называющие социальные явления жизни: *пай, кошт, мектеб* и др.

Например: «Да я уж своего попробую, – отказался Авдий, – вот когда свой *пай* (из тур. – доля, часть) добуду, тогда другое дело» [Айтматов, 2015, с. 428].

8. Названия населённых пунктов: *аул, аил, джайлоо, кочевье, улус* и др.

Например: «Города, деревни и *аулы* (из тат. – деревня, селение, стойбище), станции, разъезды, случайные скотные двory и дома примыкали к железной дороге, как редкие мазки на необъятном степном холсте, лишь загрунтованном, но так и оставленном в незакрашенном сером однообразии» [Айтматов, 2015, с. 441].

9. Названия природных явлений: *бархан, буерак, такыр, шыкаша, буруны* и др.

Например: «Однажды уже выпадал снег, достаточно обильный для полупустыни, тот снег забелил ненадолго всю саванну, явившуюся самой себе в то утро белым безбрежным океаном с застывшими на бегу волнами, где есть где разгуляться ветру и перекаати-полю и где наконец установилась такая тишина, как в космосе, как в бесконечности, поскольку пески успели напитаться влаги, а увлажненные *тактыры* (из тюрк. – сухая, пустынная глинистая почва в трещинах) смягчились, утратив свою жесткость» [Айтматов 2015, с. 385].

10. Слова, связанные с религиозной культурой: *мазары, арбак, адат, арбак, аши, джаназа* и др.

Например: «А бывало, что Авдий Каллистратов, забывая на время о цели своей тайной поездки, рисовал в воображении, кем и в какие времена населялись эти края, вспоминал в связи с этим прочитанные книги, фильмы, которые ему доводилось видеть в школьные годы, и радовался тому, что встречались еще приметы и следы ушедшей жизни: стада бурых верблюдов, разбросанные по степи, как покинутые города, кладбища-*мазары* (из вост. –тюрк. – кладбище), небольшие аулы в несколько кибиток, а то и промелькнет юрта – одна-одинёшенька, насколько видит глаз, и страшно становилось за обитателей этого затерянного в мире ветхого жилища, проносились перед взором всадники то в одиночку, то группой, иные еще, как в былые времена, в островерхих шапках, на лошадях в старинной сбруе» [Айтматов, 2015, с. 442].

Исследование состава экзотизмов позволяет говорить о том, что самой многочисленной среди лексико-тематических групп является группа слов, называющая предметы быта.

Представленную экзотическую лексику можно разделить на две группы.

К первой принадлежит лексика, уже достаточно освоенная русским языком и зафиксированная толковыми словарями (*буерак, аул, саксаул, вьюк, тюк, шалфей*).

К другой группе принадлежит лексика, не зафиксированная словарями и неизвестная русскому читателю (*акджал, домотдухча, курджун, кошара, болтюрук, шыкаша, буруны, арбак, бичара* и др.). Значение таких слов выясняется из контекста или при помощи авторских пояснений.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что в художественных текстах Ч. Айтматова, передающих национальный колорит киргизского этноса, включение большого количества экзотизмов оправдано: экзотическая лексика служит одним из ключевых звеньев между читателями и автором, рисуящим ре-

алии своего народа; экзотизмы, входящие в состав разнообразных лексико-тематических групп, не утяжеляют повествование. Вводя их осторожно, с разбором, писатель достигает образности и вынятности изложения, что определяет национальную киргизскую интонацию.

Список литературы

1. Айтматов, Ч. Т. И дольше века длится день; Плаха / Ч. Т. Айтматов. – М. : Эксмо, 2015.
2. Айтматов, Ч. Т. Прощай, Гульсары! / Ч. Т. Айтматов. – М. : Эксмо, 2012.
3. Айтматов, Ч. Т. Ранние журавли / Ч. Т. Айтматов. – Фрунзе : Мектеп, 1984.
4. Крысин, Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. – М., 1968. – С. 66–70.
5. Словарь иностранных слов. – 7-е изд., перераб. – М., 1980.

М. М. Кривцова
(г. Пенза, Россия)

ЛЕКСИКА ЦВЕТА В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Михаил Афанасьевич Булгаков – один из крупнейших писателей 20-го века. Роман «Мастер и Маргарита» по праву считается его центральным, главным, самым выстраданным произведением [Рыжкова, 2006, с. 7].

Само построение произведения изначально настраивает нас на необычное прочтение: это не просто текст с сюжетом, скорее, это некая интеллектуальная игра, сыграть в которую нас приглашает автор [Вулис, 1991, с. 13]. Любой художник, в том числе и мастер слова, в своём произведении создаёт особенную неповторимую игру красок. Булгаковская палитра очень интересна и многогранна, а исследование цветовой лексики – ещё один ключ к разгадке тайны романа [Николаев, 2006, с. 24].

Цель настоящего исследования – представить общий цветовой «рисунок» романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

В ходе научного анализа нами было отобрано из текста романа 130 цветообозначений (776 употреблений), то есть средняя частотность цветообозначений (далее в тексте – ЦО) в романе $5,969 \approx 6$. Выявленные ЦО были распределены по лексико-семантическим группам (далее в тексте – ЛСГ). Мы выделили группы белого, чёрного, красного, серого, жёлтого, зелёного, коричневого, синего и оранжевого тонов. Кроме того, к отдельной группе мы отнесли слова, не вошедшие ни в одну из названных (слова типа «яркий», «разноцветный»). Следовательно, анализу подлежат 10 ЛСГ. Охарактеризуем каждую.

Начнём с неспектральных цветов – белого и чёрного, которые часто олицетворяют добро и зло, борьбу противоположностей. В романе преобладает группа чёрного тона.

ЛСГ *чёрного тона* содержит 22 ЦО (258 употреблений), следовательно, частота употребления ЦО в этой группе 11,7, что почти в два раза превышает среднюю частотность ЦО в романе. В неё мы включили такие ЦО, как «чёрный», «брюнет», «вороной», «черноглазый», «потемнение», «цвета воронова крыла» и др.

ЛСГ *белого тона* представлена 19 ЦО (161 употреблением), то есть частотность ЦО этого тона $8,47 \approx 8,5$, что также больше средней частотности, хотя и значительно меньше по сравнению с группой чёрного тона. К этой ЛСГ мы отнесли цветолексемы «белый», «светлобородый», «беленький», «блондин», «меловой», «молочно-белый», «седой», «белогрудый» и др.

В ЛСГ *серого тона* 9 ЦО (23 употребления), частотность в группе этого тона 2,5, что значительно меньше по сравнению со средней частотностью. К этой группе нами были отнесены лексемы «серый», «серенький», «тёмно-серый», «серебристый», «грязно-серый», «пепельный», «посереть», «платиновый» и «серебряный» в значении цвета.

23 ЦО, включённые нами в группу *красного тона* употребляются 79 раз. Группа стоит лишь на третьем месте по количеству употреблений, но очень разнообразна, поэтому частотность 3,4, что ниже средней частотности в романе. Сюда мы включили ЦО «красный», «червонный», «алый», «румяногубый», «кровоавый», «малиновый», «пунцовый», «огненный» и др. Отметим, что последнее цветоименование встречается в романе очень часто в значении «красный», например: «Ему померещилось, что черные волосы, теперь причесанные на пробор, покрылись *огненным* шёлком» [Здесь и далее цит. по: Булгаков 1994], «Так, на спинку стула наброшен был траурный плащ, подбитый *огненной* материей». Кроме значения «красный», ЦО *огненный* фигурирует в значениях «сотканый из огня» и «горячий», но эти значения мы в своей работе не рассматривали. Анализируя распределение ЦО по так называемым «ершалаимским» и «московским» главам, мы заметили интересную особенность употребления однокоренных слов «багровый» и «багряный». Первое употребляется и в тех и в других главах, хотя в два раза чаще в «московских», а вот слово «багряный» – только в «ершалаимских» и только для описания плащей прокуратора и командующего легионом легат: «в наброшенном на левое плечо *багряном* плаще», «белый плащ с *багряной* подбивкой возник в высоте», «разглядел фигурку в *багряной* военной хламиде», «в сухом *багряном* военном плаще».

Разнообразна группа *жёлтого тона*: 16 ЦО, 69 употреблений, частотность 4,3. Сюда входят такие ЦО, как: «желтизна», «золотистоволосый», «желтобрюхий», «тёмно-жёлтый», «жёлтенький», «позлащённый» и др.

Также довольно широко представлена ЛСГ *синего тона*: 13 ЦО (47 употреблений). Частотность – 3,6. Сюда отнесены ЦО «лиловый», «сиреневый», «синяк», «мертвенно-синеватый», «прозрачно-фиолетовый», «синеть», «серо-голубой» и др.

Неожиданно активной для данного произведения оказалась группа *зелёного тона*. Хотя здесь лишь 8 обозначений, они употребляются 50 раз, т.е. частотность 6,25 – выше средней. Сюда входят: «зелёный», «(за)зеленеть», «зелень», «огненно-зелёный», «зеленоватый», «зеленоспинный», «зеленохвостый», «зеленоглазый».

Достаточно широко представлена и группа *оранжевого тона*, в основном за счёт слова «рыжий» (в свите Воланда рыжими были Азazelло и Гелла, значительно реже этот цвет относится к другим персонажам, например, к Ивану Бездомному). Здесь 6 цветообозначений, на которые приходится 44 употребления, причём 33 раза употребляется слово «рыжий», частотность 7,3.

Группа *коричневого тона* по-своему уникальна. Каждое из ЦО, которые вошли в эту группу, встречается в романе только один раз, кроме «коричневый» (3 употребления). Итак, на 9 ЦО приходится 11 употреблений. Частотность 1,2.

Скажем несколько слов о группе, которая не связана с каким-то определённым тоном. В неё входят 3 слова: «яркий», «разноцветный», «цветной», которые в общей сложности употребляются 6 раз. Назовём её *группой смешанного цвета*.

Можно также сказать об «орнаменте» колоративного поля романа, хотя он также напрямую не указывает на цвет. Мы рассмотрели два орнамента, наиболее часто встречающихся в романе: «в клетку» и «в полоску» (или «клетка» и «полоска»). Слово «клетчатый» употребляется 22 раза в «московских» главах, больше оно относится к Коровьеву. Слова «полосатый» и «в полоску» в общей сложности употреблены 9 раз.

Итак, **самыми частотными**, т.е. обладающими частотностью более 6, оказались группы *чёрного* – 11,7, *белого* – 8,5, *оранжевого* – 7,3 и *зелёного тонов* – 6,2.

Самыми разнообразными по составу цветоименований являются группы *красного* – 23, *чёрного* – 22, *белого* – 19 и *жёлтого тонов* – 16. Если мы соотнесём наши результаты с темой произведения, то с полной уверенностью можем сделать вывод, что общий «цветовой рисунок» отражает тему произведения и является смыслообразующим при передаче содержания.

Список литературы

1. Вулис, А. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» / А. Вулис. – М., 1991.
2. Булгаков, М. Мастер и Маргарита / М. Булгаков. – М. : Академия, 1994.
3. Николаев, К. Тайнопись «Мастера и Маргариты». Между строк великого романа / К. Николаев. – М. : Вече, 2006.
4. Рыжкова, Т. В. Путь к Булгакову / Т. В. Рыжкова. – М. : Глагол, 2000.

В. В. Кузьмич
(г. Мозырь, Беларусь)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАРОДИЯ КАК КВАЗИТЕКСТ

Данная статья посвящена так называемым квазитекстам, которые, имея некоторые свойства обычных текстов, значительно отличаются от них по реализации многих текстовых категорий. В первую очередь, это относится к категориям смысловой цельности и связности. В статье рассматриваются дискурсивные аспекты литературных пародий (травестий).

В «обычных» текстах всегда наблюдается корреляция между темой и ремой. Однако существуют тексты, где такое соответствие весьма условно. Мы определили их как квазитексты. В таких текстах связь темы и ремы условна. В одних случаях – это следствие языковой игры, в других – денотатом текста выступает либо язык, либо идиостиль автора. К подобным текстам можно отнести центыны, детские считалки, палиндромы и тексты литературных пародий.

В специальной литературе как категории текста трактуются:

1. **Категория отдельности или замкнутости.** Она определяется границами начала и конца текста и реализуются в различных видах зачинов и концовок текста. Тексты литературных пародий направлены на портретную характеристику объекта пародии, его идиостиля, поэтому такой текст по определению не может быть отдельным. Автор пародии обязан выявить черты творческой манеры травестируемого писателя, для чего использует максимальное число его текстов. Это проявляется в различных аллюзиях и реминисценциях.

2. **Категория информативности** реализуется в формах содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информации, а также в формах информации о структуре, компонентах, ходе мысли и способах развёртывания содержания текста. Никакой **реальной** информации в текстах ЛП не содержится. Задача ЛП состоит в максимальном выявлении идиостиля пародируемого автора и в этом смысле текст ЛП выявляет содержательно-концептуальную информацию не о теме текста, а о пародируемом авторе, точнее, об особенностях его творческой манеры. Кроме того, ЛП выступает как средство языковой игры. Надо специально отметить, что такая филологическая игра доступна только для подготовленного реципиента.

3. **Категория интеграции** проявляется в формах подчинения одних частей другим и всех частей текста его теме и идее. Обычным приёмом пародистов является использование какого-либо одного текста автора, где выявляются наиболее яркие приметы идиостиля. Текст литературной пародии – это всегда интертекст, о чём свидетельствует его насыщенность аллюзиями, реминисценциями, прямыми и

трансформированными цитатами и вкраплениями. В качестве аллюзивных элементов могут использоваться: а) имена собственные персонажей литературных произведений, а также их авторов (пародируемых поэтов и писателей); другие литературные атропонимы, топонимы и т.д.; б) ключевые слова, дословные и трансформированные цитаты. В качестве особого аллюзивного элемента следует отметить эпиграф, который обычно служит для реализации критических цитат автора-пародиста; в) характерная внешняя форма стихотворения, особенности разбивки строк и т.п. Особенностью таких пародий является то, что читателю уже при первом визуальном контакте легко, при наличии определенных фоновых знаний установить пародируемый объект.

Наряду с вышеназванными, к элементам интертекста в литературной пародии могут быть отнесены ритмические и ассоциативно-образные особенности текстов пародируемых авторов. Для литературной пародии характерно перенесение и сосуществование в пределах одного текста нескольких перечисленных сигналов интертекста, чем усиливается его прецедентность. Чем выше насыщенность текста литературной пародии элементами прецедентного текста, тем выше вероятность узнавания читателем пародируемого объекта. Узнавание облегчается и при наличии в тексте пародии ключевых слов, характеризующих поэтическую лексику автора, на которого создается пародия. Возможность говорить о тексте литературной пародии как о интертексте связана с межтекстовой компетенцией реципиента-читателя, в объёме памяти которого хранятся следы ранее прочитанного, принципы различных жанров и модели возможных переосмыслений. Если узнавание «другого голоса» т.е. интертекстуальных включений не происходит, то текст пародии воспринимается читателем как текст-непародия, и понимание его невозможно. Двойственность интертекстуальных включений, т.е. принадлежность их к тексту литературной пародии и прецедентному тексту, позволяет автору пародии создать особую систему игровых отношений между текстом пародии и пародируемым оригиналом, т.к. понимание подобных включений основывается на сочетании их контекстов в обоих текстах.

4. Категория связности (когезии) реализуется во всех видах и формах связи: лексической, синтаксической, логической, композиционной и др. Когезия ЛП осуществляется с помощью интертекстуальных отсылок. Чем выше качество пародии, тем ближе автор приближается к объекту своего текста. Можно сказать, что пародист как бы «притворяется» самим автором. Это входит в условие языковой игры, где участниками выступают пародист, автор прецедентного текста и реципиент.

5. Категория коммуникативности проявляется в многочисленных способах и средствах ориентации на интересы коммуникантов-читателей или слушателей, в упреждении непонимания, неправильного хода мысли, вопросов, в поощрении опережения в ходе мысли, в создании эмоционального настроения и сотрудничества в процессе общения. В этом смысле тексты ЛП, как уже указывалось, выступают как средство языковой игры. От ЛП реципиенты не ожидают когнитивного содержания. Тексты ЛП создают эмоциональный настрой за счёт создания лингвистической рефлексии. В немалой степени реципиент получает эстетическое удовольствие от проникновения в филологический код автора травестии.

6. Категория цельности (целостности) в специальной литературе (Л. В. Сахарный) трактуется как функционально-коммуникативная соотнесенность текста с одним объектом, простым или сложным. Объект в тексте ЛП всегда мнимый, точнее, скрытый. Если текст пародии Леонида Филатова озаглавлен как «Муха-цокотуха», то там нет прямого соответствия с прецедентным текстом Корнея Чуковского. Автор-пародист реализует интертекстуальные аллюзии и реминисценции, связанные с конкретным автором, который вовсе не К. Чуковский, а Булат Окуджава, отсылая реципиента не только к дискурсу песен Б. Окуджавы, но и к текстам его романов «Путешествие дилетантов» и «Свидание с Бонопартом». При этом в любой качественной пародии представлены черты не одного произведения, а всего дискурса писателя.

7. **Прагматика текста** – это один из аспектов текста как знакового образования, фиксирующий отношения между текстом и субъектами текстовой деятельности (т.е. адресантом-автором и адресатом-читателем). Традиционно прагматика текста предполагала учет коммуникативных интересов читателя и соблюдение фундаментальных принципов речевого общения. Для текстов ЛП прагматика текста укладывается в механизм языковой игры. Содержание этой игры сводится к построению такого текста, который бы максимально полно выявлял черты идиостиля автора. В процессе коммуникации продуцент передаёт реципиенту некоторую информацию. В качестве предмета коммуникации может выступать **любое** событие, явление или продукт мыслительной деятельности человека (концепт или конструкт). Каждый текст (трагедийный текст не исключение) – это связующее звено между продуцентом и реципиентом текста. В современной психолингвистике используется понятие «Коммуникативная номинация». Под ней понимают единство актуальной внутренней номинации и текста. В составе КН выделяют КПН (коммуникативные подноминации). Это могут быть единицы всех уровней: от лексем до фонем. Особенно это актуально для трагедийных текстов. Ещё Ю. Тынянов указывал на «мелочность» пародии, поскольку пародическим средством, то есть КПН можно считать даже перемену одной буквы в тексте. Так, Тынянов приводит пример из пушкинской эпиграммы на Коченовского, когда знаком пародии явилась буква *иж*ица в слове *типография*. Каждая КПН в литературной пародии обладает коммуникативной релятивностью. Это означает, что отдельная КН всегда содержит указание на другую, более крупную КН. Например, ключевое слово в трагедийном тексте – это одновременно и отсылка к прецедентному тексту, создающая аллюзию с целым текстом. Как уже говорилось, в качестве КПН в текстах литературных пародий могут использоваться единицы любых уровней. Главное, чтобы они создавали эффект трагедийности.

Например, в пародии на А. Вознесенского в качестве КПН используются и фонемы в виде ассонансов и аллитераций, и морфемы, и ключевые для Вознесенского слова:

Я – Пётр Первый. / Я – сын Расей. Любитель пергал и лососей.

Я – город Вейцмар / Я – вернисаж. Я – веткой вербы к вам за корсаж!

Язык резонов, оревуар! Я – Лактионов, Я – Ренуар.

В Париж, в Тулузу! На ринг, на трек! Шаром в ту лузу. Тулуз – Лотрек.

(автор пародии Л. Филатов)

Для создания полноценных пародийных текстов пародисту необходимо владеть даром «стихового перевоплощения». Автор пародии должен в совершенстве владеть метрической структурой стиха пародируемого автора, понимать систему ассоциативно-образных связей его творчества, чтобы в тексте пародии выступать от его имени.

Признавая читателя и автора текста равноправными участниками культурной коммуникации, мы имеем право говорить об их общении, то есть, продуцировании текста пародистом и восприятии его читателем, как о коммуникативном акте. Любой коммуникативный акт, и акт культурной коммуникации в том числе, происходит в контексте коммуникативной ситуации – «в совокупности факторов, обуславливающих возможность и характер коммуникативного акта». По Л. В. Сахарному, в структуру коммуникативной ситуации входят: 1) говорящий (адресант); 2) слушающий (адресат); 3) предмет коммуникации – то, о чём говорится; 4) код (язык), с помощью которого создаётся и воспринимается текст; 5) текст, т.е. сигнал, где с помощью языка зафиксирована информация и условия, в которых и происходит общение.

Перечисленная совокупность слагаемых обязательна для того, чтобы коммуникация могла состояться.

Применительно к коммуникативной ситуации, которая имеет место при рождении и восприятии текста литературной пародии, эта схема выглядит следующим образом: адресант (пародист) передаёт некое сообщение читателю (реципиенту).

ту) в расчёте на то, что оно будет идентифицировано последним именно как текст-пародия. Для этого он использует своеобразный код: метафоры, сравнения, аллитерации и т.д., характерные для пародируемого автора. Используя подобный код, пародист говорит одновременно как от своего имени, так и от имени пародируемого автора. Таким образом, адресант в подобной ситуации культурной коммуникации – это одновременно и автор пародии, и пародируемый автор. Иначе идиостиль последнего остаётся читателем не признанным и текст интерпретируется им как текст-непародия. Адекватное понимание текста пародии читателем возможно лишь при разгадке им кода, то есть особенностей стиля пародируемого автора. Если же код не насыщен, то пародию следует отнести к неудачам пародиста. В качестве удачных пародий можно привести пародийные тексты Ю. Левитанского. Уже при чтении первых строк пародии:

Фiesta феерий! Фатальная зависть!

Долой Рафаэля!

Да здравствует заяц!

Читатель испытывает радость узнавания идиостиля А. Вознесенского: в тексте пародии нашли свои выражения такие особенности творческой манеры поэта, как эмоциональность, усиленная кличностью интонаций, экспрессия, создаваемая звуковыми аллитерациями и повторами (сочетание звука [ф] со свистящими вызывают ассоциацию со вспышками фейерверка). Подчёркивание данных особенностей можно признать удачным, так как они несомненно входят в языковой код А. Вознесенского.

Пародисты школы Ю. Левитанского придерживаются принципа построения трагедийного текста, который сформулировал известный пародист А. Архангельский: «Хорошо пародировать всего писателя, а не его очередное произведение». Авторы-пародисты (Ю. Левитанский, Л. Филатов, Б. Брайнин, В. Бахнов и др.) ставят перед собой цель показать портретную характеристику пародируемого автора, а не высмеять негативные черты его идиостиля. Это тоже разновидность критики, но критики позитивной, комплиментарной.

Так, в известной пародии на Б. Окуджаву «Муха-цокотуха» Л. Филатов использует ключевые для идентификации стиля автора слова-концепты *карамболь*, *Мушка*, *Питер (город)* и т.д.:

Ах. Бывают всякие в жизни карамболи

Дивные события, странные дела

На обычной улице, а не в чистом поле

Муха – представляете? – денежку нашла!

Что случилось с Мухой, резвой хохотушкой?

Муха – не поверите! – сделалась иной!

Не вульгарной Мухой, а пикантной Мушкой

Над прелестным ротиком Е. Карамзиной.

Ах, как это весело, ах, как это глупо

Ах, какое счастье, ах, какой кошмар

Возле – представляете – Англицкого клуба

Заприметил барышню доблестный Комар

Был он смел до одури и красив до жути

В звании поручика и в расцвете сил

И к тому же в юности был замечен в смуте:

Графа Аракчеева лично укусил.

*Ах, какой любовью встреча увенчалась
Ах, того не выразить кистью и пером
Муха – представляете – тут же обвенчалась
С ихним благородием, оным Комаром.*

*Праздновали во среду, накануне Пасхи.
Сколько было сказано спичей и остроум.
Целый вечер кушали рыбу по-гишпански
Целый вечер спорили, прав ли Дидерот.*

*Ах, какие раньше были пьянки –
Вист и философия, Нега и азарт!..
Было это в Питере. В доме на Фонтанке
В щёлке под обоями, много лет назад.*

В тексте пародии обнаруживаются многие приметы идиостиля Б. Окуджавы. В первую очередь, это ключевые слова текста: *представляете, счастье, кошмар, поручик, мушка, благородие* и т.д. Примером может служить название песни Б. Окуджавы «Ваше благородие, госпожа удача». Главным ключевым словом текста пародии можно считать слово «карамболь». В словарях даётся только прямое значение этого слова: «Удар шаром по другому шару в бильярде. Пародист использует это слово в поэтическом контексте в значении «нечто странное, таинственное». Отсюда, например, название телепередачи «Карамболь». Пародист от лица Б. Окуджавы актуализирует это значение в следующем контексте: *Ах, бывают всякие в жизни карамболи*, то есть странные, неожиданные события. Слово *Мушка* имеет два значения. Одно – деминутив от слова *муха*, второе значение связано с названием отличительного знака у женщин в 18 веке. Комический эффект возникает при столкновении этих двух значений в тексте пародии. Помимо этого возникает ещё и эффект узнавания идиостиля Б. Окуджавы. Высший пилотаж в литературной пародии – это создание иллюзии, что сам пародируемый автор, если и не писал этот текст, то мог бы написать нечто подобное. Автор травестированного текста также попутно воссоздает языковую атмосферу XVIII в. В тексте пародии присутствуют концепты, относящиеся к определённому времени: *Англицкий клуб, Дидерот (Дидро), Дом на Фонтанке* и т.д. А. Блок говорил, что стихотворение – это покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. В этом смысле можно утверждать, что текст литературной пародии неизбежно должен включать в себя эти концептуально важные для пародируемого автора слова. В противном случае текст пародии останется не идентифицированным с соответствующим идиостилем. Более того, мы можем ничего не знать о пародируемом авторе, но по соответствующим опознавательным знакам в тексте литературной пародии мы легко выявим черты авторской манеры письма.

Обращает на себя внимание то, что Леонид Филатов вовсе не профессиональный литератор, а по преимуществу актёр и режиссер. То, что он сумел на таком уровне решить нелегкую задачу травестирования классического текста (и не одного), свидетельствует о возможности такого прочтения более-менее квалифицированным филологом.

Определение текста литературной пародии как квазитекста не несёт в себе негативного содержания. Это текст, в котором все текстовые категории представлены в перевернутом, травестированном виде, что служит средством филологической игры. Тексты ЛП представляют собой один из наиболее семиотически сложных видов текста, поскольку содержат в себе самые разные виды аллюзий и реминисценций.

Список литературы

1. Архангельский, А. Г. Пародии. Эпиграммы / А. Г. Архангельский. – М. : Худож. литература, 1988. – 349 с.
2. Вербицкая, М. В. Литературная пародия как объект филологического исследования / М. В. Вербицкая. – М. : Высш. шк., 1987. – 231 с.
3. Гальперин, И. Р. Грамматические категории текста / И. Р. Гальперин // Изв. АН СССР. Сер. ЛиЯ. – 1977. – № 6. – С. 47–58.
4. Новиков, В. И. Книга о пародии / В. И. Новиков. – М. : Советский писатель, 1989. – 538 с.
5. Сахарный, Л. В. Введение в психолингвистику / Л. В. Сахарный. – Л. : ЛГУ, 1989. – 179 с.
6. Филатов, Л. А. Стихи. Песни. Пародии. Сказки. Пьесы. Киноповести / Л. А. Филатов. – М. : У-Фактория, 1999. – 256 с.

Т. М. Лянцевиц
(г. Брест, Беларусь)

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ОБРАЗНО-СМЫСЛОВОЙ ФОКУС ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА СТИХОТВОРЕНИЙ Б. ПАСТЕРНАКА)

Линейный ход времени неизбежно приводит к тому, что каждое последующее поколение всё больше отдаляется от великих событий прошлого. И единственная возможность наших современников прочувствовать атмосферу ушедших времён зачастую связана с постижением именно произведений искусства – художественных фильмов, творений живописи и литературы – на определённую историческую тему.

Тема войны стала знаковой в литературе XX века. Творчество периода Великой Отечественной войны таких писателей и поэтов, как Александр Твардовский, Ольга Берггольц, Юлия Друнина, Анна Ахматова, Константин Симонов, Алексей Сурков, Илья Сельвинский, Александр Межиров, Борис Слуцкий, Николай Майоров, Семён Гудзенко, Муса Джалиль, Булат Окуджава, Юрий Левитанский и многих других свидетелей и достойных участников страшных испытаний своей эпохи, опровергло знаменитое древнеримское изречение: «Когда гремит оружие, музы молчат». Ведь именно поэтическое слово в песнях, стихотворениях и поэмах военных лет выражало в себе «глубокий и истинный смысл Великой войны – смысл, который не раскрывался во всей его глубине в газетах, листовках и радиопублицистике (доходившей тогда до большинства людей) и, более того, не раскрыт понастоящему в позднейшей историографии войны» [Кожин, 2006, с. 180]. В полной мере это относится и к поэзии Бориса Леонидовича Пастернака.

Все трагические повороты в истории России XX в. – революции, войны, периоды репрессий – вошли и в жизнь поэта и нашли отражение в его творчестве. Стихотворения «Страшная сказка», «Бобыль», «Старый парк», «Зима приближается», «Смерть сапера», «Неоглядность», «В низовьях», «Ожившая фреска», «Победитель», «Весна», включенные в цикл «Стихи о войне» из поэтической книги «На ранних поездках», – далеко не весь перечень произведений Бориса Пастернака, в которых через лексико-грамматический строй художественного текста передаётся как разрушающее, так и возвышающее воздействие переломных моментов истории на личность, на судьбу человека.

Так, в стихотворении «Ледоход», написанном автором в ещё 1916 г. и имеющем остросоциальную тематику, вместившую ужасы первой мировой войны, революционные катаклизмы, тяжёлое эмоциональное состояние лирического героя передаётся через дисгармоничное состояние природы. Стихотворение представляет собой гомогенный контекст, совпадающий по объёму с лексико-функционально-

семантическим полем (ЛФСП)¹ «зловещее состояние природы во время ледохода», а ЛФСП, передающее внутреннее смятение человека в сложившейся исторической обстановке, представлено имплицитно: *И ни души* – словно в этом мире жестокости нет места человеческой жизни, которая уничтожается войной. Название стихотворения, являясь смысловой доминантой поэтического текста, приобретает новый смысловой объем – воспринимается как концептуальный метатроп: негативные социальные перемены – это изломанные человеческие судьбы, а нагнетание глагольных форм отражает динамику природных процессов. Стихотворение организовано в настоящем актуальном (*он* [грунт – Т. Л.] **чернеет, давится, тащит, шлепает, рвет, гремит**) посредством приоритетных форм презенса, осложненных семой ‘резкие, грубые действия, несущие разрушение’. Аспектуально-таксисные значения настоящего времени ‘действия непредельные, длительные, последовательные’ и глагол с перфектным значением категоричного результата действия (*заря впилась*) рисуют картину противоречивой и жестокой действительности. А детерминант в сочетании с глагольным предикатом, выражающим значение ‘отрицание потенциального действия’, подчеркивает невозможность скорых положительных перемен и в природе, и в обществе: *Еще о взоходах молодых / Весенний грунт мечтать не смеет*. Социальное звучание стихотворения усиливают авторские метафоры, олицетворения и сравнения, посредством которых устанавливаются отношения тождества между миром природы и миром человека. Создается пейоративно окрашенное ассоциативное поле «жестокость, разрушение, разложение, смерть»: *Заря, как клещ, впилась в залив / И с мясом только вырвешь вечер / Из топи...; Как плотолюбив / Простор на севере зловещем...; Он солнцем давится взаглот; Он шлепает ее об лед / И рвет, как розовую семгу; Гремит плавучих льдин резня и поножовщина обломков*.

Таким же живым свидетелем и соучастником страшных трагических событий военной поры сороковых годов является природа и в стихотворениях цикла «Стихи о войне»: *От боли каждый, как ужаленный, / За ними устремлялся в гнев / Через горящие развалины / И падающие деревья. // Деревья падали, и в хворосте / Лесное пламя бесновалось. / От этой сумасшедшей скорости / Все в памяти перемешалось («Преследование»); Синело небо. Было тихо. / Трещали на лугу кузнечики. / Нагнувшись, низкою гречихой / К деревне двигались разведчики. // Деревня вражеским вертепом / Царила надо всей равниною. / Луга желтели курослепом, / Ромашками и пастью львиною. // Вдали был сад, деревьев купы, / Толпились немцы белобрысые, / И под окном стояли группой / Вкруг стойки с канцелярской крысой («Разведчики»)*. Резкая смена и чередование денотативных планов в этих поэтических текстах способствует выражению смысла «война есть нарушение естественного хода и жизни природы, неотъемлемой частью или «пятой стихией» которой является человек.

Необходимо отметить, что для Б. Пастернака всегда было свойственно необычное восприятие даже самых страшных событий эпохи. Одной из главных особенностей его поэтики и мировоззрения была «любовь к катастрофе, подспудная тяга к ней, ибо во время катастрофы выходит на поверхность все подлинное и отмечается мнимое» [Быков, 2007, с. 155]. В системе ценностей поэта «катастрофа является извращением от лицемерия и лжи, возвращением к истине» [Быков, 2007, с. 518]. Именно такое «понимание катастрофы как тайного, подспудного фона жизни и благодарности за величие переживаемого, за обретаемую на переломе свободу – основа религиозности Пастернака» [Быков, 2007, с. 607]. Вера в будущее, основанная на мысли, что все ложное, так долго и настойчиво культивировавшееся в людях в советском обществе, уйдет, а настоящее, истинное, героическое начало в душе русского человека возродится и победит, отразилась в лексико-грамматической структуре стихотво-

¹ Лексико-функционально-семантическое поле – разновидность функционально-семантического поля, представляющая собой единство разноуровневых речевых средств, группирующихся вокруг определенного семантического центра и служащих для создания художественного образа.

рений, написанных в первые месяцы Великой Отечественной войны, через употребление форм будущего совершенного вида с модальностью уверенности: ...Он, как дед, энтузиаст, / Прадеда-славянофила / **Пересмотрит** и **издаст**. // Сам же он **напишет** пьесу, / Вдохновенную войной... («Старый парк»); **Все переменится** во-круг. / **Отстроится** столица. / Детей разбуженных испуг / **Вовеки не простится**. // **Не сможет** позабыться страх, / Изборождавший лица. / **Сторицей должен будет** враг / **За это поплатиться**. // **Запомнится** его обстрел. / **Сполна зачтется** время, / Когда он делал, что хотел, / Как Ирод в Вифлееме. // **Настанет** новый, лучший век. / **Исчезнут** очевидцы. / Мученья маленьких калек / **Не смогут позабыться** («Страшная сказка»); **Деревья окружают** блиндаж. / **Войдут** две женщины, робея, / **И спросят**, наш или не наш, / **Ловя ворчанье** из траншеи. // **Украдкой, ежась**, как в мороз, / **Вернутся** горожанки к дому / **И позабудут** бомбовоз / **При зареве с аэродрома**. // **Они увидят**, как патруль, / **Меж тем** как пламя кровель светит, / **Крестом трассирующих пуль** / **Ночную нечисть** в небе метит. // **И вдруг взорвется** небосвод, / **И, догорая над поселком**, / **Чающейся плашкой упадет** / **Налетчик**, шишбленный осколком («Застава»); **Безыменные герои** / **Осажденных городов**, / **Я вас в сердце сердца скрою**, / **Ваша доблесть выше слов** («Смелость»).

При этом и поэтические тексты Б. Пастернака, и публицистические статьи, написанные им в начале войны, были лишены казенной призывности и ложного ура-патриотизма: «Детство – сказка – Россия – природа. В этом едином ряду, где звенья легко переходят друг в друга, доминирует чувство непроизвольное, подсознательное, отличное от публицистического пафоса, акцентированного в идеологическом ключе» [Альфонсов, 1990, с. 253]. Искренний тон этих произведений, их «внешняя простота и даже наивность, примитивность» [Альфонсов, 1990, с. 254] создаются совмещением разностилевой лексики, употреблением элементов устной речи, разговорного языка как средств создания стилизованной народности: *Садясь, как куры на насест, / Зарей заглядывают тени / Под вечеряющий подъезд, / На кухню, в коридор и сени. <...> Они увидят, как патруль, / Меж тем как пламя кровель светит, / Крестом трассирующих пуль / Ночную нечисть в небе метит. // И вдруг взорвется небосвод, / И, догорая над поселком, / Чающейся плашкой упадет / Налетчик, шишбленный осколком («Застава»); Вы ложились на дороге / И у взрытой колеи / Спрашивали о подмоге / И не слышно ль, где свои. <...> Там в неистовстве наитья / Пела буря с двух сторон. / Ветер вам свистел в прикрытье: / Ты от пуль заморожен. // Вам казалось – все пустое! / Лучшие, выиграв, уйти, / Чем бесславно сгнить в застое / Или скиснуть взаперти («Смелость»); Когда нежданно в коноплянике / Показывались мы ватагой, / Их танки скатывались в панике / На дно размокшего оврага («Преследование»).* Для стихотворений Б. Пастернака военной поры характерна «стилевая двусоставность», когда «со стилизованными штампами соседствуют и взаимодействуют фрагменты и детали другого рода, взятые в нестандартном психологическом ключе» [Альфонсов, 1990, с. 255], а также совмещаются изображения крупных планов и тончайших художественных деталей: *Пошли садить из автоматов, // Уверенные и угрюмые. // Деревню пересуматошить / Трудов не стоило особенных. / Взвилась подстреленная лошадь, / Мелькнули мертвые в колдобинах. <...> Валили наземь басурмане, // Зеленоглазые и карие... («Разведчики»).*

Война, о которой Пастернак знал не понаслышке, так как сам не однажды рисковал жизнью, когда тушил зажигательные бомбы на крышах московских домов, рыл заградительные траншеи, в составе писательской бригады выезжал на фронт, предстает в его поэзии в мифопоэтическом аспекте, как извечная борьба добра и зла через библейские и народно-поэтические образы, через единение сказки и реальности, прошлого и настоящего перед лицом вечности. Так, например, в стихотворении «Старый парк» раненый солдат попадает в госпиталь, который был размещен в усадьбе, принадлежавшей когда-то его предкам. И в сознании лирического героя

вновь возникают картины детства, а прошлое соединяется с настоящим и будущим. Тема человека в истории и связи времен эксплицирована через серию антропонимов и лексем со значением «известный исторический и политический деятель», а также сочетанием глагольных форм прошедшего и будущего времени: *Парк преданьями состарен. Здесь стоял Наполеон. / И славянофил Самарин / Послужил и погребен. // Здесь потомок декабриста, / Правнук русских героинь, / Бил ворон из монтекристо / И одолевал латынь. // Если только хватит силы, / Он, как дед, энтузиаст, / Прадеда-славянофила / Пересмотрит и издаст. // Сам же он напишет пьесу, / Вдохновенную войной <...> Там он жизни небывалой / Невообразимый ход / Языком провинциала / В строй и ясность приведет.* А в стихотворении «Ожившая фреска» война представлена в метаисторическом аспекте. Авторское философско-религиозное восприятие исторических событий, основанное на идее торжества сил добра над силами зла, воплотилось в образах святого Георгия Победоносца и архистратига Михаила, а также в совмещении сразу нескольких временных и пространственных планов: прошлого – настоящего – будущего – вечности и земного – надземного: *Он мать сжимал рукой сыновней. / И от копья архистратига ли / По темной росписи часовни / В такие ямы черти прыгали. // И мальчик облакался в латы, / За мать в воображеньи ратуя, / И налетал на супостата / С такой же свастикой хвостатой. // А рядом в конном поединке / Сиял над змеем лик Георгия.<...> О, как он вспомнил те полянки / Теперь, когда своей погоней / Он топчет вражеские танки / С их грозной чешуей драконьею! // Он перешел земли границы, / И будущность, как ширь небесная, / Уже бушует, а не снится, / Приблизившаяся, чудесная.*

Мотив детства, как истока любви к родной земле, как воплощения чистоты, радости, материнской любви, всего светлого, поруганного и разрушенного войной, автор вводит через ЛФСП «сказка», эксплицированное лексемами с семой *сказка* (*страшная сказка* (сильная позиция одноименного стихотворения); *И вещи каждую минуту / Все сказочнее и неведомей / В зеленом зареве салюта* («Зарево»); *И русская судьба безбрежней, / Чем может грезиться во сне <...> И блеск ее морского флота, / И русских сказок закрома, / И гении ее полета, / И небо, и она сама* («Неоглядность»); *Свидетельства былых бомбежек / Казались сказочно знакомыми* («Ожившая фреска»); *Все дымкой сказочной подернется, / Подобно завиткам по стенам / В боярской золоченой горнице / И на Василии блаженном* («Весна»)), а также через образы испуганных детей, погибшей от рук фашистов девочки («Страшная сказка», «Преследование»), через обобщенный безличный сказочно-фольклорный образ врага, эксплицированный следующими текстовыми структурами: *Летели мы по рвам и рытвинам / За душегубами вдогонку; Везде встречали нас известия, / Как, все растапывая в мире, / Командовали эти бестии, / Насилуя и дебоширя; И мы всегда припоминали / Подобранную в поле девочку, / Которой тешились каналы* («Преследование»); *И мальчик облакался в латы, / За мать в воображеньи ратуя, / И налетал на супостата / С такой же свастикой хвостатой* («Ожившая фреска»); *Валили наземь басурмане, / Зеленоглазые и карие; Вдруг первый вызванный к допросу / Шагнул к ближайшему разбойнику; Он дал ногой в подвздошь вору / И, выхвативши автомат его, / Очистил залпами контору / От этого жулья проклятого* («Разведчики»).

Тема войны в творчестве любого поэта на уровне художественного текста воплощается посредством идиостилевых языковых средств. Но концептуальная основа произведений военной поры остается общей и непреходящей: *Жить и сгорать у всех в обычае, / Но жизнь тогда лишь обессмертишь, / Когда ей к свету и величию / Своею жертвой путь прочертишь* (Б. Пастернак). А умение анализировать и интерпретировать особое художественное пространство поэтического текста позволяет современному читателю постигать как мир личности автора, так и дух конкретной исторической эпохи.

Список литературы

1. Альфонсов, В. Н. Поэзия Бориса Пастернака / В. Н. Альфонсов. – Л., 1990.
2. Быков, Д. Л. Борис Пастернак / Д. Л. Быков. – М., 2007.
3. Кожин, В. В. Великая война России / В. В. Кожин. – М., 2006.

Л. А. Мещерякова
(г. Пенза, Россия)

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ Ч. ДИККЕНСА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. И. КУПРИНА

Рецепция Чарльза Диккенса (1812–1870) в России достаточно хорошо исследована, но творческая параллель Куприн – Диккенс по-прежнему нуждается в осмыслении. Главным основанием для сближения писателей являются, прежде всего, собственные признания А. И. Куприна в любви к английской литературе, в особенности к Диккенсу. В интервью 1909 г. корреспонденту житомирской газеты Куприн признался: «...английская литература имела на меня всегда большое влияние». Известно, что Куприн мечтал посетить Англию, где, по его мнению, продолжают жить герои Диккенса («Петербургская газета», 1910, 19 июня). Имя Диккенса упоминалось и в художественных произведениях Куприна, например, в повести «Яма»: «Чтение для них обоих было лакомством <...> ей нравился Диккенс, и она очень легко схватывала его светлый юмор, но бытовые английские черты были ей чужды и непонятны». Куприн неизменно подчеркивал яркую индивидуальность Диккенса, который «сразу бросается в глаза своей вечной прелестью...» («Дюма-отец»).

Параллель Куприн – Диккенс не исчерпывается прямыми упоминаниями английского писателя или его героев. Можно также говорить об определённых «влияниях» (тем более, что писатель сам в них признавался), заимствованиях, идейно-тематических и стилистических переключках. Тематическая близость может быть выявлена в интересе обоих писателей к быту, теме «маленького человека», рождественскому рассказу, исторической, цирковой тематике, детективными сюжетами, сказочному повествованию, детской литературе.

Как Диккенс, так и Куприн пришли в большую литературу из журналистики, что и стало главным основанием в том числе для языковых и стилистических переключек. В киевский период жизни Куприн активно сотрудничал с газетами «Одесские новости», «Киевское слово», «Донская речь» и др., относясь к репортерской работе как разновидности литературной деятельности. Повышенный интерес обоих писателей к быту, характерам, внимание к деталям, выписанным с документальной, репортёрской точностью, имеют во многом именно репортерскую природу. Сближает писателей и интерес к возможностям жанра очерка для реалистического изображения действительности. Многие достижения Диккенса-очеркиста (описание Лондона в «Очерках Боза») обнаружат себя в очерках «городского типа» Куприна: «Киевских типах» (1896), «Лазурных берегах» (1913). В дальнейшем за Куприным надёжно закрепится статус «бытовика», «репортера жизни» [Афанасьев, 1972, с. 158].

Именно на материалах бытописательного очерка построен роман Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба», который станет любимым произведением Куприна. Этот роман Диккенса выявляет в том числе сходную со многими купринскими произведениями природу комического. Известно, сколь высоко Куприн ценил юмор, «светлый смех» диккенсовских произведений. В очерке «Умер смех» Куприн с горечью говорит о том, что его современники «осуждены переходить от двухсложного анекдота к бешеной сатире. Но истинный, здоровый и беззлобный смех умер в трескотне и пыли города». Говоря о Марке Твене, «настоящем потомке

англосаксонской расы», многое наследовавшем у Диккенса, Куприн вскрывает секреты комического, которое одухотворено у него «точным, здоровым и прилежным наблюдением жизни, мужественным сердцем, спокойной любовью к родине... широкой всечеловечностью, свободным пониманием прелести шутки... легким преувеличением в сторону лирического и трогательного», а в основе всего – «неистошшая любовь к человеку» («Умер смех»).

Диккенсовские «уэллеризмы», остроты, каламбуры, анекдоты вызывали неизменный восторг у Куприна. Многие приемы будут использованы им и в собственном творчестве. Из публицистического опыта пришло понимание возможностей сжатого, ёмкого, лаконичного синтаксиса, ориентированного на массовость, демократичность, доступность. В числе основных стилистических средств, проходящих через всё творчество Диккенса и способствовавших созданию прежде всего комического эффекта, Т. Сильман называет перечисления, повторы и синтаксический параллелизм. «...перечисление чаще всего выступает в качестве носителя юмористической интонации благодаря зримой конкретности, «детскости» перечисляемых предметов, действий, событий» [Сильман, 1970, с. 363]. В сатирических рассказах Куприна этому приему отведено также одно из первых мест: «А оттуда, сверху, из Петербурга, с каждой почтой шли предписания, проекты, административные изобретения, маниловские химеры, ноздревские планы» («Тень Наполеона»).

Юмористическое перечисление у писателей нередко сочетается с синтаксическим параллелизмом, что увеличивает выразительность повествования: «Я – сатрап, я – диктатор, я – конквистадор, я – гроза правосудия» («Тень Наполеона»). Куприн также мастерски использовал лексические повторы: «Ну, конечно, учитывалась и возможность быть разорванным бомбой террористов... Но бомбы мы уже давно привыкли учитывать, как бытовое явление» («Тень Наполеона»). Роднит с Диккенсом и умение достигать юмористического эффекта через употребление групп простых (в том числе назывных) предложений, «передающих ряд последовательных, быстро сменяющих друг друга действий» [Сильман, 1970, с. 365], например: «житейский лист его был очень ординарен. Гвардейская кавалерия. Долги. Армейская кавалерия. Карты. Таможенная стража. Скандал. Жандармский корпус. Провалялся на экзамене» («Тень Наполеона»).

В герое Куприна из рассказа «С улицы» узнаются некоторые черты Альфреда Джингля (роман Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба») с его «рубленой» речью и отсутствием надобности в собеседнике (но не в слушателе). Они оба относятся к типу «человека с улицы», «шатуна», «стрелка-афериста» (Куприн) с «необыкновенной жизнью» и «любопытной биографией» (Диккенс). Джингль переменил множество профессий, главная – бродячий актер, подсобная – шулер. И герой Куприна многое в жизни попробовал: был десятником при устройстве канализации, кочегаром, чертежником, коммивояжером, певчим, наборщиком в типографии и проч. Как и Джингль, «послужил также и в драматической труппе» в амплуа «простака и второй комик с пением». Но главным делом его жизни стала роль «стрелка», профессионального попрошайки. Героев роднит также речевая характеристика: поток сознания (у героя Куприна менее выраженный), мало поддающийся законам логики и почти не оформленный синтаксически. Ср.: «Надоело в одном городе – стрельнул на дорогу, иногда даже билет второго класса выудишь, уложил чемодан, – айда в другой, в третий, в столицу, в уезд, по помещикам, в Крым, на Волгу, на Кавказ» (Куприн) – «Моя карета – место заказано – наружное – можете заплатить за грог – нужно менять пять фунтов – серебро фальшивое – брамеджемские пуговицы – не таковский – не пройдет» (Диккенс). «Оба опускают сказуемые, повторяют восклицания, любят иностранные слова, пышные выражения, которые причудливо соединяются с вулгаризмами, прибегают к постоянным преувеличениям» [Лихачев, 1981, с. 183]. Данное высказывание касается Джингля и Амелиста («Зойкина

квартира» М. А. Булгакова), но герой Куприна вполне вписывается в их ряд. Он тоже любит щеголять французскими фразами («неглижировали», «е цетера, е цетера», «пассон», «вуз от тре земабль», «санфасонисто», «мерси бьен», «о резервуар»). И даже манера героя Куприна заносить что-то в записную книжечку отсылает читателя к эпизоду из романа Диккенса, в какой-то мере способствовавшему знакомству мистера Пиквика с Джинглем. К концу рассказа Куприна и романа Диккенса герои «возвышаются до трагичности и вызывают сочувствие» [Лихачев, 1981, с. 180] как других героев, так и читателей.

Куприна и Диккенса роднит исключительное внимание к подробностям, добросовестность в воспроизведении фактов, иногда почти протокольная точность описаний. «Иного писателя подобный метод мог бы привести к копанию в «мелочах жизни», к натурализму, но у Куприна детали группируются так, что образуется резкий контраст между мраком и светом...» [Волков, 1981, с. 4]. И в «Повести о двух городах» Диккенса «весь текст держится на противопоставлении: шаги контрастируют с покоем; структурно образующими символами являются кровь и смерть» [Гениева, 1990, с. 50].

Творческий метод писателей во многом родственен. Точнее всего Диккенс может быть назван писателем-реалистом с душой сентиментального романтика. Подобное стилевое смешение характерно и для Куприна. Овеяны сентиментальной элегичностью «Беглецы», «Фиалки» и многие другие произведения русского писателя. «Во многих произведениях Куприна отчетливо ощутимо присутствие идеального, романтического начала: оно и в его тяге к героическим сюжетам, и в его стремлении увидеть высшие проявления человеческого духа – в любви, творчестве, доброте...» [Афанасьев, 1972, с. 93]. Романтизм Куприна чаще всего находил своё выражение не в необычайно приподнятых над окружающей действительностью образах, а в общей атмосфере произведения, его основной тональности. Романтическая приподнятость некоторых произведений сочетается у него с пристальным вниманием к быту, окружающему героев. И в прозе зрелого Диккенса романтическое начало помогает рождению реалистических образов. Куприна роднит с Диккенсом общая эмоциональная настроенность: с одной стороны, юмористическое или сатирическое, нередко гротескно оформленное повествование, с другой, – элегическое, взволнованно-патетическое или лирическое отражение действительности.

Список литературы

1. Афанасьев, В. Н. А. И. Куприн : Критико-биографический очерк / В. Н. Афанасьев. – М., 1972.
2. Волков, А. А. Творчество А. И. Куприна / А. А. Волков. – М., 1981.
3. Гениева, Е. Ю. Великая тайна / Е. Ю. Гениева // Тайна Чарльза Диккенса: Библиографические разыскания. – М., 1990.
4. Лихачев, Д. С. Литературный «дед» Остапа Бендера / Д. С. Лихачев // Литература – реальность – литература. – Л., 1981.
5. Сильман, Т. Диккенс. Очерки творчества / Т. Сильман. – Л., 1970.

И. В. Сараева
(г. Пенза, Россия)

АНТРОПОНИМЫ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОГО ОТНОШЕНИЯ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ»

Имена литературных персонажей в художественных произведениях выступают одним из главных лексических средств выражения индивидуально-авторского начала, так как в процессе их создания и отбора прослеживаются особенности стиля

писателя. Литературные антропонимы являются «элементом формы художественного произведения, слагаемым индивидуального стиля писателя, одним из средств, создающих художественный образ» [Горбаневский, 1988, с. 4]. Так, антропонимическая лексика в романе «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского является важнейшим способом познания системы подтекстовых связей, установленных самим автором. Подробное рассмотрение системы имён собственных в романе позволяет глубже понять идейный замысел произведения, а также специфику языкового пространства Ф. М. Достоевского.

Немаловажную роль играет этимология имён собственных в художественном произведении, так как нередко их значения помогают раскрыть характеры героев, их внутренний мир, понять их поступки, идею произведения и авторский замысел.

В романе «Братья Карамазовы» употребляется 186 антропонимов. Из них 7 называют основных действующих лиц, 61 – второстепенных и 118 – внесюжетных персонажей.

Мы рассмотрим 4 антропонима, называющих основных действующих лиц романа: Фёдор Павлович Карамазов, Дмитрий Фёдорович Карамазов, Иван Фёдорович Карамазов, Алексей Фёдорович Карамазов.

Фамилию «Карамазов», которая в тексте встречается 197 раз, для четырёх своих центральных героев Ф. М. Достоевский выбрал неслучайно. С момента публикации произведения до сегодняшнего дня исследователи творчества Ф. М. Достоевского не пришли к единому толкованию этой фамилии. Однако выбор её, как и остальных антропонимов, в романе является художественно обоснованным.

В «Словаре современных русских фамилий» Ганжиной И. М. находим: «*Карамазов* – фамилия, происходящая от диалектного слова «карамазый» – смуглый, черномазый, чёрный. Прослеживается связь с тюркским словом «кара» – «чёрный». Так, формально фамилия Карамазов образована при помощи сложения двух корневых морфем: -кара- (тюрк. «чёрный») и -маз- (от глаг. «мазать»). Также существует версия образования данного антропонима от фамилии «Богомазов», несущей противоположное значение, путём замены корня -Бог- на антонимичный ему в метафорическом значении корень -кара-: «*Тут «земляная карамазовская сила», как отец Паусий намедни выразился, – земляная и неистовая, необделанная... Даже носится ли Дух Божий вверху этой силы – и того не знаю. Знаю только, что и сам я **Карамазов**...*» [Кн. 3, I, 135]. Таким образом, семантический анализ фамилии «Карамазов» в контексте романа показывает замысел автора при выборе данной фамилии для своих главных героев: если богомаз – помазанник Божий, то карамаз не что иное, как «чёрный помазанник», метафорически – «прислужник дьявола».

Имена персонажей романа «Братья Карамазовы» выполняют номинативную функцию, так как они называют героя, отражая окружающий его мир и характеризуя носителя имени.

Первая глава романа открывается названием «Фёдор Павлович Карамазов» – именем отца Дмитрия, Ивана и Алексея, одного из главных героев произведения. Антропоним «Фёдор Павлович» в романе употребляется 316 раз.

Имя Фёдор имеет греческое происхождение – «Божий дар», «дарованный Богом», «из греч. Θεόδωρος, где theos – бог и dōron – дар. В романе герой отстраняется от призвания, изначально заложенного в его имени, – отцовский Божий дар любви. Примечательно, что при обращении к Фёдору Павловичу номинация «отец» отсутствует в своём прямом значении не только в речи второстепенных лиц, но и в речи его сыновей. Более того при описании старшего Карамазова чаще употребляются такие номинации, как «сладострастник» (употребляется 15 раз): «*Федор Павлович не взял в этот раз ни гроша, потому что генеральша рассердилась, ничего не дала и,*

сверх того, прокляла их обоих; но он и не рассчитывал на этот раз взять, а прельстился лишь замечательною красотой невинной девочки и, главное, ее невинным видом, поразившим его, **сладострастника** и доселе порочного любителя лишь грубой женской красоты» [Кн. 1, I, 6]; «шут» (употребляется 19 раз): «Федор Павлович, несмотря на свой чин приживальщика, все-таки один из смелейших и насмешливейших людей той, переходной ко всему лучшему, эпохи, тогда как он был только **злой шут**, и больше ничего» [Кн. 1, I, 2], а также слова, относящиеся к сниженной лексике: *мозгляк, беспутник, бессемейник, потаскун* и др. и слова с отрицательной коннотацией, составляющие 83 % от всех слов, напрямую характеризующих Ф. П. Карамазова.

Таким образом, гибель отца в романе закономерна: он духовно умирает тогда, когда отрекается от своего имени.

Одним из часто употребляемых в романе имён является имя «Иван», которое встречается 1028 раз. Его деминутивы «Ваня» и «Ванечка» в романе встречаются только 4 раза. Такие формы имени «Иван» употребляет отец Карамазов и Ракин: «Пусти его, **Ваня**, весело будет. Он тут как-нибудь в ногах полежит. Полежишь, фон Зон? Али на облучок его с кучером примостить?.. Прыгай на облучок, фон Зон!..» [Кн. 2, VIII, 54], «Видел бы это брат **Ванечка**, так как бы изумился! Кстати, братец твой Иван Федорович сегодня утром в Москву укатил, знаешь ты это?» [Кн. 7, II, 207]. Из контекста становится очевидной ироничность высказывания героев при обращении к Ивану Карамазову, их отношение к нему.

В романе Иван – горячий рационалист, образ которого является дальнейшим развитием в творчестве Достоевского героя-бунтаря, не принимающего сложившиеся в современном обществе нравственные устои. В произведении Иван Карамазов показан как глубоко мыслящий человек, пытающийся найти ответы на «вечные вопросы», поэтому в тексте романа мы всегда встречаем полное имя героя – «Иван». Так, книга, посвящённая описанию состояния среднего брата после гибели отца, названа полным именем героя – «Брат Иван Фёдорович», тогда как книги, посвящённые двум другим братьям, названы их деминутивами: «Алёша» и «Митя».

Раскол в сознании среднего брата является результатом постепенного отречения от сакрально заложенного в его имени смысла: «*Иван* с древнеевр. – «милость Божья», «дар Бога» или «Божья благодать». Форма библейского имени Иоанн». С начала романа в его душе идёт борьба между верой и неверием в Бога: «*Идея эта еще не решена в вашем сердце и мучает его*» [Кн. 2, VI, 41]; «*Если не может решиться в положительную, то никогда не решится и в отрицательную, сами знаете это свойство вашего сердца; и в этом вся мука его*» [Кн. 2, VI, 42]. Таким образом, антропонимы «Фёдор» и «Иван» теряют свой сакральный смысл, поскольку их герои – носители отрекаются от божественного призвания, заключенного в имени, делая выбор в пользу своей «карамазовской» фамилии.

Старший сын, Дмитрий Карамазов, на протяжении всего романа пытается преодолеть свою «страстную» природу и встать на сторону христианского «братского» пути. В романе полное имя старшего брата «Дмитрий» встречается 376 раз. Его деминутив «Митя» звучит 1063 раза. Также используется пренебрежительный вариант имени – «Митька», встречающийся 23 раза в основном в речи отца и показывающий его отношение к сыну: «*Ведь Митька-то на ней жениться хочет, жениться!*» [Кн. 3, IX, 87]. Дмитрий – от греч. Dēmētrios – «принадлежащий Деметре», «относящийся к Деметре», то есть «принадлежащий земле», так как согласно античной мифологии, Деметра – это богиня плодородия, покровительствующая земледельцам. Значение имени Дмитрий во многом объясняет «земляную карамазовскую силу» героя: «*Тут «земляная карамазовская сила», как отец Паисий намедни выразился, – земляная и неистовая, необделанная...*» [Кн. 3, I, 135].

Антропоним «Алексей» в романе встречается 184 раза, наиболее широко представлен его вариант «Алёша», который употребляется 1241 раз, что показывает отношение автора и других героев к этому персонажу.

Имя младшего Карамазова – Алексей (от греч. *alexō* – «защитник», «помощник», «оберегать», «предотвращать», в русской традиции – «человек Божий») ведёт героя к тем ситуациям, в которых он проявляет себя как защитник братства, отражает нападки на это связующее людей начало, как «человек Божий» видит в других, прежде всего, «образ Божий»: *«Без сомнения, он очень заботился про себя, в сердце своем, о том, чтобы как-нибудь все эти семейные несогласия кончились»* [Кн. 1, V, 17]; *«Он был юноша отчасти уже нашего последнего времени, то есть честный по природе своей, требующий правды, ищущий ее и верующий в нее, а уверовав, требующий немедленного участия в ней всею силой души своей, требующий скорого подвига, с неперенным желанием хотя бы всем пожертвовать для этого подвига, даже жизнью»* [Кн. 1, V, 13].

Таким образом, специфика антропонимии романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» заключается в довольно широкой ассоциативности имён и фамилий персонажей. Значимость имени литературного героя выражается в его метафорической сущности, составляющей мотив произведения. Антропонимы участвуют в создании образов героев, раскрытии его основных тем и идей. Они передают не только содержательно-фактическую, но и «внутритекстовую» информацию, способствуют раскрытию идейно-эстетического содержания текста и образа автора как категории подтекста.

Список литературы

1. Горбаневский, М. В. Ономастика в художественной литературе: Филологические этюды / М. В. Горбаневский. – М., 1988.
2. Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский. – М. : АСТ, 2001.
3. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – М. : Русский язык, 1999. – 2 т.
4. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/fam.html>

В. В. Тараскина
(г. Москва, Россия)

ВВОДНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Вводными называются компоненты, которые не являются членами предложения, не связаны с ним сочинительной или подчинительной связью. Они не расширяют содержание сообщения, а лишь выражают отношение к нему говорящего, то есть имеют значение субъективной модальности, дают общую оценку сообщения, а также указывают на его источник.

В рамках общего значения вводных компонентов – отношение говорящего к сообщаемому – разграничиваются более частные значения, выражаемые определёнными группами слов, словосочетаний, предложений. Функционально-семантический круг вводных конструкций в романе «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова достаточно широк и включает почти все возможные значения вводных единиц.

Основная часть вводных конструкций сосредоточена в «московских» главах романа. В них модальные единицы с семантикой оценки достоверности в большинстве употреблений используются в речи автора. В «ершалаимских» же главах наблюдаем преобладание названных единиц в речи героев:

И, в самом деле, – тут неизвестный повернулся к Берлиозу, – вообразите, что вы, например, начнете управлять, распоряжаться и другими и собою, вообще, так сказать, входить во вкус, и вдруг у вас... кхе... кхе... саркома легкого...

*– Сядьте-ка, – вдруг повелительно сказал Воланд. Маргарита изменилась в лице и села. – **Может быть**, что-нибудь хотите сказать на прощанье?*

– Я тоже знаю, что она ещё будет, – ответил Пилат, – своими словами ты меня не удивил. Ты, конечно, хочешь зарезать меня?

Меньшей продуктивностью характеризуются модальные единицы, указывающие на связь мыслей и последовательность их изложения. В «московских главах» М. А. Булгаков использует такие слова, как *например, наконец, итак, впрочем, таким образом* и другие. В «ершалаимских» главах, повествующих о событиях исторических, значительно меньше таких единиц. Особенностью их включения в булгаковский текст является преимущественное употребление в речи персонажей:

И, в самом деле, – тут неизвестный повернулся к Берлиозу, – вообразите, что вы, например, начнете управлять, распоряжаться и другими и собою, вообще, так сказать, входить во вкус, и вдруг у вас... кхе... кхе... саркома легкого...

Помолчали, потом Пилат задал вопрос по-гречески:

*– **Итак**, ты врач?*

Большим потенциалом в плане выражения эмоционального отношения к фактам и событиям, отражённым в тексте романа М. А. Булгакова, обладают модальные единицы *к счастью, к сожалению, к удивлению, к изумлению* и подобные. Они позволяют конкретизировать то чувство, то эмоциональное состояние, которое сопровождает факт, отражённый в тексте.

В тексте романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» мала доля модальных единиц, выражающих отношение к источнику сообщения, оценку стиля высказывания, а также языковых единиц, служащих для привлечения внимания к сообщаемому, так как они функционируют в основном в разговорном стиле и злоупотребление ими резко снижает культуру художественной речи.

– Помилуй, Григорий Данилович, – не веря своим глазам, проговорил Варенуха, – по-моему, ты зря деньги посылаешь.

Согласно закону, согласно обычаю, одного из этих двух преступников нужно будет отпустить на свободу в честь наступающего сегодня великого праздника пасхи.

Говоря о частеречной характеристике вводных компонентов, отметим, что наибольшее их количество выражено модальными словами, меньше всего в романе вводных слов, выраженных наречием.

Вводные компоненты, распространяющие субъективно-модальное значение на всё высказывание, локализуются чаще в середине предложения. Препозицию, а также интерпозицию занимают вводные структуры, соотносящиеся с каким-либо членом предложения. В исследованном тексте количество вводных предложений составляет 4,8 %.

Таким образом, модальные единицы в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» являются важным элементом стиля, так как передают абстрактные грамматические значения достоверности сообщения, возможности того или иного действия или развития событий, указывают на связь мыслей и последовательность их изложения, выражают эмоциональную оценку сообщаемого. Эти модальные значения по-разному функционируют в двух тесно взаимосвязанных пластах романа: «московском» и «ершалаимском», реальное и ирреальное в булгаковском произведении относительно, вымышленная действительность может приобретать фантастический характер, а невозможное воплощаться в реальность, приобретать конкретные воплощения.

НЕВЕРБАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПЕРСОНАЖА (ПО РОМАНУ М. А. ШОЛОХОВА «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА»)

Наряду со звуковой речью важнейшим средством успешной коммуникации являются невербальные проявления общения. Данный вопрос недостаточно разработан психологами и лингвистами. В процессе общения большое значение имеют специфические свойства и субъективные особенности коммуникантов, проявляющиеся через жесты, мимику, позы, другие проявления душевных переживаний.

Невербальные (неязыковые) средства, включенные в речевое сообщение и передающие вместе с вербальными средствами смысловую информацию, изучаются в специальном разделе языкознания – паралингвистике. Согласно словарю социологических терминов, в узком понимании паралингвистика – совокупность невербальных средств, участвующих в речевой коммуникации [Словарь, 2006, с. 156].

Лингвистические исследования в рамках изучения характеристики человека, включающие в себя аспекты портретирования в разных жанрах, важно проводить, акцентируя внимание на участии в нём невербальных элементов речи и поведения, которые принимаются как особенности характеристики объекта (психологические характеристики, культура, происхождение, интеллектуальная характеристика, потребности и другие особенности героя).

«Невербальный» («несловесный») язык объединяет не только движения тела человека и особенности звучания его голоса, но и другие явления: элементы окружающей среды, внешние «оформления» героя, гендерные особенности и др.

Итак, мы попробуем доказать актуальность использования автором невербальных средств языка на примере раскрытия характера героя романа М. А. Шолохова «Поднятая целина» деда Щукаря.

Известно, что персонаж этот комический. Итак, какие же виды невербальной информации использовал автор для придания комичности своему герою?

В первую очередь, стоит обратить внимание на голос – объект *паралингвистики*, предметом изучения которой является параязык, представляющий собой дополнительные языковые коды, передающие смысловую информацию. Особое внимание здесь стоит уделить скорости речи, тембру голоса, громкости, артикуляции, то есть ясному и четкому произношению слов, высоте голоса, а также неречевым звукам, исходящим из речевой и носовой полости. В тексте встречается довольно много примеров использования средств паралингвистики. Так, автор не единожды акцентирует внимание на сюсюканье, фырканье, бормотании деда:

– *Некогда было... некогда, потому и ушел-то... – забормотал дед Щукарь, боком отодвигаясь от Давыдова.* [Шолохов 1984, с. 29].

– *Такой чертан сседлает – не вырвешься, – бормотал дед Щукарь, опасливо косясь и на всякий случай держась поближе к плетню.* [Шолохов, 1984, с. 30].

– *Как в архирейском соборе! – сюсюкая от полноты чувства, благоговейно прошептал Щукарь.* [Шолохов 1984, с. 228].

Щукарь фыркнул, как рассерженный кот:

– *Попроворнее! Скажет тоже!* [Шолохов, 1984, с. 318].

Кроме того, в тексте встречаются *неречевые звуки*:

Дед Щукарь утробно икнул, облегченно, часто задышал, без труда сорвал банки. [Шолохов, 1984, с. 78].

Автор делает акцент на изменении тембра голоса:

– *Стррррра-даю! Жжжжжи-вотом!.. – в два приема с трудом выговорил дед Щукарь. И тотчас же тоненьким голосом заголосил, заскулил по-щенячьи. – С-сьми махотку!* [Шолохов, 1984, с. 78].

В необходимые моменты голос деда меняет свою громкость от шёпота до крика:

– *Куда вы?.. – испуганно зашептал дед Щукарь.* [Шолохов, 1984, с. 166].

Горловым голосом заорал ободрившийся дед Щукарь. [Шолохов, 1984, с. 37].

Далее остановимся на *кинесике*, то есть науке о языке тела и его частей, а проще говоря – науке о жестах, которые могут дублировать произносимую информацию, противоречить речевому высказыванию, замещать какую-либо фразу и др. В тексте множество примеров, указывающих на жестикуляцию и телодвижения Щукаря, но есть один пример, который объединил в себе целый ряд:

Кто мимо Щукаревой полуразваленной хатенки ходил в те дни, видел: торчит, бывало, дедов малахай на огороде, среди подсолнечных будыльев, торчит, не шелохнется; потом и сам дед Щукарь из подсолнухов вдруг окажется, заковыляет к хате, не глядя на проулок, на ходу поддерживая руками незастегнутые штаны. Измученной походкой, еле волоча ноги, дойдет до воротцев и вдруг, будто вспомнив что-то неотложное, повернется, дробной рысью ударится опять в подсолнухи. [Шолохов, 1984, с. 69].

Как мы видим из примера, благодаря невербальным языковым средствам усиливается комический эффект в создании образа героя.

Окулесика включает в себя различные виды взглядов, которые представляют собой коммуникативные функции глаз, а именно: когнитивная, т.е. передающая информацию, эмотивная, передающая эмоции, контролирующая, проверяющая восприятие сделанного или сказанного, регулятивная, выражающая реакцию на переданное сообщение. В изображении деда Щукаря чаще всего используется когнитивная, то есть передающая эмоции, функция:

– *Дай мне ливольверт, Макар!.. – вылунив глаза, горловым голосом заорал ободрившийся дед Щукарь.* [Шолохов, 1984, с. 37].

Автор с помощью средств *окулесики* изображает целую гамму эмоций и чувств своего героя. Так, глаза Щукаря выдают страх:

Они уже почти дошли до правления, когда Щукарь, испуганно вытаращив глаза, схватил Макара за рукав гимнастерки:

– *Макарушка, могут зарезать!* [Шолохов, 1984, с. 225].

Сощурившиеся глаза деда Щукаря могут выражать подозрительность, задумчивость, ехидство:

Дед Щукарь ехидно сощурил глаз:

– *Будто ты сам не знаешь?* [Шолохов, 1984, с. 357].

Дед Щукарь подозрительно сощурил глаз:

– *Брешешь ты, чертов Грач!* [Шолохов, 1984, с. 362].

Дед Щукарь задумчиво сощурился и уже вслух проговорил:

– *Грехи наши тяжкие с такой неустроенной жизнью!* [Шолохов, 1984, с. 328].

Средства *окулесики* дополняются другими средствами невербальной характеристики персонажа:

Щукарь грустно взглянул на него, безнадежно махнул рукой. [Шолохов, 1984, с. 314].

Исходя из вышесказанного, мы пришли к выводу, что средства *окулесики* преобладают в создании невербального портрета героя.

Всем людям свойственно иметь личную территорию, в которую он кого-то допускает, а кого-то нет. *Проксемика* – это наука, изучающая коммуникативное пространство и человека в нем. Итак, разное личностное пространство используется для отношений с любимыми и друзьями, малознакомыми и незнакомыми людьми. Отсюда следует положение человека в пространстве: статическое или динамическое, поза во время диалога и т.д.

Используя средства проксемики, М. А. Шолохов акцентирует внимание на комичности персонажа:

Дед Щукарь проворно выхватил левую ногу из воды и остался стоять на правой, как журавль среди болота. [Шолохов, 1984, с. 331].

У большинства комических персонажей наблюдается быстрая смена поз. Это характерно и для деда Щукаря:

Едва лишь Щукаревы ноги оттолкнулись от земли, а сам он повис на кобыле, лежа поперек ее спины и пытаясь усесться верхом, как кобыла закачалась, в нутре «ее что-то заурчало, и она, как стояла, так и рухнула на дорогу, откинув хвост. Щукарь, вытянув руки, перелетел через дорогу, распластался на запыленном придорожнике. [Шолохов, 1984, с. 142].

Отсутствие движений, смены поз свидетельствует о напряженном психическом состоянии Щукаря, например, страхе:

Пуля, оказывается, отколола у оконного наличника щепку, она отлетела и воткнулась Щукарю в лоб, пробила кожу, а он сдуру представил, что это пуля, ну и грянулся об землю. [Шолохов, 1984, с. 267].

Успокоившись, дед Щукарь снова начинает двигаться:

Гляжу, повеселел мой дед Щукарь, но вставать при мне что-то стесняется, ерзает по полу, а не встает... [Шолохов, 1984, с. 267].

С помощью средств невербальной характеристики М. А. Шолохов акцентирует внимание на естественности своего героя, его близости к природе, непосредственности, простоте, естественности:

С лилового языка его мелкими капельками сбегала на бороденку светлая слюна. [Шолохов, 1984, с. 225].

Дед Щукарь смотрит, забыв все на свете. На кончике его носа зябко дрожит сопля, но он не замечает. [Шолохов, 1984, с. 90].

В моменты наивысшего эмоционального напряжения героя мы можем наблюдать сочетания различных невербальных средств характеристики персонажа:

Дед Щукарь изогнулся вопросительным знаком, протянул вперед руку и, поводя грязным указательным пальцем, тяжело дыша, с трудом просипел:

– Боже тебя упаси!.. [Шолохов, 1984, с. 226].

Итак, можно сделать вывод, что невербальная семиотика представляет собой особый языковой пласт, посредством которого автор произведения реализует свои мысли, тщательно вырисовывая портретную характеристику деда Щукаря, создавая его комический образ.

Список литературы

1. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. д-р филол. наук В. Ю. Михальченко. – М. : Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук, 2006. – 312 с.
2. Шолохов, М. А. Поднятая целина : роман. : в 2 кн. / М. А. Шолохов – М. : Худ. литература, 1984. – 415 с.

А. А. Тимакова
(г. Пенза, Россия)

ПОВТОРЯЕМОСТЬ МОТИВА ЛЮБВИ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ПРАВСТВЕННЫХ ИМПЕРАТИВОВ А. И. КУПРИНА

Любовь занимает в творчестве А. И. Куприна особенное место. Писатель показывает разные грани этого чувства: любовь-страсть, возвышенную любовь, любовь-страдание. Неизменным на протяжении всего творчества оставалось благоговейное отношение автора к этой теме, понимание любви как великого дара. В этом

Куприн был близок Пушкину, воспринимающему ее как божественное откровение. Любовь – «удел избранных», она «имеет свои вершины, доступные лишь единицам из миллионов» – так говорит офицер Назанский (повесть «Поединок»), выражая, очевидно, авторскую позицию. Быть рядом с любимой, отдать все за её покой и счастье, сгорать от «великого, умопомрачительного восторга», держа в руках ее «платок, бумажку от конфеты, оброненную афишу» – за шесть лет до «Гранатового браслета» мотив любви безответной, но дарящей пронзительную радость можно считать окончательно сформировавшимся в творчестве автора.

Серьезные размышления о любви и взаимопонимании содержатся в рассказе «Одиночество» (1898). Иллюзия гармонии семейных отношений разбивается после рассказа мужа о весело проведенных днях юности. Вера Львовна открывает в нем человека «с прошлым», о котором она предпочитала бы не знать. Откровения супруга о былых любовных похождениях, его довольное лицо при воспоминании об этом наводят Веру Львовну на мысли о том, что один человек никогда не сможет до конца понять другого, а именно к такому единению стремится героиня, под этим понимает истинное назначение брака. Автор раскрывает еще одну причину внутренних терзаний Веры Львовны – ревность к прошлому: «Ей было больно думать, что у него в памяти остался хоть один счастливый момент из его прежней жизни, не уничтоженный, не сглаженный их теперешним общим счастьем» [Куприн, т. 3, с. 153]. Взволнованный внутренний монолог Веры Львовны передает накал переживаний: «Зачем он мне рассказал всю эту гадость? – мучительно думала она, стискивая и теребя свои похолодевшие руки» [Куприн, т. 3, с. 155]. Психологические детали помогают почувствовать тревожное состояние героини, обусловленное предощущением «щемящего сознания своего вечного одиночества». «Глубокая внутренняя тоска» Веры Львовны объясняется пониманием невозможности полной, то есть духовной, близости с человеком – будь то мать, братья, сестра. Любовь представлялась ей единственным спасением от одиночества, и конфликт рассказа основан на разочаровании молодой женщины в самой возможности духовной близости. Игривый тон супруга контрастирует с «серьезным, заплаканным лицом» героини. Драматический финал рассказа сглаживается виноватой улыбкой Веры Львовны и ее жалобой на бессонницу в ответ на вопросы мужа о том, что случилось. Героиня сделала выбор – «надо жить, как все, надо подчиняться обстоятельствам, надо даже лгать, если нельзя говорить правду» [Куприн, т. 3, с. 157]. Психологический пейзаж отражает борьбу в душе Веры Львовны: «Сизая, тяжелая туча, низко повисшая на востоке, одна только боролась с сияющим торжеством нарядного летнего утра. Но и на ней уже брызнули, точно кровавые потоки, темно-красные штрихи» [Куприн, т. 3, с. 157]. Вряд ли решение, принятое героиней, устраивает автора, но он понимает её выбор.

В рассказе 1924 г. «Пощечина» показана другая грань любви «сильной, как смерть». Любовь Ивана Ивановича Перелыгина к жене изумляла всех бесконечным терпением, кротостью и даже какой-то обреченностью («оба виноваты...»). Товарищи не понимали, к чему терпеть бесконечные, часто прилюдные унижения от жены, почему не «назначить ей пенсиюшку» и не зажить «свободным мальчиком»? Ответом на этот вопрос является вторая часть рассказа. В последние дни жизни Архи (дружеское прозвище героя) «жена была с ним как ангел, если только ангелы способны на такую глубокую и горячую человеческую любовь. Столько нежности, выносливости, преданности, предупредительности я редко видел в одном человеке», – вспоминал доктор. Психологической кульминацией рассказа стала пощечина, которую с криком «Подлец! Зачем ты это сделал! Зачем ты умер раньше меня!» дала умершему мужу Клавдия Евгеньевна. Из полиса, оставленного мужем на ее имя, она вырезала только его подпись, чтобы «очистить ее <... > слезами и поцелуями». Любовь не поддается рассудочным объяснениям, не подходит под стереотипы и наши ожидания её проявлений, такова идея произведения. Мотив любви-тайны, любви-

загадки, о которой говорил генерал Аносов (повесть «Гранатовый браслет»), очевиден и в этом произведении. М. И. Даракчи, анализируя повести «Гранатовый браслет» и «Суламифь», делает вывод об автоинтертекстуальности творчества А. И. Куприна – «приращении смыслов» в каждом последующем произведении за счет предыдущего на основе единого мотива, называя произведения «автоинтертекстуальным любовным циклом» (вместе со стихотворением «Навсегда») [Даракчи, 2013, с. 114]. Думается, с этой позиции весь корпус художественных текстов Куприна можно считать единой семантической структурой, где очевидна неизменность и явная выраженность нравственных императивов писателя.

В романе «Колесо времени» (1929) Куприн пишет о том, «как иногда, сдуру, в одну минуту теряет человек большое счастье для того, чтобы потом всю жизнь каяться... Ах! не повернешь...» – сожаление об утрате нецененного вовремя чувства составляет лейтмотив произведения. Автор снова обращается к редкому феномену любви, которая «сильнее смерти»: «Сколько миллиардов людей с сотворения мира совокуплялись, наслаждались, оплодотворялись, размножались, занимались этим в течение миллионов лет. Но много ли раз ты слышал о большой и прекрасной любви, которая выдерживает все преграды и соблазны, торжествует над бедностью, болезнями, клеветой и долгой разлукой, о высшей любви, о которой сказано, что она сильнее смерти?» [Куприн, т. 7, с. 31]. Герой с тоской и одновременно с восторженным упоением вспоминает о величии Марии в любви – «у нее был высший дар любви». В своей чистоте и искренности любовь Марии напоминает любовь Суламифь: «Ее любовь была проста, невинна и свежа, как дыхание цветущего дерева. При каждой нашей новой встрече Мария любила меня так же радостно и застенчиво, как в первое свидание». Но если Соломон был мудр, вмиг узнав настоящую любовь, трепетно и благодарно приняв ее, был щедр в своем чувстве, то Михаил, как он сам признается себе, убедившись в безграничности чувства Марии, начал «задаваться», «позволял» любить себя, даже испугался – а вдруг чувство Марии обернется посягательством на его свободу. Куприн пишет о великой вечной любви, «о которой мечтают все влюбленные, но которая из миллионов людей дается только одной паре», и потому узнать ее, а тем более сберечь почти невозможно. Поздно поняли это Мишика, княгиня Шеина; без такой любви не видит смысла в жизни Назанский. Творчество писателя проникнуто воспеванием такой любви, тоской по ней, отсюда повторяемость некоторых сюжетных ходов и ситуаций.

В начале 30-х гг. XX в. Куприн создает два выбивающихся из этой тональности рассказы о счастливой, осуществленной любви – это «Наташа» и «Вероника». Рассказ «Наташа» (1932) отличается простотой фабулы и прямолинейностью идеи, но в главном продолжает заветную купринскую мысль о «той самой», единственной любви, меняющей жизнь. «Чистая сердцем», красивая внутренней силой, угадывающейся в ней, Наташа сразу узнала в «Робинзоне» Его, а он понял, что приехал именно за Ней: «Я твоя, – так же серьезно ответила Наташа. – Я ждала тебя». Это признание, «я твоя», говорит своему царю Суламифь, Мишике Мария, Владимиру Вероника, величие этого дара прославляет автор. Естественность и чистота чувств Наташи и Герда противопоставлена атмосфере пустоты и пошлости окружающих Наташу поклонников. Куприн в рассказе словно бы вторит тургеневскому Шубину, вопрошающему: «Когда у нас народятся люди?». Сравним в рассказе: «Да что говорить: Наташины многочисленные поклонники были такой же городской дрянью, людишки, выдумавшие самих себя по старым жалким образцам, точно нарядившиеся в затасканные, ветхие, грязные костюмы, выкопанные из помойного мусора. И ни одного человека! Наташа равнодушно скучала» [Куприн, т. 7, с. 260]. Леонид Герд стал для цельной, серьезной и искренней Наташи судьбой. Рассказ лишён патетики, ярких красок, лирических отступлений, а спокойный, ровный тон повествования подчеркивает важность произошедшего, его естественность и глубинность.

В рассказе «Вероника» (1934) показан «свободный, прочный и нежный союз» богатого фабриканта Владимира Горячева и Вероники. Оба они под стать друг другу – умный, деловой, порядочный и в делах, и в отношениях Горячев и деликатная, красивая, столь же умная, сколь и проницательная Вероника. Их отношения идеальны. Он снисходительно и даже с некоторым удовольствием смотрит на редкие и причудливые Никины капризы, показывающие незаурядность девушки (воздушные полеты, автомобиль, страстная любовь к пьесе Расина о Сирано де Бержераке). Она же – «самая прелестная и привлекательная вывеска» для дел Владимира. С началом «большой войны» изменилась и жизнь героев. Вероника занялась госпиталем для раненых и изумила Владимира административными умениями. Упразднение госпиталей в 1916-м г. дало героине возможность для нового дела – гуманитарной помощи бойцам. В рассказе мы видим новый тип купринской героини – женщины деятельной, мир которой не замыкается рамками личных отношений, но опирается на них. Разорение Горячева в 1918 г. ещё сильнее сближает влюблённых: «Возьми меня с собою. Я буду тебе верным другом и покорной служанкой» [Куприн, т. 8, с. 363], – говорит Ника Владимиру. Заканчивается рассказ намеком на беременность героини, мотив продолжения жизни звучит в произведении наградой за любовь.

Любование красотой настоящей любви придает купринским произведениям романтическую взволнованность и приподнятость над обыденностью. Герои проверяются любовью, ждут ее, вспоминают о ней, жизнь их немислима без этого чувства, и, по мнению писателя, это прекрасно. Автор убежден: всякая любовь очищает душу человека – разделенная и безответная. Убедительность психологических характеристик, раскрытие темы любви во всей её полноте и многогранности, повторяемость мотивов и символов свидетельствуют о безусловной значимости этой темы для творческого мира А. И. Куприна.

Список литературы

1. Куприн, А. И. Полное собрание сочинений : в 10 т. / А. И. Куприн. – М. : Воскресенье, 2007.
2. Даракчи, М. И. Автоинтертекстуальность творчества А. И. Куприна (на материале повестей «Суламифь», «Гранатовый браслет» и стихотворения «Навсегда») / М. И. Даракчи // Филологический класс. – 2012. – № 4 (30). – С. 110–115.

Е. А. Хохлова
(г. Пенза, Россия)

СРАВНЕНИЯ В ПОЭМЕ Н. В. ГОГОЛЯ «МЁРТВЫЕ ДУШИ»

Творчество великого писателя Н. В. Гоголя всегда привлекало и привлекает внимание многих исследователей, как лингвистов, так и литературоведов. Гоголевская проза насыщена тропами и фигурами. «Он не пишет, а рисует, – говорил Белинский, – его фраза, как живая картина, мечется в глаза читателю, поражая его своею яркою верностию природе и действительности» [Машинский, 1971, с. 377].

Настоящая статья посвящена особенностям использования сравнений в поэме Н. В. Гоголя «Мёртвые души». Сравнение – вид тропа, в котором одно явление или понятие проясняется путём сопоставления его с другим явлением. Сравнение может быть отнесено к первичным видам тропа, так как при перенесении значения с одного явления на другое сами эти явления не образуют нового понятия, а сохраняются как самостоятельные [Словарь литературоведческих терминов, 1974, с. 48]. Функционально-стилистический подход к изучению сравнений обосновал В. В. Виноградов, который определил сравнение как «подчёркнутую форму сопоставления с внешне (морфологически) выраженными признаками его» [Виноградов, 2003, с. 74].

Сравнения помогают ярко, красочно отобразить реальность, создать свежий образ. По словам Л. А. Новикова, писатели прибегают к сравнению тогда, «когда выделение существенных признаков в изображаемом может быть особенно выразительно осуществлено при помощи сопоставления его с чем-то знакомым и похожим» [Новиков, 1997, с. 15].

В русском языке существуют следующие виды сравнений:

1. **Прямые сравнения**, средствами выражения которых являются:

- сравнительные обороты с союзами *как, как будто, точно, словно*;
- существительные в творительном падеже;
- фразеологические обороты;
- сложноподчиненные предложения с придаточным сравнения;
- существительные в дательном падеже с предлогом *подобно*;
- наречия, соответствующие моделям: *по-...ому, по-...ему, по-...и*;
- существительные в именительном падеже в роли сказуемого при приложении;
- существительные со словом *похожий*.

2. **Отрицательные сравнения**, в которых явления и предметы не сопоставляются, а противопоставляются.

3. **«Гомеровские сравнения»**, которые используются для того, чтобы ввести в разговор как можно больше упоминаний о других, часто совершенно посторонних предметах, событиях.

В поэме Н. В. Гоголя «Мёртвые души» используются сравнения всех трёх видов:

1. Прямые сравнения:

– сравнительные обороты с союзами *как, как будто, точно, словно*: «...салфетку, *накрахмаленную до того, что дыбилась, как засохшая кора*»; «...молодец с белыми, *как снег*, зубами и черными, *как смоль, бакенбардами*»; «*Был бы ты без ружья, как без шапки*»; «... колеса брички, *захватывая ее (землю), сделались скоро покрытыми ею, как войлоком*»;

– сложноподчинённые предложения с придаточным сравнения: *Шум походил на то, как бы вся комната наполнилась змеями*; *День был не то ясный, не то мрачный, а какого-то светло-серого, какое бывает на старых мундирах гарнизонных солдат...*; *Они пробили два часа таким звуком, как бы кто колотил палкой по разбитому горшку*;

– фразеологические обороты: *...перепутанная и бледная как смерть*; *Свеж он был, как кровь с молоком*; *...но темнота такая, хоть глаз выколи*; *...ни с места, стоит как вкопанный*;

– существительные в именительном падеже в роли сказуемого или приложения: *Губернаторша, как мать семейства, первая в городе дама...*; *Ведь такой народ – просто золото!*;

– существительные в дательном падеже с предлогом *подобно*: *Он подозвал к себе первого мужика, который поднявши где-то на дороге претолстое бревно, тащил его на плече, подобно неутомимому муравью, к себе в избу*;

– существительные в творительном падеже: *...Прометей, решительный Прометей! Высматривает орлом, выступает плавно, мерно*; *Тот же самый орёл, как только вышел из комнаты и приближается к кабинету своего начальника, куропаткой такой спешит с бумагами под мышкой, что мочи нет*;

– наречия, соответствующие моделям *по-...ому, по-...ему, по-...и*: *...по-французски в нос и картавя, по-английски произнесут, как следует птице...*;

– существительные в сочетании со словами *похожий на*: *Буквы, похожие на музыкальные ноты*; *Дама...стала похожа на легкий пух...*

2. Отрицательные сравнения, позволяющие оценить один предмет с точки зрения другого: *И нагадит так, как простой коллежский регистратор, а вовсе не*

так, как человек со звездой на груди; Есть лица, которые существуют на свете не как предмет, а как посторонние крапинки или пятнышки на предмете; сказавши, что это бес, а не человек; И на этом деревянном лице вдруг скользнул какой-то теплый луч, выразилось не чувство, а какое-то бледное отражение чувства, явление подобнее неожиданному проявлению на поверхности вод утопающего, производящему, радостный крик в толпе обступившей берег.

Обязательным компонентом отрицательных сравнений является частица *не*, которая:

- используется для того чтобы оттенить один предмет от другого;
- служит своеобразным средством текстовой связи;
- сближает одно явление с другим, хотя построены отрицательные сравнения по принципу отделения одного явления от другого.

3. «Гомеровские» сравнения в поэме Н. В. Гоголя «Мёртвые души» выполняют функцию художественной характеристики, поскольку содержат упоминание о большом количестве других, часто совершенно посторонних предметах. Так, говоря о приближении Чичикова к дому Манилова, Н. В. Гоголь описывает следующие предметы: *из окошка высунулись «два лица: женское, в чепце, узкое, длинное, как огурец, и мужское, круглое, широкое, как молдаванские тыквы, называемые горлянками, из которых делают на Руси балалайки, двухструнные легкие балалайки, красу и потеху хватливого двадцатилетнего парня, мигача и щеголя, и подмигивающего и повистывающего на белогрудых и белошейных девиц, собравшихся послушать его тихострунного треньканья»*. Тем самым изображению придается больший вес, поскольку обладающие большей объективностью предметы служат для обоснования и оценки вторичных человеческих действий.

Сравнения Гоголя показывают тонкую наблюдательность автора, взяты из повседневной жизни и, таким образом, ещё более способствуют реалистическому изображению сравниваемых предметов и явлений, окрашивая их или в тон мягкого юмора, или в тон резкой сатиры.

Таким образом, арсенал художественных изобразительных средств Н. В. Гоголя богат и разнообразен, и он мастерски использует его в целях реалистического показа жизни, в целях сатирического раскрытия изображаемого. Кроме того, использование сравнений отражает индивидуальный стиль писателя.

Список литературы

1. Аксаков, К. С. Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова, или Мёртвые души / К. С. Аксаков // Литературная критика. – М., 1982.
2. Виноградов, В. В. Язык и стиль русских писателей. От Гоголя до Ахматовой : избр. тр. / В. В. Виноградов. – М., 2003.
3. Машинский, С. И. Художественный мир Гоголя / С. И. Машинский. – М. : Просвещение, 1971. – 513 с.
4. Новиков, Л. А. Художественное слово Гоголя / Л. А. Новиков // Русский язык в школе. – 1997. – № 3.
5. Словарь литературоведческих терминов / сост.: Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – М. : Просвещение, 1974. – 509 с.

А. П. Чекмарёва
(г. Пенза, Россия)

ТЕКСТОВЫЕ ЗНАКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. П. ЧЕХОВА

Текстовые знаки – знаки, которые по форме выражения могут совпадать с языковыми, но их значения и функции в тексте принципиально иные [Гальперин, 2008, с. 6]. Рассматривая далее текстовые знаки на примере произведений А. П. Че-

хова, мы будем анализировать только те, которые играют решающую роль в понимании целого текста: заглавие, эпиграф, метатекст.

Одним из основных текстовых знаков является *заглавие*. Довольно часто в названиях произведений А. П. Чехова встречаются однословные назывные заголовки, семантическая ёмкость которых позволяет сразу ввести читателя в курс дела. Следуя правилу изображать действительность во всем её многообразии, писатель выносит в заголовок «всякий предмет»: «*Бумажник*», «*Сапоги*», «*Шампанское*». В ряде случаев это подчеркивает атмосферу обыденности, повседневности описываемого или бездуховность, ничтожность изображаемых персонажей.

В качестве однословных заголовков могут выступать имена героев: «*Анюта*», «*Ванька*», «*Зиночка*», «*Верочка*» – в которых суффикс играет немалую роль. Иногда это фамилии («*Гусев*», «*Иванов*»), подчёркивающие обыденность, типичность персонажей, иногда – указание на профессию или социальное положение героя («*Следователь*», «*Нищий*»).

Нередки назывные словосочетания с союзом *и*, выступающим в разных значениях. Иногда автор объединяет слова, логически соотносимые друг другом («*Контрабас и флейта*», «*Он и она*»), иногда – понятия, имеющие на первый взгляд мало общего («*Баран и барышня*»).

В словосочетаниях с союзом *или* последний выполняет пояснительную функцию – «*Дура, или капитан в отставке*».

Довольно часты словосочетания, выраженные существительным с определением в форме предложно-именного сочетания: «*Человек в футляре*», «*Дама с собачкой*», «*Дом с мезонином*».

Заглавия в виде простых нераспространённых или распространённых повествовательных предложений, как личных, так и безличных, встречаются реже, чем однословные заголовки и заголовки-словосочетания: «*Кухарка женится*», «*Спать хочется*», «*Свидание хотя и состоялось, но...*», «*И прекрасное должно иметь пределы*». Ещё реже встречаются сложные предложения типа «*О том, как я в законный брак вступил*».

Н. А. Веселова [Веселова, 2005, с. 5–6] предложила классифицировать заглавия по принципу соотношения их с внеположенной тексту реальностью. На основании этой классификации можно выделить типы заглавий, апеллирующие к географическим реалиям («*На гулянье в Сокольниках*»); культурным символам («*Моя беседа с Эдисоном. От нашего собственного корреспондента*»); произведениям мировой литературы («*Рыцари без страха и упрёка*»); чужому творчеству («*Тысяча одна страсть, или Страшная ночь. Роман в одной части с эпилогом. Посвящая Виктору Гюго*»); жанрово-родовой памяти («*Сказка*», «*Водевиль*», «*Пьеса*»); авторскому жанру («*Мошенники поневоле. Новогодняя побрехушка*»); формам других искусств («*На реке. Весенние картинки*»); языческим легендам («*Наивный леший*»); античной культуре («*Ариадна*»); культуре, оппозиционной той, к которой принадлежит автор («*Грешник из Толедо... Перевод с Испанского*»).

Анализ названий чеховских рассказов показал, что писатель отдаёт предпочтение коротким заголовкам. Краткость чеховских заглавий говорит о стремлении автора к максимальной точности, ясности формы, к сжатому, плотному повествованию. Чехов обладал умением немногими словами сказать о многом, насытить скудную речь богатым внутренним содержанием. Потому его малая проза и встала в один ряд с большими романами, ознаменовала собой этап в истории повествовательного искусства [Фатева, 1991, с. 27].

Эпиграфы – это текстовые знаки, имеющие закреплённое положение между заглавием и текстом произведения. А. П. Чехов крайне редко использовал эпиграфы к своим произведениям. Тем не менее, было найдено и проанализировано 13 эпиграфов к произведениям А. П. Чехова.

Подбирая эпитафии к своим произведениям, А. П. Чехов часто прибегает к приему цитации, и эпитафия у него является как бы «смысловым ключом к восприятию разных героев». Все эпитафии используют художественный материал, хорошо известный в то время и имеющий определённый тон звучания.

Условно эпитафии в произведениях А. П. Чехова можно разделить на следующие группы: фольклорные, религиозные и литературные. Группы, в которые они могут быть объединены, соответствуют изображённым сторонам русской жизни.

Эпитафии одной группы связаны с народным сознанием. К этой группе можно отнести эпитафию рассказа «Добротельный кабатчик» («Поддай, голубчик, холдненькой закусочки... Ну и... водочки...» Надгробная эпитафия), где эпитафия имеет шуточный и нравоучительный характер. И второй рассказ из этой группы «Язык до Киева доведёт», где в качестве эпитафии писатель взял строчки из народной песни: «Куда, милый, скрылся, гдѣ тебя сыскать?», где автор подчеркивает скорее иронический тон рассказа.

Использование эпитафий, связанных с церковными мотивами, достаточно традиционно в русской литературе. В рассказе «Скука жизни» эпитафия А. П. Чехова заимствована из практического руководства для священнослужителей П. Нечаева. Эпитафия сообщает о главной теме и идее произведения, выражает его основную мысль и настроение, даже даёт представление об ожидаемых сюжетных ходах, предварительно характеризуя действующих лиц. К этой же группе относится рассказ «Тоска», где эпитафия «Кому повею печаль мою?...» – это начало духовного стиха «Плач Иосифа и былль». Ключевым, безусловно, в этой фразе является слово «печаль». Вместе с синонимичным по смыслу заголовком рассказа «Тоска» эпитафия задаёт особую минорную тональность всему тексту произведения.

Другая группа эпитафий ориентирована на русскую литературу XIX в. (рассказ «Трифон», «На пути» – М. Ю. Лермонтов, рассказ «Открытие» – И. А. Крылов, повесть «Дуэль» – А. С. Пушкин и др.) и зарубежную литературу XVII и XIX вв. (рассказ «На кладбище» – У. Шекспир «Гамлет»). А. П. Чехову важно было показать связь с другим произведением, тем самым приблизить читателя к пониманию характеристики персонажа. Было важно воссоздать атмосферу русской культуры XIX в.

К текстовым знакам также можно отнести *метатекст*. В ранней прозе А. П. Чехова представляется возможным выделение отдельных метатекстовых элементов. («О любви», «Ванька», «Скучная история», «Следователь», «Крыжовник» и т.д.) Но подробно были проанализированы два рассказа: «Марья Ивановна» и «Студент».

«Марья Ивановна» – рассказ, написанный от первого лица. Значительная часть рассказа посвящена проблеме «литературной поденщины», необходимости существования литературы и её направлению. Сюжет о Марье Ивановне, не разработанный и достаточно бессмысленный, служит только поводом для размышлений о творчестве. Таким образом, судьба рассказа «Марья Ивановна» подтверждает, что сюжет о героине и злободневность стояли для Чехова на втором месте, тогда как метатекстовая часть является основным содержанием. Метатекст подчёркивает условность категорий начала и конца; сюжет не играет своей обычной роли и развязка этого сюжета таковой, по сути, не является [Ушакова, 2005, с. 2].

В рассказе «Студент» существует метатекст, в котором ключевые знаки «студент», «апостол» и «ученик» сохраняют общую тему и одновременно, обладают «обратной семантикой». «Студент» в начале текста – это студент духовной семинарии, а в конце метатекста в тексте «студент» – это ученик Василисы (ученик «нарда-учителя»). По мнению Лукиной, метатекст выполняет роль «центра ориентации» и «центра притяжения». [Лукина, 2001, с. 3–4].

По мнению Лукиной, все ключевые знаки строят текст по принципу «матрёшки», т.е. внутри большого обрамляющего текста находится его маленький текст – двойник [Лукина– 2001, с. 5–6]. И такая структура является типичной для многих текстов.

Таким образом, текстовые знаки играют решающую роль в понимании и истолковании целого текста, образуя его формально-семантическую структуру.

Список литературы

1. Веселова, Н. А. Заглавие литературно-художественного текста (Антология и поэтика) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Веселова Н. А. – М., 2005.
2. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М., 2008.
3. Лукина, Н. В. Смысловая структура метатекста / Н. В. Лукина. – Астрахань, 2001.
4. Ушакова, Е. А. Метатекст в рассказе А. П. Чехова «Марья Ивановна» / Е. А. Ушакова // Молодые исследователи Чехова : материалы Междунар. науч. конф. – М. : Изд-во МГУ, 2005. – С. 109–112.
5. Фатеева, Н. А. О лингвопоэтическом и лингвосемиотическом статусе заглавий стихотворных произведений (на материале русской поэзии XX в.) Поэтика и стилистика / Н. А. Фатеева. – М., 1991. – С. 108–124.

Е. А. Щепкина
(г. Пенза, Россия)

ОБРАЗ ГЕРОЯ-«ЧУДИКА» В ПРОЗЕ В. М. ШУКШИНА

В своём творчестве В. М. Шукшин продолжил традиции русской литературы, одной из которых стало изображение «странного героя». Опираясь на творческий опыт предыдущих поколений, писатель создаёт новый образ «странного героя». Его «чудики» стали подлинным открытием в искусстве слова. За его нестандартным подходом к человеку, за его пониманием истоков своеобразных характеров видится неповторимость, яркость и глубина личности художника, его требовательный и оценивающий взгляд, исполненный любви и терпеливого внимания [Коробов, 1988, с. 193]. Новаторство и традиции В. М. Шукшина в изображении «странного героя» – предмет нашего исследования.

Актуальность работы обусловлена объективной потребностью современного прочтения произведений В. М. Шукшина с учётом общественно-политических реалий в жизни нашего общества, в аспекте понимания русского национального характера, востребованного в процессе создания ценностных основ духовной жизни российского общества XXI в.

Для того, чтобы выявить традиционные черты «странного человека» в русской литературе, мы рассмотрели, как был представлен данный образ в разные эпохи в творчестве А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, А. П. Чехова, М. Горького, А. Платонова.

В результате, на основании работ В. Ф. Горна, В. И. Коробова, А. В. Сапа, Е. С. Дыкун, Н. Л. Степанова и других, пришли к выводу, что тема «странного героя» – одна из значимых тем в литературе XIX – XX веков. Сквозь призму этого образа авторы рассматривают нравы, проблемы и взгляды на жизнь, царившие в окружающем их мире. Выявили, что образ «странного героя» не является в литературе статичным. Он обогащался и трансформировался на разных этапах развития литературы.

Проанализировав рассказы В. М. Шукшина, мы пришли к выводу, что в своём творчестве писатель, продолжая традиции своих предшественников, создаёт совершенно новый образ «странного героя» со своими собственными, индивидуальными чертами. В русской литературе появляются шукшинские «чудики» – сельские жители, незнатные, не выбившиеся «в люди», – одним словом, те, кто внешне, по своему положению вполне соответствовали знакомому по литературе XIX в. типу «маленького человека». «Чудики» являются носителями чистого добра, и действуют

так в силу внутренних нравственных понятий. Эти простые люди озабочены не материальными благами, а своим внутренним миром, они думают, ищут, пытаются понять смысл своего существования, свои чувства, отстоять себя [Горн, 1993, с. 61].

Рассматривая художественные особенности рассказов В. М. Шукшина, мы отмечаем, что писатель отдавал предпочтение жанру рассказа, так как в этом жанре его привлекала деловитость и собранность, намеренная недосказанность, позволяющая читателю положиться на свою фантазию. Шукшин был убежден, что в центре внимания рассказа должны быть человеческие дела.

В качестве основных способов создания образа героя-«чудика» автор использовал: художественную деталь как средство выразительности; повествование от третьего лица; описание быта, повседневности как важной основы обрисовки характеров; портретную характеристику; речевую характеристику; переплетение речи персонажей с авторской речью; описание пейзажа.

В заключении мы приходим к следующим выводам:

1. Персонажами В. М. Шукшина стали обитатели сельской периферии, незнатные, не выбившиеся «в люди», – одним словом, те, кто внешне, по своему положению вполне соответствовали знакомому по литературе XIX в. типу «маленького человека».

2. По форме рассказы Шукшина отличаются сценичностью: как правило, это небольшая сценка, эпизод из жизни, – но такой, в котором обыденное сочетается с эксцентрическим, и в котором открывается судьба человека. В развёртываемом сюжете нет внешнего плана: рассказы часто тяготеют к форме фрагмента – без начала, без конца, с незавершёнными конструкциями [Кукуева].

3. «Чудики» В. М. Шукшина, как и герои Ф. М. Достоевского, рассуждают о своей жизни, судьбе, бедах и несправедливости. Однако эти образы не являются аналогичными. Если у Федора Михайловича герой прежде всего озабочен своей персоной, то герой Шукшина стремится решить «глобальные» (как ему кажется) человеческие проблемы, желает всем помочь или показать людям новую, свою правду [Сапа, 2014, с. 32].

4. Для художественной манеры Шукшина, как и для манеры А. П. Чехова, характерны соединение комического и трагического, сжатость, простота и ясность сюжета, так как для обоих писателей важен не занимательный сюжет, а характер персонажа [Сапа, 2014, с. 32].

5. В. М. Шукшин в своих произведениях показывает «маленького человека» нового времени, отличного от героев Пушкина, Достоевского, Чехова. Этого героя стали называть по одноименному рассказу – «чудиком».

Образ «чудика» и есть новаторство Шукшина в разработке темы «странного героя».

Список литературы

1. Горн, В. Ф. Василий Шукшин: Штрихи к портрету / В. Ф. Горн. – М. : Просвещение, 1993.
2. Коробов, В. И. Василий Шукшин / В. И. Коробов. – 2-е изд. – М. : Современник, 1988.
3. Кукуева, Г. В. Деталь как признак речевого жанра очерка в малой прозе В. М. Шукшина / Г. В. Кукуева. – URL: <http://www.lingvomaster.ru/files/272.pdf> (дата обращения: 06.05. 2015).
4. Сапа, А. В. Эволюция образа-«чудика» в творчестве В. М. Шукшина / А. В. Сапа // Русский язык и литература. – 2014. – № 11.

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА ГОРОДА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А. Н. Байкулова
(г. Саратов, Россия)

ГОРОДСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ОБЩЕНИЕ НЕЗНАКОМЫХ

Жизнь города пестра и многообразна вследствие тех коммуникативных процессов, в которые люди вовлечены, участвуя в ежедневных повседневных практиках, будь то поход в магазин, поездка в транспорте, посещение библиотеки, прогулка по городу и т.п. «Ведь город – это люди, а не стены и не порожние корабли» – писал когда-то Фукидид (История, VII, 77, 7).

В коммуникативном пространстве города осуществляются многочисленные вербальные и невербальные контакты людей. Предметом нашего исследования является общение незнакомых (далее ОН). ОН характеризуется тем, что речевые контакты коммуникантов, не состоящих в знакомстве друг с другом, основаны на минимальной апперцепционной базе и носят преимущественно стереотипный характер [Байкулова 2013 а, 2013 б, 2014, 2015]. Важность исследования городской коммуникации, в том числе и городских стереотипов, подчёркивается М. В. Ки-тайгородской и Н. Н. Розановой: авторы считают, что речевые стереотипы являются хроникой времени и, как барометры, способны чутко реагировать на колебания социальной сферы общества [Китайгородская, Розанова, 1996, с. 350].

Общение незнакомых реализуется в регистрах официального, неофициального и смешанного типов общения (о типах и видах общения см. [Байкулова 2014, 2015]). Ср.: общение, предполагающее профессиональный официальный шаблон: (кассир в сетевом магазине) *Добрый день // стоимость Вашей покупки 350 рублей 80 копеек // Спасибо // приходите к нам ещё //*; неофициальное общение: (из разговора двух незнакомых женщин, **А.** и **Б.**, в автобусе) **А.** *И куда едут?* (о пожилых людях, возвращающихся с рынка) – **Б.** *И не говорите // Такая метель / а они бедные / да поскольку набирают //* – **А.** *Как у них сил хватает? За спиной рюкзак / в руках эти... каталки...;* общение смешанного типа, включающее признаки официальности и неофициальности: (разговор посетительницы **А.** с сотрудницей банка **Б.**) **А.** (к проходящей мимо **Б.**) *Извините пожалуйста / вы не скажете / я могу получить у вас новую карточку?* – **Б.** *Мы уже не работаем //* – **А.** *Дело в том что мне пришла эсэмэска... Б. Это смотря... если на работе вам меняют... то скорее всего там //* **Вы лучше узнайте сначала // – **А.** *Ага / ладно / спасибо //***

В данной статье ОН будет рассмотрено как одна из составляющих дальнейшей периферии поля устной неофициальной коммуникации (о полевой структуре устного неофициального общения см. [Байкулова 2014, 2015]), где признаки неофициальности проявляются непостоянно. Типизация и классификация разновидностей общения в структуре этого поля осуществлена на основе единых конституирующих параметров: *сфера общения, коммуниканты и их цели, место и время общения, его доминанта, тематика, характеристика*, включающая возможность реализации других видов общения в рамках исследуемого, *особенности речи* [Байкулова 2015].

Рассмотрим ОН в ракурсе выделенных параметров. ОН может реализовываться в любой **сфере** и в различных коммуникативных практиках (см. предыдущие примеры). Сфера использования влияет на выбор этикетного оформления высказываний, проявления в них признаков официального, неофициального или смешанного типов общения.

Коммуникантами, как уже отмечалось, являются незнакомые. Этот статус предполагает соблюдение принятых этикетных традиций и дистанции в общении, обусловленной особенностями русской коммуникативной культуры. Минимальный объём апперцепционной базы коммуникантов минимизирует их общение (из разговора матери и дочери **Д.** о молодом человеке) **Д.** *Да о чем я с ним буду говорить / если я его в первый раз вижу?*; (информационный микродиалог прохожих **А.** и **Б.**) **А.** *А не подскажете / где здесь...* **Б.** (перебивая и отрицательно качая головой) *Н-не знаю // Я не местный //*.

Этикет предписывает обращаться к незнакомым на *Вы* и использовать нейтральные апеллятивные формы – *Извините (пожалуйста), Простите (пожалуйста)*. Отсутствием универсального обращения (слово *товарищ* ушло, а взамен в обыденной сфере пока ничего не появилось) обусловлено широкое распространение нелитературных обращений по половому или возрастному признаку: *мужчина, женщина, девушка, молодой человек, бабуля, дед* (не термины родства) и др.

Несоблюдение незнакомыми этикетных норм, норм литературного языка, а также вторжение в личную сферу, когда не учитывается параметр *свой / чужой*, негативно сказывается на коммуникации, вызывая раздражение, сопровождающееся упрёками или замечаниями: (сотрудник учреждения **С.** клиентке **К.**) **С.** *Женщина! Я же объяснила вам...* – **К.** *Я вам не женщина!; А что мы уже на ты?; Вы мне не тыкайте!; А что ты мне тыкаешь-то?* или (примеры из [Китайгородская, Розанова, 1996, с. 355]) *Я с вами коров не пас!; Мы с вами детей не крестили!* и т.п.

Обыденное существование человека имеет сценарный характер. Вступая в общение, незнакомые преследует конкретные **цели**, в том числе и те, которые лежат вне коммуникации. Реализуется целеориентированное общение в ситуациях покупки, продажи, знакомства и др., где говорящие исполняют предписанные ситуацией роли, каждая из которых представлена набором стереотипных фраз, отточенных в результате повседневной коммуникации. Например, пассажир, оплачивая проезд, вербализует свои намерения, используя привычные стереотипные реплики, культурно закреплённые в регулярно повторяющихся ситуациях поездки на транспорте: *Передайте!; Будьте добры / передайте пожалуйста; Возьмите (билет)! Один (билет) пожалста*, а продавец применяет шаблоны, предписанные профессиональными кодексами: *Стоимость Вашей покупки 250 руб.; Чем я могу Вам помочь?; Вам подсказать?; Спасибо за покупку / приходите к нам ещё //; Вы сделали правильный выбор // Доброго Вам дня* и др.

Наблюдения показывают, что в ОН снижается степень активности адресата. Это может проявляться в демонстрации равнодушия и нежелания общаться (мимические средства и акустические качества речи – пониженная громкость, соответствующее интонационное оформление); в минимизации общения (адресат обычно не стремится к продолжению коммуникации); в предпочтениях использовать невербальную коммуникацию вместо вербальной (например, пассажир молча передаёт билет в ответ на *Передайте!*) и даже в полном игнорировании адресанта: (продавец **П.** разговаривает по телефону) **Ж.** (покупательница) *А скажите пожалуйста / вот эта кофточка какой размер и сколько стоит?* (продавец не реагирует); **Ж.** *Девушка. Сколько стоит эта шапка?* – **П.** (не отвечает)... – **Ж.** (к своему спутнику с обидой) *Трудно ответить // Боже мой! Как военная тайна! Я её два раза спросила //* (последний пример из [Китайгородская, Розанова, 1996, с. 355]).

Дисконфирмация часто проявляется при деперсонализованном общении: (женщина при посадке в маршрутное такси) *Есть ещё места? Места есть? Господи / ответить некому!*; (водитель такси) *На Молочке выходят?* – никто из пассажиров не отвечает; (в поликлинике) *В пятнадцатый кто последний?* (не отвечают). Можно сказать, что адресат старается как можно меньше проявлять себя, фактиче-

ски прячется, отгораживаясь и сохраняя личное пространство. Дисконфирмация возможна по отношению к промоутерам или людям, просящим милостыню.

В ситуациях делового общения характер коммуникации, паритетность / непаритетность коммуникативных ролей определяется социальными ролями незнакомых, например, *дежурный на входе – посетитель*: (А. и Б. заходят в суши-бар) **В.** (дежурный на входе) *Здравствуйте // – А. Здравствуйте // – Б. Здравствуйте // – В. Вас двое?* – А. *Да // – В. Можете пройти к барной стойке / или придётся подождать // – Б. Мы подождём //* (пример из [Еда по-русски... 2013]. Выделенные реплики дежурного (выделение моё – А. Б.) носят контролирующий и разрешающий характер, что является экспликацией статусного неравенства: статус **В.** в данной ситуации выше статуса **А.** и **Б.**

Нарушение принятых норм речевого поведения в общении незнакомых, неуместное проявление ролевой асимметрии, неоправданное вторжение (подчас грубое) в процесс коммуникации могут сопровождаться замечаниями, запретами, указаниями на некорректность в исполнении коммуникативной роли: *А вы вообще стойте и молчите / не с вами разговаривают //; Я вообще не с вами разговариваю //; Что вы лезете не в своё дело?; Женищина / помолчите / Вас это не касается //; Хватит твякать!; А что вы мне указываете-то?* и т.п.).

Доминантой ОН, на наш взгляд, является коммуникативное взаимодействие незнакомых при минимальной общности их апперцепционной базы или её полном отсутствии на основе сложившихся в обществе стереотипных представлений о таком взаимодействии и культурных традиций.

Местом реализации ОН являются различные городские учреждения, общественные места, места отдыха, а также пространство дома или квартиры (приход работников различных служб и просто случайных людей): (на остановке) *Вы не знаете, это какой (об автобусе) уехал?* – *Не знаю / Я сама только подошла*; разговор незнакомых **Н.** и хозяина квартиры **Х.** через дверь: (звонок в дверь) **Х.** *Кто?* – **Н.** *Откройте //* – **Х.** *Что надо?* – **Н.** *Вы не хотите больше узнать о Библии?* – **Х.** *Нет / спасибо //* (с иронией) *Я читать умею //*

Для многих людей общение с незнакомыми включено в круг профессиональных обязанностей (профессия риэлтора, промоутера, парикмахера, врача, продавца, журналиста, специалистов по тренингам, кадрам и др.), и поэтому оно, являясь вынужденно необходимым, определяет сложность профессии. Так, на одном из интернет-сайтов, промоутеры, делясь своим профессиональным опытом, пишут: (все особенности текста, кроме выделения курсивом и сокращения названия фирмы, сохранены)... *мне не понравилось, не мое это – стоять в вытянутой огромной футболке и приставать к покупателям с фразами: "При покупке сегодня одного шампуня, второй вы получаете бесплатно"; А у меня был один неудачный опыт работы в К...!((вы наверное слышали о такой!!! это было ужасно!!!!мы ходили по квартирам, звонили в дверь, и улыбаясь как идиоты предлагали почистить ковёр совершенно бесплатно!!!! Мало того что нас в каждой второй квартире посылали на... (URL: <http://www.woman.ru/psycho/career/thread/3848071/> Дата доступа 21.01.2016).* В этих высказываниях негативно оценивается то, что приходится делать промоутерам вопреки сложившимся в обществе нормам общения незнакомых: приставать, ходить по квартирам и что-то предлагать; в этих ситуациях личность вынуждена подавлять в себе сформированные привычки речевого поведения.

Общение с незнакомыми в пространстве дома или квартиры нередко становится внешним и внутренним (внутрисемейным) конфликтогенным фактором: (муж жене с раздражением в ответ на то, что она разговаривала с незнакомыми через порог) *Я сколько раз тебе говорил / не открывай дверь / не разговаривай вообще / разве можно / ты как твоя мама / всем дверь открывает!* Вследствие неблагоприятной криминогенной обстановки некоторым категориям граждан (обычно детям и

доверчивым пожилым людям) не рекомендуется вступать в общение с незнакомыми. Чужой человек, будь он даже приятелем кого-то из членов семьи, вызывает настороженность, в его присутствии меняется семейная коммуникация, возможны неловкие ситуации.

Большую роль в ОН играет и **фактор времени**. При общении на улице или в магазине, при выходе из транспорта и в других ситуациях между горожанами осуществляются кратковременные скользкие, без задержки внимания или фокусированные (при задержке внимания) контакты. Ограниченность во времени, обусловленная темпом и ритмом городской жизни, повторяемость и привычность ситуаций способствуют широкому распространению жанра микродиалога, основанного на стереотипных высказываниях: *Не подскажете где тут шестой подъезд? – Вон следующий;* (в лифте) *Вам какой? – Пятый* и т.п. В репликах часто используются простые предложения с незамещёнными синтаксическими позициями: *Девушка / потеряли!* (о перчатке); *Что Вы лезете-то?* (при посадке в транспорт); *Передайте!* или *Возьмите!* (деньги за проезд); *Разрешите!* (выйти); *Выходите на следующей? – Да; Передаём за проезд!; Кто последний?; Стоите?;* (в магазине) *Пакет нужен? – Нет (спасибо)* и др.

Долгая поездка в транспорте, ожидание очереди в учреждении нередко способствуют продолжительному фатическому и даже межличностному общению незнакомых, реализации речевого жанра беседы. Но даже в этих ситуациях незнакомые не всегда представляются друг другу, сохраняя статус незнакомых: они могут сообщать лишь часть самых общих сведений о себе (например, называют имя, место жительства или работы, профессию).

С точки зрения возможности реализации в ОН разных типов и видов общения, отметим следующее: ОН может быть официальным, неофициальным и смешанным; ролевым; инициативным и вынужденным; конвенционально принятым и свободным; фокусированным и скользким; персонально адресованным, групповым, публичным и массовым; межличностным и деперсонализированным (например, в очереди: *Кто последний?*), непосредственным и опосредованным (общение по Интернету, телефону, домофону).

Тематика ОН связана с коммуникативными практиками, в которых оно реализуется. Так, в общении прохожих на улице может реализовываться тема, связанная с поиском какого-либо дома; общение у театральной кассы предполагает тему покупки билетов; общение на митинге связано с темами политики, социальной жизни людей и т.п. Регулярность повседневных практик формирует своеобразные тематические заготовки с использованием речевых шаблонов: (на рынке) *А почём огурцы? – Да за 25 отдам // Берите // Хорошие огурчики // Только утром сорвала //*; в регистратуре поликлиники: *К терапевту запишите пожалста // – На какой день? – Да на среду / если можно // – На среду на 14:30 // – Да // Хорошо // Спасибо // – (следующему по очереди) Говорите!*

Сокращение коммуникативной дистанции между незнакомыми, обусловленное особенностями языковых личностей говорящих, их речевым поведением, стремлением уйти от рутины быта, переводит общение в русло живой, индивидуально окрашенной речи и нередко сопровождается отступлениями от основной темы: (на рынке) *А. (покупатель) Нам огурцов килограмм пожалста – Б. (продавец) Вам больших или маленьких? – А. Да нам ... – Б. А / вам их есть!* (на смехе) *Ой / подождите / я вам щас анекдот расскажу //* (далее следует скабрёзный анекдот, коммуниканты смеются). Жанр анекдота не свойствен общению незнакомых, но возможен в ситуациях рыночной торговли.

Особенности речи. Незнакомые друг другу горожане – люди разных социальных слоёв и разных культур. В пространстве города можно услышать наряду с русской литературной речью просторечие, диалект, жаргон, мат, речь представите-

лей разных национальностей. В целом речь незнакомых в условиях городской коммуникации характеризуется *анонимностью, обезличенностью, стереотипностью, автоматизмом* (эти особенности городского общения выявлены М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой [Китайгородская, Розанова 2010: 46-49]); стремление же к преодолению обезличенности в контактах – фактор, идентифицирующий коммуникантов, оживляющий общение.

Важно отметить, что в общении незнакомых реализуется речевой жанр знакомства, переводящий коммуникацию в новое русло: (на улице молодой человек А. обращается к девушке, идущей в сопровождении двух женщин) А. *Девушка / я хочу с Вами познакомиться // (к женщинам) Вы / конечно / извините / А вы родители? – (одна из женщин говорит на смехе) Да / мы мама и папа // – А. Я просто вот всю жизнь такую искал // Понимаете? (к девушке) А вас как зовут? Меня Сергей // Может / мы погуляем или телефончик дадите...*

В целом ОН строится на соблюдении правил речевого этикета, регулирующего этот вид коммуникации, однако во многих ситуациях наблюдается отступление от этих правил. Каждая коммуникативная практика характеризуется своим набором жанровых форм и речевых клише. Специфические черты речи горожан в актуальных ситуациях общения рассмотрены в [Китайгородская, Розанова 2010]. Мы же ограничились представлением ОН как одной из разновидностей общения на основе выделенных конституирующих параметров.

Список литературы

1. Байкулова, А. Н. Общение незнакомых людей / А. Н. Байкулова // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. – 2013. – Т. 13. Серия Филология. Журналистика, вып. 4. – С. 11–20.
2. Байкулова, А. Н. Общение незнакомых людей и его место в парадигме устного неофициального общения / А. Н. Байкулова // Русский язык как государственный язык Российской Федерации: лингвистический, социальный, историко-культурный, дидактический контексты функционирования : материалы межрегион. науч. конф. – М. – Волгоград : ПроМедиа, 2013. – С. 109–114.
3. Байкулова, А. Н. Устное неофициальное общение и его разновидности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Байкулова А. Н. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015. – 60 с.
4. Байкулова, А. Н. Устное неофициальное общение и его разновидности: повседневная речь горожан / А. Н. Байкулова ; под ред. О. Б. Сиротининой. – Саратов : ИЦ «Наука», 2014. – 216 с.
5. Еда по-русски в зеркале языка / Н. Н. Розанова, М. В. Китайгородская, У. Долешаль, Д. Вайс [и др.]. – М. : РГГУ, ИРЯ РАН, 2013. – 586 с.
6. Китайгородская, М. В. Языковое существование современного горожанина: на материале языка Москвы / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М. : Языки славянских культур, 2010. – 496 с.
7. Китайгородская, М. В. Современная городская коммуникация: тенденции развития (на материале языка Москвы) / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М. : Языки русской культуры, 1996. – 480 с.

Т. А. Горелова
(г. Вршац, Сербия)

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОЙ ФУНКЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ГРАФФИТИ

Язык есть дом бытия, как говорил М. Хайдеггер. Эта метафора имеет не только и не столько метафизический смысл. В языке живет традиция и самосознание любого народа. Язык определяет саму возможность духовной экзистенции народа, и пока он существует, существует и основание для присутствия народа среди других народов и языков. В любом естественном языке заложено «завоевательное» начало: и в мире духа нет терпимости к пустоте – и если какой-то язык утратит свою жизнеспособность, на его место придет другой язык, другое сознание, другая

картина мира, другая система ценностей, но в этой измененной духовной парадигме будет жить уже иной народ.

Являясь культурной константой, язык, тем не менее, подвержен значительным изменениям.

Наше время – время «усталости от культуры», в котором некогда монолитные устои превращаются в руинированные фрагменты, в элементы постмодернистских коллажей. Все чаще система устоявшихся, веками проверенных понятий трансформируется в зыбкие метафоры и визуальные образы. Неспособность мыслить в абстрактных понятиях искажает и редуцирует картину мира, обедняет и разрушает язык, уводит от понимания того, что на развалинах языка могут существовать только развалины духовности.

Человек живет в языке и с языком. Это практически единственная возможность человека существовать как в отношениях с другими людьми, в них понимать, подтверждать и развивать себя, так и в отношениях с миром, осмысляя его и расширяя его границы в своем опыте.

Среда обитания человека, разумеется, не сводится к духовной сфере. Материальная культура – такой же продукт созидательной человеческой деятельности, элемент «второй природы». Город – один из главных элементов цивилизационной триады, ознаменовавшей качественные изменения в развитии человеческой культуры. Уже на самых ранних этапах существования город обладал ясной знаковой системой: стены – собор – дворец, площадь – улица, центр – периферия. Со временем наряду с монументальностью – архитектура-скульптура-планировка – в языке города стали появляться камерные знаки – вывески-символов: у слесарей – ключ, у виноторговцев – кубок и гроздь винограда, у пивоварни – бочонок, у сапожников – стилизованный сапог, у булочника – крендель и т.д. В последствии символ стал сопровождаться надписями, несущими уточняющую информацию – имя владельца мастерской, название заведения, характер предлагаемого товара. XIX в. значительно расширил коммуникативные возможности города за счет витрин, афиш, плакатов, рекламных щитов, указателей, дорожных знаков и т.п., к которым позднее добавились иллюминация и световая реклама. Между тем, характер «общения» города с горожанином и далее оставался «монологическим» и «императивным»: город сообщал, горожанин воспринимал, не испытывая острой необходимости задавать вопросы или сообщать свое мнение.

История возникновения граффити насчитывает тысячелетия [Головаха, 2004, с. 68–69]. Однако «долгое время ученые либо намеренно игнорировали старинные граффити, либо случайно уничтожали их в процессе работы с историко-архитектурными памятниками. О таких случаях позже свидетельствовали В. Щепкин, В. Суслов, а также исследовательница новгородских граффити О. Мединцева. Таким образом, древние граффити прошли длительную историю пренебрежительного отношения к ним, прежде чем их признали заслуживающими изучения памятниками истории» [Головаха, 2004, с. 69]. И хотя современные граффити представляют собой относительно новое явление, отношение к ним как со стороны социума, так и со стороны исследователей изменилось мало: в первом случае граффити считаются проявлением хулиганства и вандализма и подлежат уничтожению, во втором как явление постфольклора [Неклюдов] лежат на периферии интересов этнологов и фольклористов, а в качестве символических форм социального протеста становятся спорадическим предметом изучения социологов. Тем не менее, представление о природе современных граффити сформировалось достаточно определенно: «говоря о граффити, мы можем подразумевать три различных традиции: граффити как общая повседневная практика; граффити как язык коммуникации молодежных сообществ; граффити как основная деятельность субкультуры уличных художников» [Лурье].

Предметом размышлений в данной работе будет вопрос о особенностях коммуникативной функции современных граффити.

Массовое появление граффити в крупных городах Югославии, по мнению исследователей [Антонијевић, 2006, с. 279–295], относится к середине 90-х г. XX в.

До этого времени жители городов были знакомы с произведениями стрит-арта, которые появились на улицах города в середине 70-х г. XX в. Однако это были (например, в Белграде) авторские произведения (муралы), выполненные профессиональными художниками или студентами художественных факультетов традиционными художественными средствами – красками и кистями – в традиционной эстетической парадигме, и в этом смысле они были, скорее, произведением в духе концептуализма¹, примером эстетизации городской среды, чем относились к жанрам городского фольклора. Позднее сохранившиеся муралы стали частью граффити-культуры, но – что парадоксально! – вопреки кодексу графферов/райтеров, который не одобряет порчу существующего граффити нанесением на его поверхность новых надписей и изображений. Граффити-надписи были достаточно редки на улицах города и появлялись в основном в университетских кампусах, при этом характер сообщений был иронично-философский или смеховой², основанный на игре слов.

В период с 1996 по 2000 гг. граффити начали использоваться в качестве активного средства в политической борьбе против СПС и лично С. Милошевича, возглавлявшего страну. Однако во время Косовского конфликта и начавшихся бомбежек в марте – июле 1999 г. протестный внутривластный накал, отражавшийся в граффити, сошел практически на нет. Ему на смену пришли патриотические граффити: «Svaka moja kraljevačka taraba starija je od tvoje hibridne i mutantne nacije», «Нас и Руса 300 милиона», «Srbija je meta, cilj je ceo svet!!!», одновременно с этим появились шуточные надписи, отражающие тяготы военного положения: «Najjači smo na svetu – IMAMO NAJVIŠE I BOMBA I AVIONA PO GLAVI STANOVNIKA», «Srbi su dokazali Omov zakon.... Što vise otpora, manje struje!!!», «Сиђите на кафицу! – Ваш ПВО» а также антиамериканские и антинатовские рисунки и надписи в традициях народной смеховой культуры, насмешливого, вульгарного или пародийного характера, нередко подтверждающегося обсценной лексикой. Наиболее популярными граффити того времени были «Колумбо, j...m ти матер радозналу!», «Моника, стисни зубе!», «Челси, Моника ти прогутала брата!», «Извини, нисам знао да си невидлив», «F-117 oborila je protivgradna odbrana sa Fruške Gore!», «veni-vidi-OBORIH», «Od OVK i NATO ostaće blato», «Доле, НАТО!».

Завершение военной кампании НАТО против Югославии вернуло на стены городов политические граффити, отражающие гражданский протест против накопившегося политического, экономического и социального напряжения: «Готов је!!!», «Доле!!!», «Отпор!». Характерен и стиль граффити того времени – теггинги и трафаретные надписи и изображения (главным образом, стилизованный сжатый кулак-цветок розы – символ оппозиционного движения «Отпор!»), жесткий, монохромный, порывистый, «шершавый». После выборов и смены режима в 2000 г. граффити стали рассматриваться как мощное и действенное визуальное средство выражения народных протестных настроений или политических требований оппозиции. Примечательно, что в этот сложный период граффити вышли за городское пространство: надписи и символы появились в малых населенных пунктах и даже в сельской местности, где графферы использовали для своих коммуникативных целей стены общественных зданий (клубы, школы, магазины и т.п.) или заброшенных домов.

¹ См.: URL: <http://www.udruzenjekurs.org/projekti/istorijat-oslikavanja-murala-u-beogradu/nggallery/page/images/muralibg/images/muralibg/42.jpg>

² В личном архиве автора хранится несколько записей граффити, увиденных в университетском городке Нови Сада летом 1996 г.: «Учити, учити, и само учи Ти!», «Комарци, бојкотујте крв новосађана!» и т.п.

Граффити, появляющиеся в городском или руральном пространстве в последние годы, постепенно утратили политизированную направленность. К немногочисленным примерам граффити с таким содержанием относится надпись «Косово је Србија!», мультиплицированная в десятках тысяч графических вариантов по всей стране и не исчезающая со стен не менее 15 лет, также граффити, протестующие против ареста генерала Ратко Младича («Младић је Српски ЈУНАК»). Актуальные граффити, с одной стороны, выносят в коммуникативное пространство среды проживания реакцию на события, имеющие важное значение для определенной социальной группы (чаще всего из молодежной субкультуры)¹, проявляя свою ангажированность, а с другой, являются отражением течения частной жизни граффера. Тематическая область граффити становится разнообразнее.

Однако отсутствие социально значимой для большинства граждан основы граффити влечет за собой изменение в видах и стилях граффити. Можно со всей определенностью сказать о растущем количестве граффити-теггингов, используемых не в качестве подписи автора граффити, а автономно, как самостоятельный знак (вид граффити). Подавляющая часть граффити-теггингов, экспансивно захватывающих стены и незащищенные поверхности (даже тротуары и городской транспорт), транслирует смысл, обладающий нулевой значимостью для большинства граждан, является «визуальным шумом», коммуникативным «мусором»², откровенно искажающим среду обитания человека, и ставящим под сомнение саму возможность коммуникации среды и человека.

По замечанию З. Кайс [Кайс, 2015, с. 82–83], граффити «имеют опредмеченный план выражения (надписи и изображения размещаются в городском пространстве) и знаково-символический план содержания (смысл). Граффити становится инструментом представления идеи в образе, инобытием идеи, которая уже получила материальную форму. В этом контексте понятие символа близко к понятиям «художественный образ», «аллегория», «сравнение». И тогда символ не уводит от денотата, а напротив, раскрывает более глубокое содержание. Граффити не означают что-то непосредственно (простым созерцанием рисунка), а отправляют к значению, которое интерпретируется через знание социальной действительности, исторических условий, социально-политических событий и сюжетов, значимых личностей, идеологий городских общностей и субкультур. В этом смысле граффити предстает не только знаком, но и средством трансляции знака, инструментом».

Любой акт коммуникации включает в себя по крайней мере три компонента: говорение, слушание, понимание, и отсутствие или нарушение одного из них не позволяет состояться акту коммуникации. В уже упомянутой работе Д. Антониевич отмечает, что основная цель граффити, вне зависимости от содержания и места появления, – броситься в глаза [Антонијевић, 2006, с. 283], произвести визуальную атаку, заявить о себе. В этом случае факт существования граффити становится актом коммуникационного воздействия, влекущий за собой акт коммуникативного восприятия. Но означает ли это, что за этим последует понимание смысла «послания»? Далекое не всегда.³ Очевидно, что «коммуникативность» граффити-теггингов опосредована и самодостаточна, ориентирована на саму себя и монологична. Граффити-теггинг и не стремится к общению в силу своей слабой коммуникативности.

¹ Так, в течение нескольких месяцев 2008 года в ответ на судебный процесс над болельщиком спортивного клуба «Црвена Звезда» регулярно появлялись граффити «Правда за Уроша!»

² Теггеры не интересуют смысловое содержание и эстетическая сторона нанесенных знаков, главное для них – оставить как можно больше «автографов», замаркировав место. Часто тегги образуют недешифруемый орнамент, непонятны непосвященным в детали людям.

³ См., например, «случай НТМС». – URL: <http://puls-m.com/stati/graffiti-v-meleuze-karakuli-ili-iskusstvo.html>

Вот почему понимание смысла теггингов и подобных видов граффити из интерпретации содержания знака переходит в другую плоскость, обнажая проблему отсутствия не только гармоничной урбанистической среды, но и социально-культурного благополучия в обществе в целом.

Создание осмысленной и гуманной городской среды цель непростая, но вполне достижимая. Основным местом обитания граффити являются стены, сама семантика которых как нельзя более поощряет «протестность» граффити, их стремление преодолеть запреты и ограничения. Стена создает границу, препятствие, закрытое пространство как реальное, так и метафорическое. Не случайно, что еще в XV в. Л. Б. Альберти указывал на замкнутый характер стен, предлагая вместо них, там, где это возможно, использовать колоннады, арки и аркады. Разумеется, воспользоваться напрямую опытом ренессансного градоустройства в современном городе практически невозможно. Но есть и другие решения, преобразующие стены и расширяющие городское пространство. Одна из самых интересных возможностей – использование в городе приемов стрит-арта и близких к нему сложных граффити-композиций, создающих достойную конкуренцию теггингам.

Присутствие граффити на улицах города поднимает проблему кризиса вербальной коммуникации. С одной стороны, граффити-надписи транслируют безграмотную, вульгарную речь. Но в этом случае мы имеем дело лишь с плохим воспитанием и образованием автора граффити. Гораздо более серьезной проблемой представляется демонстрация возможности перехода от слова к символу, от понятия к «картинке», свидетельствующий о когнитивных изменениях, о разрушении связи мысль-речь-вещь. Разумеется, речь не идет о начавшемся регрессе, однако, редукция «способности к разговору» и сведение вербальной коммуникации к знаку с большим или меньшим смысловым содержанием (на примере граффити) становится весьма опасной тенденцией.

Список литературы

1. Антонијевић, Д. Антрополошки приступ модерним облицима фолклорне комуникације: графити, формулативне SMS и имејл поруке / Д. Антонијевић // Зборник Етнографског института САНУ 22. – Београд, 2006.
2. Головаха, И. Социальное значение асоциальных граффити / И. Головаха // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2004. – № 2.
3. Кайс, З. Поэтический знак в структуре смысла городского граффити-символа / З. Кайс // Альманах современной науки и образования. – 2015. – № 5 (95).
4. Лурье, М. Граффити: коммуникация и самопрезентация / М. Лурье. – URL: <http://guki.spb.ru/forum/viewtopic.php?p=3806#3806>
5. Неклюдов, С. Ю. Несколько слов о «постфольклоре» / С. Ю. Неклюдов. – URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/postfolk.htm>

В. В. Грызункова
(г. Пенза, Россия)

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ТОПОНИМИКА: СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОРОДА КАМЕНКИ)

Язык любого города имеет неоднородный состав. Он состоит из различных подсистем языка, находящихся в постоянном взаимодействии друг с другом. В настоящее время ономастологами активно изучаются неофициальные ономастиконы городов. В структуре языка города мы вычленим несколько подсистем: разговорную речь, просторечие, жаргоны. Неофициальная ономастика относится к суб-

стандартной лексике, находящейся за пределами литературной нормы и в то же время не относящейся ни к территориальным диалектам, ни к просторечию.

Существуют *официальные топонимы*, которые имеют документальное подтверждение в справочниках, картах города. Как правило, они представляют собой многосложные, двусловные именованья, поэтому многие городские объекты имеют параллельные *неофициальные* названия. Некоторые современные лингвисты называют неофициальные топонимы *локализмами, регионализмами, региолектами, урбанонимами* и т.п. Данные термины и понятия являются дискуссионной проблемой и актуальным предметом изучения лингвистов. Некодифицированные номинации географических объектов города и района мы будем именовать *регионимами* или *неофициальными топонимами*.

Изучением неофициальной топонимии в социолингвистическом аспекте занимаются учёные различных российских регионов: в Ульяновске (Барашков В. Ф.), Смоленске (Бутеев Д. В., Сибиченков А. Г.), Саратове (Сиротинина О. Б., Свешникова Н. В.) и др.; исследованием топонимов Пензенского края, в том числе и неофициальных, занимаются М. С. Полубояров, В. Д. Бондалетов, Н. А. Кузнецова. При этом данное явление остаётся малоизученным.

На сегодняшний день учёные говорят о том, что изучение языка современного провинциального города является важным и актуальным по целому ряду причин. По мнению советского лингвиста Е. С. Отина, «под влиянием различных экстралингвистических и собственно языковых факторов онимы приобретают добавочные значения (созначения), или референтные коннотации, имеющие смысловой ассоциативно-образный и эмоционально-оценочный компоненты» [Отин, 2003, с. 55–57].

Е. Н. Квашнина считает, что «появление вторичных номинаций обусловлено внутренними процессами жизни общества. Это связано с особым восприятием места жительства. Замечено, например, что переименовыванию, как правило, подвергаются близлежащие и часто посещаемые магазины, рынки и т.д.» [Квашнина, 2009, с. 146–147].

Итак, регионимы – это вторичные номинации, то есть новые обозначения объектов, уже имеющих официальные названия. В отличие от официальных топонимов, регионимы в большей степени характеризуют основные черты и условия жизни городского населения, его быт. Как правило, неофициальные топонимы возникают стихийно. При передаче из уст в уста они либо приживаются в речевой практике, либо постепенно видоизменяются. С исчезновением обозначаемого объекта некоторые из них выходят из речевого употребления, другие прочно закрепляются в бытовом общении, оставаясь в народной памяти, иногда попадая в литературный язык.

В нашем исследовании предпринята попытка выявить особенности неофициальных топонимов, используемых в речи жителей города Каменка Пензенской области. Материалом для наблюдения послужила живая речь жителей города Каменка, сел и деревень Каменского района. Совокупность неофициальных топонимов города Каменка исследуется впервые. Какая-либо справочная литература по этому вопросу на сегодняшний день отсутствует.

В общей сложности было найдено и проанализировано более 180 неофициальных топонимов (включая районные и городские (76) регионимы). Несомненно, для нас представляют интерес структурные особенности городских регионимов, которые позволяют классифицировать наименования по различным принципам.

Некоторые авторы разделяют топонимы на *полуофициальные* и *неофициальные* урбанонимы. Урбанонимами А. В. Суперанская называет некоторую совокупность названий улиц, площадей, зданий и иных внутригородских объектов.

К полуофициальным названиям районов города следует отнести названия-переносы с соответствующих названий объектов, но не являющихся администра-

тивными. Это чаще названия микрорайонов типа *Военгородок (Военный городок), Водострой, Сахарный, Сельмаш, Прогресс* и другие. В газетах, объявлениях, публикациях по обмену и продаже жилья они так и именуется: «*в районе Прогресс/Сельмаш*», где слово «район» вовсе не является номенклатурным онимом. Всего таких микропонимов выявлено 21, что составляет 27,6 % от общего количества найденных.

К неофициальным урбанонимам относятся все остальные онимы (55–72,4 %), имеющие разговорный оттенок. Например, «*Грязнуха*», «*Зверинец*», «*Пьяный аул*», «*Синий нос*», «*Пьяная дорога*», «*20-й квартал*», «*Ручеёк*», «*Коммуна*» и т.д.

Лингвистический анализ неофициальных топонимов позволяет выделить топонимы, мотивированные и немотивированные официальными названиями. Известно, что мотивированность слова – это обусловленность его значения значением другого слова, от которого оно образовано.

Отметим, что *немотивированными* называют регионимы, которые условно обозначают объекты действительности и являются первичными номинациями. К таким относим «*Грязнуха*», «*Пьяный аул*», «*Зверинец*», «*20й квартал*», «*35 квартал*», «*Лунёвка*», «*Ручеёк*», «*Фонтанка*» и др. При образовании немотивированных топонимов ярко проявляется народное языковое творчество. Жители, как правило, подчёркивают достоинства или недостатки топонимического объекта, выделяют его из ряда однородных. Например, памятник «*Вечный огонь*» называется «*Свечкой*» по сходству формы огня (*метафора*), «*Зверинец*» – *район города, где всегда находится большое скопление собак* и т.д. Немотивированных неофициальных топонимов в городе Каменка оказалось 39 (51,3 %).

Мотивированные топонимы – это названия, семантически выводимые из официальных топонимов. Их отличительное свойство – семантическая вторичность, то есть связанность с семантикой официального топонима. Это прежде всего названия городских улиц, парков, заводов, например: *Кирзавод – Кирпичный завод, Малуха – улица Малая Белинская, Чапайка – улица Чапаева* и др. Топонимы данного типа просты и имеют прозрачную мотивацию. Они возникают стихийно в речи горожан в целях речевой экономии способом стяжения словосочетаний в одно слово с последующей суффиксацией или без суффиксации (универбации). Мотивированных топонимов было выявлено 37 (48,7 %).

Н. В. Свешникова по характеру обозначаемого объекта выделяет три типа номинаций: планарные, линейные и точечные микропонимы.

К *планарным наименованиям* относятся названия районов, поселков, микрорайонов городской территории. В эту группу отнесено 28 (37 %) топонимов: Самые крупные микрорайоны города – «*Прогресс*» и «*Сельмаш*» (объединяют около 15–20 улиц); «*Вокзал*» (ул. *Бурденко*, ул. *Мичурина* и др.), «*Гора*» (ул. *Первомайская*, *Советская*, *Маловского*, *Октябрьская* и др.), «*Пэшка*» (ул. *Красноармейская*, ул. *Белинская*, *Театральный проезд* и др.), «*Грязнуха*» (ул. *Ключевая*, *Б. Ключевая*, *М. Трудовая*), «*Водострой*» (ул. *Баумана*, ул. *Родниковая* и др.).

Линейные микропонимы – это названия городских объектов, имеющих линейную протяженность: улиц, площадей, проездов, тупиков, переулков, шоссе и т.п. Их выявлено всего 35 (46%). Например, *улица Чапаева – Чапайка, часть ул. Чернышевского – Московская, ул. Малая Белинская – Малуха, ул. Молодёжная – Молодёжка, ул. Баумана – Бауманка, ул. Льва Толстого – Львуха* и др. Кроме того, есть линейный микропоним, который имеет 3 неофициальных наименования – *объездная дорога – «Объездка», «Пьяная дорога»* (на сегодняшний день в связи с выполненным ремонтом дороги – «*Трезвая дорога*»). Отмечаются и шуточные, каламбурные номинации: *Улица Баумана – улица Дауна*.

Точечные микропонимы включают наименования построек различного функционального профиля: домов, магазинов, парков, рынков, учреждений, фирм и

т.д. («Развалюха» – магазин на ул. Советской, «Караван» – ул. Центральная, 1; «Рогачка» – ГПТУ, «Фонтанка» – площадь фонтанная у завода «Белинксельмаш», и др.) Всего таких названий выявлено 13 (17 %).

Таким образом, выявление структурно-семантических и функциональных особенностей регионимов свидетельствует о системности этих единиц, их взаимосвязи и особом месте в языковой системе в целом. В частности, у неофициальных топонимов ещё трудно определить языковой статус, но они существуют в речевой практике как территориальные единицы в рамках топонимической коммуникации и, безусловно, представляют научный лингвистический интерес.

В настоящее время изучение неофициальных топонимов является актуальной проблемой в новом лингвистическом направлении – топонимической коммуникации. Ведь в повседневной суете, проходя по улицам, практически никто из нас не замечает, какой смысл заложен в название каждой из них: «Живу на Чапайке», «еду по Пьяной дороге», «гуляю на Грязнухе», – обычные фразы, которые каждый из нас произносит ежедневно. Но, присмотревшись, замечаешь, что в этих названиях – целая история твоего города.

Список литературы

1. Квашнина, Е. Н. Особенности микротопонимии уральского города / Е. Н. Квашнина // Тегга Нумана. Среда обитания. – 2009. – № 3. – С. 145–148.
2. Отин, Е. С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка / Е. С. Отин // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2. – С. 55–72.
3. Полубояров, М. С. Весь Пензенский край: историко-топографическое описание Пензенской области. Каменский район / М. С. Полубояров. – Пенза, 2007.
4. Суперанская, А. В. Что такое топонимика? / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1985.

Л. Б. Гурьянова
(г. Пенза, Россия)

СВОЕОБРАЗИЕ МЕМОРИАЛЬНЫХ НАДПИСЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ Г. ПЕНЗЫ)

Культурологи считают что «для большинства людей представления о днях минувших формируются в первую очередь под воздействием множества различных форм «коммеморации» [Электронный ресурс URL:<http://lib.rus.ec/b/429779>], к которым относят памятные знаки, архитектурно-мемориальные сооружения, надписи, некрополи, мемориальные комплексы и т.п. В городе Пензе, образованном в 1663 г., есть немало городских объектов, призванных сохранить память о людях, которыми гордится Сурский край, и наиболее важных событиях в его истории. Такими объектами являются и мемориальные доски – своеобразные знаки исторической памяти, которые, как правило, выполняют историко-мемориальную, художественно-эстетическую и информационно-коммуникативную функции.

В Пензе первая мемориальная доска была установлена в 1911 в 1-й мужской гимназии в память о В. Г. Белинском. До Великой Отечественной войны была открыта ещё одна на корпусе областной больницы, где работал врач Н. А. Щепетильников (1936). В настоящее время мемориальные доски – обязательный компонент языкового пространства города.

В Пензе они установлены на зданиях **предприятий**: *Лауреат Сталинской премии доктор технических наук главный конструктор ЭВМ «Урал» Рамеев Башир Искандерович Работал на предприятии 1955–1968 (ул. Байдукова, д. 2); музей*: *Музей одной картины создан по инициативе видного общественного деятеля Мяс-*

никова Георга Васильевича (1926–1996) Открыт 12 февраля 1983 г. (ул. Кирова, д. 11); **учебных заведений:** Летчик-космонавт СССР Герой Советского Союза Виктор Иванович Пацаев учился в Пензенском политехническом институте с 1950 по 1955 г. (ул. Красная, д. 40); **медицинских учреждений:** Постановлением Совета Министров РСФСР от 26 февраля 1982 Пензенской центральной городской больницы № 6 присвоено имя выдающегося русского терапевта Григория Антоновича Захарьина 1829–1897 (ул. Стасова, д. 7); **учреждений культуры:** Основателем детской школы искусств и ее бессменным директором с 1990 по 2012 гг. являлся Яничкин Юрий Ермолаевич Заслуженный деятель искусств России, Лауреат премии Правительства РФ «Душа России», Почетный гражданин города Пензы (проспект Победы, д. 41); **правоохранительных учреждений:** Улица названа в честь старшего лейтенанта милиции Константина Игнатъевича Злобина, погибшего в схватке с вооруженными бандитами 19 июля 1943 г. (ул. Злобина, д. 52); **на фасадах жилых домов:** В этом доме с 1974 по 1979 г. жил видный политический и государственный деятель РСФСР, Почетный гражданин Пензенской области и города Пензы Лев Борисович Ермин (ул. Красная, д. 65).

Надписи на мемориальных досках посвящены **важным событиям:** В этом здании 9 сентября 1919 г. на собрании представителей партийных, советских и профсоюзных организаций выступал Михаил Иванович Калинин (ул. Советская, д. 9); **отдельным фактам истории:** В этом здании с 1918 по 1921 г. размещались женские пулеметные курсы по подготовке командного состава Красной Армии. Здесь в апреле-мае 1919 г. размещался штаб 1-го Пензенского коммунистического полка, командиром которого был Б. А. Сорокин, комиссаром П. В. Кутузов (ул. Советская, д. 9); **выдающимся землякам:** В этом доме 5 декабря 1909 г. родился русский писатель Николай Павлович Задорнов (ул. Революционная, д. 45).

Как правило, надпись на мемориальной доске, кроме личных данных о человеке, содержит сведения **о его профессиональной:** Здесь в 1904–1909 гг. жил выдающийся полководец Маршал Советского Союза Михаил Николаевич Тухачевский (ул. Московская, д. 22); или **общественной деятельности:** В этом доме жил выдающийся общественный деятель, Депутат Государственной Думы Федерального собрания с первого по пятый созывы Илюхин Виктор Иванович (ул. Суворова, д. 160); **о его участии в важных исторических событиях:** В этом доме с 1981 по 2011 г. жил генерал-лейтенант артиллерии, участник Великой Отечественной войны Василий Иванович Зайцев (1925–2011) Начальник Пензенского высшего артиллерийского инженерного училища им. Н. И. Воронова (1978–1987 гг.) (ул. Урицкого, д. 18); **о его вкладе в развитие культуры:** В этом доме жил и работал известный русский писатель Сазонов Александр Александрович 10.04.1932-16. 12. 1992 (ул. Суворова, д. 129) и **спорта:** В этом доме жил Швам Зиновий Семенович Заслуженный тренер СССР Основоположник пензенского баскетбола (ул. Урицкого, д. 44А); **о его наградах:** Долгов Петр Иванович 1929–1962 Герой Советского Союза Звание присвоено посмертно за проявленное мужество, отвагу и героизм при испытании новых авиационных испытательных средств (ул. Долгова, д. 2).

Открытие мемориальной доски может инициировать общественная организация, частное лицо или некая властная структура.

Так, 19 декабря 2012 г. на доме № 38 по улице Красной была установлена мемориальная доска в честь известного мецената, кавалерственной дамы Марии Михайловны Киселёвой, «почетной гражданки города Пензы, щедрой благотворительницы, члена Пензенского совета, попечительницы бедных, действительного члена Православного палестинского общества». Открытие мемориальной доски, установленной Пензенской епархией Русской православной церкви, сопровождалось импровизированным митингом, на котором вспоминали эту неординарную женщину.

Так, наместник пензенского Спасо-Преображенского монастыря игумен Нестор отметил: «Мы рассеянно живем, не знаем, куда приложить свои силы, куда вложить свои средства. Мария Киселёва чётко знала, что есть Бог и что есть человек. Поэтому она служила Богу и людям» [URL: <http://penza.rfn.ru/mews.html?id=93176cid=7>].

В городе существуют здания, на которых расположено сразу несколько мемориальных досок. Например, на фасаде гимназии «Ступени» (ул. Володарского, д. 1) до недавнего времени были расположены 4 мемориальные доски:

В этом здании в 1917 г. окончил реальное училище вице-адмирал, инженер, доктор технических наук, лауреат государственных премий Брыкин Александр Евстратьевич;

Здесь с 1911–1915 гг. учился Ставский /Кирпичников/ Владимир Петрович, видный советский писатель и журналист;

Здесь учился с 1924–1926 гг. Сергей Владимирович Курашов 1910–1965 академик, общественный деятель, Министр здравоохранения СССР;

В этой школе учился с 1918 по 1920 гг. профессор кинооператорского искусства, лауреат государственных премий Косматов Леонид Васильевич.

Как отмечают на сайте ученики гимназии, их было больше: неизвестные вандалы разбили две мемориальные доски. Одна из них была установлена в память о том, что в годы Великой Отечественной войны здесь находился эвакогоспиталь № 1042; надпись на другой сообщала, что в реальном училище, которое раньше размещалось в этом здании, обучался Вениамин Львович Зускин, народный артист РСФСР. С 1935 г. он преподавал в театральном училище Московского еврейского театра, с 1949 г. руководил Государственным еврейским театром. В 1949 г. Вениамин Львович репрессирован и посмертно реабилитирован [URL: shkid-stupeni.jimdo.com]. К сожалению, и сегодня эти доски не восстановлены.

Как правило, мемориальные доски – это приметы внешней городской эпиграфики. Так, на здании по адресу улица Кирова, дом 13 расположена мемориальная доска, рассказывающая о том, что находилось в нём в разные годы: *1796–1917 гг. Дом пензенского депутатского дворянского собрания; В этом здании размещались с 1918 г. по 1936 г. Дворец труда губернского совета профсоюзов; с 1936 г. по 1987 г. Дом пионеров и школьников имени 10-летия ВЛКСМ; с 1989 г. по 2006 г. Театр юного зрителя; с 2008 г. Законодательное собрание Пензенской области.* Кроме того, на мемориальной доске размещены барельефные портретные изображения выдающихся людей, посещавших Дом пензенского депутатского дворянского собрания: поэта **Д. В. Давыдова**, премьер-министра **П. А. Столыпина**, царя **Александра Первого**, промышленника **А. Н. Бахметьева** и генерала-фельдмаршала **М. С. Воронцова**.

Еще одна мемориальная доска установлена в помещении Законодательного Собрания Пензенской области, следовательно, её можно считать образцом внутренней эпиграфики: *В этом здании находилось Дворянское собрание, которое посещали многочисленные представители рода Столыпиных и государственный деятель Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911), внесенный в дворянскую родословную книгу Пензенской губернии.*

За последнее время в Пензе появилось немало новых мемориальных досок, и это неслучайно. Так, Е. А. Беседина и Т. В. Буркова считают, что в связи с расширением поля исторической памяти, появляется всё больше имён и событий, которые ждут своего увековечивания [URL: histrf.ru/uploads/media/default/0001/08/...pdf].

Пензенские СМИ сообщили, что готовится к открытию мемориальная доска в честь Натальи Лавровой, четырёхкратной чемпионки Европы, пятикратной чемпионки мира, первой двукратной олимпийской чемпионки по художественной гимнастике в групповых упражнениях, которая будет установлена на спортивном комплексе «Буртасы», носящем её имя.

Совсем недавно в Пензе была открыта мемориальная доска Алексею Сергеевичу Турищеву (1886–1962), автору музыки легендарной песни «Варяг». Так как в годы Великой Отечественной войны он был директором детской музыкальной школы № 1 г. Пензы, мемориальная доска установлена на здании школы по адресу улица Богданова, дом 19.

Нередко открытие мемориальных досок связано с памятными датами. Так, 22 июня 2011 г. в Пензе, на здании Пензенского военного госпиталя (ул. Кирова, 17), по инициативе историка и краеведа Геннадия Тамбовцева была установлена мемориальная доска, посвящённая бойцам и командирам 61-ой стрелковой дивизии, сформированной в Пензенской области. Надпись на мемориальной доске гласит: *«В этом здании с 1939 по 1941 гг. располагался штаб 61-й стрелковой дивизии, сформированной из жителей Пензенской области и героически сражавшейся в первые месяцы Великой Отечественной войны на территории Белоруссии»*. В этот же день на здании гимназии № 4 «Ступени» (ул. Володарского, 1) появилась мемориальная доска следующего содержания: *«В этом здании обучались дети и преподавали жены бойцов и командиров 61-й стрелковой дивизии, сформированной из жителей Пензенской области и героически сражавшейся в первые месяцы Великой Отечественной войны на территории Белоруссии»*.

Выступая на митинге, посвящённом их открытию, вице-губернатор Пензенской области Сергей Златогорский сказал: «К сожалению, подвиг бойцов 61 дивизии не получил того освещения, того признания, которого заслуживает по праву. Потому что это были первые недели, месяцы борьбы с врагом. То, что теперь мы открываем 2 мемориальные доски, – это та малая толика, которую мы можем воздать в память о мужественных, беззаветно преданных своему отечеству людях» [[URL: pravda-news.ru/topic/7789.html](http://URL:pravda-news.ru/topic/7789.html)].

Как отмечают культурологи, чаще всего мемориальная доска лишена каких-либо иконических знаков. Однако в Пензе немало мемориальных досок, украшенных барельефами (например, зоопсихологу Н. Н. Ладыгиной-Котс (ул. Советская, д. 9), поэтессе С. Нерис (ул. Карла Маркса, д. 7), поэту и драматургу А. Б. Мариенгофу (ул. Московская, д. 34), директору Пензенской картинной галереи В. П. Сазонову (ул. Советская, д. 3), а мемориальная доска писателю и сценаристу А. С. Васильеву (ул. Володарского, д. 74) выполнена в виде киноплёнки.

Особое место среди них занимает мемориальная доска, посвящённая пензенцам-участникам Первой Мировой войны. Она представляет литое полотно-основание, изготовленное из композитного материала с изобразительно-шрифтовой композицией – рельефами, надписями и орнаментом. В верхней части мемориальной доски водружён Государственный герб России – двуглавый орёл с традиционным изображением в центре развёрнутого вправо Святого Георгия Победоносца в доспехах и мантии (плаще), на коне со сбруей, поражающего копьём змия. Двуглавый орёл в атрибутике мемориальной доски интерпретируется как символ преемственности поколений, признания их вклада в становление и сохранение целостности российского государства. По сторонам центральной части мемориальной доски расположены рельефы шести солдат в униформе Русской императорской армии времён Первой мировой войны. Основной текст в центральной части мемориальной доски увенчан рельефным изображением Георгиевского креста и Георгиевской ленты на фоне изображения лавровой ветви. Данная орнаментная композиция символизирует героизм пензенских воинов, 13 из которых стали полными кавалерами Георгиевского креста и ещё тринадцать были удостоены трёх Георгиевских крестов за мужество и отвагу в сражениях Первой мировой войны. Нижнюю часть мемориальной доски украшает картуш – художественное изображение свитка с дополнительной надписью, выполненной рельефным шрифтом. Содержание надписи на картуше мемориальной доски подчёркивает вклад жителей Пензенской губернии в обеспече-

нии Русской императорской армии воинскими кадрами. Так, к лету 1917 г. 46,7 % трудоспособных мужчин Пензенской губернии были призваны на фронт. Большая часть из них не вернулась с полей сражений.

Необходимо отметить, что не существует единых правил для оформления мемориальных досок. Как считает С. В. Лихачев, у художественных надписей такого рода есть ряд особенностей: они адресованы не какому-либо целевому пользователю, а предназначены для всех; они служат для расширения кругозора или для изменения эмоционального состояния адресата; в силу своей художественности они должны быть индивидуальны [Лихачев, 2010, с. 92].

Нередко текст на мемориальной доске отражает концепцию тех людей или организаций, которые инициируют её открытие. Так, пензенские региональные отделения Российского военно-исторического общества, Российского исторического общества, Русского географического общества открыли мемориальную доску на втором корпусе Пензенского государственного университета (ул. Чкалова): *В этом здании с 1910 по 1914 гг. размещались воинские подразделения 45 пехотной дивизии Русской императорской армии, которые в июле-августе 1914 г. были направлены на юго-западный фронт Первой мировой войны и героически сражались с германо-австрийскими войсками в ходе Галлицийской битвы Варшавско-Ивангородской операции Горлицкого прорыва Виленского сражения и Нарочского наступления. Часть подразделений дивизии была сформирована из жителей Пензенской губернии*. Надпись явно создавали историки, так как в ней точно перечислены битвы и сражения того времени (*Галлицийская битва Варшавско-Ивангородской операции Горлицкого прорыва Виленского сражения и Нарочского наступления*).

На здании гимназии № 4 «Ступени» по инициативе Пензенского отделения Русского географического общества была открыта мемориальная доска Евгению Матвеевичу Сузюмову. В надписи на первом месте значатся его профессиональные заслуги (*«географ, писатель, полярник, ученый секретарь первой советской антарктической экспедиции (1955–1956), член Русского географического общества»*) и только в конце можно прочесть, что он *«выпускник школы № 4 города Пензы (1925)»*.

Часто надписи на мемориальных досках скорее дань памяти, чем выражение эмоционального потрясения от случившегося события.

Так, почти не отличаются тексты двух мемориальных досок, установленных на здании одного из учебных заведений города Пензы: *Памяти погибшего во время боевых действий в Чеченской республике Недошивина Сергея Владимировича выпускника школы № 31; Памяти погибшего при выполнении интернационального долга в республике Афганистан Кривченко Михаила Александровича выпускника школы № 31 (пр. Победы, д. 65)*. В текстах отсутствуют знаки препинания перед словом «выпускник», да и сам текст выглядит слишком официальным.

Иное впечатление производят тексты на мемориальных досках, установленных на здании двух других школ: *С 1984 по 1994 г. в нашей школе № 56 учился Брюхин Алексей Николаевич героически погибший 6 августа 1996 г. в Чеченской республике (ул. Рахманинова, д. 37); Памяти Гаврилина Романа Вячеславовича выпускника гимназии № 42 Кавалера «Ордена Мужества» погибшего в Чеченской республике (ул. Ульяновская, д. 34А)*.

К сожалению, знаки препинания отсутствуют и в этих текстах, однако слова *«героически погибшего»* и *Кавалера «Ордена Мужества»* передают уважение к выпускникам-героям.

Несмотря на то, что существует Положение о порядке размещения мемориальных досок на территории Пензенской области, из которого следует, что «текст мемориальной доски должен быть изложен на русском языке, что он должен в лаконичной форме содержать характеристику события, фамилию, имя, отчество гражданина. Из

текста должно быть ясно, почему она установлена по данному конкретному адресу, текст должен согласовываться» [URL: <http://docs.cntd.ru/document/467804570>], в некоторых из них нами были найдены неточности.

Так, в тексте на мемориальной доске: *В этом здании с 1807–1838 гг. располагалась гимназия, где с 1820–1823 гг. директором был выдающийся романист, драматург, мемуарист Иван Иванович Лажечников (ул. Московская, д. 11)*, дважды отсутствует предлог *по*, который в конструкции с предлогом *с* указывает на продолжительность происходящих событий. Подобная неточность характерна и для двух мемориальных досок, расположенных на гимназии «Ступени» и посвященных В. П. Ставскому и С. В. Курашову.

В тексте надписи на мемориальной доске: *В этом здании бывшей 1-й женской гимназии с 1901 по 1908 гг. училась заслуженный деятель науки РФ, основатель музея им. Ч. Дарвина, выдающийся зоопсихолог Надежда Николаевна Ладыгина-Котс 6(19).05.1889–2.09.1963*, было ошибочно указано, что она является заслуженным деятелем науки РФ. Поскольку это звание ей было присвоено при жизни в 1960 г., правильнее было написать *заслуженный деятель науки РСФСР*.

В тексте на мемориальной доске неоправданно дважды указано имя, отчество и фамилия известного краеведа: *Савин Олег Михайлович 24.7.1933–2009 3.7. В этом доме долгие годы жил и работал Савин Олег Михайлович, член Союза писателей России, литературовед, Заслуженный работник культуры Российской Федерации, лауреат Всероссийской премии имени М. Ю. Лермонтова, автор более 50 широко известных краеведческих работ, Соавтор Энциклопедии Пензенской области (ул. Попова, д. 8)*.

Таким образом, мемориальные доски в Пензе занимают особое место, представляя собой краткую летопись истории страны, города и неся особую функцию идеологического и эмоционального воздействия на жителей и гостей нашего города. Хотелось, чтобы тексты на мемориальных досках не содержали ошибок и неточностей, а для этого в городе Пензе должен быть создан консультативный орган по вопросам языковой политики, в который должны обязательно войти и лингвисты.

Список литературы

1. Беседина, Е. А. «Город должен говорить...»: мемориальная доска как знак коммеморации и коммуникации в социокультурном пространстве / Е. А. Беседина. – URL: histrf.ru/uploads/media/default/0001/08/....pdf
2. Зерубавель, Я. Динамика коллективной памяти / Я. Зерубавель // Империя и нация в зеркале исторической памяти : сб. ст. / ред. И. Герасимов, М. Молигнер, А. Семенов. – М., 2011. – URL: <http://lib.rus.ec/b/429779>
3. Лихачев, С. В. Язык надписей в современном обществе / С. В. Лихачев. – М., 2010. – С. 91–109.
4. Постановление о порядке размещения мемориальных досок на территории Пензенской области. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/467804570>
5. URL: <http://penza.rfn.ru/news.html?id=93176cid=7shkid-stupeni.jimdo.compravda-news.ru/topic/7789.html>

В. Ф. Казьмина
(г. Пенза, Россия)

АРТИОНИМЫ КАК ОСОБЫЙ ВИД ПРАГМОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ НАИМЕНОВАНИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПЕНЗЕНСКИХ ХУДОЖНИКОВ)

Имена собственные составляют ономастическое пространство, определяемое когнитивным представлением народа, дающего имена. Существенное влияние на их облик оказывают различные экстралингвистические факторы, поэтому среди имен

собственных большой интерес представляют искусственно созданные имена. Пласт имён собственных в русском языке содержит ещё множество фактов и большой объем ценного ономастического материала, которые ещё не стали предметом исследований лингвистов. Основоположники ономастики отмечают, что «каждое название одновременно и отличает называемый объект от других, и объединяет его с однородными. Названия никогда не существуют в одиночку, они всегда соотнесены друг с другом» [Никонов, 1974, с. 44].

Имена собственные отражают наиболее престижные для данного пласта лексики понятия и создают благоприятные условия для комплексного изучения сознания, культуры и языка. Это обуславливает необходимость разностороннего изучения современного ономастического пространства. Возникновение новых тенденций языкового развития, появление современных областей знания о языке и изменение картины мира выявляют, в свою очередь, неизученные направления как теоретической, так и прикладной ономастики.

Корпус онимических единиц стремительно растёт, и, хотя целый ряд наименований находит отражение в специальных справочниках и словарях, полное лингвистическое описание прагмонимов не проведено, да и вряд ли может быть осуществлено лишь единожды. Их среда пополняется ежедневно, и любая классификация будет нуждаться в периодической доработке. На необходимость изучения прагмонимов неоднократно указывали Н. В. Вертянкина, Н. А. Гурская, Т. В. Евсюкова, Е. А. Журавлева, И. С. Карабулатова, З. П. Комолова, Ж. Б. Кошпанова, И. В. Крюкова, Г. Б. Мадиева, О. О. Шестакова и др. Классификация русских по происхождению прагмонимов была выполнена С. О. Горяевым. Однако полная классификация прагмонимов еще не разработана.

Прагмонимы – это один из разрядов имён собственных. Однозначного определения прагмонима в науке не сформулировано. Разные ученые (В. Д. Бондалетов, Л. А. Введенская, Н. В. Подольская, А. В. Суперанская) называют их по-разному. А. В. Суперанская, например, вводит такое определение: прагмонимы – разряд онимов, в котором «объединены различные категории имён собственных, имеющие денотаты в прагматической сфере деятельности человека, связанные с практической, предметной областью» [Суперанская, 1988, с. 124].

Сложность определения прагмонимов в ономастическом поле обусловили неоднозначность в терминологическом аппарате прагмонимии. Их нередко называют товарными марками или словесными товарными знаками. А. В. Суперанская считает, что данные названия стоят на грани между именами собственными и апеллятивами, именуя их товарными марками, или словесными товарными знаками [Суперанская, 1978, с. 7].

Одним из общепризнанных положений ономастиологии является признание ведущей роли субъекта номинации в ходе всего номинативного процесса. Возникновение лексических единиц в ономастиологии рассматривается с точки зрения их творца. Поскольку именно номинатор являет собой организующее начало всего номинативного процесса, повышение внимания к субъекту номинации становится необходимым на современном этапе развития ономастиологии. Перспективным для «субъективного» ономастиологического изучения является ономастический материал. Но для изучения ономастического материала в «субъективном ключе» необходимо выбирать не центральные онимические классы – устоявшиеся, традиционные для данного языка и общества, а наиболее динамичные, периферийные, формирующиеся «на глазах» у исследователя. Одной из таких групп являются прагмонимы.

Материалом для нашего исследования послужили артионимы – наименования произведений пензенских мастеров, являющихся экспонатами выставки, посвященной 75-летию Союза пензенских художников. В общей сложности проанализировано около 300 наименований.

В настоящее время появляется всё больше работ, объектом исследования которых являются артионимы, что вполне логично, поскольку они представляют собой уникальный пласт русской лексики. По определению из «Словаря русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской, артионим – «имя собственное (название) произведения изобразительного искусства (живописи, графики, пластики)» [Подольская, 1978, с. 38]. Название, как правило, отражает то, что изобразил художник, а это в свою очередь подразумевает использование лексики разных пластов, которое ограничивается лишь фантазией самого автора.

В формировании наименований произведений пензенских художников участвуют онимы разных классов:

- имена людей (антропонимы): «*Катя*», «*Софья*», «*Анна Ахматова*»;
- названия географических объектов (топонимы): «*Венеция. Гранд канал*», «*Посёлок Ширяево*», «*Тарханы*»;
- названия растений (фитонимы): «*Ирисы*», «*Рябинка*», «*Чайные розы*»;
- названия, мотивированные временем суток, года: «*Вечер. Окрестности Ялты*», «*Доброе утро*», «*Дыхание зимы*», «*Русская ночь*»;
- названия праздников: «*Светлый день Пасхи*», «*Утро Рождества*»;
- названия, мотивированные видом деятельности изображенных персонажей: «*Колхозник*», «*Дачница*», «*Наездница*»;
- имена персонажей фольклора: «*Илья Муромец*», «*Кикимора из Леонидовки*», «*Чёртик*».

Большую группу артионимов составляют названия картин, содержащие в себе девербативы (отглагольные имена существительные), поскольку на картине часто изображается определенный момент совершения действия: «*Похищение Европы*», «*Ожидание друзей*».

Принято считать, что артионим – индивидуальное название единичного предмета, однако встречаются целые серии художественных произведений, названия которых различают при помощи нумерации: «*Ева-17*», «*Ева-32*», «*Ева-26*».

Ещё одной отличительной чертой артионимов является то, что в них часто заключается наименование жанра изобразительного искусства, к которому относится данное произведение: «*Портрет искусствоведа Буяльской*», «*Автопортрет*», «*Натюрморт с яблоками*».

В ходе анализа артионимов пензенских художников было установлено, что они номинируются различными словообразовательными способами. Наиболее распространённые способы номинации:

- лексико-семантический: «*Львы*», «*Ребус*». Название образовано на базе имеющихся в языке лексических единиц – онимизация;
- лексико-синтаксический: «*Книжная графика*», «*Снежный март*». Название образовано на основе свободного словосочетания.

Однако в некоторых случаях артионимы могут выходить за рамки словосочетаний: «*Как на масляной неделе разгулялся есаул*», «*И падал жёлтый лист*» – двусоставные полные предложения.

Изучение наименований картин пензенских художников приводит нас к выводу о том, что значительная их часть связана непосредственно с реалиями Пензенского края, его историей, конкретными историческими личностями. Примером могут служить серии работ таких художников, как В. В. Филатов, В. Ф. Чумак, изобразивших на своих полотнах губернаторов Пензы: «*Сергей Алексеевич Хвостов*», «*Фёдор Петрович Лубяновский*», «*Аполлон Николаевич Волков*» и др.

Список литературы

1. Никонов, В. А. Имя и общество / В. А. Никонов. – М. : Наука, 1974.
2. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М., 1978.

3. Суперанская, А. В. Апеллятив-оним / А. В. Суперанская // Имя нарицательное и собственное : сб. ст. – М., 1978.
4. Суперанская, А. В. Ономастика. Типология. Стратиграфия / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1988.

А. В. Морозов
(г. Пенза, Россия)

ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ ГОРОДА КУЗНЕЦКА ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Исследование языкового портрета города, сформированного эргонимами (наименованиями деловых объединений людей), – актуальный вопрос современной лингвистической науки, поскольку эргонимы представляют собой слабоизученный аспект языка (на это, в частности, указывается в работах Ф. Ф. Алистановой, Н. В. Шимкевича, И. А. Тортуновой и др.). Анализируя названия предприятий, можно судить не только о том, как развивается коммерческая деятельность в городе, но и установить, каковы языковые предпочтения и вкусы его жителей.

Лексический анализ названий предприятий г. Кузнецка Пензенской области (магазинов, промышленных компаний и культурных заведений) имел целью определить в структуре эргонима соотношение заимствованных и исконно русских лексем, так как, на наш взгляд, этот показатель – один из определяющих в языковом портрете города (материалом для исследования послужили 138 названий фирм, расположенных в городе). В ходе работы было установлено следующее:

1. Количество заимствованных слов в эргонимах преобладает и составляет 71,8 % от общего числа (99 наименований из 138), например, *Gloria Jeans, Пассаж, Ascona, Вербена* и т.п. Причина – стремление привлечь покупателя возможностью приобрести товар «из-за рубежа», который, вероятно, у живущих в России ассоциируется с высоким качеством и соответствием тенденциям моды.

2. Полностью отсутствуют исконно русские наименования в названиях магазинов спортивных товаров, компьютеров и бытовой техники (они неуместны, поскольку в них продаются в основном товары иностранного производства).

3 Преобладание исконно русских слов и выражений наблюдается только в названиях продовольственных (83 %) и детских магазинов (66,7 %), например, *Спутник, Свежий хлеб, Сударушка, Шалуны, Детский мир* и др. Причина этого явления – в стремлении компаний напрямую сформировать у потребителя точное и недвусмысленное представление о сфере своей деятельности.

4. Большая часть фирм (96 из 138) в названии содержит нарицательные существительные (69,6 %), в то время как имена собственные встречаются лишь в названиях 21 компании (15,2 %). Это связано с тем, что имена собственные не позволяют определить, чем занимается предприятие, следовательно, ограничивают возможности набора клиентов из числа «случайных потребителей». В названиях магазинов одежды, зоомагазинов и ветеринарных аптек, продовольственных, компьютерных, магазинов и других присутствуют только нарицательные существительные.

5. Имена собственные, используемые в названиях, никак не поясняют сферу деятельности компании, большинство из них – имена людей: *Виктор, Галина, Алсу*, однако встречаются и имена литературных персонажей: *Красная шапочка, Гулливер, Айвенго*, используются названия, относящиеся к античной культуре и литературе: *Эллада, Гелиос, Гермес, Веста, Олимп*.

6. Наиболее точное и правильное представление о сфере деятельности компании формируют наименования ювелирных магазинов, представленные, чаще всего, названиями драгоценных камней или металлов: *Агат, Изумруд, Топаз, Серебро* – данные эргонимы одновременно дают возможность и сфокусировать внимание потребителя на целях компании, и выделиться среди конкурентов.

7. Как правило, детские магазины можно отличить по сущности названий или их грамматическим особенностям: *Шалуны*, *Детский мир*, *Бегемотик* (уменьшительно-ласкательный суффикс).

8. Названия спортивных магазинов чаще всего содержат корень «спорт»: *Спортсити*, *Спорттовары*, *Спорткласс* – с использованием данного корня возможно много вариаций, как и в случае с названиями ювелирных магазинов.

9. Число названий, позволяющих составить правильное представление о деятельности предприятия, составляет лишь 37 % (51 из 138): не используя в эргонимах общеупотребительные термины, предприятие не поясняет сущности своей деятельности, однако в будущем, при наличии информативной рекламы, компания обеспечивает себе уникальность среди конкурентов.

Итак, в языковом портрете города Кузнецка, отражённом в эргонимах, преобладают заимствования, а также лексемы, никак не поясняющие сферу деятельности компании, однако выделяющие её как уникальную среди конкурентов. Вероятно, вследствие этого человеку, попавшему в город, будет сложно разобраться в его инфраструктуре. Эти факты подтвердили выводы, сделанные другими исследователями эргонимии, в том числе представленные в работах Курбановой М. Г., Бобровой М. В. и др.

Список литературы

1. Алистанова, Ф. Ф. Эргонимы современного русского языка как микросистема / Ф. Ф. Алистанова. – URL: <http://www.dissercat.com/content/ergonimy-sovremennogo-russkogo-yazyka-kak-mikrosistema>
2. Боброва, М. В. Принципы образования современных эргонимов города Перми / М. В. Боброва // Труды КАЭЭ ПГГПУ. – 2014. – № 4.
3. Курбанова, М. Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика / М. Г. Курбанова. – Волгоград : Типография Издательства ВГСПУ «Перемена», 2015.
4. Тортунова, И. А. Эргоним как результат речетворчества / И. А. Тортунова // Филология. – 2012. – № 3. – С. 124–136.
5. Шимкевич, Н. В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты / Н. В. Шимкевич. – Екатеринбург : Типолаборатория УрГУ, 2002.
6. URL: <http://vkuznecke.ru/maps/torgovlja>

Н. А. Николина, Д. В. Дозорова
(г. Москва, Россия)

НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ УРБАНОНИМЫ-КОМПРЕССИВЫ В СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Городское пространство, представляющее собой динамичную, быстро меняющуюся среду (особенно в мегаполисах), имеет не только особый социально-культурный, но и языковой облик. Основными лексическими единицами языка города являются урбанонимы – «названия внутригородских объектов» [Суперанская, 198, с. 6].

Главное назначение урбанонимов, как и любых других типов топонимов, – «адресная функция», то есть функция указания на тот или иной социально значимый географический объект, функция ориентира. Урбанонимы меняются вместе с жизнью города, подвергаясь тем же историческим изменениям, что и общество, и одновременно отражают эти изменения, несут культурологическую информацию, являются некими вехами в развитии данного этноса и языка [Горбаневский, 1996, с. 3]. Урбанонимы образуются по закреплённым в системе языка моделям и функционируют в речи в соответствии с определёнными традициями. Это касается и урбанонимов, которые подвергаются, с одной стороны, действию закона языковой эконо-

мии, с другой, – влиянию оценочного отношения горожан к тому или иному внутри-городскому объекту [Литвин, 1989, с. 6]. Оба этих фактора отражаются в переименовании официальных топонимов, документально закрепленных в номенклатурных перечнях, картах, и создании их неофициальных вариантов, функционирующих преимущественно в устной городской коммуникации. Неофициальные топонимы отражают особое отношение говорящего к пространству как к локусу, им уже освоенному. Это «родственное внимание» (М. Пришвин) к своему миру, проявляющееся в упрощении структуры стандартных наименований: *Каширка*, *Дыбы* (вместо улицы Дыбенко) и т.д. В урбанонимах-компрессивах, как и в народных названиях мест, часто проявляются юмор, ирония говорящих, наблюдается отторжение от официальной городской культуры, отсюда обращение к компрессивному словообразованию.

Неофициальные урбанонимы образуются в речи тремя основными способами: субстантивацией, сокращением протяженного официального наименования для удобства использования (в данном случае действует уже отмеченный закон языковой экономии) и созданием параллельных (или новых – для объектов, не освоенных официальной топонимикой) наименований, не связанных с номенклатурными названиями. Последние два способа высокопродуктивны в современной речи. Компрессивы при этом часто характеризуются сниженными коннотациями, эмоционально-экспрессивной окраской, ярко выраженной оценочностью [Рут, 2012, с. 201–202].

Самым продуктивным средством создания неофициальных вариантов урбанонимов является универбация – создание свернутых эквивалентов неоднословных наименований разного типа, преимущественно на базе атрибутивных словосочетаний с использованием суффикса и элиминацией существительного исходного словосочетания (*Киевка – Киевский вокзал*). Как правило, при универбации происходит сворачивание атрибутивного словосочетания на базе прилагательного, существительное же при этом остается материально не выраженным. При образовании универбата от наименования городского объекта в качестве производящей базы выступает само имя собственное (по происхождению часто имя прилагательное), а определяемое слово («улица», «станция метро») входит в состав производного имплицитно: улица *Молодежная* – *Молодежка*. Кроме того, собственное имя тоже может быть составным, в результате в производном универбате остается только наиболее значимая часть, чаще всего это именно основа прилагательного в составе онима, по которой легче всего идентифицировать объект: *Речник – станция метро «Речной вокзал»*, *Преображенка – станция метро «Преображенская площадь»*, *Теплак – район Теплый Стан* (Москва).

Универбаты широко используются в ономастическом пространстве города. Они фиксируют наиболее известные, часто посещаемые, территориально значимые городские объекты.

Преимущественное распространение такие единицы получили в прошлом столетии, хотя они отмечаются и ранее. Характерно, что универбаты связывают обычно с историей московского лексикона, ср.: *Сухаревка* – площадь перед Сухаревской башней, *«Кулаковка»* – ряд домов во владении Кулакова, *Хитровка* – Хитров рынок, *толкучка* – толкучий рынок, *обжорка* – обжорный ряд, *ночлежка* – ночлежный дом, *меблирашки* – меблированные комнаты, *Бутырка* – Бутырская тюрьма, *Таганка* – Таганская тюрьма, *Петропавловка* – Петропавловская крепость [Гиляровский, 1989; Селищев, 2003]. Улицы Москвы издавна носили наименования, возникшие на базе развернутых конструкций, включающих, главным образом, названия церквей и монастырей: *Сретенка* – Сретенская улица (по Сретенскому монастырю), *Петровка* – Петровская улица (по Высоко-Петровскому монастырю), *Пречистенка* – улица, названная в честь иконы Пречистой Божией Матери Смоленской [Смолицкая, Горбаневский, 1982, с. 68]. По словам А. Г. Горнфельда, «...Мариинка нас возмущает, Александринка коробит меньше, к предварилке мы привыкли, а московские

улицы – Варварка, Ильинка, Лубянка и даже – столь неуважительно – Покровка, Сретенка, Воздвиженка кажутся просто незаменимыми. В Москве Знаменка и Владимирка естественны, но дурным тоном показалось бы нам, если бы так назвали в Петербурге Знаменскую и Владимирскую...» [Горнфельд, 2011, с. 57]. Активность подобных свернутых наименований связывают с особенностями исторического и культурного развития Москвы. Так, Е. Замятин отмечает: «Петербург рос, как правительственный, императорский город, его строила казна, государство, система. <...> Совсем по-иному, по-восточному, строилась царская Москва: капризно, раскидисто, пестро, бессистемно. Ее ростом не руководила ничья единая воля...» [Замятин: http://az.lib.ru/z/zamjatin_e_i/text_0180.shtml]. Тем не менее, в Санкт-Петербурге также функционировали отдельные топонимы-универбаты, особенно в сфере наименований театров: *Александринка* – Александринский драматический театр, *Мариинка* – Мариинский оперный театр.

Языковеды начала XX в. отмечали стилистически сниженную окраску универбатов-новообразований: «В ещё недавнее время суффикс *-ка* в неодушевлённых именах означал либо просто уменьшительность, напр., *головка, иголка, рамка*, либо фамильярное, но отнюдь не вульгарное отношение к предмету: *столовка, читалка, раздевалка, сберегалка*. Оттенок вульгарности появлялся в тех редких случаях, когда вещи, так сказать, «серьезные» назывались фамильярно, как, напр., *Охранка* вместо Охранное отделение; *Предварилка* вместо Дом предварительного заключения; пожалуй, *Монополька* вместо Казенная винная монополия и т.п.» [Карцевский, 2000, с. 224]. Таким образом, стихия разговорности постепенно захватывала не только сферу нарицательных имен, но собственных наименований.

В настоящее время универбаты-неофициальные наименования городских объектов приобрели чрезвычайно широкое распространение и характерны не только для столиц, но и для провинциальных регионов.

Универбаты используются для обозначения различных городских объектов. Наиболее распространены названия улиц, бульваров, площадей, дорог, шоссе, то есть транспортных и пешеходных зон, из которых и складывается городское пространство: *улица Бауманская – Бауманка, улица Башиловская – Башилка, Поклонная гора – Поклонка, Сухаревская площадь – Сухаревка*, (Москва), *Бархотка – улица Бархотская, Восточка – улица Восточная, Инженерка – улица Инженерная, Памирка – улица Памирская, Первомайка – улица Первомайская, Самолетка – улица Самолетная, Таганка – улица Таганская, Сибирка – Сибирский тракт* (Екатеринбург), *Лиговский проспект – Лиговка* (Санкт-Петербург). Регулярно подвергаются стяжению названия магистралей, шоссе: *Ленинградское шоссе – Ленинградка, Можайское шоссе – Можайка, Ярославское шоссе – Ярославка, Волоколамское шоссе – Волоколамка*, (Москва), а также более крупных территориальных единиц (например, микрорайонов): *Басманный район – Басманка, район Теплового Стана – Теплак*.

В крупных городах также сворачиваются в разговорной речи названия станций метро: *станция метро «Улица Подбельского» – «Подбелка», станция метро «Юго-Западная» – «Южска», станция метро «Охотный ряд» – «Охотка»* (Москва).

Универбаты и для неофициального обозначения различных социально-культурных объектов (музеев, театров, учебных заведений, больниц, тюрем, магазинов, заводов и т.п.), ср.: *Третьяковская галерея – Третьяковка, Педагогическая библиотека им. Ушинского – Ушинка, Российская академия музыки им. Гнесиных – Гнесинка, Бутырская тюрьма – Бутырка* (Москва), *Академия Русского Балета им. А. Я. Вагановой – Вагановка, Психоневрологический институт им. В. М. Бехтерева – Бехтеревка, Высшее военно-морское инженерное училище им. Ф. Э. Дзержинского – Дзержинка, Волковское кладбище – Волкуша* (Санкт-Петербург).

Универбаты отличаются региональной спецификой, однако иногда в разговорной речи разных городов могут функционировать одинаковые компрессивы: в Смоленске, например, используется урбаноним *Рублевка*, выражающий обычно ироническую оценку объекта. Это сознательная отсылка к Рублевке в Подмосковье, обыгрывание переносного значения слова – ‘место, где живут состоятельные, известные люди’. То же относится и к компрессивам-нарицательным наименованиям объектов, которые являются типичными для целого ряда городов: *пед* – *педагогический университет*, *мед* – *медицинский университет*, *Сбер* – *Сбербанк России*, *конса* – *консерватория*.

Ряд топонимов-универбатов сохраняет историческую память горожан о значимых событиях или известных земляках. Например, *Сосновка* в Смоленске – неофициальное наименование Парка пионеров, бывшего Сосновского сада. Это название было дано благодарными смолянами в память о В. О. Сосновском – смоленском губернаторе.

Следует отдельно отметить появление свернутых наименований церквей и монастырей. Примечательно, что универбация при образовании такого типа дериватов ранее обычно не использовалась. Суффикс *-к(а)* в подобного рода производные привносит оттенок обиходно-разговорного стиля, а также может содержать пренебрежительную окраску, что вступает в противоречие с высоким содержанием такого наименования. Однако в настоящее время даже в речи воцерковленных людей встречаются стяжения наименований храмов и монастырей: *Маршинка* – *Марфо-Маршинская обитель*, *ХХС* – *Храм Христа Спасителя*.

Таким образом, при помощи универбатов маркируются различные элементы городского пространства, выделяются социально значимые компоненты городской структуры.

Усечения представляют собой еще более сниженную сферу функционирования неофициальных урбанонимов. Они распространены преимущественно в молодежном сленге и жаргонах и служат знаком максимального освоения объектов городского пространства, их близости говорящим в непринужденном общении; см., например: *Пирог* – *ул. Малая Пироговская*, *Комса* – *Комсомольская площадь*, *встретиться на Фрунзе* (*Фрунзенской*). Сокращению обычно подвергается финальная часть слова, включающая флексию и суффиксы, однако встречается и усечение первой части. Ср.: *Кутузовский проспект* – *Кутуза*; *Белокаменное шоссе* – *Камень*.

Усечение активно взаимодействует с суффиксацией: *Курский вокзал* – *Курок*, *Щелковское шоссе* – *Щелчок*, *Казанский вокзал* – *Казаныч*. Для неофициальных урбанонимов, образованных усечением, характерна тенденция к омоакронимии – созданию сокращенных номинаций, омонимичных существующим в языке словам: *Павел* – *Павелецкий вокзал*, *Труба* – *Трубная площадь*, *Лужа* – *Лужники*, *Сухарь* – *метро Сухаревская* (Москва), *Витя* – *Витебский вокзал* (Санкт-Петербург), *Черепанха* – *улица Черепанова*, *Малыш* – *улица Малышева*, *Фреза* – *улица Фрезеровщиков* (Екатеринбург). На этом каламбурном сближении основана языковая игра, широко распространенная в современной речи: *Мясницкая улица* – *Мясо*, *ул. Кондратюка* – *Кондрат*, *ул. Антонова-Овсеенка* – *Антон*, *ул. Розы Люксембург* (Екатеринбург) – *Розетка*, *ул. Прониной* – *Проня* (Екатеринбург).

Языковая игра также может быть основана на шутовском фонетическом переформлении слова (*ул. Карла Маркса* – *Кырлы Мырлы*), изменении акцентологических характеристик (*Гоголевский бульвар* – *Гоголя*), метафорическом переименовании (*проезд Буденного* – *Буденовка*, *Рублевское шоссе* – *Рубль*). Языковая игра связана с ассоциациями, возникающими у говорящих. Например, кафе в Смоленске «Чао, Италия» в молодежном сленге называется Чавкой: этикетное итальянское слово *Чао* сближается с глаголом *чавкать*, отражающим грубоватые представления о приеме пищи.

Универбация и усечение в настоящее время являются основными способами образования неофициальных топонимов. Менее продуктивна аббревиация, хотя в современной коммуникации и отмечается сложносокращенные названия микрорайонов и улиц, см., например: *ГЗП* (Екатеринбург) – *Горнозаводской поселок*, *ЖБИ* (Екатеринбург) – *местность в микрорайоне Комсомольский, названная по заводу железобетонных изделий*, *БДД* (Москва) – *Бульвар Дмитрия Донского*. Прочные позиции аббревиация сохраняет в сфере названий учебных заведений и остановок, с ними связанных: *МГУ*, *РУДН* и др.

Для неофициальных урбанонимов-компрессивов характерно варьирование в устной речи, в которой могут параллельно использоваться несколько наименований, например: *УПИ* (Уральский политехнический институт, теперь университет), *УПишня*, *Упяга*; *Сельхоз* (Уральская гос. сельскохозяйственная академия), *сельхозка*, *Быкфак*; *Бульвар Дмитрия Донского*, *БДД*, *Бульвар*.

Таким образом, компрессивы-урбанонимы связаны с различными аспектами жизни современного города. Они образуют определенную стилистически маркированную микросистему неофициальной номинации объектов городского пространства и отражают установку говорящих на языковую игру, непринужденность и экспрессивность общения, на преодоление стандартов и разграничение «своего» и «чужого».

Список литературы

1. Гиляровский, Вл. Сочинения в четырех томах / Вл. Гиляровский ; сост. и прим. Б. И. Есина. – М. : Правда, 1989. – Т. 4. – 448 с.
2. Горбаневский, М. В. Русская городская топонимия : методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей / М. В. Горбаневский ; Институт языков народов России. – М. : Общество любителей российской словесности, 1996. – 304 с.
3. Горнфельд, А. Г. Новые словечки и старые слова / А. Г. Горнфельд. – 2-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 64 с.
4. Замятин, Е. И. Москва – Петербург / Е. И. Замятин. – URL: http://az.lib.ru/z/zamjatin_e_i/text_0180.shtml
5. Карцевский, С. И. Из лингвистического наследия / С. И. Карцевский ; сост., вступ. ст. и коммент. И. И. Фужерон. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 344 с.
6. Литвин, И. П. О некоторых особенностях функционирования топонимов в обществе / И. П. Литвин // Топонимия и общество / АН СССР. – М., 1989.
7. Рут, М. Э. Официальное и неофициальное в городском ономастическом пространстве / М. Э. Рут // Язык и прошлое народа : сб. науч. ст. памяти проф. А. К. Матвеева / отв. ред. М. Э. Рут. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. – 514 с.
8. Селищев, А. М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком (1917–1926) / А. М. Селищев. – 2-е изд., стереотипное. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 248 с.
9. Смолицкая, Г. П. Топонимия Москвы / Г. П. Смолицкая, М. В. Горбаневский. – М. : Наука, 1982. – 176 с.
10. Суперанская, А. В. Что такое топонимика? / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1984. – 182 с.

М. Н. Осадчая
(г. Старый Оскол, Россия)

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АВТОРСКИХ НОМИНАЦИЙ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ О. МАНДЕЛЬШТАМА

Рассмотрение художественного дискурса (ХД) в ценностно-оценочном ракурсе позволяет выявить индивидуально-авторскую специфику организации ценностных констант как составляющих авторской концептосферы. В художественном дискурсе О. Мандельштама номинации реалий современного автору города функ-

ционируют в качестве прагматически нагруженных дискурсивных средств репрезентации ценностных констант как составляющих дискурсивного пространства.

Для исследования специфики авторского ХД следует учитывать, что языковая картина мира отражает мировосприятие обыденного «наивного» сознания, поэтому общекультурные и этнокультурные концепты, репрезентированные в языковой системе, следует рассматривать как ментальные структуры обыденного сознания. Дискурсивная же деятельность конкретного автора базируется на субъективном осмыслении мира, соответственно, отражённая в языке концептуализация деформируется особенностями авторского индивидуального мировосприятия. Подобные индивидуальные нюансы реализуются в специфической когнитивной интеграции концептуальных элементов авторской концептосферы.

Проблема моделирования дискурса как особой лингвоментальной среды является при попытке определения принципов, организующих концепты в когнитивном пространстве авторского ХД. Так, для когнитивного исследования ХД важен «не только сам факт ментальной репрезентации мира в сознании человека, но и факт упорядоченности этой репрезентации, наличия в ней организующих принципов в представлении знаний и их существования в форме концептов, содержательных единиц сознания» [Кубрякова, 2004, с. 164]. Таким «упорядочивающим» принципом видится воздействие «когнитивной оси» (термин Н. Н. Семененко), организующей «когнитивные единицы и интегрированные когнитивные пространства, представляющие базовые ценностные «узлы» концептосферы» [Семененко, 2011, с. 337]. Понятие «когнитивной оси» продуктивно для исследования структуры авторского художественного дискурса, поскольку в дискурсивной среде «любые концепты независимо от того, передают ли они ценность в её обыденном или научном понимании, являются ценностями» [Алефиренко, 2012, с. 101]. Тем самым, ценностная основа концепта позволяет рассматривать когнитивную ось в качестве важного принципа организации концептосферы авторского творчества, а также определять её как своеобразную «аксиологическую» шкалу, формирующую специфический авторский способ видения и оценки мира.

Семиотический подход к дискурсивным номинациям как знакам с неопределённым означаемым, содержание которого задано авторской интенцией, предполагает необходимость выявления их прагматического потенциала в текстообразующей деятельности автора. Анализируемый нами материал показывает, что существенные характеристики именованного автором явления могут не восприниматься как типичные большинством носителей языка. В языковой системе репрезентирован коллективный опыт освоения окружающего мира. Однако, объективная реальность в языке преломляется «антропоцентрически», и объективно существующие ценности различаются в разных лингвокультурах [Алефиренко, 2012, с. 101]. Кроме того, в субъективных особенностях мировосприятия конкретной личностью может актуализироваться отсутствие у категории ценности «исходной объективности» [Семененко, 2015, с. 191]. Традиционно ценность понимается в общекультурном плане как «обязательный компонент культуры» и в индивидуальном плане – как фактор, «побуждающий к деятельности» субъекта и регулирующий его мотивы и цели [БПС, 2009, с. 729]. Для нашего исследования когнитивных структур авторского ХД актуально рассмотрение ценности как когнитивной единицы «с условной трактовкой содержания (в отличие от концепта, который объективно осмысливается носителями языка)» [Семененко, 2015, с. 191]. Данная трактовка ценности позволяет объяснить взаимодействие в условиях авторского художественного дискурса ценностного основания языковых номинаций с влиянием авторской субъективности и его противоречивых оценок действительности.

В художественном дискурсе Мандельштама при интерпретации современной автору действительности используются следующие механизмы: (1) авторская изби-

рательность в употреблении языковых единиц для дискурсивных номинаций; (2) денотативная дискретность в изображении реалий окружающего пространства; (3) соотнесение современного пространства с хронологически или географически несовместимыми реалиями; (4) трансформации имеющих в языке номинативных единиц. Современные автору новые реалии города, ставшие (с позиции сегодняшнего дня) характерными образами именно «сталинского» времени, изменили прежний традиционный облик столицы. Например, из городских деталей в художественном пространстве Мандельштама неоднократно воспроизведены гигантские портреты вождя как элементы нового городского ландшафта:

*Средь народного шума и сбега
На вокзалах и пристанях
Смотрит века могучая вежа
И бровей начинается взмах. <...>
И ласкала меня и сверлила*

Со стены этих глаз жульба [Мандельштам, 1994, с. 117]. Авторский окказиональный субстантив от глагола *жульба* вербализует важную для Мандельштама когнитивную антиномию «Поэт – Власть», выраженную в различных фреймовых структурах и сценарных вариантах интердискурсивного характера. В описании следующего фрагмента стихотворения, использующего образ сборной конструкции огромного плакатного изображения вождя, данная когнитивная оппозиция «Поэт – Власть» репрезентирована посредством актуализации внутренней формы слов с агрессивной семантикой ‘угрозы’:

*Необоримые кремлёвские слова –
В них оборона обороны,
И брони боевой – и бровь и голова*

Вместе с глазами полюбовно собраны [Мандельштам, 1994, с. 115]. В условиях цензуры Мандельштам был вынужден зашифровывать свои идеи в алогичные, на первый взгляд, образы.

Между тем, в текстах того же периода творчества функционирует и коннотативно нейтральная лексика, денотативная основа которой вполне ясна и прозрачна. При этом семантика дискурсивных номинаций нередко оказывается преломлённой под воздействием глубинных когнитивных структур. Например, в дискурсе Мандельштама *трамвай* выступает местом обитания враждебного поэту окружения – «толпы», чем объясняются негативные коннотации:

*«...Ещё меня ругают за глаза
На языке трамвайных перебранок,*

В котором нет ни смысла, ни аза» [Мандельштам, 1994, с. 54]. И себя поэт помещает в пространство *трамвайной* толпы, что характерно для текстов того периода жизни Мандельштама, когда он решил смириться и сотрудничать с властями:

Я трамвайная вишенка страшной поры,

И не знаю, зачем я живу [Мандельштам, 1994, с. 48]. Использованное слово *трамвай* не имеет в языковой системе узуальных негативных коннотаций, и сам денотат именованья не обладает закреплённой в этнокультурном восприятии символикой. Отчётливо видно, что лексическая единица, погружённая в синергетическое пространство авторского художественного дискурса, приобретает в дискурсивной среде смысловые приращения, не соотносимые с её языковой семантикой:

Или махнуть на Воробьёвы горы,

Иль на трамвае охлестнуть Москву [Мандельштам, 1994, с. 60]. В художественном дискурсе Мандельштама лексема *трамвай* предстаёт устойчивым вербализатором локуса бытования «Системы». Причём, автор не столько оценивает реалии окружающего мира, сколько воплощает в художественном творчестве рефлексивную оценку собственного образа и эгоцентрическое мировосприятие.

Современные лингвистические исследования дискурса, проводимые в психолингвистическом аспекте, подтверждают, что «личностное «Я» становится мерой в процессе соотнесения норм и отклонения от них» [Колодина, 2014, с. 247]. К примеру, негативные коннотации образа Москвы Мандельштам устойчиво реализует во многих текстах, причём, достаточно эксплицитно, дважды называя Кремль *разбойным*. Однако, использование исторического контекста в качестве коннотативного средства частотно в творчестве Мандельштама и относится не только к Москве. Нам же важны те детали языкового воплощения образа современной автору Москвы, которые в дискурсивном пространстве репрезентируют хронотоп столицы как место обитания враждебных Поэту сил. В дискурсе Мандельштама подобные репрезентации, как правило, вербализованы в текстах, хронологически близких по времени написания:

В стеклянные дворцы на курьих ножках

Я даже тенью лёгкой не войду [Мандельштам, 1994, с. 60]. Номинации, образно именующие стеклянные новостройки, не могут быть положительно коннотированными репрезентантами образа столицы, поскольку в другом стихотворении этого же периода встречаются следующие строки: «*Стекло Москвы горит меж рёбрами гранёными*» [Мандельштам, 1994, с. 115]. Организация хронотопа Москвы вокруг субъекта повествования репрезентирует концептуализацию собственного образа поэта в антитетичном противостоянии «Власти» в московском пространстве.

Субъективное восприятие автором действительности находит выражение в его художественных произведениях, организуя их, прежде всего, на концептуальном уровне. В смысловом пространстве художественного дискурса Мандельштама ценностное измерение окружающего мира осуществляется в соотнесении с изначальной ценностью его мира – с творческой свободой истинного Поэта. То есть, в качестве субъективной ценности автора предстаёт экзистенциальная свобода личности, условно обозначенная нами как крайняя точка когнитивной оси «Экзистенция – Система». Противоположным же плюсом этой сугубо авторской своеобразной «ценностной шкалы» является созданная социумом «Система», искажающая существование Поэта и преломляющая его творческое общение с трансцендентными силами. Таким образом, собственная шкала оценки окружающего мира имеет явный эгоцентрический характер. Как отмечает В. Б. Касевич, «индивидуум всегда эгоцентричен уже тем, что моделирует действительность, “отсчитывая от себя”» [Касевич, 2013, с. 40], поэтому и периферийные детали сюжетного плана в художественных произведениях автора следует рассматривать как элементы вербализации когнитивных структур, определяемых в большей степени особенностями авторского мировосприятия, нежели их отношением к устройству воссоздаваемого внешнего мира.

Таким образом, когнитивно-прагматический анализ воссозданного в текстах Мандельштама образа Москвы наглядно демонстрирует преломление хронотопа под воздействием когнитивной оси «Экзистенция – Система». Смысловые вариации дискурсивных номинаций возникают в интегративном взаимодействии концептуальных сфер «Поэзия / Поэт – Экзистенциальная свобода», обуславливая реализацию аксиологического потенциала авторских именовании. Антитетически организованная когнитивная интеграция концептов «Дом / Семья» оказывается частью «Системы», чем и обусловлено нетипичное для этнокультуры авторское осмысление Мандельштамом традиционных ценностных концептов [Семененко, Осадчая, 2012, с. 169]. Локализованная в пространстве Москвы враждебная Поэту «Власть» воплощает собой Систему, соответственно и коннотации нейтральных именовании города обусловлены их функцией в когнитивной модели дискурсивной репрезентации концептосферы.

Как мы выявили, моделирование ценностной составляющей авторского дискурса О. Мандельштама может быть реализовано в ходе детального рассмотрения

принципов организации когнитивных единиц, составляющих континуумное пространство авторской концептосферы. Проведённый анализ позволяет сделать несколько важных выводов относительно характера авторских ценностных репрезентаций образа «Города»: (1) прагматический смысл авторских номинаций формируется в самой среде художественного дискурса и обусловливается когнитивной интеграцией концептов, доминантных для художественного дискурса исследуемого автора. (2) Концептуальное содержание когнитивного плана авторского дискурса выявляется в ходе соотнесения с ценностными константами общекультурных концептов, однако индивидуальные содержательные наслоения в концептуальной структуре обусловлены особенностями субъективного авторского переосмысления значимых для этнокультуры категорий. (3) При этом, нюансы индивидуально-авторской концептуализации во многом объясняются воздействием когнитивной оси как ментальной структуры, организующей когнитивное пространство авторского художественного дискурса.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Флинта: Наука, 2010.
2. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – М. : АСТ, 2009. (БПС)
3. Касевич, В. Б. Когнитивная лингвистика: в поисках идентичности / В. Б. Касевич. – М. : Языки славянской культуры, 2013.
4. Колодина, Н. И. Стереотипизация мышления как формирование когнитивного механизма распознавания объекта «свой» и «чужой» (психолингвистический аспект) / Н. И. Колодина // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2014. – № 5. – С. 245–254.
5. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004.
6. Мандельштам, О. Э. Собрание сочинений : в 4 т. Стихотворения. Проза / О. Э. Мандельштам. – М. : Арт-Бизнес-Центр, 1994. – Т. 3.
7. Семенов, Н. Н. Русские паремии: функции, семантика, прагматика / Н. Н. Семенов. – Старый Оскол : РОСА, 2011.
8. Семенов, Н. Н. Ценностное моделирование и когнитивно-прагматический ракурс паремической семантики / Н. Н. Семенов // Устойчивые фразы в парадигмах науки : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения В. Л. Архангельского. – Тула : Издательско-полиграфическое объединение С-принт, 2015. – С. 189–193.
9. Семенов, Н. Н. Индивидуально-авторские наслоения в структуре концепта «Дом» в творчестве О. Мандельштама / Н. Н. Семенов, М. Н. Осадчая // Вестник Орловского государственного университета. Сер. Новые гуманитарные исследования. – 2012. – № 2 (22). – С. 165–170.

Л. П. Перепёлкина
(г. Пенза, Россия)

ЭПИСТОЛЯРНЫЕ ФОРМЫ ШКОЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА В РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДСКОГО ПОДРОСТКА

Школьный фольклор является одной из составляющих детского фольклора. По утверждению Ф. С. Капицы и Т. М. Колядич, школьный фольклор «отражает мировосприятие детей разных возрастных категорий, находящихся вместе в течение ряда лет. Он состоит как из традиционных форм, свойственных детскому фольклору в целом и бытующих в школьной среде, так и форм, которые возникают в ходе общения школьников» [Капица, Колядич, 2011, с. 44].

В системе жанров школьного фольклора выделяются эпистолярные жанры, среди которых большой популярностью у подростков пользуются «анкета» и девичий альбом.

Для детей 11–12 лет характерно заметное развитие чувства личной дружбы, потребность в общении со сверстниками. Психологи называют такое общение «деятельностным». Именно здесь осваиваются нормы социального поведения, внутри такого общения оформляются общие взгляды на жизнь, на отношение между людьми.

Средством удовлетворения такой потребности в общении является речь, как устная, так и письменная. В связи с этим эпистолярные жанры фольклора дают подростку возможность приобретения навыков как устной, так и письменной коммуникации.

Как справедливо отмечает Е. Н. Пономарева, «низкая степень практики письменного общения, недостаточный социальный опыт, сакрализация подростковой рукописной традиции активизирует функционирование "анкеты" в этой возрастной группе» [Пономарева, 2006, с. 12].

«Анкетная» коммуникация даёт подростку возможность сравнения себя с окружающими сверстниками и самоидентификации с членами коммуникативной группы. В «анкете» подростки находят образцы для подражания и основания для внутренней дифференциации участников процесса коммуникации.

Традиционные «анкетные» вопросы имеют формульный характер. Они становятся своеобразным структурообразующим компонентом «анкетной» коммуникации. Как правило, «список вопросов» анкеты младших подростков направлен на изложение для пишущих и получения для владелицы анкеты следующей информации: имя; день рождения; адрес; любимые школьные предметы; внешность; хобби; любимые игры; любимое время года; любимый праздник; любимое блюдо; любимый фильм; любимая книга; мечта и др.

Особое место в вопроснике отводится рубрике «Моё пожелание хозяйке анкеты». Это эпистолярное послание допускает как прозаическую, так стихотворную форму изложения, использование клише. В анкетах младших подростков клише как правило отсутствует, пожелания оформляются в прозаической форме.

Характер пожеланий определяется сферой интересов и увлечений подростков. Кроме того в подобных пожеланиях проявляется свойственное младшим подросткам стремление быть похожими на взрослых, а зачастую даже создание идеальной модели будущей жизни, составляющими которой являются взаимная любовь, дети, материальное благополучие, социальная успешность.

Вот примеры пожеланий хозяйке анкеты. «Желаю тебе друзей самых лучших, здоровья и большой верной любви»; «Я хочу с тобой дружить, желаю тебе только самого лучшего: здоровья, счастья, хороших оценок, любви»; «Я желаю тебе хорошо учиться, карьеры звезды, много денег и в будущем здоровых детей»; «... быть примерной ученицей, хорошей дочкой и внучкой, самой лучшей подружкой. Ты классная!».

Пожелания могут представлять собой трансформацию известного школьникам текста. Так, нами были отмечены случаи, где пожелания являли собой трансформацию текстов песен из популярных телесериалов: «Мальчики, не смотрите, не смотрите по сторонам, выбирайте ... (называется имя владелицы анкеты), выбирайте (указывается фамилия владелицы анкеты), если в сердце живёт любовь»; «Мальчишки-кадеты, не ищите счастья где-то далеко, очень далеко. В нашем классе есть девочка (имя владелицы анкеты), спешите к ней всем ветрам назло».

Часто пожелания младших подростков заменяются рисунками. Это объясняется незнанием детей альбомных эпистолярных клише в письменной коммуникации. Рисунки в этом случае выполняют функцию подарка. Такой «подарок» хозяйке анкеты сопровождается записью – «формулой дарения», которая оформляется чаще

всего в стихотворной форме. В анкетах девочек мы наблюдали, например, такие «формулы дарения»: «Я дарю тебе цветы, будь красива, как они»; «От меня – букетик роз, чтобы ты не знала слез»; «Я дарю тебе корзинку, а в корзинке – валентинка, чтоб украшали жизнь твою всегда три слова "I love you"».

Наряду с «анкетами» в письменной коммуникации подростков пользуется популярностью девичий альбом. Сформировавшийся в начале XIX в., этот рукописный сборник и в наше время сохранил свои отличительные особенности: многожанровость (наличие в составе сборника разных жанров), синкретичность (взаимосвязь вербальных и невербальных компонентов в системе альбома); коммуникативность (установка на создание диалога между хозяйкой дневника и его «гостями»), лиричность (сосредоточенность на выражении чувств и эстетических пристрастий пишущего).

Структурообразующими элементами альбома являются постоянные рубрики: «Немного о себе», «Мои увлечения», «Мой характер», «Моя внешность», «Мои друзья», «Анкета для друзей и знакомых», «Мои любимые песни и любимые певцы», «Мои любимые фильмы», «Мои любимые стихи», «Пожелания» и рубрики вариативные: «Мое любимое животное», «Кулинарные рецепты», «Гороскоп», «Моя мечта», «Мои рассказы о любви», «Гадания», «Тесты» и др.

В ситуации альбомного диалога каждый текст фиксирует личные переживания подростков, выражение тех или иных мыслей и чувств. Например, в рубрике «Мои стихи» можно прочитать следующее: «Нарисую сердце, проведу стрелу, / Это означает: "Я тебя люблю"»; «Любовь – это розы, / Любовь – это слезы, / Любовь – весна, / Несчастье без сна». Но альбомный текст «не исключает использования готовых стихотворных формул, которыми обозначают характерные переживания (любовь/разлуку), отношение к происходящему и оценку» [Капица, Колядич, 2011, с. 236]. Например, эта стихотворная формула чаще других встречающаяся в девичьем дневнике: «Не верь цветам, они завянут, / Не верь мечтам, они уйдут, / Не верь парням, они обманут, / Они всегда так подло врут».

Особыми жанрами девичьих альбомов являются жанры, основанные на декодировке текста. Так, О. С. Борисов выделяет среди них следующие: «теорема любви», «адрес любви», квазиаббревиатуры, альбомные стихотворные клише с подставляемыми буквами, акrostихи и др. [Борисов С. Б. Культурнотропология девичества, 2000]. Вот примеры наблюдаемых нами некоторых таких текстов: акrostих: «Письмо пишу, / Об одном прошу: / Меня любить, / Никогда не забывать, / И очень часто вспоминать»; квазиаббревиатура: «ВЕСНА (верю ему, самому нежному ангелу).

Таким образом, «анкета» и девичий альбом как явления городской эпистолярной формы школьного фольклора, сохранившие традиции прошлых веков и наполненные новым содержанием, выполняют функцию передачи культурного наследия, предоставляют подросткам широкие возможности для реализации потребности в коммуникации, приобретения социального опыта, развития эмоциональной сферы.

Список литературы

1. Борисов, С. Б. Культурнотропология девичества / С. Б. Борисов. – Шадринск : Гос. пед. ин-т, 2000. – URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/51450p28.html>
2. Капица, Ф. С. Русский детский фольклор : учеб. пособие / Ф. С. Капица, Т. М. Колядич. – М. : Флинта, 2011.
3. Пономарева, Е. Н. Эпистолярные формы в фольклоре современной подростковой и молодёжной субкультуре : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Пономарева Е. Н. – Ульяновск, Ижевск, 2006.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ ПОЛИСЕМИИ У ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ОТНОСЯЩИХСЯ К КОМПЬЮТЕРНОМУ ЖАРГОНУ

В процессе работы над сбором материала для картотеки лаборатории «Язык, фольклор, этнография города и деревни», действующей в Орловском государственном университете, была выявлена группа единиц (свыше 1400 лексем и фразеологизмов), связанных с компьютерными технологиями: с программным и аппаратным обеспечением компьютера, с компьютерными играми. Таковые единицы, записанные от орловских информантов, обнаруженные на орловских форумах, в блогах орловцев, на страницах сообществ в социальных сетях, составили проект «Современное лексическое и фразеологическое представление компьютерных технологий». Безусловно, компьютерный жаргон, жаргон геймеров (тех, кто активно и профессионально, увлечённо играет в компьютерные игры) не является и не может являться строго региональным, однако он требует словарной фиксации, уточнения и описания семантики своих единиц, выявления полисемии/омонимии. Значительная часть лексем либо их лексико-семантических вариантов впервые становится объектом словарного представления, оригинальны и иллюстрации – пояснения информантов.

Лексеммы – даже относительно новые (имеющие «возраст» не более десяти лет) – функционируют по законам языка, и в частности, развивают полисемию. Обращает на себя внимание тот факт, что из общего количества – свыше 1400 единиц полисемантами являются 104. Как видим, случаи полисемии не единичны, а довольно распространены.

По отношению к лексическому материалу в целом, безусловно, полисемантов намного меньше, чем моносемантов, т.к. действуют языковые факторы, *сдерживающие* полисемию: 1) сфера употребления – социальная ограниченность единиц; 2) в числе лексем много терминов, а терминология, как известно, тяготеет к однозначности; 3) относительная новизна единиц (двухтысячные годы), а длительность функционирования слова в языке нередко – залог полисемии; 4) во многих случаях – иноязычное происхождение, явно ощущаемое носителями языка. Но наряду с факторами-ингибиторами имеют место и факторы-катализаторы: 1) востребованность, активное использование номинируемого объекта, 2) частотность, употребительность слова: «чем частотнее слово в речи, тем больше оснований ожидать у него развёрнутую полисемию» [Никитин, 1988, с. 66], во всяком случае, для пользователей компьютером, игроков в компьютерные игры – данные лексеммы весьма актуальны; 3) частеречная принадлежность слова – полисемию развивают в нашем материале (по убыванию) существительные, глаголы, прилагательные. Интересно, что развитие полисемии происходит даже у некоторых аббревиатур.

Каким образом происходит развитие полисемии у жаргонных лексических единиц, какие отличительные особенности полисемантов возможно выявить?

1. Среди многозначных лексем преобладают бисеманты. Всего несколько лексем насчитывают по три лексико-семантических варианта (ЛСВ); четыре ЛСВ имеет только одна лексема. Совокупность факторов-катализаторов и факторов-ингибиторов полисемии влияет на количество полисемантов, а также определяет степень развитости полисемии.

2. Интересной особенностью полисемии ряда исследуемых слов выступает «равноценность» [Жуков, 1968, с. 124] значений полисеманта, вследствие чего сложно определить первичное / вторичное значение – в отличие от большинства слов русского литературного языка. Интересно, что данная черта роднит подобные

лексемы-полисеманты с многими фразеологизмами-полисемантами. «Смысловая структура многозначного фразеологизма характеризуется известной однородностью, равноценностью своих отдельных значений, так что в большинстве случаев трудно или совсем невозможно определить, какое значение является основным, а какое производным» [Жуков, 1968, с. 124]. Фразеологическая полисемия развивается «в результате исторического образования все новых реалий, которые в силу тех или иных ассоциаций с образным значением фразеологизма входят в сферу его номинации» [Гаврин, 1964, с. 168]. Примерно то же мы наблюдаем у лексем-жаргонизмов, когда идёт переосмысление разных, но всё же связанных общим признаком реалий, – и тогда «параллельно» создаются два ЛСВ, между которыми нет отношений мотивированности «первичный ЛСВ → вторичный ЛСВ».

Например, то, что связано с видео-, с видеозображениями, представлено в двух таких «параллельно» возникших ЛСВ слова *видюшка* «видеокарта» – *А видюшку лучше потом, как лаве разживешься, возьмешь* (2006); «видеофайл» – *Видюшек новых в группу накидали, приходите смотреть* (2015). Здесь и далее приводятся материалы картотеки нашего словаря. Или, например, существительное-полисемант *тач*: «сенсорная панель, устройство ввода информации на портативном компьютере; тачпад»; «сенсорный экран (ноутбука, планшета, мобильного телефона); тачскрин». Оба ЛСВ являют собой сокращения сложных английских слов, имеющих два корня: *touchpad* (*to touch* «прикасаться», *pad* «подушечка»), *touchscreen* (*to touch* «прикасаться», *screen* «экран»).

3. В большинстве же случаев, как и у многих полисемантов литературного языка, первичное и вторичное значения легко определяются.

Яркой особенностью полисемии жаргонизмов данной тематики является распространённость метонимических переносов. Причём в числе «метонимических формул» [Шмелёв, 1973, с. 224] встречаются как довольно известные, так и оригинальные, обусловленные возникновением новых реалий. Так, к числу распространённых метонимических формул относится «компания-производитель – её продукт»: *бесёдка* «производитель компьютерных игр Bethesda Softworks LLC» → «одна из компьютерных игр серии The Elder Scrolls производителя Bethesda Softworks LLC» и др. Активно используется при развитии полисемии формула «устройство – его составная часть», обнаружившая себя и в нашем материале: *мышка* «компьютерная мышь» – *Очень много мышек подобного дизайна появилось в сети* (2014) → «кнопка компьютерной мыши». В сочетании с прил. в форме ж.р. *правая, левая*. – *Щёлкните правой мышкой по свободному месту...* (2015).

Однако появляется и много новых формул метонимического переноса, диктуемых самими новшествами реальности – в данном случае, виртуальной, связанной с компьютерными играми, их миром и игровой механикой. Например, «игровая территория – сражение на ней»: *бг* [бэгэ] «в компьютерной игре World of Warcraft: специальная территория, где персонажи игроков могут сражаться друг с другом (или командами друг против друга)» – *Про новый инст со сверхсложной задачей отключить проводники и про бг я даже говорить не хочу* (2014) → «в компьютерной игре World of Warcraft: сражение, проводимое персонажем на этой территории» – *...выиграть два бг* (2013) – от англ. *battleground* «поле боя». Или близкая к упомянутой выше формула «игровая территория – процесс её прохождения в игре»: *инст* «в компьютерных играх: особая территория (чаще – подземелье) с сильными игровыми монстрами» – *Инсты – это подземелья* (2014) → «процесс прохождения данной территории игровым персонажем» – *Любимейшая часть игры для меня – именно инсты и рейды* (2013) – от англ. *instance* «территория».

Новыми являются и метонимические формулы, связанные с характеристиками игрового персонажа, его действиями, его предметами. Например, «действие игрового персонажа – предмет, обеспечивающий персонажу это действие»: *крит*

«в компьютерных играх: критический удар – удар по противнику с намного большей силой, сбавывающий не каждый раз, а с определенной вероятностью (зависящей от игровых характеристик персонажа, его одежды и оружия)» → «в компьютерных играх: одежда и оружие персонажа, имеющие характеристику – степень вероятности нанесения критического удара» – *Я бегаю в крите. Крит – это вещи, на которых есть рейтинг критического удара* (2015). Или формула, близкая вышеуказанной: «свойство игрового персонажа – предмет, обеспечивающий персонажу это свойство»: *хаста* «в компьютерной игре World of Warcraft: скорость – характеристика вещей персонажа (одежды, оружия), позволяющая персонажу быстрее творить заклинания, наносить урон и др.» – *Я чантюсь на хасту* (2015) → «в компьютерной игре World of Warcraft: вещи персонажа (одежда, оружие), обладающие характеристикой скорость» – *Я в хасте бегаю – то есть со всеми такими вещами, шмотом* (2015) – от англ. *haste* «спешка, поспешность».

Одна и та же формула «поход как игровое действие – его участники» отмечается у двух полисемантов: *рейд* «в компьютерных играх: поход группой игроков на специальную территорию с сильными игровыми монстрами, которую невозможно пройти в одиночку» → «в компьютерных играх: группа игроков – участников похода на специальную территорию с сильными игровыми монстрами, которую невозможно пройти в одиночку» – от англ. *raid* «набег, налет»; *мифик* «в компьютерной игре World of Warcraft: самый сложный «эпохальный» режим рейда (в знач. 1)» → «в компьютерной игре World of Warcraft: участники рейда (в знач. 1) самого сложного, «эпохального» режима» – *Собрать мифик* (2015) – от англ. *mythic* «мифический».

Отмечаются и другие, явно новые метонимические формулы: «игровой персонаж, выполняющий определенное действие, – само это действие»: *паровоз* «более сильный персонаж, который помогает проходить сложные участки игры, развиваться более слабому персонажу» – *Вагон и паровоз могут различаться уровнями* (2015) → «проведение более сильным персонажем более слабого персонажа по сложным участкам игры» – *И все это он придумал за два часа чата параллельно с паровозом меня по героикам БК* (2014); «почтовая программа – адрес электронной почты»: *Емеля* «электронная почта, e-mail – технология и предоставляемые ею услуги по пересылке и получению электронных сообщений» – *Чаты, чаты и еще раз чаты. Ну еще переписка через Емелю* (2005); «адрес электронной почты, e-mail» – *Дай мне своего емелю* (2008); «общение в Интернете – ресурс, место для такого общения»: *флуд* – *неодобр.* «малосодержательное, бессмысленное общение, не соответствующее теме (заданной на самом Интернет-ресурсе либо обсуждаемой другими пользователями)» – *Листы ради флуда и оформления с музычкой и артиками* (2013) → «специально отведенное на Интернет-ресурсе место для общения пользователей» – *Зайди во флуд* (2015) – от неверно произносимого англ. *flood* «наводнение, поток», а также ряд других метонимических формул.

Единичны полисеманты с более развитой полисемией. Например, полисемант *хил*, у которого 4 ЛСВ (в нашем материале): все три вторичных его ЛСВ развивались посредством метонимического переноса: «персонаж компьютерной игры лекарь» → «заклинание лечения», «персонаж компьютерной игры лекарь» → «процесс лечения», «процесс лечения» → «числовая величина, в которой выражается лечение» (радиально-цепочечная полисемия): *хил* «в компьютерных играх: персонаж, который хорошо развил умение лечить, исцелять, а также в качестве целителя участвует в групповых заданиях»; «в компьютерных играх: заклинание, умение и т.п., осуществляющее лечение персонажа (своего или чужого/чужих)»; «в компьютерных играх: процесс лечения персонажа (своего или чужого/чужих)»; «в компьютерной игре World of Warcraft: числовая величина, выражающая восстановление здоровья персонажей при их лечении» – от англ. *to heal* «исцелять, лечить», *healer* «лекарь».

4. Переносы метафорические наблюдаются в нашем материале, в основном, у жаргонизмов, возникших на базе слов литературного языка: *блин* «CD-диск»; «один из дисков винчестера», *висеть* «переставать выдавать результаты и реагировать на сигналы извне – с клавиатуры, мыши (о компьютере или компьютерной программе)» – *Комп висит и никак не отвиснет* (2015); «быть размещенным, находиться на Интернет-ресурсе (о каком-либо материале)» – *Стихо висит в топе на сайте* (2013) и мн. др. Приведённые жаргонные ЛСВ, как можно заметить, образованы посредством метафорического переноса не друг от друга, а именно от литературного ЛСВ *блин* (в своём первичном значении), *висеть* (в своём первичном значении).

5. Перенос значения может проявляться в расширении/сужении вторичного значения. Анализ многочисленных контекстов показывает, что примером расширения значения является производный ЛСВ полисеманта *легендарка* «в компьютерных играх: предмет наивысшего – «легендарного» – качества (одежда, оружие, а также питомцы, ездовые животные персонажа)» – *И легендарка тупая, и плац уродский...* (2013) → *только ед. Собир.* «в компьютерных играх: предметы наивысшего – «легендарного» – качества». *Качайтесь, одевайтесь, ходите в рейды, собирайте легендарку* (2015). *Легендарка – оружие, в основном* (2015) и др.

Примером сужения значения выступает вторичный ЛСВ слова *синька* – *собир.* «в компьютерных играх: предметы (одежда, оружия и др.), имеющие степень качества, отмеченную синим цветом» – *Но сидеть с открытием ДД в синьке за репу?* (2013) → «в компьютерных играх: предмет (одежда, оружие и др.), имеющий степень качества, отмеченную синим цветом» – *Мне упала синька* (2015) – в ряде компьютерных игр принята цветовая шкала, указывающая на степень качества предмета: серый – «хлам», белый – «обычный», зелёный – «хороший», синий – «редкий» и др. (некоторые цвета могут варьироваться).

6. Полисемия создаётся и за счёт вторичных непереносных значений. Так, в производном значении может меняться прежде всего оценка (помимо нюансов семантики, различающих ЛСВ, появления новых денотативных сем):

– нейтральной на отрицательную: *блоггерство* «ведение личного блога – персонального Интернет-дневника, доступного для просмотра и комментирования другим пользователям» – *Я занимаюсь блоггерством с 2014 года* (2015); *неодобр.* «в ролевой игре (на базе определённой компьютерной игры): ведение личного блога, посвященного персонажу, вместо ролевой игры, неискренне, нарочито, в расчёте на похвалы читателей» – ... *отношательство прикрито листиками: литературициной-блоггерством, логгерством...* (2013). *Блоггерство – реальной игры нету, только всё на словах, в блоге, снимки экрана* (2015) – от англ. *blog – web log* и др.;

– с отрицательной – на нейтральную: *пофлудить неодобр.* «пообщаться на Интернет-ресурсе бессмысленно, не придерживаясь темы (заданной на самом ресурсе либо обсуждаемой другими пользователями)» – *Приходили ко мне на страничку, пофлудили там, 20 комментов, и все не по теме* (2010); «пообщаться на Интернет-ресурсе» – *Даже пофлудить не с кем, сижу дома, никого в чате нет* (2014); *Забегала только стихи выложить да пофлудить в профильных для меня темах* (2014) – от неверно произносимого англ. *flood* «наводнение, поток»;

– с нейтральной – на положительную: *ролевик* «тот, кто участвует в ролевой игре (на материале определенной компьютерной игры)» – *А там по Долине Призрачной Луны едут ролевики, рыл 20* (2013); «тот, кто творчески, качественно, профессионально участвует в ролевой игре (на материале определенной компьютерной игры)» – ... *Ты – хентайщица. Ты не ролевик* (2013).

Как можно заметить, лексемы данной сферы деятельности – компьютерный жаргон, жаргон геймеров – способны к образованию полисемии, которая не только распространена, но и многообразна. Так, представлены разные типы переноса значений: метонимия, метафора, расширение и сужение значения. Наиболее активно

развитие полисемии происходит за счёт метонимических переносов значения, при этом задействованы как известные, активно функционирующие в языке метонимические формулы, так и метонимические формулы совершенно новые, обусловленные реалиями современной компьютерной игры. Метафорические же переносы осуществляются чаще всего на базе первичных значений литературных слов.

Богатство полисемии у единиц, относящихся к компьютерному жаргону, создаётся в большей степени за счёт «внутренних ресурсов» этого пласта лексики, а именно, за счёт появления новых ЛСВ у жаргонизмов словообразовательных, как правило, созданных на базе иноязычных (английских) слов. В меньшей степени отмечается привлечение «внешних ресурсов» – лексем литературного языка, у которых развиваются новые жаргонные ЛСВ.

Список литературы

1. Гаврин, С. Г. Структурные типы фразеологизмов как закономерное отражение основных типов реалий / С. Г. Гаврин // Русский язык и методика его преподавания: Учёные записки. – Т. 43. – Вып. 3. – Пермь, 1967. – С. 52–80.
2. Никитин, М. В. Основы лингвистической теории значения / М. В. Никитин. – М.: Высш. шк., 1988. – 167 с.
3. Шмелёв, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелёв. – М.: Наука, 1973. – 279 с.

Л. Ф. Ярмухаметова
(г. Уфа, Россия)

ПОЛИФОНИЯ РЕЧЕВОЙ ЖИЗНИ ГОРОДА: ОПИСАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ФРАГМЕНТОВ НА ПРИМЕРАХ СИТУАЦИИ «ТРАНСПОРТ»

Язык современного российского города представляет собой очень сложное, противоречивое и многоаспектное образование русской устной и письменной речи, находящееся в «неоднозначных и многовариантных отношениях как с литературным (кодифицированным) языком, так и с различными «нестандартными» формами русского национального языка (территориальными и социальными диалектами, идиолектами, маргинальными типами речи и т.п.)» [Шарифуллин, 1997, с. 8].

Призывая к лингвистическому изучению языка города сквозь призму его социальной структуры, Б. А. Ларин [1977] обращал особое внимание на необходимость «соотнесения лингвистического членения языка города с социальной стратификацией городского населения» [Китайгородская, Розанова, 2010, с. 23]. Намеченное Н. М. Каринским лингвогеографическое направление в изучении языка города на первый план выводит пространственный аспект изучения языка: исследуется устная речь горожан на фоне анализа диалектов. С конца 60 – начала 70-х гг. XX в. начинает формироваться «коллоквиалистика» – научная отрасль лингвистического градоведения, которая занимается анализом городской литературной разговорной речи, «живой речи» горожан, а также урбо- и топонимики городов РФ – Москвы (Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова, Е. Н. Ширяев и др.), Санкт-Петербурга (Л. А. Вербицкая, Л. В. Игнаткина, В. В. Колесов, Е. В. Купчик, Н. Ф. Литвачук), Тольятти (Л. А. Капанадзе, Е. В. Красильникова), Екатеринбурга (Р. И. Козлов, И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, И. В. Шалина и др.), Кирова (Вятки) (В. А. Коршунков, Т. Н. Николаева, О. Н. Федянина), Ижевска (Н. А. Прокуровская), Омска (Г. А. Боброва, Е. Н. Гуц, Г. А. Кривокубова, Б. И. Осипов, А. А. Юнаковская), Минска (А. М. Мезенко), а также сибирских – Иркутска, Красноярска, Тюмени, Сургута (Н. Н. Бебриш, Ю. В. Вайнрах, Г. П. Жильцова, И. С. Карабулато-

ва, Г. М. Ниязова, Н. В. Носенко, Е. П. Танская, А. А. Трапезникова, К. И. Чуркина, Б. Я. Шарифуллин), поволжских – Казани (З. А. Исхакова), Волгограда, Саранска, Саратова (В. Е. Гольдин, И. В. Крюкова, М. Н. Морозова, О. Б. Сиротинина), Псковской области (А. И. Лебедева), уральских – Уфы, Челябинска, Перми (З. М. Альмухамедова, Л. Л. Аюпова, Л. А. Грузберг, А. М. Емельянова, Т. И. Ерофеева, Е. В. Ерофеева, Т. Е. Помыкалова, Э. А. Салихова, Ф. Л. Скитова, Л. А. Шишкина, Л. А. Шкатова, Е. А. Яковлева, Д. А. Яловец-Коновалова).

В последнее десятилетие урбопространство становится объектом комплексного междисциплинарного исследования. Появились и терминологические обозначения нового объекта изучения – «филологическая урбанология», «урботекст» (как тождественное макротексту), «городской дискурсу» и т.п., активизировавшиеся в конце XX в. и опирающиеся на семиотику и риторику, социолингвистику, психолингвистику и этнографию.

Исследователи отмечают, что одно из возможных направлений в изучении языка города – это его описание как единого сложноструктурированного коммуникативного пространства повседневности. При таком подходе речь горожан исследуется в структуре городской коммуникации с учетом всего набора ее элементов – говорящий, адресат, средства коммуникации, параметры ситуации. Для «речевого быта» города характерен устойчивый набор типовых коммуникативных ситуаций, в которых горожанин – исполнитель той или иной ситуативной роли – произносит соответствующие этой роли тексты. Каждой ситуации городского общения соответствует свой набор типовых текстов, т.е. жанров. Изучение языка города в «ситуативно-жанровом аспекте» в последние годы стало одним из актуальных направлений [Китайгородская, Розанова, 2010, с. 32].

Актуально мнение А. А. Юнаковской о том, что существует ряд вопросов лингвистического, социолингвистического, лингвокультурологического характера, требующих глубокого рассмотрения при исследовании «социальной дифференциации языка современного города». Она предлагает вариант его структуризации, развиваемой на основе идей Б. А. Ларина, Н. И. Толстого и др. [Юнаковская, с. 9].

Созвучными предыдущим стали идеи Б. Я. Шарифуллина о сложной структуре языка современного города: «это целый языковой комплекс (конгломерат), существующий, функционирующий и развивающийся как «пучок» разноуровневых и разносистемных форм русского национального языка: литературной, разговорно-обиходной, просторечной, диалектной (в территориальном и социальном смыслах) [Шарифуллин, 1997, с. 8]. При этом им подчеркивается, что разные формы речи реализуются в подсистеме типов речи, «привязанных» к определенным уровням и типам языковой коммуникации». Необходимость изучения языка города учёный связывает с актуализировавшимся в последнее время интересом к региональным особенностям русской культуры, поддерживающейся русским языком как основой, проводником и формой существования, и лингвоэкологической проблематикой, занимающей в настоящее время центр теории и практики речевого общения [там же].

Действительно, язык является престижной основой литературного языка – высшей формы национального языка на каждом этапе его развития: «Не зная «языкового быта города», трудно понять возникновение и стилистическое распределение тех или иных особенностей литературного языка. Не зная речи города, трудно оценить конкретный вклад каждой социальной группы в развитие современного языка, современной культуры и через них – всей совокупности социальных установлений вообще» [Колесов, 2005, с. 4]. И в доказательство практической востребованности изучения речевой жизни города учёный приводит следующие слова Б. А. Ларина: «Литературные языки генетически связаны с городом, но они давно уже «выросли» из этой своей колыбели, и настолько, что не могут заменять или представлять собою языковую культуру города» [там же, с. 4–5].

Актуальность предпринятого нами исследования определяется необходимостью описать представления о речевой жизни современного города, столицы Республики Башкортостан (РБ) – г. Уфа, одним из аспектов которой является языковая / речевая ситуация «транспорт», вмещающая как вербальные взаимоотношения между участниками общения (пассажир-пассажир, водитель-пассажир, кондуктор / контролер-пассажир), включая использование ими элементов т.н. профессионального языка, так и «скрытые» диалоги – обращения водителя к пассажирам посредством различного рода объявлений, письменных или иллюстративных посланий, надписей, наклеек и пр. [Ярмухаметова, 2015, с. 10; Ярмухаметова, Салихова, 2015, с. 11].

На начальном этапе исследования мы решали задачу терминологического выбора единиц, обращение к которым обусловлено постановкой целей и задач научного изыскания, чтобы не возникло разночтений при описании результатов наблюдений, формулировании выводов, отдельных положений исследования. Лексика профессиональных сфер традиционно характеризуется с лингвокультурологических (В. В. Воробьев, В. А. Маслова, В. Н. Телия, Л. А. Шкатова и др.) и дискурсивных (К. Я. Авербуха, Я. Л. Березовская) аспектов описания. Однако, как нам представляется, перспективным по многим направлениям детального рассмотрения вопроса, является изучение лексического состава, присущего некой профессиональной сфере. Однозначной трактовки данного феномена по изученным нам теоретическим источникам нет, в связи с чем в научной литературе по данной проблематике бытует много разнообъемных определений – это и «подъязык», и «профессиональный» / «корпоративный подъязык», и «специальная лексика» и т.п. Первое из отмеченных представляет «...замкнутую языковую микросистему, или малую лингвистическую подсистему, содержащую набор языковых структур и единиц, заданных тематически однородной областью социального или профессионального функционирования языка» [Чувелева, 1985, с. 75–76]. Нам импонирует четкость определения «корпоративного» («профессионального») языка, данного Н. Ю. Одиноковой, что позволяет в предпринятом нами изучении вопроса придерживаться в дальнейшем следующей трактовки: «...речь представителей различных профессиональных групп, ... в условиях как официального, так и неофициального общения» [Одинокова, 2004, с. 7]. Именно с этих позиций мы ставим задачу описания сленга (жаргона) водителей / шоферов общественного и коммерческого городского транспорта в общении как между собой, так и с другими участниками речевой ситуации «транспорт». Например, часто употребляемые ими единицы, специфическим образом представляют нам их лексикон: *резинить* – набирать народ как «сельди в бочку», *мясо* – битком набитый автобус, *протащить*, *обчистить* – собрать пассажиров перед другим автобусом, *пустырь* – пустой рейс, антонимичное *хлебный рейс* – денежный рейс, синонимичные *волк* – контролер (в троллейбусе), *бабушка* – контролер (пригородного или межгородского автобуса), *сквозняк* – пассажир, следующий от начального до конечного пункта по всему маршруту, *коротыш* – пассажир, следующий на короткое расстояние, *проездной* – купюра в 500 или 1000 руб., *резануть* – срезать пару кварталов по соседней улице, *летчик*, *джигит*, *обезьяна*, *раб* – водитель ГАЗели и мн. др. (из картотеки «Язык города» кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания Башгосуниверситета).

Небезынтересным для нас представляется и жанровый подход к изучению заявленной темы. Транспортная ситуация в городе проявляется в различных устных и письменных, монологических и диалогических (между водителем и пассажиром, между пассажирами, пассажиром и кондуктором) речевых жанрах, текстах внутри транспорта, наклейках-слоганах, наклейках-репликах в салоне и на стеклах автомобиля, коммуникативных тактиках общения. Под условиями общения рассматриваем совокупность составляющих: личности участников микроситуации и их (взаимо)отношения (официальные / нейтральные / конфликтные), социальные роли в

рассматриваемом акте общения; цель, способ (устный / письменный), средства (язык / диалект / стиль). Перечисленные компоненты представляют модифицированную структуру речевого акта. Каждая из составляющих или их сочетание обуславливает наиболее вероятный выбор языковых средств и характер переключения на другую стилистическую подсистему языка в конкретных условиях общения. Равенство социальных ролей предполагает свободное переключение с одной языковой подсистемы на другую, а порой – в ситуации би- или трилингвизма – на систему средств другого (не-русского) языка, поскольку «лингвоэтническое пространство РБ ... являет мультимодальное образование, характеризующееся сложными и неоднозначными процессами языковых контактов» [Салихова, 2015, с. 52]. Для обозначения вариативности языка в городе приемлемым и часто используемым термином стало «локальное варьирование»: его применяют при изучении диалектного / диглосного разнообразия какого-либо национального языка, локально окрашенных вариантов литературных стандартов, процессов формирования «промежуточных» языков типа интердиалектов и т.п. Такая варьированность, безусловно, определяется множеством интра- и экстралингвистических факторов [Искужина, Салихова, 2013, с. 184]. Например:

П-1, обращаясь к другому П.: Бу маршрут Сипайлово аша утэме? (башк. Этот маршрут идет через Сипайлово (= микрорайон г.Уфы))?

*П-2: Юк. Хэзгэ икенсе автобуска ултырырга кэрэк или ГАЗелькага. 262-й тунда идет (башк. Нет. Вам надо пересесть в другой автобус или ГАЗель). В речи пассажиров комбинируются элементы разных (в данном диалоге – русского и башкирского) взаимодействующих языков на уровне не только отдельных фраз или лексем, но и морфем (см. просторечное *ГАЗелькага* = русск. «ГАЗелька» + башк. постфикс – *га*, выражающий грамматическую категорию винительного падежа). Такая «гибридность» свойственна региолектам – «языковым образованиям, не имеющим статуса общего языка в данном государстве» [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 181], но являющимся «средством повседневного общения с широким диапазоном коммуникативных сфер между носителями разных языков и диалектов» [Искужина, Салихова, 2013, с. 184].*

Общеизвестно, что общение водителя с пассажирами во время движения затруднено, что предопределяет появление в салоне разных видов транспорта письменных объявлений (нередко на русском и башкирском государственных языках), заменяющих непосредственную устную форму взаимодействия. Это в основном объявления информативного и прескриптивного характера: *Стоимость проезда – 18 руб.; Деньги за проезд передавайте водителю; Не хлопайте дверь; К дверям не прислоняться* и др. При помощи таких объявлений происходит «скрытое», опосредованное общение между водителем и пассажирами, которые, проходя в салон автобуса, негласно принимают все условия проезда. Наряду с подобными надписями в маршрутных автобусах существует альтернативная разновидность – надписи шуточного или игрового характера, выполняющие, скорее всего, воздействующую и эстетические (напр.. эвфемизмы и т.п.) функции: *Внимание! Машина на автопилоте! Книга жалоб в следующей машине; Пьяными считаются пассажиры, не попавшие в дверь нашей маршрутки с трех раз* (из материалов наблюдений). «Маршрутка» как вид транспорта «не только стал почти неотъемлемым элементом общегородского экстерьера, но также усложнил рисунок фольклорного пространства современного города, обусловив появление профессионального фольклора водителей маршрутных такси» [Тихомиров, 2011, с. 7].

Таким образом, в полифонии речевой жизни города одинаково гармоничны и созвучны как монологические и диалогические, так письменные и устные речевые жанры, что помогает обрисовать социальные, психологические «портреты» пассажиров и водителей, предоставляют лингвисту обширное поле для изучения специ-

фики речевого поведения участников дорожного движения – жителей столицы. Подобно тому, как М. М. Бахтин пишет о «полифоническом романе», мы обращаемся к «полифонии речевой жизни города», подразумевая, прежде всего, межъязыковое взаимодействие, социокультурную открытость или закрытую диссонантность разных пространств (в т.ч. ситуации «транспорт»). Принимая «осмысленность и многообразие модусов пространства-времени» в многонациональном городе, мы хотим также подчеркнуть одновременное «звучание», то есть функционирование, участие осмысленных «голосов города» [Полифония городских пространств, 2014, с. 7], отдельные из которых рассмотрены в рамках предлагаемой публикации.

Список литературы

1. Искужина, Н. Г. Гетерогенное языковое пространство города: специфика речевого контактирования / Н. Г. Искужина, Э. А. Салихова // Филологические науки: Вопросы теории и практики. – 2013. – № 3, ч. 2. – С. 181–186.
2. Китайгородская, М. В. Языковое существование современного горожанина. На материале языка Москвы / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М. : Языки славянской культуры, 2010. – 528 с.
3. Колесов, В. В. Язык города / В. В. Колесов. – 2-е изд., стереотип. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 192 с.
4. Ларин, Б. А. О лингвистическом изучении города: К лингвистической характеристике города (несколько предпосылок) / Б. А. Ларин // История русского языка и общее языкознание. – М., 1977. – С. 175–189.
5. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – 5-е изд., перераб. – М. : Флинта-Наука, 2011. – 320 с.
6. Одинокова, Н. Ю. Специфика профессионально детерминированных ассоциативных реакций (На материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Одинокова Н. Ю. – Саратов, 2004. – 19 с.
7. Полифония городских пространств: Интернациональный научно-исследовательский альманах. Обзоры и концепция : в 2 т. – Самара : Медиа-книга, 2014. – Т. 1. – 152 с.
8. Салихова, Э. А. Двужычие и триязычие как социопсихолингвистические факторы лингвокультурной интеграции этносов Башкортостана / Э. А. Салихова // Вестник Череповецкого госуниверситета. – 2015. – № 1 (62). – С. 52–56.
9. Словарь социолингвистических терминов / под ред. проф. Михальченко. В. Ю. – М. : ИЯ РАН, 2006. – 312 с.
10. Тихомиров, С. А. Маршрутное такси как источник фольклорной образности / С. А. Тихомиров // Аналитика культурологии. – 2011. – Вып. № 2. – URL: <http://ores.su/ru/journals/analitika-kulturologii/2011-pomeg-21/> (дата обращения 26.12.15 г.).
11. Чувелева, М. С. Системный характер подязыка экономики / М. С. Чувелева // Иностранные языки в школе. – М. : Высш. шк., 1985. – Вып. 18. – С. 75–82.
12. Шарифуллин, Б. Я. Язык современного сибирского города / Б. Я. Шарифуллин // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. – Красноярск, 1997. – Вып. 5. – С. 8–26.
13. Юнаковская, А. А. Социальная дифференциация языка города (проблемы и перспективы) / А. А. Юнаковская. – URL: http://www.univer.omsk.su/trudy/fil_ezh/n2/unakov.html (дата обращения: 25.12.15).
14. Ярмухаметова, Л. Ф. Об одном из перспективных направлений в изучении языка современного города (на примере реплик-наклеек в транспорте г. Уфы) / Л. Ф. Ярмухаметова // Современные тенденции развития науки и технологий. – Белгород, 2015. – № 7 (Ч. IV). – С.76–78.
15. Ярмухаметова, Л. Ф. Монологические жанры в изучении языка современного города (на примере надписей в маршрутных автобусах г. Уфы) / Л. Ф. Ярмухаметова, Э. А. Салихова // Перспективы науки – 2015. – Казань : ООО «Рокета Союз», 2015. – С. 184–189.

Л. В. Балахонская
(г. Санкт-Петербург, Россия)

ВОЗДЕЙСТВУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

Отличительной чертой современного рекламного дискурса является ярко выраженный воздействующий, в том числе манипулятивный, характер [Балахонская, 2010, с. 112–112]. Одним из способов целенаправленного воздействия на сознание реципиента служит использование в рекламных текстах разного рода прецедентных феноменов, включающих такие единицы, как «прецедентный текст», «прецедентное высказывание», «символ прецедентного текста», «прецедентная ситуация» и некоторые другие.

В качестве определения прецедентного феномена современные исследователи обычно используют ту дефиницию, которую предложил Ю. Н. Караулов для прецедентных текстов. Прецедентными называются феномены, «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие (3), обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе языковой личности» [Караулов, 1987, с. 216].

Прецедентные феномены (ПФ) представляют собой готовые интеллектуально-эмоциональные блоки, которые используются для облегчения и ускорения осуществляемого языковой личностью переключения из «фактологического» контекста мысли в «ментальный», а иногда и наоборот. Иными словами, при использовании ПФ в рекламе к фактической информации добавляются разного рода коннотации, что приводит к усилению воздействующего эффекта данных единиц.

В связи с ориентацией рекламы на массового потребителя из трех типов прецедентных феноменов: социумно-прецедентных, национально-прецедентных и универсально-прецедентных – в рекламном дискурсе наибольшее распространение получили национально-прецедентные, «известные любому среднему представителю того или иного национально-культурного сообщества и входящие в когнитивную базу (национальное коллективное когнитивное пространство)» [Красных и др., 1997, с. 63]. Обязательным условием использования прецедентных феноменов, независимо от их типа, является наличие общих фоновых знаний у создателя рекламного текста и его получателя. Установка на узнавание ПФ реципиентом – часть авторского замысла составителя рекламы. ПФ значительно облегчают восприятие и запоминание рекламных произведений. Включение хорошо известных читателю элементов – прецедентных феноменов – в корпус рекламного текста способствует более быстрому переходу этого текста из разряда «чужого» в разряд «своего».

Состав ПФ формируется прежде всего на основе произведений русской и мировой классической литературы, а также устного народного творчества, мифов, библейских сюжетов, высказываний исторических личностей, персонажей известных кинофильмов и т.п. Цитата обычно берется не непосредственно из текста-источника, а из «культурного тезауруса» языковой личности. При этом вовсе не предполагается точное знание носителем языка места и роли цитируемого фрагмента в первоисточнике. Например, в целом ряде рекламных текстов в качестве прецедентного феномена используется хорошо известное начало монолога Гамлета из трагедии Шекспира (в переводе Н. А. Полевого, 1837 г.): «Быть или не быть – вот в

чем вопрос». Однако это вовсе не свидетельствует о том, что составители рекламы сами точно представляют роль данного фрагмента в развитии сюжета шекспировской трагедии или уверены в хорошем знании художественного произведения читателями рекламы. В сознании большинства носителей языка фраза *Быть или не быть?* прочно связана с образом сомневающегося Гамлета, стоящего перед выбором, но на вопрос: в чем именно заключается проблема выбора, многие ответить не могут. В рекламе данная фраза обычно употребляется в трансформированном виде: (1) Пить или не пить? (реклама пивного клуба); (2) Пить или не пить? Курить или не курить? (реклама наркологического центра); (3) Быт или не быт? (реклама мебельного салона); (4) Любить или не любить? (реклама медицинских препаратов); (5) Есть или не есть? (реклама комбината мясопродуктов).

В данных рекламных текстах обращение к прецедентным феноменам вызвано четко выраженной прагматической задачей: разрешить сомнения читателей рекламы в пользу рекламируемого товара или услуги. В большинстве случаев на поставленный вопрос предполагается положительный ответ. Однако в некоторых рекламных текстах может подразумеваться и отрицательный ответ. Важную роль при этом играет фактор адресата и предназначение рекламируемого товара или услуги. Одна и та же по форме рекламная фраза *Пить или не пить?* в зависимости от того, кому она адресована, воспринимается по-разному. Так, например, в рекламе пивного клуба прогнозируемый ответ положительный, а в рекламе наркологического центра предполагаемый ответ прямо противоположный.

Приведенные примеры позволяют заметить, что прецедентные феномены, обладающие в языке статусом «высокого», в рекламном дискурсе обычно наполняются «низким» содержанием. С помощью прецедентных феноменов адресант стремится воздействовать на сознание адресата, манипулировать им.

Манипулятивное воздействие ПФ в структуре рекламного дискурса может быть обусловлено целым рядом факторов. Чаще всего в целях манипуляции происходит смена функциональной нагрузки компонентов прецедентных феноменов, например: *Весь мир – в театр!* (реклама фестиваля театрального искусства «Балтийский дом» в С.-Петербурге). В исходном тексте – переводе Т. Щепкиной-Куперник начала монолога Жака из пьесы Шекспира (*Весь мир – театр. В нем женщины, мужчины – все актеры*) слово *театр* употреблено в функции предиката, а в приведенном рекламном слогане изменяется и морфологическая характеристика данного слова (форма именительного падежа заменяется формой винительного падежа с предлогом «в»), и его синтаксическая роль. Изменение структуры прецедентного высказывания влечет за собой и изменение функциональной нагрузки: утрачивается характеризующая функция, вместо нее реализуется функция побуждения. Следует заметить, что выражение побуждения к действию вообще является распространенным типом манипулирования в рекламе.

Воздействующий манипулятивный эффект может достигаться также сменой модальности прецедентного феномена по сравнению с исходным текстом. Например, в рекламном тексте, в котором описывается эффективность специфических медицинских препаратов для мужчин, в качестве заголовка использована часть фразы из знаменитого стихотворения А. С. Пушкина «Я Вас любил; любовь еще, быть может...», однако представлена она в трансформированном виде: *Любовь еще быть может!* (реклама медицинской клиники). Отсутствие привычных запятых (у Пушкина ими была выделена модальная единица *быть может*), появление восклицательного знака в конце усеченной части первой строки пушкинского стихотворения, изменение интонационного контура высказывания резко меняют смысл этого фрагмента: модальность сомнения меняется на модальность уверенности, утверждения. Показательно, что в конце рекламной статьи содержится прямое указание на изменившуюся модальность цитируемых в заглавии пушкинских слов: «После посеще-

ния клиники пациент восстанавливает пошатнувшуюся уверенность в себе. И робкую надежду *в моей душе угасла не совсем* он сменит убеждением *Любовь еще быть может!*»

Манипуляция сознанием языковой личности в анализируемом примере связана также с искажением самого понятия *любовь* в пушкинском тексте: Пушкин подчёркивал духовное начало любви (*любовь... в душе моей угасла не совсем*), в рекламе же речь идёт о телесной, физической стороне любви. В результате исходный фрагмент, обладающий статусом «высокого», в тексте рекламы выражает «низкое» содержание.

В рекламном дискурсе нередки случаи манипулирования сознанием реципиента с помощью имплицитного способа подачи информации. Например, на пачке сигарет «Мальборо» в качестве рекламного слогана использован ПФ: *Пришел, увидел, приобрел!* Манипулирование заключается в использовании в качестве прецедентного известного высказывания Юлия Цезаря «Пришел, увидел, победил!» по поводу быстро одержанной им победы над понтийским царем Фарнаком. В сознании потребителя происходит повышение собственного статуса, осознание себя победителем, едва ли не отождествление с Ю. Цезарем. Создатель рекламного текста как бы внушает покупателю: «Тот, кто курит сигареты «Мальборо», – настоящий мужчина, который всегда одерживает победу» [Балахонская, 2002, с. 36–37].

Проведённый анализ материала позволяет сделать вывод о том, что манипулятивное воздействие на сознание потребителя с помощью прецедентных феноменов может воплощаться в рекламном дискурсе различными способами, среди которых важно отметить смену функциональной нагрузки ПФ, изменение модальности, имплицитное выражение того или иного смысла и т.п. Обращение к прецедентным феноменам в рекламном дискурсе, с одной стороны, обусловлено тяготением к стандартным, упрощённым средствам выражения смысла, а с другой – стремлением к экспрессивности, к творческому использованию языковых единиц

Список литературы

1. Балахонская, Л. В. Прецедентные феномены как средство манипулирования в рекламном дискурсе / Л. В. Балахонская // Слово. Семантика. Текст : сб. науч. тр., посвящ. юбилею проф. В. В. Степановой. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. – С. 34–39.
2. Балахонская, Л. В. Современное социокультурное пространство и язык рекламы / Л. В. Балахонская // Общество. Среда. Развитие (TERRA HUMANA). – 2010. – № 4 (17). – С. 111–114.
3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 264 с.
4. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 1997. – № 3. – С. 62–75.

Е. И. Беглова

(г. Нижний Новгород, Россия)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК ОБРАЗНОЕ СРЕДСТВО В ЗАГОЛОВКАХ СОВРЕМЕННОГО ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Фразеологические единицы (ФЕ) являются традиционным средством создания экспрессии, образности, прежде всего, текста художественного. До 1990-х гг. в публицистическом тексте использовались в большей степени ФЕ с книжной окраской, так как в текстах этого времени не наблюдалось речевой агрессии, резких отрицательных оценок каких-либо известных лиц или общественных явлений, связанных с изменениями в обществе. В 1990-е гг. в связи со снятием идеологической и филологической цензуры активным средством создания оценки и экспрессии становится жаргонная, ар-

го, тическая, просторечная лексика [Беглова 2007], а фразеологические единицы в газетно-журнальном языке использовались очень редко, уступая место вышеназванным некодифицированным лексическим единицам русского языка. С 2000-х гг. частотность использования жаргонной лексики в текстах центральных газет снижается, а ФЕ часто встречаются в некоторых газетах, в частности в «Аргументах и фактах», «Известиях», «Комсомольской правде» и др. С 2010-х гг. ФЕ становятся активным средством создания оценки и экспрессии в публицистическом тексте, прежде всего газетном, а также языковым средством создания заголовка публицистического текста.

Предметом нашего внимания в данной статье являются особенности использования ФЕ в заголовках публицистического текста (в большей мере газетного) 2010-х гг.

Как показывают наши наблюдения за языковыми особенностями заголовков газетного и журнального текстов обозначенного периода, журналисты предпочитают ФЕ с разговорно-просторечной стилистической окраской, способствующей передаче отрицательной оценки описываемого явления и созданию пейоративной окраски, иронии или речевой агрессии, которая свойственна большому количеству публицистических текстов, в частности газетных. Сам факт актуализации ФЕ в газетных и журнальных текстах 2010-х гг., по нашему мнению, свидетельствует о повышении уровня языковой компетентности журналистов, которые не только следуют речевым пристрастиям адресата, ориентированным на предпочтение в речи просторечной, жаргонной лексики и фразеологии, но и профессионально относятся к языковому материалу порождаемого ими текста, отбирая необходимые для достижения авторской интенции лексические и фразеологические единицы из словаря русского литературного языка.

Следует отметить, что при употреблении ФЕ в заголовках газетных или журнальных текстов, рубрик наблюдаются все известные приёмы трансформирования фразеологизмов: контаминация нескольких ФЕ, нарушение целостности состава, деметафоризация ФЕ, редукция компонентного состава ФЕ, расширение компонентного состава ФЕ, замена компонентов, изменение грамматических форм компонентов ФЕ, изменение порядка компонентов ФЕ и др. [Голуб, 1997, с. 121–124; Беглова, 2013, с. 75–77]. Произведём функциональный, лингвистический и стилистический анализы ФЕ, употребляющихся в заголовках публицистического текста 2010-х гг.

Следует заметить, что в заголовках газетных и журнальных текстов ФЕ используются как в языковой форме (кодифицированной), так и в трансформированной. Например, ФЕ в языковой форме: 1) «*Держи карман шире*»; предтекст: *С каждой 100 рублей зарплаты в бюджет де факто уходят 76, 59 рубля налогов (Огонёк. 21.09.15. С. 21.) Держи карман шире – просторечная ФЕ, о напрасных ожиданиях и расчётах [Фразеологический словарь, 1986, с. 138]; в тексте происходит изменение семантики ФЕ: создаётся значение, противоположное кодифицированному – *утечка денег из кармана; «большие непредвиденные расходы»*. 2) Рубрика «*Вопрос ребром*»; заголовок «*Кому нужны недоступные кредиты?*». Предтекст: *Правительство подталкивает банки к мерам, которые могут ограничить доступ населения к кредитным услугам (Собеседник. № 41. 2013. С. 14).* ФЕ (*ставить*) *вопрос ребром* – заявлять о чём-либо категорически [Фразеологический словарь, 1986, с. 450] – создаёт семантическую коннотацию «необходимость срочного решения вопроса о кредитах». 3) заголовок «*Кто греет руки на оборонке?*» (*АиФ. № 52. 24-30.12. 2014. С. 9.*) ФЕ *греть / нагреть руки* – получать доход нечестным путём, наживаться незаконными путями [Фразеологический словарь 1986: 119]; ФЕ *вопрос ребром* акцентирует внимание адресата на проблеме, выдвинутой в заголовке адресантом, и создаёт отрицательную оценку действий лиц, которые имеют отношение к незаконному использованию материальных средств, предназначенных для развития оборонной промышленности, в целях наживы.*

Лингвистический и стилистический анализы ФЕ, употребляемых в заголовках газетных и журнальных текстов, позволяет нам сделать вывод о том, что подобного рода использование ФЕ в заголовках публицистического текста способствует выражению оценки описываемого явления или интриге адресата, акцентуации внимания адресата на поднимаемом журналистом вопросе, так как благодаря своей экспрессии, а также разговорной и просторечной окраске ФЕ, с одной стороны, усиливают диалогичность адресанта и адресата текста, а с другой – имплицитно манипулируют сознанием адресата, направляя его в сторону авторской интенции.

Следует особо отметить, что в газетных и журнальных заголовках в большей мере используются ФЕ, подвергающиеся трансформациям как в семантике, так и в форме. Например, изменяются грамматические формы компонентов ФЕ: *Велик риск, что с подачи государства госбанки пойдут по пути «снятия сливок»* (Собеседник. № 41. 2013. С 14.). Кодифицированная форма ФЕ *снимать сливки* – глагольная ФЕ (глагол + сущ.) заменяется именной ФЕ (отглагольное сущ. + сущ.). *Снимать / снять сливки* – брать себе самое лучшее, выгодное, обычно опережая других [Фразеологический словарь 1986: 441]; в контексте создаётся отрицательная оценка деятельности госбанков и семантическая коннотация: *путь снятия сливок* – получение выгоды банками без учёта интересов вкладчиков, что противоречит общественным интересам и действию законов в сфере деятельности госбанков. Можно утверждать, что использование данной ФЕ в заголовке проецирует ироническую тональность всего текста, следовательно, имплицитно формирует у адресата отрицательную оценку деятельности госбанков в конкретный период.

Или заголовок *«Пётр лыка не вязал»*; предтекст: *«Как развлекались на досуге правители страны»*. Текст: *«Пётр I (1672–1725). У Петра I была неуёмная энергия. Тратил он её не только на преобразование Руси, но и на свои хобби. Царь мастерил часы, работал на токарном станке, плотничал, высаживал деревья, любил повозиться вместе с врачами над учебным трупом. Когда под руку попадались живые люди со сгнившими зубами, несмотря на мольбы, рвал им больные зубы. Увлекался Пётр I и собирательством. У него была огромная коллекция монет. А с плетением лаптей самодержец не справился. Его обучали лучшие лапотники, но Пётр так и не совладал с лыком»* (АиФ. № 52. 24–30.12. 2014. С. 43.). Кодифицированная форма ФЕ *лыка не вяжет* – просторечная окраска; *так пьян, что не в состоянии связно говорить* [Фразеологический словарь, 1986, с. 100]. В заголовке ФЕ *лыка не вязал*, подвергаясь изменению в грамматической форме, а именно смене времени глагола (*вяжет* – наст. вр. / *не вязал* – прош. вр.) выполняет функцию интриги адресата, а в тексте ФЕ подвергается демегафоризации, основанной на ассоциациях бытового характера, то есть компоненты ФЕ получают самостоятельное лексическое значение: *лыко* как материал для плетения лаптей – крестьянской обуви; занятие плести лапти из лыка требует определённых умений, чему не смог научиться Пётр I. В данном случае ФЕ *лыка не вяжет* в заголовке текста выполняет функцию интриги адресата, которая создаётся наложением фразеологического значения и самостоятельных лексических значений компонентов ФЕ.

Таким образом, в заголовках публицистического текста 2010 г. актуализируются фразеологические единицы, которые используются как в кодифицированной, так и трансформированной адресантом форме. Это в большей степени разговорные и просторечные ФЕ, способствующие созданию речевой агрессии, отрицательной оценки описываемого явления, прогнозирования адресантом иронической тональности текста.

Как показывает наш языковой и текстовый материал, ФЕ в заголовках публицистического текста (газетного и журнального) названного периода выполняют функции интриги, акцентуации внимания адресата на предмете речи журналистского текста, а также функцию манипуляции сознанием адресата в соответствии с интенцией адресанта текста.

Список литературы

1. Беглова, Е. И. Семантико-прагматический потенциал некодифицированного слова в публицистике постсоветской эпохи : дис. ... д-р филол. наук: 10.02.01 / Беглова Е. И. – М., 2007. – 488 с.
2. Беглова, Е. И. Русская фразеология в языке и речи / Е. И. Беглова. – Стерлитамак, 2013. – 220 с.
3. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – М., 1997. – 448 с.
4. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – М., 1986.

А. П. Василенко
(г. Брянск, Россия)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА СТРУКТУРУ РЕКЛАМНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Медийное пространство один из ярких примеров повседневного навязывания разнообразных поведенческих эталонов, порой не совсем обоснованных и, самое главное (не в осуждение будет сказано), далеко не образцовых, даже спорных.

Упомянутый поведенческий эталон становится объектом двунаправленной активности: *перцептивной* – со стороны потребителя и *агентивной* – со стороны создателя. Наиболее интересным, как представляется, можно считать механизм создания и функционирования таких универсальных моделей, которые выступают стимулом для потенциальных дальнейших действий лицам, воспринявшим её.

Построение каркаса рекламной информации напрямую связано с общими моделями построения текста как такового с добавлением некоторой особенности – аудиовизуальной трансляцией данных в ограниченно заданном временном пространстве.

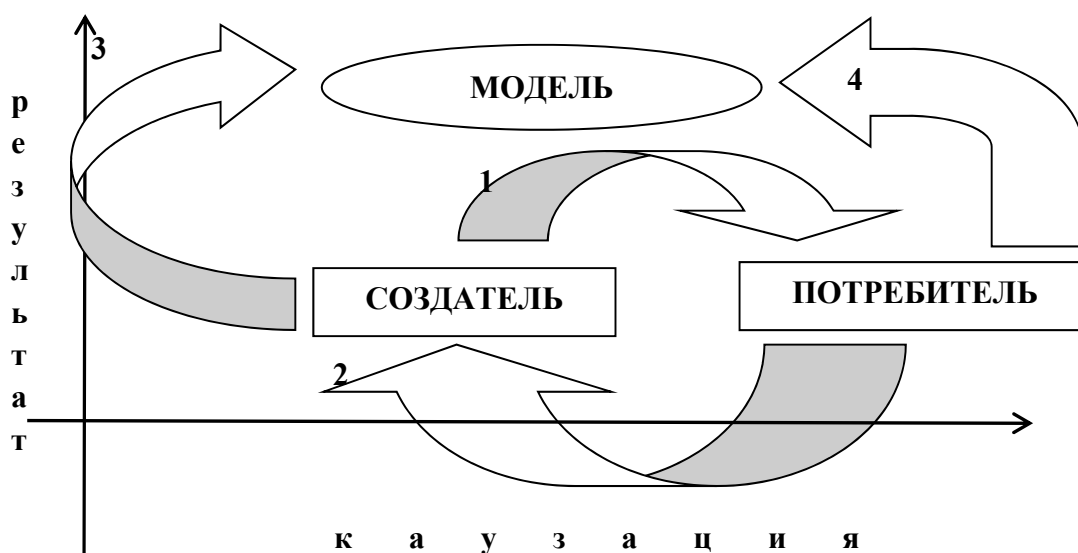
Итак, отправной точкой для сотворения каркаса любой рекламной модели является СОЗДАТЕЛЬ. Он, опосредованно или напрямую изучая ПОТРЕБИТЕЛЯ, проектирует модель, которую впоследствии без прямого участия самого СОЗДАТЕЛЯ анализирует лично ПОТРЕБИТЕЛЬ.

Отображенная ниже на схеме поэтапная нумеративная траектория активности 1 – 2 – 3 является сферой односторонней и многоаспектной деятельности СОЗДАТЕЛЯ, при этом, как видно, ПОТРЕБИТЕЛЬ находится вне механизмов данной креации (траектория за номером 4, появляющаяся по результатам действия очередности 1 – 2 – 3), он является лишь финальным участником такого же одностороннего, но принципиального отличного процесса – консумации.

Кроме того, представленное схематичное расположение составляющих рекламного содержимого свидетельствует о неодинаковом зональном распределении участников аудиовизуальной трансляции (собственно продукта – модели): по обе стороны от объекта аттракции (модель) находятся создатель и потребитель. Они изначально занимают полярные ареалы, но в единой горизонтальной плоскости каузативных (причинных) экономических отношений «спрос – предложение», поэтому и находятся на одном уровне (см. схему: *каузация*).

Сама модель дистанцируется вертикально, возвышается, занимая автономную надплоскость, уже не зависящую от причинно-обстоятельственных факторов, породивших её. Поэтому Модель противопоставляется другим участникам на том основании, что функционирует в другой плоскости – результативной (см. схему: *результат*).

Данная триада (создатель – потребитель – модель) есть объединение противопоставленных, строго последовательных этапов, но обобществляемых на основе удобоваримости для каждого участника:

Некоторый теоретический вывод из данной схемы: аргументированность, логичность и последовательность, желательная иллюстративная подкрепленность становятся доминирующими принципами в создании любого рекламного продукта.

Изучение механизмов восприятия звучащей (в широком смысле этого слова) информации не редкость в научных кругах. Так, язык рекламы многоаспектного обозначен в коллективной монографии [Рекламный дискурс и рекламный текст 2011]. Вот другая работа [Лукин, 2003], где автор рассматривает подобные механизмы на материале компонентов художественного текста и формирует модель восприятия на следующих принципах взаимодействия *автор ↔ текст ↔ получатель*. Изучают также прагматимы (см. работу [Исакова, 2012]) на материале рекламы в их ассоциативно-вербальной связи с окружающей действительностью, скажем «Кнор» – *вкусен и скор* (пример наш – А. В.): запоминается и название продукта, и прикрепленный к ней принудительным образом хорошо продуманный аттрактивный для потребителя ряд атрибутов, которые на материале данного слогана можно представить в виде такой когнитивной записи: ‘Есть X, который отвечает гастрономическим интересам Y-ка и не требует временных затрат на приготовление’.

Обозначенные в статье возможные приемы создания и продвижения рекламного продукта, во многом, субъективны, раскрывают, в большинстве своем, характер манипулятивного воздействия на сознание потребителя, которыми, впрочем, они и являются, что доказано общественной практикой, т.е. практикой объективной.

Список литературы

1. Беллерт, И. Об одном условии связности текста / И. Беллерт // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. VIII. – М., 1978. – С. 172–207.
2. Исакова, А. А. Прагматимы современного русского языка как составляющая рекламного дискурса: лингво-когнитивная, семантическая, структурно-прагматическая характеристика : автореф. ... д-ра филол. наук / Исакова А. А. – Челябинск, 2012.
3. Лукин, В. И. Лингво-семиотические свойства художественного текста, его компоненты и параметры типологического определения : автореф. ... д-ра филол. наук / Лукин В. И. – Орёл, 2003.
4. Рекламный дискурс и рекламный текст : коллективная монография. – М., 2011. – 296 с.

ОБРАЗ СЕМЬИ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ 90-х ГОДОВ XX ВЕКА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В последнее время общественность и средства массовой информации уделяют всё большее внимание освещению различных сторон жизни одного из важнейших социальных институтов – семьи. Интерес к данному феномену объясняется кризисным положением семьи и отношением общества к ней, следствием чего является ежегодный рост числа неблагополучных семей, детей-сирот и одиноких пенсионеров. А между тем именно они составляют большинство населения России. В связи с этим, на наш взгляд, представляется весьма перспективным обращение к исследованию репрезентации образа семьи в текстах СМИ, отражающих коллективные знания и представления об этом феномене. Цель настоящей работы заключается в выявлении важнейших компонентов языкового образа семьи, представленного в региональной публицистике перестроечного и постперестроечного периодов, а именно на страницах газет «Советская Башкирия» и «Вечерняя Уфа».

Для полноценного анализа языковых средств создания образа семьи необходимо кратко осветить специфику изучения этого феномена в рамках других гуманитарных дисциплин, прежде всего социологии, в рамках которой семья определяется как основанное на кровном родстве, браке или усыновлении (опекунстве) объединение людей, обычно связанных отношениями собственности, общностью быта, взаимной ответственностью за воспитание детей [Волков, Мостовая, 2000, с. 422]. В «Российской социологической энциклопедии» термин «семья» трактуется следующим образом: Семья – общественный механизм воспроизводства человека, отношения между мужем и женой, родителями и детьми, основанная на этих отношениях малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью [Российская социологическая энциклопедия, 1998, с. 462]. Как правило, в социологической литературе институт семьи рассматривается наряду с институтом брака. Брак – это исторически обусловленная, санкционированная и регулируемая обществом форма отношений между женщиной и мужчиной, устанавливающая их права и обязанности по отношению друг к другу, к детям и обществу [Назаренко, 2009, с. 269].

Если говорить о положении семьи в интересующий нас период, то следует учитывать социально-экономические условия её существования: данный этап в истории России был объявлен эпохой перестройки, которая, в свою очередь, предполагала значительные преобразования во всех сферах жизни общества. Именно в эти годы происходит распад СССР, создаётся СНГ. В связи с проведением реформ в стране резко сократилась производственная деятельность предприятий, возник дефицит продуктов питания и других жизненно важных товаров, между тем постоянно увеличилось число безработных – всё это стало тяжёлым испытанием для российского общества и явилось причиной падения уровня жизни людей. Кризисное положение страны в полной мере нашло отражение в региональных печатных СМИ: появляются критические статьи в адрес правительства, практически на каждой странице встречаются «кричащие» заголовки, обращённые к властям: *Видать, главе закон не писан...*; *Куда шагать перестройке?* и т.п. Кроме того, многие из них довольно ясно передавали эмоциональное состояние людей: *Мрём...*; *Пенсионеров – на «Прикол!»*; *Штрихи катастрофы*; *Подаяние унижает*; *В одиночку не выжить*; *Держи карман уже!* и т.д.

Что касается специфики языка анализируемых региональных СМИ 90-х гг. XX в., то в них заметно превалировала жаргонная лексика, поскольку товарно-рыночные отношения сформировали в обществе особый сленг: *запись на очередь, достать, выбросили товар* и др. Лексические единицы, используемые в газетных публикациях, содержали в своём значении эмоционально-оценочные и функционально-стилевые коннотации, которые выражали личностное отношение (чаще всего негативное) автора текста к чему или кому-либо: *детдомовка, двоеженец* и др. Несмотря на кризисное положение общества, нередко статьи носили ироничный характер, о чём свидетельствуют следующие языковые единицы: *Играй, гормон; Кто стоит за блондинкой?* и др. Нельзя не обратить внимание на преобладание в текстах большого числа заимствованных, в основном англоязычных слов типа *дайджест, имидж* и т.д. Важно подчеркнуть также наличие в анализируемых газетных публикациях тюркизмов, отражающих лингвокультурологическую специфику региональной прессы. Можно сказать, что отмена цензуры предоставила печатным СМИ свободу творчества, и поэтому в целом региональные печатные издания характеризуются языковой свободой и отсутствием как таковых литературных норм.

Для выявления основных составляющих языкового образа семьи, представленного в региональной прессе, из газет «Советская Башкирия» и «Вечерняя Уфа» нами были выбраны и классифицированы контексты, содержащие соответствующую лексему, а также близкие ей в семантическом отношении. В результате нами были выявлены следующие компоненты данного образа.

1. Этапы существования семьи:

– **создание семьи, начало супружеской жизни:** *Придумали вот ещё что: две квартиры выделили для молодых хороших семей, которые возьмут к себе ребят из детдома, чтобы те постепенно привыкли к обычному укладу жизни, научились делить обязанности и заботы* (ТАСС. Все дети – наши // Вечерняя Уфа, 17.01.90);

– **продолжение супружеской жизни:** *Живёт эта пара в скромной квартире, вместе ходят в магазин, вместе – на прогулку* (Н. Ермоленко. Через войну к судьбе // Советская Башкирия, 07.05.95); *С мужем мы живём 35 лет* (Л. Чудакова. Мы хотим, чтоб по закону // Вечерняя Уфа, 01.07.98);

– **прекращение существования семьи:** *По этой причине половина семей распадается* (С. Латыпов. Из ада в... ад? // Советская Башкирия, 18.05.91); *Бракоразводный процесс можно было начинать* (Н. Черкашин. Первая дама // Вечерняя Уфа, 06.10.98).

2. Состав семьи, количество её членов:

– **полная, целая, вся:** *Они запечатлевают жизнь города, конкретных людей, целые семьи* (Г. Карпусь. Рафаэль Исламов: «Хочу творить не только раз в году» // Советская Башкирия 17.04.91). *А кризис всё-таки лучше пережить вместе, всей семьёй* (Т. Барабаш. Трое в доме, не считая собаки // Вечерняя Уфа, 13.10.98);

– **неполная:** *Прежде всего, от этого пострадали дети из малоимущих слоёв населения – многодетных, неполных семей, где воспитываются дети-инвалиды* (С. Сагитов. В тревоге за детей // Советская Башкирия, 07.05.91);

– **огромная, большая, многодетная:** *Семья наша была большая, 8 детей, старшие работали* (А. Бажайкина. Без срока давности // Советская Башкирия, 16.01.90); *Никакой помощи не надо было многодетной семье* (А. Бажайкина. Мы – кулацкие дети // Советская Башкирия, 04.07.92);

– **увеличение, пополнение семьи, рождение детей:** *И во дворах полощутся на весеннем ветру пелёнки, ползунки: опять рождаются на этой земле батыры* (Л. Клемент. Цветут сады, рождаются дети // Советская Башкирия, 23.05.91);

– **отсутствие семьи, близких:** Сказал, что одиноких стариков только в Кировском районе зарегистрировано 511 (Т. Рыбченко. Дом, к которому нет тропинки // Вечерняя Уфа, 06.01.90); Давайте подумаем: как можно в наше время одинокому человеку жить на эти деньги? (С. Болховских. Покой или горе // Вечерняя Уфа, 09.01.91); А одинокие женщины мечтают о девочке, которая будет надёжной опорой в старости (Н. Паклин. Мама заказала девочку // Вечерняя Уфа, 02.10.98).

3. Распределение ролей в семье: Из семьи Жуковых, к примеру, на фронт ушло пять человек: глава семьи Илья Михеевич и Павел (Братья Бабушкины. Немногом довелось вернуться // Советская Башкирия, 18.04.95).

4. Социальное положение семьи:

– **благополучная:** Филармония, гастролы, благополучная семья (Г. Дианов. Советская Башкирия // Советская Башкирия, 06.07.99);

– **неблагополучная:** Пьяная мать находилась дома и поведение ребёнка в опасной ситуации не контролировала (А. Баженова. Беды большой воды // Советская Башкирия, 27.04.91).

5. Социальное происхождение членов семьи: Отец Георгий (Егор Григорьевич Копейкин) происходил из семьи крепостных крестьян села Семёновка Благовещенского района Уфимской губернии (Н. Зимина. Судьба, судьбы, судьбою... // Вечерняя Уфа, 02.07.92).

6. Степень официальности семейных отношений:

– **законный брак:** А я говорю, позвольте, мамаша, невесту поздравить с законным браком (И. Слободчиков. Мужики (рассказ) // Советская Башкирия, 04.01.90);

– **первый (второй...) брак:** От первого брака у Петра Ивановича осталось 11 детей, жена Анисья Прокофьевна умерла во время родов, от второго брака у него было 9 детей (А. Непомнящая. Славные исследователи Урала // Советская Башкирия 07.05.91); Второй брак также не принёс Елене Александровне счастья (Н. Черкашин. Первая дама // Вечерняя Уфа, 06.10.98).

7. Институт родительства:

– **дети-сироты:** Я круглая сирота, воспитывалась в Учалинском детском доме с 1979 по 1987 год (А. Камалетдинова. Бездомные мать и дитя // Советская Башкирия, 14.04.95); Сердце подсказало – надо нести веру и надежду в души детей-сирот (П. Хромов. Были достойны панфиловцев? Были! // Советская Башкирия, 13.04.95).

8. Трудовая деятельность семьи: Сохранились, не разлетелись по другим предприятиям трудовые династии Гарифуллиных, Юзлубаевых, Переверзиных, Кудашевых, Галимовых, Игошиных, Баландиных, Вольновых (В. Мазин. Вставши на ноги – иди // Советская Башкирия, 13.01.90).

9. Экономические отношения в семье: Это были пятидесятые года, когда семья почти бедствовала (Г. Ниязова. Хмурая осень // Вечерняя Уфа, 08.01.91); Вся она сосредоточена в небольшом сборнике-пособии по семейной бухгалтерии (Б. Фёдоров. Пора учиться считать // Советская Башкирия, 23.05.91); Причём в постановлении речь идёт об адресной поддержке, точнее, о детях из малообеспеченных семей: 2 рубля в день на одного учащегося (М. Деева. Почём завтрак для школьника // Вечерняя Уфа, 17.10.98).

10. Психологическая атмосфера в семье:

– **счастливая:** В свадебных обрядах ими благословляли молодых на семейное счастье (А. Кряквина. И покатилося золотое яичко... // Советская Башкирия, 06.04.91);

– *настроение в семье*: С каким настроением пребывают семьи военнослужащих? (А. Моцный. Хлеб-соль вам, новосёлы! // Советская Башкирия, 21.07.92).

11. Религиозные традиции семьи: *Но мне хочется рассказать о том, как в семье отмечались религиозные праздники* (Мязина-Линькова. Вспоминая рождество // Вечерняя Уфа, 06.01.90).

Как следует из приведённых примеров, в газетной публицистике перестроечного и постперестроечного периодов языковой образ семьи весьма неоднозначен. С одной стороны, можно утверждать, что данный социальный институт описывается как большой, единый союз, о чём свидетельствует частотность таких словосочетаний, как *вся (целая, многодетная) семья*. С другой стороны, в анализируемых текстах встречаются и такие слова и словосочетания, как *развод, матери-одиночки, одинокие женщины, вдова, неполные семьи* или же *второй брак, второй муж, двоеженец, сожитель*. Если же говорить в общем о языковой репрезентации образа семьи на страницах региональных газет «Вечерняя Уфа» и «Советская Башкирия» в 90-е г. XX в., то ввиду упомянутых нами трудностей временного отрезка, именуемого перестройкой, в большинстве случаев на первый план выходило описание экономических проблем семьи, отсюда преобладание в текстах таких словосочетаний, как *малоимущие (бедные) семьи, экономия семьи* и т.п. Особое внимание авторы газетных текстов уделяли обрисовке социального положения семьи, для чего в основном использовались прилагательные *благополучные / неблагоприятные* и *полные / неполные*. Несмотря на присутствие в газетных публикациях таких слов, как *развод, разлад* и других лексем, близких им по значению, в рассматриваемый период семья всё же представляла ценность и являлась хранительницей многовековых традиций и культуры предков, о чём свидетельствуют языковые способы репрезентации образа той или иной семьи. К примеру, зачастую авторы печатных изданий наряду с лексическими единицами русского языка использовали и башкирские слова: *агай* («дядя»), *батыр* («защитник») и т.д. В силу сложившихся традиций башкирского народа подобное обращение подразумевало проявление большого уважения и внимания к членам семьи, а также отражало их ценностное отношение к истории и культуре предков. Судя по газетным текстам, благотворное влияние на состояние института семьи, на наш взгляд, оказывала религия, которая в 90-е г. XX в. получила широкое освещение в региональных печатных изданиях «Вечерняя Уфа» и «Советская Башкирия». Можно говорить о том, что приверженцы ислама и христианства выступали своеобразными агитаторами, призывавшими общество к укреплению семейных отношений.

Подводя итог, можно сказать следующее: в 90-е г. XX в. в региональной публицистике – газетах «Вечерняя Уфа» и «Советская Башкирия» – семья представлена динамичной и постоянно меняющейся социальной структурой, о чём свидетельствует большое количество разнообразных, неоднозначных по своей семантике словосочетаний с соответствующей лексемой. Ввиду этого не представляется возможным квалифицировать институт семьи как определённое устоявшееся явление и, соответственно, воссоздать его единый языковой образ.

Список литературы

1. Волков, Ю. Г. Социология : учеб. для вузов / Ю. Г. Волков, И. В. Мостовая ; под ред. проф. В. И. Добренькова. – М. : Гардарики, 2000. – 432 с.
2. Назаренко, С. В. Социология : учеб. пособие / С. В. Назаренко. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2009. – 496 с.
3. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. академика РАН Г. В. Осипова. – М. : НОРМА – ИНФРА-М, 1998. – 672 с.

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО РЕПОРТАЖА

«Репортаж даёт читателю наглядное представление о событии. Автором репортажа может быть только человек, сам наблюдавший или наблюдающий событие, а нередко и участвующий в нем. Отсюда – возможность и необходимость авторской оценки происходящего, личного отношения к изображаемым событиям» [Солганик, 1997, с. 3]. Таким образом, автор должен использовать все многообразие лексических и стилистических средств языка для создания эффекта присутствия.

Исследовав большое количество современных репортажей, мы пришли к выводу, что для создания социально значимого, качественного и декодируемого медиатекста необходимо соблюсти ряд требований:

1. Строгая и органичная композиция. В Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка М. Н. Кожина пишет: «Композиция обуславливается не только закономерностями изображаемой действительности, но и мировоззрением, конкретными идейно-эстетическими, в частности жанровыми, задачами, поставленными автором» [Кожина, 2006, с. 1]. Важно не просто написать текст, но уметь верно выстроить его. Чем сложнее сюжет, тем труднее читателю будет разобраться в его содержании. Исходя из этого, стоит отметить, что дробление текста на более мелкие составляющие, благоприятно сказывается на декодируемости текста.

Для анализа мы выбрали репортаж Дмитрия Соколова-Митрича «Шрэк на Тихой речке» [Соколов-Митрич, 2007, с. 2]. Материал рассказывает об угасании киноиндустрии в небольших городах. *«Наши корреспонденты отправились на сеанс в кинотеатр «Юбилейный» в городе Безенчук Самарской области, чтобы увидеть и запомнить русский провинциальный кинотеатр начала третьего тысячелетия. Пока не поздно».*

Текст материала разбит на 5 частей, каждая из которых имеет свой подзаголовок: «Бордюркин. «Репетиция оркестра», «Директор. «Ирония судьбы», «Безенчук. «Город зеро», «Киномеханик. «Форест Гамп», «Кассир. «Девчата». Автор использует аллюзию – стилистическую фигуру, содержащую аналогию или намёк на факт, закреплённый в текстовой культуре или в разговорной речи. В данном случае репортер указывает на схожесть характеров персонажей кино и героев своего текста: *«Порядок» – это ключевое слово директора. Он похож на состарившегося Ипполита из «Иронии судьбы»; «Нина Быканова – маленького роста, немного суевливая приятная женщина. В ней чувствуется какая-то надорвавшаяся доброта. Те, кто её знает давно, говорят, что в молодости энергия в ней была через край. Её любимый фильм – «Девчата», вот только как зовут главную героиню, на которую она когда-то была похожа, Нина Даниловна уже не помнит».* Город Безенчук автор сравнивает с городом Зеро (из одноименного советского фильма), намекая на скрытую абсурдность повседневной жизни в провинциальном городке.

Через судьбу героев «мини-глав», читатель приближается к проблематике репортажа – печальной судьбе провинциального кинематографа: *«Кинотеатры в небольших городах – безнадежные банкроты. В худшем случае они закрыты или перефигурированы, в лучшем – еще держатся на плаву благодаря героям-одиночкам».*

2. Удачно подобранные и описанные детали, а в дальнейшем и расшифровка события на уровне подробностей. Зачастую короткое описание какого-либо

предмета / детали интерьера / внешности отражает проблему медиатекста гораздо мощнее, чем передача личных впечатлений и эмоций автора. Использование фразеологизмов, например, «у меня встал ком в горле», «от происходящего зашевелились волосы на голове» и проч., является неуместным со стороны автора, т.к. читатель сам должен почувствовать это при помощи отбора репортером определенных языковых средств.

Безусловно, удачное начало любого медиатекста – это посыл на хорошее продолжение; именно вступление способно удержать интерес читателя на начальном этапе повествования:

«– Бутылку Водки и два йогурта, – какими-то неуловимыми речевыми модуляциями человеку, который стоит перед нами в очереди, удалось произнести слово «водка» так, что письменно это передать можно лишь при помощи заглавной буквы.

– Берите тогда уж и пива, – шутит продавщица магазина «Смешанные товары».

– Зачем?

– Йогурт без пива – деньги на ветер».

В стремлении показать запущенную, бедную провинциальную жизнь, автор не стал вдаваться в описание низкого уровня быта, зарплаты, ниже прожиточного минимума, повсеместного употребления алкоголя; он приводит диалог, который услышал в магазине.

Этой же цели служит описание такой детали внешности кассира кинотеатра: *«Быканова быстро надевает очки с одной дужкой и поворачивается ко мне боком, чтобы этого изъяна не было видно».* У единственного киномеханика в районе, прожившего всю жизнь на процветание местных кинотеатров, нет телевизора: *«Нет, это я по телевизору смотрел. У соседа. У меня дома даже телевизора нет. Зарплата две тысячи рублей – какой там телевизор».*

В финале репортажа автор описанием очередной детали подытоживает бессмысленность героических действий работников «умирающего» кинотеатра «Юбилейный»: *«Когда фильм закончится, одна из них [девушка из танцевальной группы] расскажет нам страшную тайну: сегодня утром директор кинотеатра Евгений Григорьевич раздавал людям свои личные деньги – чтобы они купили билеты и пришли в кино. Потому что журналисты приезжают».*

3. Отбор и грамотное комбинирование разностилевой лексики. Для достижения своих целей автор перераспределяет словарный состав по стилистическим оттенкам и значению, которые могут не совпадать с общелитературными.

Все силы автора направлены на передачу окружающей его обстановки. Исходя из главной мысли – показать увядающую провинциальную киноиндустрию, держащуюся на плаву только благодаря «героям-одиночкам» – Соколов-Митрич отбирает 2 пласта лексики с точки зрения ее стилистической дифференциации: книжную и просторечную. Описывая своеобразный подвиг «троих энтузиастов: директора, киномеханика и кассира», репортер использует высокую лексику: *«речевые модуляции, капельмейстер, повергло (в печаль), грянула (песня), репертуарное планирование, заломить руки, воскликнуть, тончайшая душевная организация и др.».* Несмотря на бескорыстный труд этих людей, город Безенчук находится в упадке, поэтому восстановление и переоборудование кинотеатра «Юбилейный» невозможно. Для описания окружающей обстановки автор выбирает просторечные слова: *«глюк, зажигал (оркестр), пацаны гопнического вида, глушняк, тусоваться, алкоголики, делать тям-ляп, сторублевка, зэчки, мечется (по холлу)».*

Итак, репортаж Дмитрия Соколова-Митрича «Шрэк на тихой речке» состоит из 5 взаимосвязанных частей, отражающих судьбу главных героев. В тексте содер-

жится большое количество оригинальных деталей, способствующих лучшей передаче атмосферы. Достижению этой цели способствует также использование разностилевой лексики.

Список литературы

1. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 696 с.
2. Соколов-Митрич, Д. Шрэк на Тихой речке / Д. Соколов-Митрич // Русский репортер. – 2007. – № 9.
3. Солганик, Г. Я. Стилистика текста : учеб. пособие / Г. Я. Солганик. – М. : Флинта : Наука, 1997. – 256 с.

М. Г. Луннова
(г. Пенза, Россия)

ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ ЯЗЫКА БАНКОВСКИХ СЛОГАНОВ

Рекламный слоган – это краткая запоминающаяся фраза, которая передаёт в яркой, образной форме основную идею рекламной кампании. Хороший слоган поддерживает репутацию компании и отражает её специфику. Важными риторическими характеристиками слогана являются краткость, ритмический и фонетический повтор, контрастность, языковая игра и эффект скрытого диалога. Слоган является важной составляющей фирменного стиля [Кромптон, 1995, с. 84].

Создание хорошего слогана требует большого мастерства, интуиции, творческого прозрения. Тем не менее, можно сформулировать некоторые принципы построения удачных слоганов. Эти принципы относятся к содержательной, информационной стороне слогана или имеют отношение к риторике – к тому, как преподносится эта информация. Слоган представляет рекламируемый объект, характеризует его, индивидуализует его – выделяет на фоне других. В известном смысле, слоган выполняет функцию развернутого собственного имени [Романова, 2001, с. 14].

Говоря об особенностях слогана, важно обозначить его влияние на массовое сознание аудитории и формирование коммуникативных способностей получателей рекламной информации. С одной стороны, слоган можно рассматривать как особое «зеркало» культуры, объективно отражающее среду коммуникации общества. На наш взгляд, в этом проявляется уникальность слогана как социального явления. Данный вывод оправдан, поскольку слоган стремится «разговаривать» на одном языке с потребителем, быть максимально понятным и близким той аудитории, к которой обращается.

С другой стороны, слоган призван выполнить конкретную, прагматическую задачу: привлечь внимание потенциального потребителя, стимулировать покупку и принести прибыль организации-рекламодателю. А следовательно, он должен быть понятным целевой аудитории и воздействовать на её мотивы.

В условиях жесткой конкуренции имиджевый слоган банка является хорошей возможностью для привлечения внимания потенциального потребителя банковской услуги, поскольку передает в яркой, образной форме основную идею рекламной кампании, придает цельность серии рекламных мероприятий. Слоган является важной составляющей фирменного стиля, рекламной политики.

«Эффективный слоган обязательно содержит средства выражения личностного начала» как на лексическом, так и на грамматическом уровне, – отмечает А. Д. Кривоносов. По его мнению, в слогане должны использоваться элементарные предикативные коммуникативные модели – простые предложения, любые осложнённые синтаксические конструкции сразу же делают слоган «потенциальным аутсайдером в запоминаемости» [Кривоносов, 2001, с. 24].

И. Морозова указывает на ещё одну функцию слогана – «служить связующим звеном между многими отдельными сообщениями, входящими в общую рекламную компанию и имеющими разные форматы: телевизионные рекламные ролики, макеты в прессе, щиты наружной рекламы» [Морозова, 2003, с. 6].

Художественные приёмы снижают вовлекающую силу слогана, но положительно влияют на его восприятие и запоминание потребителем. Запоминание слогана увеличивают:

– ассонанс: ЕВРОПЕЙСКИЙ ТРАСТОВЫЙ БАНК: *Реальный сектор успеха*; БИН-БАНК: *Пересечение интересов*;

– аллитерация: БАНК МОСКВЫ: *Взлет ваших возможностей*; АЭРОФЛОТ, банк: *Всегда на высоте*;

– ритм: ВОЗРОЖДЕНИЕ, банк: *Безграничен простор – бесконечны возможности*; МЕЖДУНАРОДНЫЙ МОСКОВСКИЙ БАНК: *Работаем с финансами. Думаем о людях*;

– рифма: АЭРОФЛОТ-СИТИБАНК: *Ваш счёт – Ваш полёт*; БАНК СТРОЙКРЕДИТ: *Всё очень просто. Весна – время роста!*

Банковский слоган состоит из двух частей, построенных с использованием принципа синтаксического параллелизма. Порядок слов в предложениях внушает потребителю мысль о существовании только одного банка, достойного доверия. Например, ТРАСТ: *Крутым парням – крутой процент*; HSBC: *Лето кончилось... Специальные условия – нет!*

Использование приема каламбура становится основой построения рекламы банковских услуг: РУССКИЙ СТАНДАРТ: *Кредит с первого взгляда*; РЕНЕСАНС: *Кредит быстрого приготовления!*

Приём параллелизма – одинаковое синтаксическое построение отрезков речи – делает слоган кратким и запоминающимся: РЕНЕСАНС: *Предельно просто. Абсолютно надёжно. Максимально эффективно*; БАНК ОТКРЫТИЕ: *Каждый горизонт имеет право стать шире. Каждый успех имеет право на развитие*.

В основе слогана – антитеза, выраженная описательно: БАНК МОСКВЫ: *Ставки по кредитным картам ниже – покупки больше*; MASTERCARD: *Есть вещи, которые нельзя купить. Для всего остального есть MasterCard*.

Рекламный слоган может быть основан на использовании многозначности слова: QIWI: *Qіwі сидит на каждой ветке*; БАНК ЗЕНИТ: *Ипотека в Зените*.

Использование приема парцелляции в построении банковского слогана и цепная связь между предложениями позволяют сделать в устной речи интонационное выделение главного (РАЙФФАЙЗЕН, банк: *Надёжная спутница жизни. Из хорошей семьи*; НОМОС БАНК: *Работаем круглосуточно. Ваши деньги*).

В банковских слоганах используется трансформация известных выражений. Будучи внешне отвлеченными от рекламируемого товара, они переносят позитивный взгляд в целом на рекламируемые услуги (КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК: *Бережёного банк бережёт* (ср.: Береженого бог бережет); АБСОЛЮТ БАНК: *Знакомьтесь, Бонд. ЕвроБонд* (ср.: Знакомьтесь, Бонд. Джеймс Бонд); BARCLAYS, банк: *Кредит – друг человека* (ср.: Собака – друг человека); НОМОС БАНК: *Большой кредит для маленькой, маленькой такой компании* (ср.: Большой секрет для маленькой, маленькой такой компании); БАНК МОСКВЫ: *Банк Вам в помощь* (ср.: Бог вам в помощь!).

Обращение к эмоциям – это один из наиболее ярких и запоминающихся рекламных приёмов. Он запоминается именно по причине обращения к чувствам, а не к логике. Суть приёма состоит в том, чтобы придать рекламному сообщению (а вместе с ним и рекламируемым банковским услугам) эмоциональную окраску, вызвать чувства потребителя и привязать их к банку (его продукту). Обращение к эмоциям потребителя, как правило, исключает апелляцию к рациональным выгодам, либо ставит их на второй план. Например, ВТБ 24: *Уютный дом и счастливая семья*

нужны каждому; ВОЗРОЖДЕНИЕ: Заботиться о будущем детей. Вместе с моим банком; СБЕРБАНК: Мы желаем счастья вам!

Игра с цифрами – один из популярнейших рекламных приёмов банков на сегодняшний день. В этом случае делается акцент на выгодных условиях депозита, кредита или кредитной карты. При этом подразумевается, что процентные ставки как минимум очень выгодны, как максимум – самые высокие (в случае с депозитами) или самые низкие (если речь идёт о кредитах) на рынке. Например, БАНК МОСКВЫ: *Это не только низкий процент – мы купили на одну комнату больше;* ТРАСТ, банк: *Крутым парням – крутой процент!*

Ещё один вспомогательный рекламный приём, часто использующийся в паре с другими – реклама в формате «вопрос-ответ». Он заключается в том, чтобы разделить рекламную кампанию на два временных этапа. Первый этап – сообщение-загадка, вопрос, в котором не содержится рекламы продукта или услуги, а иногда лишь намёк на неё. Второй этап – собственно реклама как ответ на загадку. Приём был особенно эффективен, когда был в новинку на рынке и приковывал к себе внимание потребителей, подогреваемое обсуждением в СМИ. Сегодня для достижения эффективности такой рекламы обязательна очень интересная и яркая идея. Например, НОМОС БАНК: *Платить банку? Это абсурд!* BNP PARIBAS: *Доходность или надёжность? С банком BNP Paribas – и то, и другое!* МОЙ БАНК: *Мечту вызывали? Не обещаем, а воплощаем!*

Основная функция рекламного текста – его способность запоминаться, войти в повседневную речь, не теряя связи с объектом рекламы. Как и любой текст, банковский слоган подчиняется законам языка. Его общая художественная ценность складывается из отдельных языковых приёмов выразительности, положительно влияющих на восприятие и запоминание потребителем предлагаемых банковских услуг.

Список литературы

1. Кривоносов, А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций / А. Д. Кривоносов. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001.
2. Кромптон, А. Мастерская рекламного текста / А. Кромптон. – Тольятти : Довгань, 1995.
3. Морозова, И. Слагая слоганы / И. Морозова. – М. : РИП-холдинг, 2001.
4. Романова, Т. Н. Слоганы в языке современной рекламы / Т. Н. Романова // Лингвистика. – 2001. – № 3.

О. В. Нечаева
(г. Пенза, Россия)

О НАРУШЕНИИ СВЯЗИ «ЗАГОЛОВОК – ТЕКСТ» В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Распространённая ошибка современных газет – несоответствие заголовка содержанию. Часто это происходит из-за желания автора привлечь внимание к своей работе, этот случай вполне понятен. Иногда разрушение связей «заголовок – текст» происходит из-за ошибки автора, недостаточного понимания им взаимодействия между заголовком и текстом.

Ошибки возникают в тех случаях, когда нарушаются смысловые связи заголовка с текстом. Можно отметить несколько видов ошибочного смыслового взаимодействия в системе «заголовок – текст»: а) ошибочны связи «заголовок – текст» в тех случаях, когда заголовок неясен, двусмыслен. Неясное заглавие иногда остаётся непонятным и после восприятия всего текста; б) смысл заголовка противоречит содержанию текста.

При этом всё же как плюс можно отметить, что грамматическое построение современных заголовков очень разнообразно. Анализ заголовочных конструкций га-

зеты «Аргументы и факты» 2001–2015 гг. выявил широкий круг синтаксических построений с разными видами связи «заголовок – текст». Наиболее распространённый тип заголовков – заголовки-резюме. Особенно часто они используются в информационных, где необходима точная передача смысла текста в заголовке. В заголовке к интервью (заголовок-цитата) часто используется схема «Имя интервьюируемого: «Цитата из беседы с ним (или просто фраза, близкая к тексту)». Не исчезли из газет и заголовки-пародии. В заметке об открытии фестиваля «Садовод-2001» было подобрано заглавие «*С Днём садоводов!*», по форме напоминающее поздравление.

Возможности грамматического построения заголовков сегодня настолько разнообразны, что, имея определённый навык и теоретическую подготовку, можно создавать интереснейшие образцы заглавий. По каким-то причинам современные авторы мало используют игру слов, тропы и фигуры. Это серьёзное упущение, так как выразительные средства языка делают заголовок более ярким и, при умелом использовании, помогают предать заголовку скрытый смысл, раскрыть авторскую позицию. Редко встречаются и заголовки-ссылки на литературу, хотя они оказывают сильное эмоциональное воздействие на читателя.

Заголовок находится в тесной связи с текстом, это полноправный компонент текста. Однако заголовок воспринимается и как речевой элемент, находящийся вне текста. Заголовок стоит над текстом, отделяется от него определённым пространством, это позволяет ему функционировать в качестве самостоятельной речевой единицы.

Как самостоятельная речевая единица заголовок может восприниматься в качестве самостоятельного носителя информации или как оценка сообщаемого далее. Оценка – передача субъективного плана речи. Субъективный план создаётся с помощью эмоционально-выразительных средств, при этом экспрессия выражается не только лексическими и фонетическими средствами, но и чисто грамматическими.

Язык всегда четко соответствует времени: он фиксирует в семантике слова наше отношение к явлению, им названному. Это отношение может закрепляться за словом независимо от контекста на некоторое время или даже навсегда. Так, например, определение «*импортный*» десятилетиями обозначало не столько товар, привезённый из-за рубежа, сколько качественный товар, в отличие от отечественного, мягко говоря, некачественного. Кроме того, отношение к явлению может обнаруживать себя в определённой языковой ситуации. Понятийное значение, зафиксированное словарями, обрастает многочисленными добавочными смыслами, которые далеко не всегда бывают отражены в словарях, но которые безошибочно узнаются всеми носителями данной речевой культуры.

«*Кремлёвская диета*» (16 марта 2004 г.) – слово «*кремлёвская*» по смысловым ассоциациям синонимично слову «*хорошая*».

«*Бесчастных – это голова*» (27 апреля 2001 г.) – значение оценки выражается самостоятельными предложениями. Оценивается предмет, лицо (в данном случае футболист Владимир Бесчастных), оценка выражена существительным «*голова*».

Оценочные высказывания связаны со сферой человеческих чувств, а главная особенность чувств – их смутность. Именно поэтому в качестве оценок часто выступают гиперболы разного рода, метафоры, которые хорошо выражают субъективное отношение говорящего (пишущего) к предмету речи. Свойства, лежащие в основе метафоры, наполнены внеязыковыми ассоциациями разговорной речи, которая отражает эмоциональную реакцию человека. Гипербола даёт экспрессивное усиление, преувеличивает истинные размеры предметов, свойств, ситуации, тем самым в речи создаётся оценочность.

Оценивая ситуацию, заголовок формирует у читателя определённое отношение к событию. Заголовок воздействует на читателя, убеждает его через факты (представленные в заглавии) и через авторскую оценку этих фактов. Заголовок фор-

мирует у людей правильное отношение к общественной жизни и конкретным делам, актуализирует проблемы современности, представляющие интерес для общества (политические, экономические, философические, нравственные, вопросы культуры и т.д.), оказывая своё воздействие на читателя, заголовок не только ориентируется в этих событиях, но и стремится повлиять на мнение читателя. В подходе к заглавиям в их отборе и оценке всегда обнаруживается нравственная позиция автора, которая привносит в высказывания эмоциональный элемент. Для создания выразительности в заголовках можно использовать практически любое языковое средство, но заголовок должен быть уместен, экспрессивен. Заголовок может быть страстным и призывным, формировать у читателей определённое отношение к публикации, но разрушение связи «заголовок – текст» может привести к дезориентации читателя и отказу от обращения к публикациям данного автора.

*Н. А. Преображенская
(г. Пенза, Россия)*

МЕТАФОРА КАК СПОСОБ ОПИСАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ЯЗЫКА СМИ И РЕКЛАМЫ)

Язык – мощное средство управления или манипулирования обществом. Одним из наиболее действенных средств манипулирования сознанием является метафора. Метафора – особый тип мышления, который не только формирует представление об объекте, но и предопределяет стиль размышления о нём.

Одной из важнейших функций метафоры является моделирование действительности, потому что метафора, являясь тропом, выступает как способ мышления и движения к неизвестному.

Учение о метафоре долгое время находилось на периферии лингвистики, но теперь это едва ли не ведущее направление когнитивистики, психолингвистики и лингвокультурологии.

Лингвисты отмечают, что в настоящее время происходит «карнавализация» языка СМИ: «строгие» тексты заменяются «нестрогими», пародируются советские штампы, возрастает личностное начало в речи журналистов, отмечается нацеленность на игру с читателем. Например, нередко в СМИ можно встретить метафоры, относящиеся либо к экспрессивно-оценочным и концептуальным, либо к общественно-политическим: акула нефти и газа, ветви власти, корни кризиса, кредит доверия, поступь времени, голос совести, игрок на валютном рынке и др.

Ещё со времён Аристотеля предполагалось, что метафора как таковая ничего не изменяет в действительности, а лишь по-новому именуется существующие феномены. Однако стоит признать, что метафора – это не просто средство номинации, а прежде всего средство, создающее новую реальность (или иное её видение), что и позволяет использовать данный троп для создания экспрессивной речи.

Телереклама сегодня стала частью массовой культуры. Условия её таковы, что самый высокий уровень интенсивности воздействия должен быть обеспечен при крайней экономии языковых средств. Поэтому воздействие чаще осуществляется не на рациональном, а на эмоциональном уровне.

Для анализа языковой метафоры в рекламе можно рассмотреть рекламные ролики лекарств:

*Чтобы **сокрушить** боль, нанесите ответный удар! «Солпадеин» – мощное **оружие**, **бьющее** точно в цель!*

*Кашель и хрипота **атакуют**? Насморк **нарушает правила**? «Halls» **поможет быть в игре!***

Боль схватила за горло? Разожми её железную хватку! «Септолете»! Когда микробы атакуют, дай отпор!

Фервекс – быстрая победа над болезнью!

Coldrex MaxGrip – сильнее других лекарств от гриппа и простуды. Новый Coldrex MaxGrip – сокрушительный удар по гриппу!

Этот далеко не полный список примеров показывает, как в рекламе лекарств используется метафорический образ противника. Практически все слоганы содержат идею борьбы с врагом, которая транслируется через военную терминологию.

Возникающий у телезрителей образ борьбы всегда сопровождается ощущением тревоги. Это ощущение и передаётся в рекламе потребителю в скрытой форме. Именно ощущение тревоги должно заставить человека принять меры для более успешной борьбы с врагом, например, пойти и купить лекарство, крем или моющее средство.

Можно высказать предположение, что использование метафоры борьбы с врагом в рекламе лекарств направлено не на запоминание, а на создание необходимого эмоционального воздействия на телеаудиторию.

Таким образом, метафора не упрощает видение данных фрагментов, а лишь помогает по-новому представить их. Она способствует наглядности передачи содержания, вызывая конкретно-чувственное представление. Эти новые представления, соединяясь с исходными, и образуют всю совокупность знаний человека о каком-либо участке картины мира.

Список литературы

1. Баранов, А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей / А. Н. Баранов // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2. – С. 73–94.
2. Баранов, А. Н. Предисловие редактора / А. Н. Баранов // Метафоры, которыми мы живём / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ. под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 7–21.
3. Корнилова, Е. Е. Слово и изображение в рекламе / Е. Е. Корнилова, Ю. А. Гордеев. – Воронеж: Кварта, 2001. – 224 с. – (Серия «Системы и коммуникации»).
4. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живём / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
5. Медведева, Е. В. Рекламная коммуникация / Е. В. Медведева. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 280 с.

Е. В. Сергеева

(г. Санкт-Петербург, Россия)

МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПРИЁМ ОБРАЗНОЙ ПОДАЧИ ИНФОРМАЦИИ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

В начале XXI в. анализ рекламного дискурса стал одним из актуальных направлений лингвистической науки. Под рекламным дискурсом понимается институциональный дискурс, ориентированный на рекламную коммуникацию. Рекламная коммуникация – это процесс передачи информации об объекте рекламирования, инициируемый институциональным субъектом – рекламодателем и адресованный потребителям рекламы [Сергеева, Балахонская, 2016].

Наиболее значимая стратегия речевого воздействия в рекламном дискурсе – манипулирование. Под стратегией речевого воздействия (коммуникативной стратегией) понимается спланированная коммуникантом принципиальная установка коммуникации, определяющая её глобальную цель, предполагающая какое-либо изменение экстралингвистической ситуации или сознания индивидуального/массового адресата как следствие совокупности коммуникативных актов и осуществляемая с

помощью комплекса речевых актов. Любая стратегия воплощается в определенных тактиках. Коммуникативная тактика (тактика речевого воздействия) – это объединенное частной задачей и определенным образом организованное коммуникативное намерение, направленное на реализацию стратегии, обладающее набором специфических лингвистических и экстралингвистических характеристик и реализующееся с помощью совокупности приёмов.

Речевое манипулирование – это стратегия речевого воздействия, использующая особенности языка для скрытого воздействия на адресата в интересах адресанта. (Ср. Рекламный текст 2000, Копнина 2007). Речевое манипулирование можно определить также как искусно выполненное незаметное воздействие на духовную сферу адресата в интересах адресанта, которое осуществляется с помощью языковых средств.

Проблематике, связанной с речевым манипулированием в рекламе, посвящены работы Л. В. Балахонской [Балахонская, 2002, Балахонская; 2010, Балахонская, 2015], а также Е. С. Поповой [Попова, 2002], Л. Л. Геращенко [Геращенко, 2006], Т. В. Полетаевой [Полетаева, 2001], О. С. Домовец [Домовец, 1999] и др.

Предметом рассмотрения в настоящей статье также стало речевое манипулирование в рекламном дискурсе, его тактики и приёмы, и прежде всего – приём образной подачи информации. В качестве материала исследования были выбраны микротексты каталога «Фаберлик», в которых рекламируется парфюмерная продукция и где наиболее показательно представлен приём манипулятивного речевого воздействия, который мы называем приёмом образной подачи информации.

В рекламных текстах для воздействия на адресата используются прежде всего тактика манипуляции на чувствах и потребностях (наиболее частотны при реализации этой тактики приёмы эксплуатации различных потребностей: быть красивой и молодой; сохранить здоровье; находиться в безопасности; принадлежать к какой-либо привилегированной группе; иметь близких людей и семью; существовать в комфорте; а также приём эксплуатации различных слабостей) и тактика трансформации информации (наиболее частотны – приемы особой компоновки сообщаемой информации; употребления специфической лексики, прежде всего заимствованных слов и терминов; использования авторитетного информатора; использования числовых и процентных данных). Перечисленные тактики и приёмы рассматривались в других статьях автора [Сергеева, 2014а; Сергеева, 2014б; Сергеева, 2015]. Однако можно выделить и приёмы, являющиеся средством реализации различных тактик, например, приём употребления положительно окрашенной лексики.

К подобным приёмам относится и приём образной подачи информации, который реализует как тактику манипуляции на чувствах и потребностях, так и тактику трансформации информации. Метафоры, сравнения и эпитеты, которые употребляет создатель рекламного текста, с одной стороны, воздействуют на эстетическое чувство адресата, пробуждаемое более или менее оригинальным образом, что способствует возникновению желания приобрести объект рекламы, который представляется чем-то красивым, привлекательным; с другой стороны, информация о качестве, специфике, назначении рекомендуемого продукта искажается, изменяется в лучшую сторону, воспринимается как более положительная в результате использования переносных значений слов.

Приём образной подачи информации пересекается с приёмом употребления положительно окрашенной лексики, поскольку в состав единичного тропа или развернутой образной конструкции часто входят слова с положительным денотативным или коннотативным элементом значения, например, праздник (*Праздник жизни! Искристый аромат раскрывается яркими красками бергамота цедры лимона. Страстные цветочные ноты пиона, жасмина и фрезии кружат в зажигательном танце, создавая атмосферу праздника*), упоение и упоительный (*Упоение любовью! Упоительная нота сочной сливы в обрамлении яркого свежего цветочно-*

фруктового аккорда открывает композицию. В сердце аромата роза, жасмин, иланг-иланг, мускус и ваниль. Ветивер, кедр и дубовый мох в шлейфе делают аромат более насыщенным), счастье, любовь (На крыльях счастья и любви!), радость, позитивный, оптимистичный (Захватывающий вихрь фруктовых нот красного яблока, манго, танжерина и ананаса дарит позитивные эмоции и оптимистичное настроение. Аромат обещает, что наступающий день будет наполнен счастьем и радостью), чарующий, драгоценный, благородный (Чарующий аромат с драгоценной нотой ириса в благородном обрамлении пряных специй звучит по-королевски), рай (Сочные краски сандала, ванили и южных фруктов увлекают в тропический рай) и др.

Для рекламного дискурса в целом характерно преобладание конкретного по сравнению с абстрактным. Подобная «конкретизация» вдвойне важна, когда рекламируется парфюмерная продукция, особенности и достоинства которой должны восприниматься с помощью обоняния, чего не может заменить ни зрение, ни слух. Однако, поскольку обонятельные ощущения в рекламном тексте передать невозможно, адресант стремится представить аромат как нечто зримое, осязаемое или слышимое.

Главная целеустановка рекламного дискурса – создать ощущение, что рекламный продукт чрезвычайно привлекателен в каком-либо отношении, а далее – пробудить желание купить данный товар или воспользоваться данной услугой, связанное с выделением именно этого продукта среди прочих. Следовательно, перед копирайтером стоит задача представить рекламируемый объект максимально ярко и наглядно, а значит, оптимальным является текст, с помощью которого парфюмерная продукция соотносится с приятными звуками или эстетическими визуальными объектами: цветами, драгоценными камнями, небесными светилами. Потенциальный потребитель должен воспринимать рекламируемый товар с помощью не одного, а сразу нескольких органов чувств, для чего создается многостороннее, насыщенное положительными смыслами высказывание, в котором сочетаются различные образные словосочетания и конструкции, наиболее часто – сравнение и метафора, прежде всего синестетическая.

Сравнение (часто сочетающееся в контексте с эпитетом и метафорой), где средством сравнения является словосочетание различной степени оригинальности с более или менее ярко выраженным языковым положительным значением, в рассматриваемой разновидности дискурса достаточно употребительно: *как мечты, словно первое дыхание весны, словно мамина колыбельная, словно нежное прикосновение шелка, словно первые поцелуи, подобно драгоценному рубину, словно сотканный из солнечного света, словно тихая мелодия, словно белый танец, словно свет путеводной звезды*. Подобные образные средства обычно употребляются в одном микроконтексте с другими: творительным сравнением, эпитетом, метафорой (*Лёгкий, парящий, словно первое дыхание весны, аромат распускается нежным букетом цветов, в котором солирует ландыш; Шлейф убаюкивает пудровым облаком с зелеными переливами, ласковым и уютным, словно мамина колыбельная; Слово свет путеводной звезды, аромат манит прохладными нотами лимона, грейпфрута, кардамона и ананаса*).

Метафора – широко распространённое образное средство воздействия в рекламном дискурсе, заставляющее воспринимать предлагаемую продукцию как воплощение явно положительного чувства, ощущения, представления: *крылья счастья, бриз любви, эссенция счастья, музыка всепоглощающей любви, игра оттенков, экспрессия мускатного ореха, шлейф убаюкивает, аромат переливается, аромат зовет (На крыльях счастья и любви!; Слово сотканный из солнечного света, аромат переливается миллионами золотых бликов и зовет в теплые объятия пушистой мимозы)*.

Наиболее значимым образным средством манипулятивного речевого воздействия можно назвать синестетическую метафору. Это образное средство – результат переноса наименования, которое основано на реально ощущаемом или специально сконструированном сходстве двух различных сенсорных ощущений. Основой наглядного восприятия рекламируемого товара становится совместная работа не-

скольких органов чувств. Подобные образные средства могут быть двух(трёх-, четырёх-)компонентными, чаще всего построенными по модели прилагательное + генитивное словосочетание (*атлас свежей розы, мягкие волны безмятежности, нежный шелк иланг-иланга, темный бархат специй, золотая оправка вашей чувственности*) и развернутыми, представляющими из себя ряд взаимосвязанных словосочетаний (*Аромат плетет венки-леи из нот цветов удивительной красоты...; Аромат переливается сверкающими нотами бергамота, абрикоса, пралине и мускатного ореха, сплетаясь в изящное драгоценное кружево; Подвенечный парфюмерный наряд невесты соткан из мерцающего блеска начальных цитрусовых и зеленых нот, оттененных нюансами фруктов; Аромат вдохновляет нотами бергамота и итальянского мандарина, интригует чувственным аккордом лаванды, мускатного дерева, пачули и оттенком кожи; Вступительный свежий аккорд альдегидов и цитрусов в обрамлении вкрадчивых нот артемизии, шалфея мускатного и дикорастущих трав переходит в контрастное теплое созвучие древесных оттенков в мягкой дымке ладана*).

В рекламе парфюмерной продукции в каталогах «Фаберлик» широко представлены синестетические метафоры, созданные на основе сходства различных ощущений:

1) обонятельных и зрительных (*Радуга ароматов – выбирай по настроению!, Искристый аромат раскрывается яркими красками бергамота и цедры*);

2) обонятельных и слуховых ощущений (*Аромат звучит по-королевски; Яркое, незабываемое звучание аромата воспекает все богатство и многообразие жизни; Базовый аккорд мускуса придает аромату уникальный характер...*);

3) обонятельных и вкусовых ощущений (*Сердце аромата соткано из сладких, словно первые поцелуи, нот ванили, кардамона и конфет тоффи*);

4) обонятельных и осязательных ощущений (*Его (аромата) прикосновения легки и невесомы...; ...в теплые объятия пушистой мимозы; ...бархатные нюансы ириса и бобов тонка привносят глубину в этот букет*).

5) обонятельных, вкусовых и зрительных ощущений (*Сочные краски сандала, ванили и южных фруктов увлекают в тропический рай*);

6) обонятельных, зрительных и слуховых ощущений (*Озоновые ноты в обрамлении оттенков ананаса, петигрейна и зеленой груши расставляют элегантные акценты. Чувственный аромат струится прозрачной дымкой сверкающих нот бергамота...*);

7) обонятельных, осязательных и слуховых ощущений (*Шлейф окутывает блаженным теплом амбро-мускусного аккорда*);

8) обонятельных, осязательных и зрительных ощущений (*Благородный шлейф с теплыми оттенками кожи, кедра и ветивера вдохновляет на новые свершения*);

9) обонятельных, осязательных и слуховых ощущений (*Бархатный аромат создан на созвучии изысканных оттенков*);

10) обонятельных, слуховых и вкусовых ощущений (*Аромат открывается свежим звучанием цитрусовых нот мандарина, итальянского лимона и юзу*);

11) обонятельных, вкусовых, зрительных и слуховых ощущений (*За тобой всюду следует...яркое многоголосье гурманских оттенков белого шоколада, пралине, ванили; Аромат открывает созвучие терпких можжевельных и холодных зеленых нот*).

Считается, что в синестетических метафорах существует иерархически обоснованная тенденция к распределению ощущений от низших (тактильных, вкусовых, обонятельных) к высшим, более развитым сенсорным полям – акустическому и визуальному. Однако подобная закономерность, как видно из приведенных примеров, при рекламировании парфюмерной продукции представлена не всегда.

Метафорическое словосочетание часто дополняется эпитетом: *Нежный цветок, наполненный очарованием юности. В его аромате спокойные ноты белых цветов переплетаются с трепетно-сладкими фруктовыми аккордами. Он мягкий, изящный и возвышенно-дерзкий.; Искристый аромат раскрывается яркими красками бергамота и цедры лимона. Страстные цветочные ноты пиона, жасмина и фрезии кружат в зажигательном танце, создавая атмосферу праздника.*

Перечисленные особенности приёма образной подачи информации затрагивают все сферы восприятия адресата и заставляют его считать, что рекламируемая парфюмерная продукция связана только с приятными чувствами и может доставить удовольствие. Следовательно, можно утверждать, что рассмотренный приём – весьма эффективный способ манипулятивного речевого воздействия.

Список литературы

1. Балахонская, Л. В. Прецедентные феномены как средство манипулирования в рекламном дискурсе / Л. В. Балахонская // Слово. Семантика : сб. науч. тр., посвящ. юбилею проф. В. В. Степановой. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2002.
2. Балахонская, Л. В. Современное социокультурное пространство и язык рекламы / Л. В. Балахонская // Общество. Среда. Развитие (TERRA HUMANA). – 2010. – № 4 (17).
3. Балахонская, Л. В. Лексические средства вербализации чувственных образов в рекламных текстах / Л. В. Балахонская // Слова и словари : сб. науч. ст., посвящ. профес. В. Д. Черняк. – СПб. : Свое изд-во, 2015.
4. Геращенко, Л. Л. Манипуляции в современной рекламе / Л. Л. Геращенко. – М., 2006.
5. Домовец, О. С. Манипуляция в рекламном дискурсе / О. С. Домовец // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. – Волгоград, 1999.
6. Копнина, Г. Н. Речевое манипулирование : учеб. пособие / Г. Н. Копнина. – М. : Флинта : Наука, 2007.
7. Полетаева, Т. В. Речевые манипуляции в современной англоязычной рекламе: Прагматический аспект : дис. ... канд. филол. наук / Полетаева Т. В. – СПб., 2001.
8. Попова, Е. С. Структура манипулятивного воздействия в рекламном тексте / Е. С. Попова // Известия Уральского государственного университета. – 2002. – № 24. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/popova-02.htm> (дата обращения: 15.02.2016).
9. Сергеева, Е. В. Лингвистика речевого воздействия и манипулирования : учеб. пособие / Е. В. Сергеева, Л. В. Балахонская. – М. : Флинта : Наука, 2016.
10. Сергеева, Е. В. Тактика манипулятивной подачи информации в рекламном и политическом дискурсе / Е. В. Сергеева // Человек в информационном пространстве : сб. науч. тр. ; под общ. ред. Н. В. Аниськиной. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2014 (Сергеева 2014а).
11. Сергеева, Е. В. Манипулятивная стратегия как инструмент воздействия в рекламном тексте / Е. В. Сергеева // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект : сб. ст. – Барнаул : Изд-во Алтайск. ун-та, 2014. – Вып. 12 (Сергеева 2014б).
12. Сергеева, Е. В. Манипулятивный прием употребления положительно окрашенной лексики в рекламе женской косметики (на материале каталогов косметики «ФАБЕРЛИК И AVON») / Е. В. Сергеева // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект : сб. ст. – Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2015. – Вып. 13.

*Е. Н. Сердобинцева
(г. Пенза, Россия)*

ЖУРНАЛИСТСКИЙ ТЕКСТ В ФОРМАТЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Рассматривая текст как продукт журналистской деятельности, необходимо точно и полно изучить все его составляющие. Часто рассмотрение медиатекста ограничивается определением жанра, темы и идеи. Если есть выразительные средства языка, говорят о них. Можно отнести такой подход к литературоведческому. При этом забывают о других составляющих журналистский текст, в том числе и само слово, роль которого в последнее время постоянно умалется, как и умение поль-

зоваться им. Поэтому нередко журналист испытывает беспомощность перед составлением качественного текста. Не этим ли объясняется процесс всевозможных ничем не обоснованных трансформаций журналистских жанров, о которых говорят как о достижении современности.

При обучении будущих журналистов необходим всесторонний подход к созданию медийного текста. Первым структурным элементом является факт, так как «...в основе любого журналистского произведения лежат факты – своеобразные кирпичики, из которых выстраивается вся его структура» [Ким, 2001, с. 54]. С этим соглашаются все теоретики журналистики, придавая факту чрезмерно большое значение. Однако факт может выступать всего лишь инструментом, с помощью которого автор будет продвигать свою идею. Что «первичнее» факт или идея – яйцо или курица? Известно, что факт можно подать по-разному, чтобы сформировать определенную позицию у аудитории. Идея «всегда имеет побуждающий, направляющий характер, как бы подсказывая адресату информации, что нужно делать в свете полученного сообщения» [Лазутина, 1997, с. 63], что мы наблюдаем ежедневно, погружаясь в СМИ. Итак, две структурные единицы (факт и идея) текста определены.

Следующим элементом журналистского текста выступает целевая аудитория, т.е. люди к которым будет обращаться автор. Целевую аудиторию необходимо проработать тщательно: возраст, пол, уровень образования, мировоззрение и пристрастия, семейное положение, хобби и т.д. Что определяет целевая аудитория? Многое: прежде всего жанр. В зависимости от культурно-интеллектуального уровня аудитории, которой предназначен текст, автор (или редактор) выбирает группу жанров: информационные, аналитические или художественно-публицистические. Исходя из предпочтений целевой аудитории, выбирается конкретный жанр: заметка, если хочется просто узнать необходимое о событии, или репортаж, когда аудитория доверяет журналисту и желает знать его оценку, его мнение, и т.д.

Жанр уже диктует тип изложения: описание события (или повествование о нем) в заметке, рассуждение в аналитической корреспонденции, повествование в путевом очерке. Многие жанры естественно сочетают в себе разные типы изложения. Например, в очерке А. Сергеева «Деревенские» («Коммерсантъ», №061 – 03.04.1993) находим все три типа речи: повествование (*«Шахматный обозреватель и литератор Виктор Хенкин, замученный комарами, однажды не выдержал, взял лопату и, работая не покладая рук, осушил участок вокруг дома, превратив его в подлинную лесную Венецию. Потом остановиться он уже не мог: ладонями перетер каждую горсть земли и насыпал великолепные грядки, сделавшиеся для него на склоне лет источником огромной радости и предметом еще большей гордости. В преддверии зимы и им овладела страсть, которой уже всецело был подчинен архитектор Удальцов, — он тоже захотел свой дом. Собственноручно шахматный обозреватель нарисовал проект, выдал жене денег на первые расходы и уехал в Москву писать книгу про Вольфганга фон Кемпелена (один шахматист, в XVII в. жил). Его жена в Москву не поехала. Татьяна строила дом два года. Зимовала в своей развалюшке. Вставала затемно в выстуженной избушке. Надевала ватные штаны, телогрейку и валенки. И шла в лес, положив 2 четвертинки в карманы штанов, 2 – в карманы телогрейки»*); описание (*«Они переменили свою судьбу однажды в октябре 1990 года, любуясь закатом, когда солнце уходило за лес в сторону Мурома, в сторону Москвы, а водокачка рядом с вокзалом отбрасывала длинную тень, указывающую, как перстом, куда-то на Арзамас. Отцветали последние астры. Топилась банька, и дымок из ее трубы был прям и синь, как бывает, когда небеса холодеют. Им надо было уезжать. Но они не уехали по совершенно гениальному мотиву: – Было красиво...»*); рассуждение (*«Река – не океан. По ней не ходят волны, на которых загорелые плейбои грациозно удерживают доски серфингов, но в течении деревенской жизни своя прелесть глубокого спокойствия: сложить копен-*

кой дрова, построить клетки для кроликов, загончик для козы или сколотить гроб, если случится и такая печальная нужда. Когда прошлой весной умерла московская первожительница Нинель, Алеша взял топорик и молоток – пошел строить для покойницы домовину. Увы, и в этом Парадизе люди смертны»). Знание структуры жанра и ее наполнения помогает автору лучше реализовать свой замысел.

Стилистически окрашенные языковые знаки, выбранные автором осознанно, позволяют сделать текст убедительным настолько, чтобы поставленная им задача достигла цели. Важно обратить внимание студентов на выражение специфических черт публицистического стиля на разных языковых уровнях: на словообразовательном – наличие аббревиатур (УФМС, МЧС, УНА-УНСО, СК РФ), сложных слов (снайперы-одиночки); на лексическом уровне - общественно-политической лексики (беженцы, пресса, представители Общественного совета, уполномоченный по правам человека, участница Великой Отечественной войны), на синтаксическом уровне – множество риторических вопросов и восклицаний (Как не думать о белых обезьянах внешнего мира, тренер? Сконцентрироваться! Встречать мяч! Шагать!) и т.п. и т.д. Эта работа большая и тщательная, к которой необходимо приучить будущих журналистов.

Как видим, составляющие журналистского текста насколько тесно переплетаются между собой, что ни одну из них нельзя исключить, ни одной нельзя пренебречь. Поэтому при изучении журналистского текста нельзя ограничиваться только знанием видов жанров, темы и идеи. Необходимо обучать студентов использовать все компоненты для создания качественного медийного продукта.

Список литературы

1. Ким, М. Н. Технология создания журналистского произведения / М. Н. Ким. – СПб. : Изд-во В. А. Михайлова, 2001.
2. Лазутина, Г. Параметры журналистского текста / Г. Лазутина // Журналист. – 1997. – № 8.

Н. В. Слущина
(г. Москва, Россия)

РОЛЬ ИМПЕРАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ТЕКСТАХ ДЕТСКИХ И ПОДРОСТКОВЫХ ЖУРНАЛОВ

Проблема функциональности и полисемичности императива в СМИ является **актуальной** не только для современного русского языка, но и для смежных с ним дисциплин: психолингвистики, когнитивной лингвистики, социолингвистики, теории коммуникации и т.д. Исследования подобных конструкций необходимо для верного анализа структуры и семантики предложений, используемых в масс-медиа. **Актуальность** работы заключается в том, что благодаря наблюдениям над глагольными формами повелительного наклонения в текстах различных печатных изданий, современной рекламы можно проследить, каким образом осуществляется коммуникация между нарратором и читателем, какие тенденции преобладают в современных СМИ.

Материалом исследования послужили тексты детских и подростковых журналов «Тима и Тома», «Тошка и компания», «Все звёзды», «Elle girl», в том числе и рекламные. Нам представляется интересным рассмотрение глагольных форм повелительного наклонения в прессе, предназначенной для подрастающего поколения, т.к. обычно внимание исследователей сконцентрировано на печатных изданиях, выпускаемых для людей среднего и старшего возраста. Таким образом, преуменьшается роль императивных конструкций в журналах для юных читателей.

Изученный материал помогает прийти к выводу, что формы повелительного наклонения глагола активно используются в детских и подростковых журналах, поскольку являются неотъемлемым элементом процесса коммуникации между адресантом и адресатом сообщения.

Проанализировав тексты детских журналов, можно отметить, что в них высока частность императивных конструкций, используемых, как правило, в денотативном значении.

В большинстве случаев каузатор выдвигает следующие директивы: просьба, требование, команда, совет. Императив используется для формулировки заданий: *вспомни, выпиши, впиши, определи, подбери, помоги, закрась, догадайся, найди, помоги преодолеть, помоги добраться, наклей, зачеркни* и т.д. Отсюда и появляются оттенки, указанные выше.

В подобных текстах императив употребляется в своей основной форме 2-го лица. Иногда встречаются формы с редуцированным возвратным постфиксом: *закрась*. Это говорит о том, что в императивных конструкциях, используемых в данных журналах, можно выделить ряд интегральных и дифференциальных признаков.

Если рассматривать синтаксические особенности предложений, в которых встречаются глаголы повелительного наклонения, то можно отметить, что практически в каждом упражнении с помощью императива выражен главный член одноставного спрягаемо-личного определённо-личного предложения. Иногда в текстах детских журналов встречаются объектные инфинитивы: *помоги обезьянке **добраться**, помоги собачке **преодолеть** и т.д.* Начальная глагольная форма в сочетании с императивом и именем существительным (с помощью которого осуществляется приём олицетворения), придаёт процессу перформативности игровую форму, привлекает внимание маленького читателя.

Иногда глагол повелительного наклонения переходит в разряд фатических модальных слов и служит «для установления оптимального речевого контакта» [Лекант, 2007, с. 348]: *Посмотри, какое красивое здание*. Таким образом, мы можем говорить и о морфологической полисемичности слов, которые, как правило, относят к глаголам повелительного наклонения. Важно еще раз подчеркнуть, что подобные морфологические явления встречаются в детских журналах, что говорит о разнообразии языкового материала, используемого в них, о возможности дальнейшего, более тщательного изучения подобных изданий для выявления связи между коммуникативными и грамматическими аспектами языка в прессе, предназначенной для дошкольников и младших школьников.

В рассмотренных выше примерах читатель и каузируемый были одним лицом. Но встречается императив, в котором нет подобного совпадения, например, заголовков: *Ну-ка, звёздочка, зажгись!* Кроме того, в этом предложении можно отметить ещё одну особенность – агглютинативный элемент *-ка*, обладающий дополнительными коннотациями, которые смягчают побуждение, придают ему оттенок просьбы. В. В. Виноградов называл такие морфемные единицы «междометным образованием императивного типа» [Виноградов, 1986, с. 452].

Помимо основного текста в журналах «Тима и Тома», «Тошка и компания» встречаются рекламные слоганы, в которых преобладают императивные конструкции: *Смотри на телеканале мульт! Вступай в наш клуб мастеров! Узнавайка* [сохранена орфография рекламного текста]: *смотри каждое утро. Подпишись* и т.д. Такие конструкции предполагают от адресата перформативности. Исходя из этого, можно сделать вывод, что составители рекламы для детей чаще всего используют императивные конструкции как наиболее эффективные механизмы привлечения потенциальных покупателей. Это говорит об интегральных признаках рекламы, предназначенной для младшего и старших поколений.

Анализ этих детских изданий позволяет сделать следующие выводы: авторы статей и рекламных слоганов для дошкольников и школьников умеют использовать глаголы повелительного наклонения с целью привлечения внимания маленьких читателей. Направленность журналов «Тима и Тома», «Тошка и компания» на детскую аудиторию очевидна не только благодаря тематике, но и тому, как представлен языковой материал: используется, как правило, синтетическая форма императива (аналитическая встретила в выпусках за январь 2015 г. только два раза: *давай прогуляемся, попробуй угадать*), а также практически нет транспозиционного употребления подобных конструкций. Это помогает ребёнку быстро и правильно понять текст.

Не менее интересным представляется изучение императивных конструкций в подростковых журналах. В таких изданиях глагол повелительного наклонения обладает не только перформативностью, но и перлокутивностью, так как формирует картину мира подрастающего поколения.

Для анализа императива были выбраны два диаметрально противоположных журнала – «Все звёзды», «Elle girl». По статистике они являются одними из самых популярных печатных изданий среди молодёжи. Разница в подаче материала в них обусловлена целями, которые преследуют работники названных журналов. В связи с этим мы можем говорить о том, как устанавливается контакт между адресантом и адресатом.

В журнале «Все звёзды» индикатив играет главенствующую роль, глаголы повелительного наклонения встречаются только в немногочисленных рекламных блоках: *заходи на сайт, введи промокод, вступи в группу* и т. д. Даже в рубриках, посвящённых розыгрышу призов, редакция практически не использует императива. Из четырёх конкурсов, опубликованных на страницах журнала, глагол повелительного наклонения встречается только один раз: *А теперь ты скажи: правда это или нет?* Интересно, что использование личных местоимений рядом с императивом придаёт ему дополнительные коннотации: «...примыкая спереди к форме повелительного наклонения, они [личные местоимения] усиливают категоричность приказания, совета, побуждения...» [Виноградов, 1986, с. 453]. В указанном выше предложении императив в сочетании с личным местоимением выражает приказ, в исполнении которого заинтересован не только каузируемый, но и каузатор.

Преобладание индикатива говорит о том, что целью этого печатного издания является донесение информации, которая не предполагает от читателя перформативности. Минимальное количество императивных конструкций объясняется ещё тем фактом, что 50 % журнала занимает полностью креолизованный текст – плакаты. А императив, являющийся важным способом связи между слушателем-адресатом и адресантом, практически не встречается в вербальном (словесном) тексте.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что этот подростковый журнал не отвечает одному из современных требований, предъявляемых к СМИ, – диалогичности.

Журнал «Elle girl», наоборот, имеет иллокутивную направленность. В нём можно говорить о постоянном диалоге между нарратором и реципиентом. Одним из средств, обеспечивающих коммуникацию между двумя сторонами, являются глаголы повелительного наклонения. В номере этого журнала за январь 2016 г. императивные конструкции используются практически во всех рубриках.

В этом печатном издании представлены различные директивы: запрещение, разрешение, пожелание, призыв, наказ, совет, предостережение и т. д.

Наиболее частотны глаголы повелительного наклонения в ювенальном медиатексте. Для анализа была выбрана статья из рубрики «Наш любимый эпизод». Глаголы повелительного наклонения, используемые в ней, чаще всего обладают семантикой:

– призыва: *займись чем-нибудь полезным, придумай новое хобби, прочитай ещё 10 умных книжек* и т. д.,

– совета: *купи несколько килограммов конфет, пересмотри, обратись к психологу, сходи в спортзал* и т.д.,

– приказа: *смело отбрасывай сомнения, заканчивай роман* и т.д.

Некоторые из императивных конструкций в этой статье обладают эмоциональными коннотациями, с помощью которых нарратор не только каузирует реципиента, но и оказывает ему поддержку: *не расстраивайся и не вини себя, не переживай* и т.п. Кроме того, глаголы повелительного наклонения наделяются дополнительными оттенками с помощью других лексических единиц, например: *никогда не поступай так, никогда не пытайся запрещать* и т.д. Отрицательное местоименное наречие *никогда* несёт в себе ограничительные коннотации, выражает запрет. *Смело отбрасывай все сомнения* – наречие способа действия добавляет оттенок уверенности. *Так что даже не начинай* – усилительно-подчеркивающая амодальная частица выражает запрет, налагаемый читателю каузатором. Таким образом, можно говорить о градации императива в этой статье. В предложении: *Хотя погоди-ка...* можно говорить о повышении коннотативной насыщенности глагола повелительного наклонения с помощью уступительного союза *хотя* и частицы *ка*, которая «придает волеизъявлению смягчённый характер, интимную или фамильярную окраску» [Виноградов, 1986, с. 453]. Но, несмотря на широкий спектр коннотативных значений императива в подобных подростковых журналах, транспозиционное употребление подобных конструкций не является частотным: *вошла в образ* – индикатив используется в значении повелительного наклонения. Текст статьи помогает понять, что название предполагает призыв к действию, каузатор хочет сподвигнуть юных читателей придерживаться определённого стиля. Но своё волеизъявление адресант облекает в имплицитную форму.

В этой статье можно встретить антонимическую парадигму, которую составляют глаголы повелительного наклонения: *смело отбрасывай все сомнения – никогда не поступай так*. Это говорит об адгерентности императивных форм в анализируемом журнале, так как антонимия у этих слов появилась только в контексте.

В этом печатном издании используется основная форма глаголов повелительного наклонения – форма 2-го лица единственного числа. Важно отметить, что юссив не встречается в «Elle girl». Редакция журнала обращается к читателю только на «ты». Это помогает уменьшить дистанцию между адресантом и адресатом, а также способствует созданию перлокутивного эффекта, который играет одну из определяющих ролей в ювенальных медиатекстах.

В текстах молодёжной рекламы также используются глаголы 2-го лица единственного числа повелительного наклонения: «*Elle girl*» *присоединяйся к нам «вконтакте»* [сохранена орфография рекламного текста], *загадай желание*, «*пропеллер*»: *удиви всех и получи главный приз, не упусти свой шанс* и т.д. И только в одном рекламном слогане встречается форма множественного числа: «*Eveline cosmetics*». *Откройте секрет идеального макияжа*. Но следует отметить, что эта реклама рассчитана не только на девушек, но и на женщин, так как она включается во многие женские журналы, поэтому в ней используется уважительная форма, образующаяся с помощью агглютинативного аффикса *-те*. В. В. Виноградов отмечал, что ей [форме] присущ «экспрессивный оттенок вежливого, уважительного изъявления воли» [Виноградов, 1986, с. 452].

Но на этом не заканчиваются особенности императивных конструкций, используемых в текстах «Elle girl». Если в рассмотренных выше детских журналах встречались только односоставные спрягаемо-личные определённо-личные предложения, то в этом печатном издании используются и спрягаемо-инфинитивные определённо-личные конструкции: *не забудь сказать, учись радоваться, не старайся прилипнуть, не пытайся увести* и т.д. Это говорит об усложнении структуры синтаксических единиц в журналах для подростков.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что анализ императивных конструкций в детских и подростковых журналах является одним из перспективных направлений лингвистических исследований, так как с помощью него можно выявить, какие языковые средства воздействия на юную аудиторию используют современные СМИ.

Список литературы

1. Валгина, Н. С. Теория текста : учеб. пособие / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 191 с.
2. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове : учеб. пособие / В. В. Виноградов. – 3-е изд. – М. : Высш. шк., 1986. – 639 с.
3. Кон, И. С. Психология ранней юности / И. С. Кон. – М. : Просвещение, 1989. – 255 с.
4. Современный русский язык : учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «Филология» / П. А. Лекант, Е. И. Диброва, Л. Л. Касаткина [и др.] ; под ред. П. А. Леканта. – 4-е изд., стереотип. – М. : Дрофа, 2007. – 557 с.
5. Мелехова, Л. А. Креативный императив / Л. В. Мелехова // Вестник ТГУ. – 2010. – № 11 (91). – С. 53–58.
6. Рогозина, И. В. Ювенальный медиатекст: психолингвистический аспект / И. В. Рогозина, О. В. Карнаухова // Филология и человек. – 2008. – № 1. – С. 104–110.
7. Тимошенко, И. В. К вопросу о реализации грамматических категорий повелительного наклонения в составе фразеологических единиц / И. В. Тимошенко // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Русская филология». – 2014. – № 1. – С. 21–25.

*М. П. Шатворян
(г. Ереван, Армения)*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ РЕЧЕВОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ

Средства массовой информации, массово-информационное общение являются сегодня, пожалуй, наиболее мобильным типом дискурса, который непрерывно обогащается. Возникающие на базе средств массовой информации современные стремительно развивающиеся функционально-стилевые образования и их пристальный анализ позволяет нам проследить определённые тенденции в сфере функционирования общественного сознания, выявить основные содержательные характеристики и закономерности массовой коммуникации.

Самой мобильной речевой сферой, которая отражает наиболее характерные особенности современной языковой ситуации, является газетная публицистика. Газетно-публицистический стиль тесно связан с внеязыковой действительностью, изменениями в обществе, что и предопределяет постоянную эволюцию данного стиля. Новые общественно-политические, экономические, психологические и культурные условия во всём мире в начале XXI в. определённым образом влияют на использование методов и приёмов коммуникативного воздействия. Изменения в некогда устойчивой политической, культурной и социальной системе ценностей обуславливают изменения в СМИ как участнике процесса общественной коммуникации. Современные СМИ существенно отличаются от средств массовой информации прежнего периода, и эти отличия стали индикатором изменений как всего общества в целом, так и отдельных социальных групп. Публицистика превращается в средство одновременно массовой и личной коммуникации. Не удивительно, что многие средства выражения первоначально появляются и проходят апробацию сначала в языке СМИ. Представленное разветвлённой системой текстов массово-коммуникативное пространство становится своего рода «полигоном» для испытания новых средств речевого выражения. В результате использования этих новых средств текстовые ха-

рактические получают соответствующее преломление, заслуживающее пристального внимания и тщательного лингвистического исследования.

Публицистика в полной мере охватывает все языковые процессы, актуальные для настоящего времени. Она представляет собой модель современного национального языка, где активно взаимодействуют его литературная разновидность и периферийные неcodифицированные сферы, а язык СМИ имеет тенденцию к постепенному превращению в стандарт национального языка. Точка зрения, согласно которой тексты современных средств массовой информации сегодня представляют собой ядро современной русской национальной культуры, всё больше доминирует в обществе [см. Солганик, с. 113].

Взаимосвязь оценочной и фактической информации реализуется через систему тщательно отобранных языковых средств. Сочетание и взаимодействие крайних областей стилистических оппозиций: литературное/нелитературное, книжное/разговорное, высокое/сниженное – становится доминантой экспрессивной составляющей языка публицистического стиля. В качестве экспрессивных ресурсов используются как традиционные языковые средства, так в значительной степени лексически и семантически обновленные.

Наиболее активно используемыми языковыми средствами, служащими для усиления образности и выразительности, а также формирующими экспрессивность в текстах современных газет, являются: метафора, метонимия, эпитеты, образные перифразы и сравнения, фразеология (в том числе окказиональная), неcodифицированная лексика различных видов (жаргонизмы, профессионализмы, просторечные слова, индивидуально-авторские неологизмы), прецедентные тексты, стереотипные предложения и фигуры речи.

Образность и экспрессивность лексических единиц, их образность и выразительность связаны с функциональностью и прагматической предназначенностью в публицистической речи. Стилистические фигуры речи подчинены как реализации, так и прагматически заданному нарушению таких коммуникативных качеств, как однообразие/разнообразие, однозначность/многозначность, эмоциональность, ясность, точность, логичность, правдоподобие изложения.

Важной приметой развития современного публицистического дискурса является рост его интертекстуальности, то есть увеличение использования в тексте других текстов. Современная языковая ситуация при этом требует от получателя текста способность соотносить форму и содержание текста с другими текстами. Если прежде использование в речи афоризмов, «говорящих» имён, пословиц, поговорок, фразеологизмов, цитат было в основном направлено на украшение речи, то в современном публицистическом дискурсе это осмысливается как социокультурный феномен, который актуализирует как внутритекстовые, так и межтекстовые связи, а также развертывание употребленной в речи единицы. Как отмечает Е. П. Черногрудова: «Стилистический прием аллюзии, на котором основано данное явление, привлекая внимание получателя информации к культурному контексту, реализует свою дейктическую, отсылочную функцию в той степени, в какой адресат в состоянии активизировать в сознании определённые знания, тексты и соотносить их с услышанным или прочитанным. В этой связи широкое распространение получило использование прецедентных текстов» [Черногрудова: <https://>].

Проведённый нами анализ российской и армянской русскоязычной прессы свидетельствует о высокой экспрессивизации текстов публицистики, что мотивировано такими экстралингвистическими факторами, как рекламность, полемичность и манипулятивность. В современной журналистике для автора уже недостаточно просто изложить факты объективной действительности, чтобы побудить аудиторию согласиться с авторским сообщением, нужно активно использовать не только аргументацию, но и экспрессивно-оценочные средства. Газетный текст стал частью язы-

кового пространства, «...поскольку в нём находят отражения важные для современного русскоговорящего сообщества представления о действительности, тенденции изменения этих представлений, процессы концептуализации новых знаний, отношений к ним и их оценки» [Некрасова: <https://>].

Согласно результатам нашего исследования, язык прессы – «усреднённый» язык современности. Языку газеты в наибольшей степени свойственны самые интенсивные и значимые активные процессы для развития русского языка и языковой культуры. В ряду этих процессов стоит и динамика развития нормы литературного языка. Публицистический текст наглядно иллюстрирует разные аспекты сдвига нормы. Значимость языкового пространства русскоязычной прессы как языкового пласта, демонстрирующего наиболее интенсивные и существенные сдвиги языковой нормы, является несомненным фактом на сегодняшний день.

Список литературы

1. Некрасова, М. С. Языковое пространство современной русской газеты: динамика нормы как отражение ментальных процессов : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Некрасова М. С. – 2011, Чита. – URL: <http://www.dissercat.com/content/yazykovoe-prostranstvo-sovremennoi-russkoi-gazety-dinamika-normy-kak-otrazhenie-mentalnykh-p#ixzz40hYkz2iT>
2. Солганик, Г. Я. Язык современной публицистики / Г. Я. Солганик. – М. : Флинта, 2005.
3. Черногрудова, Е. П. Заголовки с прецедентными текстами в современной публицистике : На материале центральной, региональной и местной прессы : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Черногрудова Е. П. – Воронеж, 2003. – URL: <http://www.dissercat.com/content/zagolovki-s-pretsedentnymi-tekstami-v-sovremennoi-publitsistike-na-materiale-tsentralnoi-reg#ixzz3bVoq91iH>

Н. А. Шиблева
(г. Пенза, Россия)

ВИДЫ АРГУМЕНТОВ В ЖУРНАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ

Реклама в настоящее время – неотъемлемая часть газеты, журнала, телевизионного или радиоканала, интернет-СМИ. Её объектами, как правило, являются товары и услуги; основной целью – оказание воздействия на потенциального потребителя.

Как известно, реклама должна привлекать внимание к объекту рекламирования, формировать и поддерживать интерес к нему, побуждать адресатов к определённым действиям, как то: купить товар, воспользоваться услугой и т.д.

Убеждение в преимуществе рекламируемого товара, услуги и прочего перед другими обеспечивается различными способами и средствами. В журналах рекламная информация подаётся в отдельных рекламных текстах, размещённых рядом с журналистскими материалами, на отдельных страницах, во вкладышах; средствами журнальной рекламы является совокупность стилистических средств русского языка, особенностей использования фотографии, рисунка, цвета, шрифта, расположение различных компонентов относительно друг друга и т.д. Всё это призвано реализовать различные функции рекламы, но главным образом, воздействовать на читателя журнала, затем чтобы он совершил нужное рекламодателю действие.

Важное значение для достижения основной цели рекламодателя имеет аргументация, то есть, согласно «Толковому словарю русского языка», совокупность аргументов. Аргумент, в свою очередь, понимается как довод, доказательство [Ожегов, 1999, с. 28].

По способам воздействия рекламное сообщение может быть рациональным (предметным) или эмоциональным (ассоциативным) [Мокшанцев, 2005, с. 12]. Аргументы играют главную роль в рациональной (предметной) рекламе: «Рациональная реклама информирует, обращаясь к разуму потенциального покупателя. Она

приводит аргументы, чтобы убедить его, свои доводы облачает в словесную форму, использует чертёж или рисунок для того, чтобы усилить впечатление от сказанного словами» – в отличие от эмоциональной рекламы, которая «обращается к чувствам, эмоциям, подсознательному», «её самое эффективное средство – рисунок, цвет...» [Мокшанцев, 2005, с. 12].

Реклама – особый вид текста, отнюдь не всегда подразумевающий системность, строгую логичность, которые обычно предусматриваются в текстах-рассуждениях. В рекламе смешиваются, соединяются функции, жанры, стили, виды речи. Поэтому учёные говорят о различных способах аргументации: рациональных и эмоциональных, логических и ассоциативных, предметных и образных и др. [Липатова, 1998] и о различных видах аргументов. В «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» авторы называют пять видов аргументов: фактологические, оценочные, авторитетное мнение, апелляция к имиджу фирмы, апелляция к имиджу адресата [Стилистический энциклопедический словарь русского языка, 2006, с. 636].

Рассмотрим виды аргументов и некоторые языковые средства их выражения в журнальной рекламе. В качестве материала использованы рекламные сообщения в специализированных журналах «МОТО» и «За рулём».

Самыми распространёнными в журналах оказались фактологические аргументы, оценочные аргументы и аргументы-апелляции к имиджу адресата.

Фактологические аргументы представляют собой перечисление и/или описание технических характеристик, свойств товаров.

В «Мото» они преимущественно выражены отвлечёнными существительными: устойчивость, маневренность, динамика, скорость, мощность, потребление и др. В журнале «За рулём» – конкретными нарицательными существительными: двигатель, присадки, багажник, салон, кресла, кузов, ходовые огни, привод, дорожное покрытие, скидка. Среди абстрактных в обоих журналах преобладают существительные: качество, безопасность, надёжность, уверенность, управление, управляемость, дизайн. Они выражают необходимые для транспортного средства характеристики. В журнале «За рулём» чаще, чем в «Мото» используются слова: комфорт, спокойствие, уют, что можно объяснить особенностями рекламируемого товара и, как следствие, некоторым различием потребностей потенциальных покупателей: в «Мото» рекламируются преимущественно мотоциклы, скутеры и под., в журнале «За рулём» – автомобили. Фактологическая аргументация обеспечивается также использованием собственных наименований и имён числительных.

Фактологическая информация обычно тесно переплетена с оценочной. Приведём примеры:

«Sportsman X2 800» – бескомпромиссный лидер в своём классе! Автоматический полный привод. Трансформация сиденья из одноместного в двухместное. Независимая задняя подвеска («Мото»);

«Новый Honda CR-V совместил в себе самое лучшее от разных классов автомобилей. Мы объединили высочайшее качество и надёжность, присущие автомобилям Honda, с ярким дизайном, отвечающим требованиям времени, и улучшили все ключевые характеристики нового автомобиля. Система трансформации сидений, светодиодные ходовые огни и, разумеется, умный полный привод, который обеспечивает исключительную управляемость на любом дорожном покрытии благодаря новой автоматизированной системе Real-time AWD» («За рулём»).

Однако встречаются почти исключительно оценочные аргументы, например: «Быстрый – маневренный – яркий». Скорость, лёгкое управление и крутой дизайн. KTM 390 DUKE – лучший в своём классе по соотношению «мощность-вес». Отличный байк для ежедневных поездок – непревзойдённая безопасность благодаря ABS. На 100 % «Готов к гонке!» («Мото»).

Самое используемое в рекламе оценочное стилистическое средство – эпитеты. Они могут быть выражены либо прилагательными, в том числе и в формах степеней сравнения, либо наречиями: хорошая динамика, лёгкое управление, крутой дизайн, стильный дизайн, отличный байк, непревзойдённая безопасность, невероятно низкое потребление топлива, оригинальный дизайн, революционная система багажа, полноценные подвески, уникальный разгрузочный кузов, невероятно просторный салон, 6 отделанных великолепной кожей эргономичных кресел, передовая система мультимедиа, самые современные системы безопасности, повышенные комфортные характеристики и надёжная управляемость, максимальная безопасность, умно придуман, уникальное сочетание передовых немецких технологий и эффективного итальянского стиля, отлично очищает и защищает и т.п. Все они подчёркивают положительные свойства товара.

Поскольку рекламодатели в специализированных журналах ориентируются на определённую целевую аудиторию, они апеллируют к имиджу адресата. Например: «Мотоциклы STELS – это не просто техника, это стиль жизни и отражение вашего характера. Вы любите жизнь полную приключений, тогда STELS Ваш выбор!», «Дизайн скутера – на все времена. Он прост и комфортен, как любимые джинсы. Собственно, для поклонников джинсового стиля и разработан», «Меняться и совершенствоваться, при этом оставаясь самим собой – эта свобода духа близка Вам и новому RAV4». Обращаясь к имиджу потенциального покупателя, рекламисты часто ориентируются на неформальный диалог с читателем, допуская обращение «на ты»: «Новый Peugeot 208 станет твоим продолжением, таким же неповторимым, как и ты сам. Испытай непередаваемые ощущения вместе с Новым Peugeot 208!». Апелляция может быть и не выражена прямо, но как перенос свойств рекламного образа на себя: «Вызов принят. Больше всего меня привлекают приключения. Испытания делают меня сильнее, закаляют и вдохновляют на новые подвиги. Настоящие мужчины не привыкли сдаваться. Мой девиз – всегда идти до конца. Когда природа бросает мне вызов, я смело принимаю его, ведь с техникой Yamaha я всегда уверен в своих возможностях».

Гораздо реже, чем указанные выше аргументы, встречаются в журналах ссылка на авторитетное мнение и апелляция к имиджу фирмы. Например, в рекламе масла делается ссылка на опыт его использования пилотом известной команды: «Дженсон Баттон использует Mobil 1» (это адресная ссылка); в рекламе шин ссылаются на мнение мировых производителей «Абсолютное доверие со стороны ведущих мировых производителей, выбирающих наши шины для конвейерной комплектации своих автомобилей», (это пример безадресной ссылки). Приведём примеры ссылок на авторитет фирмы: «С уникальными технологиями, проверенными на треках MotoGP гонщиками команды YAMAHA», «Поэтому, выбирая Shell Helix, вы выбираете масло, разработанное командой из более чем 50 учёных, работающих совместно с Ferrari в лабораториях Shell по всему миру. Вот почему во все автомобили Ferrari, сошедшие с конвейера, заливается масло Shell Helix».

Помимо названных, на наш взгляд, можно выделить ещё один вид аргумента – аргумент «акция», или «дополнительная выгода», например: «Акция!!! При покупке мотоцикла бесплатный мастер класс в Мотоакадемии».

В большинстве случаев в одном рекламном сообщении переплетаются два-три, реже четыре-пять видов аргументов.

Таким образом, в специализированных журналах преобладает рациональная реклама, в ней используются шесть видов аргументов, преимущественно фактологические аргументы, оценочные аргументы и аргументы-апелляции к имиджу адресата. Аргументы содержат фактуальную и оценочную информацию, дают знания о товаре, убеждают в их достоверности, создают благоприятный образ, формируют положительное отношение к товару, фирме, формируют потребность в данном то-

варе, представляют выгоды от приобретения товара. Стилистическими средствами создаются обобщённые образы потенциальных потребителей товаров, рекламируемых в том или ином журнале.

Список литературы

1. Липатова, В. Ю. Реклама / В. Ю. Липатова // Педагогическое речеведение : словарь-справочник. – М., 1998.
2. Мокшанцев, Р. И. Психология рекламы : учеб. пособие / Р. И. Мокшанцев ; науч. ред. М. В. Удальцова. – М. : ИНФРА-М ; Новосибирск : Сибирское соглашение, 2005. – 230 с. – (Высшее образование).
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
4. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под. ред. М. Н. Кожинной. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 696 с.

В. Д. Бондалетов
(г. Пенза, Россия)

АРГО БЕЛОРУССКИХ РЕМЕСЛЕННИКОВ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

Начало изучения восточнославянских тайных языков (арго) было положено в 1786 г. «Описанием Кричевского графства или бывшего староства Гр. Ал. Потёмкина, в ста верстах от Дубровны, между Смоленскою и Могилевскою губерниею», составленным управляющим этого графства Андреем Каземировичем Мейером (1742–1807), голландцем по происхождению, находившемся на службе в России, подполковником, позднее – генерал-майором) в качестве подарка светлейшему князю Г. А. Потёмкину. Кричевское графство – это восточные земли Белоруссии, присоединённые к России во второй половине XVIII в. А. К. Мейер – исследователь, естествовед, военный историк, академик, писатель.

Со временем рукопись «Описания» оказалась в библиотеке Казанского университета. В 1886 г. была изготовлена её копия, которая хранилась в Учёном Архиве Всесоюзного географического общества Союза ССР (ныне России). Разряд XXI, № 2.

Уже во второй половине 19 века внимание учёных привлёк её раздел «Отверницкая» речь кричевских мастеровых и мещан». Наиболее активный из этнографов С. В. Максимов в 1868 г. посетил Кричев, чтобы записать необычную речь, но ... никаких следов «Отверницы» не обнаружил. В своей работе 1871 г. «Сибирь и капторга» он воспроизвёл шесть иллюстративных фраз и список из 40 слов «Отверницкой речи»: *Еперь у каврюка чуху* (Укради у господина шубу), *Хлизь в хаз, а то сергей смакшунит* (Иди в избу, а то дождик замочит), *Клёво кургаёт* (Хорошо поёт), *Манёк химшаёт* (Мой брат хворает), *Клеви капсни по лауде* (Хорошенько ударь его по голове), *Гримус закотает* (Гром убьёт).

Слова подаются непоследовательно – вначале в арготическо-русском порядке и с ориентацией на тематические группы (*моцэрник* – сапожник, *кулганник* – портной, *лог* – мужик, *яруха* – баба, *унхлыт* – сестра), а затем в русско-арготическом (поп – *кочет*, еврей – *кудлей*, церковь – *хазберница*, игла – *семирка*, чулки – *теплухи*, деньги – *кривцы*, рубли – *круглеки* (так ! – В. Б.), хлеб – *сумеха*, молоко – *лапта*, масло – *тсекун*, щи – *лапуха*, хрен – *нахрин*, репа – *кругалка* и др.). Всего 46 слов, все без указания ударения.

Сам А. Мейер считал «отверницкую» речь искусственным образованием, состоящим из слов произвольно вымышленных и «переломанных немецких и латинских» (А. Мейер, 1786). Кроме того, в речи кричевцев, по его словам, часто встречаются еврейские слова, например: *левуш* – кафтан; *шайрес* – ожерелье; *барзель* – железо и др. *Тройка* – яства, еда (мы считаем это слово грецизмом).

С 1964 мы приступили к изучению условной речи белорусских шерстобитов и портных, а в 1967 решили всё-таки разыскать хотя бы жалкие остатки «кричевского тайноречия». Цель одна – перепроверить неутешительное заключение этнографа и писателя С. В. Максимова. Изучив вместе со студентами перепечатанную им часть мейеровского «Описания» и приведённый им Словарик из «Отверницкой речи кричевских мастеровых и мещан», «прошупав» Кричев и его окрестности, а также сопредельные районы в 1967 г. (с 13 по 21 июля), диалектологи-полевики, студенты 3-го курса Пензенского пединститута им. В. Г. Белинского (Тефанова Светлана Ивановна, Прохорова Ирина Владимировна, Семисажёнова Светлана Сергеевна, Занкина Тамара Григорьевна, Бурьгина Лидия Александровна) констатировали: «В Кричеве и на территории Кричевского р-на в с. Лобковичи, д. Ходунь, а также в Мстиславском р-не (с. Ануфриево, с. Селец), Чериковском (с. Гроноов), Климовичском и Чеусском районах такого языка уже нет». Собеседники – кричевцы и жители других селений в основном 70–80 лет. Некоторые из них советовали: «Поезжайте к шаповалам в деревню Дрибино, в Шклов, в другие места, где у мастеровых, у нищих, «старцев», возможно, что-то осталось».

Некоторые детали. О рукописи А. Мейера в 1957 г. мне сообщил один из моих корреспондентов по арготическим вопросам – Наумов Дмитрий Васильевич (письмом из г. Саратова). Более того, он прислал копию раздела «Отверницкой» речи кричевских мастеровых и мещан», а некоторое время спустя – машинопись своего многолетнего труда «Офенский язык – древний племенной язык», так и оставшегося неизданным. Я ездил к нему в Саратов, где он жил. Убеждал его – что это не племенной язык, что он моложе любого народного языка. Но Дм. Вас. держался своего мнения. Видимо, моя «доцентская» аргументация не убеждала его, но она, как выяснилось потом, совпадала с мнением чл.-кор. АН Федота Петровича Филина, в то время директора Института русского языка АН СССР, с мнением Александра Ивановича Попова, сотрудника Института языкознания АН СССР (Ленинградского отделения). Дм. Вас. вёл с ними переписку. Мнение эрудированного Д. В. Наумова разделял его друг, пенсионер, прекрасный пензенский учитель и товарищ Василий Григорьевич Колеганов (кстати, оба знавшие о существовании двух разновидностей офенского языка в Пензенской обл.). А Московских и ленинградских профессоров-филологов они знали по общему делу – составлению «Словаря русских народных говоров». Их уже нет в живых. Память о себе они сохранили в этом многотомном (в 45 выпусках!) монументальном академическом издании.

Между тем могилёвские этнографы-энтузиасты опубликовали Словарную часть рукописи А. Мейера в 1901 г.: *Мейер Андрей*. Описание Кричевского графства 1786 г. // Могилевская старина. Сборник статей «Могилёвских губернских ведомостей». Вып. II. 1900-1901. Могилёв, 1901. С. 90-91.

А в 2009 г. Мария Николаевна Приёмьшева в двух томах опубликовала докторскую диссертацию «Тайные и условные языки в России XIX века», во II части которой, занимающей 696 страниц, воспроизведена преодолевшая временную дистанцию в 217 лет «Отверницкая речь». Не всякому «описанию» даётся такая жизнь!

Мне почти 60 лет знакомы эти отверницко-офенские слова, и хочется, чтобы с ними ознакомились студенты хотя бы нескольких российских и белорусских вузов. Перечень «отверницких» (как бы «перевёрнутых») слов мною снабжается информацией о сходстве / различии некоторых из них с русскими, белорусскими, украинскими и польскими арготизмами.

Расшифровка сокращений исследованных нами источников арготизмов даётся в книге: В. Д. Бондалетов. В. И. Даль и тайные языки в России. – М. : Изд-во «Флинта», Изд-во «Наука». – 2005, 2006, 2012. – 456 с. + Карта «Распространение условно-профессиональных языков в прошлом и теперь».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айвазян Марина Цолаковна, преподаватель кафедры русского языка для гуманитарных факультетов Ереванского государственного университета (г. Ереван, Армения).

Акимова Эльвира Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (г. Саранск, Россия).

Алешина Ирина Александровна, ассистент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Алфёрова Анна Сергеевна, вожатая ФГБОУ МДЦ «Артек» (п. Гурзуф, Россия).

Арутюнян Вероника Никитична, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языкознания, типологии и теории коммуникации Ереванского государственного университета (г. Ереван, Армения).

Ахраменко Пётр Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина (г. Мозырь, Беларусь).

Аюпова Людмила Лутфеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания Башкирского государственного университета (г. Уфа, Россия).

Багдасарян Алла Рафаеловна, преподаватель кафедры русского языка для гуманитарных факультетов Ереванского государственного университета (г. Ереван, Армения).

Баженов Николай Юрьевич, аспирант Самарского государственного аэрокосмического университета им. академика С. П. Королёва (национальный исследовательский университет) (г. Самара, Россия).

Байкулова Алла Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия).

Балахонская Людмила Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры связей с общественностью в бизнесе Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия).

Барабаш Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НИИФиПИ Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Беглова Елена Ивановна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры массовых коммуникаций Нижегородского филиала «Университета Российской академии образования»; профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России (г. Нижний Новгород, Россия).

Бобунова Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Курского государственного университета (г. Курск, Россия).

Богомолова Светлана Сергеевна, старший преподаватель кафедры «Русский язык как иностранный» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Болотская Маргарита Павловна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Бондалетов Василий Данилович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Брутян Лилит Георгиевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языкознания, типологии и теории коммуникации Ереванского государственного университета (г. Ереван, Армения).

Василенко Анатолий Петрович, доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского (г. Брянск, Россия).

Васильева Наталья Владимировна, аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания Забайкальского государственного университета (г. Чита, Россия).

Вишнякова Радмила Эдуардовна, студентка историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Волкова Наталья Игоревна, магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Гац Ирэн Юрьевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета (г. Москва, Россия).

Горбачук Виктор Игоревич, студент филологического факультета Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина (г. Мозырь, Беларусь).

Горелова Тамара Александровна, PhD, кандидат философских наук, профессор; Висока школа струковних студија за образовање васпитача Михаило Палов (г. Вршац, Сербия).

Горланов Геннадий Елизарович, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Литература и методика преподавания литературы» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Горохова Елена Валерьевна, студентка историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Грдзелян Рузан Рубеновна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языкознания, типологии и теории коммуникации Ереванского государственного университета (г. Ереван, Армения).

Грызункова Виктория Владимировна, студентка историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Гурина Наталья Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина (г. Брест, Беларусь).

Гурьянова Людмила Борисовна, доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Гусева Татьяна Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Перевод и переводоведение» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Демирджи Альмира, магистр филологии колледжа «Фатих» г. Стамбула (г. Стамбул, Турция).

Дозорова Дарья Владимировна, ассистент кафедры русского языка Института филологии и речевых практик Московского педагогического государственного университета (г. Москва, Россия).

Дпирян Маргарита Романовна, ассистент кафедры русского языка для гуманитарных факультетов Ереванского государственного университета (г. Ереван, Армения).

Дубинкина Оксана Вячеславовна, студентка историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Дуданова Инна Анатольевна, студентка историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Дьяченко Татьяна Александровна, учитель искусства Муниципального казённого общеобразовательного учреждения «Казачелокнянская средняя общеобразовательная школа» Суджанского района Курской области (г. Курск, Россия).

Дьяченко Юлия Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка Курского государственного университета; учитель русского языка и литературы МБОУ «Лицей № 6 им. М. А. Булатова» (г. Курск, Россия).

Дюмина Татьяна Петровна, учитель русского языка и литературы Муниципального казённого общеобразовательного учреждения «Ленинская средняя общеобразовательная школа с углублённым изучением отдельных предметов» Октябрьского района Курской области (г. Курск, Россия).

Ермолаева Маргарита Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры документоведения и издательского дела Челябинского государственного института культуры (г. Челябинск, Россия).

Есафьева Ольга Олеговна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Русский язык как иностранный» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Жарко Ольга Александровна, студентка историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Загарина Светлана Игоревна, студентка историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Здоровенко Наталья Андреевна, студентка историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Зинеева Заида Залимхановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, доцент, заведующая отделом этнографии народов Карачаево-Черкесии Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований (г. Черкесск, Россия).

Илюнина Анна Анатольевна, старший преподаватель кафедры «Русский язык как иностранный» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Исаева Екатерина Олеговна, учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ города Кузнецк-8 (г. Кузнецк, Россия).

Казгунова Яна Александровна, студентка историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Казьмина Валентина Фёдоровна, студентка историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Камалетдинова Гульнара Халитовна, аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания Башкирского государственного университета (г. Уфа, Россия).

Каменева Ольга Викторовна, кандидат педагогических наук, учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 30 г. Пензы (г. Пенза, Россия).

Канакина Галина Ивановна, кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Каргина Татьяна Юрьевна, учитель русского языка и литературы МБОУ ЛСТУ № 2 г. Пензы (г. Пенза, Россия).

Касимова Гульзухра Кевировна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка Пензенского артиллерийского инженерного института (г. Пенза, Россия).

Каткова Ксения Анатольевна, студентка историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Каюкова Ивелина Сергеевна, учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 73 г. Пензы (г. Пенза, Россия).

Кезина Светлана Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Киселева Лариса Айратовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Башкирского государственного университета (г. Уфа, Россия).

Климас Ирина Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Курского государственного университета (г. Курск, Россия).

Колюшко Татьяна Владимировна, старший преподаватель кафедры «Русский язык как иностранный» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Комиссарова Татьяна Германовна, магистрант Вологодского государственного университета; преподаватель раннего эстетического образования школы искусств «Пируэт» г. Вологды (г. Вологда, Россия).

Кондратьева Ирина Александровна, учитель русского языка и литературы МОУ СОШ № 5 им. П. Д. Киселёва г. Каменки Пензенской области (г. Каменка, Россия).

Кормилицына Маргарита Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и речевой коммуникации Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия).

Королёва Ирина Алексеевна, студентка историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Красильникова Анна Владимировна, ассистент кафедры «Русский язык как иностранный» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Кривцова Маргарита Михайловна, студентка историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Крылова Ирина Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Русский язык как иностранный» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Кузьмич Владимир Васильевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина (г. Мозырь, Беларусь).

Куляхтина Инна Олеговна, студентка историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Куприянова Наталья Сергеевна, старший преподаватель кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Кураш Сергей Борисович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина (г. Мозырь, Беларусь).

Леснова Ирина Дмитриевна, студентка историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Логинова Анна Дмитриевна, студентка историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Луннова Марина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Лянцевич Татьяна Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина (г. Брест, Беларусь).

Максимова Наталья Геннадьевна, учитель русского языка и литературы высшей квалификационной категории МБОУ «Кадетская школа по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий № 70» г. Пензы (г. Пенза, Россия).

Мартирян Наира Игнатиосовна, кандидат филологических наук (PhD), доцент, доцент кафедры русского языкознания, типологии и теории коммуникации Ереванского государственного университета (г. Ереван, Армения).

Мартынова Надежда Алексеевна, младший научный сотрудник научно-образовательной лаборатории региональных филологических исследований Псковского государственного университета, аспирант Псковского государственного университета (г. Псков, Россия).

Мещерякова Лариса Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Литература и методика преподавания литературы» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Милёхина Татьяна Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Харбинского политехнического университета (г. Харбин, Китай).

Михайлова Татьяна Денисовна, магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Мишин Артём Павлович, студент историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Мойский Александр Чеславович, аспирант кафедры белорусской литературы и культуры Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка (г. Минск, Беларусь).

Морозов Алексей Валерьевич, студент историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Мясников Андрей Геннадьевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Методология науки, социальные теории и технологии» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Нефедова Яна Юрьевна, магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Нечаева Ольга Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Николина Наталия Анатольевна, кандидат филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Института филологии и речевых практик Московского педагогического государственного университета (г. Москва, Россия).

Нурмухаметова Алия Шарибзяновна, учитель родного языка, литературы и английского языка МБОУ «Верхнеуслонская гимназия» Верхнеуслонского муниципального района РТ; магистрант Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань, Россия).

Ожегова Екатерина Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Перевод и переводоведение» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Осадчая Мирослава Николаевна, аспирант Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Старый Оскол, Россия).

Павлова Кристина Владимировна, учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 226 г. Заречный (г. Заречный, Россия).

Пашковская Светлана Сергеевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры «Русский язык как иностранный» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Перепёлкина Лариса Петровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Литература и методика преподавания литературы» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Перфилова Мария Николаевна, соискатель кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Пономарева Дарья Павловна, ассистент кафедры «Русский язык как иностранный» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Попова Анна Ростиславовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева (г. Орёл, Россия).

Пранцова Галина Васильевна, кандидат педагогических наук, профессор, профессор кафедры «Литература и методика преподавания литературы» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Преображенская Наталья Александровна, учитель русского языка и литературы МБОУ «Лицей № 55» г. Пензы (г. Пенза, Россия).

Просина Наталья Александровна, аспирант кафедры «Русский язык как иностранный» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Пятчков Юрий Сергеевич, магистр филологических наук, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка (г. Минск, Беларусь).

Родионова Инесса Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Ромашкевич Венера Ринатовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, журналистики и общегуманитарных дисциплин Башкирского государственного университета; Нефтекамский филиал (г. Нефтекамск, Россия).

Салихова Эльвина Ахнафовна, доктор филологических наук, доцент кафедры языковой коммуникации и психолингвистики общенаучного факультета Уфимского государственного авиационного технического университета (г. Уфа, Россия).

Самсонов Николай Борисович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета (г. Москва, Россия).

Сараева Инна Валерьевна, студентка историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Сафрыгина Анастасия Сергеевна, учитель русского языка и литературы МБОУ ЛСТУ № 2 г. Пензы (г. Пенза, Россия).

Семененко Наталия Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры филологии Старооскольского филиала Белгородского государственного университета (г. Старый Оскол, Россия).

Сергеева Алёна Васильевна, аспирант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Сергеева Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия).

Сергей Владимир Николаевич, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина (г. Мозырь, Беларусь).

Сердобинцева Елена Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Журналистика» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Сидоренко Константин Павлович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия).

Скобликова Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Самарского государственного университета (г. Самара, Россия).

Слуницына Надежда Владимировна, магистрант Московского государственного областного университета (г. Москва, Россия).

Смирнов Павел Юрьевич, учитель русского языка и литературы МБОУ «Городищенская СОШ» с УИОП (с. Городище, Старооскольский район, Белгородская область), аспирант кафедры филологии Старооскольского филиала Белгородского государственного университета (г. Старый Оскол, Россия).

Тараскина Вера Владимировна, учитель русского языка и литературы ГБОУ «Гимназия "Свиблово"» г. Москвы (г. Москва, Россия).

Татарина Татьяна Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина (г. Мозырь, Беларусь).

Телепень Сергей Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и методики преподавания истории Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина (г. Мозырь, Беларусь).

Тимакова Анна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Литература и методика преподавания литературы» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Тимофеева Мария Николаевна, учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ им. М. П. Волкова с. Константиновка Пензенской области (г. Пенза, Россия).

Фролов Кирилл Сергеевич, аспирант кафедры «Всеобщая история, историография и археология» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Фролова Анна Сергеевна, студентка историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Харисов Фираз Фахразович, доктор педагогических наук, профессор кафедры татарского языкознания Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань, Россия).

Харисова Чулпан Мухаррамовна, доктор педагогических наук, профессор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань, Россия).

Харченко Вера Константиновна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Белгород, Россия).

Хохлова Елена Александровна, студентка историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Хэ Синь Син, магистрант Пензенского государственного университета (г. Сиань, Китай).

Чекмарёва Алёна Петровна, учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 59 г. Пензы (г. Пенза, Россия).

Чуракова Владислава Дмитриевна, магистрант Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Шатворян Марина Павловна, преподаватель кафедры русского языка для гуманитарных факультетов Ереванского государственного университета (г. Ереван, Армения).

Шиблева Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Журналистика» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Шириаков Роман Викторович, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Шувалов Иван Фёдорович, кандидат филологических наук, профессор кафедры «Журналистика» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

Щеголихина Татьяна Сергеевна, аспирант кафедры «Русский язык как иностранный» Пензенского государственного университета; учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 16 г. Пензы (г. Пенза, Россия).

Щепаккина Елена Анатольевна, учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ с углублённым изучением информатики № 68 г. Пензы (г. Пенза, Россия).

Яблонская Ольга Геннадьевна, магистр филологических наук, аспирант кафедры белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина (г. Мозырь, Беларусь).

Ярмухаметова Лейсан Фирдатовна, Российский исламский университет Центрального духовного управления мусульман России (г. Уфа, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

<i>Брутян Л. Г.</i> РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКА.....	3
<i>Харисов Ф. Ф.</i> ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОМ И ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	7
<i>Канакина Г. И.</i> РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	10
<i>Кураш С. Б., Сергей В. Н.</i> НЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ НА ФОНЕ ЕВРОПЕЙСКИХ (РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЫПОЛНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В МГПУ им. И. П. ШАМЯКИНА)	14
<i>Кормилицына М. А.</i> ВЛИЯНИЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ НА РЕЧЕВУЮ КУЛЬТУРУ ОБЩЕСТВА.....	19

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

<i>Айвазян М. Ц.</i> К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В АРМЕНИИ	24
<i>Акимова Э. Н.</i> ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В РФ	27
<i>Арутюнян В. Н.</i> ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ АРМЕНИИ.....	31
<i>Барабаш О. В.</i> НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОНФЛИКТА В ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ	35
<i>Милёхина Т. А.</i> ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ ИМИДЖ РОССИИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ	39
<i>Ожегова Е. Ю., Гусева Т. В., Фролова А. С.</i> ЯЗЫКОВАЯ ГИБРИДИЗАЦИЯ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ «НОВЫХ» ЯЗЫКОВ	43
<i>Просина Н. А.</i> РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ РКИ	46

<i>Ромашкевич В. Р.</i> ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ: МНОГОУРОВНЕВЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОБЛЕМЫ.....	49
<i>Смирнов П. Ю.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ ФЕНОМЕНА РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В РУСИСТИКЕ.....	51
<i>Харченко В. К.</i> НАУЧНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ: НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	56

РОДНОЙ ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА И СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

<i>Алфёрова А. С.</i> СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В. В. ЖИРИНОВСКОГО.....	61
<i>Аюпова Л. Л., Салихова Э. А.</i> РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭТНОЯЗЫКОВАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.....	63
<i>Волкова Н. И.</i> ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ ПРОТОПОПА АВВАКУМА (НА МАТЕРИАЛЕ «ЖИТИЯ ПРОТОПОПА АВВАКУМА, ИМ САМИМ НАПИСАННОГО»).....	68
<i>Ермолаева М. В.</i> НАРУШЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ НОРМ В РЕЧИ СОВРЕМЕННЫХ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН	72
<i>Есафьева О. О.</i> М. И. ЗАБЫЛИН КАК АВТОР КНИГИ «РУССКИЙ НАРОД. ЕГО ОБЫЧАИ, ОБРЯДЫ, ПРЕДАНИЯ, СУЕВЕРИЯ И ПОЭЗИЯ».....	74
<i>Комиссарова Т. Г.</i> ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТЕКСТЫ КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ДЕТСКОЙ РЕЧИ И ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.....	76
<i>Крылова И. А., Демирджи А.</i> ЛЕКСЕМЫ СЧАСТЬЕ И MUTLULUK В РУССКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ.....	78
<i>Максимова Н. Г.</i> КОНКУРС «СЛОВО ГОДА» КАК ИЛЛЮСТРАЦИЯ АКТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В ЛЕКСИКЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА	80
<i>Мартирян Н. И.</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОММУНИКАНТОВ В ДИАЛОГЕ	82
<i>Мойский А. Ч.</i> КАРТИНА МИРА БЕЛОРУСОВ В ПОЭЗИИ МАКСИМА ТАНКА.....	84

<i>Мясников А. Г.</i> О ЯЗЫКОВОМ СТЕРЕОТИПЕ «ОБЩЕЕ ВАЖНЕЕ ЛИЧНОГО»: ФИЛОСОФСКАЯ ДЕКОНСТРУКЦИЯ.....	88
<i>Павлова К. В.</i> АФОРИСТИКА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА: ТЕМАТИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ И ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА	90
<i>Пономарева Д. П.</i> ПРАЗДНИКИ В СИСТЕМЕ НОМИНАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА	92
<i>Пятачков Ю. С.</i> ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВА ЭМИЛИ ДИКИНСОН И МАРИИ БАШКИРЦЕВОЙ.....	94
<i>Сафрыгина А. С.</i> ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ В АФОРИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ АФОРИЗМОВ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ИСТОРИКОВ).....	99
<i>Семененко Н. Н.</i> ЦЕННОСТНАЯ ПАРЕМИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ СТЕРЕОТИПНО-ОЦЕНОЧНОГО ОСНОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА	101
<i>Сидоренко К. П.</i> БАСНИ И. А. КРЫЛОВА В ЦИТИРОВАНИИ И СЛОВАРЯХ	104
ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	
<hr/> <hr/>	
<i>Багдасарян А. Р., Дпирян М. Р.</i> ИЗУЧЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА В НАЦИОНАЛЬНОЙ АУДИТОРИИ	107
<i>Бобунова М. А.</i> НОВЫЕ СЛОВАРИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ.....	108
<i>Васильева Н. В.</i> ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ШКОЛЬНИКОВ	112
<i>Гац И. Ю.</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ШКОЛЬНОГО ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	115
<i>Грдзелян Р. Р.</i> РОЛЬ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В ПРОЦЕССЕ НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ	118
<i>Зинеева З. З., Телепень С. В.</i> О ЯЗЫКЕ ИСТОРИИ: СМЫСЛОВЫЕ АКЦЕНТЫ В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (БЕЛОРУССКИЙ ОПЫТ)	121

<i>Илюнина А. А.</i> СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОВРЕМЕННОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ	126
<i>Казгунова Я. А.</i> СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ У УЧАЩИХСЯ НАВЫКОВ АНАЛИЗА ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ «ПИСЕМ О ДОБРОМ И ПРЕКРАСНОМ» Д. С. ЛИХАЧЁВА).....	128
<i>Каменева О. В.</i> ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО ВНЕКЛАССНЫМ ЧТЕНИЕМ ШКОЛЬНИКОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ	130
<i>Каргина Т. Ю.</i> ИЗУЧЕНИЕ ЯВЛЕНИЙ ОМОНИМИИ И МНОГОЗНАЧНОСТИ В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА	132
<i>Кондратьева И. А.</i> ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРАЕВЕДЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА НА УРОКАХ И ВО ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ г. КАМЕНКИ).....	135
<i>Мишин А. П.</i> ИЗУЧЕНИЕ ПРОСТОГО ГЛАГОЛЬНОГО СКАЗУЕМОГО В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА	137
<i>Нурмухаметова А. Ш., Харисов Ф. Ф.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ТАТАРСКОМУ ЯЗЫКУ	138
<i>Пашиковская С. С.</i> СЛАГАЕМЫЕ УСПЕХА ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК РОДНОГО И РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО.....	141
<i>Пранцова Г. В.</i> ОРГАНИЗАЦИЯ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРОСТКОВ С УЧЁТОМ ИХ «МУЛЬТИМЕДИЙНОСТИ, ВИЗУАЛЬНОСТИ И БОЛТЛИВОСТИ»	146
<i>Тимофеева М. Н.</i> ВНЕКЛАССНАЯ РАБОТА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ, ПОСВЯЩЁННАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ НАСЛЕДИЮ В. И. ДАЛЯ.....	149
<i>Фролов К. С.</i> ВИЗАНТИЙСКИЙ ИСИХАЗМ И РУССКОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИИ РОССИИ XIV–XV вв. В РАБОТАХ И. Ф. МЕЙЕНДОРФА	152
<i>Харисова Ч. М.</i> РОЛЬ РОДНОГО ЯЗЫКА ПРИ ОБУЧЕНИИ НЕРОДНОМУ ЯЗЫКУ: ОРФОЭПИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	154
<i>Щеголихина Т. С.</i> РАЗВИТИЕ СЛУХОПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ НАВЫКОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭКСПЕРИМЕНТА).....	156

РОДНОЙ ЯЗЫК: ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ

<i>Алешина И. А.</i> ВАРИАНТНОСТЬ ОФЕНСКОГО ЯЗЫКА	161
<i>Баженов Н. Ю.</i> СЕМАНТИЧЕСКОЕ МИКРОПОЛЕ «СПЛЕТНИ» В РУССКИХ ГОВОРАХ.....	163
<i>Богомолова С. С.</i> РЕПРЕЗЕНТАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА.....	167
<i>Горохова Е. В.</i> КОНТРАСТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МУЖСКИХ И ЖЕНСКИХ ИМЁН ПО СЛОВАРЯМ	170
<i>Дуданова И. А.</i> ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ В ДРЕВНЕРУССКИЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ БЫЛИН ИЗ «КНИГИ О КИЕВСКИХ БОГАТЫРЯХ» В. П. АВЕНАРИУСА)	172
<i>Кезина С. В.</i> СЛОВО В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ.....	174
<i>Куляхтина И. О.</i> ИНФИНИТИВ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ БЫЛИН ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА).....	178
<i>Леснова И. Д.</i> ДИЛОГИЯ П. И. МЕЛЬНИКОВА (ПЕЧЕРСКОГО) «В ЛЕСАХ» И «НА ГОРАХ» КАК ИСТОЧНИК НАРОДНОЙ РЕЧИ	181
<i>Логина А. Д.</i> НИКНЕЙМЫ МУЖСКИЕ И ЖЕНСКИЕ	184
<i>Мартынова Н. А.</i> КОНЦЕПТ-ОБРАЗ БЫСТРОТЫ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ И НАРОДНОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПСКОВСКИХ СКАЗОК).....	189
<i>Перфилова М. Н.</i> НЕЯСНОСТЬ ЭТИМОЛОГИИ КАК ОДНА ИЗ ЭВЕНТУАЛЬНЫХ ПРИЧИН АРХАИЗАЦИИ ЦВЕТОВОЙ ЛЕКСИКИ	193
<i>Скобликова Е. С.</i> РОЛЬ ЛИНГВИСТОВ КУЙБЫШЕВА / САМАРЫ И ПЕНЗЫ В СОЗДАНИИ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО АТЛАСА РУССКОГО ЯЗЫКА АКАДЕМИИ НАУК И ОБОБЩАЮЩИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	196
<i>Чуракова В. Д.</i> КОНЦЕПТ «СЕРОЕ» В ГОВОРАХ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ «СЛОВАРЯ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ»).....	201
<i>Ширшаков Р. В.</i> ОСОБЕННОСТИ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ ГОВОРА СЕЛА ПОИМ БЕЛИНСКОГО РАЙОНА ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ.....	205

<i>Шувалов И. Ф.</i> О ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКЕ с. КАРДАВО ГОРОДИЩЕНСКОГО РАЙОНА ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО «РАССКАЗАМ О ПРИРОДЕ» А. Т. КОНДРАТЬЕВА).....	207
--	-----

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

<i>Ахраменко П. Е., Кураш С. Б.</i> БЕЗЛИЧНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА И ПОСТРОЕНИЯ ТЕКСТОВ-ПОВЕСТВОВАНИЙ.....	211
<i>Здоровенко Н. А.</i> ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ВИДО-ВРЕМЕННЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ ПРИ ОПИСАНИИ ПЕЙЗАЖА.....	217
<i>Касимова Г. К.</i> О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ В СТРУКТУРЕ МНОГОЗНАЧНЫХ ДЕВЕРБАТИВОВ И СУБСТАНТИВОВ.....	219
<i>Климас И. С.</i> О ДЕМОКРАТИЗАТОРЕ, ДЕНЕЖНОМ МЕШКЕ И ДОЛГОСТРОЕ (ЕДИНИЦЫ С ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНОЙ ОКРАСКОЙ В СОВРЕМЕННОМ ЛЕКСИКОНЕ).....	223
<i>Куприянова Н. С.</i> О СТРУКТУРЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ НОМИНАЦИЙ СМЕХА.....	226
<i>Михайлова Т. Д.</i> СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ СВЯЗКИ <i>БЫТЬ</i> ПРИ ПРЕДИКАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ.....	228
<i>Нефедова Я. Ю.</i> ИСКОННО РУССКАЯ ЛЕКСИКА КАК ИСТОЧНИК ТЕРМИНОЛОГИИ ИКОНОПИСАНИЯ.....	230
<i>Родионова И. Г.</i> ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА УСИЛЕНИЯ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ АНАЛИТИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ «КУДА (КУДА КАК) + КОМПАРАТИВ».....	232
<i>Самсонов Н. Б.</i> «НЕ ГОВОРИТЕ ОБО МНЕ В ТРЕТЬЕМ ЛИЦЕ!».....	235
<i>Сергеева А. В.</i> ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПАРНОЙ МОДАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНОЙ ЧАСТИЦЫ <i>НЕ...ЛИ</i> В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ РАЗНЫХ ВИДОВ.....	237
<i>Хэ Синь Син, Колюжко Т. В.</i> ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗГОВОРНО-БЫТОВЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....	240
<i>Яблонская О. Г.</i> ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ЗООНИМИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	242

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

<i>Болотская М. П.</i> О СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ЛИТЕРАТУРНО-РАЗГОВОРНОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ	245
<i>Вишнякова Р. Э.</i> СИНОНИМЫ В ПОЭМЕ Н. В. ГОГОЛЯ «МЁРТВЫЕ ДУШИ»	248
<i>Горланов Г. Е.</i> СЛОВО КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДЕТАЛЬ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ	251
<i>Гурина Н. М.</i> ИГРОВОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЖАНРА СЛОВАРЯ В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ	255
<i>Дубинкина О. В.</i> ПРОСТОРЕЧНО-РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА В РАССКАЗАХ В. М. ШУКШИНА	258
<i>Дьяченко Т. А.</i> ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИВОПИСЬ И ЖИВОПИСНОЕ СЛОВО МАСТЕРА (О ТВОРЧЕСТВЕ КУРСКОГО ПИСАТЕЛЯ Е. И. НОСОВА).....	260
<i>Дьяченко Ю. А., Дюмина Т. П.</i> ФИТОНИМИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ Е. И. НОСОВА).....	262
<i>Жарко О. А.</i> ПОРТРЕТНАЯ ФУНКЦИЯ КОЛОРАТИВОВ В ПОВЕСТИ А. И. КУПРИНА «ОЛЕСЯ».....	265
<i>Загарина С. И.</i> СТАРΟΣЛАВЯНИЗМЫ В РАННЕЙ И ПОЗДНЕЙ ЛИРИКЕ С. А. ЕСЕНИНА	268
<i>Исаева Е. О.</i> ЯЗЫК ДУХОВНЫХ СТИХОВ ИЕРОМОНАХА РОМАНА (МАТЮШИНА)	269
<i>Каткова К. А.</i> ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. И. ДАЛЯ.....	271
<i>Каюкова И. С.</i> НЕСОБСТВЕННО ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. П. ЧЕХОВА	274
<i>Королёва И. А.</i> ЭКЗОТИЗМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ч. АЙТМАТОВА).....	276
<i>Кривцова М. М.</i> ЛЕКСИКА ЦВЕТА В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»	279

<i>Кузьмич В. В.</i> ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАРОДИЯ КАК КВАЗИТЕКСТ.....	281
<i>Лянцевич Т. М.</i> ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ОБРАЗНО-СМЫСЛОВОЙ ФОКУС ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА СТИХОТВОРЕНИЙ Б. ПАСТЕРНАКА).....	286
<i>Мещерякова Л. А.</i> СТИЛИСТИЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ Ч. ДИККЕНСА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. И. КУПРИНА	290
<i>Сараева И. В.</i> АНТРОПОНИМЫ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОГО ОТНОШЕНИЯ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ»	292
<i>Тараскина В. В.</i> ВВОДНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА».....	295
<i>Татарина Т. И., Горбачук В. И.</i> НЕВЕРБАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПЕРСОНАЖА (ПО РОМАНУ М. А. ШОЛОХОВА «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА»).....	297
<i>Тимакова А. А.</i> ПОВТОРЯЕМОСТЬ МОТИВА ЛЮБВИ КАК ВЫРАЖЕНИЕ НРАВСТВЕННЫХ ИМПЕРАТИВОВ А. И. КУПРИНА.....	299
<i>Хохлова Е. А.</i> СРАВНЕНИЯ В ПОЭМЕ Н. В. ГОГОЛЯ «МЁРТВЫЕ ДУШИ».....	302
<i>Чекмарёва А. П.</i> ТЕКСТОВЫЕ ЗНАКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. П. ЧЕХОВА.....	304
<i>Щепакина Е. А.</i> ОБРАЗ ГЕРОЯ-«ЧУДИКА» В ПРОЗЕ В. М. ШУКШИНА	307

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА ГОРОДА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Байкулова А. Н.</i> ГОРОДСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ОБЩЕНИЕ НЕЗНАКОМЫХ.....	309
<i>Горелова Т. А.</i> ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОЙ ФУНКЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ГРАФФИТИ	313
<i>Грызункова В. В.</i> НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ТОПОНИМИКА: СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОРОДА КАМЕНКИ)	317
<i>Гурьянова Л. Б.</i> СВОЕОБРАЗИЕ МЕМОРИАЛЬНЫХ НАДПИСЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ г. ПЕНЗЫ).....	320

<i>Казьмина В. Ф.</i> АРТИОНИМЫ КАК ОСОБЫЙ ВИД ПРАГМОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ НАИМЕНОВАНИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПЕНЗЕНСКИХ ХУДОЖНИКОВ).....	325
<i>Морозов А. В.</i> ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ ГОРОДА КУЗНЕЦКА ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ	328
<i>Николина Н. А., Дозорова Д. В.</i> НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ УРБАНОНИМЫ-КОМПРЕССИВЫ В СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЕ	329
<i>Осадчая М. Н.</i> ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АВТОРСКИХ НОМИНАЦИЙ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ О. МАНДЕЛЬШТАМА.....	333
<i>Перепёлкина Л. П.</i> ЭПИСТОЛЯРНЫЕ ФОРМЫ ШКОЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА В РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДСКОГО ПОДРОСТКА	337
<i>Попова А. Р.</i> О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ ПОЛИСЕМИИ У ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ОТНОСЯЩИХСЯ К КОМПЬЮТЕРНОМУ ЖАРГОНУ	340
<i>Ярмухаметова Л. Ф.</i> ПОЛИФОНИЯ РЕЧЕВОЙ ЖИЗНИ ГОРОДА: ОПИСАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ФРАГМЕНТОВ НА ПРИМЕРАХ СИТУАЦИИ «ТРАНСПОРТ».....	344
ЯЗЫК СМИ И РЕКЛАМЫ	
<hr/>	
<i>Балахонская Л. В.</i> ВОЗДЕЙСТВУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ	349
<i>Беглова Е. И.</i> ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК ОБРАЗНОЕ СРЕДСТВО В ЗАГОЛОВКАХ СОВРЕМЕННОГО ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА	351
<i>Василенко А. П.</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА СТРУКТУРУ РЕКЛАМНОЙ ИНФОРМАЦИИ	354
<i>Камалетдинова Г. Х., Киселева Л. А.</i> ОБРАЗ СЕМЬИ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ 90-х ГОДОВ XX ВЕКА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	356
<i>Красильникова А. В.</i> ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО РЕПОРТАЖА.....	360
<i>Луннова М. Г.</i> ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ ЯЗЫКА БАНКОВСКИХ СЛОГАНОВ.....	362

<i>Нечаева О. В.</i> О НАРУШЕНИИ СВЯЗИ «ЗАГОЛОВОК – ТЕКСТ» В СОВРЕМЕННЫХ СМИ.....	364
<i>Преображенская Н. А.</i> МЕТАФОРА КАК СПОСОБ ОПИСАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ЯЗЫКА СМИ И РЕКЛАМЫ)	366
<i>Сергеева Е. В.</i> МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПРИЁМ ОБРАЗНОЙ ПОДАЧИ ИНФОРМАЦИИ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ.....	367
<i>Сердобинцева Е. Н.</i> ЖУРНАЛИСТСКИЙ ТЕКСТ В ФОРМАТЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	371
<i>Слуницына Н. В.</i> РОЛЬ ИМПЕРАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ТЕКСТАХ ДЕТСКИХ И ПОДРОСТКОВЫХ ЖУРНАЛОВ	373
<i>Шатворян М. П.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ РЕЧЕВОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ	377
<i>Шиблева Н. А.</i> ВИДЫ АРГУМЕНТОВ В ЖУРНАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ.....	379
<i>Бондалетов В. Д.</i> АРГО БЕЛОРУССКИХ РЕМЕСЛЕННИКОВ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ	382
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	384

Научное издание

**ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ВОПРОСЫ
ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Материалы Международной научно-практической
конференции

г. Пенза, 25–26 марта 2016 г.

Под редакцией
кандидата педагогических наук,
профессора **Канакиной** Галины Ивановны,
кандидата филологических наук, доцента
Родионовой Инессы Геннадьевны

Все материалы представлены в авторской редакции.

Компьютерная верстка *Р. Б. Бердниковой*
Дизайн обложки *А. А. Стаценко*

Подписано в печать 24.03.2016. Формат 60×84¹/₈.
Усл. печ. л. 46,73.
Заказ № 106.1. Тираж 200.

Издательство ПГУ
440026, Пенза, Красная, 40
Тел./факс: (8412) 56-47-33; e-mail: iic@pnzgu.ru